МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025 **№ 98**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences;
Merlin Aude, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Rumyantsev Peter P., PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**;**
Ryndina Olga M., Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University;
Troizkiy Eugeniy F., Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan);
Shilovsky Mikhail V., Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Антошин А.В. «Американский комитет за освобождение народов России» и переговоры о политическом объединении эмиграции из СССР в условиях Корейской войны 5
Галимзянова А.Т. «Не народный фольклор» в материалах экспедиций Н.М. Элиаш. 1946–1948 гг. 14
Демчик Е.В., Прибыткова К.П. Дифференциация заработной платы и проблемы мотивации труда в контексте решения ключевых задач индустриального освоения Западной Сибири в период первой пятилетки (1928–1932 гг.) 23
Долгова М.А. «Дама деликатная, может и обидеться»: экономические стратегии фрейлины Е.Н. Петрищевой во второй половине XIX в. 34
Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Водные преграды и маршруты приграничья Северо-Запада Русского государства в XVI – начале XVIII века 44
Нестеренко А.А. «Ужас берет при чтении главы отчета о сектантстве»: отношения власти и баптистов Томской губернии в 1905–1917 гг. 52
Осипенко С.В. Уложение как законодательная основа конституционных установлений в определении М.М. Сперанского 59
Полянская О.Н. Деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению монгольских народов. Я.П. Дуброва – миссионер и этнограф 66
Румянцев П.П. Государственные, научные и технические интересы жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью в XIX в. 77

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Готка А.И. Создание и реорганизация Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях (1945–1963 гг.) 85
Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 1: Восточная и Южная области / губернаторства 94
Хахалкина Е.В. Стратегии научно-технологического роста: опыт России и Великобритании 103

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мауль В.Я. Критика концепции «Крестьянских войн в России» в западной историографии 113
Михайлицина Е.А. Ведущие исследовательские подходы и языки описания колонизационных процессов в зарубежной историографии Сибири 121
Уйманов В.Н. Личные дела спецпереселенцев как исторический источник 127
Фадеева О.Р. Роль воспоминаний горожан в реконструкции истории города Ноябрьска 133
Филонова Е.А., Юматов К.В. Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории 141

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Antoshin A.V. “American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia” and negotiations on the political unification of emigration from the USSR in the context of the Korean War 5
Galimzyanova A.T. “Non-people's folklore” in the expeditions' materials of N.M. Eliash. 1946–1948 14
Demchik E.V., Pribytkova K.P. Differentiation of Wages and Problems of Labor Motivation in the Context of Solving Key Tasks of Industrial Development of Western Siberia During the First Five-Year Plan (1928–1932) 23
Dolgova M.A. “Lady is delicate, she may take offense”: economic strategies of lady-in-waiting E.N. Petrishcheva in the second half of the 19th century 34
Kolpakov M.Yu., Mikheev D.V. Water Barriers and Routes of the North-West Frontier of the Russian State in the 17th – early 18th Centuries 44
Nesterenko A.A. “Horror strikes when reading the chapter of the report on sectarianism”: relations between the government and the Baptists of the Tomsk province in 1905–1917 52
Osipenko S.V. The code as a legislative basis for constitutional provisions in the definition of M.M. Speransky 59
Polyanskaya O.N. Activities of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society in Studying the Mongolian Peoples. Ya.P. Dubrova – Missionary and Ethnographer 66
Rumyantsev P.P. State, scientific and technical interests of the gendarme supervision of the Siberian gold industry in the 19th century 77

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Gotka A.I. Formation and reorganization of the Committee on Information on Non-Self-Governing Territories (1945–1963) 85
Dudin P.N. National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 1: Eastern and Southern regions / governorships 94
Khakhalkina E.V. Strategies for scientific and technological growth: the experience of Russia and Great Britain 103

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Maul V.Ya. Criticism of the concept of “Peasant Wars in Russia” in Western historiography 113
Mikhaylitsina E.A. Leading approaches and frameworks in studying colonization processes in foreign historiography of Siberia 121
Ujmanov V.N. Identification record of “special settlers” as a historical source 127
Fadeeva O.R. The role of residents' memories in reconstructing the history of the city of Noyabrsk 133
Filonova E.A., Yumatov K.V. The Krasnaya Shoria newspaper as a source on the history of tourism development in Gornaya Shoria 141

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Иванов К.А., Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А. «Образ города» как фактор формирования миграционных мотиваций (на примере читинских мигрантов в Иркутске) 149
Идиатуллов А.К. Отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве: общие тренды и местная специфика (по материалам глубинных интервью) 158
Шуберт В.Д. Зороастризм как фактор формирования зороастрийской этноконфессиональной общности 168

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Ivanov K.A., Timoshkin D.O., Smetanin F.A. "The Image of the City" as a Factor in the Formation of Migration Motivations (using the Example of Chita Migrants in Irkutsk) 149
Idiatullov A.K. Relations between Orthodox and Muslims in the Tyumen region and Moscow: general trends and local specifics (based on in-depth interviews) 158
Schubert V.D. Zoroastrianism as a factor in the formation of the Zoroastrian ethno-confessional community 168

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Костерев А.Г. АСУ народным хозяйством Томской области: позднесоветская вузовская технократия в поисках выхода за рамки системных ограничений 173
Соловенко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П. Цифровизация как фактор энергетической безопасности России (рубеж XX–XXI вв.) 184

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kosterev A.G. Automated control system of the economy of Tomsk region: late Soviet university technocracy in search of a way out of the systemic limitations 173
Solovenko I.S., Rozhkov A.A., Pinzhin K.A., Zholbin A.P. Digitalization as a factor in Russia's energy security (turn of the 20th – 21st centuries) 184

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Харусь О.А. История российского либерализма в оптике «Муромцевских чтений» (2019–2024 гг.) 194
Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» (2025) 201

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Kharus O.A. The history of Russian liberalism through the lens of the "Muromtsev Readings" (2019–2024) 194
Fedosov E.A. Scientific conference "The Slavic World: Responding to New Challenges" (2025) 201

РЕЦЕНЗИИ

Шерстова Л.И. Историзм как базовый принцип российской этнологии. Рецензия на монографию Н.А. Томилова «Этническая история народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX в.» Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024 г. 282 с. 204
Толстов С.И. Рецензия: Нефёдов С.А. История Российской империи: факторный анализ. Ереван: Fortis Press, 2024. 610 с. 208

BOOK REVIEW

Sherstova L.I. Historicism as the basic principle for the Russian Ethnology. N.A. Tomilov "Siberian peoples ethnic history in works of second half of the XX Century". Novosibirsk: IAE SB RAS, 2024. 282 p. 204
Tolstov S.I. Nefedov S.A. Review: The History of Russian Empire: factor analysis. Yerevan: Fortis Press, 2024. 610 p. 208

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/98/1

«Американский комитет за освобождение народов России» и переговоры о политическом объединении эмиграции из СССР в условиях Корейской войны

Алексей Валерьевич Антошин

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, alex_antoshin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена инициированному «Американским комитетом за освобождение народов России» переговорному процессу о политическом объединении эмиграции из Советского Союза, который проходил в начале 1950-х гг. Исследование основано на материалах российских, американских и европейских архивов. Доказано, что ключевую роль в неудаче данных переговоров сыграл национальный вопрос, различия между позициями русских эмигрантов и группировок, представлявших различные республики СССР, по вопросу о будущем единого государства после крушения коммунистического режима.
Ключевые слова: холодная война, русская эмиграция, Американский комитет за освобождение народов России, Корейская война, радио «Свобода»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01705, проект «Интернационализация проблемы беженцев, “перемещенных лиц” и малых народов в условиях холодной войны», https://rscf.ru/project/22-28-01705/

Для цитирования: Антошин А.В. «Американский комитет за освобождение народов России» и переговоры о политическом объединении эмиграции из СССР в условиях Корейской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/98/1

Original article

“American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia” and negotiations on the political unification of emigration from the USSR in the context of the Korean War

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, alex_antoshin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the negotiation process initiated by the "American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia" on the political unification of emigration from the Soviet Union, which took place in the early 1950s. The article is based on materials from the State Archives of the Russian Federation (Moscow, Russia), the Archives of the Hoover Institution for War, Revolution and Peace (Stanford, USA), Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (New York, USA), Department of Special Collections, Georgetown University Library, the Archives of the International Institute of Social history (Amsterdam, the Netherlands). The main groups of historical sources used in this article are the minutes of meetings of emigrant forums, official statements of the American Committee and emigrant associations, personal correspondence of Russian emigrants, memoirs, periodicals. Considerable attention is paid to the ideological guidelines of the American Committee, its political goals, personnel and governing bodies. The reasons for the start of the negotiation process, the course of meetings in the West German cities of Füssen, Stuttgart and Wiesbaden and their results are analyzed. Particular attention is paid to the position of Ukrainian political organizations on the possibility of agreements with Russian emigrant groups. The conclusion is substantiated that the political elite of the United States was aimed at finding compromises between Russian emigration and political groups of immigrants from various republics of the Soviet Union. It is proved that the key role in the failure of these negotiations was played by the national question, the differences between the positions of Russian emigrants and groups representing various republics of the USSR on the issue of the future of a unified state after the collapse of the communist regime. At the same time, it is shown that the positions of political organizations representing various peoples of the USSR were also different. Some of them advocated a compromise with Russian emigrants to unite the efforts of anti-communist forces.

© А.В. Антошин, 2025

Keywords: Cold War, Russian emigrants, American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia, Korean War, Radio Liberty

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01705, the project "Internationalization of the problem of refugees, "displaced persons" and small peoples in the conditions of the Cold War", https://rscf.ru/project/22-28- 01705/

For citation: Antoshin, A.V. (2025) "American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia" and negotiations on the political unification of emigration from the USSR in the context of the Korean War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/98/1

Корейская война 1950–1953 гг. стала не только важным этапом в истории холодной войны, периодом резкого обострения международной напряженности. Она была и временем активизации деятельности в русской эмигрантской среде разнообразных американских фондов и неправительственных организаций, нередко связанных со спецслужбами. Обстоятельный анализ этой проблемы содержится, в частности, в монографии известного американского историка Бенджамена Тромли [1]. Некоторые аспекты данной темы были представлены также в исследованиях российских историков М.Н. Назарова [2], П.Н. Базанова [3], Е.Г. Пивоварова [4] и др. Вместе с тем все еще существует немало сюжетов, которые требуют дополнительного изучения. В данной статье предпринята попытка «пролить свет» на некоторые вопросы, опираясь на документы Государственного архива Российской Федерации (Москва, Россия), архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), архива Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды).

Переговоры о политическом объединении эмиграции из Советского Союза были инициированы в начале 1950-х гг. «Американским комитетом за освобождение народов России», в состав которого первоначально вошли И. Дон Левин (автор одной из первых биографий И.В. Сталина, изданных на Западе), Ю. Лайонс, Р. Таунсенд, У. Чемберлин, Ч. Эдисон, У. Эллиотт, А. Гровер, У. Уайт, Дж. Митчелл. Среди этих людей были известные эксперты по российским делам, американские советологи. В мае 1951 г., объясняя необходимость создания данной структуры, член комитета бывший губернатор штата Нью-Джерси Ч. Эдисон (сын знаменитого изобретателя Т. Эдисона) заявил: «Свержение советского режима русскими людьми стало бы лучшей новостью столетий. Но только сами народы России, первые и величайшие жертвы коммунистической тирании, могут сделать это… Члены нашего комитета все изучали Россию и коммунизм; несколько человек жили длительное время под серпом и молотом как корреспонденты американской прессы. Мы глубоко убеждены, что американцы не имеют противоречий с народами России, но только с советской диктатурой, что эти народы решительно оппозиционны кремлевскому режиму, что фундаментальные интересы американского и русского народов взаимосвязаны» [5].

За время существования комитета в его составе происходили персональные изменения. Так, председателями Американского комитета впоследствии становились адмирал А. Кэрк и вице-адмирал Л. Стивенс [6]. Безусловно, эти назначения были обусловлены не только принадлежностью данных фигур к военной элите США: известно, что, например, Л. Стивенс в 1947–1949 гг. являлся морским атташе при Посольстве США в Москве, владел русским языком, имел определенные познания в русской литературе. Вместе с тем не эти фигуры занимались оперативной деятельностью Американского комитета. Хорошо знавший реальную ситуацию старый эсер В.М. Зензинов, в частности, считал, что назначение А. Кэрка ничего особенного не означает: это «свадебный генерал, который понимает в русских делах столько же, сколько его жена». В.М. Зензинов подчеркивал, что главными деятелями Американского комитета, несмотря на периодические смены официальных руководителей этой структуры, являлись выходцы из России Юджин (Евгений) Лайонс и Исаак Дон Левин [7].

Американцы были заинтересованы в создании единого политического центра эмигрантов из Советского Союза. Этому центру они обещали передать в распоряжение мощное средство идеологического воздействия – радиостанцию с базой в ФРГ. Следует учесть то обстоятельство, что американцы финансировали как сам переговорный процесс, так и созданную в результате консультаций эмигрантских организаций структуру – Совет освобождения народов России [8]. При этом, как показывают исторические источники (в частности, материалы американской прессы), идеологические критерии играли важнейшую роль при отборе организаций, которые должны были участвовать в данном объединении. Так, например, в августе 1951 г. «Нью-Йорк таймс» прямо заявляла: «Верится, что центр включит в свой состав как можно более широкий круг демократически ориентированных организаций» [9].

Тем не менее американцам с большим трудом удалось посадить различные эмигрантские группировки за стол переговоров. Даже в среде русских эмигрантов найти компромисс оказалось непросто. Об этом свидетельствовал уже первый крупный общеэмигрантский форум тех лет – совещание в Фюссене (январь 1951 г.). Характерно, что оно было созвано одним из наиболее авторитетных лидеров так называемых власовцев – бывшим начальником канцелярии генерала А.А. Власова полковником К.Г. Кромиади. Именно он председательствовал на данном совещании, которое объявлялось «неформальным частным обсуждением предложений Американского частного комитета» [10. Л. 3]. Таким образом, Фюссенское совещание как бы симво-

лизировало ведущую роль власовцев в антикоммунистической борьбе русской эмиграции этих лет.

Поэтому неслучайно, что весьма активны были в ходе данного совещания деятели власовского Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), идея создания которого, если верить воспоминаниям офицера РОА Ф.М. Легостаева, была высказана еще в феврале 1945 г. на совещании у генерала А.А. Власова в Карлсбаде [11. С. 88]. С ними в этот период тесно сотрудничали лидеры Лиги борьбы за народную свободу (ЛБНС), которая стала наиболее известной попыткой социалистических и либеральных вождей старой эмиграции вовлечь в свою политическую орбиту новых эмигрантов из СССР. Инициаторами создания Лиги стали известные эсеры и меньшевики Р.А. Абрамович, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Б.И. Николаевский, В.М. Чернов и др. [12]. Лидеры этих двух групп подписали общую декларацию по ключевому вопросу переговорного процесса – национальному. Данный документ предполагал, что после свержения большевизма в России должен пройти плебисцит под контролем ООН о судьбе союзного государства. Исключение делалось лишь для стран, присоединенных к Советскому Союзу в 1939–1940 гг.: их суверенитет автоматически восстанавливался [13. С. 151].

Главными оппонентами ЛБНС и СБОНР выступали деятели Национально-трудового союза (НТС), представленные в Фюссене Е.Р. Романовым и В.М. Байдалаковым. Разногласия между двумя частями совещания наблюдались, прежде всего, в национальном вопросе и в «принципах построения исполнительного органа будущего Политического центра» [10. Л. 6]. При этом противоречия были столь серьезны, что организовать совместное обсуждение вопросов фактически не получилось. Вся работа велась в «комнатах отдельных делегаций», протокол ее не составлялся. Когда 21 января 1951 г. была предпринята попытка все-таки организовать ведение протокола, то это «оказалось практически немыслимым», поскольку дискуссия быстро приобрела слишком «оживленные» формы [10. Л. 6]. В итоге делегация НТС даже покинула зал заседаний.

Итоговый документ Фюссенского совещания был подписан только делегациями ЛБНС, СБОНР и Союза борьбы за свободу России (его лидером был известный историк С.П. Мельгунов). Впрочем, этот документ лишь констатировал, что русским эмигрантским организациям было необходимо обсудить ряд вопросов с Американским комитетом. Именно поэтому сразу после совещания один из ключевых его участников, известный меньшевик историк Б.И. Николаевский, срочно вылетел в США.

Большинство эмигрантских аналитиков, оценивая результаты Фюссенского совещания, характеризовали его как неудачу. Так, Р.А. Абрамович, заявляя, что «Фюссен сорвался», полагал, что это совещание было «попыткой под фальшивым флагом “демократического блока” создать порочную и внутренне противоречивую тесную коалицию демократов, причесавшихся монархистов, НТС и разнородных правых элементов (Кромиади)» [14. С. 184].

В том, что Фюссен закончился фиаско, не сомневался и другой известный меньшевик советолог Д.Ю. Далин. Пытаясь понять причины этого, он обратил внимание на одно важное обстоятельство. Д.Ю. Далин подчеркивал, что русские эмигрантские группировки реально мало интересовали американскую общественность, поэтому контакты с ними были «отданы на откуп» отдельным сотрудникам военных и разведывательных структур США и связанным с ними общественным организациям наподобие Американского комитета. Фактически над данными людьми и структурами не было государственного и общественного контроля, что порождало некомпетентность [15]. По мнению старого меньшевика, именно Американский комитет, стремившийся не к образованию авторитетного эмигрантского политического центра, а к «подбору угодных личностей и групп, готовых подчиниться его указаниям», и нес основную ответственность за фиаско в Фюссене [15].

Тем не менее переговорный процесс был продолжен на конференции в Штутгарте, состоявшейся в августе 1951 г. Решающая роль на данном форуме уже открыто принадлежала Американскому комитету: характерно, что совещание было открыто И. Дон Левиным. Он в своем вступительном слове признал, что комитет нес долю ответственности за неудачу Фюссенского совещания. При этом И. Дон Левин открыто обозначил и симпатии американских инициаторов проекта к определенным политическим силам среди русской эмиграции, выразив приветствие участнику Штутгартского совещания А.Ф. Керенскому как «символу тех коротких месяцев, тех медовых месяцев – месяцев русской свободы, русской демократии, русской народности» [16].

В конечном итоге на совещании было решено создать Совет освобождения народов России (СОНР). Бесспорно, разным силам в данном случае пришлось пойти на определенные компромиссы. Американский комитет изначально был против термина «Россия» в названии общеэмигрантского органа вследствие справедливого опасения, что представители националистических эмигрантских организаций республик СССР не согласятся на такой вариант. С другой стороны, политическая платформа СОНР, принятая в Штутгарте, была явно в демократическом духе. Характерно, что она содержала ссылки на Февраль 1917 г. и Учредительное собрание, хотя, например, один из лидеров НТС А.Н. Артемов выступал против этого [16. Л. 23]. Однако, по мнению Б.И. Николаевского, именно Февраль ассоциировался с демократическими ценностями [16. Л. 23]. При этом старый меньшевик подчеркивал, что в данном случае Февраль был именно символом: «В Феврале очень много слабых сторон, и никто не защищает тот конкретный Февраль, который был у нас в истории» [16. Л. 23]. Кроме того, в итоговом тексте платформы заявлялось о недопущении в состав Совета сил, которые стремились к «реставрации дореволюционного строя» или «установлению той или иной формы тоталитарной диктатуры» [17].

Впрочем, ключевой пункт – решение национального вопроса – был представлен в платформе в компро-

миссном ключе. С одной стороны, за народами Советского Союза признавалось право на самоопределение. С другой стороны, авторы платформы СОНР выступили против распада России, за ее федеративное устройство, заявляли о невозможности сотрудничества с теми, кто пропагандировал «национальную ненависть» [17].

Безусловно, лидеры национальных группировок живо интересовались решениями Штутгартского совещания. Характерно, что один из лидеров латвийской социал-демократии Б. Калныньш обращался к В.М. Зензинову за разъяснениями по поводу позиции русских эмигрантских группировок в вопросе о статусе республик Прибалтики после крушения коммунизма в СССР [18]. Старый эсер процитировал в ответ один из пунктов платформы Штутгартского совещания, который предусматривал «пересмотр всех территориальных захватов, произведенных диктатурой за период последней войны» [19]. Платформа автоматически восстанавливала государственный суверенитет стран, присоединенных к СССР в начальный период Второй мировой войны.

Решающим этапом переговорного процесса стало совещание в западногерманском Висбадене, состоявшееся в ноябре 1951 г. На нем Американский комитет поставил задачу наконец-то посадить за стол переговоров демократов и правоцентристов из числа русских эмигрантов и ряд национальных группировок. Эта задача была заведомо непростой, подготовка совещания проходила в тяжелой атмосфере. У лидеров Лиги борьбы за народную свободу вызывали резкое отторжение многие заявления, делавшиеся украинскими националистами. Так, исключительно жестко высказывался по этому поводу осенью 1951 г. В.М. Зензинов: «Это все галицийщина или розенберговщина, очень вредные, потому что они отравляют умы национальностей, попавших заграницу» [20]. В письме Л.И. Львову он рассказывал о том, как ему довелось в ходе переговоров общаться с одним туркменом, «ни за что не хотевшим ничего слышать о “России” и настаивавшем на употреблении термина “Советский Союз”, понимая под этим “временное зло”». «Вот такие люди, – подчеркивал старый эсер, – и создают в нашей среде великодержавцев и империалистов. Они просто шовинисты и никак не хотят, чтобы русские люди относились к своему русскому народу, как, скажем, те же туркмены к Туркмении» [20].

Следует подчеркнуть: не стоит огульно обвинять лидеров российской демократической эмиграции в «предательстве» интересов России, «продаже» ее территорий и т.д. Даже те, кто в глазах правомонархической эмиграции были главными пособниками сепаратистов – старые меньшевики, в прессе не раз выступали против радикализма националистов. Так, Р.А. Абрамович полагал, что не учредительные собрания отдельных республик, а лишь всенародное голосование под контролем ООН должно было решать судьбу союзного государства после крушения коммунизма [21. С. 158]. С.М. Шварц предупреждал, что реальной независимости республик бывшего СССР не будет: они превратятся в «форпосты – фактически орудия – какой-либо великой державы или коалиции держав, враждебной России» [22. С. 127].

Требование немедленного провозглашения независимости республик бывшего СССР после падения коммунизма категорически не устраивало многих русских эмигрантских политиков, в том числе принадлежавших к демократическому лагерю. Известный писатель М.А. Алданов был, например, поражен тем, что А.Ф. Керенский вообще был готов обсуждать подобные варианты. «Пять лет тому назад, после победы, – писал М.А. Алданов В.А. Маклакову в 1951 г., – он в частных разговорах одобрял и приветствовал все территориальные приобретения советского правительства. Таким образом, тогда ему были нужны Константинополь и Кенигсберг, где никто ни одного русского слова не знает. Теперь же он “согласен” на отделение Киева, Харькова, Баку, Тифлиса, быть может, и Сибири (сепаратистское движение можно создать где угодно)! Это бывший глава русского правительства! … Теперь, конечно, его согласию грош цена. Но в свое время этот вексель будет ему показан… Незачем себя спрашивать, почему, зачем и для чего (или для кого) это сделано теперь: ответ достаточно ясен» [23].

Однако никакие компромиссы не помогли наладить диалог с радикальными националистами. Национальные группы были представлены на совещании с русскими эмигрантами в усеченном виде: крайние националисты вообще не приехали в Висбаден. Так, в совещании не участвовала ни одна украинская группировка, Азербайджан, по словам А.Ф. Керенского, представляли так называемые «азербайджанцы русской ориентации» [24] и т.д.

Однако даже эти, казалось бы, настроенные на диалог с русскими демократами националисты не смогли найти с ними общий язык. Совещание (вновь открытое И. Дон Левиным, что демонстрировало ключевую роль американцев как инициаторов данного проекта) прошло в постоянных спорах. А.Ф. Керенский попытался поставить «националов» перед фактом, заявив, что платформа Штутгартского совещания – это не проект, а «тот статут, который предлагается сегодня всем присутствующим как база нашей работы» [24. Л. 19]. Однако это не помогло.

Разногласия между русскими эмигрантскими организациями и националистами носили комплексный характер. Дело, конечно, было не только в том, что слово «Россия» в названии проектируемого СОНР решительно не устраивало национальные группы. Проблема коренилась гораздо глубже: российские демократы предлагали дать народам право на самоопределение и выход из состава федерации, на что представитель Белорусской народной рады Б. Рагуля тут же парировал: «Но ведь федерации еще нет!» [24. Л. 77]. Если для русских организаций территория СССР по умолчанию была неким геополитическим целым, то лидеры националистов так не считали. Характерна в этом плане предложенная грузинской делегацией резолюция: «Свободные народы, существовавшие как суверенные государства с международным признанием и павшие жертвой военной власти, автоматически восстанавливают свою суверенность после ликвидации советского режима» [24. Л. 115].

При этом националисты начали даже ссылаться на опыт СССР, заявляя, что многое в советском наследии

нельзя было уничтожать. Так, представитель Азербайджанского совета национального единства Д. Хаджибейли заявил, что он и его соратники против возвращения к 1917 г.: «Это нас абсолютно не устраивает» [24. Л. 50]. По его словам, в СССР народы уже получили автономию, международное представительство и т.д., и от этого они не откажутся. Такое удивительное для антикоммунистов заявление шокировало Б.И. Николаевского, который призвал не ссылаться на советскую Конституцию: «Формальное провозглашение самоопределения народов без уточнения ничего не дает» [24. Л. 53].

В этих условиях призывом к примирению прозвучало выступление представителя Северокавказского антибольшевистского национального объединения (СкАНО) известного впоследствии советолога А.Г. Авторханова: «У нас всех враг один… Господа русские, если вы сделаете нам некоторые уступки, я не сомневаюсь, что весь наш национальный тыл будет также единым органом борьбы» [24. Л. 66]. Этой линии лидеры СкАНО придерживались и в заявлениях в прессе. Выступая за единый антикоммунистический фронт, они подчеркивали: «У нас, у кавказцев, есть два врага: наш старый враг – империализм, и враг всего человечества – большевизм. Однако на развалинах царского империализма выросла чудовищная система народоистребления, которая может быть уничтожена только единым фронтом этих народов» [25].

Тем не менее два дня совещания не дали никаких позитивных результатов, что было констатировано в выступлении белоруса Б. Рагули. При этом всю вину за срыв соглашения он возлагал на правоцентристов С.П. Мельгунова и А.Ф. Керенского, прямо указав: «Я думаю, что в русской среде есть элементы прогрессивные, которые пойдут с нами на общую работу» [24. Л. 90].

Безусловно, в данном случае Б. Рагуля намекал на Лигу и СБОНР. Однако нельзя сказать, что последние были целиком на стороне националистов. Б.И. Николаевский, например, стремился быть именно посредником, наладить диалог с обеими сторонами. Становиться полностью на точку зрения национальных группировок он не собирался, о чем прямо и заявил им: «Сговориться с нами вам тоже не будет очень легко, потому что ни СБОНР, ни мы не можем признать разделения теперешней России на бесконечное количество независимых национальных республик» [24. Л. 91]. Впрочем, от выражения «народы России» в названии единого органа он был отказаться готов, заменив его на приемлемый для национальных групп термин «народы Советского Союза» [24. Л. 143]. Бесспорно, для многих русских эмигрантов это выглядело кощунством, отказ Б.И. Николаевского от понятия «Россия» звучал символически.

Лидеры демократической эмиграции полагали, что в данном вопросе следует идти на определенные компромиссы с националистами, во всяком случае признать за народами СССР право на самоопределение. При этом Д.Ю. Далин, например, полагал, что в реальности этот вопрос не столь судьбоносен, как кажется: после крушения коммунизма бывшие республики СССР очень быстро осознали бы необходимость взаимодействия с Россией, формирования новых интеграционных объединений [26].

В общем, конечно, назвать успешными итоги Висбаденского совещания было трудно. Тем не менее меньшевик С.М. Шварц высказывал осторожный оптимизм, полагая, что «создана по крайней мере почва для дальнейших переговоров» [27. С. 231]. При этом он выражал желание идти навстречу пожеланиям национальных групп, полагая, что они правы: возлагать решение вопроса о будущем союзного государства на Всероссийское Учредительное собрание некорректно, поскольку это означает отказать различным народам в праве самостоятельно решать свою судьбу [27. С. 231].

Расхожие обвинения в том, что идеи о расчленении посткоммунистической России исходили от американцев, решительно парировались последними. Именно тезис о том, что лидеры Американского комитета являются друзьями России и русских эмигрантов, был краеугольным в его пропагандистской деятельности. Характерно, например, выступление Ю. Лайонса на заседании Бюро Совета ЛБНС 4 февраля 1952 г.: «Американский комитет является вообще единственной общественно-политической группой во всем демократическом мире, которая стоит на столь благожелательной позиции в русском вопросе. За его пределами и в США, и в особенности в других странах господствует не только полное равнодушие, но и яркая враждебность идее сохранения единства России в любой форме» [28]. Таким образом, Ю. Лайонс пытался доказать своим партнерам – русским эмигрантам, что он и его коллеги по Американскому комитету делали все, от них зависящее, чтобы отстаивать в Западном мире идею единой России.

Интересно мнение сына Д.Ю. Далина, впоследствии известного американского советолога А.Д. Далина, полагавшего, что американцы в «русском вопросе» «весьма наивны», но они во многом руководствовались советами британцев – давних противников России. С последними же сотрудничали различные немецкие специалисты по России – «главным образом высшие чиновники розенберговского министерства» [29].

Безусловно, позиция американцев во многом формировалась на основе представлений об особой миссии Америки как гаранта свободы и демократии во всем мире. Об этом очень четко заявил адмирал А. Кэрк на устроенном Толстовским фондом «Обеде свободы» весной 1952 г.: «Америка – это символ Свободы и Справедливости в мире, страдающем от деспотизма, нищеты и угрозы новой мировой войны» [30].

При этом не стоит и «демонизировать» американских консультантов переговорного процесса, видеть, как это было нередко свойственно эмигрантским политикам, именно в американцах виновников провала этой идеи. Характерно, что не участвовавший в переговорах, подчеркнуто отстраненный от эмигрантской политики М.А. Алданов был, на наш взгляд, гораздо более взвешенным в оценках этого вопроса. В 1954 г. в письме В.А. Маклакову он подчеркивал: «Я знаю и дон Девина, и Лайонса. Они не “аферисты”, хотя, ко-

нечно, искали в деле и большого заработка». Русский писатель указывал, что американцы во многом действительно были движимы идейными соображениями: «Дон Левин был врагом коммунистов всегда. Лайонс был близок к коммунистам, но давным-давно с ними порвал и тоже стал ожесточенным врагом» [31]. Иными словами, эти люди искренне стремились к созданию серьезного антикоммунистического эмигрантского центра, используя для этой цели потенциал эмигрантов из России и СССР.

Долгое время эмигранты полагали, что многое из того, что в ходе переговорного процесса вызывало у них отторжение, связано с особенностями личности И. Дон Левина. Однако постепенно им становилось ясно, что это не так. В декабре 1951 г. В.М. Зензинов указывал в письме Я.В. Буданову: «Мы, увы, были в Мюнхене во власти иллюзий, когда выражали надежду, что упражнения над нами Дон Левина были его личной импровизацией. Нет – такова позиция всего Американского комитета, продиктованная ему, несомненно, из Вашингтона… Конечно, никто не знает, откуда это идет – от Эчисона (имеется в виду Д. Ачесон. – *А.А.*), Кеннана или Бедел Смита. Всего вернее, конечно, что от последнего» [32]. Фактически о том же он писал и Тер-Погосянам: «Нет, это не импровизация Дон Левина… Это Вашингтон. Но кто в Вашингтоне – вот вопрос. Разведка во главе с Бедел Смитом? Эчисон? Какой-либо еще другой министр (например, министр обороны Ловетт)? Может быть, и тот, и другой, и третий. Нелепость американской политики заключается в том, что из Вашингтона могут одновременно дергать за совершенно разные ниточки! Невероятно, но факт. Америка – “молодая страна”» [33].

Интересна, на наш взгляд, оценка американских консультантов проекта, сделанная Б.И. Николаевским. Сам опытнейший политик, он, возможно, не без основания обвинял некоторых американцев в политической наивности, недостаточном знании специфики русской эмигрантской политики. Осенью 1954 г. он напишет П.А. Берлину: «Все молодые американцы, сидящие над русскими вопросами, славные парни и искренние демократы. Исключения совсем редки. Но все они – “простодушные американцы”, которых вертит вокруг пальцев наша российская шпана…» [34].

В целом, безусловно, на переговорах вокруг политического объединения эмиграции существовал целый клубок противоречий. Очень характерно замечание В.М. Зензинова в одном из писем Я.В. Буданову: «Боже мой, Боже мой – сколько кругом мутной воды!» [35]. Внутри самих русских эмигрантских организаций не было единства, причем переговорный процесс стал дополнительным катализатором дезинтеграционных процессов. К сожалению, русские демократы традиционно не могли прийти к компромиссам. Интеллигентские конфликты и скандалы разрушали участников переговоров изнутри. «Всюду расколы, скандалы, много грязи, все разделились – каждый, мне кажется, на три половинки…» [33], – так характеризовал ситуацию В.М. Зензинов.

Хрупкое соглашение, которого удалось достичь в Висбадене, очень быстро стало разрушаться. Возникший в октябре 1952 г. Координационный центр антибольшевистской борьбы (КЦАБ) оказался весьма непрочным. Переименованный позднее в Координационный центр освобождения народов России (КЦОНР), он довольно быстро вступил в полосу организационных кризисов.

Ситуация осложнялась еще и тем, что на рубеже 1952–1953 гг. произошла смена президентской администрации в США. Зачастую этот факт ускользал от внимания связанных с переговорами русских эмигрантов (как часто забывается и современными исследователями данной темы), однако он играл немалую роль. Проект Американского комитета возник в условиях демократической администрации Г. Трумэна, являлся детищем некоторых ее видных чиновников. Какова будет линия пришедших к власти республиканцев, никто не знал. В январе 1953 г. А.М. Бургина встретила одного из украинских эмигрантских политиков, настроенного на диалог с русскими группировками. По словам А.М. Бургиной, этот человек посоветовал ей передать Б.И. Николаевскому, «чтобы вы на Американский комитет не оглядывались, ибо они теперь в связи с переменой администрации никакой политики не имеют» [36].

Эти события происходили на фоне активизации деятельности «националов». В марте 1953 г. в Париже собрались представители Армянской демократической республики, Белорусской Рады, правительства Грузинской демократической республики и Грузинского национального совета, Исполкома Украинского национального совета, а также делегации Азербайджана и Северокавказской республики. Они предложили Американскому комитету вести переговоры с их блоком отдельно от русских организаций [37]. Это нанесло сильнейший удар по проекту единого антибольшевистского центра народов СССР.

Активизация националистов привела к новому кризису в переговорном процессе и трансформациям КЦАБ. Летом 1953 г., после выхода из объединенной структуры правоцентристских Союза борьбы за свободу России и Российского народного движения (РНД), новым председателем КЦАБ стал известный деятель левого крыла СБОНР К.А. Крылов, его заместителем – другой левый власовец П.П. Кружин [38]. Как пишет П.Н. Базанов, формирование так называемого «Парижского блока» Лиги борьбы за народную свободу и левого крыла СБОНР привело к их союзу с национально-сепаратистскими организациями, который был оформлен в июле 1953 г. в виде Межнационального антибольшевистского координационного центра (МАКЦ) [3. С. 291].

При этом следует учитывать, что переговоры вокруг создания единого эмигрантского политического центра неслучайно совпали с периодом Корейской войны 1950–1953 гг. Это была одна из высших точек холодной войны, когда США стремились мобилизовать все силы, способные противостоять СССР и его союзникам. Исключительно важной вехой в переговорном процессе, бесспорно, стала смерть И.В. Сталина. Надежды на перемены в политике Кремля привели к тому, что американская политическая элита несколько изменила тактику идеологической борьбы против

СССР. Перемирие в Корее было одним из ключевых символов снижения международной напряженности. Финансирование многих проектов эпохи Корейской войны было сокращено. Для русских антикоммунистов это был тяжелый удар. Уже в 1953 г. такой весьма информированный человек, как Д.Ю. Далин, писал об этом Л.О. Дан: «После того как Американский комитет закрыл кран, в пруду осталось еще столько живительной воды, сколько нужно, чтобы прожить 3–4–5 месяцев; другими словами, от прежних “подливок” в кассах всех партий еще есть по несколько тысяч марок, и они строят грандиозные планы массовых митингов в эмигрантских столицах, газет, воззваний и пр. Втайне все надеются (и говорят об этом втихомолку), что Американский комитет переложит гнев на милость и признает их комбинацию достойной поддержки» [39].

На этом фоне происходили последние конвульсии объединительного процесса в эмигрантской среде, инициированного Американским комитетом. В 1954 г. ряд радикальных групп националистов создал отдельную структуру – Лигу антибольшевистских организаций народов Советского Союза (ЛАОНСС). Еще более четко обнаружился кризис КЦОНР, из которого к лету 1955 г. вышли Союз борьбы за свободу России и НТС [40]. По замечанию П.Н. Базанова, сотрудничество деятелей Лиги борьбы за народную свободу с украинскими националистами, «которых члены ЛБНС ранее обоснованно обвиняли в соучастии в массовых убийствах еврейского, русского и польского населения СССР и стран Восточной Европы, привело их к полной компрометации среди русской и еврейской диаспор» [3. С. 291]. Результатом этого было прекращение существования Лиги в середине 1950-х гг. Фактически это означало и конец идеи политического объединения эмиграции, в которую так много сил вложила старая русская демократия.

Таким образом, анализ исторических источников показывает, что именно вопрос о будущем единого государства после крушения коммунистического режима в СССР оказался своеобразным «камнем преткновения» на переговорах о политическом объединении эмиграции. Несмотря на все усилия Американского комитета, достичь компромисса не удалось: русские эмигранты так и не смогли наладить конструктивный диалог с националистическими группировками, представлявшими различные народы СССР.

Список источников

1. Tromly B. Cold War Exiles and the CIA. Oxford: Oxford University Press, 2019. 352 p.
2. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь : Кавказский край, 1992. 416 с.
3. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд. СПб. : СПбГУКИ, 2008. 468 с.
4. Pivovarov E. The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division in the Library of Congress // Journal of American Ethnic History. 2003. Vol. 23 (1). P. 85–92.
5. American Aid to the Kremlin`s Russian enemies // Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). Robert F. Kelley papers. Box 5. Folder 1.
6. American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia. 11.02.1952 // GUL. SC. Robert F. Kelley papers. Box 5. Folder 1.
7. В.М. Зензинов – Тер-Погосянам. 05.03.1952 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.
8. В.М. Зензинов – М.М. Тер-Погосяну. 21.11.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951-1952). Correspondence. N–R”.
9. Schwartz H. Refugees mapping Anti-Stalin fight // New York Times. 1951. Aug. 12.
10. Протокол совещания в Фюссене в январе 1951 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 1. Д. 842. Л. 3–10.
11. Легостаев Ф.М. Как это было: у истоков СБОНРа // В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции / под общ. ред. А. В. Попова. М. : РГГУ, 1997. С. 86–95.
12. Лига борьбы за народную свободу // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.
13. Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 8. С. 150–151.
14. Абрамович Р.А. Фюссен и Штутгарт // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 9-10. С. 183–184.
15. Далин Д.Ю. Фиаско // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1951. 27 мая.
16. Протокол совещания в Штутгарте. 1951 // ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 870. Л. 2–30.
17. Возрождение (Париж). 1951. № 6. С. 175–182.
18. Б. Калныньш – В.М. Зензинову. 15.09.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.
19. В.М. Зензинов – Б. Калныньшу. 20.09.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.
20. В.М. Зензинов – Л.И. Львову. 04.10.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. L–M”.
21. Абрамович Р. К национальному вопросу в России // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1950. № 8-9. С. 157–158.
22. Шварц С. М. К национальному вопросу в России // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 6-7. С. 125–127.
23. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 26.09.1951 // Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1951”.
24. Протокол совещания в Висбадене. 1951 // ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 881. Л. 10–140.
25. Свободный Кавказ (Мюнхен). 1951. № 1. С. 1.
26. Далин Д.Ю. Национальный сумбур // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1952. 29 июля.
27. Шварц С.М. После Висбадена // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1951. № 12. С. 230–231.
28. Протокол заседания Бюро Совета Лиги. 04.02.1952 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu”.
29. А.Д. Далин – В.М. Зензинову. 24.04.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2”.
30. Америка и всемирная свобода // Новое русское слово (Нью Йорк). 1952. 8 мая.
31. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 04.10.1954 // HIA. Vasilii Maklakov papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1954”.
32. В.М. Зензинов – Я.В. Буданову. 18.12.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C”.

33. В.М. Зензинов – Тер-Погосянам. 20.12.1951 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R”.
34. Б.И. Николаевский – П.А. Берлину. 20.10.1954 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 473. Folder 1.
35. В.М. Зензинов – Я.В. Буданову. 03.02.1952 // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C”.
36. А.М. Бургина – Б.И. Николаевскому. 19.01.1953 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 475. Folder 4.
37. Меморандум об усилении борьбы против большевизма. Март 1953 г. // BAR. Vladimir M. Zenzinov papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 3”.
38. Народная воля (Мюнхен). 1953. 17 июля.
39. Д.Ю. Далин – Л.О. Дан. 1953 // International Institute of Social History (IISH). Lidija Dan collection. Folder 9.
40. Часовой (Брюссель). 1955. № 354. С. 20–21.

References

1. Tromly, B. (2019) *Cold War Exiles and the CIA*. Oxford: Oxford University Press.
2. Nazarov, M.V. (1992) *Missiya russkoy emigratsii* [The Mission of the Russian Emigration]. Stavropol: Kavkazskiy kray.
3. Bazanov, P.N. (2008) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988)* [Publishing Activities of Political Organizations of the Russian Emigration (1917–1988)]. 2nd ed. St. Petersburg: SPbGUKI.
4. Pivovarov, E. (2003) The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division in the Library of Congress. *Journal of American Ethnic History*. 23(1). pp. 85–92.
5. Georgetown University Library. (n.d.) *American Aid to the Kremlin's Russian enemies. Special collections (GUL. SC)*. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 1.
6. American Committee for the Liberation of the Peoples of Russia. (1952) *11.02.1952. GUL. SC. Robert F. Kelley papers*. Box 5. Folder 1.
7. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951a) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyans]. 5th March. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
8. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951b) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyans]. 21st November. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
9. Schwartz, H. (1951) Refugees mapping Anti-Stalin fight. *New York Times*. 12th August.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Protokol soveshchaniya v Fyussene v yanvare 1951 g.* [Minutes of the Meeting in Füssen in January 1951]. Fund 10015. List 1. File 842. pp. 3–10.
11. Legostaev, F.M. (1997) Kak eto bylo: u istokov SBONRa [How It Was: At the Origins of the SBONR]. In: Popov, A.V. (ed.) *V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroy emigratsii* [In Search of Truth. Paths and Fates of the Second Emigration]. Moscow: RGGU. pp. 86–95.
12. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (n.d.) *Liga bor'by za narodnuyu svobodu* [League of Struggle for People's Freedom]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2.”
13. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). (1951) 8. pp. 150–151.
14. Abramovich, R.A. (1951) Fyussen i Shtutgart [Füssen and Stuttgart]. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). 9-10. pp. 183–184.
15. Dalin, D.Yu. (1951) Fiasko [Fiasco]. *Novoe russkoe slovo* (New York). 27th May.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Protokol soveshchaniya v Shtutgarte* [Minutes of the Meeting in Stuttgart]. Fund 10015. List 1. File 870. pp. 2–30.
17. *Vozrozhdenie* (Paris). (1951) 6. pp. 175–182.
18. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951c) *B. Kalnyn'sh – V.M. Zenzinovu* [B. Kalnynsh to V.M. Zenzinov]. 15th September. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K.”
19. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951d) *V.M. Zenzinov – B. Kalnyn'shu* [V.M. Zenzinov to B. Kalnynsh]. 20th September. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K.”
20. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *V.M. Zenzinov – L.I. L'vovu* [V.M. Zenzinov to L.I. Lvov]. 4th October. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. L–M.”
21. Abramovich, R. (1950) K natsional'nomu voprosu v Rossii [On the National Question in Russia]. *Sotsialisticheskiy vestnik* (New York). 8–9. pp. 157–158.
22. Shvarts, S.M. (1951) K natsional'nomu voprosu v Rossii [On the National Question in Russia]. *Sotsialisticheskiy vestnik* (New York). 6–7. pp. 125–127.
23. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1951) *M.A. Aldanov – V.A. Maklakovu* [M.A. Aldanov to V.A. Maklakov]. 26th September. Vasilii Maklakov Papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1951.”
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1951) *Protokol soveshchaniya v Visbadene* [Minutes of the Meeting in Wiesbaden]. Fund 10015. List 1. File 881. pp. 10–140.
25. *Svobodnyy Kavkaz* (Munich). (1951) 1. p. 1.
26. Dalin, D.Yu. (1952) Natsional'nyy sumbur [National Chaos]. *Novoe russkoe slovo* (New York). 29th July.
27. Shvarts, S.M. (1951) Posle Visbadena [After Wiesbaden]. *Sotsialisticheskiy Vestnik* (New York). 12. pp. 230–231.
28. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *Protokol zasedaniya Byuro Soveta Ligi* [Minutes of the Meeting of the League Council Bureau]. 4th February. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu.”
29. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951e) *A.D. Dalin – V.M. Zenzinovu* [A.D. Dalin to V.M. Zenzinov]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 2.”
30. *Novoe russkoe slovo* (New York). (1952) Amerika i vsemirnaya svoboda [America and World Freedom]. 8th May.
31. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *M.A. Aldanov – V.A. Maklakovu* [M.A. Aldanov to V.A. Maklakov]. 4th October. Vasilii Maklakov Papers. Box 2. Folder “M. Aldanov. 1954.”
32. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951f) *V.M. Zenzinov – Ya.V. Budanovu* [V.M. Zenzinov to Ya.V. Budanov]. 18th December. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C.”
33. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1951g) *V.M. Zenzinov – Ter-Pogosyanam* [V.M. Zenzinov to the Ter-Pogosyan]. 20th December. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. N–R.”
34. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *B.I. Nikolaevskiy – P.A. Berlinu* [B.I. Nikolaevskiy – P.A. Berlin]. 20th October. Boris I. Nicolaevsky Collection. Ser. 248. Box 473. Folder 1.
35. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1952) *V.M. Zenzinov – Ya.V. Budanovu* [V.M. Zenzinov to Ya.V. Budanov]. 3rd February. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. A–C.”
36. Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). (1954) *A.M. Burgina – B.I. Nikolaevskomu* [A.M. Burgina to B.I. Nikolaevsky]. 19th January. Boris I. Nicolaevsky Collection. Ser. 248. Box 475. Folder 4.
37. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1953) *Memorandum ob usilenii bor'by protiv bol'shevizma. Mart 1953 g.* [Memorandum on Intensifying the Struggle Against Bolshevism. March 1953]. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 37. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu. 3.”

38. *Narodnaya volya* (Munich). (1953) 17th July.
39. International Institute of Social History (IISH). (1953) *D.Yu. Dalin – L.O. Dan*. Lidija Dan Collection. Folder 9.
40. *Chasovoy* (Brussels). (1955) 354. pp. 20–21.

***Сведения об авторе*:**
Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Antoshin Alexey V. – Doctor of History, Professor, Chair of Oriental Studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 17.01.2023; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/98/2

«Не народный фольклор» в материалах экспедиций Н.М. Элиаш. 1946–1948 гг.

Алина Тагировна Галимзянова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, alisabitva@mail.ru

Аннотация. Кампания по борьбе с космополитизмом и «буржуазным объективизмом» в академической среде Татарии началась с жесткой критики работы научного сотрудника Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР фольклористки Н.М. Элиаш. Надежду Михайловну обвинили в сборе антисоветского материала в ходе экспедиций, а подготовленный по результатам исследования сборник признали ненаучным. На ее примере автор раскрывает процесс идеологических проработок, проводимых на периферии, которые, в отличие от дискуссий в центральных НИИ, имели более серьезные последствия для обвиняемого.
Ключевые слова: Н.М. Элиаш, Казанский филиал АН СССР, идеологическая борьба

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке Академии наук Республики Татарстан по гранту, предоставленному молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан». Соглашение № 95/2024-ПД от 16.12.2024 г.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. «Не народный фольклор» в материалах экспедиций Н.М. Элиаш. 1946–1948 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 14–22. doi: 10.17223/19988613/98/2

Original article

“Non-people's folklore” in the expeditions' materials of N.M. Eliash. 1946–1948

Alina T. Galimzyanova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation, alisabitva@mail.ru

Abstract. The purpose of the presented academic paper is to trace the conditions and factors that influenced the course of research activities in the field of Russian folk art studying in the TASSR during the period of increased ideological pressure in the post-war years. The article is based on the analysis of a vast array of unpublished documents stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences and the State Archives of the Republic of Tatarstan.

In the latter half of the 1940s amid the Soviet government struggle with cosmopolitanism and «bourgeois» objectivism, ideological discussions unfolded in the central scientific institutions, which were aimed at identifying errors in prior published researches. The same meetings were held in the periphery, but their consequences for the criticized one were more radical and were not confine to discussion only. Indicative in this sense is the accusatory process against N.M. Eliash, who was a senior researcher at the Institute of Language, Literature and History (IYALI) of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences. She was put on a charge of collecting anti-Soviet song material. It is important to emphasize that, compared to the central research institutes, in Tataria the persecution was initiated in the field of folklore. This feature was explained by the fact that for many years IYALI had been working on the creation of fundamental works on the Tatar history and literature, but due to the August Decree (1944), their publication was suspended, and the institute staff, denounced of making serious ideological mistakes, came under the close control of the party leadership. Therefore, the IYALI leaders could not allow the same specialists to be accused again. The person of the folklorist N.M. Eliash was very convenient in this regard. She was non-party, was subjected to political persecution in the mid-1930s. Moreover, by the time this campaign began, she had been working at the institute for only her second year, so she did not have time to get used to the IYALI scientific corporation, therefore couldn't vouch for anyone's patronage.

Despite the positive reviews and recommendations of eminent scientists in Moscow and Leningrad, Kazan scientists characterized the work of N.M. Eliash as unscientific and anti-Soviet. Built as part of the propaganda of the Soviet patriotism's ideas, the accusation sounded absurd, as a result of which critics managed to characterize the collected folklore as “non-folk”. N.M. Eliash pleaded not guilty and firmly followed the principle of scientific objectivity. Nevertheless, the Institute leaders, with the approval of the Tatar Regional Committee of the CPSU (b), brought the matter to dismissal, and the qualified folklorist was forced to leave Kazan forever.
Keywords: N.M. Eliash, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, ideological struggle

Acknowledgements: The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of science (postdoctoral students) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and performing work functions in scientific and educational organizations of the

© А.Т. Галимзянова, 2025

Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan”. Contract No. 95/2024-PD dated 16.12.2024.

For citation: Galimzyanova, A.T. (2025) “Non-people's folklore” in the expeditions' materials of N.M. Eliash. 1946–1948. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 14–22. doi: 10.17223/19988613/98/2

В современной российской историографии достаточно широко представлен анализ дискуссий, проходивших в советской гуманитарной науке в конце 1940-х гг. Такой интерес связан прежде всего с тем, что развитие науки в СССР невозможно рассматривать вне идеологических кампаний, включавших в том числе и борьбу с космополитизмом. В российском масштабе можно выделить труды А.М. Дубровского, А.А. Касьян, А.С. Сонина, В.В. Тихонова [1–4], в которых подробно анализируется идеологическая ситуация в научной среде и раскрывается трансформация академической критики в политико-идеологическую в рассматриваемых хронологических рамках. В Татарстане данная проблема представлена лишь в исследованиях А.Г. Галлямовой [5]. Вместе с тем важно отметить, что кампании «позднего сталинизма» и их влияние на гуманитаристику изучались на примере таких научных направлений, как философия, история, история науки, право, педагогика, литература, лингвистика, при этом фольклористика всегда оставалась в стороне.

В представленной статье на основании ранее не введенных в научный оборот материалов, в основном документов из Архива РАН и Государственного архива РТ, показан казанский период жизни и деятельности известной ленинградской фольклористки Надежды Михайловны Элиаш, который пришелся на период борьбы с так называемым «низкопоклонством» перед Западом. В условиях политической ангажированности советской науки от нее требовали признания мнимых ошибок, обнаруженных в ее исследованиях по Татарии, и строгого соблюдения официозных предписаний, с которыми она не могла смириться.

В Татарской АССР центром развития гуманитарной науки являлся Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Образованный еще в 1939 г., в 1945 г. он вошел в состав Казанского филиала АН СССР. После реорганизации перед директором института М.Х. Гайнуллиным была поставлена задача расширить объем работы научного учреждения, включив в исследования не только татарскую, но и русскую краевую литературу и краевой фольклор. Изменения в тематическом планировании были обусловлены политическим курсом, направленным на «возвеличивание значимости всего русского в социально-политической жизни страны» [6. С. 407]. С этой целью в секторе литературы были образованы две соответствующие группы по изучению краевой литературы и народного творчества. Руководителями этих групп стали приглашенные научные сотрудники Казанского государственного университета (КГУ) – профессор Александр Николаевич Вознесенский и доцент Надежда Михайловна Элиаш. К слову, Н.М. Элиаш была новым человеком в научных кругах Казани. В этот город она переехала лишь в 1945 г. после успешной защиты кандидатской диссертации в Ученом совете КГУ, куда и была приглашена на должность преподавателя по совместительству, а основную ставку ей предоставили в Казанском государственном педагогическом институте (КГПИ) [7. Л. 23]. А с 1 января 1946 г. Надежду Михайловну по совместительству приняли старшим научным сотрудником в ИЯЛИ, где к июню 1947 г. она должна была завершить работу над сборником «Русский фольклор края периода Отечественной войны» [7. Л. 19 об.].

Поскольку Н.М. Элиаш продолжала педагогическую деятельность в двух казанских вузах, то научные командировки в районы Татарстана она могла осуществлять лишь в летний каникулярный период. Первая экспедиция для сбора русского краевого фольклора была организована в Тетюшский и Буинский районы ТАССР. Надежде Михайловне активно помогали ее студенты, которые также проводили опросы жителей и вели записи. Согласно отчетам, материалы, собранные в двух указанных районах, в количественном отношении оказались значительными: более 1 000 частушек на различные мотивы, более 200 номеров лирических сюжетных песен и около 60 сказок [8. Л. 41]. Важно отметить, что Н.М. Элиаш не ограничивалась просто записями фольклорного материала, она пыталась проследить психологическую составляющую рассказчика, его мировоззрение [9]. Среди сохранившихся материалов экспедиций можно обнаружить сведения о возрасте, уровне образования, социальном происхождении респондентов, но наиболее ценными являются оценочные суждения самих сельских жителей. Например, 1 июля 1946 г. в записи разговора с неграмотной 79-летней колхозницей Верой Петровной Харламовой зафиксированы следующие слова: «Ни одной буковки не знаю. Отец умер в турецкую войну. Век в бедноте. В гробу, а в бедноте» [10. Л. 1]. Другая собеседница – 68-летняя Анастасья Филипповна Кузнецова, «хорошо грамотная, начитанная», как указано Надеждой Михайловной, в интервью с гордостью заявила: «Я со Сталиным в одно число – 8 декабря (родилась). <...> Три года училась в сельской школе. Перва затворила ворота от попа. Первы стали дочки коротки юбки носить, первы стали спектакли делать, лепетиции[1], где на крыльце, в хате. Народ все насмешки, они не взирали, что я молилась как богу. Свекор, свекровь таки набожные. Они гордые, все сплоактивировали[2]. Советска власть мне показала с первого взгляда. Советска власть глаза открыла, завесу сняла» [11. Л. 8]. В дальнейшей беседе А.Ф. Кузнецова выразила горячее желание услышать Сталина: «Хочу услышать его голос» [11. Л. 8]. Подобные краткие дневниковые записи исследователя позволяют проследить ценностные ориентации крестьянского менталитета в советской деревне и вместе с тем показывают, насколько скрупулезно Н.М. Элиаш подходила к фиксации материалов устной истории, сохраняя не только содержание, но и форму изложения.

Для ознакомления с научной литературой, рукописными материалами и изучения вновь собранных материалов по фольклору Великой Отечественной войны Казанский филиал АН неоднократно командировал Н.М. Элиаш в Москву и Ленинград. Казалось, все складывалось довольно успешно: Надежда Михайловна занималась столь близкой ей по духу научной деятельностью и при этом преподавала в университете, где с сентября 1946 г. была устроена штатным сотрудником в связи с уходом из КГПИ [7. Л. 23]. Помимо прочего, ей удавалось работать над своей докторской диссертацией по теме «Обряды и причеты северно-русской свадьбы».

Напряжение внешнеполитической обстановки, обусловленное разворачивавшейся холодной войной, неминуемо привело к усилению контроля внутри советского государств и повлекло за собой новую волну идеологических кампаний, в том числе и в научной среде. На этот раз проработки велись в русле борьбы с космополитами. Официальный старт новым массовым процессам был положен 28 марта 1947 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) об организации «судов чести», на которые возлагалось рассмотрение «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств» [12. С. 109]. Необходимость демонстрации своей солидарности с центральной директивой требовала показательной самокритики и разоблачительных процессов на местах. В этой связи цепной реакцией последовали партийные собрания в столичных учреждениях, а затем и на периферии.

Дискуссии в науке с осторожностью были восприняты в Татарском обкоме ВКП(б) и в ИЯЛИ, которые совсем недавно пережили серьезные проработки в связи с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» (9 августа 1944 г.) [13]. Постоянный страх быть заново обвиненными привел к сдержанности в действиях руководителей института. Их нерешительность в утверждении к публикации готового сборника по русскому краевому фольклору ТАССР проявилась в командировании Н.М. Элиаш в Москву с 7 апреля по 1 июня 1947 г. для получения необходимых рецензий крупных специалистов [7. Л. 24; 14. Л. 202]. Так, по-видимому, они собирались подстраховаться и снять с себя ответственность в случае очередных нападок.

Вместе с тем республиканское партийное руководство издает постановление от 16 апреля 1947 г. «О работе ИЯЛИ КФАН СССР», где подвергает критике все исследования ученых-гуманитариев. Особое внимание уделяется группам русской краевой литературы и русского фольклора [14. Л. 201]. Ученые оказались в достаточно опасной ситуации, если учитывать, что руководители упомянутых групп – А.Н. Вознесенский и Н.М. Элиаш – в середине 1930-х гг. уже были вовлечены в политические кампании по борьбе с «врагами народа»[3]

Обстановка стала более нагнетающей после выхода 18 апреля 1947 г. директивы Управления пропаганды и агитации, которая провозглашала «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». Согласно установкам Агитпропа, низкопоклонство перед всем западным объявлялось главной опасностью социалистического строя, а работники науки обязаны были постоянно популяризировать чувство гордости за советскую Родину, показывать величие русского народа, его настоящего и прошлого [12. С. 110–116].

В этих условиях командировка Н.М. Элиаш, которая по поручению ИЯЛИ уже находилась в Москве, превратилась из «подстраховочной» в «последнее испытание», по итогам которого будет решен вопрос о возможности продолжения научной карьеры в Казанском филиале [14. Л. 202]. Важно отметить, что накануне, а именно 1 апреля 1947 г., Надежда Михайловна была переведена в число штатных сотрудников института, при этом оставаясь совместителем в КГУ [7. Л. 33]. Данный факт говорит о том, что руководство ИЯЛИ не планировало прекращать сотрудничество с фольклористской, а кампания против нее была инициирована в связи с активировавшейся «работой по воспитанию советского патриотизма».

Между тем на основании обкомовского постановления от 16 апреля была создана специальная комиссия для выявления качества собранных материалов по русскому фольклору. На заседании партбюро парторганизации КФАН 12 мая 1947 г. был заслушан доклад о результатах данной проверки. Как выяснилось, преподавателю КГПИ Пехтелеву удалось обнаружить «грубые частушки» в фольклорном фонде Надежды Михайловны [15. Л. 6 об.]. На заседании говорилось о том, что «наряду с материалами, представляющими научный интерес и идейно-художественную ценность», Н.М. Элиаш допустила включение в экспедиционный фонд ИЯЛИ фольклорных материалов антисоветского характера (частушки, дискредитирующие колхозный строй). Такой факт, по мнению присутствовавших, свидетельствовал о «политической беспечности и идейной слепоте» руководителя экспедиции. Вскоре, 15 мая, заведующий отделом кадров и спецчастью КФАН Х.Г. Дерганов сообщил о допущенной политической ошибке сотрудника их института в Пятый отдел МГБ [15. Л. 6].

В это время Н.М. Элиаш находилась в Москве, где ей удалось выступить с докладом о своей работе по собиранию фольклора в ТАССР на заседании фольклорного сектора Института этнографии АН СССР [7. Л. 28]. Скорее всего, уже осведомленная о произошедшем в Казани, она просит маститых ученых оказать ей поддержку в деле продолжения научных изысканий.

Сохранились три рекомендации, датированные маем 1947 г., разные по объему, но схожие по содержанию. Так, заведующий сектором классической филологии Института языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, доктор филологических наук академик АН СССР И.И. Толстой указал: «...мне известно, что в настоящее время Н.М. Элиаш исследует обрядовый обиход и связанные с ним песенные тексты, бытующие в обрядности северно-русской свадьбы, и в частности – содержание причетей, связанных с ритуалом “отдания красоты”, и, основываясь на положительных качествах, характери-

зующих ее кандидатскую работу, думаю, что было бы в высшей степени целесообразно, если бы оказалось возможным предоставить Н.М. Элиаш средство довести до благополучного конца также и это новое предпринятое ею исследование, обещающее подвести исследовательницу к столь же интересным, а быть может, даже к еще более важным научным результатам» [7. Л. 26].

Заведующий фольклорным сектором Института этнографии АН СССР доктор филологических наук, профессор П.Г. Богатырев также поддержал Надежду Михайловну. Он отметил, что Н.М. Элиащ занимается фольклором с 1917 г., а сейчас собирает научный материал среди русского населения ТАССР. Профессор пишет: «Работа, которую она организовала при КФАН СССР, признана актуальной. Н.М. Элиаш, одна из немногих фольклористов, много лет работает над изучением детского фольклора. Работу эту считаю очень нужной» [7. Л. 28].

Более содержательной является рекомендация, предоставленная заведующим Арабским кабинетом Института востоковедения АН СССР академиком И.Ю. Крачковским. Он подчеркнул, что Н.М. Элиаш является одной из наиболее заслуженных исследовательниц истории русской литературы и фольклора, равно как этнографии в широком смысле. Далее Игнатий Юлианович пишет: «Пройдя очень хорошую школу у славнейших представителей нашей науки еще до революционного времени, она сумела сочетать лучшие вынесенные ею традиции со всеми требованиями и установками нашей новой жизни» [7. Л. 29]. И, перечисляя ее научные заслуги, завершает: «Углубляя свои работы в области фольклора, в последние годы она сосредоточилась на хорошо знакомых ей обрядах северно-русской свадьбы. <...> Она привлекает широкий сравнительный материал из фольклора других славянских народов <...>. Крайне желательно, чтобы для скорейшего окончания этого труда, которого с интересом ждут наши научные круги, Надежда Михайловна получила возможность сосредоточиться исключительно на нем хотя бы в течении одного-двух лет» [7. Л. 26 об].

Несмотря на то, что Н.М. Элиаш удалось заручиться весомой поддержкой столичных коллег, кампания против нее продолжала раскручиваться. 3 июня 1947 г. состоялось собрание партгруппы ИЯЛИ, где в очередной раз разбирался обнаруженный комиссией «неполноценный, антинародный фольклор», но уже в присутствии самой Надежды Михайловны. Важно отметить, что ни на одной из подобных проработок, которые продолжались на протяжении почти целого года, Н.М. Элиаш не пыталась оправдаться или раскаяться, называя все происходящее недоразумением, а на вопрос о причине «брака» в сборе материала она всегда отвечала, что не видит ошибок в своей работе [16. Л. 8].

К 12 июня заведующий сектором истории и по совместительству секретарь парторганизации ИЯЛИ Х. Гимади подготовил рецензию «О материалах экспедиции 1946 г. по сбору русского фольклора». В целом в рецензии отмечено много положительного: наличие большого количества «подлинно патриотических по духу» частушек, прославление «первого друга и учителя колхозного крестьянства – Сталина, который вместе с Лениным вывел крестьян из темноты к свету и счастью», описание «счастливой доли» колхозников, широкое отражение темы Великой Отечественной войны, ценные по художественным характеристикам лирические песни и пр. На этом фоне слабо выделяется сама критика историка, который вскользь указывает на наличие «определенного количества материалов, не представляющих какую-либо идейно-художественную ценность». В то время как вся рецензия занимает три с лишним страницы, Х. Гимади основную ошибку свел в один короткий абзац: «В записях мы находим некоторое количество частушек, сказок и песен, содержание и настроение коих диссонирует с вышеотмеченными положительным идейным направлением (ироническое отношение к колхозной действительности, к советским людям, отражение отсталой идеологии в рекрутских частушках и религиозных мотивов в сказках)». Подводя итоги, автор делает выводы о «недостаточной бдительности и ответственности собирателя (доцента Элиаш) в подходе к идеологической полноценности собираемых фольклорных материалов» [8. Л. 40–43].

Тем временем новые политико-идеологические реалии 1947 г., складывавшиеся в условиях развивающегося противостояния двух антагонистических систем государственного устройства, требовали от коммунистической власти полной изоляции советского общества от зарубежной культуры, развития чувства неприязни к ней, настороженности. Для более быстрого решения этой задачи была выбрана тактика устрашения, которая могла показать последствия отклонения от установленных норм. С этой целью и было сфабриковано дело ученых Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскина (КР), после которого по всей стране развернулись разоблачительные кампании по поиску непатриотично настроенных граждан. В каждом вузе и НИИ были проведены собрания. В ИЯЛИ таковое прошло 5 августа 1947 г., почти сразу же после выхода закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу КР [17. Л. 86].

На заседании выступающие произносили трафаретные речи, осуждающие поступок советских медиков, демонстрировали свое «глубокое возмущение» произошедшим. Нельзя было обойтись и без самокритики. Х.Г. Дерганов недовольно высказался: «У нас очень большая деликатность, большая “любезность” друг к другу, большевистской критики нет, а недостатков очень много. Возьмите такой факт. Поступает один материал на одного члена партии, материал без подписи, в материалах указываются антигосударственные поступки, а фамилию писать боится, чувствуется боязнь...» [17. Л. 99].

О сохраняющейся актуальности доносительства свидетельствует и высказывание секретаря бюро парторганизации КФАН Н.В. Кирсанова: «У нас еще частенько критикуют из-за угла, без указания конкретных лиц, посылают анонимки. <...> партбюро должно приложить все силы к тому, чтобы сотрудники Филиала смелее вскрывали недостатки в работе, в руководстве, невзирая на лица» [17. Л. 111].

Непреходящую атмосферу подозрительности и чувство страха ярко демонстрируют слова того же Х.Г. Дерганова: «Возьмите опять Дубяго[4]. Однажды пришлось попросить его заполнить анкету, он начал руками и ногами отмахиваться, просить, чтобы в соответствующие органы не посылали, его дело всем известное, сестра его живет в Вашингтоне, он сам в тюрьме сидел. Это показывает его морально-политическую слабость, человек боится, не имеет твердой выдержки как советского научного работника» [17. Л. 99].

По проблеме преклонения перед «иностранщиной» научный сотрудник Гржегоржевский высказался на примере КГУ, где, по его мнению, сохранение пережитков капитализма основывается на том, что люди приучали считать себя учениками заграницы: «Некоторые ученые нашего университета тоже заражены таким душком. Я могу привести такой пример, хотя и маленький, но характерный факт. Осенью 1945 г. я был в университете в первый день занятий. Встал вопрос у студентов, какой иностранный язык изучать. И вот в первый же день занятий заместитель одного из деканов, не помню его фамилии, заявил, что, конечно, нужно изучать английский язык, посмотрите, они и атомную бомбу создали, теперь это самый главный язык. <...> Конечно, я дал соответствующее разъяснение на этом совещании, показал вред и глубокую неправильность такого влияния. Из этого факта видно, что душок раболепия проявляется в той или иной степени» [17. Л. 112].

При переходе конкретно на личности под ударом, естественно, оказались беспартийные и те, кто успел побывать в застенках НКВД еще в первую волну массовых репрессий. В массе своей это были высококвалифицированные ученые, прошедшие старую дореволюционную научную школу. Так, Х.Г. Дерганов снова указал на профессора А.Д. Дубяго, который на теоретической конференции «каждое слово выговаривал очень осторожно», профессора П.Т. Смолякова, допускающего ошибки «в самых популярных политических вопросах» [17. Л. 98]. Не обошлось и без указания на Надежду Михайловну: «Возьмите факт собирания русского фольклора – антисоветские, антиколхозные песничастушки. Когда доказываешь, что нельзя так делать, собирать негодные вещи, Элиаш доказывает, что больше всех знает, что она должна их собирать, на совещании она выступала, говорила, что она имеет 30-летний стаж и больше других понимает. Кончилось тем, что ее предупредили и изъяли материал <...> Элиаш заявила, что этот материал научного характера» [17. Л. 98].

Х.Г. Дерганов приходит к выводу о необходимости «обратить серьезное внимание на усиление марксистско-ленинского воспитания профессоров, старшего состава научных сотрудников, докторов науки», которые «по сравнению с рядовым составом <...> более отсталые в политическом отношении» [17. Л. 98].

Подобное обсуждение было организовано и в Казанском университете, правда, лишь в конце сентября, что потом будет поставлено руководству вуза в упрек. Важно отметить, что на этом собрании лишь для соблюдения формальности указали на необходимость усиления бдительности среди своих сотрудников и не стали заниматься разоблачением коллег. В целом по результатам совещаний в КФАН и КГУ обе организации обошлись без «потерь»: после обсуждения не последовала ни череда увольнений, ни тем более аресты. Такое положение во многом объяснялось демократическим настроем руководства – ректора КГУ К.П. Ситникова и председателя Президиума КФАН А.Е. Арбузова, которые не поддержали начавшуюся борьбу с космополитами [5. С. 333]. Поэтому большую роль в начале обличительной кампании в этих организациях сыграла областная газета Красная Татария, где был опубликован ряд критических заметок о положении дел на историко-филологическом факультете КГУ с подробным разбирательством работы заведующего кафедрой литературы профессора А.Н. Вознесенского. Его обвиняли в объективизме и приверженности к сравнительно-исторической школе, связанной с именем Александра Веселовского, что приравнивалось к желанию «вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения» [18, 19].

А.Н. Вознесенский находился в тесных научных связях с Н.М. Элиаш: он был официальным оппонентом при защите ее кандидатской диссертации, затем, возглавляя научно-педагогическую работу в университете, всячески ее поддерживал в поисках материала для докторского исследования. Поэтому для ИЯЛИ в условиях разворачивающихся идеологических дискуссий в науке выбор персоны нон грата был очевиден.

В сентябре Н.М. Элиаш была снята с должности доцента КГУ с формулировкой: «Уволена как работающая в университете по совместительству», – а 10 октября встал вопрос о увольнении ее из ИЯЛИ КФАН [7. Л. 32]. Решение оставить Надежду Михайловну на работе было принято Ученым советом лишь на основании того, что за два года работы она собрала большой материал по русскому фольклору, который при ее отстранении мог остаться неиспользованным [8. Л. 142].

28 декабря 1947 г. в газете «Красная Татария» была опубликована очередная заметка о методологических ошибках заведующего кафедрой литературы КГУ профессора А.Н. Вознесенского [20]. Поскольку Александр Николаевич по совместительству являлся старшим научным сотрудником сектора литературы ИЯЛИ КФАН, то для оценки качества его работы в институте была создана специальная комиссия в составе Х.Г. Дерганова (председатель), М.Х Гайнуллина (директор ИЯЛИ) и Г.М. Хисамутдинова (парторг ИЯЛИ), которым также было поручено изучить подготовленный Н.М. Элиаш сборник по русскому песенному фольклору ТАССР. По итогам проверки в середине февраля было проведено заседание парторганизации КФАН СССР.

В отчете Х.Г. Дерганова говорилось о наличии положительных отзывов московских ученых на работу Н.М. Элиаш. Вместе с тем сам он отметил низкое качество составленного ею сборника: «В определенной части материалов нет исторической, политической ценности и ясной социальной окраски, особенно нет материалов советского периода» [21. Л. 87]. Весьма интересен тот факт, что Х.Г. Дерганов – человек, казалось бы, далекий от науки, дал развернутый

историографический анализ проблемы: «Совершенно недостаточно характеристики и критики старых изданий. Сборника Можаровского, статей “Заволжский Муравей” (1833), статей С. Мельникова “Село Троицкое-Сюкеево в Тетюшском уезде” (1857), Михайлова “Капустка”, простонародных игр в Козьмодемьянском уезде (1854), труда В. Магницкого “Песни крестьян с. Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии” (1877) и др.» [21. Л. 98 об.]. При этом критика немецкого фольклориста Ганса Науманна ему показалась «слабо убедительной». Вместе с тем председатель комиссии лаконично заявил: «В предисловии чувствуется влияние Веселовского» [21. Л. 87], – так, по-видимому, Х.Г. Дерганов хотел затронуть актуальную на тот момент дискуссию о «буржуазном либерализме» известного литературоведа, но не сумел указать, в чем именно состоит вина Надежды Михайловны.

Кроме того, говоря о советском фольклоре, автору вменяли недостаточность материала и осуждали за неправильный вывод о том, что «советский фольклор не был в почете у старых собирателей и исследователей» поскольку «они рассматривали советские колхозные частушки как деградацию народного творчества» [21. Л. 98 об.]. Так как текст сборника не сохранился, тяжело судить, какого мнения придерживалась сама Н.М. Элиаш, и можно лишь предположить, что Х.Г. Дерганов вырвал данную фразу из контекста, общий смысл которого заключался в опровержении Надеждой Михайловной тезиса ученых старой школы об упадке современного народного творчества.

В конечном итоге заведующий отделом кадров сделал выводы о низком идейном уровне фольклорного сборника и необходимости отдать его на переработку «высококвалифицированному и политически образованному» научному работнику.

На фоне выступления Х.Г. Дерганова замечания М.Х Гайнуллина и Г.М. Хисамутдинова, изложенные в совместном отзыве, выглядят крайне сжато. Не отличаясь особой оригинальностью, они указали на недостаточность научно-критического анализа историографии вопроса, выявили незначительные фактологические ошибки. Из всего перечисленного наиболее серьезные замечания получили выводы Н.М. Элиаш о том, что жители села Сюкеево Камско-Устьинского района ТАССР не знали помещичьего гнета, но знали гнет кулаков и купцов, который способствовал сохранению старого традиционного фольклора, тормозил рост и развитие новых фольклорных жанров [21. Л. 102]. По мнению рецензентов, «…тяжелая жизнь трудящихся при старом режиме показана, но протесты и борьба трудового народа против угнетателей не отражаются, они пассивно примеряются своим положением» [21. Л. 98 об.]. Данное утверждение Надежды Михайловны не могло вписаться в рамки марксистско-ленинской методологии изложения материала, в связи с чем сотрудники ИЯЛИ указали на отсутствие «классового анализа» народного творчества, который должен был быть проведен «красной нитью» по всей работе.

На заседания по обсуждению работы комиссии присутствующие постановили: «Выводы Элиаш о развитии фольклора не связаны с исторически сложившимися социально-бытовыми условиями народа Казанского края. Собранные материалы в ряде случаев сводятся к горестным, пессимистическим настроениям, нетипичны и народные сказания, не отражающие сил и гордости русского народа. В тексте имеются факты аполитичности, обывательские стишки, снижающие достоинство советского народа» [21. Л. 92]. Таким образом, критика в адрес Надежды Михайловны по своему содержанию была приведена в соответствие с проходившими в это время идеологическим дискуссиями в центральных научно-педагогических учреждениях.

Несмотря на то, что специальная комиссия уже завершила проверку и сделала необходимые выводы, сборник «Краевой русский фольклор ТАССР» направили Х. Гимади на повторное рецензирование. Это был второй его отзыв на работу Н.М. Элиаш, и, в отличие от первого, о котором говорилось выше, последний – абсолютно отрицательный. Он датирован 4 марта 1948 г. и занимает 5 печатных страниц. Документ включает выписки песенного материала, что делает его особенно ценным, поскольку сам сборник нам обнаружить не удалось.

Х. Гимади, не уделяя внимания актуальности и значимости проведенной научной работы, сразу переходит к критике автора рукописи, отмечая, что Н.М. Элиаш в большей степени находится «в плену старых буржуазных ученых». «Как известно, задачей советского фольклориста является не собирание и исследование всякого фольклорного сумбура и хлама вроде отмирающих старинных упаднических, вульгарных и церковных песен и причитаний, а исследование лучших традиций народного творчества прошлого и настоящего. Однако доцент Элиаш считает своим долгом следовать первому примеру» [21. Л. 117]. Сборник состоял из 175 страниц, из которых лишь 8 были посвящены советскому народному творчеству. Это дало Х. Гимади повод упрекнуть исследовательницу в том, что та гордится сбором большого количества ценных вариантов старого традиционного фольклора. «Не новый, прогрессивный фольклор, а “старый, традиционный”», – подчеркивает он.

Переходя к историографическому анализу, Х. Гимади указывает на частое заимствование у «буржуазного историка» Г.И. Перетятковича теории, согласно которой Казанский край был «ареной борьбы растущего Московского государства с кочевниками». Данное утверждение в полной мере расходилось с политическими установками августовского (1944) Постановления ЦК ВКП(б), согласно которому перед учеными Татарии стояла задача всесторонней пропаганды в научной литературе «прогрессивного значения» «присоединения» татарского народа к Российскому государству. В этой связи рецензент, будучи автором и редактором «Истории ТАССР», уже на своей шкуре испытавшим последствия отхода от официальной позиции, поправляет фольклориста: «Во-первых, в XVI–XVII вв. татары, чуваши и другие народы были уже не кочевниками, во-вторых, не “Русское государство”, а царизм насильственно захватил земли народов. Это не одно и то же» [21. Л. 117].

Шаблонным звучало замечание Х. Гимади об отсутствии в исследовании Н.М. Элиаш классового подхода. Аргументом для этого он выбрал цитату из сборника, где утверждалось, что фольклор создается «не в ходе развития социально-экономической действительности, а помимо их» [21. Л. 117].

От критики предисловия к книге Х. Гимади перешел к анализу содержания песенного материала. В то время как коммунистическая пропаганда настоятельно требовала культивирования в советском обществе гордости за Отечество, по мнению Х. Гимади, основными мотивами собранного Н.М. Элиаш фольклора являются «пошлые сентиментально-любовные темы, похоронные причитания, призыв к терпению, пошлая лирика и юмористика». Например, острой критике подвергнуты похоронные причитания по сыну или мужу, погибшим на фронтах Отечественной войны, которые сама Надежда Михайловна назвала «замечательными по глубокому чувству причетами» [21. Л. 114–115].

В целом Х. Гимади приходит к выводам о том, что сборник Н.М. Элиаш является «ненаучным и вредным в идеологическом отношении», к публикации его «никак нельзя рекомендовать» [21. Л. 116]. Его заключение вполне вписывалось в настроение партийной части кадрового состава института и не вызвало каких-либо официальных возражений со стороны казанских коллег.

В этих условиях Н.М. Элиаш решает снова заручиться поддержкой столичных ученых, однако на этот раз в командировке в Москву ей было отказано, несмотря даже на служебные письма академика /И.И. Толстого и официальный вызов Института этнографии АН СССР [22. Л. 1]. Тогда Надежде Михайловне пришлось оформить отпуск, чтобы выехать в Москву и Ленинград для получения необходимых рецензий. В результате было получено три отзыва: 29 марта – от доктора исторических наук, профессора Э.В. Померанцевой, 2 апреля – от академика И.И. Толстого и доктора филологических наук, профессора А.М. Астаховой [22. Л. 3–4].

Последние два отзыва носят полностью положительный характер. Авторы указали на историко-литературное значение проведенного Н.М. Элиаш исследования, а отобранные ею тексты назвали «безусловно ценными по содержанию и с художественной стороны». А.М. Астахова выделила лишь незначительные стилистические ошибки и наличие «излишних оценочных эпитетов». При этом она отметила, что некоторые конкретные указания по улучшению сборника были сделаны ею устно.

Э.В. Померанцева в своей рецензии упомянула, что в декабре 1947 г. уже давала положительную оценку материалу сборника и указывала на целесообразность его издания. Говоря о том, что общая направленность комментариев и вводной части не вызывает принципиальных возражений, она остановилась на следующих «незначительных дефектах»: «Слова о “старинных красивых песнях” в данном контексте звучат, как противопоставление новому», «из плача Торбиной надо процитировать не те строки, в которых она оплакивает сына, а те, в которых звучат патриотизм, любовь к великой Родине», «неудачную частушку следует заменить другой». Но в целом сборник, по мнению профессора, «производит впечатление большой и добросовестно сделанной работы» [22. Л. 5–7].

Несмотря на то, что Надежде Михайловне удалось заручиться патронажем столичных ученых, было уже ясно, что продолжить работу в Казани ей не удастся. На общем собрании парторганизации КФАН 29 марта было вынесено решение об увольнении «по деловым соображениям» доцента Н.М. Элиаш. Вместе с тем сохранилось ее письмо, датированное 6 апреля 1948 г. и адресованное Ученому секретарю Совета филиалов и баз АН СССР, где она все еще представляется старшим научным сотрудником ИЯЛИ КФАН. В этой докладной записке Надежда Михайловна указывает на имеющиеся положительные отзывы квалифицированных специалистов, которые подтверждают ценность фольклорных материалов и методологическую правильность их обработки. Но из-за «исключительно трудных» условий научно-исследовательской работы в КФАН СССР она просит прикомандировать ее на полтора месяца в Институт этнографии АН СССР «с сохранением содержания без дополнительной субсидии для завершения работы по сбору русского песенного фольклора и для выполнения научной работы по тому “Восточные славяне”, порученной <...> Ин[ститу]том этнографии АН СССР» [22. Л. 2 об.].

В условиях нарастания идеологического прессинга на гуманитарную науку АН СССР не могла позволить себе взять опальную исследовательницу под свое крыло. Вынужденная покинуть Казань, Н.М. Элиаш переезжает в Новгород, где по конкурсу устраивается в Новгородский учительский институт на кафедру русской литературы. В автобиографии причиной своего отъезда она указала необходимость быть ближе к удочеренной после войны племяннице Ирине, которая на тот момент училась в Ленинграде [9]. Понятно, что истинной причиной была развернувшаяся кампания по ее выдворению из научного сообщества Татарской Республики.

Таким образом, во второй половине 1940-х гг. в науке массово развернулись идеологические дискуссии, поводом для которых стал поиск методологических ошибок в изданных ранее трудах. На периферии подобные обсуждения для критикуемого имели более серьезные последствия: демонстративные дискутирования превращались в полномасштабные кампания по выдворению провинившегося. Показательным в этом отношении является проработка Н.М. Элиаш. Важно отметить, что ни о какой дискуссии в фольклористике речь не шла: Надежда Михайловна оказалась жертвой обстоятельств, требовавших проявления солидарности с политикой центра. Поэтому столь абсурдным звучало не только предъявляемое ей обвинение, в котором собранный в ходе научной экспедиции фольклор провозглашался не народным, но и то, что данное утверждение на протяжении года подтверждалось и доказывалось в рецензиях квалифицированных ученых, правда, только казанских. Стоит отметить, что Н.М. Элиаш была не единственной, кто был уволен из института по идеологическим соображениям [23]. Подобная активность руководства ИЯЛИ по вытесне-

нию в первую очередь сотрудников, побывавших в застенках НКВД, объяснялась желанием избежать рецидива событий, связанных с августовским (1944) Постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», где институт выступал центральной фигурой обвинения [13]. Поэтому вполне уместным будет выражение А.А. Касьян: «Эскиз картины происшедшего 1947 г. был нарисован в 1944 г.» [2. С. 42].

Примечания

[1] Грамматика и пунктуация сохранены.
[2] Возможно, респондент имела в виду «саботировали».
[3] А.Н. Вознесенский в 1934 г. был арестован по доносу и пять лет провел в лагерях НКВД, Н.М. Элиаш в 1935 г. получила предписание покинуть Ленинград и была сослана в Саратов.
[4] Александр Дмитриевич Дубяго – профессор, доктор физико-математических наук, в 1931 г. был арестован на 11 месяцев по обвинению в контрреволюционном заговоре.

Список источников

1. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск : Изд-во Брянск. гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2005. 798 с.
2. Касьян А.А. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2008. 286 с.
3. Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М. : Наука, 2011. 662 с.
4. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука: середина 1940-х – 1953 г. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 424 с.
5. Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань : Кн. изд-во, 2015. 455 с.
6. История татар с древнейших времен : в 7 т. / гл. ред. Р.С. Хакимов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2013. Т. 7: Татары и Татарстан в XX–XXI вв. 1003 с.
7. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1337. Оп. 31. Д. 164.
8. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 3.
9. Груздева Е.Н. Надежда Михайловна Элиаш и ее место в истории русской фольклористики // Из истории русской фольклористики. 2013. № 8. С. 481–511.
10. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского (ОРРК). Ф. 16. Ед. хр. 3.
11. ОРРК Ф. 16. Ед. хр. 10.
12. Сталин и космополитизм : документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / сост.: Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова; отв. ред. Д.Г. Наджафов. М. : Материк, 2005. 765 с.
13. Галимзянова А.Т., Галлямова А.Г. Путь длиною в два десятилетия: как создавалась первая коллективная монография ИЯЛИ по «Истории Татарской АССР» // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 202–219.
14. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 5.
15. ГА РТ. Ф. Р-5854. Оп. 1. Д. 4.
16. ГА РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 6.
17. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 4.
18. Дубровская С.А. Против буржуазного либерализма в литературоведении (по поводу дискуссии об А. Веселовском) // Бахтинский вестник. 2020. № 1 (3).
19. Алексеева Н. Факультет, который не справляется со своими задачами // Красная Татария. 1947. 24 сент.
20. Алексеева Н. Еще раз об историко-филологическом факультете // Красная Татария. 1947. 28 дек.
21. ГА РТ. Ф. 4557. Оп. 1. Д. 7.
22. Архив Российской академии наук (АРАН) Ф. 188. Оп. 1 (1946–1950). Д. 68.
23. Галимзянова А.Т. Антисоветское выступление научного сотрудника ИЯЛИ Н.И. Гаген-Торн // Эхо веков. 2022. № 4. С. 70–76.

References

1. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody)* [Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)]. Bryansk: Bryansk State University.
2. Kasyan, A.A. (2008) *Ideologiya i nauka: diskussii sovetskikh uchenykh serediny XX veka* [Ideology and Science: Discussions of Soviet Scholars in the Mid-20th Century]. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Sonin, A.S. (2011) *Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetskoy nauke* [The Struggle Against Cosmopolitanism in Soviet Science]. Moscow: Nauka.
4. Tikhonov, V.V. (2016) *Ideologicheskie kampanii "pozdnego stalinizma" i sovetskaya istoricheskaya nauka: seredina 1940-kh – 1953 g.* [Ideological Campaigns of "Late Stalinism" and Soviet Historical Science: Mid-1940s – 1953]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Galliamova, A.G. (2015) *Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945–1985 gg.)* [The Tatar ASSR in the Post-Stalin Period (1945–1985)]. Kazan: Kn. izd-vo.
6. Khakimov, R.S. (2013) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from Ancient Times]. Vol. 7. Kazan: In-t istorii im. Sh. Mardzhani.
7. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 1337. List 31. File 164.
8. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 3.
9. Gruzdeva, E.N. (2013) Nadezhda Mikhaylovna Eliash i eyo mesto v istorii russkoy fol'kloristiki [Nadezhda Mikhailovna Eliash and Her Place in the History of Russian Folklore Studies]. *Iz istorii russkoy fol'kloristiki*. 8. pp. 481–511.
10. Manuscript and Rare Books Department of the N.I. Lobachevsky Scientific Library. Fund 16. List 3.
11. Manuscript and Rare Books Department. Fund 16. File 10.
12. Nadzhafov, D.G. (ed.) (2005) *Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TsK KPSS, 1945–1953* [Stalin and Cosmopolitanism: Documents of the CPSU Central Committee Propaganda Department, 1945–1953]. Moscow: Materik.
13. Galimzyanova, A.T. & Galliamova, A.G. (2023) Put' dlinoyu v dva desyatiletiya: kak sozdavalas' pervaya kollektivnaya monografiya IYaLI po "Istorii Tatarskoy ASSR" [A Two-Decade-Long Journey: How the First IYaLI Collective Monograph on the "History of the Tatar ASSR" Was Created]. *Zolotoordynskoe obozrenie.* 11(1). pp. 202–219.
14. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 5.
15. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund R-5854. List 1. File 4.

16. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 7571. List 1. File 6.
17. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 4.
18. Dubrovskaya, S.A. (2020) Protiv burzhuaznogo liberalizma v literaturovedenii (po povodu diskussii ob A. Veselovskom) [Against Bourgeois Liberalism in Literary Studies (Regarding the Discussion about A. Veselovsky)]. *Bakhtinskiy vestnik*. 1(3).
19. Alekseeva, N. (1947) Fakul'tet, kotoryy ne spravlyaetsya so svoimi zadachami [A Faculty That Fails to Cope with Its Tasks]. *Krasnaya Tatariya*. 24th September.
20. Alekseeva, N. (1947) Eshche raz ob istoriko-filologicheskom fakul'tete [Once Again About the History and Philology Faculty]. *Krasnaya Tatariya.* 28th December.
21. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund 4557. List 1. File 7.
22. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 188. List 1 (1946–1950). File 68.
23. Galimzyanova, A.T. (2022) Antisovetskoe vystuplenie nauchnogo sotrudnika IYaLI N.I. Gagen-Torn [The Anti-Soviet Statement of IYaLI Researcher N.I. Gagen-Thorn]. *Ekho vekov*. 4. pp. 70–76.

***Сведения об авторе*:**
Галимзянова Алина Тагировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: alisabitva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Galimzyanova Alina T. – Cand. Sc. (History), Senior Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: alisabitva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 08.08.2023; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94(571.1)
doi: 10.17223/19988613/98/3

Дифференциация заработной платы и проблемы мотивации труда в контексте решения ключевых задач индустриального освоения Западной Сибири в период первой пятилетки (1928–1932 гг.)

Евгения Валентиновна Демчик[1], Карина Павловна Прибыткова[2]

[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] demtchikev@mail.ru
[2] i@karina-p.ru

Аннотация. Исследуется дифференциация заработной платы в промышленности и строительстве Западной Сибири в качестве инструмента мотивации труда в период первой пятилетки. Показана существенная профессиональная дифференциация заработной платы на строительстве Кузнецкого металлургического комбината. Определено усиление отраслевых различий в оплате труда в промышленности после начала в 1931 г. тарифной реформы. Установлено, что дифференциация материального вознаграждения играла заметную роль в решении задачи обеспечения предприятий и строек рабочей силой, но не являлась действенным стимулом для роста производительности труда.
Ключевые слова: советская индустриализация, первый пятилетний план, дифференциация оплаты труда, мотивация труда, Западная Сибирь, Кузбасс, Кузнецкий металлургический комбинат

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-18-00507: «Эволюция мотивации труда в ходе реализации советского индустриального проекта: дифференциация зарплаты в промышленности первых пятилеток (аналитика региональных данных)» (руководитель Л.И. Бородкин).

Для цитирования: Демчик Е.В., Прибыткова К.П. Дифференциация заработной платы и проблемы мотивации труда в контексте решения ключевых задач индустриального освоения Западной Сибири в период первой пятилетки (1928–1932 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 23–33. doi: 10.17223/19988613/98/3

Original article

Differentiation of Wages and Problems of Labor Motivation in the Context of Solving Key Tasks of Industrial Development of Western Siberia During the First Five-Year Plan (1928–1932)

Evgeniya V. Demchik[1], Karina P. Pribytkova[2]

[1, 2] Altai State University, Barnaul, Russian Federation
[1] demtchikev@mail.ru
[2] i@karina-p.ru

Abstract. The aim of this article is to examine and evaluate wage differentiation in the industrial and construction sectors of Western Siberia as a tool for labor motivation during the implementation of the First Five-Year Plan (1928–1932). The authors examine how differences in remuneration influenced workforce recruitment and labor productivity dynamics at key industrial sites in the region: the coal industry of Kuzbass and the construction of the Kuznetsk Metallurgical Plant (KMK). The study is based on the following sources: statistical data on average wages of workers and employees across labor sectors and industrial production, published in statistical handbooks on the economy of the West Siberian region and economic publications from the late 1920s to the mid-1930s dedicated to the construction of KMK and the development of the Kuznetsk coal basin, as well as memoirs of KMK construction participants, including the project's chief S.M. Frankfurt.
The first part of the article analyzes wage differentiation in the construction sector. It demonstrates that in 1929 and 1930 wages at KMK construction sites significantly exceeded (by 52.3% and 32.3%, respectively) the regional averages for Western Siberian construction. Skilled construction workers (bricklayers) earned substantially more than unskilled laborers (diggers). Moreover, the wage gap at KMK was more notable than in the average construction sector of Western Siberia and the USSR.

© Е.В. Демчик, К.П. Прибыткова, 2025

The second part examines wage differentiation in the industrial sector. The authors establish that despite the strategic importance of coal mining, wages in this industry remained relatively low in 1929–1930. The 1931 tariff reform intensified inter-sectoral wage differentiation. In 1929, the wage ratio between metallurgy and textile workers was 1.64, but by 1932 it had risen to 2.2. In coal mining, workers' wages relative to the regional industrial average increased from 99.6% in 1929 to 111.4% in 1932.

The authors conclude that wage levels at enterprises or construction sites played a significant role in workers' job choices and influenced labor turnover but failed to serve as an effective incentive for productivity growth. As the study shows, managers at KMK construction sites and Kuzbass coal mines met production targets primarily by mobilizing additional labor force, resorting to overtime work, or lowering quality standards.

Keywords: Soviet industrialization, first five-year plan, wage differentiation, labor motivation, Western Siberia, Kuzbass, Kuznetsk Metallurgical Plant

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00507: Evolution of labor motivation during the implementation of the Soviet industrial project: differentiation of wages in industry during the first five-year plans (analysis of regional data).

For citation: Demchik, E.V., Pribytkova, K.P. (2025) Differentiation of Wages and Problems of Labor Motivation in the Context of Solving Key Tasks of Industrial Development of Western Siberia During the First Five-Year Plan (1928–1932). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 23–33. doi: 10.17223/19988613/98/3

Введение

Весной 1929 г. XVI конференция ВКП(б) и V съезд Советов СССР, утвердив первый пятилетний план развития народного хозяйства (1928–1932), определили приоритетные цели и задачи индустриализации страны (фактическая реализация пятилетки началась в октябре 1928 г.). Для достижения в перспективе полной независимости Советского Союза от импорта зарубежного сырья и оборудования план предусматривал форсированное развитие отраслей промышленности, производящих средства производства. Предполагалось резкое увеличение выработки электроэнергии, добычи угля, выпуска чугуна и стали. Планировалось построить около 1,5 тыс. крупных предприятий и объектов инфраструктуры, но скорое осознание нереалистичности такой задачи заставило партийно-государственное руководство сосредоточить капиталовложения на развитии 54, а затем и 14 наиболее значимых индустриальных проектов [1. С. 140, 142].

Важное место в реализации задач первой пятилетки занимала Западная Сибирь, богатая запасами каменного угля в Кузнецком угольном бассейне (Кузбассе). XVI съезд ВКП(б), прошедший летом 1930 г., в своей резолюции среди приоритетов индустриализации на первое место поставил формирование на востоке страны мощной угольно-металлургической базы – Урало-Кузнецкого комбината (УКК). В его состав вошли строящиеся металлургические гиганты – Магнитогорский и Кузнецкий заводы [2. С. 295]. В первые годы пятилетки проектная мощность Кузнецкого завода (позже – комбината) была увеличена с 360 тыс. тонн чугуна в год до 500 тыс., затем до 860 тыс. и, наконец, до 1,2 млн тонн [3. С. 109]. Строительство завода началось в мае 1929 г., при этом основные цехи предприятия предполагалось запустить в строй уже в конце 1931 г. [4. С. 21]. Ключевая роль в обеспечении сырьем металлургических заводов УКК и других предприятий Урала и Сибири отводилась Кузбассу. Запланированный для региона годовой объем добычи угля, которого следовало достичь к 1932 г., в ходе реализации пятилетнего плана был увеличен с 6 млн тонн до 10,5 млн [5. С. 53–54]. Источником роста угледобычи определялись масштабная реконструкция действовавших шахт и строительство новых в Прокопьевском, Ленинском, Кемеровском, Анжеро-Судженском и некоторых других угольных районах.

Индустриальные проекты требовали привлечения десятков тысяч новых рабочих как высокой, так и низкой квалификации. Поскольку в период первой пятилетки Сибирь оставалась аграрным регионом, пополнение трудовых коллективов квалифицированными кадрами осуществлялось в основном за счет вербовки рабочих из других регионов СССР. Однако острая потребность в рабочей силе по всей стране существенно ограничивала возможности этой практики. Подавляющее большинство рабочих прибывали на индустриальные стройки, шахты и предприятия Сибири из местных деревень. Так, в 1930 г. в числе новых рабочих промышленности Западной Сибири вчерашние крестьяне составили 80%, в 1931 г. – 88%, в 1932 г. – 85%; на строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в 1932 г. – 90,5% [6. С. 85–87]. Большинство таких рабочих не имели профессиональной подготовки, в лучшем случае их трудовой опыт ограничивался сезонными работами в строительстве и угольной промышленности или кустарными промыслами. Перед хозяйственными руководителями вставали сложные задачи мотивации труда: закрепить вчерашних крестьян на рабочих местах, побудить их осваивать промышленные или строительные специальности и выполнять установленные нормы выработки.

Важным элементом в системе мотивации труда выступает дифференциация материального вознаграждения. Более высокие заработки в ключевых отраслях экономики и промышленного производства способствуют перераспределению рабочей силы в пользу приоритетных секторов индустриального развития. Дифференциация заработной платы в зависимости от производственного разряда, сложности и значимости профессии побуждает работников повышать квалификацию и осваивать востребованные производством специальности. Кроме того, строгая зависимость материального вознаграждения от результатов труда моти-

вирует рабочих трудиться интенсивнее и не допускать брака. Таким образом, дифференциация заработной платы способствует решению двух задач мотивации труда: привлечению работников на производство (в том числе квалифицированных кадров); созданию действенных стимулов для роста производительности и качества труда.

В середине 1920-х гг. в советской трудовой политике обозначился курс, направленный на сокращение дифференциации в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, который способствовал выравниванию заработков в разных отраслях промышленности [7. С. 31]. Однако в ходе реализации первого пятилетнего плана руководство страны осознало необходимость активизировать материальные стимулы к труду с помощью усиления дифференциации денежного вознаграждения. Новый подход нашел отражение в знаменитой речи И.В. Сталина на совещании хозяйственных руководителей 23 июня 1931 г. в Москве [8]. Ряд тезисов, озвученных советским лидером, лег в основу тарифной реформы 1931–1933 гг., которая началась в металлургии и угольной промышленности в сентябре 1931 г. [9]. Главной задачей реформы провозглашалось искоренение «уравниловки» в оплате труда, что должно было привести к сокращению текучести кадров и существенному росту производительности труда.

В современной историографии советская политика в области оплаты труда в период первых пятилеток рассматривалась в рамках исследований, посвященных истории сталинской индустриализации [10, 11], взаимоотношениям между рабочим классом и властью [12], проблемам мотивации труда [13–15]. Как установил Р. Дэвис, в период с начала первой пятилетки и до упомянутого выступления Сталина 23 июня 1931 г. в СССР отсутствовала последовательная политика в сфере оплаты труда, и на практике уравнительные тенденции сочетались с попытками повысить заработки в стратегически важных отраслях – угольной промышленности и металлургии [10. P. 272; 11. P. 82, 85]. Д. Фильцер обратил внимание на складывание на предприятиях в изучаемый период неформальных практик регулирования оплаты труда, которые стали следствием стремления хозяйственных руководителей повышать номинальные заработки рабочих в условиях дефицита рабочей силы [12. P. 52–53, 118–119]. Ученые указали на ослабление стимулирующей функции заработной платы в первой пятилетке в связи с введением карточной системы распределения продовольствия [13] и резким ростом инфляции [15. С. 70–71].

Особое место в историографии проблемы занимает монография А.А. Ильюхова [16], посвященная эволюции советской политики в области оплаты труда, в том числе в период индустриализации. Автор детально проанализировал проведенную в начале 1930-х гг. реформу заработной платы, которая, по его оценке, привела к существенному усилению дифференциации в заработках рабочих разных отраслей и производственных групп. Важнейшим результатом реформы стало укрепление прямой связи между результатами труда и его оплатой, что превратило заработную плату в действенный инструмент повышения производительности труда [16. С. 327].

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к проблемам оплаты труда в период советской индустриализации, малоизученным остается вопрос реальной дифференциации в заработках работников внутри отдельных отраслей и между профессиональными группами. Существующие в научной литературе оценки основаны на агрегированных общесоюзных данных или примерах организации оплаты труда на отдельных предприятиях преимущественно европейской части СССР. Проблема дифференциации оплаты труда в период индустриализации не изучалась на материалах сибирского региона. Кроме того, в историографии преобладает традиция рассматривать сужение или усиление дифференциации в качестве следствия директивных решений центральных органов власти, тогда как роль хозяйственных руководителей в формировании межотраслевых или профессиональных различий в оплате труда часто остается вне поля зрения ученых.

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении и оценке дифференциации заработной платы в промышленности и индустриальном строительстве Западной Сибири в качестве инструмента мотивации труда в период реализации первого пятилетнего плана (1928–1932). Мы сосредоточим внимание на ключевых индустриальных объектах региона: угольной промышленности Кузбасса и строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК).

В качестве источников в исследовании использовались статистические данные о средних заработках рабочих и служащих по отраслям труда и промышленного производства, собранные сотрудниками Западносибирского управления народно-хозяйственного учета и опубликованные в статистических справочниках о развитии народного хозяйства Западно-Сибирского края [17, 18]. Особенность этих справочников – отсутствие единообразия в представлении обработанных статистических данных. Так, в справочниках разных лет различаются перечни отраслей промышленности, названия ряда отраслей, группы промышленно-производственного персонала и некоторые другие параметры. Названная особенность ограничила возможности для сравнительного анализа данных о заработной плате в некоторых отраслях в период первой пятилетки.

Ценные статистические сведения о заработной плате рабочих разных профессий, текучести кадров и производительности труда были получены нами из экономических изданий конца 1920-х – первой половины 1930-х гг., посвященных развитию Кузнецкого угольного бассейна [19, 20] и строительству КМК [3, 21].

В исследовании использовались источники личного происхождения, включающие воспоминания участников строительства КМК (Кузнецкстроя): хозяйственных руководителей, партийных работников и рядовых рабочих [22–25], а также мемуары Сергея Мироновича Франкфурта – начальника Кузнецкстроя и первого директора комбината [4]. При критическом анализе эти источники позволили понять некоторые детали организации оплаты труда на стройке и оце-

нить роль заработной платы в трудовой мотивации рабочих.

Дифференциация оплаты труда в строительстве

В табл. 1 представлена среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Западно-Сибирского края в основных отраслях труда несельскохозяйственного сектора в 1929–1931 и 1935 гг., а также отношение средних заработков в строительстве, транспорте, на предприятиях народной связи и торговли к заработной плате в крупной промышленности (взята за 100%). Данные за 1929–1931 гг. демонстрируют увеличение дифференциации в оплате труда в пользу строительства и транспорта за счет отраслей, менее связанных с решением задач индустриализации (народная связь, торговля, общественное питание). Более высокие заработки в строительстве в 1930 и 1931 гг. относительно заработной платы в крупной промышленности соответствуют значимой роли этой отрасли труда в решении ключевых задач индустриального развития Западной Сибири – строительстве КМК и шахт в угольных районах Кузбасса. Сведения о заработках рабочих и служащих края в отраслях труда за 1932 г. к настоящему времени обнаружить не удалось, но данные за 1935 г. указывают на произошедшее во второй пятилетке снижение средней заработной платы в строительстве по отношению к заработкам в промышленности. Это снижение стало следствием начавшейся в октябре 1931 г. тарифной реформы, направленной на повышение заработной платы в ключевых отраслях промышленного производства, а также запуска ряда промышленных предприятий. Так, в 1932 г. вошли в эксплуатацию шахты в новых угольных районах Кузбасса (Киселевском, Араличевском и др.) и первая очередь Кузнецкого металлургического комбината. Относительное сокращение заработков в строительстве создавало для строительных рабочих стимулы к освоению промышленных профессий.

Как следует из данных табл. 2, в 1929 и 1930 гг., несмотря на сохранение в политике государства уравнительного курса, заработки рабочих на стройке КМК значительно – на 52,3 и 32,3% – превышали средние в строительной отрасли Западно-Сибирского края, но в 1931 г. этот разрыв сократился до 12,5%. Согласно воспоминаниям С.М. Франкфурта, уровень заработной платы на строительстве комбината имел большое значение для привлечения рабочей силы. Он отмечал, что многие рабочие приезжали на стройку «за длинным рублем» [4. С. 32]. Начальник Кузнецкстроя в качестве примера привел разговор рабочих, подслушанный им в поезде: «Они подробно рассказывали, какой обед дают в Сталинграде, какие промтовары в распределителях Днепростроя, какую “спецуру” дают в Челябинске, каковы заработки на Магнитке» [4. С. 34]. Строительство КМК находилось в числе приоритетных проектов первой пятилетки, что означало привилегированное положение стройки в получении товарных фондов. Таким образом, рабочим Кузнецкстроя было легче, чем рабочим любых других строек и предприятий края, «превратить» заработную плату в товары, что повышало ее стимулирующее значение.

Таблица 1

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Западно-Сибирского края в основных отраслях труда несельскохозяйственного сектора в 1929–1931, 1935 гг.*

Отрасли труда	Среднемесячная заработная плата, руб.				% к заработной плате в крупной промышленности			
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1935 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1935 г.
Крупная промышленность	62,33	69	82,58	186	100	100	100	100
Строительство	59,67	79	88,67	172	95,7	114,5	107,4	92,5
Транспорт	65,92	75,83	92,67	163	105,8	109,9	112,2	87,6
Народная связь	56,75	62,17	70,08	148	91	90,1	84,9	79,6
Торговля	53,33	62	70,25	124	85,6	89,9	85,1	66,7
Общественное питание	48,17	56,33	60,25	113	77,3	81,6	73	60,8

* Рассчитано по: [17. С. 401; 18. С. 98].

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих в строительной отрасли Западно-Сибирского края и на строительстве КМК в 1929–1931 гг., руб.*

Отрасль труда (строительный объект)	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Строительство	54,67	69	81,92
Строительство КМК	83,28	91,25	92,16
% к заработной плате в строительстве края	152,3	132,3	112,5

* Рассчитано по: [3. С. 151; 17. С. 401].

Руководство Кузнецкстроя активно использовало повышенные заработки как инструмент привлечения и удержания рабочих. По свидетельствам С.М. Франкфурта, несмотря на споры с секретарями краевого комитета ВКП(б), на строительных участках удавалось самостоятельно устанавливать систему оплаты труда и премирования [4. С. 47, 50]. Начальник Кузнецкстроя, вспоминая ход строительства КМК, выделял руководителей, которые могли эффективно организовать работу и систему материального вознаграждения на своих участках [4. С. 29].

Повышенные заработки обеспечивали массовый приток рабочих на стройку. Так, в 1930 г. на Кузнецкстрой прибыло более 42 тыс. рабочих, в 1931 г. – более 96 тыс. Вместе с тем наблюдалась и крайне высокая текучесть, особенно в 1929–1930 гг. (табл. 3).

Как следует из воспоминаний С.М. Франкфурта, далеко не на всех участках строительства труд оплачивался без нарушений и задержек [4. С. 16, 128]. Но главной причиной текучести все же был недостаток жилья. Сам Франкфурт придерживался позиции: «нужно строить промышленность, завод, а не бараки», – поэтому многие рабочие рыли землянки или сооружали бараки своими силами [24. С. 45]. Когда ситуация с жильем нормализовалась, политика оплаты труда, проводимая на стройке, стала давать более заметные результаты. Как показывают данные табл. 3, в 1931–1932 гг. текучесть на Кузнецкстрое постепенно снижалась, хотя и оставалась высокой. Негативное влияние на этот показатель, помимо тяжелых жилищно-бытовых условий, оказывал сезонный характер многих строительных работ.

Таблица 3

Текучесть рабочих кадров на строительстве КМК в 1929–1932 гг.*

Показатели	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Среднее число рабочих	1 425	10 295	27 881	44 684
Количество прибывших рабочих	6 871	42 183	96 566	62 572
% к среднему числу рабочих	482,2	409,8	346,4	140
Количество уволенных рабочих	4 806	35 995	67 790	71 897
% к среднему числу рабочих	337,3	349,7	243,1	160,9

* Рассчитано по: [3. С. 149].

Таблица 4

Дневная заработная плата рабочих отдельных профессий в строительной отрасли Сибири и на строительстве КМК в мае–сентябре 1929 г.*

Профессии	В среднем в строительстве Сибири, руб.	Строительство КМК	
		руб.	% к заработной плате в Сибири
Землекопы	2,64	2,54	96,2
Бетонщики	2,71	4,02	148,3
Каменщики	2,72	3,64	133,8
Плотники	3,52	2,62	74,4

* Источник: [21. С. 16].

Таблица 5

Среднемесячная заработная плата рабочих в строительстве СССР и на строительстве КМК в 1930 г.*

Профессия	В среднем в строительстве СССР, руб.	Строительство КМК	
		руб.	% к строительству в целом
Землекопы	93,7	73,11	78
Бетонщики	94,7	97,82	103,3
Каменщики	94,5	115,8	122,4
Плотники	95,6	90,51	94,7

* Рассчитано по: [3. С. 151; 26. С. 134].

Высокая заработная плата на стройке Кузнецкого металлургического комбината в 1929–1931 гг. была характерна в первую очередь для рабочих наиболее востребованных и квалифицированных профессий. Согласно данным табл. 4, в мае–сентябре 1929 г. на этом объекте, ключевом для индустриального освоения Западной Сибири, наблюдалась более выраженная, чем в среднем по региону, дифференциация в оплате труда между квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Если в строительной отрасли Сибири соотношение заработков квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 1,33 (3,52 руб. к 2,64 руб.), то на строительстве КМК – 1,58 (4,02 руб. к 2,54 руб.). Высокая профессиональная дифференциация на стройке сохранялась и в 1930 г., о чем свидетельствуют данные табл. 5. В то время как в строительстве СССР каменщики и землекопы в месяц зарабатывали почти одинаково (соотношение 1,02), на Кузнецкстрое соотношение в оплате труда рабочих этих профессий по-прежнему составляло 1,58.

Как видно из табл. 4, в мае–сентябре 1929 г. бетонщики и каменщики на строительстве КМК зарабатывали значительно больше, чем рабочие этих же специальностей в среднем в Сибири. Данные табл. 5 позволяют предположить, что относительно высокие заработки каменщиков сохранились и в 1930 г. Такая ситуация была обусловлена спецификой начального этапа строительства. Как отмечал С.М. Франкфурт, на Кузнецкстрое тогда преобладало упрощенное представление: «будет готово здание – будет запущен и цех» [4. С. 55]. В результате труд бетонщиков, занимавшихся заливкой фундаментов цехов и производственных печей, а также каменщиков, выполнявших как обычную кладку цеховых помещений, так и сложную огнеупорную кладку доменных и мартеновских печей, оплачивался высоко.

Свидетельства участников строительства КМК указывают, что каменщики нередко работали по нескольку суток без перерыва [23. С. 96], особенно на ответственных участках, где обнаруживалось отставание от плана. Такая интенсивность труда, включавшая значительный объем сверхурочных работ, существенно повышала средние заработки каменщиков по сравнению с рабочими других строительных специальностей.

Огромные масштабы строительства Кузнецкого металлургического комбината создавали острую по-

требность в квалифицированных каменщиках. Как видно из табл. 5, заработки каменщиков, строивших КМК, значительно превышали средние для этой профессии в СССР, что активно использовали вербовщики для привлечения рабочих данной специальности из других регионов страны. Так, в мае 1930 г. на стройку прибыли около тысячи каменщиков из Калуги [22. С. 73]. Однако практика вербовки нередко сопровождалась нарушениями: вербовщики завышали расценки в договорах, что приводило к конфликтам.

Ярким примером такого конфликта служит ситуация, описанная М.А. Павлюшиным, калужским каменщиком, а в будущем плановиком на одном из участков Кузнецкстроя. Группа каменщиков, обнаружив расхождение между обещанными и реальными условиями оплаты труда, отказалась приступать к работе и покинула стройку. С.М. Франкфурту удалось удержать остальных рабочих, пообещав немедленно устранить «недоразумения» [22]. Начальник стройки осознавал критическую важность квалифицированных кадров для успеха строительства в сибирских условиях: по его распоряжению к каждому каменщику были прикреплены по 3–4 чернорабочих, которые через два месяца работы приобретали специальность, востребованную на Кузнецкстрое.

Источники позволяют выявить причины низкой оплаты труда землекопов на строительстве КМК, отраженной в табл. 4, 5. Они заключались в том, что основную рабочую силу для рытья котлованов составляли спецпереселенцы, а также в большинстве случаев принудительно направленные на стройку шорцы и казахи, никогда не работавшие в строительстве [25. С. 96, 102]. Кроме того, земляные работы выполнялись практически вручную: первые экскаваторы появились на стройплощадке лишь в конце строительного сезона 1930 г. [3. С. 116].

Несмотря на срыв первоначального плана по запуску первой очереди комбината в конце 1931 г., уже в феврале 1932 г. была введена в эксплуатацию первая батарея коксового цеха, в апреле – первая доменная печь, в сентябре – мартеновская печь, а в ноябре начал работу прокатный цех [27. С. 4]. Столь быстрое завершение первого этапа строительства комбината стало возможным за счет экстенсивных методов: массового привлечения дополнительных рабочих, широкого использования сверхурочного труда и снижения требований к качеству работ.

Таблица 6

Динамика натуральной выработки на строительстве КМК на 1 человеко-день в 1931 и 1932 г.*

Виды работ	Ед. изм.	1931 г.	1932 г.
Земляные работы	$м^3$	2,88	2,55
Бетонные работы		1,78	1,3
Кирпичная кладка	тыс. шт.	334,75	283,5
Огнеупорная кладка	тонн	2,03	0,9

* Рассчитано по: [3. С. 150].

Как свидетельствуют данные табл. 6, в год запуска основных цехов производительность труда строителей заметно снизилась. С.М. Франкфурт в своих воспоминаниях отмечал «скверное качество строительных и монтажных работ», из-за которого после формального ввода цехов в эксплуатацию приходилось еще долго устранять серьезные «недоделки» [4. С. 58, 62, 79, 87].

Дифференциация оплаты труда в промышленности

Данные табл. 7 демонстрируют наиболее существенный рост заработной платы в 1930 г. по сравнению с 1929 г. в ключевых для первой пятилетки отраслях промышленности: в металлургии заработки увеличились на 12,5%, на электростанциях – на 16,7%. В каменноугольной промышленности, напротив, в этот же период заработная плата увеличилась только на 7% и оставалась на уровне средней в промышленности, что не соответствовало значению отрасли в решении задач индустриализации Западной Сибири.

Таблица 7

Среднемесячная заработная плата рабочих в отдельных отраслях крупной промышленности Западно-Сибирского края в 1929–1932 гг.*

Отрасли промышленности	Среднемесячная заработная плата, руб.				% к средней заработной плате в крупной промышленности			
	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Вся промышленность	58,95	63,46	75,35	104,92	100	100	100	100
Электростанции	63,53	74,15	83,29	124,25	107,8	116,9	110,5	118,4
Каменноугольная	59,07	63,23	79,88	116,83	100,2	99,6	106	111,4
Металлургическая	70,46	79,28	89,02	124,42	119,5	124,9	118,1	118,6
Кожевенная	58,39	61,92	62,92	70	99,1	97,6	83,5	66,7
Текстильная	42,93	42,19	50,56	56,67	72,8	66,5	67,1	54
Полиграфическая	68,28	71,73	71,49	92,75	115,8	113	94,9	88,4

* Рассчитано по: [17. С. 412; 18. С. 104].

Примечание. Для составления таблицы и расчетов использовались данные из двух статистических изданий: [17, 18]. В анализ включены те отрасли промышленности, которые представлены в обоих изданиях. Нашим допущением стало отнесение «металлической промышленности» из справочника 1932 г. [17] к металлургической отрасли. В статистическом справочнике 1936 г. [18] текстильная промышленность разделена на хлопчатобумажную и льняную отрасли. Однако данные о заработной плате в хлопчатобумажной промышленности за 1932 г. отсутствуют, поскольку Барнаульский меланжевый комбинат – первое крупное предприятие этого профиля в регионе – в тот период находился в стадии строительства. В связи с этим для расчета средней заработной платы в текстильной промышленности за 1932 г. были использованы показатели по льняной промышленности. За 1929–1931 гг. в таблице приведена средняя заработная плата рабочих, включая учеников, за 1932 г. – только рабочих. Это различие не влияет на достоверность выводов исследования, поскольку рассчитывалось отношение заработной платы в разных отраслях к средней в крупной промышленности.

Таблица 8

Текучесть рабочих кадров (включая учеников) в отдельных отраслях крупной промышленности Западно-Сибирского края в 1929, 1930 и 1931 гг. (в % к среднему числу рабочих)*

Отрасли промышленности	1929 г.		1930 г.		1931 г.	
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло
Вся промышленность	272,1	243,1	327,2	300,4	210,6	187,5
Электростанции	81,9	70,9	144	118,5	144,6	129
Каменноугольная	344	314,1	442	426,5	225,3	188,4
Металлургическая	180,2	133,2	195	152,4	187,8	149,1
Кожевенная	210,9	180,8	228,9	205	184,9	168,6
Текстильная	54,2	60,7	95,3	79,6	105	106,2
Полиграфическая	166,4	95,7	124,3	114,7	102,3	103,8

* Источник: [17. С. 403].

В табл. 8 показаны значительные различия в уровне текучести кадров между отраслями промышленности Западно-Сибирского края в 1929–1931 гг. Особенно выделяется каменноугольная промышленность, где в 1930 г. уволилось 426,5% от среднего числа рабочих в этом году, что более чем в пять раз превысило аналогичный показатель в текстильной отрасли (79,6%).

Чрезвычайно высокий уровень текучести кадров в угольной промышленности в 1929–1930 гг. объяснялся сочетанием крайне тяжелых условий труда и относительно низкой заработной платы (см. табл. 7). Проблемой выступал низкий уровень механизации угледобычи на шахтах Кузбасса: в 1929 г. от составлял только 10,2%, в 1930 г. – 22,4% [20. С. 27]. В этих условиях для выполнения постоянно растущих плановых заданий руководство шахт вынужденно привлекало дополнительную рабочую силу. Новые рабочие, не имея необходимой подготовки, демонстрировали низкую производительность труда, что, в свою очередь, ограничивало возможности повышения заработной платы. Возникал замкнутый круг: тяжелые условия труда и недостаточное вознаграждение вызывали высокую текучесть, а постоянный приток неподготовленных кадров, в свою очередь, препятствовал росту производительности и повышению заработков.

Сохраняя официальный курс на уравнительность в оплате труда, государство еще до тарифной реформы 1931–1933 гг. предпринимало попытки повысить заработки рабочих на шахтах Кузбасса. В 1929 г. и дважды в 1930 г. на угольных предприятиях повышались тарифные ставки. Как следует из табл. 9, наиболее существенно они были подняты для квалифицированных подземных профессий: машинистов врубовых машин, запальщиков, подземных откатчиков и забойщиков (в табл. 9 подчеркнуты подземные профессии, а также значительные повышения ставок – на 19–20% и более).

Таблица 9

Динамика тарифных ставок для рабочих каменноугольной промышленности Кузбасса в 1928–1931 гг.*

Профессия	Разряд	Единица измерения	Период действия тарифных ставок							01.01.1931 г. в % к 1928 г.
			1928 г.	1929 г.	1930 г.		1931 г.			
					с 01.01	с 01.10	01.01	15.2	01.10	
Машинисты врубмашин	11	руб.	2,62	2,73	3	3,8	4,1	5,1	7	267,2
		% к пред. периоду	–	104,2	109,9	126,7	107,9	124,4	137,3	
Запальщики	9	руб.	1,95	2,46	2,94	3,52	3,63	3,63	4,8	246,2
		% к пред. периоду	–	126,2	119,5	119,7	103,1	100	132,2	
Откатчики подземные	7	руб.	1,57	1,64	1,95	2,2	2,3	3	3,5	222,9
		% к пред. периоду	–	104,5	118,9	112,8	104,6	130,4	116,7	
Забойщики	10	руб.	2,62	2,73	3	3,6	3,8	4,5	5,75	219,5
		% к пред. периоду	–	104,2	109,9	120	105,6	118,4	127,8	
Коногоны	7	руб.	1,76	1,83	1,9	2,2	2,3	2,75	3,5	198,9
		% к пред. периоду	–	104	103,8	115,8	104,6	119,6	127,3	
Лесодоставщики	6	руб.	1,76	1,83	1,87	1,87	2,06	2,5	3	170,5
		% к пред. периоду	–	104	102,2	100	110,2	121,4	120	
Откатчики поверхностные	3	руб.	1,27	1,33	1,38	1,43	1,57	1,57	1,95	153,5
		% к пред. периоду	–	104,7	103,8	103,6	109,8	100	124,2	

* Рассчитано по: [19. С. 206].

Примечание. Для уточнения разряда профессии и места работы (под землей или на поверхности) использовались тарифный справочник для рабочих Прокопьевского угольного района [28] и Постановление Президиума ВСНХ СССР и ВЦСПС от 20 сентября 1931 г. «О перестройке системы заработной платы в металлургии и угольной промышленности» [9].

Как показывают данные табл. 8, повышения тарифных ставок, реализованные в 1929–1930 гг., не привели к ожидаемому результату: угольная промышленность так и не приобрела статус высокооплачиваемой отрасли, необходимый для привлечения и закрепления работников.

В 1931 г. ставки в угольной промышленности Кузбасса обновились еще три раза: дважды до тарифной реформы и один раз в рамках реформы (01.10.1931). Повышения ставок, осуществленные в этом году, были заметными и для рабочих низко- и среднеквалифицированных профессий: коногонов, лесодоставщиков и откатчиков, работавших на поверхности (см. табл. 9). В результате, как следует из данных табл. 7, в 1931 г. средняя заработная плата в каменноугольной промышленности выросла на 26,3%, и в этом году она

составила 106% к зарплате в крупной промышленности, а в следующем году – 111,4%.

Тарифная реформа началась в 1931 г. в угольной промышленности и металлургии и в 1932 г. продолжилась в других отраслях. Ее результатом стало усиление межотраслевой дифференциации в оплате труда. Согласно расчетам, выполненным на основе данных табл. 7, в 1929 г. соотношение зарплаты рабочих в металлургии и текстильной промышленности составляло 1,64, в 1932 г. – 2,2. Также заработки рабочих в кожевенной, текстильной и полиграфической промышленности значительно сократились по отношению к средней зарплате в крупной промышленности. Если в 1930 г. средняя заработная плата в кожевенной промышленности составляла 97,6%, то в 1932 г. – 66,7%. Аналогичная динамика наблюдалась в текстильной отрасли (снижение с 72,8 до 54%) и полиграфической промышленности (с 115,8 до 88,4%).

Усиление межотраслевой дифференциации заработной платы оказало влияние на проблему текучести кадров в промышленности. В угольной отрасли ситуация заметно улучшилась: если в 1930 г. текучесть составляла 426,5%, то в 1931 г. она снизилась до 188,4% (см. табл. 8) и в 1932 г. сохранялась примерно на том же уровне – 189,4% [19. С. 197].

Введение новых тарифных ставок в различных отраслях промышленности предполагало обязательный пересмотр норм выработки. Установление более точных и жестких нормативов позволило бы увеличить долю тарифной части в заработной плате рабочих, что создало бы условия для реализации ключевой задачи реформы – усиления межотраслевой дифференциации оплаты труда в пользу приоритетных отраслей (металлургии и угольной промышленности). Одновременно ужесточение нормирования должно было стимулировать рабочих к повышению производительности труда для сохранения и роста уровня заработков. Таким образом, наряду с дифференциацией оплаты важнейшей целью реформы становилось повышение эффективности производства через рост производительности труда.

В 1931 г. для угольных районов Кузбасса был разработан новый тарифный справочник, который, согласно исследованию Н.И. Хромцова, посвященному вопросам организации труда в угольной промышленности региона, не получил практического применения из-за «чрезвычайной сложности» установления конкретных норм выработки [19. С. 202]. Это означало, что на шахтах продолжали действовать нормы, устанавливавшиеся эмпирическим путем [19. С. 201] – на основе реальных результатов труда рабочих, которые не всегда были следствием его максимальной интенсивности.

Организация нормирования на угольных предприятиях затруднялась острой нехваткой квалифицированных специалистов. Так, в 1929 г. на одного хронометражиста в Кузбассе приходилось 759 рабочих, а в 1934 г. – уже 2 738 [19. С. 204]. В таких условиях вопросы нормирования и оплаты труда фактически регулировались десятниками и бригадирами, что означало наличие широких возможностей для смягчения норм выработки.

За период 1928/1929–1932 гг. добыча угля в Кузбассе увеличилась более чем вдвое: с 3 млн тонн в 1928/29 г. до 7 млн тонн в 1932 г. Этот рост сопровождался почти двукратным увеличением численности рабочих (с 12,1 тыс. до 23,7 тыс. человек). В свою очередь, производительность труда в среднем возросла лишь на 15,8% (табл. 10) при росте механизации добычи угля с 10,2 до 45,2% [20. С. 27]. Параллельно наблюдался значительный рост заработной платы рабочих: в 2–2,5 раза по разным угольным районам за первую пятилетку.

Таблица 10

Заработная плата и производительность труда рабочих по добыче угля в угольных районах Кузбасса в 1928/1929 и 1932 г.*

Районы	Среднемесячная заработная плата (без коммунальных услуг), руб.			Среднемесячная производительность, т		
	1928/1929 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928/1929 г.	1928/1929 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928/1929 г.
Анжеро-Судженский	54,61	116,89	214	19,31	22,06	114,2
Кемеровский	52,24	126,34	241,8	21,21	24,23	114,2
Ленинский	57,58	112,09	194,7	21,25	21,23	99,9
Прокопьевский	54,31	114,71	211,2	22,47	31,91	142
Хакасский	53,2	104,23	195,9	24,42	18,82	77,1
Кузбассуголь	54,91	111,55	203,2	20,71	23,98	115,8

* Рассчитано по: [20. С. 65, 70].

Таблица 11

Динамика заработной платы и производительности труда рабочих по добыче угля в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг. (в % к предыдущему году)*

Районы	Показатели	1929/1930 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Анжеро-Судженский	Заработная плата	104,7	104,8	144	135,4
	Производительность труда	97	103,1	114,8	99,4
Кемеровский	Заработная плата	106,5	123,3	124,3	148,1
	Производительность труда	93,2	96,3	102	124,9
Ленинский	Заработная плата	111,9	102,9	130,8	129,3
	Производительность труда	117,3	95,9	94,1	94,4
Прокопьевский	Заработная плата	106,6	107,9	147,3	124,6
	Производительность труда	108	103,1	114,7	111,2

Окончание табл. 11

Районы	Показатели	1929/1930 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Хакасский	Заработная плата	106,6	109,4	144,1	116,6
	Производительность труда	98,9	103,7	68,7	109,4
Кузбассуголь	Заработная плата	106,7	105,4	142	127,2
	Производительность труда	103,6	101,2	106,7	103,5

* Рассчитано по: Среднемесячная заработная плата рабочего по добыче угля (без коммунальных услуг) (в руб.) [20. С. 70]; Среднемесячная производительность рабочего по добыче угля (в т) [20. С. 65].

Анализ данных табл. 11 показывает отсутствие прямой корреляции между темпами роста заработной платы и динамикой производительности труда в угольных районах Кузбасса. В большинстве случаев значительное увеличение вознаграждения не сопровождалось пропорциональным ростом производительности труда, что свидетельствует о слабой стимулирующей роли заработной платы.

Современные исследования подвергают сомнению утверждение советской историографии о росте благосостояния рабочих в годы первой пятилетки [15, 29]. Ученые отмечают, что увеличение номинальной заработной платы не поспевало за стремительной инфляцией, и это фактически сводило на нет рост доходов. В таких условиях усиление межотраслевой дифференциации в оплате труда способствовало перераспределению рабочей силы в пользу приоритетных отраслей промышленности. Гарантированная более высокая заработная плата привлекала рабочих в угольную отрасль, но не мотивировала к повышению производительности труда. Хозяйственные руководители сознательно избегали радикального ужесточения норм выработки, опасаясь резкого роста текучести кадров, которая оставалась серьезной проблемой. В результате нормы могли быть низкими, а оплата труда строго не зависеть от его результатов.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить наличие заметной дифференциации в оплате труда в промышленности и строительстве Западной Сибири в период с начала первой пятилетки и до официального отказа партийно-государственного руководства от уравнительной политики после выступления И.В. Сталина в июне 1931 г. на совещании хозяйственников в Москве и начала в сентябре того же года тарифной реформы. Степень этой дифференциации зависела от места отрасли или отдельного индустриального проекта в магистральных целях первого пятилетнего плана, важности профессии для выполнения производственных заданий, а также от инициативы и усилий конкретных хозяйственных руководителей. Установлено, что заработки рабочих на строительстве Кузнецкого металлургического комбината в 1929 и 1930 гг. значительно (на 52,3 и 32,3%) превышали средние в строительной отрасли региона. Также в этот период на Кузнецкстрое была более заметной профессиональная дифференциация в оплате труда: в 1929 и 1930 гг. соотношение заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих составляло 1,58, что заметно превышало аналогичный показатель в строительстве Сибири (1,33 в 1929 г.) и СССР в целом (1,02 в 1930 г.). Политика государства в области оплаты труда в обозначенный период не определялась исключительно идеологическими ориентирами на равенство и включала реальные попытки с помощью повышения тарифных ставок усилить дифференциацию материального вознаграждения в пользу приоритетных отраслей промышленности, хотя объективные производственные условия (как в угольной промышленности региона) препятствовали таким попыткам.

Анализ динамики средней заработной платы в различных отраслях промышленности Западной Сибири показал, что тарифная реформа 1931 г. привела к усилению межотраслевой дифференциации оплаты труда. В 1929 г. соотношение заработков рабочих в металлургии и текстильной промышленности составляло 1,64, а к 1932 г. увеличилось до 2,2. В угольной промышленности зарплата рабочих относительно средней в крупной промышленности края выросла с 99,6% в 1929 г. до 111,4% в 1932 г. В то же время в строительстве наблюдалась обратная тенденция: если в 1930 г. заработная плата рабочих и служащих составляла 114,5% относительно средней в промышленности, то к 1935 г. снизилась до 92,5%.

Изучение дифференциации оплаты труда в качестве инструмента трудовой мотивации на примере строительства Кузнецкого металлургического комбината и угольной промышленности Кузбасса позволило установить, что размер заработной платы на предприятии или стройке играл важную роль для рабочих при выборе места работы и оказывал влияние на текучесть кадров, но не стал действенным стимулом для роста производительности труда. Как показывает исследование, хозяйственные руководители на строительных участках КМК и угольных шахтах Кузбасса выполняли плановые задания за счет привлечения дополнительной рабочей силы, обращения к сверхурочному труду или снижения требований к качеству работы. Несмотря на существенное сокращение показателей текучести к концу пятилетки, эта проблема оставалась крайне острой, что определяло слабую заинтересованность руководителей в поиске способов повышения производительности труда, связанных с ужесточением требований к рабочим и угрожавшим снижению их заработной платы.

Для решения таких проблем мотивации труда, как высокая текучесть кадров и низкая производительность труда, требовались более значительное повышение заработной платы, устранение товарного дефицита, улучшение жилищно-бытовых условий, а также активизация принудительной составляющей в оплате труда с помощью установления для рабочих более точных и жестких норм выработки. Необходимость

усиления не только межотраслевой дифференциации материального вознаграждения, но и зависимости между заработной платой и результатами труда заставит партийно-государственное руководство продолжить корректировать политику в области оплаты труда рабочих уже во второй пятилетке.

Список источников

1. Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. : Политиздат, 1984. 304 с.
2. Резолюция XVI съезда по отчету ЦК // XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. С. 293–299.
3. Кузнецкий металлургический комбинат имени тов. И.В. Сталина от XVI к XVII съезду ВКП(б). Л. : Тип. Акад. наук СССР, 1934. 208 с.
4. Франкфурт С.М. Рождение стали и человека : очерки о создании Кузнецкстроя. М. : Старый большевик, 1935. 272 с.
5. Заболотская К.А., Халиулина А.А., Карпенко З.Г. и др. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово : Кн. изд-во, 1997. 301 с.
6. Московский А.С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 300 с.
7. Бородкин Л.И. Дифференциация заработной платы промышленных рабочих на закате нэпа: между «уравниловкой» и стимулированием труда // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 27–37.
8. Сталин И.В. Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М. : Парт. изд-во, 1933. С. 586–603.
9. О перестройке системы заработной платы в металлургии и угольной промышленности : постановление Президиума ВСНХ СССР и ВЦСПС от 20.09.1931 // Правда. 1931. 22 сент. № 262 (5067).
10. Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia. Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1998. Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. 601 p.
11. Davies R.W. The Industrialisation of Soviet Russia, Basingstoke ; London : Macmillan Press, 1996. Vol. 4: Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. 612 p.
12. Filtzer D. Soviet workers and Stalinist industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. London : Pluto Press, 1986. 324 p.
13. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // Экономическая история. Обозрение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 39–80.
14. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
15. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
16. Ильюхов А.А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 416 с.
17. Западно-Сибирский край : материалы по экономике края. Новосибирск : ОГИЗ, Западносиб. отд-ние, Западносиб. управление народнохозяйственного учета, 1932. 541 с.
18. Западно-Сибирский край в цифрах, 1936 г. : краткий стат. справочник. Новосибирск : Западносиб. управление народнохозяйственного учета, 1936. 164 с.
19. Хромцов И.Н. Труд // Вторая угольная база СССР Кузбасс : сб. ст. : в 3 ч. Новосибирск : Науч.-техн. изд-во, 1936. Ч. 2, кн. 1: Техника производства и экономика Кузбасса. С. 196–208.
20. Вторая угольная база СССР Кузбасс : сб. ст. : в 3 ч. Новосибирск : Науч.-техн. изд-во, 1935. Ч. 3: Кузбасс в цифрах. 86 с.
21. Бюллетень Кузнецкстроя / под ред. И.А. Бородина. Томск : Красное знамя, 1929. 51 с.
22. Павлюшин М.А. Кто вы: рабочие или нет? // Кузнецкстрой : (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1934. С. 73–74.
23. Шидек В.Я. Начать соревнование нужно // Кузнецкстрой : (история Кузнецкстроя в воспоминаниях) / сост. Л. Тоом. Новосибирск : Зап.-Сиб. краевое изд-во, 1934. С. 93–97
24. Безлюдная Х.В. // Фойгт Л.И. Женщины Кузнецкстроя : воспоминания, документы, фотографии. Новосибирск : Лотус, 2024. С. 40–46.
25. Губина А.М. // Фойгт Л.И. Женщины Кузнецкстроя : воспоминания, документы, фотографии. Новосибирск : Лотус, 2024. С. 94–112.
26. Труд в СССР : экон.-стат. справочник / под ред. З.Л. Миндлина, С.А. Хейнмана. М. ; Л. : Гос. экон. изд-во, 1932. 182 с.
27. Технико-производственные показатели работы Кузнецкого металлургического комбината за 5 лет в цифрах : 1932–1937 гг. Сталинск : Планово-производ. отд., 1937. 51 с.
28. Тарифный справочник для рабочих : приложение № 7 к колдоговору § 57 // Коллективный договор, заключенный между Прокопьевским районным управлением объединения Востуголь и Прокопьевским союзом горняков. [Б.м. : б.и.], 1931 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/1822070 (дата обращения: 18.06.2025).
29. Бородкин Л.И. Жизнь в городе в годы первой пятилетки: «улучшение материального положения» или падение реальной зарплаты? // Вестник истории, литературы и искусства. 2010. № 7. С. 385–398.

References

1. Lelchuk, V.S. (1984) *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problem* [Industrialization of the USSR: History, Experience, Problems]. Moscow: Politizdat.
2. USSR. (1930) Rezolyutsiya XVI s"ezda po otchetu TsK [Resolution of the 16th Congress on the Report of the Central Committee]. In: *XVI s"ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [16th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim Report]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo. pp. 293–299.
3. USSR. (1934) *Kuznetskiy metallurgicheskiy kombinat imeni tov. I.V. Stalina ot XVI k XVII s"ezdu VKP(b)* [Comrade I.V. Stalin Kuznetsk Metallurgical Plant from the 16th to the 17th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Leningrad: USSR AS.
4. Frankfurt, S.M. (1935) *Rozhdenie stali i cheloveka: ocherki o sozdanii Kuznetskstroya* [The Birth of Steel and Man: Essays on the Creation of Kuznetskstroy]. Moscow: Staryy bol'shevik.
5. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A., Karpenko, Z.G. et al. (1997) *Ugel'naya promyshlennost' Kuzbassa, 1721–1996* [Coal Industry of Kuzbass, 1721–1996]. Kemerovo: Kn. izd-vo.
6. Moskovskiy, A.S. (1968) *Formirovanie i razvitie rabochego klassa Sibiri v period stroitel'stva sotsializma* [Formation and Development of the Working Class in Siberia During the Period of Socialist Construction]. Novosibirsk: Nauka.
7. Borodkin, L.I. (2022) Differentsiatsiya zarabotnoy platy promyshlennykh rabochikh na zakate nepa: mezhdu “uravnilovkoy” i stimulirovaniem truda [Wage Differentiation of Industrial Workers at the End of NEP: Between "Uravnilovka" and Work Incentives]. *Uralskiy istoricheskiy Vestnik.* 1(74). pp. 27–37.
8. Stalin, I.V. (1933) *Voprosy leninizma* [Problems of Leninism]. Moscow: Part. izd-vo. pp. 586–603.

9. USSR. (1931) O perestroyke sistemy zarabotnoy platy v metallurgii i ugol'noy promyshlennosti: postanovlenie Prezidiuma VSNKh SSSR i VTsSPS ot 20.09.1931 [On the Restructuring of the Wage System in Metallurgy and the Coal Industry: Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the National Economy of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions of 20.09.1931]. *Pravda*. 22nd September.
10. Davies, R.W. (1998) *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 3. Basingstoke; London: Macmillan Press.
11. Davies, R.W. (1996) *The Industrialisation of Soviet Russia*. Vol. 4. Basingstoke; London: Macmillan Press.
12. Filtzer, D. (1986) *Soviet workers and Stalinist industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941*. London: Pluto Press.
13. Sokolov, A.K. (2000) Sovetskaya politika v oblasti motivatsii i stimulirovaniya truda (1917 – seredina 1930-kh godov) [Soviet Policy in the Sphere of Motivation and Work Incentives (1917 – Mid-1930s)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie.* 4. pp. 39–80.
14. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) *"Krepost' sotsializma": povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg.* ["Fortress of Socialism": Everyday Life and Work Motivation at a Soviet Enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
15. Postnikov, S.P. & Feldman, M.A. (2009) *Sotsiokul'turnyy oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [Sociocultural Profile of Industrial Workers in Russia, 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN.
16. Ilyukhov, A.A. (2010) *Kak platili bol'sheviki. Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks Paid. The Policy of Soviet Power in the Sphere of Wages, 1917–1941]. Moscow: ROSSPEN.
17. *Solonitsyn, N. et al. (1932) Zapadno-Sibirskiy kray: materialy po ekonomike kraya* [West Siberian Territory: Materials on the Economy of the Territory]. Novosibirsk: OGIZ.
18. USSR. (1936) *Zapadno-Sibirskiy kray v tsifrakh, 1936 g.: kratkiy stat. spravochnik* [West Siberian Territory in Figures, 1936: A Brief Statistical Reference Book]. Novosibirsk: Zapadnosib. upravlenie narodnokhozyaystvennogo ucheta.
19. Khromtsov, I.N. (1936) Trud [Labor]. In: *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The Second Coal Base of the USSR Kuzbass]. Vol. 2(1). Novosibirsk: Nauch.-tekhn. izd-vo. pp. 196–208.
20. USSR. (1935) *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The Second Coal Base of the USSR Kuzbass]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauch.-tekhn. izd-vo.
21. Borodin, I.A. (ed.) (1929) *Byulleten' Kuznetskstroya* [Bulletin of Kuznetskstroy]. Tomsk: Krasnoe znamya.
22. Pavlyushin, M.A. (1934) Kto vy: rabochie ili net? [Who Are You: Workers or Not?]. In: Toom, L. (ed.) *Kuznetskstroy: (istoriya Kuznetskstroya v vospominaniyakh)* [Kuznetskstroy: (History of Kuznetskstroy in Memoirs)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo. pp. 73–74.
23. Shidek, V.Ya. (1934) Nachat' sorevnovanie nuzhno [It Is Necessary to Start Competition]. In: Toom, L. (ed.) *Kuznetskstroy: (istoriya Kuznetskstroya v vospominaniyakh)* [Kuznetskstroy: (History of Kuznetskstroy in Memoirs)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kraevoe izd-vo. pp. 93–97.
24. *Foygt, L.I. (*2024a) *Zhenshchiny Kuznetskstroya: vospominaniya, dokumenty, fotografii* [Women of Kuznetskstroy: Memoirs, Documents, Photographs]. Novosibirsk: Lotus. pp. 40–46.
25. *Foygt, L.I. (*2024b) *Zhenshchiny Kuznetskstroya: vospominaniya, dokumenty, fotografii* [Women of Kuznetskstroy: Memoirs, Documents, Photographs]. Novosibirsk: Lotus. pp. 94–112.
26. Mindlin, Z.L. & Kheynman, S.A. (eds) (1932) *Trud v SSSR: ekon.-stat. spravochnik* [Labor in the USSR: Econ.-Stat. Reference Book]. Moscow; Leningrad: Gos. ekon. izd-vo.
27. USSR. (1937) *Tekhniko-proizvodstvennye pokazateli raboty Kuznetskogo metallurgicheskogo kombinata za 5 let v tsifrakh: 1932–1937 gg.* [Technical and Production Indicators of the Kuznetsk Metallurgical Plant's Work for 5 Years in Figures: 1932–1937]. Stalinsk: Planovo-proizvod. otd.
28. USSR. (1931) Tarifnyy spravochnik dlya rabochikh: prilozhenie № 7 k koldogovoru § 57 [Tariff Handbook for Workers: Appendix No. 7 to the Collective Agreement § 57]. In: *Kollektivnyy dogovor, zaklyuchennyy mezhdu Prokop'evskim raionnym upravleniem ob"edineniya Vostugol' i Prokop'evskim soyuzom gornyakov* [Collective Agreement Concluded Between the Prokopyevsk District Administration of the Vostugol Association and the Prokopyevsk Miners' Union]. [Online] Available from: https://www.prlib.ru/item/1822070 (Accessed: 18th June 2025).
29. Borodkin, L.I. (2010) Zhizn' v gorode v gody pervoy pyatiletki: "uluchshenie material'nogo polozheniya" ili padenie real'noy zarplaty? [Life in the City During the First Five-Year Plan: "Improvement of Material Well-being" or a Fall in Real Wages?]. *Vestnik istorii, literatury i iskusstva.* 7. pp. 385–398.

***Сведения об авторах*:**
Демчик Евгения Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: demtchikev@mail.ru
Прибыткова Карина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: i@karina-p.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Demchik Evgeniya V. – Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Russian History, Institute of History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: demtchikev@mail.ru
Pribytkova Karina P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History
and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: i@karina-p.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 02.07.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94(47).081
doi: 10.17223/19988613/98/4

«Дама деликатная, может и обидеться»: экономические стратегии фрейлины Е.Н. Петрищевой во второй половине XIX в.

Мария Алексеевна Долгова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mariya.dolgova@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена экономической стратегии фрейлины императорского двора Е.Н. Петрищевой в 1860–1870-е гг. по улучшению своего финансового положения за счет участия в неправомерных кредитных соглашениях с заимодавцами, искавшими места на гражданской или придворной службе. На основе секретной переписки между Министерством императорского двора и III Отделением С.Е.И.В. Канцелярии проанализированы порядок проведения недобросовестного частного кредитования, мотивации основных участников и решения по установлению виновных. Важное значение в статье отводится реакции императора на действия фрейлины и попытке Министерства императорского двора избежать гласности по этому делу.
Ключевые слова: фрейлина, частный кредит, Министерство императорского двора, III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии, 1860-е гг.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность директору Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ профессору Екатерине Михайловне Болтуновой за ценные комментарии при подготовке статьи.

Для цитирования: Долгова М.А. «Дама деликатная, может и обидеться»: экономические стратегии фрейлины Е.Н. Петрищевой во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 34–43. doi: 10.17223/19988613/98/4

Original article

“Lady is delicate, she may take offense”: economic strategies of lady-in-waiting E.N. Petrishcheva in the second half of the 19th century

Maria A. Dolgova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, mariya.dolgova@hse.ru

Abstract. The 1860s in the Russian Empire are marked by significant changes in all areas of people's lives. These changes were made possible by the new emperor Alexander II (1855–1881) and the reforms he realized. The economic crisis of 1859 and the emergence of new public associations, as well as a new group of society intelligentsia, contributed to the active search for additional financial support, including seeking the benefits of their social position. At this time lady-in-waiting of the imperial court Elizabeth Petrishcheva began her economic activities. Trying at the same time to raise funds and present herself as a mediator between the small bureaucracy and the judicial society, the maiden was forced to take new loans to repay the old ones.

The article examines how Petrishcheva attempted to use her social status as the close one to the emperor and corruption scheme to increase her income. In addition, the paper analyses how the Ministry of the Imperial Court and the royal family reacted to the lady-in-waiting's illegal economic activities. The basis of the research source foundation consists of the office correspondence between the Ministry of the Imperial Court and the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. The author focuses on the order of illegal credit transactions, identifies the main participants of departmental proceedings on the E. Petrishcheva's activities, examines the decisions of the guilty. The article attaches importance to the emperor's reaction to the lady-in-waiting's actions and the attempt of the Ministry of the Imperial Court to avoid publicity in this case.

As a result of the conducted research, the status of lady-in-waiting was significant and prestigious for persons who not included in the court society. Elizabeth Petrishcheva is a vivid representative of the Great Reforms period: due to the financial crisis she had to look for new ways to provide for herself, trying to monetize her high social status as a lady-in-waiting. The restrained reaction of Emperor Alexander II allowed her to continue receiving loans from private lenders.
Keywords: lady-in-waiting, private loan, Ministry of the Imperial Court, Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1860s

Acknowledgements: The reported study was implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). The author is grateful to Professor Ekaterina

© М.А. Долгова, 2025

Boltunova, Director of the Institute of Russia's Regional History, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics", for her valuable comments during the preparation of the article.

For citation: Dolgova, M.A. (2025) "Lady is delicate, she may take offense": economic strategies of lady-in-waiting E.N. Petrishcheva in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 34–43. doi: 10.17223/19988613/98/4

Введение

В январе 1868 г. в III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии поступила жалоба от надворного советника Иосифа Кузьминского на 53-летнюю фрейлину Е.Н. Петрищеву, которая в июле 1867 г. обещала предоставить место управляющего подмосковным имением императрицы селом Ильинским, взяв за это залог 2 700 руб. сер., но по прошествии полугода Кузьминскому не была предложена должность. По мере разбирательства дела обнаружились еще две жалобы на фрейлину и ее посредницу А.Н. Афанасьеву о невыполненном обещанном покровительстве и содействии в карьерном вопросе от отставного статского советника Александра Яковлевича Короткевич-Начовного и двух сестер – вдовы надворного советника Анны Степановой и девицы Александры Никольской [1. Л. 1–2, 33–33 об., 37 об.–38].

Задачи данной статьи – выявление жизненных стратегий по увеличению финансового достатка с использованием социального статуса приближенного ко двору на примере кредитных и коррупционных сделок фрейлины Е.Н. Петрищевой в 1860-е гг. и определение влияния злоупотребления фрейлиной своим положением на репутацию императорского двора.

Эпоха Великих реформ в период с 1855 по 1870-е гг. ознаменовалась большими переменами в Российской империи. Изменения затронули все сферы жизни: экономику, социальную стратификацию (освобождение крестьян и зарождение разночинной интеллигенции), судебную систему, образовательную, а также публичную сферу. В 1860-е гг. в России появляется больше добровольных объединений, прежде всего филантропических, популяризируется журналистика, ведутся разговоры о «женском вопросе» и роли женщины в обществе. Все больше людей интересуются и участвуют в общественном пространстве, зарождается «новое гражданское сознание» [2. С. 283]. Вместе с тем экономическая нестабильность, финансовый кризис 1859 г. после Крымской войны (1853–1856), распространение новой кредитной системы в виде бессрочных облигаций [3] характеризуют время перемен в 1860-е гг. Именно в это время на арене публичности появилась на первый взгляд непримечательная Елизавета Николаевна Петрищева, фрейлина императорского двора, которая стала примером женщины шестидесятых годов, деятельной и субъектной. Ей удалось снова и снова заключать незаконные экономические соглашения, пока Министерство императорского двора пыталось уменьшить возможные негативные последствия ее действий, влиявших на репутацию придворного ведомства и царской семьи. Если ранее скандалы при дворе Николая I были прежде всего личного, любовного характера (Юлия Гауке)[1], то теперь скандал был связан с правовым преступлением и затрагивал лиц, выходящих за пределы придворного общества.

«О неблаговидной деятельности проживающей в Таврическом дворце фрейлины»

Главной привилегией для незамужних дворянок на должности фрейлины при императорском дворе в XIX в. была возможность приобретения как финансового обеспечения (оклад, столовые деньги, приданое, пенсион)[2], так и символического капитала [6] (социальный статус, приближенное положение к императорской семье, возможность выбора наиболее выгодной кандидатуры для вступления в брак). Таким образом, является вполне естественным, что в придворной среде один капитал преобразуется в другой: например, служба при дворе фрейлиной повышала шансы дворянки найти выгодную партию – богатого жениха.

Очевидно, что не только внутри двора фрейлин видели как одних из самых близких к императорской семье, но и дворяне, мелкие чиновники, которые не входили в круг придворного высшего общества. Так, например, некоторые дворяне обращались к Екатерине Ивановне Нелидовой за покровительством, зная ее положение фаворитки при дворе императора Павла I. Даже после смерти Павла Нелидова сохранила статус приближенной к императорской семье, а значит, и могла помочь в продвижении по службе [7]. Однако не всякий бюрократ обладал связями, знакомствами с наиболее известными и значимыми лицами при дворе, какими были Е.И. Нелидова или Ю.Ф. Баранова, гофмейстерина и воспитательница дочерей Николая I [8. С. 171]. В таком случае в неформальные сети подключались менее статусные, но не менее амбициозные фрейлины, одной из которых и была Елизавета Николаевна Петрищева[3].

Дочь генерал-майора Н.И. Петрищева, участника Отечественной войны 1812 г., Елизавета Николаевна стала фрейлиной в 1835 г. в возрасте 20 лет и до второй половины 1860-х гг. значилась при дворе. В 1855 г. 40-летнюю Елизавету вместе с ее сестрами Еленой и Надеждой, которые придворного звания не получили, император Александр II распорядился поселить в Таврическом дворце и выплачивать столовые деньги в стандартном размере 834 руб. 83 коп. сер. [9. Л. 2–2 об.]. В дополнение Е.Н. Петрищева, как и другие фрейлины, получала денежное вознаграждение (114 руб. 50 коп. сер.) ко дню Св. Пасхи, что было традиционным событием для придворных чинов [10. Л. 10 об.]. Очевидно, что выдаваемых ежегодно денег (менее 1 000 руб. сер.) не могло хватать на все необходимые расходы в жизни фрейлины. Заселение ее с сестрами на жительство в Таврический дворец, который находится на удалении от Зимнего дворца, также показывает исключение семьи

Петрищевых из наиболее приближенных к императорской семье. Однако, находясь в постоянном недостатке денежных средств, Елизавета Петрищева, пользуясь своим социальным положением при дворе, искала и находила новые пути финансового обеспечения, в том числе пользуясь своим должностным положением при проведении кредитных сделок.

Посредницей при заключении соглашений по получению займов между фрейлиной и искателями должностей была жена отставного коллежского асессора (VIII чин) Александра Николаевна Афанасьева. Ввиду болезненного состояния мужа, который ушел в отставку и получал 114 р. сер. в год, Афанасьева вынуждена была искать новые способы для экономического содержания семьи [11. Л. 27 об.]. Она стала комиссионеркой, занимаясь знакомством лиц, желавших получить или выдать денежные займы. По сравнению с Петрищевой коммисионерка была в более низком положении, как социальном, так и экономическом. Фрейлина получала около 1 000 руб. сер. в год, в то время как семье Афанасьевых официально выдавалась пенсия 114 р. сер. в год. Таким образом, Афанасьева выступала помощницей фрейлины при установлении договоренностей по частному кредиту, а не третьим независимым лицом.

В основном причиной возбуждения разбирательств становились жалобы на взяточников, которые не выполняли свою часть соглашения [12. С. 279], что и произошло в деле фрейлины Петрищевой. При подаче претензии в Министерство императорского двора один из заявителей, А.Я. Короткевич-Начовный, обвинял фрейлину в непредоставлении должности управляющего Казенной палатой и невыплате взятых по векселю 2 300 руб. сер. Однако фрейлина, дабы избежать обращения Короткевича в суд, вернула ему часть задолженности суммой в 200 руб. сер. [1. Л. 72]. Анна Степанова и ее сестра Александра Никольская подали жалобу на Петрищеву за непредоставление должностей камер-юнгферы и кастеляшни при дворе цесаревны[4]. По заявлениям Степановой и Никольской, каждой были выданы долговые расписки по 2 000 руб. сер., но по прошествии полугода ни должностей, ни возврата долга не было получено. После расследования оказалось, что только И. Кузьминский выдал всю означенную сумму по векселю сразу, А. Короткевич-Начовный и сестры А. Степанова и А. Никольская предоставили половину тех денег, о которых говорилось в расписках, переданных им от Петрищевой [1. Л. 71 об.–72, 73 об.]. Таким образом, при неимении денег для расплаты с этими кредитами фрейлина создавала новые векселя, продлевая срок оплаты всего займа. В дополнение, выписывая долговые расписки на сумму большую, чем было выдано кредиторами, Петрищева демонстрировала злоупотребления заимодателей в виде повышенного процента (до 100%) по долговым соглашениям [1. Л. 60 об.].

Примечательно, что постановка претензии о непредоставлении должности за денежные средства недвусмысленно показывает коррупционную схему – получение места на гражданской или придворной службе взамен денежной суммы, которая примерно составляет годовой оклад выбранной должности. И хотя Елизавета Петрищева в расписке оформляла соглашение в виде кредитования и обязывалась вернуть все одолженные деньги с процентами, обычным кредитным договором такие сделки назвать нельзя. Данные дела можно отнести к превышению полномочий для получения личной выгоды: с одной стороны, И. Кузьминский, А.Я. Короткевич-Начовный, А. Степанова и А. Никольская являлись «просителями», которые оплачивали предоставление услуги – должности, с другой стороны, фрейлина Е.Н. Петрищева за счет займа обещала эту услугу предоставить[5]. При этом не имеет значения, оказана услуга или нет, сама оплата должности является предметом взятки [14. С. 9].

По прошествии указанного в долговых расписках времени Петрищева не помогла никому из заявителей в определении на должность. При ответе на высказанные претензии фрейлина оправдывалась тем, что «я, занимая деньги, ограничивалась только одними обещаниями, не опровергая обещаний, которые она [Александра Афанасьева], может быть, без меня давала» [1. Л. 212]. Петрищева считала предложенные деньги кредитом, который она не могла вернуть. Фрейлина заверяла своих кредиторов, что ожидает скорого получения наследства от семейства Апраксиных, которое ей и ее сестрам так и не досталось. В том же 1868 г. Петрищевы пытались получить в собственность часть Апраксина двора, который должен был, по их уверениям, перейти им по наследству. Однако специально организованное совещание при участии чинов II отделения Собственной Его Величества Канцелярии пришло к заключению, что следует отказать трем сестрам в праве владения частью Апраксина двора в Петербурге, с чем согласился и император [15]. Таким образом, единственным способом погашения личных кредитов для фрейлины становились постоянные новые займы, а придворная должность выступала гарантом добросовестности ее как заемщика.

Подавшие претензию на Е.Н. Петрищеву обратились прежде всего в Управу благочиния, где и ведутся разбирательства по задолженностям. Там их уведомили, что статус фрейлины, приближенной к императорской семье, не позволяет изъять имущество Петрищевой в счет уплаты кредитов. По заверениям столоначальника Управы благочиния, проживание в Таврическом дворце означает, что все движимое имущество фрейлины является казенным, поэтому продаже не подлежит [1. Л. 69]. Однако по состоянию на январь 1868 г. из содержания Петрищевой 818 руб. 13 коп. сер. уже удерживалось 2/5 части для уплаты 9 кредиторам, из полной суммы задолженности в 4 840 руб. 40 коп. сер. осталось выплатить 2 820 руб. 26 коп. сер. [1. Л. 10–11]. По новым заявлениям фрейлина должна была выплатить еще 3 700 руб. сер. [1. Л. 18 об.]. Такая же процедура выплат задолженностей была принята для офицеров и чиновников. При этом выделения придворных чинов и должностей в отдельную группу в положении «О личном содержании должников, и о вычете долгов из жалованья, пенсионов и аренд» не указано. А значит, придворные, как и военные и гражданские чины, одинаково подчинялись этим указаниям[6]. И действи-

тельно, взимаемая в счет долгов сумма из столовых денег Петрищевой соответствует положению для неженатого чиновника, получающего содержание в любом его виде (не только оклад, но и столовые деньги, пенсион, арендные деньги) от 500 до 1 000 руб. сер. в год [16–18]. Такая ситуация показывает, что фрейлина, жительствующая во дворце, не была защищена от применения к ней Вексельного устава, а наоборот, за свою «крайнюю неумеренность и нерасчетливость» могла потерять придворную должность и впоследствии быть заключена в тюрьму за неуплату личных кредитов [1. Л. 21–21 об.].

Схожесть проведения сделок в этих примерах может говорить о предварительной договоренности между фрейлиной Е.Н. Петрищевой и комиссионеркой А.Н. Афанасьевой. За посреднические услуги Афанасьева брала вознаграждение, однако не оговаривается, в какой сумме и в какой момент совершения сделки. Петрищева, желая предстать в роли жертвы обстоятельств, впоследствии писала в прошении к императору о комиссионерке как об особе, «бравшей всегда себе половину, часто и более» [19. Л. 1 об.]. Афанасьева находила людей, которые могли бы заинтересоваться получением государственной должности, и сообщала им, что она знакома с фрейлиной императрицы, которая может поспособствовать продвижению по службе. Хотя Е.Н. Петрищева не обладала столь значимыми ресурсами и связями, ее статус как человека, близкого к власти, уверял заинтересованных в ее возможностях устроить на любую службу. Если ищущий назначения соглашался на встречу с Петрищевой, то Афанасьева предупреждала его, что нельзя напрямую говорить о получении должности, скорее, о покровительстве, потому как Елизавета Петрищева «дама деликатная, может и обидеться» [1. Л. 61]. То есть в этой процедуре устанавливался особый язык, при котором нельзя было напрямую озвучивать пожелания. Умолчание и неточность высказываний, а также незакрепленные на бумаге слова о покровительстве позволяли фрейлине обезопасить себя не только от взыскания при нарушении этой части устного договора, но и от обвинений во взяточничестве.

Далее Петрищева предлагала просителям вручить ей сумму денег (приблизительно годовой оклад по запрашиваемой позиции), чтобы отдать их вышестоящему лицу для получения должности. При предоставлении означенного места, по заверениям фрейлины, деньги должны были бы вернуться в полном размере. Тут же фрейлина предлагала подписать долговую расписку на занимаемую сумму как гарантию для получения должности или возврата денег в случае отказа от предложенной кандидатуры. При выписке векселя устанавливался срок, в течение которого проситель мог получить возврат денежных средств. По прошествии этого периода ни Петрищева, ни Афанасьева больше не принимали этого заявителя. Стоит отметить, что в расписке указывалась сумма, в два раза большая, чем было дано денег при обсуждении договоренностей. Завышение в векселе суммы долговых обязательств являлось типичной практикой для частного кредита[7]. В России были запрещены чрезмерные проценты за кредит, поэтому заимодавцы ставили в расписке не процент выше, а всю сумму выше, при этом в долг заемщик получал меньшую сумму. Таким образом, на бумаге процент поставлен согласно закону, а по факту заемщик должен вернуть значительно большую сумму, чем он запрашивал [20. С. 110]. В случае с долговыми расписками Петрищевой процент не прописывался, но задолженность была значительно выше, чем сумма отданных денег под заем. Именно поэтому заявители подавали жалобу на фрейлину частным порядком в III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии и в Министерство императорских двора, а не через Окружной суд, так как и сами рисковали стать виновными в проведении незаконной экономической сделки.

Дело фрейлины было особым, вся переписка между III Отделением и Министерством императорского двора велась конфиденциально, даже после завершения разбирательства некоторые сведения о Петрищевой оставались секретными. Окончательное решение по дальнейшей судьбе ответчиков принимал сам император.

Важно отметить разных действующих акторов в этом казусе и их мотивацию: заявители-кредиторы, сама фрейлина Е.Н. Петрищева, посредница А.Н. Афанасьева, глава III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии П.А. Шувалов и министры императорского двора В.Ф. Адлерберг (1852–1870) и А.В. Адлерберг (1870–1881). Для заявителей важным являлось неосуществление продвижения по карьерному пути и возмещения долга. Елизавета Петрищева заявляла, что это было финансовой сделкой получения ею кредита под большие проценты от частных лиц. Афанасьева предоставляла посреднические услуги, знакомя заинтересованных в получении кредита, с одной стороны, и покровительстве – с другой, и выступала в качестве поручителя за потенциальных участников трансакции [20. С. 420]. Для Министерства императорского двора было важно избежать огласки дела, которое могло негативно повлиять на репутацию придворного общества. III Отделение во главе с графом Шуваловым ставило главной задачей поиск и наказание виновного, учитывая при этом мнение Министерства императорского двора и самого монарха.

Предварительное расследование, проведенное под наблюдением Санкт-Петербургского губернского жандармского управления в марте 1868 г., показало, что Петрищева через посредничество Афанасьевой распространяла слухи о том, что положение фрейлины и ее связи позволяют помогать в назначении на должность. Уверенности в благонадежности намерений Петрищевой добавляло то, что она проживала в Таврическом дворце, царской резиденции. Поэтому П.А. Шуваловым, начальником III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, было предложено лишить фрейлину такого преимущества, т.е. уволить с придворной должности [1. Л. 14–15].

«Драма эта составляет дело Придворной или, как говорят, Дворской интриги»

Выводы губернского жандармского управления по экономическим деяниям Е.Н. Петрищевой, согласно которым фрейлина представлялась виновной в недоб-

росовестных кредитных соглашениях и во вредительстве престижу императорского двора (распространение слухов среди мелких чиновников), очевидно, не устроили императора. Поэтому летом 1868 г. Александр II распорядился провести повторное секретное расследование под предводительством юрисконсульта Министерства императорского двора Вельдбрехта совместно с состоящим для особых поручений при Шефе Жандармов гвардии полковником Никифораки. Именно во время этого расследования меняется оптика на финансовые операции фрейлины с частными кредиторами. Таким образом, можно отметить простраиваемую траекторию аргументов юрисконсульта, согласно которой фрейлина является не главной обвиняемой в незаконных экономических сделках и попытке продажи гражданских и придворных должностей, а пострадавшей от действий комиссионерки А.Н. Афанасьевой, изобличенной «в противозаконных и предосудительных поступках, соединенных с предумышленным обманом» [11. Л. 24].

Министерство императорского двора стремилось исключить любое общественное обсуждение неблаговидных поступков фрейлины, а потому предлагался временный перевод ее на жительство в ту губернию, где судебная реформа еще не была проведена, чтобы судебный процесс шел в закрытом режиме, без доступа публики [1. Л. 89][8]. Именно в этот момент, в сентябре 1868 г., Е.Н. Петрищева в сопровождении сестры Елены пыталась не только выехать за пределы столицы, но и вовсе отправиться за границу на четыре месяца в отпуск. Однако фрейлине не удалось покинуть Петербург согласно ее «исключительному положению», так как она находилась под подпиской о невыезде из города. Елена Петрищева беспрепятственно получила в декабре того же года высочайшее дозволение на поездку за пределы империи с выдачей аванса за 4 месяца вперед [22].

Идея об отправлении фрейлины на жительство в другую губернию так и не была воплощена. Во-первых, при желании заявителей привлечь Петрищеву к ответственности судебное расследование будет проводиться на месте содеянного, т.е. в столице. Во-вторых, сохранение придворной должности даже в провинции даст возможность фрейлине продолжать свои действия по получению денежных сумм взамен на мнимые места в министерской или придворной структуре. Поэтому согласно секретному договору между министрами императорского двора и юстиции, а также главой III Отделения было решено «оставить это дело в настоящем положении, впредь до решения здешнего Окружного суда, в котором уже возникло производство по некоторым долговым претензиям к Г^же Петрищевой» [11. Л. 26–26 об.].

Для Министерства императорского двора Е. Петрищева была «неразумною жертвою запутанных своих денежных обстоятельств» [1. Л. 81 об.–82]. Схожая характеристика виктимности была дана и небезызвестной Вере Засулич, которая предстала перед судом в результате попытки убийства петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова [23]. Такие определения ответчиц как «жертв» могут говорить и об особой гендерной стратегии защиты, ведь в итоге в одном и другом деле обвиняемым удалось избежать наказания. Эти примеры отражают общее отношение к женщинам в 1860–1870-е гг., особенно в среде интеллигенции. Например, Н.Г. Чернышевский, написавший прогрессивный роман «Что делать?» в 1862–1863 гг., видел образ женщины как жертвы социальной несправедливости [24. С. 51][9].

Однако не всех женщин-ответчиц виктимизировали. Комиссионерке Александре Афанасьевой повезло значительно меньше, чем фрейлине Елизавете Петрищевой. А значит, в попытке найти виновного жандармерией и Министром императорского двора учитывался не только гендерный, но и социальный аспект. Во время проведения повторного тайного разбирательства юрисконсультом Вельдбрехтом и полковником Никифораки Афанасьева предстала главной подозреваемой в недобросовестных сделках по векселям между фрейлиной и заявителями-кредиторами. Во время тайных дознаний и очных ставок с участием Петрищевой, Афанасьевой и заявителями, посредница выглядела менее убедительной[10], в то время как фрейлина отрицала все заявления, обращенные к ней. Петрищева указывала, что брала деньги в кредит, не обязуясь способствовать заинтересованному в предоставлении места, но «опровергать обещания Афанасьевой ей было как-то неловко» [1. Л. 73 об.–74]. Поэтому, по словам Петрищевой, именно Афанасьева ввела в заблуждение всех причастных. Эта перемена в позиции от равнозначной ответственности Петрищевой и Афанасьевой к дифференциации виновности зафиксирована в переписке в августе 1868 г. графа П.А. Шувалова, главы III Отделения, с министром императорского двора В.Ф. Адлербергом: «В этих предосудительных деяниях, соединенных с предумышленным обманом, изобличается лишь одна Афанасьева». При этом Шуваловым признавалась и виновность Петрищевой, но в значительно меньшей степени: «Своим легкомысленным образом действий, молчанием и не разъяснением сущности дела поддерживала в умах многих лиц надежду на осуществление их неблаговидных целей» [1. Л. 88 об.]. Здесь могли сыграть роль не только мотивы подозреваемых, но и социальный статус обвиняемых, так как Петрищева имела защиту как фрейлина императорского двора. Афанасьева же, жена отставного коллежского асессора, стояла значительно ниже в социальной иерархии по сравнению с фрейлиной императрицы. Такое распределение виновности подтверждает тезис о лояльности правителей к участию придворных чинов и должностей в неформальных сетях патронажа [25. С. 79], чего нельзя сказать о таком же отношении к лицам, исключенным из круга приближенных к трону.

Афанасьева оказалась самым незащищенным лицом. Ее, мать 5 детей, кормилицу семьи, беременную и болевшую эпилепсией, по высочайшему повелению отправили в ссылку в Вятку. Обстоятельства поспешной отправки комиссионерки за пределы столицы демонстрируют, с одной стороны, безукоризненность выполнения полицейскими «секретного Высочайшего повеления», не терпящего промедления, а с другой – несоразмерность преступления и наказания. На сто-

роне защиты Афанасьевой и представителем общественности выступил ее муж, отставной коллежский асессор Логин Иванович Афанасьев. На протяжении двух лет он писал в Министерство императорского двора, наследнику-цесаревичу и императору о незаконности этого решения, о болезни жены – «болезненные припадки… продолжаются сряду по шести часов, чуть не каждый день» (здесь и далее подчеркивания – согласно источнику. – *М.Д.*) – и о возможности разрешить ей вернуться в Петербург [11. Л. 27–36 об., 43–44, 48–49]. Интересно, что Л.И. Афанасьев подавал свои прошения на главные религиозные праздники, Рождество и Пасху, что было традиционным временем для помилования заключенных и выкупа должников из тюрьмы [20. С. 361, 382].

Обращает на себя внимание то, как Афанасьев был подготовлен юридически. В своих прошениях об освобождении жены он апеллировал к уголовному судопроизводству, показывая незаконность отправки беременной комиссионерки в ссылку[11]: «Разбор дела и самый суд произведены тайно; где и кем? – также тайна; в чем обвинена жена моя – тоже тайна!» Задаваясь вопросом, «справедливо ли мое сомнение о возможности столь жестокого и противозаконного Монаршего повеления», Афанасьев признает главенство суда над императорской властью, согласно новым судебным уставам [11. Л. 31–34]. В заключение в прошении к великому князю отставной коллежский асессор приходит к выводу, что «драма эта составляет дело Придворной или, как говорят, Дворской интриги, и что в ней жена моя принесена в жертву только для спасения фрейлины Петрищевой» [11. Л. 35]. Эта мысль была недалека от сути, хотя явно в конфиденциальной переписке между министром императорского двора и главой III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии такая мотивация не прописывалась. Однако этот аргумент объясняет медлительность принятия решения III Отделением о возвращении Афанасьевой из ссылки. Только спустя два года, в сентябре 1870 г., комиссионерка получила высочайшее разрешение на переселение из Вятки в Калугу [11. Л. 52–52 об.]. Еще через год А.Н. Афанасьева смогла вернуться к семье в Санкт-Петербург, продолжая находиться под негласным полицейским надзором [11. Л. 114–114 об.].

И. Кузьминский, А.Я. Короткевич-Начовный, А. Степанова и А. Никольская так и не подали свои претензии в суд для окончательного урегулирования. Однако в ноябре 1868 г. в суде было заслушано дело по заявлению князя Амилахвари на фрейлину Петрищеву за неуплату личного кредита суммой 1 040 руб. сер. Постановлением стало личное задержание фрейлины сроком до 6 месяцев, которое не было исполнено. Для реализации приговора судебный пристав испрашивал у Придворной Конторы, нет ли с их стороны возражений в исполнении решения суда, однако ответа не последовало [1. Л. 164–164 об.]. Именно после этого судебного дела в феврале 1869 г., т.е. после обнародования решения суда в «Судебном вестнике», император Александр II повелел отстранить от должности фрейлину Елизавету Петрищеву, а следовательно, и лишить выплаты столовых денег [1. Л. 156, 165.]. В апреле этого года министр императорского двора В.Ф. Адлерберг для возмещения всех задолженностей просил императора сохранить проживание в Таврическом дворце и денежное обеспечение Петрищевой, но выдавать его негласным образом на имя сестры Елены [1. Л. 175–176 об.]. Так Елизавета Петрищева, хоть и лишилась придворной должности, которая повышала ее социальное положение, но продолжила жить в царской резиденции и получать фрейлинское пособие.

Несколькими годами позже, в 1870-х гг., в Москве проходило судебное дело над игуменьей Митрофанией, приближенной к императорской семье. Она была обвинена в финансовых манипуляциях, а именно подделке векселей на крупные суммы[12]. Интересно отметить, что в миру Митрофания (Прасковья Григорьевна Розен) была назначена фрейлиной в 1839 г. и оставалась на придворной должности вплоть до ухода в монастырь в 1852 г. Таким образом, Розен и Петрищева одновременно находились при дворе более 10 лет. Митрофания, как и Петрищева, видела себя посредником между нижестоящими мелкими чиновниками и представителями императорского двора. Однако в отличие от Елизаветы Петрищевой дело игуменьи проводилось в суде в Москве гласно и с коллегией присяжных. Митрофания предстала как духовное лицо, которое судили по светскому делу [27. P. 96].

Такая разница в освещении разбирательств экономических махинаций Петрищевой и игуменьи Митрофании может объясняться несколькими причинами. Во-первых, различной суммой задолженностей: если фрейлина должна была выплатить до 100 тыс. руб. сер. за все свои незакрытые сделки по займам, то в деле игуменьи говориться о более чем 1 млн руб. сер., что является значительно большей суммой [1. Л .79; 27. P. 97]. Во-вторых, четыре представленных заявителя на фрейлину так и не решились обратиться в суд для возмещения займов, которые являлись частью коррупционной схемы. По делу Митрофании купец Лебедев первым из истцов подал жалобу в Окружной суд за подделку игуменьей векселя на сумму 22 тыс. руб. сер. [27. P. 95]. В-третьих, новая судебная система за почти 10 лет сформировалась в столичных городах, Петербурге и Москве, поэтому судебного разбирательства Митрофании избежать не удалось.

Однако особое внимание стоит уделить реакции царской семьи, которая, несмотря на близкие отношения с П.Г. Розен (Митрофанией), публично по этому делу никак не высказалась, оставляя главенство в судебных разбирательствах за законом, хотя и впоследствии тайно приговор был смягчен монархом[13]. Таким образом, реакция императорской семьи была схожа в одном и другом случае: предпринимались меры по недопущению гласности, а также смягчению решения суда императорским повелением.

Примечательно, что фрейлина Петрищева проявляла свою активную позицию по денежному вопросу как до судебного разбирательства, так и после его завершения. Так, в 1862 г. Петрищева получила 3 000 руб. сер. безвозвратно для оплаты задолженностей [1. Л. 17–17 об.]. В 1866 г. «совершенно негласным образом» фрейлине было выдано 5 000 руб. сер. в ссуду без про-

центов с возвратом для уплаты долгов. Однако спустя десять лет Канцелярия его императорского величества так и не получила обратно денег, кроме 644 руб. 94½ коп. сер., которые вернули в казну по результатам продажи имений в Тульской и Калужской губерниях через суд. Император же постановил «сложить со счетов» оставшуюся сумму 4 355 руб. 5½ коп. сер. и повелел впредь не спрашивать особого разрешения, а только упоминать такие суммы в годовом отчете Контроля Министерства императорского двора [28. Л. 2–5].

В 1868 г., воспользовавшись ремонтом, проводившимся в Таврическом дворце, фрейлина обратилась к министру императорского двора графу В.Ф. Адлербергу с просьбой переселиться в бывшие покои императора Александра Павловича и императрицы Елизаветы Алексеевны или любые ближайшие комнаты на нижнем этаже (нижний этаж дворца считался более престижным). Однако ремонт в комнате фрейлины был произведен в 1865–1866 гг. и не обошелся без инцидента. В 1865 г. были утверждены работы по комнате Елизаветы Петрищевой на 200 руб. сер. Когда подрядчик Петров пришел к фрейлине, то последняя заявила, что работы произведены ею самой, а потому ей необходима оплата ремонта в ранее указанном размере. Петров же произвел замеры и подсчитал, что работ было выполнено на 122 руб. сер. Эту сумму и выдала Придворная контора фрейлине, а оставшиеся работы было решено продолжить в следующем году тем же подрядчиком. Очевидно, что таким образом Елизавета Петрищева пыталась присвоить себе денежную разницу между предварительной суммой и денежными средствами, затраченными ею на ремонтные работы. Спустя два года ремонт планировался не в комнате Е.Н. Петрищевой, а в квартире ее сестер, девиц Елены и Надежды, проживавших на верхнем этаже дворца. Следовательно, министром императорского двора Адлербергом было решено на время ремонта переселить сестер поближе к комнатам фрейлины, а покои августейшей семьи оставить нетронутыми [29].

Заключение

После окончания разбирательств и увольнения Е.Н. Петрищева испрашивала высочайшего разрешения о возвращении на придворную должность в 1872 г. [19], а в последующие два года просила о повышении содержания, которое она получала от Министерства императорского двора негласным образом через сестру Елену в прежнем размере [30, 31]. Однако император оставил запросы бывшей фрейлины без удовлетворения.

Хотя Петрищевой и удалось сохранить свое место в Таврическом дворце рядом с сестрами, а также получать пенсион и единовременные пособия (в несколько меньшей сумме) [30. Л. 3–4], эти меры не предостерегли ее от последующего участия в сделках по частному кредиту. Однако договоренности о способствовании в продвижении по карьерной лестнице больше не использовались в долговых соглашениях. Так, в 1876 г. бывшая фрейлина заняла 700 руб. сер. у артистки императорских театров М.И. Павловской. Последняя, нуждавшаяся в денежных средствах, решила вернуть долг через суд в 1882 г. Хотя Петрищева получала свой пенсион неофициально, в Дирекции театров об этой конфиденциальной выплате знали. Дирекция уведомила Павловскую о том, что она сможет получить возврат заемной суммы через списание части из пособия, выдаваемого Петрищевой [32. Л. 1–6].

В 1876 г. бывшая фрейлина Елизавета Петрищева в возрасте 61 года снова была на грани потери личной свободы. Почетный гражданин Николай Иванович Амани подал на Петрищеву иск в суд за неуплату по долговому обязательству 1 041 р. 66 коп. сер. По результатам этого дела Е.Н. Петрищевой назначили личное задержание на 6 месяцев [33. Л. 1]. Это решение суда не было вовремя произведено, а в 1879 г. и вовсе отменено. Сначала Министерство императорского двора на основании ухудшающегося здоровья бывшей фрейлины не заключило ее под арест в Таврическом дворце [33. Л. 9–12][14]. Затем 7 марта 1879 г. император издал указ Правительствующему Сенату: «1, личное задержание как способ взыскания с неисправных должников отменить во всей Империи, за исключением губерний Прибалтийских и Царства Польского. 2, действие статьи 1й сего указа распространить и на гражданские взыскания, возникшие до издания оного, хотя бы состоявшиеся по ним определения и постановления о личном задержании должников были приведены в исполнение» [33. Л. 15 об.]. Петрищевой удалось избежать личного заключения. Нельзя сказать, что император опирался именно на этот казус, но данное решение однозначно помогло бывшей фрейлине остаться на свободе.

Таким образом, Петрищева является лицом своего времени, эпохи перемен. Хотя фрейлиной она была назначена в 1835 г., никаких сведений в делопроизводстве Министерства императорского двора вплоть до 1855 г. о ней нет. Финансовыми займами Петрищева начала заниматься именно в 1860-е гг., на что могли повлиять экономический кризис 1859 г., «дух свободы» в эпоху Великих реформ и смена правителя. Несмотря на проведение Великих реформ, благодаря которым придворные интриги, протекция и взяточничество утратили свое значение [25. С. 81–82], на примере дела фрейлины Елизаветы Петрищевой можно заметить, что в среде мелкого чиновничества и горожан такие методы продвижения по службе, как взяточничество и неформальные связи, все еще имели место во второй половине XIX в.

Попытка фрейлины получить финансовую выгоду благодаря своему положению при дворе за счет согласия покровительствовать низшим чинам, говорит о том, что статус фрейлины при императрице был в глазах мелких чиновников и отдаленных от императорского двора довольно престижным, достаточным для того, чтобы иметь значение в решении кадровых вопросов. Фрейлина Е.Н. Петрищева пыталась монетизировать свой символический капитал, статусность не только через получение столовых денег, но и через должностное злоупотребление при составлении кредитных соглашений.

Казус Петрищевой символизирует новый тип скандалов при дворе: теперь не только любовные драмы разгораются во дворцах, но и вполне приземленные

экономические неурядицы. Этот прецедент также показывает перемену в настроении императорской семьи. Если при Николае I принц Александр Гессен-Дармштадтский, брат Марии Александровны, и Юлия Гауке были высланы из страны за их любовный союз, то Елизавета Петрищева при Александре II оставалась в монаршей резиденции с сохранением содержания даже после признания ее виновной в неуплате задолженностей. Император помогал как финансово, предоставляя беспроцентные ссуды для оплаты кредитов, а потом списание всех недоимок, так и юридически, оставляя без исполнения судебное решение, затем и вовсе изменив законодательство по долговым обязательствам. Такое отношение и минимальное наказание со стороны императора в виде отстранения от должности оказалось недостаточным для прекращения Петрищевой поиска новых займов с целью закрыть предыдущие задолженности. Действия министра императорского двора по защите Елизаветы Петрищевой и тем самым минимизации негативных последствий для престижа императорской семьи привели к тому, что, оставаясь при дворе, бывшая фрейлина продолжила участвовать в кредитных соглашениях, условия которых она не могла выполнить.

Примечания

[1] Подробнее о скандалах, связанных с любовными отношениями фрейлин, см.: [4. С. 579–596].
[2] Подробнее о финансовом обеспечении фрейлин при дворе см.: [5].
[3] Впервые на казус Е.Н. Петрищевой обратил внимание историк И.В. Зимин [4. С. 640–641].
[4] Видимо, речь идет о Марии Федоровне, жене великого князя Александра Александровича.
[5] Более подробно о коррупции в Российской империи XIX в. см.: [13].
[6] В других экономических аспектах положение гражданских и придворных чинов было аналогичным. Например, составные части содержания за службу совпадали и выдавались в виде оклада, столовых денег, оплаты за аренду или предоставление квартиры для проживания. [5. С. 89].
[7] Более подробно о разных видах частного кредитования в Российской империи в XIX в. см.: [20].
[8] К 1868 г. новая судебная система была введена только в крайне ограниченном числе губерний: Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской, Харьковской, Курской, Воронежской, Орловской [21. С. 202–204].
[9] Неизвестно, читала ли Е.Н. Петрищева этот роман, но своим активным участием в экономической и социальной сфере жизни представляет себя женщиной новой эпохи 1860-х гг., чего нельзя сказать о ее сестрах. Такое смирение Елены и Надежды может объясняться тем, что они не обладали формализованным статусом при дворе, в отличие от своей сестры Елизаветы. Александру Афанасьеву также можно охарактеризовать женщиной нового времени, так как после увольнения ее мужа она решила самостоятельно заняться финансовым обеспечением семьи и стала комиссионеркой.
[10] Мучащие Афанасьеву припадки и, как следствие, потеря ею сознания вменялись комиссионерке как признак ее виновности в преступной деятельности [1. Л. 61–61 об., 75, 83–83 об.].
[11] Согласно ст. 959 Судебного устава уголовного судопроизводства немедленное исполнение наказания откладывается при болезни, препятствующей исполнению приговора, и при беременности. А. Афанасьева болела эпилепсией, что не раз было зафиксировано в деле, а также на момент ее задержания была беременной [26. С. 116].
[12] Более подробно о судебном деле игуменьи Митрофании в 1874 г. см.: [27. P. 95–120].
[13] Игуменья была приговорена к лишению сана, ссылке в Енисейскую губернию на три года, а после на 11 лет в другие губернии. Однако после смягчения приговора Митрофания провела остаток жизни в монастырях южных губерний [27. P. 104–105].
[14] Стоить отметить, что болезненное состояние А.Н. Афанасьевой не послужило препятствием для ее срочной отправки в ссылку. Петрищева, хоть и не была одной из близких к императрице фрейлин, формально входила в элитарную группу приближенных, и поэтому она могла надеяться на снисхождение со стороны монарха.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 6. Д. 67.
2. Линденмейер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 283–300.
3. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 90–105.
4. Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М. : Центрполиграф, 2014. 718 с.
5. Долгова М.А. «Везде должна по мелочам» : экономическое положение фрейлин при дворе Николая I // Вестник Пермского университета. 2024. № 1 (64). С. 83–92.
6. Бурдье П. Формы капитала / пер. М.С. Добряковой; ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
7. РГИА. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 78.
8. Сафронова Ю. Милость «вне установленного порядка» : стратегии просителей и ответ чиновника (на примере Министерства императорского двора. 1856–1861) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3, № 2. С. 158–188.
9. РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 1423.
10. РГИА. Ф. 472. Оп. 36 (235/1251). Д. 35.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 1868. Хр. 37.
12. Муравлев П.С. Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2022. Т. 21, № 2. С. 275–287.
13. Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников / авториз. пер. с нем. М.Г. // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 42, № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korrupczii-ili-k-istorii-rossijskih-chinovnikov.html?ysclid=m45scrmhby892444100 (дата обращения: 10.01.2025).
14. Корчмина Е.С. «В честь взяток не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–13.
15. РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 74.
16. Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2225.
17. Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2229.
18. Свод законов Российской империи. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2230.

19. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 153.
20. Антонов С. Банкроты и ростовщики Российской империи : долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 504 с.
21. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с.
22. РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 77.
23. Borisova T. Public Meaning of the Zasulich Trial 1878: Law, Politics and Gender // Russian History. 2016. Vol. 43 (4). P. 221–244.
24. Паперно И.Б. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
25. Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи / пер. с нем. А. Каплуновского // Ab Imperio. 2008. № 3. С. 71–95.
26. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. 1864. С. 116. Ст. 959.
27. Dahlke S., Templer B. Old Russia in the dock. The trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow district court (1874) // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. P. 95–120.
28. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 557.
29. РГИА. Ф. 472. Оп. 10. Д. 6.
30. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 323.
31. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 420.
32. РГИА. Ф. 472. Оп. 25 (390/1910). Д. 112.
33. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 793.

References

1. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 67.
2. Lindenmeyer, A. (1992) Dobrovol'nye blagotvoritel'nye obshchestva v epokhu Velikikh reform [Voluntary Charitable Societies in the Era of the Great Reforms]. In: Zakharova, L.G., Eklof, B. & Bushnell, G. (eds) *Velikie reformy v Rossii* [The Great Reforms in Russia]. Moscow: Moscow State University. pp. 283–300.
3. Hawk, S. (1992) Bankovskiy krizis, krest'yanskaya reforma i vykupnaya operatsiya v Rossii. 1857–1861 [The Banking Crisis, Peasant Reform, and Redemption Operation in Russia. 1857–1861]. In: Zakharova, L.G., Eklof, B. & Bushnell, G. (eds) *Velikie reformy v Rossii* [The Great Reforms in Russia]. Moscow: Moscow State University. pp. 90–105.
4. Zimin, I.V. (2014) *Lyudi Zimnego dvortsa. Monarkhie osoby, ikh favority i slugi* [People of the Winter Palace. Monarchs, Their Favorites and Servants]. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Dolgova, M.A. (2024) “Vezde dolzhna po melocham”: ekonomicheskoe polozhenie freylin pri dvore Nikolaya I ["Must Everywhere with Trifles": The Economic Situation of Maids of Honor at the Court of Nicholas I]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(64). pp. 83–92.
6. Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [The Forms of Capital]. Translated from French by M.S. Dobryakova. *Ekonomicheskaya sotsiologiya.* 3(5). pp. 60–74.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1003. List 1. File 78.
8. Safronova, Yu. (2019) Milos' “vne ustanovlennogo poryadka”: strategii prositeley i otvet chinovnika (na primere Ministerstva imperatorskogo dvora. 1856–1861) [Mercy "Outside the Established Order": Strategies of Petitioners and the Response of an Official (Based on the Example of the Ministry of the Imperial Court. 1856–1861)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki.* 3(2). pp. 158–188.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 469. List 8. File 1423.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 36 (235/1251). File 35.
11. The State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 109. List 1868. File 37.
12. Muravlev, P.S. (2022) Fenomen korruptsii v zakonodatel'stve i vospriyatii rossiyskogo dvoryanstva vtoroy poloviny XVIII – pervoy chetverti XIX v. [The Phenomenon of Corruption in the Legislation and Perception of the Russian Nobility in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii.* 21(2). pp. 275–287.
13. Schattenberg, S. (2005) Kul'tura korruptsii, ili K istorii rossiyskikh chinovnikov [The Culture of Corruption, or On the History of Russian Officials]. Translated from German by M.G. *Neprikosnovennyy zapas.* 42(4). [Online] Available from: https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korrupczii-ili-k-istorii-rossijskih-chinovnikov.html?ysclid=m45scrmhby892444100 (Accessed: 10th January 2025)
14. Korchmina, E.S. (2015) “V chest' vzyatok ne davat”: “pochest” i “vzyatka” v poslepetrovskoy Rossii ["Not to Give in Honor of Bribes": "Honor" and "Bribe" in Post-Petrine Russia]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 3–13.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 74.
16. *The Russian Empire.* (1857a) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire] Vol. 10(2). No. 2225. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery.
17. *The Russian Empire.* (1857b) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(2). No. 2229. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery.
18. *The Russian Empire.* (1857c) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(2). No. 2230. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 153.
20. Antonov, S. (2022) *Bankrot y i rostovshchiki Rossiyskoy imperii: dolg, sobstvennost' i pravo vo vremena Tolstogo i Dostoevskogo* [Bankrupts and Usurers of the Russian Empire: Debt, Property and Law in the Times of Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Vilenskiy, B.V. (1969) *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [Judicial Reform and Counter-Reform in Russia]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 77.
23. Borisova, T. (2016) Public Meaning of the Zasulich Trial 1878: Law, Politics and Gender. *Russian History.* 43(4). pp. 221–244.
24. Paperno, I.B. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – A Man of the Realist Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Baberovski, I. (2008) Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdney Rossiyskoy imperii [Trust Through Presence. Premodern Practices of Power in the Late Russian Empire]. Translated from German by A. Kaplunovskiy. *Ab Imperio.* 3. pp. 71–95.
26. *The Russian Empire. (1864) Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Procedure]. In: *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda* [Judicial Statutes of November 20, 1864]. p. 116. Art. 959.
27. Dahlke, S. & Templer, B. (2012) Old Russia in the dock. The trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow district court (1874). *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 95–120.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 557.
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 10. File 6.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 323.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 420.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 25 (390/1910). File 112.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 793.

***Сведения об авторе*:**
Долгова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник Школы исторических наук, стажер-исследователь Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mariya.dolgova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dolgova Maria A. – Junior Research Fellow at the School of History, Research Intern at the Institute of Russia's Regional History, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation). E-mail: mariya.dolgova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/19988613/98/5

Водные преграды и маршруты приграничья Северо-Запада Русского государства в XVI – начале XVIII века

Максим Юрьевич Колпаков[1], Дмитрий Владимирович Михеев[2]

[1] Псковский государственный университет, Псков, Россия
[2] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
[1] kolpakov.m@gmail.com
[2] tankred85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории транспортной структуры северо-западных рубежей Русского государства, которая представляла сложную систему, функционировавшую в особых природно-климатических условиях. Важнейшим фактором, влиявшим на транспортную доступность региона, было обилие рек, озер и болот, которые, с одной стороны, создавали препятствия для передвижения путешественников, а с другой – предоставляли возможность включать в систему коммуникаций водные маршруты, которые в сочетании с сухопутными дорогами создавали действенную транспортную инфраструктуру, позволявшую поддерживать связи и вести активную торговлю с западными государствами на протяжении столетий, включая регион в единую систему коммуникаций как Русского государства, так и всей Европы.
Ключевые слова: дорога, водные маршруты, мосты, гати, плоты, дорожная повседневность, Русское государство, Псков, Новгород

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00015 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.».

Для цитирования: Колпаков М.Ю., Михеев Д.В. Водные преграды и маршруты приграничья Северо-Запада Русского государства в XVI – начале XVIII века // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 44–51. doi: 10.17223/19988613/98/5

Original article

Water Barriers and Routes of the North-West Frontier of the Russian State in the 17th – early 18th Centuries

Maxim Yu. Kolpakov[1], Dmitry V. Mikheev[2]

[1] Pskov State University, Pskov, Russian Federation
[2] Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
[1] kolpakov.m@gmail.com
[2] tankred85@mail.ru

Abstract. Roads have always made it possible to link together the most remote parts of any country. For most countries of Eastern Europe, the inland water spaces of rivers and lakes, not separated from each other by mountain systems, became the factor of creating a unified system of communications in the region. In the course of the research work, information about the water barriers and routes, everyday functioning of the road system, the ideas of foreigners about roads in the border area of the North-West of Russian state were analyzed. The transport structure of the North-Western borders of the Russian state that developed over the course of the 16th–18th centuries was a complex system that functioned in special natural and climatic conditions. Due to the large abundance of streams, rivers, lakes and marshes, border roads were formed taking into account the most favorable routes for movement and places for crossing. Most often, on the Russian side, roads through streams and small rivers were no permanent bridges. Bridges were built across deep and wide river streams, but many of them were floating bridge. Regular work to repair and maintain bridges was not enough. For active exploitation, as a result of rains, melting of snow and ice, spring floods bridges and crossings were damaged or destroyed. Travelers during their trips often had to repair bridges and establish crossings on their own. Even at the end of the 17th century they preferred to cross large rivers in boats and rafts.
Travelling by waterways was less exhausting, but the network of rivers and lakes did not allow moving between all settlements. Therefore, travelers were forced to combine both land and water routes during one trip.

© М.Ю. Колпаков, Д.В. Михеев, 2025

The abundance of rivers and lakes in the North-West of the Russian state not only served as an obstacle, but rather contributed to the development of infrastructure near possible crossings, the maintenance and development of navigation on rivers and lakes. For centuries, waterbodies, on the one hand, served as an obstacle to the conquerors, and on the other hand, contributed to the development of a network of communications in the border regions.
Keywords: road, water routes, bridges, log road, rafts, everyday life on the road, Russian state, Pskov, Novgorod

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20-59-00015.

For citation: Kolpakov, M.Yu., Mikheev, D.V. (2025) Water Barriers and Routes of the North-West Frontier of the Russian State in the 17th – early 18th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 44–51. doi: 10.17223/19988613/98/5

Введение

В современном обществе дорожная сеть рассматривается в качестве каркаса культурно-исторического ландшафта, важнейшей системообразующей структуры для любого государства. Транспортные коммуникации всегда позволяли связать воедино в экономическом, культурном и политическом плане самые отдаленные уголки страны. Для некоторых государств близость к торговым путям превращалась в государствообразующий фактор. Для большинства стран Восточной Европы внутренние водные пространства рек и озер, не отделенные друг от друга горными системами, как на западе, соединялись на сухопутных участках, создавая тем самым предпосылки для формирования единой системы путей сообщения в регионе [1. С. 242–243]. Таким образом, для Русского государства первостепенное значение на протяжении столетий имели водные маршруты и их сочетание с сухопутными транспортными коммуникациями.

Изучение истории путей сообщения и коммуникаций Русского государства в допетровскую эпоху становится популярным направлением исследований с начала XX столетия. Среди дореволюционных изданий особо стоит отметить монографию Н.П. Загоскина [2], посвященную развитию водных путей сообщения и судостроения в допетровское время. Акцентируя свое внимание на средневековой эпохе и развитии водных торговых коммуникаций, автор тем не менее отдельный очерк посвящает эволюции системы водных маршрутов в XVI–XVII вв. Однако западному направлению в указанный период умышленно уделяется меньше внимания, так как значение данных транспортных артерий, по мнению автора, постепенно сокращается на фоне развития северного морского торгового пути с Англией и Голландией. Зачастую в работе не уделяется должного внимания возможности сочетания водных и сухопутных коммуникаций, отсутствует подробное описание восприятия водных маршрутов путешественниками. Среди советских исследователей особо отметим Л.М. Марасинову, посвятившую несколько очерков эволюции торговли и путей сообщения Русского государства в XVII–XVIII вв. [3, 4]. Ей удалось проанализировать особенности эксплуатации и обслуживания как сухопутных маршрутов, так и водных дорог страны, отметив их качественные изменения, наблюдавшиеся в указанную эпоху. Впрочем, дороги, проходившие через северо-западные рубежи Русского государства и пограничные регионы, зачастую не обособляются от прочих транспортных коммуникаций страны. Особенностям развития транспортных коммуникаций, в том числе речным маршрутам, в приграничных белорусских землях уделяет свое внимание В.А. Жучкевич [5. С. 17–62]. Результаты многолетних отечественных историко-географических исследований путей сообщения на Северо-Западе России кратко охарактеризованы в статьях В.Л. Мартынова и И.Е. Сазоновой [6, 7]. Водным маршрутам Русского государства в описании иностранных путешественников XVI–XVII вв. посвящена статья А.В. Постникова [8]. Отдельным транспортным коммуникациям Русского государства, в том числе и водным маршрутам в XVI–XVII столетии, уделяли внимание А.В. Барсукова [9], А.В. Белов [10], М.Б. Бессуднова [11], А.Н. Гуслистова [12], М.И. Паклин [13], Л.А. Плечко [14]. Особенностям природно-климатических условий и влиянию погодных условий на военную логистику в приграничных регионах Северо-Запада посвящена публикация Е.В. и С.А. Салминых [15]. Особым направлением в изучении транспортных коммуникаций и объектов дорожной инфраструктуры являются изыскания, проводимые археологами. А.В. Михайлов посвятил свой очерк изучению волока в междуречье Черехи и Узы [16]. А.В. Довнар в своих изысканиях [17] особо останавливается на таком частном аспекте, как проблема сооружения и содержания мостов, дамб и речных переправ в литовско-белорусских землях, на границе с Московским царством.

Однако, несмотря на наличие отдельных работ и значительного объема источников как иностранного, так и отечественного происхождения, комплексного исследования путей сообщения на периферии Русского государства в настоящий момент не существует.

Дороги приграничных регионов всегда имеют свою особую специфику: путешественник, проезжая по ним, попадает из одной реальности в другую. В то же время именно с дорог приграничья на западе зачастую начинали свое знакомство с Россией иностранные торговцы, дипломаты, путешественники и специалисты, решившие поступить на царскую службу. Они особенно ярко ощущают и описывают особенности «русской дороги», что обусловило опору в предлагаемом исследовании именно на свидетельства иностранных путешественников. Одним из наиболее оживленных маршрутов передвижения людей и товаров в Русское государство из Европы и обратно на протяжении нескольких столетий был северо-западный рубеж с центрами в городах Пскове и Новгороде. Важнейшей особенностью дорожной инфраструктуры Северо-Запада всегда было обилие рек, озер и болот. Не учитывать их наличие

при описании основных дорожных маршрутов и восприятия дорог приграничья путешественниками невозможно. В XVI столетии Сигизмунд Герберштейн писал, в связи с этим: «*Итак, от Полоцка до Новгорода мы переезжали через столько болот, озер и рек, что имена и число их не могут привести даже местные жители; тем более не может упомнить и описать их кто-либо другой*» [18. С. 236–237].

Водные объекты как препятствие

Среди многочисленных сложностей, которые описывали путешественники, направлявшиеся в пределы Русского государства либо отбывавшие в Европу, наряду с плохим качеством дорог и отсутствием развитой дорожной инфраструктуры неоднократно упоминается обилие водных преград, пересечение которых представляло для неподготовленных путников особенные сложности. Самым опасным в дороге для путешественников было преодоление рек, ручьев, озер и сопутствовавших им заболоченных участков. Для переправы широко использовались оборудованные броды, а на крупных реках применялись паромные переправы [17. С. 64]. Мосты встречались крайне редко, тем более если река была широкой и полноводной. Зачастую мосты без постоянного обслуживания не могли простоять долго: весной во время половодья большую часть постоянных переправ смывало водным потоком.

Впрочем, для государства в рассматриваемую эпоху подобные сложности на границе в отдельных случаях были благом, так как это затрудняло продвижение иностранных войск, вторгавшихся в его пределы. Пересеченный характер местности ограничивал возможности перемещения многочисленных отрядов, что давало возможность в период летних военных кампаний препятствовать вторжению, ограничиваясь контролем отдельных участков рек, наиболее удобных для оборудования переправ [15. С. 88]. Возможно, именно по этой причине представители русской администрации нередко отказывались чинить и обустраивать дороги на границе. В 1624 г. шведский комендант Нарвы обратился к гдовскому воеводе с предложением совместными усилиями оборудовать дорогу, однако получил отказ [19. С. 364].

Многочисленные труднопроходимые и заболоченные участки дороги в пограничных землях были оборудованы особыми настилами из бревен, досок и хвороста – гатями. Иногда путешественники в своих записях ошибочно называли их мостами. Описывая свое путешествие по дорогам вблизи Псковско-Чудского озера, шведский военный и дипломат Эрик Пальмквист писал, что их путь лежал «*по большой покрытой вереском равнине, которая тянется на пять миль. Через нее ведет очень плохая дорога по зыбучему земляному настилу, проложенному через глубокое болото, которое называется Дощенкой. В той же местности немного дальше дорога тоже плохая, но не так, как предыдущая. В обоих этих местах недавно были мосты, из которых самый длинный был в сто рейнских рудеров* (Рейнский рудер примерно равен 3,8 м. – *М.К., Д.М.*), *но существуют ли эти мосты и теперь, я не знаю*» [20. С. 149]. Вероятнее всего, слово «мост» использовалось Палмквистом в данном конкретном случае для обозначения настилов-гатей, так как сооружение 380-метрового моста представляется маловероятным.

Однако, как уже отмечалось, далеко не все дороги в приграничной полосе были хорошо оборудованы. Именно по этой причине иностранцам, плохо знавшим местность, было очень опасно передвигаться в одиночку. Движение по дорогам пограничья без проводников было характерно зачастую только для местных жителей. Иностранцы, рискнувшие отправиться по приграничной дороге, могли с легкостью заблудиться и попасть в топкое место. В 1659 г. шведский дипломат Андриан Миллер, не пожелавший дождаться сопровождавшего его русского пристава Михаила Тыркова, отправился в путь самостоятельно и оказался в болоте, где едва не утонул, испортив почти все свое имущество [21. С. 375].

Герберштейн в связи с плачевным качеством дорог на северо-западе и обилием топких мест отмечал, описывая продвижение войск польского короля под Опочкой: «*В тех местах из-за многочисленных болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск*» [18. С. 236]. Без сооружения временных мостов через реки и ручьи, а также гатей в топких местах передвижение больших масс людей по дорогам пограничья было почти невозможно. Однако военная логистика – это особый случай, предполагавший активное использование местного населения для оборудования переправ и дорог. Тот же Герберштейн отмечал, что из-за плохого качества дорог польские войска вынуждены были отправлять впереди армии «*множество крестьян, [которые] обязаны были удалить всякие препятствия: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки*» [18. С. 236].

В отдельных случаях при наличии инженеров можно было организовать переправу собственными силами в кратчайшие сроки. Так, в 1579 г. войска Стефана Батория в ходе военных действий использовали для организации переправы через р. Западную Двину под Дисной разборный понтонный мост, заготовленный еще в Ковно, состоявший из «*нескольких отдельных судов, которые затем соединялись между собою посредством досок, так что всякий раз, когда нужно было, суда эти могли быть разъединены и, будучи поставлены вместе с разобранными досками на телеги, могли быть перевезены куда угодно*» [22. С. 39]. Уже в 1581 г. подобный разборный мост упоминается под Дисной и Полоцком: «*Под Дисною уставили его на Двине в течение трех часов; вторую же половину под самым Полоцком. Он очень прочен; каждый понтон могут везти 6 волов, а если по воде, то ведут двое крестьян; по нем может проехать даже 10 000 войска, и его можно также употреблять… для перевозки артиллерии*» [23. С. 282]. Однако более подробно останавливаться на военной логистике дорог пограничья мы не будем, так как это отдельный и достаточно сложный вопрос, требующий более детального рассмотрения.

Как же обстояли дела у обычных путешественников? Свидетельством того, что пересечение рек в ходе путешествия являлось особой проблемой, служит регулярное упоминание наряду с крупным населенными пунктами водных объектов в дневниках путешественников. Так, например, Патрик Гордон подробно перечисляет не только крупные населенные пункты, которые он проезжал, но и реки, а иногда даже крупные ручьи. И это неудивительно. Причина кроется в сложности организации переправы. Всегда необходимо учитывать, что в рассматриваемую эпоху дороги и связанная с ними инфраструктура были обусловлены интуитивной необходимостью обхода наиболее труднопреодолимых препятствий и приспособления маршрута к окружающим географическим и природным условиям [24. P. 40–41]. По этой причине переправы обычно оборудовались в наиболее удобных местах, так что выбрать другое подходящее для преодоления водной преграды место поблизости зачастую было невозможно.

В случае отсутствия постоянно действующего моста путешественникам приходилось осуществлять переправу чаще всего с помощью местных жителей, которые предоставляли плоты и лодки, помогали путникам за умеренную плату перевозить лошадей, повозки и грузы. Нередко качество плотов и лодок, которыми приходилось пользоваться, было не самым лучшим. Так, Николай фон Алларт, направлявшийся со своими спутниками к осажденной Петром I Нарве, был вынужден на «жалком плоту» переправляться через реку Нарову [25. S. 23–24].

Конечно, путник всегда мог рискнуть и попытаться переправиться вброд. Соответствующие переправы могли обозначаться шестами-ориентирами [5. С. 52]. Однако без хорошего знания местности это было крайне опасно. Переправу вброд очень метко характеризует фраза все того же Сигизмунда Герберштейна: «*Если не попадешь точно на него, то помогай бог!*» [18. С. 255].

Отправляясь в путь, необходимо было продумать маршрут, определив основные дороги, места стоянок и переправ через водные преграды. Нередко, зная о предстоящих сложностях, путешественники предпочитали заранее найти проводника. Опасность путешествия в незнакомой местности с плохими дорогами и переправами нивелировалась при наличии провожатого, который хорошо знал местность и мог в случае необходимости помочь объясниться с местными жителями. Во время своего путешествия в ливонском городе Бауске Гордон и его спутники «*взяли проводника для переправы через реку*» [26. С. 100]. Таким образом, пересечение водной преграды заставляло путника-иностранца тратить дополнительные средства, за счет которых кормились местные жители, помогавшие с переправой.

Серьезные сложности путешественникам обычно создавала плохая погода. Проблемы могли вызывать в первую очередь столь частые в регионе дожди. Они не только влияли на качество дорожного полотна, но и нередко приводили к сложностям при переправе через водные преграды. Плоты и лодки было опасно использовать в непогоду [26. С. 167, 169–170]. По этой причине переправа через бурный речной поток могла занимать несколько часов, а иногда задерживала путешественников на несколько дней (но это, скорее, исключение из правил). Сложности вызывали и холода, которые частично сковывали реки льдом, либо начинавшийся весенний ледоход, который делал пересечение рек на плотах или лодках крайне опасным занятием. Только особая срочность могла заставить путешественников и их провожатых переправляться через бурный поток в плохих погодных условиях.

В силу этого, подходя к подобному участку маршрута и ожидая, когда переправа будет налажена, путешественники обычно разбивали лагерь и устраивались на отдых, а иногда и на ночевку, так как наличие водной преграды служило одновременно и определенной гарантией безопасности. С другой стороны, наличие водоема решало многие бытовые нужды путешественников. Качественная пресная вода для приготовления пищи, а главное – возможность освежиться во время стоянки, – вот те преимущества, которые отмечают путешественники, избравшие сухопутный маршрут через Псковские и Новгородские земли, как, например, Гвидо Миеж, сопровождавший английского посланника графа Карлайла в ходе его путешествия из Москвы во владения шведского короля в 1664 г. [26. С. 169; 27. P. 311].

Даже пересечение небольших водоемов, обеспеченных мостами, требовало от путешественников внимательности. От исправности организованных переправ и всей системы коммуникаций зависели жизнь и благополучие людей, по разным причинам отправлявшихся в путь [17. С. 63]. Однако качество переправ не всегда было удовлетворительным, мосты и гати нередко требовали срочного ремонта, который мог осуществляться самими путешественниками при наличии необходимых сил и средств. Нередкими были курьезные происшествия. Подобный комичный случай при пересечении моста на шведской стороне близ Нейгаузена упоминает Гвидо Миеж. Один из слуг, сопровождавших английского посла, ехал на маленькой слепой и очень тощей лошади, которая, казалось, еле передвигалась по дороге, у нее не было ни уздечки, ни седла, лишь веревка, связанная в недоуздок, который был так короток, что англичанин с трудом с ней управлялся. Достигнув моста, посольский караван был встречен шведами приветственным салютом из пушки, из-за чего спокойная ранее лошадь внезапно бросилась вперед, скинув своего седока. После этого случая англичанин весь оставшийся путь до Риги проделал исключительно в повозке [27. P. 336].

«Водные дороги» Северо-Запада

Однако многочисленные реки и озера не только создавали препятствия для путешественников. При наличии необходимых средств передвижения – плотов, лодок и стругов – реки и озера заметно расширяли возможности дорожной сети в приграничном регионе. Одним из основных плюсов в использовании речных артерий в качестве путей сообщения была возмож-

ность их круглогодичного использования. Летом по ним можно было передвигаться на судах, а зимой, когда вставал лед, – гужевым транспортом. Активное использование водных путей затруднялось только осенью во время ледостава и весной во время ледохода. В течение многовековой истории Русского государства водные пути были одним из главных средств коммуникации для внутренней и международной торговли, развития промыслов и производства, культурного обмена и становления единого государства [8. С. 238].

Отдельного упоминания заслуживает граница в районе Чудского озера, неопределенность которой сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода XVI–XVIII вв. Демаркация обширного водного пространства была затруднительна, что вынуждало ориентироваться на древний принцип разделения берегов и прибрежных районов. Озеро и система связанных с ним рек активно использовались для рыбных промыслов, но не меньшее значение имели транспортные коммуникации, активно задействованные как в летний, так и в зимний период [11. С. 206–207]. В первую очередь озеро было частью маршрута от Пскова к Нарве, а также могло использоваться в совокупности с речным маршрутом через р. Эмайыги к Дерпту в торговых и военных целях. В целом в допетровский период поездки русских людей за границу через Новгород и Псков с торговыми целями осуществлялись по водным транспортным артериям Ладожского и Чудского озер с прилегающими к ним речными путями. Теми же маршрутами в русские земли могли приходить иностранные торговые суда, связывая таким образом Северо-Запад Русского государства с Выборгом, Ревелем и даже Стокгольмом [2. С. 243].

При наличии необходимых средств транспортировки и проводников значительную часть пути на Северо-Западе можно было проделать по воде. В частности, водные маршруты для транспортировки товаров упоминают английские торговцы, вывозившие товары из Новгорода во второй половине XVI столетия. Английские авторы отмечают несколько способов передвижения в лодках по рекам и озерам, которыми изобилует регион. Подчеркнем особо, что для английских торговцев, представителей Московской компании, важно было транспортировать значительные объемы товаров, что по сухопутным дорогам было делать значительно сложнее. Томас Соутэм и Джон Спарк отмечали: «*Мы… вошли в Ладожское озеро. Весь этот день, за исключением промежутка в 3 часа, дул небольшой ветер; к тому же он был нам попутный, так что мы шли и на парусах, и на веслах; прошли 10 миль вдоль берега и вошли в реку Волхов*» [28. С. 85].

Пройдя по реке, английские торговцы прибыли на стоянку к монастырю Никола-Медведь, где провели всю ночь. Покинув место стоянки в 5 часов утра, представители компании и сопровождавшие их люди «гребли и тянули лодку весь день» и к ночи достигли следующего монастыря, расположенного в 30 милях от прежнего места ночевки, – Гостинополье [28. С. 85–86]. Примечательно, что в указанном водном маршруте монастыри выполняли роль постоялых дворов для путешественников. Для самих монастырей, располагавшихся на пути следования, как и для крестьян, обслуживавших маршрут, поддержание надлежащей работы водного пути являлось важным элементом их существования и связи с наиболее развитыми районами государства. Маршрут имел большое значение не только для монастырских хозяйств, но и для страны в целом, так как по нему шли поставки соли от Белого моря на северо-запад [8. С. 244–245].

Густая сеть малых и больших рек, наличие полноводных озер способствовали сохранению и развитию водных коммуникаций в XVII в., сложившихся к западу от Москвы в устойчивую, постоянно действующую систему [3. С. 128–129]. Как и в предшествующий период, реки оставались главными и зачастую наиболее удобными транспортными магистралями страны [4. С. 258]. Разветвленная сеть судоходных рек и озер позволяла относительно комфортно передвигаться в Псковских и Новгородских землях.

Обычно передвижение осуществлялось в светлое время суток с использованием паруса, реже шли на веслах либо тянули лодку. Таким образом, в летний период передвижение по реке или озеру не требовало серьезных усилий и позволяло насладиться дорогой. Плюсы от водных путей приграничья отмечают многие путешественники, пересекавшие северо-западные рубежи Русского государства [27. P. 307].

Патрик Гордон, повествуя о своем путешествии, отмечал, что заметную часть пути ему удавалось проделать именно по воде. Он упоминает большие лодки (вероятно, струги) и плоты, которые ему предоставлялись местными жителями. Передвижение по воде в летнее время не только позволяло отдохнуть, но и должно было облегчать дневной зной. Кроме того, сам Гордон упоминает, что по воде они перемещались в том числе и в ночное время, что по сухопутным дорогам старались делать только в исключительных случаях: «*Приехав в большое село Сольница, мы отправили лошадей по суше и поплыли на лодках вниз по реке Шелонь в озеро Ильмень и далее в Новгород…*» [26. С. 102–103].

Однако путешествие по рекам и озерам таило и свои опасности. Без проводников и кормчих из местных жителей по воде было почти невозможно и крайне опасно перемещаться, да и транспортными средствами располагали именно местные жители. Только в исключительных случаях путешественники могли попробовать самостоятельно соорудить плот. Но такое средство передвижения было менее надежным. Проблемы во время пути могли создать непогода и просто сильный ветер. В своих дневниках Гордон пишет: «*Мы поплыли на лодке вниз по реке Мшаге, и ночной порой была необычайно сильная буря, так что мы с большим трудом сумели забраться в приток, где выжидали около 5 часов… Когда утихло, мы отплыли вновь, при добром ветре пошли по озеру и вечером прибыли в монастырь Св. Георгия, где заночевали…*» [29. С. 125].

Вполне понятно, что для путешествия небольшого числа путников было достаточно одной или двух лодок в зависимости от их размера. Что же делать, когда в дорогу отправлялось большое посольство? Тогда все

зависело от расположения властей и расторопности местных чиновников. Путешествие через Псковские и Новгородские земли посольства графа Карлайла в 1664 г. демонстрирует нам наиболее удачный пример организации путешествия по речным маршрутам больших групп людей. В свите графа насчитывалось более 100 человек. Гвидо Миеж, описывавший путь посольского каравана, сообщает, что 3 июля английскому посланнику и его свите удалось добраться до города Торжка, 4 июля англичане достигли Вышнего Волочка, а 7 июля – Валдая. 10 июля часть пути членам посольства удалось проделать по воде. При этом Гвидо Миеж отмечает, что для путешествия было подготовлено 20 лодок [27. P. 307], они заранее ожидали участников посольства. На самом деле сложно предположить, чтобы в одном месте сразу можно было найти такое количество лодок для путешествия без предварительной подготовки. Отсюда следует вывод, что приставы, следовавшие с представителями английского посольства, действовали на опережение, обеспечивая по мере продвижения посольского каравана англичан всем необходимым в пути.

За три версты до Новгорода члены посольства сошли на берег, а уже 11 июля посол со своей свитой торжественно въехал в город. Выгоды от благоприятного месторасположения вблизи речных маршрутов делали Новгород привлекательным в плане коммерции и достаточно густонаселенным, как отмечал сам Гвидо Миеж [27. P. 321]. Покинув Новгород, 13 июля англичане продолжили свой путь по воде. При этом упоминается хороший попутный ветер, т.е. передвижение осуществлялось под парусом. Таким образом было преодолено еще 67 верст пути до местечка Сольцы [27. P. 307–308]. Далее к Пскову посол и его свита двигались по суше.

Предпочитал использовать водные маршруты Северо-Западного региона и Петр Великий. Из Петербурга он доплывал по Финскому заливу на яхтах или шнявах до Нарвы и Дерпта, из Дерпта по Чудскому озеру добирался до Олонецкой верфи. В июне 1705 г. царь спустился по Западной Двине от Витебска до Полоцка, в мае 1706 г. прошел по реке Великой от Гдова до Пскова водным путем, а затем проплыл вниз по Днепру от Смоленска до Орши. В конце того же месяца и в начале следующего он добрался по Десне от Чернигова до Киева. С 19 по 22 октября 1707 г. Петр проделал путь от Великих Лук через Новгород до Старой Ладоги по реке Ловати [30. С. 218].

Водные объекты в зимнее время

Намного проще было пересекать водные преграды в зимнее время, когда они оказывались скованы льдом. Английский дипломат Энтони Дженкинсон отмечал в связи с этим: «*В зимнее время русские ездят на санях и в городе, и в деревне, так как дорога крепкая и гладкая от снега; все воды и реки замерзают, и одна лошадь, запряженная в санки, может провезти человека до 400 миль в три дня; но в летнее время дороги покрыты глубокой грязью, и путешествие очень тяжело*» [28. С. 80].

В зимний период реки и озера превращались в аналог дороги, наиболее удобной для путешествия. Примечательные рекомендации дают английские торговые агенты, посещавшие Новгород во второй половине XVI столетия: «*товары во всяком случае должны быть высланы из Новгорода к 6 января с тем расчетом, чтобы они были в Сумах к сретению, ибо если товары задержатся в дороге до 15 февраля, когда солнце начинает греть, то дело может принять опасный оборот. Лед на глубоких озерах Ладожском и особенно Онежском трескается от дневного солнечного тепла, и если вдруг наступит неожиданная оттепель, как это часто бывает в это время года, то эти озера вскрываются и лед в них ломается, что влечет за собой гибель людей: тонут и люди, и лошади*» [28. С. 87–88]. Таким образом, передвижение по покрытым льдом рекам и озерам было возможно лишь на протяжении нескольких месяцев при условии крепких морозов. И, конечно, иностранцы самостоятельно, без проводников подобным маршрутом пользоваться вряд ли могли.

Заключение

Из-за большого обилия ручьев, рек, озер и болот дороги северо-западного пограничья формировались с учетом наиболее удобных для движения маршрутов и мест для переправы. Поездки по извилистым дорогам увеличивали время в пути, но это была неизбежная необходимость. Дорожное полотно становилось вязким в период весеннего половодья и после затяжных дождей.

Чаще всего на русской стороне пути через ручьи и небольшие реки не имели искусственных дорожных сооружений. Через глубокие и широкие речные препятствия были проложены мосты, но многие из них были наплавными. Даже в конце XVII в. через крупные реки пограничья предпочитали переправляться на лодках, плотах или паромах. Регулярные работы по ремонту и содержанию мостов не производились в должном объеме. Из-за активной эксплуатации и в результате выпадения осадков, таяния снега и льда, весеннего половодья мосты и переправы повреждались или уничтожались. Путешественникам в ходе поездок нередко приходилось самостоятельно осуществлять оперативный ремонт – чинить мосты, налаживать переправы – с привлечением местного населения или даже исключительно своими силами.

Путешествие водными путями было менее изматывающим, но сеть водных объектов не позволяла перемещаться между всеми населенными пунктами. Поэтому путешественники были вынуждены сочетать в ходе одной поездки и сухопутные, и водные маршруты.

Таким образом, обилие рек и озер на северо-западе Русского государства не только служило препятствием для путешествий, но, скорее, способствовало развитию инфраструктуры вблизи возможных переправ, поддержанию и развитию судоходства на реках и озерах, через которые шли не только путешественники, но и товары. На протяжении столетий водные объекты, с одной

стороны, служили преградой на пути завоевателей, а с другой – при должных усилиях не только не препятствовали, но даже способствовали развитию сети путей сообщения в приграничных регионах.

Список источников

1. Дулов А.В. Географическая среда и история России, конец XV – середина XIX в. М. : Наука, 1983. 256 с.
2. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань : Упр. внутр. вод. путей и шоссейн. дорог, 1910. 464 с.
3. Ковригина В.А., Марасинова Л.М. Торговля, пути и средства передвижения // Очерки русской культуры XVII века. М. : Изд-во МГУ, 1979. Ч. 1. С. 122–144;
4. Марасинова Л.М. Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII века. М. : Изд-во МГУ, 1985. Ч. 1. С. 257–284.
5. Жучкевич В.А. Дороги и водные пути Белоруссии : историко-географический очерк. Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1977. 144 с.
6. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения Северо-Запада России: догосударственный и киевско-новгородский этапы (с V–VI по XVII вв.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 1 (29). С. 92–111.
7. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Историческая география путей сообщения Северо-Запада России: догосударственный и киевско-новгородский этапы (с V–VI по XVII вв.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 61–73.
8. Постников А.В. Свидетельства иностранцев о водных путях, которыми они впервые попали на Русь (XVI – начало XVII в.) // Историческая география. М. : Аквилон, 2019. Т. 4. С. 236–276.
9. Барсукова А.В. Торговля Коломенцев по Окско-Москворецкому речному пути в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. : сб. материалов Второй междунар. науч. конф., 2009. Курск : Курский гос. ун-т, 2009. С. 68–72.
10. Белов А.В. Речная транспортная система Московского края и развитие городов (XIV–XVII вв.) // Задавая вопросы прошлому... : к 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева. М. : Гуманитаий, 2006. С. 153–172.
11. Бессуднова М.Б. Чудское озеро в системе псковско-ливонского фронтира XV – начала XVI века // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2020. № 35 (65). С. 199–208.
12. Гуслистова А.Н. Купечество Вологды по таможенным книгам Сухоно-Двинского речного пути 1630-х гг. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2015. № 4. С. 440–444.
13. Паклин М.И. «Великий Московско-Сибирский речной путь» и главные судостроительные центры Сибири в XVII–XVIII вв. // Мир Евразии. 2013. № 4 (23). С. 44–47.
14. Плечко Л.А. Старинные водные пути. М. : Физкультура и спорт, 1985. 104 с.
15. Салмин С.А., Салмина Е.В. «...Отложить поход до зимы»: влияние природных факторов на военные действия XIV–XV вв. на псковских границах // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 5. С. 85–98.
16. Михайлова А.В. К изучению волока в междуречье Черехи и Узы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1996. № 13 (40-41). С. 69–73.
17. Доўнар А. «Масты ў паўтара пруты». Нарыс з гісторыі дарожных камунікацыяў Беларусі XVI–XVIII стст. // Спадчына. 2003. № 2-3 (152). С. 63–69.
18. Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. В.Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
19. Чепель А.И. «Вы хотите причину искати к недружбе»: приграничный аспект шведско-русских отношений 1617–1656 гг. // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 358–374.
20. Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М. : ЛомоносовЪ, 2012. 340 с.
21. Чепель А.И. «Пастухов те воры били до умертвия...»: криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 370–390.
22. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1889. 309 с.
23. Пиотровский С. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) // Осада Пскова глазами иностранцев : дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков : Псковская обл. тип., 2005. С. 243–482.
24. Kunigielis J. Organizacja funkcjonowania mostów i grobli w Wielkim Księstwie Litewskim od drugiej połowy XV do końca XVI wieku – zarys problematyki // Rocznik Lituanistyczny. 2021. № 7. P. 39–58.
25. Allart L.N. von. Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700. Reval : Kluge, 1894. 81 S.
26. Гордон П. Дневник, 1659–1667. М. : Наука, 2003. 315 с.
27. A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble. the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664. London : Printed for John Starkey, 1669. 461 p.
28. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / отв. ред. Н.Л. Рубинштейн. Л. : ОГИЗ, 1937. 308 с.
29. Гордон Патрик Дневник, 1684–1689. М.: Наука, 2009. С. 339.
30. Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М. : Молодая гвардия, 2010. 443 с.

References

1. Dulov, A.V. (1983) *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii, konets XV – seredina XIX v.* [Geographical Environment and the History of Russia, Late 15th – Mid-19th Centuries]. Moscow: Nauka.
2. Zagoskin, N.P. (1910) *Russkie vodnye puti i sudovoe delo v dopetrovskoy Rusi* [Russian Waterways and Shipping in Pre-Petrine Rus']. Kazan: Upr. vnutr. vod. putey i shosseyn. dorog.
3. Kovrigina, V.A. & Marasinova, L.M. (1979) Torgovlya, puti i sredstva peredvizheniya [Trade, Routes and Means of Transportation]. In: Artsikhovsky, A.V. (ed.) *Ocherki russkoy kul'tury XVII veka* [Essays on Russian Culture of the 17th Century]. Vol. 1. Moscow: MSU. pp. 122–144.
4. Marasinova, L.M. (1985) Put i i sredstva soobshcheniya [Routes and Means of Communication]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka* [Essays on Russian Culture of the 18th Century]. Vol. 1. Moscow: MSU. pp. 257–284.
5. Zhuchkevich, V.A. (1977) *Dorogi i vodnye puti Belorussii: istoriko-geograficheskiy ocherk* [Roads and Waterways of Belarus: A Historical-Geographical Essay]. Minsk: BSU.
6. Martynov, V.L. & Sazonova, I.E. (2017) Istoricheskaya geografiya putey soobshcheniya Severo-Zapada Rossii: dogosudarstvennyy i kievsko-novgorodskiy etapy (s V–VI po XVII vv.) [Historical Geography of Communication Routes in the North-West of Russia: Pre-State and Kievan-Novgorodian Stages (from the 5th–6th to the 17th Centuries)]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 1(29). pp. 92–111.
7. Martynov, V.L. & Sazonova, I.E. (2017) Istoricheskaya geografiya putey soobshcheniya Severo-Zapada Rossii: dogosudarstvennyy i kievsko-novgorodskiy etapy (s V–VI po XVII vv.) [Historical Geography of Communication Routes in the North-West of Russia: Pre-State and Kievan-Novgorodian Stages (from the 5th–6th to the 17th Centuries)]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2(30). pp. 61–73.
8. Postnikov, A.V. (2019) Svidetel'stva inostrantsev o vodnykh putyakh, kotorymi oni vpervye popali na Rus' (XVI – nachalo XVII v.) [Foreigners' Testimonies about the Waterways by Which They First Reached Rus' (16th – Early 17th Centuries)]. In: *Istoricheskaya geografiya* [Historical Geography]. Vol. 4. Moscow: Akvilon. pp. 236–276.

9. Barsukova, A.V. (2009) Torgovlya Kolomentsev po Oksko-Moskvoretskomu rechnomu puti v XVII v. [Trade of the Kolomna People along the Oka-Moscow River Route in the 17th Century]. In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.* [Trade, Merchants and Customs in Russia in the 16th–19th Centuries]. Kursk: KSU. pp. 68–72.
10. Belov, A.V. (2006) Rechnaya transportnaya sistema Moskovskogo kraya i razvitie gorodov (XIV–XVII vv.) [The River Transport System of the Moscow Region and Urban Development (14th–17th Centuries)]. In: *Zadaya voprosy proshlomu... : k 75-letiyu professora Olega Vladimirovicha Volobueva* [Asking Questions to the Past...: For the 75th Anniversary of Professor Oleg Vladimirovich Volobuev]. Moscow: Gumanitariy. pp. 153–172.
11. Bessudnova, M.B. (2020) Chudskoe ozero v sisteme pskovsko-livonskogo frontira XV – nachala XVI veka [Chudskoe Lake in the System of the Pskov-Livonian Frontier in the 15th – Early 16th Centuries]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli.* 35(65). pp. 199–208.
12. Guslistova, A.N. (2015) Kupechestvo Vologdy po tamozhennym knigam Sukhono-Dvinskogo rechnogo puti 1630-kh gg. [The Merchantry of Vologda According to the Customs Books of the Sukhona-Dvina River Route of the 1630s]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i novoe vremya*. 4. pp. 440–444.
13. Paklin, M.I. (2013) "Velikiy Moskovsko-Sibirskiy rechnoy put'" i glavnye sudostroitel'nye tsentry Sibiri v XVII–XVIII vv. ["The 'Great Moscow-Siberian River Route" and the Main Shipbuilding Centers of Siberia in the 17th–18th Centuries]. *Mir Evrazii*. 4(23). pp. 44–47.
14. Plechko, L.A. (1985) *Starinnye vodnye puti* [Ancient Waterways]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
15. Salmin, S.A. & Salmina, E.V. (2021) "...Otlozhit' pokhod do zimy": vliyanie prirodnykh faktorov na voennye deystviya XIV–XV vv. na pskovskikh granitsakh ["...To Postpone the Campaign Until Winter": The Influence of Natural Factors on Military Actions of the 14th–15th Centuries on the Pskov Borders]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya.* 5. pp. 85–98.
16. Mikhaylova, A.V. (1996) K izucheniyu voloka v mezhdurech'ye Cherekhi i Uzy [On the Study of the Portage in the Cherekha-Uza Interfluve]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli.* 13(40-41). pp. 69–73.
17. Dounar, A. (2003) "Masty ' pal'tara pruty." Narys z gistori'i darozhnykh kamunikatsyy Belarusi XVI–XVIII stst. *Spadchyna*. 2-3(152). pp. 63–69.
18. Herberstein, S. (1988) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: MSU.
19. Chepel, A.I. (2015) "Vy khotite prichinu iskati k nedruzhbe": prigranichnyy aspekt shvedsko-russkikh otnosheniy 1617–1656 gg. ["You Want to Seek a Reason for Enmity": The Border Aspect of Swedish-Russian Relations, 1617–1656]. *Metamorfozy istorii*. 6. pp. 358–374.
20. Palmquist, E. (2012) *Zametki o Rossii, sdelannye Erikom Palmkvistom v 1674 godu* [Notes on Russia Made by Erik Palmqvist in 1674]. Moscow: Lomonosov.
21. Chepel, A.I. (2014) "Pastukhov te vory bili do umertviya...": kriminal'naya obstanovka v shvedsko-russkom prigranich'e posle Stolbovskogo mira ["Those Thieves Beat the Shepherds to Death...": The Criminal Situation in the Swedish-Russian Borderland after the Treaty of Stolbovo]. *Metamorfozy istorii*. 5. pp. 370–390.
22. Heidenstein, R. (1889) *Zapiski o Moskovskoy voyne* [Notes on the Moscow War]. St. Petersburg: Ministry of Interior.
23. Piotrovskiy, S. (2005) Dnevnik poslednego pokhoda Stefana Batoriya na Rossiyu (Osada Pskova) [Diary of the Last Campaign of Stephen Báthory against Russia (The Siege of Pskov)]. In: *Osada Pskova glazami inostrantsev: dnevniki pokhodov Batoriya na Rossiyu (1580–1581 gg.)* [The Siege of Pskov Through Foreigners' Eyes: Diaries of Báthory's Campaigns against Russia (1580–1581)]. Pskov: Pskovskaya obl. tip. pp. 243–482.
24. Kunigielis, J. (2021) Organizacja funkcjonowania mostów i grobli w Wielkim Księstwie Litewskim od drugiej połowy XV do końca XVI wieku – zarys problematyki. *Rocznik Lituanistyczny*. 7. pp. 39–58.
25. Allart, L.N. von. (1894) *Das Tagebuch des Generals von Hallart über die Belagerung und Schlacht von Narva, 1700*. Reval: Kluge.
26. Gordon, P. (2003) *Dnevnik, 1659–1667* [Diary, 1659–1667]. Moscow: Nauka.
27. Miege, G. (1669) *A relation of three embassies from His Sacred Majestie Charles II, to the great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark performed by the Right Hoble. The Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664*. London: Printed for John Starkey.
28. Rubinshteyn, N.L. (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English Travelers in the Muscovite State in the 16th Century]. Leningrad: OGIZ.
29. Gordon, P. (2009) *Dnevnik, 1684–1689* [Diary, 1684–1689]. Moscow: Nauka.
30. Naumov, V. (2010) *Povsednevnaya zhizn' Petra Velikogo i ego spodvizhnikov* [The Daily Life of Peter the Great and His Associates]. Moscow: Molodaya gvardiya.

***Сведения об авторах*:**
Колпаков Максим Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Псковского государственного университета; начальник научно-экспозиционной службы Псковского государственного музея-заповедника (Псков, Россия). E-mail: kolpakov.m@gmail.com
Михеев Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tankred85@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Kolpakov Maxim Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Pskov State University; Head of the Scientific and Exhibition Service of the Pskov State Museum-Reserve (Pskov, Russian Federation). E-mail: kolpakov.m@gmail.com
Mikheev Dmitry V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tankred85@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.11.2022; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 04.11.2022; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 93/94:172.3
doi: 10.17223/19988613/98/6

«Ужас берет при чтении главы отчета о сектантстве»: отношения власти и баптистов Томской губернии в 1905–1917 гг.

Анастасия Александровна Нестеренко

Томский государственный университет, Томск, Россия, anastasija22081@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается динамика отношений власти и баптистских общин Томской губернии в 1905–1917 гг. Выделяется три этапа: политика лояльности (1905–1910), переходный период (1910–1914) и политика настороженности (1914–1917). Показывается, как политическая обстановка и законодательные акты влияли на свободу вероисповедания и миссионерскую деятельность баптистов. Установлено, что периоды либерализации сменялись ужесточениями, усилившимися в годы Первой мировой войны. Важным фактором стали массовые переселения и национальные различия.
Ключевые слова: протестантизм, баптизм, Томская губерния, веротерпимость, государственная власть

Для цитирования: Нестеренко А.А. «Ужас берет при чтении главы отчета о сектантстве»: отношения власти и баптистов Томской губернии в 1905–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 52–58. doi: 10.17223/19988613/98/6

Original article

“Horror strikes when reading the chapter of the report on sectarianism”: relations between the government and the Baptists of the Tomsk province in 1905–1917

Anastasia A. Nesterenko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anastasija22081@yandex.ru

Abstract. The study investigates the dynamics of relationships between governmental authorities and Baptist communities within the Tomsk region during a critical period spanning from 1905 to 1917. This research is particularly focused on analyzing how political, social, economic transformations influenced these interactions and shaped their development over time.

The purpose is to analyze the character and evolution of the relationship between state authority and Baptist congregations in Tomsk Province throughout this historical interval, taking into account broader socio-economic changes occurring simultaneously.

This work relies heavily upon archival documents related to administrative processes, legal cases, publications, and other relevant materials directly linked to the early twentieth century context under examination.

The article begins by highlighting the initial formation stage of Baptist communities before 1905, followed by three distinct phases:

The first phase (1905-1910), characterized by relative tolerance and legislative reforms that enabled greater religious freedom for Protestants but retained certain restrictions on proselytizing activities.

The second phase (1910-1914), marked by increased bureaucratic controls and surveillance aimed at limiting missionary efforts among Protestant groups, especially Baptists.

The third phase (1914-1917), defined by rising nationalist sentiments during World War I which further constrained the public visibility and activity levels of German-influenced Protestant denominations such as Baptists.

Throughout each phase, attention is given to specific policies implemented by both civil and ecclesiastic institutions towards non-traditional forms of worship, including challenges faced by individual members seeking recognition or legitimacy for their faith-based organizations.

By exploring these interconnected factors across multiple dimensions, the author concludes that despite brief periods of liberalization introduced through legislation like Nicholas II’s Edict of Religious Toleration in April 1905, persistent conservative attitudes prevailed among officials who remained wary of any potential threats posed by alternative belief systems diverging from established Orthodox Christianity norms. Ultimately, this tension led to heightened scrutiny and repressive measures targeting Protestant movements even amidst sweeping societal shifts.
Keywords: Protestantism, Baptism, Tomsk province, religious tolerance, state power

For citation: Nesterenko, A.A. (2025) “Horror strikes when reading the chapter of the report on sectarianism”: relations between the government and the Baptists of the Tomsk province in 1905–1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 52–58. doi: 10.17223/19988613/98/6

© А.А. Нестеренко, 2025

Введение

Начало XX столетия ознаменовалось значительным расширением правового статуса и свободы вероисповедания для представителей различных протестантских конфессий, включая баптистов. В этот период наблюдался существенный прирост численности последователей протестантского движения по ряду причин, включая миграционные процессы, миссионерскую деятельность и изменения социально-экономической ситуации в регионе. Однако активное распространение форм религиозности, не характерных для традиционного православного уклада России, не могло не привлечь внимания государственных органов, которые были вынуждены принять соответствующие меры административного регулирования и контроля за деятельностью религиозных общин.

История распространения протестантских конфессий, в частности баптизма, в сибирском регионе вызывает устойчивый интерес исследователей на протяжении более сотни лет. Тем не менее данная проблематика продолжает оставаться объектом дискуссий и научных обсуждений.

Одним из первых исследований, посвященных этой теме, является фундаментальный труд П. Фризена «История старых евангельских меннонитов в России (1789–1910)», опубликованный в 1911 г. [1]. В своем исследовании Фризен детально излагает историю меннонитских общин, обосновывает их значимость в контексте распространения протестантских идей и подчеркивает необходимость анализа их деятельности в рамках евангельского движения.

Отечественные ученые внесли значительный вклад в изучение баптизма и протестантизма в России. Среди них выделяются С. Бондарь, автор работы «Секта меннонитов в России» (1916) [2], и А. Долотов, который в своем труде «Церковь и сектантство в Сибири» (1930) акцентировал внимание на противоречивом отношении государства и общества к представителям протестантских конфессий, а также на влиянии национальных особенностей и миграционных процессов на развитие баптизма [3].

В советский период исследования религиозных движений приобрели ярко выраженный политический характер, так как они рассматривались как потенциальная угроза существующему режиму. Научные работы того времени акцентировали внимание на негативных аспектах деятельности баптистов и других религиозных групп, обвиняя их в сотрудничестве с иностранными государствами и антигосударственной деятельности.

Среди наиболее значимых трудов этого периода можно выделить работы Ф.М. Путинцева «Политическая роль и тактика сект» (1935) [4] и А.Т. Москаленко «Идеология и деятельность христианских сект» (1978) [5].

После распада Советского Союза появилась возможность переосмыслить прежние стереотипы и подойти к изучению данной проблемы с более широких позиций. В постсоветский период были опубликованы исследования, направленные на восстановление утраченных страниц истории и объективное освещение процессов распространения протестантских конфессий в сибирском регионе. Современная историография стремится интегрировать все предшествующие научные подходы и преодолеть их ограничения. Последние исследования акцентируют внимание на региональной специфике, взаимоотношениях между религиозными общинами и государственными структурами, а также на долгосрочных перспективах развития протестантских конфессий в Сибири. Примером таких исследований являются работы Н.В. Потапова «Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг.: на материалах Дальнего Востока» (2015) [6] и А.А. Краснова «Православие и сектантство Сибири» (2015) [7], который предлагает комплексный подход к анализу истории протестантских движений в Сибири.

В рассматриваемый временной промежуток протестантизм на территории Томской губернии не являлся объектом самостоятельного исследования. Тем не менее следует отметить научный труд Т.В. Батуриной и С.П. Батурина, посвященный анализу государственной религиозной политики в отношении протестантских конфессий в сибирском регионе в конце XIX – начале XX в. с акцентом на Томскую губернию [8].

Таким образом, историографическая традиция изучения распространения баптизма имеет длительный период формирования, характеризующийся значительной зависимостью от официальной государственной позиции относительно протестантских объединений. В новейший период усиливается научная заинтересованность в проблематике, сопровождающаяся появлением специализированных исследований, направленных на региональный аспект. Вместе с тем обозначенная тематика остается слабо разработанной, не получившей должного освещения в плане систематизации взаимоотношений власти и баптистских сообществ.

Исходя из этого, целью данного исследования стал анализ характера и динамики взаимоотношений власти и баптистских общин в Томской губернии в 1905–1917 гг. с учетом социальных, экономических и политических преобразований. Основные тезисы исследования можно сформулировать следующим образом: особенности взаимодействия баптистов с государственной властью в рассматриваемый период были обусловлены влиянием трансформаций в социальной, экономической сферах и политике. Эти процессы находили выражение в изменении отношения властей к деятельности баптистских объединений. При этом важно отметить, что данное изменение не всегда основывалось на нетерпимости к представителям неправославных конфессий.

Исследование опирается на архивные документы, связанные с делопроизводством различных органов управления Томской губернии, включая уголовные дела, публикации и статьи, относящиеся к выбранному периоду начала XX в.

Баптизм на территории Томской Губернии до 1905 г.

Распространение баптизма в сибирском регионе, включая Томскую губернию, до 1905 г. характеризовалось медленным и неравномерным развитием. Пер-

вые баптистские общины были основаны в Сибири в последней трети XIX в. в результате миграции населения из Европейской России, преимущественно из южных областей. Миссионерская деятельность сосредоточивалась в небольших населенных пунктах и деревнях.

Одной из ключевых особенностей начального этапа становления баптизма в Сибири было отсутствие официального статуса большинства общин, что ставило их в уязвимое положение перед лицом административных ограничений и преследований со стороны государственных органов. Несмотря на правовые препятствия, постепенное увеличение численности верующих позволило сформировать небольшие группы баптистов, объединенные общими религиозными верованиями и обрядовыми практиками.

В Томской губернии, как и в других сибирских регионах, до 1905 г. общины преимущественно располагались в сельских поселениях и деревнях, где мигранты, исповедующие баптистскую веру, организовывали домашние группы верующих. Официальная регистрация и публичная деятельность данных общин практически не осуществлялись, и лишь небольшие группы имели возможность проводить богослужения в скрытой или редко публично доступной форме.

Эти факты подтверждаются данными Первой Всеобщей переписи населения 1897 года [9. С. 68–99]. Согласно этим сведениям, в Томской губернии проживали всего 2 129 представителей протестантских конфессий, из них 1 017 человек – в Томском уезде, что составляло лишь 0,1% от общей численности населения губернии, насчитывавшего 1 927 679 человек.

Следует отметить, что из общего числа протестантов лишь 145 человек являлись русскоязычными, т.е. около 7% от их общего количества. Остальные представители протестантских конфессий были иностранцами, что свидетельствует о значительной доле иноязычного элемента в составе данных общин.

Наиболее распространенной протестантской конфессией в Томской губернии являлись лютеране, составлявшие 91% от общего числа протестантов (1 945 человек). Их религиозный центр располагался в г. Томске.

Хотя в статистических данных отсутствует конкретная информация о численности баптистов, указанные сведения позволяют сделать вывод о низкой представленности протестантских общин, включая баптистов, в регионе, а также о их компактном размещении в ограниченном географическом пространстве и этнической неоднородности состава верующих.

Таким образом, до 1905 г. баптизм в Сибири, включая Томскую губернию, находился на стадии начального формирования, которое в значительной степени зависело от индивидуальных усилий верующих-мигрантов и подвергалось множеству административных препятствий, осуществляющихся в рамках религиозной и миграционной политики Российской империи.

Первый этап – 1905–1910 гг.: политика лояльности

Этот этап связан с несколькими важными аспектами, которые оказали большое влияние на развитие протестантизма в Томской губернии и отношение к ним баптистов. Первый – принятие указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. [10]. Им протестантам было разрешено официально менять веру, переходя из православия в любые другие конфессии, легализуя, таким образом, существование сектантов и защищая их от преследования со стороны государства. Помимо этого, указом предусматривалось расширение гражданских и религиозных прав сектантов, позволявшее им владеть имуществом, возводить собственные молитвенные здания, организовывать учебные заведения и устраивать специальные кладбища для захоронения единоверцев при условии предварительного согласования с губернатором или градоначальником. Одновременно с этим предписывалось освободить всех ранее осужденных за религиозную деятельность, начав процедуру массового возвращения ссыльных с февраля 1905 г. [11].

При этом ст. 90 Уголовного уложения 1903 г. вступала в прямое противоречие с указанным указом, поскольку предусматривала наказания за публичные выступления, призывающие православных перейти в другое вероисповедание либо присоединиться к расколу или секте [12]. Такая юридическая неопределенность сохраняла неясность положения протестантов, позволяя властям применять законы выборочно и субъективно в зависимости от обстоятельств. Следовательно, хотя сам факт принадлежности к баптизму был узаконен, смена веры разрешена, а проведение собственных служб допустимо, открытый призыв других к изменению вероисповедания все равно оставался незаконным действием, фактически выводящим миссионерскую деятельность за рамки правового поля.

Примерно в это же время, в 1906 г., была начата Столыпинская аграрная реформа. В ходе ее реализации с 1905 по 1911 г. в Томскую губернию переехали 936 425 человек, из которых 132 450 человек вернулись назад [13]. В числе переселенцев были и протестантские семьи, и даже целые населенные пункты, которые уезжали из центральной части России в поисках религиозной свободы. Так, к примеру, было основано в 1908 г. в Орловской волости Барнаульского уезда с. Гнаденгейм (сейчас с. Редкая Дубрава) – меннонитское село, многие жители которого перешли в баптизм. С.П. Батурин приводит такие статистические данные: из числа переселенцев на территорию Томской губернии в этот период протестантов было 15 519 чел., баптистов – 207 чел. [8].

Несмотря на запрет миссионерской деятельности, последователи русского баптизма активно распространяли свое вероучение в начале XX в. В 1907 г. был организован Сибирский отдел Русского союза баптистов под руководством Г.И. Мазаева. В правление отдела вошли представители различных общин, включая А.Л. Евстратенко, А.Х. Варыпаева, А.А. Романтеева и И.В. Сеничкина [14. С. 12].

Особое значение имело создание миссионерского общества в Омске, одобренное на съезде в Ростове-на-Дону в том же году. Несмотря на формальные запреты, общество приступило к контролю и координации деятельности миссионеров в Сибири [14. С. 14]. При-

мечательно, что не только представители мужского пола, но и женщины могли занимать официальные позиции благовестниц (миссионеров). Например, Е.П. Накашидзе была назначена на такую должность на полгода с вознаграждением в 200 рублей, – сумма, значительно превышающая средний доход населения того периода [15. С. 24].

Деятельность миссионеров имела широкий географический охват. Так, экспедиция К.Г. Горбачёва и А.Х. Варыпаева продлилась почти четыре месяца, пройдя через такие крупные сибирские города, как Красноярск, Иркутск и Томск. Их труды привели к обращению новых членов церкви – были крещены 32 человека [16].

Также важное место занимают фигуры Ивана Куделя, Федора Дерябина, Алексея Каракаева и Павла Тарана. Они продвигали идеи баптизма в условиях ограничений и репрессий, создав небольшие общины и активно участвуя в общественных дискуссиях. Особенно выделяется история Луки Васильевича Фролова, переехавшего в Новониколаевск (ныне Новосибирск) в 1903 г. Хотя причины переезда неясны, именно он стал инициатором первой местной баптистской группы, состоящей примерно из 30 человек, главным образом бывших молокан [17].

Таким образом, хотя официальное законодательство не разрешало миссионерскую работу, но не сильно препятствовало ей. Это привело к образованию трех ключевых очагов распространения баптизма: в Новониколаевске, поселке Васильчиков и на станции Каинск [12]. К 1910 г. в десять раз возросло и количество протестантов по отношению к 1897 г. – 22 014 чел., что составило 0,57% населения губернии [18. С. 3–4]. Каждый из региональных центров начал самостоятельную пропаганду своей конфессии в прилегающих районах. В частности, новониколаевская община распространила влияние на 14 близлежащих населенных пунктов, тогда как Васильчиков оказывал воздействие на всю западную часть Кулундинской степи, где насчитывалось свыше 200 поселений. Значительно укрепились позиции баптистов и в недавно возникшем административном и коммерческом центре – городе Славгороде.

Второй этап – 1910–1914 гг.: переходный период

Активность миссионеров значительно увеличила число приверженцев баптизма в Сибири, что вызвало серьезное беспокойство у официальных властей. Так, генерал-губернатор Е.О. Шмидт выразил свою тревогу в ежегодном отчете за 1910 г., отметив распространение новых религиозных движений, что произвело глубокое впечатление на императора Николая II, выразившееся личной записью: «Ужас берет при чтении главы отчета о сектантстве» [19. Л. 1, 17–19]. По мнению губернатора, основной причиной роста влияния баптизма стало слабое участие православного духовенства в активной миссионерской деятельности среди местного населения.

Министерство внутренних дел Российской империи отреагировало изданием специального документа («Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных (религиозных) собраний») от 4 октября 1910 г., вводящего ряд строгих мер контроля над деятельностью евангельских организаций [20]. Согласно документу, запрещались любые формы миссионерского прозелитизма, вовлечения молодежи и организация специализированных занятий по изучению Библии. Полиция обязана была регулярно присутствовать на мероприятиях этих сообществ, контролируя их деятельность.

Такие меры серьезно затруднили функционирование баптистских общин, лишенных возможностей свободно вести образовательную и миссионерскую работу.

Параллельно русская православная церковь предпринимала шаги по борьбе с растущим сектантством. Миссионеры организовывали специальные курсы подготовки кадров, призванные укреплять позиции православной веры. Среди преподавателей курса были видные деятели, такие как Иоанн Восторгов и Михаил Васильевский [21. С. 756], занимавшиеся критическим осмыслением сектантского движения и подготовкой грамотных миссионеров.

Подобные мероприятия способствовали формированию системы прихода и церковных миссий, что позволяло противодействовать распространению альтернативных религиозных направлений.

Официальные органы продолжали контролировать регистрацию религиозных общин, часто откладывая запросы на официальную регистрацию. Например, община нойдорфских баптистов, расположенная в районе села Нойдорф, несмотря на неоднократные обращения к губернским властям в 1913 г., так и не смогла официально зарегистрировать свое сообщество [22. Л. 1, 18].

Помимо бюрократических методов, представители власти возбуждали и уголовные дела против наиболее активных миссионеров. К примеру, в 1913 г. С.А. Шумный, К.Н. Куличенко, М.А. Калинчинко были высланы из Томской губернии [23. Л. 2–3].

Таким образом, реакция властей и православной церкви имела цель ограничить активность сектантских общин, подавляя развитие религиозных форм, конкурирующих с традиционными структурами государственной власти и русской православной церкви.

Третий этап – 1914–1917 гг.: политика настороженности

Первая мировая война оказала значительное влияние на положение религиозных групп в России, включая баптистов. Антивоенная пропаганда и патриотические настроения привели к усилению националистической риторики, что повлияло на восприятие всех нерусских конфессий.

В течение предыдущего десятилетия деятельность баптистских миссионеров характеризовалась высокой степенью активности, несмотря на наличие потенциальных рисков преследования. Однако позднее миссионерская работа осуществлялась с учетом возможности применения санкций. В письме бывшего миссионера П. Порфирьева, который впоследствии принял право-

славие и осуществлял свою деятельность на территории Барнаульского уезда, содержится упоминание о том, что некий Василий Попов, совершивший обряд крещения автора в 1914 г., опасался привлечения к ответственности за раскрытие факта крещения [24. С. 14].

С началом Первой мировой войны российское правительство приняло серию законов, направленных на устранение немецкого присутствия в экономической и культурной сферах страны. Законодательные меры включали ликвидацию земельных владений немцев, запрет преподавания и использования немецкого языка в образовательных учреждениях и публичных пространствах. Подозрения в шпионаже и прогерманских позициях усилили негативный взгляд общества на этнических немцев, включая их единоверцев – русских баптистов.

Основания для этого были, поскольку баптисты, как и представители других конфессий, имеющих европейские корни, поддерживали связь с немецкими единоверцами. Примером может служить дело И. Фризена. 5 января 1917 г. Департамент духовных дел направил официальное письмо губернатору Томской губернии [25. Л. 1–4]. В нем содержалась жалоба на миссионерскую деятельность, описанную в публикации Ивана Фризена, которая была опубликована в немецком журнале Der Wahrheitszeuge в 1914 г. [26. С. 104].

В своей публикации Фризен указал, что рассматриваемая территория обширна и разделена на пять миссионерских станций. Он отметил, что рост баптистских церквей является активным, однако для осуществления миссионерской деятельности не хватает как материальных, так и физических ресурсов. В связи с этим он обратился за помощью к немецкому Центральному органу баптистов. В качестве места жительства автор упомянул с. Гнаденгейм.

Хотя в Томске, в отличие от столиц, погромов и открытых нападок не фиксировалось, местное немецкое, а также протестантское сообщество снизило уровень публичной активности, предпочитая избегать демонстрации своей этнической принадлежности.

Документальные свидетельства подтверждают, что государственные структуры выражали сомнения в лояльности и патриотизме немецких баптистов, утверждая, что их истинные взгляды маскируются внешне нейтральным поведением. Канцелярия степного генерал-губернатора сообщила Министерству внутренних дел в ноябре 1916 г., что немецкие баптисты проявляют пренебрежительное отношение к российскому обществу, сохраняя дружественность исключительно по отношению к собственным единомышленникам. Русские баптисты, хотя и отличались от своих немецких собратьев, также не считались безусловно благонадежными элементами ввиду неопределенности их взглядов в условиях кризиса [27. Л. 44].

Так, согласно распоряжению томского губернатора от 8 июня 1914 г., в Барнаульском уезде запрещалось создавать независимые религиозные объединения и приходские общины меннонитов [16]. Это решение автоматически лишило легального статуса также многие школы меннонитов и баптистов Алтая. Например, жители села Славгород в августе 1914 г. столкнулись с запретом на открытие собственной школы, мотивированным возможностью посещения детьми местных православных учебных заведений [28. Л. 208]. Наряду с этим директор народного образования неоднократно информировал власти о функционировании нелегальных немецких школ. В частности, в поселениях Розенфельд, Шензе, Шенвизе, Шенау, Эбенфельд, Гальбштадт, Александрфельд и Александргейм против организаторов этих образовательных учреждений в 1915 г. были возбуждены уголовные дела [28. Л. 320].

Запросы на регистрацию религиозных собраний не всегда принимались и подлежали тщательному исследованию. К примеру, запрос, направленный крестьянами-баптистами, проживающими в населенных пунктах Александро-Невский, Антониевский, Лучанский и Розенталь Каинского уезда, столкнулся с продолжительными административными задержками и не был одобрен с первой попытки [29. Л. 1–15]. После преодоления бюрократических препятствий и получения официального разрешения было наложено вето на строительство молитвенного дома [30. Л. 1–5]. Отказ в строительстве молитвенного дома получила и община Новониколаевска [31. Л. 3].

Эти отдельные примеры демонстрируют усиление государственного надзора за деятельностью баптистов. При этом контроль осуществлялся в строгом соответствии с законодательством, действовавшим на тот момент.

Вывод

Исследуемый период (1905–1917.) характеризуется изменением политической и правовой среды, влияющей на состояние баптистских общин в Томской губернии. Временные послабления после принятия указа о веротерпимости способствовали развитию протестантских движений, однако сохранение устаревших норм уголовного права сохранило угрозу произвольных решений со стороны администрации. Социально-демографические процессы, такие как массовый приток мигрантов-протестантов, стимулировали появление локальных центров распространения баптизма, создавая предпосылки для активного противостояния со стороны традиционной православной церкви и властей.

Одновременно политические потрясения, связанные с Первой мировой войной, ухудшили положение баптистов, обвиняемых в пособничестве Германии. Власть усилила надзор за этими группами, ограничивая свободу вероисповедания и миссионерской деятельности. Таким образом, взаимоотношения власти и баптистов в указанный период отмечены сочетанием кратковременной либерализации и долговременных репрессивных тенденций, вызванных внутренними и международными факторами.

Список источников

1. Friesen P.M. Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte. Halbstadt : Raduga, 1911. 776 p.

2. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Петроград : тип. В.Д. Смирнова, 1916. 207 с.
3. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 127 с.
4. Путинцев Ф.М. Политическая роль и тактика сект / под ред. П. Красикова; Ин-т философии Ком. акад. и ЦС СВБ СССР. М. : Гаиз, 1935. 476 с.
5. Москаленко А.Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 415 с.
6. Потапова Н.В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг.: на материалах Дальнего Востока : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. Южно-Сахалинск, 2015. 463 с.
7. Краснова А.Г. Православное сектантство и раскольничество в свете духовной безопасности России / науч. ред. Ю.А. Шестаков. Новочеркасск : Лик, 2015. 166, [1] с.
8. Батурин С.П., Батурина Т.В. К вопросу о вероисповедной политике Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (на примере Сибири) // СибСкрипт. 2015. № 4-1 (64) [. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-veroispovednoy-politike-rossiyskoy-imperii-na-rubezhe-xix-xx-vv-na-primere-sibiri (дата обращения: 21.06.2025).
9. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1904. Т. 79. 246 с.
10. Об укреплении начал веротерпимости : Указ Николая II от 17.04.1905 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб. : Гос. тип., 1908. Т. XXV: 1905. С. 237–238.
11. Об облегчении участи лиц, впавших до воспоследования Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года в преступные деяния государственные : Императорский Высочайший указ от 21.10.1905 // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. СПб. : Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1909. С. 163–167.
12. Новое уголовное уложение : выс. утв. 22 марта 1903 г. СПб. : кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. 253 с.
13. Мишина Е.М. Переселенческая политика П.А. Столыпина в Западной Сибири и ее результаты (1906–1911): сравнительный анализ данных по двум губерниям // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5 (23). С. 499–511. doi: 10.7256/2222-1972.2014.5.14668
14. Баптист: духовно-нравственный журнал (Ростов-на-Дону). 1907. № 2.
15. Баптист: духовно-нравственный журнал (Ростов-на-Дону). 1907. № 4.
16. Черказьянова И.В. Религиозные общины меннонитов и баптистов в Западной Сибири // Немцы. Россия. Сибирь : сб. ст. Омск : Омск. гос. историко-краевед. музей, 1997. С. 79–98.
17. Долдин Н.И., Сосковец Л.И. Свет и пути благой вести. Томск, 2018. 360 с.
18. Обзор Томской губернии за 1910 год. Томск : Тип. Губернского управления, 1912. 55, [90] с.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 289: Рапорт коллежского советника А.А. Кологривова о командировке в Степной край для изучения причин усиленного развития сектантства.
20. Правила для устройства сектантами богослужебных и молитвенных (религиозных) собраний : утв. министром вн. дел 4-го окт. 1910 г. Одесса : тип. «Вед. Одес. град.», 1910. 2 с.
21. Томские епархиальные ведомости. 1914. № 3.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 77. Д. 28: Об организации общины баптистов евангелистов в Змеиногорском уезде.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1545: Рапорт барнаульского уездного исправника о высылке из Томской губернии С.А. Шумного, К.Н. Куличенко, М.А. Калинчинко за пропаганду баптистского вероучения.
24. Порфирьев П. Откровенное письмо обратившегося из баптизма проповедника баптизма. Томск : Тип. приюта и Дома Трудолюбия, 1917. 25 с.
25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 51. Д.101: Перевод статьи Фризена «Из жизни наших воскресных школ» о сектантской миссионерской деятельности баптистов в Сибири.
26. Der Wahrheitszeuge: eine Zeitschrift für Gemeinde und Haus: Organ der deutschen Baptisten / Hrsg. Verl. von J.G. Oncken Nachfolger. Hamburg, 1914. № 13.
27. РГИА. Ф. 821. Оп 10. Д. 595: Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Общий отдел. Переписка с акмолинским и енисейским губернаторами о деятельности Сибирского союза русских баптистов и Омской общины баптистов и о закрытии последней
28. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467: Об открытии евангелическо-лютеранским приходом в городе Омске.
29. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2807: Переписка с МВД, каинским уездным исправником о предоставлении крестьянам-баптистам пос. Александро-Невского, Антониевского, Лучанского, Розентальского Каинского уезда разрешения на организацию религиозной баптистской общины.
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 57: О воспрещении баптистам пос. Александро-Невского Андреевской волости Каинского уезда постройки молитвенного дома.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 50: По жалобе баптистов: Ивана Данилова, Кудели и др. об отказе в разрешении им устройства молитвенных собраний в гор. Новониколаевске.

References

1. Friesen, P.M. (1911) *Die Alt-Evangelische Mennonitische Brüderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte*. Halbstadt: Raduga.
2. Bondar, S.D. (1916) *Sekta mennonitov v Rossii (v svyazi s istoriey nemetskoy kolonizatsii na yuge Rossii)* [The Mennonite Sect in Russia (in Connection with the History of German Colonization in the South of Russia)]. Petrograd: V.D. Smirnov.
3. Dolotov, A. (1930) *Tserkov' i sektantstvo v Sibiri* [The Church and Sectarianism in Siberia]. Novosibirsk: Sibkraizdat.
4. Putintsev, F.M. (1935) *Politicheskaya rol' i taktika sekt* [The Political Role and Tactics of Sects]. Moscow: Gaiz.
5. Moskalenko, A.T. (1978) *Ideologiya i deyatel'nost' khristianskikh sekt* [Ideology and Activities of Christian Sects]. Novosibirsk: Nauka.
6. Potapova, N.V. (2015) *Evangel'skoe khristianstvo i baptizm v Rossii v 1917–1922 gg.: na materialakh Dal'nego Vostoka* [Evangelical Christianity and Baptism in Russia in 1917–1922: Based on Materials from the Far East]. History Dr. Diss. Yuzhno-Sakhalinsk.
7. Krasnova, A.G. (2015) *Pravoslavnoe sektantstvo i raskol'nichestvo v svete dukhovnoy bezopasnosti Rossii* [Orthodox Sectarianism and Schism in the Light of Russia's Spiritual Security]. Novocherkassk: Lik.
8. Baturin, S.P. & Baturina, T.V. (2015) K voprosu o veroispovednoy politike Rossiyskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Sibiri) [On the Confessional Policy of the Russian Empire at the Turn of 20th Century (a case study of Siberia)]. *SibSkript.* 4-1(64). pp. 7–13.
9. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 79. St. Petersburg: Ministry of Interior.
10. The Russian Empire. (1908) Ob ukreplenii nachal veroterpimosti: Ukaz Nikolaya II ot 17.04.1905 [On Strengthening the Principles of Religious Tolerance: Decree of Nicholas II dated 17.04.1905]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie Tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection]. Vol. XXV. St. Petersburg: Gos. tip. pp. 237–238.

11. The Russian Empire. (1909) Ob oblegchenii uchasti lits, vpadshikh do vosposledovaniya Vysochayshego manifesta 17 oktyabrya 1905 goda v prestupnye deyaniya gosudarstvennye: Imperatorskiy Vysochayshiy ukaz ot 21.10.1905 [On the Mitigation of the Fate of Persons Who, Prior to the Promulgation of the Supreme Manifesto of October 17, 1905, Committed State Crimes: Imperial Supreme Decree of 21.10.1905]. In: *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904–1908 gg.* [Legislative Acts of the Transitional Period. 1904–1908] (1909). St. Petersburg: Pravo. pp. 163–167.
12. The Russian Empire. (1903) *Novoe ugolovnoe ulozhenie: vys. utv. 22 marta 1903 g.* [New Criminal Code: Approved by His Majesty on March 22, 1903]. St. Petersburg: kn. mag. V.P. Anisimova.
13. Mishina, E.M. (2014) Pereselencheskaya politika P.A. Stolypina v Zapadnoy Sibiri i ee rezul'taty (1906–1911): sravnitel'nyy analiz dannykh po dvum guberniyam [The Resettlement Policy of P.A. Stolypin in Western Siberia and Its Results (1906–1911): A Comparative Analysis of Data for Two Provinces]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 5(23). pp. 499–511. doi: 10.7256/2222-1972.2014.5.14668
14. *Baptist: dukhovno-nravstvennyy zhurnal. (*1907a) 2.
15. *Baptist: dukhovno-nravstvennyy zhurnal*. (1907b) 4.
16. Cherkazyanova, I.V. (1997) Religioznye obshchiny mennonitov i baptistov v Zapadnoy Sibiri [Religious Communities of Mennonites and Baptists in Western Siberia]. In: *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Omsk State Historical Museum of Local Lore. pp. 79–98.
17. Doldin, N.I. & Soskovets, L.I. (2018) *Svet i puti blagoy vesti* [Light and Paths of the Good News]. Tomsk: [s.n.].
18. *The Russian Empire. (1912) Obzor Tomskoy gubernii za 1910 god* [Review of Tomsk Province for 1910]. Tomsk: Tip. Gubernskogo upravleniya.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Raport koll ezhskogo sovetnika A.A. Kologrivova o komandirovke v Stepnoy kray dlya izucheniya prichin usilennogo razvitiya sektantstva* [Report of Collegiate Assessor A.A. Kologrivov on a Business Trip to the Steppe Region to Study the Causes of the Increased Development of Sectarianism]. Fund 821. List 133. File 289.
20. The Minister of Internal Affairs of the Russian Empire. (1910) *Pravila dlya ustroystva sektantami bogosluzhebnykh i molitvennykh (religioznykh) sobraniy: utv. ministrom vn. del 4-go okt. 1910 g.* [Rules for the Arrangement of Worship and Prayer (Religious) Meetings by Sectarians: Approved by the Minister of Internal Affairs on Oct. 4, 1910]. Odessa: Ved. Odes. grad.
21. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1914) 3.
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Ob organizatsii obshchiny baptistov evangelistov v Zmeinogorskom uezde* [On the Organization of a Community of Evangelical Baptists in Zmeinogorsk Uezd]. Fund 3. List 77. File 28.
23. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Raport barnau l'skogo uyezdnogo ispravnika o vysylke iz Tomskoy gubernii S.A. Shumnogo, K.N. Kulichenko, M.A. Kalinchchenko za propagandu baptistskogo veroucheniya* [Report of the Barnaul Uezd Police Officer on the Expulsion from Tomsk Province of S.A. Shumnyy, K.N. Kulichenko, M.A. Kalinchchenko for Propaganda of Baptist Doctrine]. Fund 3. List 12. File 1545:
24. Porfiriev, P. (1917) *Otkrovennoe pis'mo obrativshegosya iz baptizma propovednika baptizma* [A Frank Letter from a Baptist Preacher Who Converted from Baptism]. Tomsk: Tip. priyuta i Doma Trudolyubiya.
25. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Perevod stat'i Frizena "Iz zhizni nashikh voskresnykh shkol" o sektantskoy missionerskoy deyatel'nosti baptistov v Sibiri* [Translation of Friesen's Article "From the Life of Our Sunday Schools" on the Sectarian Missionary Activity of Baptists in Siberia]. Fund 3. List 51. File 101.
26. *Anon. (1914) Der Wahrheitszeuge: eine Zeitschrift für Gemeinde und Haus: Organ der deutschen Baptisten*. No. 13. Hamburg: Hrsg. Verl. von J.G. Oncken Nachfolger.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy Ministerstva vnutrennikh del. Obshchiy otdel. Perepiska s akmolinskim i eniseyskim gubernatorami o deyatel'nosti Sibirskogo soyuza russkikh baptistov i Omskoy obshchiny baptistov i o zakrytii posledney* [Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs. General Department. Correspondence with the Akmolinsk and Yenisei Governors about the Activities of the Siberian Union of Russian Baptists and the Omsk Baptist Community and about the Closure of the Latter]. Fund 821. List 10. File 595.
28. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Ob otkrytii evangelichesko-lyuteranskim prikhodom v gorode Omske* [On the Opening by the Evangelical Lutheran Parish in the City of Omsk]. Fund 126. List 2. File 2467.
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Perepiska s MVD, kainskim uyezdnym ispravnikom o predostavlenii krest'yanam-baptistam pos. Aleksandro-Nevskogo, Anton'evskogo, Luchanskogo, Rozental'skogo Kainskogo uyezda razresheniya na organizatsiyu religioznoy baptistskoy obshchiny* [Correspondence with the MVD, Kainsk Uyezd Police Officer on Granting Peasant-Baptists of the Settlements of Aleksandro-Nevskiy, Anton'yevskiy, Luchanskiy, Rozental'skiy of Kainsk Uyezd Permission to Organize a Religious Baptist Community]. Fund 3. List 4. File 2807.
30. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *O vospreshchenii baptistam pos. Aleksandro-Nevskogo Andreevskoy volosti Kainskogo uyezda postroyki molitvennogo doma* [On Prohibiting the Baptists of the Settlement of Aleksandro-Nevskiy, Andreevskaya Volost, Kainsk Uyezd from Building a Prayer House]. Fund 3. List 67. File 57.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). *Po zhalobe baptistov: Ivana Danilova, Kudeli i dr. ob otkaze v razreshenii im ustroystva molitvennykh sobraniy v gor. Novonikolaevske* [On the Complaint of the Baptists: Ivan Danilov, Kudel', etc. about the Refusal to Grant Them Permission to Arrange Prayer Meetings in the City of Novonikolaevsk]. Fund 3. List 77. File 50.

***Сведения об авторе*:**
Нестеренко Анастасия Александровна – библиотекарь Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anastasija22081@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Nesterenko Anastasia A. – Librarian at the Scientific Library of Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: anastasija22081 @yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 16.07.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 93(930.1)
doi: 10.17223/19988613/98/7

Уложение как законодательная основа конституционных установлений в определении М.М. Сперанского

Светлана Викторовна Осипенко

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ, Москва, Россия, sv.osipenko2016@mail.ru

Аннотация. Представлены основные направления реализации конституционного замысла М.М. Сперанского, вопросы постижения и понимания сущности правового государства, идеи закона и законности, их предназначение в государственной деятельности. Анализируются основные положения введения конституционного правления путем разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную из проектов реформатора. Авторская концепция заключается в обосновании главного замысла М.М. Сперанского – поступательного реформирования института власти и внедрения конституционных основ правления на основании Уложения.
Ключевые слова: Уложение, манифест, правовая система, реформатор, государственность, гражданское общество, конституционные законы

Для цитирования: Осипенко С.В. Уложение как законодательная основа конституционных установлений в определении М.М. Сперанского // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 59–65. doi: 10.17223/19988613/98/7

Original article

The code as a legislative basis for constitutional provisions in the definition of M.M. Speransky

Svetlana V. Osipenko

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation, sv.osipenko2016@mail.ru

Abstract. In the history of Russia, the 19th century is a qualitatively new period in the development of statehood, the period of legal society formation, the development of national self-awareness, and political culture. The reference to historical and legal experience, to constitutional projects and transformations associated with the name of an outstanding statesman, Mikhail Mikhailovich Speransky, is based on the study of his theoretical and practical options for implementing the constitutional alternative in Russia under the conditions of Russian absolutism in the first half of the 19th century. The idea of the reformer was to create a unified legal system based on the Code to govern a state.

The criterion to analyze M.M. Speransky's heritage is a combination of his theoretical propositions and their practical implementation into political projects, both publicly published and remaining in a handwritten form. Such an approach to Speransky's heritage studying makes it possible to use many sources with the aim of interpreting and, then, overhauling his political and legal views in various periods of his state activity.

By order of the emperor M.M. Speransky developed a number of projects – a note «On the Commission of the Code» (1802), «Introduction to the Code of State Laws»(1809), to which two voluminous notes were compiled – «A Brief Outline of Public Education» and «A General Overview of all Transformations and Their Time Distribution». The implementation of the state reforms plan meant fundamental changes – the transformation of the political image of the country, the transition from an absolute monarchy to a constitutional one while maintaining "strength and area of the autocracy». The reformer created a model of the «autocratic rule ... with all external forms of law» (code of laws, the Code or the Constitution. – S.O.), which implements his main idea – the division of power into legislative, executive and judicial ... while maintaining the supreme power of the emperor.

Speransky is a supporter of the legal development of Russia. As a patriot, he defended the idea of preserving the identity of Russia, thereby developing the ideas of Russian thinkers. He was familiar with advanced legal and economic theories, after rethinking which he tried to bring them into line with Russian reality. Speransky's philosophical and legal concept clearly demonstrates the author's awareness of the need to distinguish the right and law in the context of the theory of positive law.

The reform of Russian statehood is one of the unique phenomena, we are observers and participants in this process – a change not only in the political course of the state or methods of its society managing but also a practical change in all elements and structures of statehood. In our opinion, an understanding of its specific nature (Russian statehood) will

© С.В. Осипенко, 2025

allow our contemporary reformers to avoid single-ended and categorical assessments of a number of events and failed reforms in the future.
Keywords: Code, Manifesto, legal system, reformer, statehood, civil society, constitutional laws

For citation: Osipenko, S.V. (2025) The code as a legislative basis for constitutional provisions in the definition of M.M. Speransky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 59–65. doi: 10.17223/19988613/98/7

Внесение изменений в Конституцию, наделение Госсовета конституционным статусом – перемены, происходящие в настоящий момент в российском обществе в свете событий последних десятилетий, процесс радикальных реформ по преобразованию государственного устройства, реформирование современной системы органов государственного управления, российского законодательства, целью которого провозглашено создание свода законов, судебной системы, что усиливает интерес к истории нашего государства и заставляет нас вновь задуматься об истинном смысле этих понятий, так тесно связанных как с событиями первой половины XIX в., так и с коллизиями нашего времени. И здесь реформаторы, законодатели сталкиваются с целым рядом проблем, прежде всего связанных с систематизацией законов, что стимулирует их обращение к анализу и осмыслению исторического опыта.

Практика совершенствования административного и реформаторского потенциала российского государственного механизма, системы принятия решений, законотворческого процесса, определения места отдельных учреждений в разработке и осуществлении внутриполитического курса – все эти вопросы требуют более тщательного изучения в исторической ретроспективе, а также реконструкции деятельности отдельных государственных структур, в том числе связанных с законодательной политикой правительства, и прежде всего Государственного Совета и Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии первой половины XIX в.

В истории России XIX век – это качественно новый период развития государственности, период становления правового общества, развития национального самосознания и политической культуры. На протяжении всего XIX в. остро стоял вопрос о совершенствовании институтов государственного управления и выборе дальнейшего пути развития общества. Именно в первой половине XIX в. были разработаны различные варианты проектов преобразования институтов власти. Обращение к опыту преобразования системы государственного устройства (законодательной, судебной и административной) в наше время обусловлено процессами, во многом сходными со временами либеральных реформ императора Александра I (1802–1811), а также с периодом становления российской законодательной, судебной системы в период правления Николая I (1826–1842).

Обращение к историко-правовому опыту, конституционным проектам и преобразованиям, связанным с именем выдающегося государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского основано на исследовании его теоретико-практических вариантов реализации конституционной альтернативы в России в условиях российского абсолютизма первой половины XIX в. Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) – член Государственного Совета, действительный статский советник, полный кавалер высших российских наград – вошел в историю «не только как теоретик-реформатор, но и как крупный администратор-практик… Идеи и планы Сперанского, хотя и не были воплощены в жизнь в его время, имели большое значение для последующей политической эволюции России» [1. С. 246].

Исследование наследия Михаила Михайловича Сперанского позволяет нам использовать этот обширный материал для анализа многих вопросов в современной историографии: различных сторон русского реформаторства первой половины XIX в., социальных, духовных и политико-правовых преобразований того времени, способов их воплощений и особенностей политического противостояния в правительственных кругах и обществе. Невозможно понять смысл политико-правового учения М.М. Сперанского вне связи с экономическими, социальными, политическими и культурными условиями развития общества в историческую эпоху его деятельности. В связи с этим следовало бы обратиться к высказыванию профессора М.В. Довнар-Запольского: «Сперанский – не шаблонный составитель проектов в духе времени… Он глубокий политический мыслитель, не только практик, но и теоретик. В его взглядах видно широкое знакомство с философией, теорией и практикой права западноевропейских государств».

Критерием анализа наследия М.М. Сперанского является сочетание теоретических положений с практическим выходом этих положений в политические проекты, как получившие общественную огласку, так и оставшиеся в рукописном варианте. Такой подход в исследовании наследия Сперанского дает возможность задействовать множество источников с целью интерпретации, а затем и в реконструкции политико-правовых взглядов в различные периоды его государственной деятельности.

План реформатора с подачи Александра I заключался в создании единой правовой системы управления государством на основании Уложения. Уложение как свод законов, как конституционный проект было политическим наследием эпохи Просвещения Великой Екатерины II. И Александр I с вступлением на престол считал своим долгом реализовать его.

По распоряжению императора М.М. Сперанский разработал ряд проектов: записку «О Комиссии Уложения» (1802) и «Введение к Уложению государственных законов» (1809), к которому, в свою очередь, были составлены две объемные записки («Краткое начертание государственного образования» и «Общее

обозрение всех преобразований и распределение их во времени»). Намерения реформатора поражали своей грандиозностью. Реализация плана государственных преобразований предполагала кардинальные изменения, преображение политического облика страны, переход от абсолютной монархии к конституционной при сохранении «силы и пространства самодержавия». Реформатор создал модель «правления самодержавного... со всеми внешними формами закона» (сводом законов, Уложением или Конституцией. – *С.О.*), реализующую его главный замысел – разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную при сохранении верховной власти императора. В проекте представлены основные положения и принципы организации министерской, судебной и системы управления, способствующие созданию современной законодательной основы государства, соответствующей лучшим образцам европейской школы.

Политико-правовое учение Сперанского обстоятельно развивает следующие положения: учение о власти, учение о правах подданных и учение о законе [2. С. 22].

Понятие уложения на протяжении всей жизни реформатора изменялось вместе с развитием его представлений об общих принципах правового законодательства. Высшей формой систематизации законодательства М.М. Сперанский определяет составление уложения. Так, в записке «О Комиссии Уложения» (1802) он рассматривает уложение как необходимую «часть государственного постановления или конституции», содержащую «общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу: …уложение не дает гражданам прав, но учреждает взаимные их между собою отношения и превращает их в обязанности». Уложение в данном случае представлено как основная составляющая конституционного правления: «правления законные не могут быть без Уложения, ибо в правлениях законных права граждан непоколебимы, а права непоколебимы быть не могут, если не установятся между ими непременные отношения… В сих правлениях уложение есть закон фундаментальный и непременный, ибо нельзя переменить отношений прав без потрясения их самих». В правлении «самовластном не может быть уложения, ибо где нет прав, там не может быть и постоянных между собою отношений». В самодержавном правлении под уложением следует понимать «произвольное постановление власти предержащей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить» [3. С. 21].

Из этого следовало, что уложение «основано на существующих правах народа», или по крайней мере следует «предполагать их существующими (права народа. – *С.О.*), ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах». Уложение формирует законодательную основу для конституции, «утверждая отношения прав между гражданами, тем самым врезывает оно, в мнении народном, самые права, а мнение народное есть первая стихия, первая деятельная сила конституции… уложение – верный способ приготовить путь... и расположить ум народный» к конституции (фактически представлять конституционный проект, так как перейти от крепостного права к конституционному устройству невозможно) [3. С. 21].

Сперанский формулирует правила составления Уложения: 1) уложение «должно быть расположено по начертанию общего государственного постановления», т.е. конституции, к установлению которой, «идет Россия, ибо ныне существующее постановление, состоя в одной неограниченной воле, само собою прейти долженствует»; 2) составлено из тех законов, которые «доныне существовали и кои в уме народном уже утвердились». Новые законы следует принимать лишь тогда, когда старые «будут противны принятому государственному постановлению»; 3) правило обосновывает сам факт участия народа в составлении уложения. Уложение есть «коренной закон государства», в правильных монархических государствах «все коренные законы должны быть творение народа, ибо ни в одном из них без противоречия предположить невозможно, чтоб народ доверил тому самому лицу определять пределы власти, для коего они полагаются». В том случае, если «избранные из всех состояний люди призовутся... не *к сочинению Уложения* (курсив мой и далее. – *С.О.*), но к выслушанию проекта его, если дастся им свобода делать на него примечания, если примечания сии не отвергнутся властью, но или докажутся им самим неосновательность оных, или сделаются по ним некоторые поправления в проекте», то Уложение можно рассматривать как «народный акт», являющийся «всеобщим государственным согласием» [3. С. 22–23].

В соответствии с установленными правилами Сперанский определяет «план всего действия» по составлению Уложения из трех частей: «приуготовления», процесса составления и обнародования. Для осуществления каждой предполагалось создать особые комиссии, последовательно «одна место другой занимающие» в процессе подготовки и приведения в соответствие законодательного массива. Сперанский проводил большую подготовительную работу по систематизации законодательных актов, регулирующих сословные отношения (социальные, финансовые, имущественные и т.д.).

Предмет занятий первой комиссии – «составить и поверить лучшие и вернейшие своды Уложения или расположить законы по материям», т.е. по предметам, и «сочинить историю российских законов, изобразив в ней перемены их, начала, случаи и, если можно, влияние на государственное благо». Особое внимание следовало обратить на процесс, «каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях». Кроме того, следовало обобщить проекты и собранные материалы всех предшествующих комиссий, дополнить то, что «временем и небрежением в них потеряно… перевести или исправить и дополнить переведенные уже уложения, шведское, датское и особенно прусское». В свое время

написание истории российского законодательства М.М. Сперанский предлагал поручить А.Н. Радищеву.

В Уложении Сперанский предполагал составить «собрание законов по хронологическому порядку», а затем «по материям», т.е. составить своды, позволявшие «выявить пробелы в законах и существующие между ними противоречия» [3. С. 23–24]. В обязанность созданной с этой целью Комиссии входил отчет о проделанной работе в целом и обо всех нюансах Совету, отвечающему за процесс составления проектов законов, определение статей, которые не следует считать законами, но учитывать как «дополнительные материалы к составу Уложения».

Для выполнения объема работы первой комиссии Сперанский отводил три года, в течение которых следовало: 1) составить «полный свод законов, доныне существовавших»; 2) привести в порядок собранные прежними комиссиями материалы; выявить статьи, «на кои законы или недостаточны, или противоречащи, или и совсем не существуют»; 3) составить историю российского законодательства – «творение необходимое» [3. С. 25–26].

Предполагалось создание «основания сему великому зданию», а правительству контролировать «начертание общего государственного постановления, или конституции». В данном контексте уложение как «часть сего постановления правительства… часть, сообразная (соответствующая. – *С.О.*) своему целому (общему государственному постановлению или конституции. – *С.О.*)», поэтому «без сего творения ни одной верной черты не можно провести». На правительство возлагалась ответственность за подбор и подготовку специалистов, «коим бы можно было поручить составление Уложения». С целью обучения и ознакомления с основами законотворческой деятельности предусматривалось их путешествие в государства, «где наука законодательства доведена до высшего совершенства». По мнению Сперанского, даже время, «в которое мы живем, по счастию, наиболее благоприятствует сему предприятию: …в Англии лучшие люди думают и пишут проекты гражданского уложения, Франция вновь его созидает» [3. С. 26–27].

В проекте «Предположения к окончательному составлению законов» (январь 1826) Сперанский корректирует формулировку и определяет Уложение (code) как «систематическое изложение законов по их предметам: 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не нисходя, однако же, к весьма редким и чрезвычайным подробностям» [4. Л. 3 об.]. Это определение не тождественно современному понятию кодификации. Сперанский переводит данный термин как codificatio: «Уложение – не есть законодательство и не может постановлять ничего нового, но под надзором правительства и его властью оно приводит существующие законы в систему единообразную и, следовательно, охраняет единство начал, уничтожает противоречия, сокращает без упущений и дополняет без установления, ибо сокращает лучшим и точнейшим изложением, а дополняет, вводя в состав не новые законы, но необходимые и очевидные прежних законов последствия» [5. Л. 25]. Речь идет о систематизации законодательного массива: «уложение не изобретается, но слагается из прежних законов с дополнениями», в соответствии «нравам, обычаям и действительным потребностям государства» [6. Л. 1].

Сперанский разрабатывает общие принципы составления уложения с целью: «1) обнаружить их недостатки и показать, сколько неосновательны были постановления тех, кои считали все оконченными; 2) оно подало повод к разрешению как в гражданских, так и уголовных законах весьма важных вопросов» [7. С. 434], так как неудачи предшествующих кодификационных комиссий объясняются, в частности, тем, что они не имели понятий; «5) что все произведения бывших комиссий состояли только в сводах, более или менее недостаточных, без всяких понятий об истинной системе уложения» [7. С. 433]. Представленный далее материал является результатом позднейших размышлений Сперанского. «Свойство побуждений разделяет законы положительные на гражданские и уголовные», предмет которых – «лица, имущества и порядок управления». В соответствии с разнообразием лиц, обладающих гражданскими правами на другие лица и имущество, автор определяет четыре вида гражданских законов: 1) государственные регулирующие гражданско-правовые отношения государства; 2) государственных сословий; 3) общественных сословий; 4) частные, или лучше земские, определяющие права и обязанности частых лиц. В отличие от гражданских «в законах уголовных не может быть сего разделения», поскольку «лицо, обладающее уголовным правом на других, есть одно – государство». Поэтому все уголовные законы «составляют одно целое». Порядок управления в качестве предмета правового регулирования сохраняет «свое отдельное именование законов управления» [5. Л. 25 об].

Сперанский полагал, что «весь состав законов в общем изложении будет иметь следующий вид: 1) законы управления; 2) законы гражданские земские; 3) законы гражданские общественные; 4) законы гражданские государственных сословий; 5) законы гражданские государственные; 6) законы уголовные» [5. Л. 25 об.–26]. Как уже было сказано, ранее Сперанский придерживался несколько иной точки зрения на определение смысла (подразумевая непосредственно объем и результат этой деятельности) уложения и систематизации законов. В конечном итоге общий замысел Сперанского сводился к составлению общего Уложения, т.е. кодификации всех отраслей права, поскольку «все законы имеют необходимую связь между собою». Уяснить эту связь возможно в общем Уложении, что позволит «обнаружить истинный разум законов, охранить единство начал, отстранить противоречия» [5. Л. 26].

Истинная задача уложения, по мнению реформатора, заключается в том, чтобы «представить силу их с ясностью и точностью... в уложении необходимых». При этом ясность должна присутствовать в понятиях, а точность – в словах и выражениях… в том, чтобы «каждое из них поставлено (было) в своих пределах

ограниченно от всех смежных», условия точности слов и выражений в том, чтобы они означали «те только понятия, кои представлять они назначены, ни более, ни менее…» от степени изложения зависит «ясность в уложении, многое зависит от размещения предметов, ибо одно и то же правило заимствует более или менее света от понятий предыдущих и последующих». Точность зависит от следующего: «от силы слов, вообще употребляемых, и от силы слов искусственных» [5. Л. 25 об.–27], т.е. от культуры использования специальной юридической терминологии. «Искусственный язык Российского правоведения не столь обширен, но еще более неопределителен и во многих случаях разнообразен и даже произволен», поскольку «учебные определения не укрепили у нас постоянно, по словам смысла», в целом эти факты позволяют нам говорить об отсутствии юридической терминологии в России. Сперанский определяет «образ изложения», поскольку Уложение «не есть выписка из законов», оно «не может излагать законы теми же словами и в той же связи, в какой они состоят в узаконениях».

Сперанский задает вопрос: «Должно ли при составе Российского уложения принять искусственный язык, в общем Европейском правоведении употребляемый, или же ввести выражения со свойством нашего языка более сообразные и с существом понятий более сходные?» [5. Л. 27–27 об.]. Оценив удобства и неудобства обоих предположений, он считает необходимым избрать «средний путь между сими крайностями», которым можно «искусственный язык уложения привести к ясности и единообразию» и который будет заключаться в следующем: «1) Из числа искусственных слов, ныне в нашем судопроизводстве употребительных, принять и сохранить в уложении все те, кои коренной силе слов не противоречат и не имеют слишком разнообразных значений. 2) Смысл сих слов укрепить определениями и сводом слов, в общем правоведении им соответствующих. 3) Недостаток дополнить из слов, употребляемых в общем Европейском правоведении, прилагая их по смыслу, а не по коренному значению, часто со смыслом несогласному» [5. Л. 27–27об.].

Сперанский определяет и «допустимые пределы» дополнения законов – «перемены», связанные с составлением уложения. Для этого следует в каждом роде законов «различить главные начала от их последствий», т.е. «уложение не прикасается к началам, не переменяет и не отменяет их без особого постановления верховной власти». Перемены допускаются только в случае явных противоречий, дополнения – в случае очевидных недостатков. Чтобы не выйти за пределы дополнений, «Уложение должно быть сопровождаемо сводом (digestum) существующих узаконений, расположенных в том же самом порядке, какой принят в составе Уложения» [5. Л. 29–29 об.]. Из Плана работы II отделения 1828 г.: за «основание проекта принят свод настоящих законов… Пропуски и недостатки дополняемы будут по сравнению с другими Уложениями и с лучшими в сем роде сочинениями. Изменения в законах существующих допускаемы будут в проекте не иначе, как по предварительному рассмотрению и утверждению особого Комитета, и по необходимости или пользе, доказанной особым на каждый случай рассуждением». Далее он уточняет, что изменения заимствованы будут: «1) Из прежних указов, когда по рассмотрению Комитета найдены они будут лучше или полезнее настоящих. 2) Из рассуждений Государственного Совета, в прежних журналах его означены. 3) Из определений Сената, сообщенных в прежнюю Комиссию законов и отложенных до нового Уложения. 4) Из соображения неудобств или противоречий, замеченных в настоящем составе законов» [8. Л. 4–5].

Содержание Уложения определяют три рода статей: «…одни составляются из законов существующих; другие вводятся вновь в виде дополнений; третьи составляют перемену в законе». Статьи первого рода представляют «основы всего дела», но все же «они недостаточны: множество есть у нас случаев, законом не определенных, – отсюда произвольные решения и толкования, большей частью также произвольные». Статьи второго рода, т.е. дополнения, «должны быть по сей самой причине многочисленны, но все они должны быть единственно последствием первых». Статьи же третьего рода, вносящие изменения, «весьма редки, все основаны на опыте и доказанной необходимости» [4. Л. 9–9 об.]. Кроме того, Уложение должно быть «сопровождаемо изъяснениями (commentaires)… В них (уточнениях, комментариях. – *С.О.*) излагается разум или основание законов, дается отчет о причинах и необходимости дополнений или перемен в Уложение введенных и установляется связь их с законами существующими…»

Сперанский определяет три степени законоведения: «Приказный – он есть память законов без связи их отношений; Ученый – он есть познание законов в связи и систематическом отношении их предметов; Государственный – он есть соображение законов с положением Государства. Из сих трех степеней один, токмо первый, составляет у нас предмет постоянных занятий и практического навыка. Второму едва положены в университетах слабые начала, без книг и без пособий. Третий зависит от личных способностей и приобретается опытом дел государственных» [4. Л. 4].

Автор напоминает еще об одном способе «составления» законов – учебных книгах. Учебная книга (institutes) есть то же само Уложение, но «более методическое и приспособленное к учебному преподаванию в училищах» [4. Л. 3]. Этот способ составления законов – учебные книги – он рассматривает как неофициальный вид систематизации законодательства. «…наше Сводное Уложение в начатках его, и состав Юстинианов в действенном исполнении, одни представляют дело Законодательное; все прочие виды, – выписки, сборники, указатели, книги учебные ученые, – суть дело частное» [9. С. 81].

Следует согласиться с мнением А.Н. Макарова, полагавшего, что «под Уложением Сперанский понимал тот же свод, но систематизированный и дополненный» [10. С. 225], но это определение было сформулировано реформатором после 1826 г. Аналогичного мнения придерживается и Е.А. Нефедьев: «Работа по составлению Уложения при самых благоприятных условиях должна была дать в результате лишь улучшенный

Свод». Сперанский в этот период деятельности строго придерживался исторического правопонимания, согласно которому «право развивается изнутри, из недр народной жизни» [11. С. 28–29] и отражает специфику развития общества, соответствует его требованиям.

Мнение о том, что император отрицательно относился к составлению Уложения, которое казалось ему «чем-то отвлеченным, слишком теоретическим» [7. С. 431], впервые было высказано А.Ф. Бычковым, а впоследствии поддержано С.В. Пахманом. Однако, как справедливо замечает Е.А. Нефедов, при таком подходе Сперанского к определению Уложения «не было никакого основания отстранять мысль о его составлении», так как это был заказ императора. Действительно, характер и порядок кодификационных работ Сперанского определялся стремлением составить уложение. Возможно, мнение А.Ф. Бычкова и С.В. Пахмана – это следствие неверно истолкованных слов императора, высказанных им на заседании Государственного Совета 19 января 1833 г.: «...из предложенных мне путей я выбрал совершенно противоположный прежним: вместо новых законов велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют» [10. С. 8]. Из чего следует, что император говорил лишь о порядке производства кодификационных работ и не отказывался от идеи составления Уложения в будущем.

Этой точки зрения придерживается и А.Н. Макаров, приводя аргументы, свидетельствующие, что составление уложения входило уже в первоначальную программу кодификационных работ Сперанского. В записке на имя императора (в январе 1826 г.) Сперанский, определяя «пространство предприятия», указывает, что гражданское уложение может быть закончено в 1826 г., а к концу 1827 г. – уложение уголовное [4. Л. 9–9 об.]. 14 января 1828 г. в докладе Николаю I о Своде законов Сперанский предлагает «принять сей свод основанием к составу уложения» [12. С. 591.]. Свод законов служил основанием для последующего составления уложений, а уложения «будут тем лучше, чем своды, на коих оно основано, будут совершеннее». Высочайший рескрипт министру юстиции от 23 апреля 1828 г. учредил ревизионный комитет для проверки сводов, составленных во II Отделении, что является очередным аргументом в пользу того, что Свод законов гражданских представлял основание для работы над составлением уложения. Проект гражданского уложения следовало подготовить в течение 1828 г., о чем свидетельствует «Обозрение работ Второго отделения на 1828 г.» [10. С. 227].

В 1834 г., по окончании работ над составлением Свода законов, в «Записке о способах исправления законов» Сперанский представляет намерения Государя Императора: «...как скоро своды будут составлены и тем самым положен будет первый необходимый степень правильности в законодательстве, приступить ко второму степени, т.е. к систематизации разных его частей, пересмотру и исправлению» [13. Л. 4]. Следовательно, в 1834 г. Сперанский предполагал продолжить работу над составлением уложения в том случае, если выявленные при пересмотре недостатки законодательства «будут важны и многочисленны и исправить их частным исправлением будет невозможно» [13. Л. 5 об.].

Однако следует учесть еще один факт. После назначения М.А. Балугьянского главой II отделения Николай I предупредил его: «Смотри же, чтобы он (М.М. Сперанский. – *С.О.*) не наделал таких же проказ, как в 1810 г., ты у меня будешь за него в ответе». Под «проказами» Николай I имел в виду составленный Сперанским при Александре I План государственного преобразования России, оценив его как попытку ограничения законом самодержавной власти и систему высшего и местного управления страны. По заключению В.А. Федорова, именно поэтому Николай I, согласившись на проведение двух этапов кодификации, отверг третий – составление собственно уложения, т.е. введение нежелательных «новшеств» [1. С. 230].

Рассуждение Сперанского о пользе уложения отражает его философско-правовое мировоззрение. «Если общества человеческие Богом установлены для нравственного людей образования; если любовь к правде в сем образовании главное занимает место; если правда не может быть без закона, а законы не могут быть действительны без правильного и удобного их познания; беспорядок и смешение законов делает их неприступными для общего разумения; если в бесчисленных и неизгладимых изгибах может ненаказанно гнездиться ябеда и пристрастие; если соблазнительные примеры неправосудия могут, наконец, смешать и омрачить все понятия о правде, усилить навык своекорыстия, охладить самое чувство чести и совести, то, очевидно, что необходимы все средства к приведению законов в ясность, и, следственно, состав Уложения принадлежит к самым жизненным силам человеческих обществ» [5. Л. 25, 25 об., 29 об.–30].

Сперанский – сторонник правового развития страны. Как патриот он отстаивал идею сохранения самобытности России, продолжая тем самым идеи русских мыслителей. Его проекты основаны на обширных познаниях русской и западноевропейской теории и практики. Он был знаком с передовыми правовыми и экономическими теориями, переосмыслив которые пытался привести их в соответствие с российской действительностью. Философско-правовая концепция Сперанского наглядно демонстрирует осознание автором необходимости разграничения права и закона применительно к теории позитивного права.

Современная стратегия реформирования государственного управления во многом напоминает план преобразований М.М. Сперанского: законодательная конституционная основа сильной государственной власти, разделение властей, двухпалатный парламент, всеобщее избирательное право, соответствие подзаконных нормативных актов и регионального законодательства единой системе законов, единая организация местного, регионального и централизованного правления, суды разной юрисдикции и т.д. Единая законодательная основа государства – эта идея выдающегося реформатора как никогда актуальна в наше время.

Реформирование российской государственности – одно из уникальных явлений. Мы являемся наблюдате-

лями и участниками этого процесса – смены не только политического курса государства или методов управления обществом, но и практической смены всех элементов и структур государственности. На наш взгляд, понимание ее особой природы (российской государственности) позволит нашим современникам-реформаторам избежать односторонних и категоричных оценок целого ряда событий и провальных реформ в будущем.

Список источников

1. Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1997. 255 с.
2. Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 72 с.
3. Сперанский М.М. Проекты и записки / под ред. С.Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.
4. Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов (январь 1826 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 731. Д. 996.
5. Сперанский М.М. Основания российского права (после 1821 г.) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1205.
6. Сперанский М.М. Введение к Своду гражданских законов // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 993.
7. Бычков А.Ф. К 50-ти летию II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Русская старина. 1876. Т. 15, № 2. С. 430–441.
8. Сперанский М.М. План работы Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии по составлению законов С.З.Р.И. на 1828 г. (26 января 1828 г.) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1000.
9. Сперанский М.М. Обозрение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отд-нии Собств. Е.И.В. канцелярии. СПб. : Печ. в тип. 2-го Отд-ния Собств.Е.И.В. канцелярии, 1833. 200, VII с.
10. Макаров А.Н. К истории кодификации Основных законов // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10 (декабрь). С. 222–278.
11. Нефедов Е.А. Причины и цель издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского : (сообщ., чит. в заседании Казан. юрид. о-ва 11 февр. 1889 г.). Казань : Тип. Губ. правл., 1889. 36 с.
12. Граф Михаил Михайлович Сперанский: его объяснительные записки и заметки, 1826–1828 гг. (сообщ. А.Ф. Бычковым) // Русская старина. 1876. Т. 15, кн. 1-4 (январь–апрель). С. 430–441, 586–598.
13. Сперанский М.М. Записка о способах исправления законов (1834) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1013.

References

1. Fedorov, V.A. (1997) *M.M. Speranskiy i A.A. Arakcheev* [M.M. Speransky and A.A. Arakcheev]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Dovnar-Zapolskiy, M.V. (1905) *Politicheskie idealy M.M. Speranskogo* [Political Ideals of M.M. Speransky]. Moscow: I.D. Sytin.
3. Speranskiy, M.M. (1961) *Proekty i zapiski* [Projects and Notes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Speranskiy, M.M. (1826) *Predpolozheniya k okonchatel'nomu sostavleniyu zakonov (yanvar' 1826 g.)* [Assumptions for the Final Compilation of Laws (January 1826)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 996.
5. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Osnovaniya rossiyskogo prava (posle 1821 g.)* [Foundations of Russian Law (after 1821)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1205.
6. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Vvedenie k Svodu grazhdanskikh zakonov* [Introduction to the Digest of Civil Laws]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 993.
7. Bychkov, A.F. (1876) K 50-ti letiyu II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii [On the 50th Anniversary of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. *Russkaya starina*. 15(2). pp. 430–441.
8. Speranskiy, M.M. (n.d.) *Plan raboty Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii po sostavleniyu zakonov S.Z.R.I. na 1828 g. (26 yanvarya 1828 g.)* [Work Plan of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery for the Compilation of Laws of the Code of Laws of the Russian Empire for 1828 (January 26, 1828)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1000.
9. Speranskiy, M.M. (1833) *Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov: sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo 2-m Otd-nii Sobstv. E.I.V. kantselyarii* [Review of Historical Information about the Digest of Laws: Compiled from Acts Kept in the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery]. St. Petersburg: Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
10. Makarov, A.N. (1912) K istorii kodifikatsii Osnovnykh zakonov [On the History of the Codification of the Fundamental Laws]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 10. pp. 222–278.
11. Nefedov, E.A. (1889) *Prichiny i tsel' izdaniya polnogo sobraniya i svoda zakonov s tochki zreniya Speranskogo: (soobshch., chit. v zasedanii Kazan. yurid. o-va 11 fevr. 1889 g.)* [Reasons and Purpose of Publishing the Complete Collection and Digest of Laws from Speransky's Point of View: (Report Read at the Meeting of the Kazan Legal Society on February 11, 1889)]. Kazan: Tip. Gub. pravl.
12. Bychkov, A.F. (ed.) (1876) *Graf Mikhail Mikhaylovich Speranskiy: ego ob"yasnitel'nye zapiski i zametki, 1826–1828 gg.* [Count Mikhail Mikhailovich Speransky: His Explanatory Notes and Remarks, 1826–1828]. *Russkaya starina.* 15(1-4). pp. 430–441, 586–598.
13. Speranskiy, M.M. (1834) *Zapiska o sposobakh ispravleniya zakonov (1834)* [Note on the Methods of Correcting Laws (1834)]. Department of Manuscripts of the Russian National Library. Fund 731. File 1013.

***Сведения об авторе*:**
Осипенко Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент научно-исследовательского центра Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны РФ (Москва, Россия). E-mail: sv.osipenko2016@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Osipenko Svetlana V. – Candidate of Historical Sciences, Associate professor at the Scientific Research Center of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky (Moscow, Russian Federation). E-mail: sv.osipenko2016@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 29.06.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 39:930 (571.54)
doi: 10.17223/19988613/98/8

Деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению монгольских народов. Я.П. Дуброва – миссионер и этнограф

Оксана Николаевна Полянская

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, polgrab@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена этнографическим исследованиям Восточно-Сибирского отдела РГО (ВСОРГО) в Иркутске. Расположенный вблизи границ России с Китаем, он был призван изучать особенности исторического и культурного многообразия трансграничного региона. Среди сотрудников ВСОРГО были исследователи, фактически стоявшие у истоков сибирской этнографии, но их имена несправедливо забыты; к ним относится Яков Павлович Дуброва. В статье реконструирована биография, подробно представлены его труды, написанные во ВСОРГО по этнографии монголов и бурят, а также предшествующие им публикации, подготовленные во время миссионерской деятельности в Сибири.
Ключевые слова: монголоведение в России, буряты, Монголия, Восточно-Сибирский Отдел Русского географического общества, миссионер, этнография, Я.П. Дуброва, декабрист В.С. Толстой

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках государственного задания (проект FWZM-2024–0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)».

Для цитирования: Полянская О.Н. Деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению монгольских народов. Я.П. Дуброва – миссионер и этнограф // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 66–76. doi: 10.17223/19988613/98/8

Original article

Activities of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society in Studying the Mongolian Peoples. Ya.P. Dubrova – Missionary and Ethnographer

Oksana N. Polyanskaya

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, polgrab@mail.ru

Abstract. In 2025, it will be 180 years since the establishment of the Imperial Russian Geographical Society, which made an invaluable contribution to studying the geography, history, and ethnography of the peoples of Russia and adjacent territories. The article deals with the ethnographic research of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (ESD RGS) in Irkutsk. Due to location near the borders of Russia with China, the Department was aimed at studying the historical and cultural diversity of the transboundary region. One of the main areas of the Department's work was the ethnography of the Mongolic peoples living both in Russia and neighboring Mongolia. ESD RGS's researchers stood at the origins of Siberian ethnography, but today their names are known only to inner circle of scientists, or forgotten. Yakov Pavlovich Dubrova is one of them, his biography has many gaps, and among his works only the essay dedicated to the life of the Kalmyks is known. The study is aimed at reconstructing Ya. P. Dubrova's biography, presenting his works on the ethnography of the Mongols and Buryats written under the aegis of ESD RGS, as well as previous publications based on materials collected during missionary work in Siberia among the Buryats of Irkutsk Governorate for printing in synodal publications. Ya. Dubrova in his works of the last quarter of the 19th century raised a problem of studying the development of the transboundary region of Russia - Mongolia, drawn increasing attention to the importance of a competent policy of the Russian state in these matters, and more attentive attitude to the territory of residence of Buryats-Buddhists largely oriented towards Mongolia due to their cultural code. He also touched upon the issue of determining the population of the region and choosing the path of their further development. The significance of Ya. P. Dubrova's works is explained by his thorough familiarity with the Buryat language and the missionary field of work, within which the ethnographer earned the trust of the Buryats and Mongols. The materials presented in his works, even today, are a detailed, reliable source about the Mongolian peoples, shows various aspects of the integration of Buryats into the socio-cultural space of Russia.
Keywords: Mongolian studies in Russia, Buryats, Mongolia, East Siberian Department of the Russian Geographical Society, missionary, ethnography, Ya.P. Dubrova, Decembrist V.S. Tolstoy

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment (project FWZM-2024–0007 "Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (late XVIth – early XXth centuries)".

© О.Н. Полянская, 2025

For citation: Polyanskaya, O.N. (2025) Activities of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society in Studying the Mongolian Peoples. Ya.P. Dubrova – Missionary and Ethnographer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 66–76. doi: 10.17223/19988613/98/8

Введение

Подразделения Русского географического общества в Сибири становились центрами культуры, науки и просвещения. В связи с этим их деятельность была разноплановой: кроме научно-исследовательской работы, проводившейся в области истории, этнографии, языкознания, географии, статистики, биологии, геологии, они организовывали музейные выставки, проводили публичные лекции, как освещавшие результаты своей деятельности, так и носившие просветительский характер. Все это в полной мере относится и к Восточно-Сибирскому отделу РГО (ВСОРГО), что отмечают авторы научных публикаций, посвященных его деятельности [1–7]. Однако, как совершенно справедливо отмечают М.М. Маннапов и А.В. Псянчин в статье «Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества» [8. С. 388–403], деятельность ВСОРГО освещена недостаточно, и «оценка значимости [вклада] его в науку до сих неполная». На наш взгляд, пришло время более подробно изучать наследие сибирских этнографов; чтобы показать значимость отдела в изучении этнографии, его роль в развитии сибирской, да и в целом отечественной этнографии, нужно останавливаться на деятельности отдельно каждого этнографа – члена ВСОРГО, показать масштаб его работы, выполненной под эгидой общества. Это относится к творчеству как широко известных исследователей, чьи труды прославили ВСОРГО, – М.Н. Хангалова, Д.А. Клеменца, А.М. Кроля, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, А.В. Потаниной, Б.Э. Петри, П.П. Хороших, И.А. Подгорбунского и др., так и тех, кто трудился с ними рядом, не менее талантливых, скрупулезных, ответственных, сделавших немало для развития этнографии, но совершенно забытых.

Яков Павлович Дуброва – исследователь-этнограф, миссионер, чье имя практически забыто, хотя его научная работа уже была оценена современниками, а публикации получили восторженные отзывы известных этнографов, он был удостоен наряду с выдающимися путешественниками Н.М. Пржевальским, В.А. Обручевым, П.К. Козловым Малой серебряной медали РГО за труд «Женщина у монголо-бурят» [9]. В.В. Птицын – юрист, этнограф, фольклорист, автор многих очерков и рассказов о Забайкалье, сотрудник и активный корреспондент ВСОРГО – высоко оценивал исследовательскую работу Я.П. Дубровы в целом, говорил о нем как о «талантливом исследователе быта монголов и бурят и авторе превосходного сочинения о женщине у монголо-бурят, оцененного и награжденного Центральным Географическим обществом» [10. С. 17]. Н.М. Ядринцев – публицист, общественный деятель, этнограф – также особо выделил работу Я. Дубровы «Женщина у монголо-бурят», назвав ее «весьма ценной монографией, где приведены любопытные наблюдения над воспитанием кочевых племен» [11]. Этнограф А.В. Потанина – автор очерка «Буряты», в котором значительное место отводится описанию быта бурят и особой роли женщины в нем, ссылается на работу Я.П. Дубровы, подчеркивая важность его материалов, не во всем соглашалась с автором [12. С. 19]. Сотрудниками иркутского отдела РГО был подготовлен и опубликован в 1926 г. справочник «Материалы для биобиблиографического словаря восточно-сибирских этнографов. Предварительный список», где Я.П. Дуброву определяют как исследователя быта монголобурят, но называют только три его работы: «О земледелии бурят и его влияния на их быт», «Женщина у монголо-бурят», «Поездка в Монголию», написанные во время его активного сотрудничество с отделом, исключив все другие публикации этнографа [13. С. 10]. В современное же издание «ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.)» имя Я.П. Дубровы, к сожалению, не включено, несправедливо забыто [14].

Все работы Я.П. Дубровы сегодня являются библиографической редкостью, мало используется исследователями материал, в них содержащийся, а некоторые, возможно, утрачены, в этом числе и статья «О земледелии бурят и его влиянии на их быт», – она среди опубликованных не встречается. Хотя известно о том, что Я. Дуброва выступал с одноименным докладом на общем собрании ВСОРГО 19 сентября 1885 г. в присутствии «главного начальника края» (генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев. – *О.П.*); доклад – «статья, которая есть начало его довольно объемного труда», подготовленного в результате экспедиции по бурятским кочевьям, организованной отделом летом 1884 г. [15. С. 4–5]. В целом тема «земледелие у бурят» – одна из основных в трудах Якова Павловича, она важна, по мнению исследователя, как в плане понимания социально-экономических вопросов, так и этнографического изучения бурят, поскольку скоро «земледелие займет… основное место в их жизни и изменит быт, исчезнут грани между кочевником и земледельцем, поэтому нужно торопиться с наблюдениями за их жизнью», – обращался Я. Дуброва к этнографам в статье «Задачи сибирской этнографии» [16].

Одной из известных сегодня книг Я.П. Дубровы является «Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года», она широко цитируется благодаря переизданию Калмыцким книжным издательством в 1998 г. в серии «Наше наследие» с предисловием, автор которого М.М. Батмаев положительно оценивает работу этнографа. Такой же позиции придерживается он и в своей статье «Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв: постановка проблемы и история изучения» [17. С. 14]. М.М. Батмаев, сделав некоторые замечания по содержанию этнографических материалов, представленных в очерке «Быт калмыков…», особое значение придает пониманию автором социально-экономических условий жизни калмыцкого

народа. Кроме того, М.М. Батмаев сообщает, что по биографии Дубровы мало что известно, кратко пишет о его деятельности среди калмыков и в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, делая лишь предположение, что Я.П. Дуброва бывал среди кочевий бурят, так как в литературе есть упоминание его работы «Женщина у монголобурят» [18. С. 4–8].

Современные авторы научных статей и очерков М.М. Батмаев, Т.В. Ермакова, У.Э. Эрдниев, К.В. Орлова [17–21] дают высокую оценку этнографического труда миссионера, используют его материалы в решении научных проблем по истории калмыцкого народа, не ставя перед собой задачи реконструкции биографии исследователя, некоторые из них фрагментарно упоминают факты из его жизни, нередко ошибочно: например, о том, что он выпускник Казанской духовной академии [19] или окончил русско-монгольскую школу в Иркутске и там же работал в семинарии [22]. Авторы работ неслучайно причисляют Я. Дуброву к выпускникам этих авторитетных учебных заведений, где изучался монгольский язык, потому что столь богатые этнографические материалы мог собрать только человек, прекрасно знающий монгольский язык. Яков Павлович действительно знал язык блестяще, но выучил его самостоятельно на миссионерской службе в Молькинском, Шимковском и Окинском станах Иркутской духовной миссии. Подтверждением этого факта является Отчет Иркутской духовной миссии за 1876 г., где отмечается: «Постоянное сношение с бурятами при псаломщике из туземцев знакомит его с языком бурятским, он составляет грамматические заметки о языке бурятском, коим хочет воспользоваться для более серьезного труда» [23. С. 568]. Псаломщиком у Якова Павловича был миссионер Яков Афанасьевич Чистохин – «природный бурят Агинского ведомства, Зунгарского рода, Читинского округа, Забайкальской области, окончивший курс в Агинском инородческом училище... ревностный миссионер и отличный переводчик» [24], в дальнейшим также ставший автором авторитетных работ по этнографии бурят, членом ВСОРГО.

Жизнь Я. Дубровы среди калмыков началась только в 1889 г.: он был назначен епархиальным начальством сотрудником Ставропольской миссии как «знакомый с миссионерским делом (12 лет был миссионером в Сибири) и знающий книжный монгольский язык и калмыцкое наречие» [25. С. 15]. Несмотря на важность этого периода в жизни Я.П. Дубровы, прошедшего среди бурятских кочевий в Сибири, и работы в Иркутске с точки зрения его становления как этнографа, данный жизненный отрезок совершенно не освещен в историографии, а следовательно, и не оценены в должной мере труды, подготовленные им в то время и опубликованные в изданиях не только ВСОРГО, но и синодальных учреждений.

Авторы публикаций Л.Ю. Дондокова, М.М. Маннапов и А.В. Псянчин [8. С. 394], посвященных истории, этнографии бурят, упоминают имя Я.П. Дубровы в числе этнографов ВСОРГО, не останавливая своего внимания, не называя ни одной из его работ. Этнограф А.А. Бадмаев использует материалы Я.П. Дубровы в своих научных исследованиях по истории культуры бурят [26–27]. Особого внимания заслуживает статья иркутского историка Н.Е. Единарховой «Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1860–1880-е годы)» [3], которая является единственной на сегодняшний день публикацией, где автор подробно остановилась на материалах Я.П. Дубровы, изданных по результатам его научной экспедиции в Монголию в 1883 г. Н.Е. Единархова рассматривает труд миссионера-этнографа наряду с экспедиционными материалами чиновников, общественных деятелей, в отличие от них, определяет деятельность Якова Павловича, подвигнутую чисто «научными мотивами»: «искал материал для сравнительного анализа», – приводит несколько выдержек из труда этнографа, демонстрируя разнообразие и конкретику собранного им материала.

Яков Павлович Дуброва: страницы биографии

Реконструкция биографии миссионера и этнографа Якова Павловича Дубровы, выяснение фактов его исследовательской работы – все это важно для понимания содержания его материалов, актуализации степени достоверности приведенных им этнографических сведений. Факты его биографии рассредоточены по разным источникам: это и «Епархиальные ведомости Иркутской духовной миссии», и «Ставропольские епархиальное ведомости», и «Известия ВСОРГО», и «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», и газеты «Восточное обозрение», «Миссионер», «Сибирь». Я.П. Дуброва проводил большую экспедиционную работу, являясь членом двух научных обществ, как результат – опубликованные работы.

Яков Павлович Дуброва – священник-миссионер, в дальнейшем исследователь-этнограф, член ВСОРГО и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Был родом из Полтавской губернии России. В июне 1873 г. окончил курс Полтавской духовной семинарии, его имя значится в списке по Второму высшему отделению второго разряда выпускников семинарии [28. С. 407], и был направлен Советом Православного миссионерского общества на службу в Иркутскую духовную миссию [29. С. 222]. В Иркутске Его Преосвященство Вениамин, Епископ Иркутский и Нерчинский, посвятил Якова Дуброву в дьяконы 1 ноября 1874 г., а 3 ноября того же года – в священники с назначением миссионером в Молькинский стан Идинского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии [30. С. 323]. В Молькинский стан, где располагались кочевья идинских бурят (правый берег реки Ангары и долины ее притоков – рек Ида, Оса, Каха, Обуса и Уда) Я. Дуброва прибыл с женой Елизаветой, которая окончила курс Иркутского женского училища духовного ведомства и уже в конце 1874 г. стала преподавать в училище, организованном миссионером Я. Дубровой при Молькинском стане. Сверх того им был организован певческий хор для

пения в миссионерской церкви, что привлекало к богослужению не только христиан-инородцев, – теперь многие «с охотою по воскресеньям и в праздничные дни посещали церковь» [29. С. 223].

С назначением миссионером Я. Дубровы особое внимание было обращено на обучение бурят грамоте. На конец учебного года, к маю 1875 г., обучались в миссионерской школе 36 мальчиков и три девочки. «Все, кто обучался в школе, вышли умеющими писать и читать», – по оценке учительницы Елизаветы Дубровы, в чем была ее большая заслуга. К сожалению, «добрая учительница... умерла 8 марта сего (1876) года от родов, оставив по себе добрую память между инородцами и любовь детей» [31].

«В Молькинском стане священник Яков Дуброва со всем усердием продолжал свою “благоплодную деятельность”». Он по несколько раз объезжал все улусы своего прихода, и не было ни одной жилой юрты, в которой бы он не бывал. «Это при молодых его летах, к сожалению, отозвалось уже ревматизмом в ногах». За это приобрел большую любовь и привязанность своей паствы… «Отец Яков сделался у всех бурят желанным гостем… Нравственное влияние миссионера на свою паству выражается по-разному. Например, при рождении детей у бурят есть обычай принимать к себе самого почетного человека, чтобы он нарек имя новорожденному. Некрещеные инородцы нередко приглашали о. Якова Дуброву дать имя младенцу» [23. С. 565, 569]. В первые же годы своего служения миссионером о. Яков был «удостоен награждения набедренником» [32. С. 153]. Установленные добрые отношения помогали миссионеру собирать этнографический материал, знание подробностей быта бурят позволяло достоверно его интерпретировать.

После четырехлетней миссионерской службы, с ноября 1874 г. до конца 1878 г., в Молькинском стане Идинского ведомства он по собственному желанию был переведен в Тункинское ведомство и стал миссионером Шимковского стана, одновременно заведуя еще одним миссионерским станом – Ниловой пустынью, местом расположения пограничных караулов, протянувшихся вдоль монгольской границы. «На краю Тункинской степи, у подножья Саянских гор и находился Шимковский стан», – сообщал Я. Дуброва [33. С. 141–142]. Отец Яков, являясь миссионером Шимковского стана, должен был принять в 1879 г. заведование и Окинским станом после смерти миссионера-священника Алексея Попова [34. С. 198]. Я. Дуброва служил миссионеров одновременно и в Шимках, и в Оке до назначения в Шимковский стан Я. Чистохина 26 октября 1879 г. В Оке Я. Дуброва прослужил до 26 мая 1883 г. [24], затем подал прошение об освобождении его от миссионерского служения, на основании чего «Окинский миссионер священник Іаковъ Дуброва… иркутским архипастырем» был уволен [35. С. 217]. Этому решению предшествовал сложный период жизни миссионера Дубровы: сначала смерть супруги Елизаветы – друга и соратника, что, возможно, и подвигло его просить перевод в Шимковский стан – в далекий, неизвестный Тункинский край. 1880 год принес новый удар – «ему пришлось выстрадать много душевных скорбей, которые парализовали деятельность», умерла мать – единственный человек, оставшийся в его жизни, о котором он заботился после смерти жены Елизаветы; в связи с чем он взял отпуск на шесть месяцев и уехал на родину в Полтавскую губернию, вернулся в Тунку в 1881 г. [36. С. 205]. Вероятно, в это время познакомился с Галиной, своей второй супругой [37. С. 339].

После оставления миссионерства в мае 1883 г. наступил новый период его жизни, связанный с плодотворной научной работой действительного члена ВСОРГО. 7 мая из Иркутска началась его экспедиция в Монголию, продлившаяся до конца августа 1883 г. Научную командировку Яков Павлович инициировал сам, обратившись в Иркутский отдел РГО в апреле того же года с предложением «побывать в Монголии», если отдел «сочтет возможным найти средства». «Просвещенные члены отдела» приняли его предложение, выделив средства «на расходы по экспедиции 400 рублей и 200 рублей на приобретение предметов, относящихся к этнографии монголо-бурят» [38].

Летом 1884 г. состоялась еще одна экспедиция Якова Павловича, на этот раз «благодаря содействию отдела, посетил… все кочевья бурят, живущих в округах Иркутской губернии, и два ведомства Забайкальской области, именно кударинское и селенгинское». Сведения, собранные им во время миссионерства среди бурят Тункинского края, и результаты данной экспедиции позволили исследователю наметить основные задачи перед этнографами ВСОРГО: «…так как среди инородческих кочевий есть и чисто русские поселения, то останавливался на них, не пропускал случая делать наблюдения и над бытом русского населения, и мне удалось собрать немало оригинальных чисто сибирских песен, пословиц и загадок. Но главная задача – проследить социально-экономический быт бурят, определить взаимные отношения между бурятским и русским населением, уяснить те взаимные воздействия, какие они оказывают друг на друга, а также изучить общинные формы владения землей, юридические его основы и разницу между русской общиной и инородческой; наконец, определить, какое влияние оказало занятие земледелием на бурят, очертить тип бурята-скотовода и вновь народившийся еще юный тип земледельца. Кроме этого, собирать историко-статистические сведения о кочевьях инородцев Иркутской губернии». С докладом «Задачи сибирской этнографии», опубликованным в газете «Сибирь» в 1885 г., Я. Дуброва выступил на собрании ВСОРГО в декабре 1884 г. [16. С. 3].

Яков Павлович Дуброва принимал самое активное участие в жизни отдела; решения по возникающим вопросам, связанным с трудами по этнографии бурят, бурятскому языку, поручались ему. В феврале 1885 г. он был избран в члены распорядительного комитета ВСОРГО [39. С. 4]. 27 апреля 1885 г. на заседании комитета председатель Н.И. Раевский высказался о важности «приведения в известность, что сделано для Сибири» по разным отраслям знания членами Отдела, и поручил Я. Дуброве совместно с М.Я. Писаревым подготовить материал по этнографии для публикации

в «повременных изданиях Сибири [40. С. 3]. Кроме того, распорядительный комитет постановил передать на рассмотрение Я.П. Дуброве поступившую от В.В. Птицына работу этнографа М.Н. Хангалова «Первая учебная книжка» для обучения чтению и письму бурятских детей [41. С. 79], что говорит о значимом статусе Дубровы в Отделе не только по этнографии, но и в целом по монголоведению.

Являясь действительным членом Отдела РГО, Яков Павлович работал секретарем Иркутской управы. Он занимался систематизацией городского архива, а также предложил составить и издать «историко-статистический обзор положения города с конца прошлого по шестидесятый год текущего столетия». Городская управа приняла его предложения [42. С. 3–4; 43. С. 4].

В 1889 г. Яков Павлович Дуброва возвращается к миссионерской деятельности, он был направлен в калмыцкие степи Ставропольской губернии, где прослужил до 1894 г. Затем он переезжает в Казань в качестве секретаря Его Преосвященства архиепископа Казанского и Свияжского Владимира [44. Т. 14. С. 19]. В Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете в ноябре и декабре 1897 г. сделал доклад «Об экономическом положении калмыков Ставропольской губернии» [44. Т. 15. С. 483; Т. 16. С. 144], после чего 27 января 1898 г. его приняли в действительные члены общества. В том же году будет напечатан очерк «Быт калмыков Ставропольской губернии…».

Казань стала последним пунктом в биографии ученого Я.П. Дубровы. На общем собрании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 18 сентября 1898 г. председатель – действительный член РГО, профессор Казанского университета, востоковед, этнограф Н.Ф. Катанов сделал заявление о кончине действительного члена общества Я.П. Дубровы и сам прочел некролог [44. Т. 16. С. 153]. Таким образом, нам удалось установить точную дату смерти ученого – 1898 г. Ученый ушел скоропостижно, как пишет историк церкви, богослов, член-корреспондент Петербургской АН К.В. Харлампович в комментарии к «Письмам Вениамина, архиепископа иркутского к казанскому архиепископу Владимиру»: «Я.П. Дуброва кончил жизнь самоубийством где-то на юге России» [45]. Трагический уход из жизни Я. Дубровы, скорее всего, был обусловлен некоторыми неприятными обстоятельствами, связанными с излишне формальным и придирчивым отношением ревизора к его деятельности по ведению хозяйства миссионерского стана при миссии среди калмыков, как будто специально спровоцированными против Я. Дубровы [46]. Среди калмыков он служил не миссионером-священником, а помощником игумена Антония – брата архиепископа Казанского и Свияжского Владимира. Пока был жив архиепископ Владимир, знавший Я.П. Дуброву как хорошего миссионера, проявившего себя в миссии в Сибири под руководством архиепископа Иркутского Вениамина – друга архиепископа Владимира, у Дубровы была поддержка [45. С. 124], но не стало архиепископа Владимира (умер в 1897 г.), в 1898 г. не стало и Я. Дубровы.

Я.П. Дуброва: научное наследие этнографа

Период научно-исследовательской деятельности Я.П. Дубровы с 1883 по 1886 г. следует назвать самым успешным, так как в это время вышли в свет его труды по этнографии монголов и бурят, подготовленные по результатам экспедиций, организованных Восточно-Сибирским отделом РГО: «Поездка в Монголию в 1883 году» [38], «Женщина у монголо-бурят» [47], «Распутье современного бурята» [48], «Задачи сибирской этнографии (читано в общем собрании членов ВС Отдела ГО 10 декабря 1884 г.)» [16].

Однако нужно заметить, что к этому успеху Я. Дуброва шел долгие годы, практически с первых дней своего миссионерства в Сибири, среди бурят. Можно предположить, что в Иркутске, где принял посвящение в священники, он узнал о ВСОРГО, в котором одним из приоритетных направлений было этнографическое изучение края, и о том, что членом Общества может стать любой человек независимо от социального происхождения и уровня образования, проявивший заинтересованность в поисковой, исследовательской работе. Прибыв на место миссионерства в Молькинский стан, о. Яков стал собирать этнографический материал о бурятах и учить язык, чтобы написать статью. Это подтверждают и записи отчетов миссии: «…составляет грамматические заметки о языке бурятском, коим хочет воспользоваться для более серьезного труда» [23. С. 568]. Продолжил исследования, переехав в Шимковский стан, а затем и в Оке дополнял материалы.

На наш взгляд, к уже названным работам Я. Дубровы необходимо добавить еще одну публикацию по этнографии бурят, подготовленную им к 1879 г. и напечатанную в нескольких частях в Иркутских епархиальных ведомостях 1882 г., – «Записки миссионера Шимковского стана за 1879 год» [33]. Название публикации не говорит о том, что это работа по этнографии, но на самом деле в ней содержится богатый материал о быте, религиозном мировоззрении, социально-экономическом положении, сведения о бурятских родáх, проживающих как на Ангаре, в Идинском ведомстве, так и в Тункинском крае, как относящихся к Шимковскому стану, так и кочующих на реке Оке, куда о. Яков ездил неоднократно с миссионерскими задачами, – поездки были длительными, продолжались до двух месяцев [33. № 13. С. 166–174].

В «Записках…» миссионер проводит сравнение между бытом идинских и тункинских бурят, так как поставил себе цель понять особенности быта тункинцев, чтобы правильно выстроить свое поведение, найти с ними диалог. Он особо подчеркивает, что общих черт между идинцами и тункинцами нет. Идинскикие буряты, по мнению Дубровы, «были во всем под влиянием русской культуры и православия в том числе, что сказалось и на их религиозном мировоззрении и устройстве быта. Чего сказать о тункинцах нельзя, они, наоборот, полностью были подчинены влиянию Монголии». Подробно останавливается он на описании быта тункинских бурят, относящихся к Шимкинскому стану. Пишет о праве у идинских бурят, «что они отошли от использования законов обычного пра-

ва» [33. № 12. С. 151–166]. Досконально описывает повседневный быт окинских бурят [33. № 13. С. 166–174]. Отражены в этой публикации Я.П. Дубровы и вопросы, связанные с территориальным расселением бурят, управлением, деятельностью Степной думы, рассматриваются экономические проблемы [33. № 14. С. 175–185], судебно-правовые отношения, в частности он затрагивает положение женщины у бурят, говорит о брачном праве. Сделано заключение, что «пока буряты не будут подчинены в управление общим законам Российской империи, они никогда не выйдут из настоящего своего угнетенного положения» [33. № 15. С. 187–195]. Работа «Записки Шимковского стана» Я.П. Дубровы показывает масштаб деятельности ученого, собравшего колоссальный материл по этнографии бурят, который лег в основу его дальнейших работ.

Вопрос о месте и роли женщины в бурятском обществе затрагивался неоднократно, но столь досконально впервые к нему подошел Яков Павлович, отобразив разные ее социальные роли: дочери, жены, матери, девочки-ребенка в работе «Женщина у монголо-бурятов» (1898), решая поставленные перед собой задачи «определить положение монголо-бурятки в социально-экономическом строе ее племени, проследить ее жизнь и отношение к семье и обществу», привлекая только лично собранные данные и наблюдения [47. С. 3]. Неслучайно данная работа получила широкий положительный отклик и была удостоена медали РГО, о чем мы уже говорили.

Свой очерк о женщине Я. Дуброва начинает «с рождения дитя». Отмечает для номада важность пола рожденного ребенка, с пониманием относится к тому, почему номад не приветствует и не особо отмечет рождение дочери «бацагана» (девочка), потому что рождение сына – «это прибыль в семействе, будущий продолжатель рода и экономически производительная сила» [47. С. 4–5]. Значительное внимание уделяет Дуброва вхождению маленького человека в жизнь, описывает ритуалы его принятия, защиты от злых духов, наречения имени… [47. С. 7–14]. Несмотря на высказанное предпочтение монголо-бурят к рождению сына, исследователь подчеркивает их любовь к детям: «…не замечается предпочтения одного ребенка перед другим, будь то девочка, или мальчик, или приемыш, или родной ребенок» [47. С. 15]. Буряты усыновляют детей часто, и не только своего народа, но и детей русских. По убеждениям бурят, русский ребенок подвергается меньшим случайным заболеваниям и в болезнях гораздо выносливее бурятского [47. С. 27]. «Так, дети в одинаковых условиях растут до пяти лет... В пять лет у мальчика наступает важный момент после особого обряда усунэй сар (праздник волос), за мальчиком признается право на жизнь, право принадлежать к семье людей. Мальчик начинает пользоваться всеми привилегиями, девочка же с самых ранних лет составляет рабочую силу, на своих плечах выносит работу по дому и хозяйству, начиная от запаса дров и заканчивая уходом за скотом…» [47. С. 17, 21]. «Веселье для девушки – это только во время свадьбы, да и то только до момента прибытия невесты в дом жениха. Свадьба продолжается в юрте жениха, невесте заходить в эту юрту запрещалось» [47. С. 22].

Говоря о женщине, Я.П. Дуброва подробно разбирает разные частные случаи брачных отношений у бурят и монголов, основанных на обычном праве [47. С. 40–49], приводя для подтверждения документы [47. С. 43–47], обнаруженные им у потомков тайши Назарова, на основе которых этнограф сделал вывод о бесправности женщины, закреплении власти мужа над ней; женщина выступает как предмет торгово-экономических отношений: «Если жена убежала от мужа, то требовалось вернуть плату за нее с ее отца, или же возвращали женщину к мужу», – констатировал исследователь, ссылаясь на «Сборник обычного права сибирских инородцев» Д.Я. Самоквасова [49]. Делает он также сравнение поведения девушек у тункинских и идинских бурят, описывая свадебный обряд: «Нужно отметить, – пишет Дуброва, – что обычай, отчуждающий девушек от свадебного веселья, во всей своей строгости исполняется только в Монголии, отчасти у бурят тункинских», находящихся под влиянием монголов; «в других же ведомствах иркутской губернии девушки являются уже протестантками…» [47. С. 23].

В своих работах Я.П. Дуброва говорит о сильном влиянии монголов на быт, религиозное мировоззрение всего населения Тункинского края, не только бурят, но и на русское казачество, служившее на границе: «Русскую речь не всегда приходиться слышать, названия животных, пород их, деревьев, трав, почти не знают по-русски. И бранятся, и высказывают “благопожелания” большей частью на бурятском языке... Все это происходит от того, что казак-тункинец много времени проводил в Монголии, где запасался новостями, узнавал новые песни, слушал сказки, религиозные речи лам, вернувшись домой, в кругу семьи рассказывает о Монголии, как о чем-то удивительном и родном для него… а своего русского он мало знает и религиозные его сведения крайне скудны, в таком религиозном состоянии находятся здешние русские» [33. № 11. С. 149–150].

Таким образом, Яков Павлович в своих работах обратил внимание на особенности развития трансграничного региона Россия–Монголия. Затрагивал вопрос определения населения региона и выбора пути своего дальнейшего развития, особенно это касалось бурят на самых окраинных территориях, непосредственно граничащих с соседним государством. Более конкретно он сформулировал проблему в статье «Распутье современного бурята» [48]: «…связующим началом, на котором основано это подчинение, без сомнения, служит язык, а затем единство… дорогих для народа традиций… Буряты, будучи рьяными буддистами, вследствие разных репрессалий в делах своей религии, можно сказать, даже фанатичны... Буряту дорога Монголия потому, что есть хранительница его религии, его святыни… С этой стороны понятно подчинение бурята авторитету Монголии… И нам, “культурным воздействователям на соседнюю Азию”, ввиду важности вопроса следовало бы озаботиться правильной постановкой дела, создать противовес, могущий парализовать это тяготение к мертвой Монголии, так как это тяготе-

ние задерживает это даровитое от природы племя от восприятия общечеловеческих, выработанных наукой идей…» [48. № 38. С. 10–12]. Несмотря на длительный период знакомства с земледельческой культурой, «бурят все-таки до сих пор кочевник, он крайне осторожно, боязливо впускает в свой быт “чужое”». «Выброшенный на распутье», с неустановившимися своими жизненными позициями, болезненно переживает свое переходное состояние [48. № 40. С. 12], чтобы помочь буряту, надо его понять, а так как «бурят недавно еще мало чем отличался от монгола… нужно обратиться к первичному его источнику, т.е. к монголу, – он еще целен. Изучение же его поможет разложить на составные элементы те наслоения, которые, не упорядочившись, вошли в быт современного бурята. Это задача этнографа» [48. № 38. С. 11], – так Яков Павлович обосновывал необходимость научной экспедиции в Монголию, с чем обратился к руководству ВСОРГО и получил поддержку.

Экспедиция, как мы уже писали, состоялась в мае–августе 1883 г., ее результатом стал основательный труд Я. Дуброва «Поездка в Монголию в 1833 г.». Следует сказать, что это была третья его поездка к монголам, первая состоялась в 1879 г, вторая – в 1880 г. Пока еще миссионер Окинского стана, священник Яков Дуброва предварительно завел знакомство со своими соседями-монголами, при встречах с некоторыми из них на Оке, куда они приезжали ежегодно для торговли, «о. Яков своею простотою, в особенности с чутким пониманием интересов монголо-бурятской жизни, произвел на них хорошее впечатление», они пригласили его летом на праздник. Он познакомился «с нравами и обычаями монголов, с их бытом домашним и общественным», а также «имел цель ознакомиться с их религиозной жизнью…» [36. С. 203–204].

Труд «Поездка в Монголию» получился подробным, обширным, состоящим из 22 глав, публиковался частями в «Известиях ВСОРГО» с 1884 по 1886 г. Он содержит сведения об административном устройстве Монголии, торговле монголов с русскими и китайцами, повседневном быте монголов и быте буддийских монастырей, о ремесле и жизнеобеспечивающем скотоводстве. После выхода завершающей части работы сибирская общественность весьма позитивно отреагировала на появление такого труда. В частности, редакция «Сибирского сборника», сделав некоторые замечания, написала на своих страницах: «В этом географическом дневнике найдется немало интересного для географа и этнографа» [50. С. 213], а также краеведов. Сибирь, как известно, – место ссылки декабристов. Одно из них Тунка – «малоизвестный обособленный отдаленный мирок» и одновременно «одно из роскошнейших мест на всем протяжении течения Иркута», – пишет Я. Дуброва [38. Т. 15. С. 9–10]. В своей работе этнограф представил интересный сюжет о жизни на поселении декабриста Владимира Сергеевича Толстого (1806–1888). Это фактически единственная информация о деятельности декабриста на поселении в Тунке. Возможно, из-за краткости периода пребывания, с 1827 по 1829 г., декабристоведы только фиксируют этот период, не сообщая никаких сведений. Я.П. Дуброва составил рассказ на основе воспоминаний старожилов, которые еще помнили В.С. Толстого: «Помнят, сколько сил он потратил на обустройство дома, который сначала был окружен лесом, а потом культурною рукою известного человека лес этот обращен в роскошный по распланировке сад». Дом В. Толстого – главная достопримечательность Тунки на момент приезда Дубровы: «помещение громадное с мезонином и балконом», «по выезде его в Россию» подарил дом под училище», так как, живя в Тунке, «изгнанник занимался обучением детей, из научившихся от него грамоте я знаю теперь двух тунчан», – констатировал Я.П. Дуброва [38. Т. 15. С. 10].

Подробно на материале Я.П. Дубровы «Поездка в Монголию» останавливается редакция газеты «Сибирь» во главе с издателем-редактором М.В. Загоскиным: «Труд г[осподина] Дубровы слишком обширен, чтобы отзыв о нем был помещен в небольшой библиографической заметке», что говорит о значении работы, заслуживающей более пристального внимания. Однако, рассуждая над содержанием работы Дубровы, автор заметки обращает внимание отдела на изучение, прежде всего, сибирских народов: «…нужно ли знать так подробно о быте монголов, – пишет он, – когда нам неизвестно даже житье-бытье живущих о бок с нами русских крестьян и бурят...» Признавая научную значимость таких исследований, все же он настаивал: «…не нужно ставить их как приоритетное направление», – отводя второстепенное значение изучению жизни собственно сибирского населения [51. С. 14]. Почему возникло такое мнение? Возможно, еще четко не сложилась программа этнографического изучения населения Восточной Сибири, Отдел РГО в Иркутске самостоятельно, после разделения на два Отдела в 1877 г. (ЗСОРГО и ВСОРГО), проходил еще период становления приоритетных направлений работы, также это обусловливалось и нехваткой материальных средств на экспедиции по Сибири, а Дуброве была выделена сумма на поездку в Монголию. Подобное замечание сделала и ревизионная комиссия по рассмотрению отчета за 1883 г., на что распорядительный комитет ВСОРГО вынужден был давать объяснение: экспедиция в Монголию была необходима, так как «изучение инородцев южной Сибири без знакомства с Монголией будет страдать крайней односторонностью и неполнотой» [52. С. 22].

Тем не менее поддержка экспедиционной работы Я.П. Дубровы со стороны ВСОРГО помогла ему систематизировать накопленные материалы, дополнить отсутствующие сведения, «ликвидировать пробелы в знании о бурятах», подготовить статьи, очерки, которые были опубликованы по инициативе отдела. Пусть даже его работы стали библиографической редкостью, однако они сохранили имя Я.П. Дубровы для истории отечественной науки. «Считаю своей особенною обязанностью поблагодарить уважаемого правителя дел отдела Н.Н. Агапитова, который мне, обеспеченному отделом материально, очень много помог своими указаниями, советами и снабжением программ, выработанных разными обществами и лицами для собирания этнографических материалов», – написал

Яков Павлович во вступительной части «Поездки в Монголию».

Результатами экспедиции по Монголии стали точные, подробные материалы этнографического и географического характера, собраны полные сведения о системах таких рек, как Дельгир-Мурин, Буксой и Селенга. Он доказал, что исток Селенги – не Эдир и Ига, как предполагали раньше, а Дельгир-Мурин, тем самым сделал поправки к «некоторым потанинским маршрутам», и сделал это «не знаменитый, но талантливый, компетентный для данной местности по своему знанию языка страны и самих монголо-бурят путешественник Я.П. Дуброва», – так оценил его работу В.В. Птицын, автор «Селенгинской Даурии» [10. С. VII]. Сам Яков Дуброва с большим уважением относился к Г.Н. Потанину – этнографу и путешественнику, и его трудам, что отмечали даже рецензенты [53. С. 9].

Среди монголов Я.П. Дуброва «записал несколько сказок, много поговорок, пословиц, песен, преданий и обычаев», которые должны были войти «в состав дневника», но работа опубликована без этого приложения, а часть фольклора этнограф планировал обработать и подготовить для отдельного издания. Однако, как свидетельствует протокол распорядительного комитета ВСОРГО от 5 января 1885 г., Дуброва выступил с просьбой рассмотреть возможность публикации подготовленного им труда «О быте монголобурят по его загадкам», но решение этого вопроса было отложено «из-за отсутствия свободных средств» [41. С. 79].

В результате экспедиции в Монголию действительным членом ВСОРГО Яковом Павловичем были приобретены для коллекции Музея отдела «некоторые предметы этнографические: 1) модели юрт шести- и восьмиугольной, 2) сырге, коновязный столб… врывается в землю саженях в пяти от юрты слева, 3) Бурхани-шире – божница, при ней столик, на который ставится ящичек, столик пониже, скамейка с резьбой, ставящаяся спереди Бурахани-шире, 4) урь – ступка, в которой толкут чай и зерновой хлеб (курша), 5) хайрсык, сундук для домашнего скарба», – и другие бытовые вещи: деревянная фляга, деревянная записная книжка, модель лодки и телеги с берегов Селенги. Образцы сушеного сыра (арцы), сушеное молоко. Также образцы каменных плит с начертаниями и горных пород. Модель буддийского храма (сулись) [38. Т. 15. С. 8].

В 1888 г. И. Подгорбунским и Г. Потаниным был опубликован каталог экспонатов Музея ВСОРГО, в котором значатся и предметы, «доставленные г[осподином] Дубровой»: «модель Мигуйского дацана, вырезанная из дерева», «Сансарийн-хурдэ, или “колесо мира”», «деревянная дощечка с наклеенным на ней изображением на бумаге коня, везущего священный цветок лотоса» и «деревянная дощечка, на которой вырезана мистическая формула ом мани пад ме хом» [54. С. 7, 47, 51]. Эти предметы демонстрировались и на выставке, которая проходила в Иркутске в январе 1889 г. [55. С. 62]. Каталог выставки был составлен отдельно также И. Подгорбунским и Г. Потаниным под названием «Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам (1888) [55], переиздан в Томске в 2019 г. [56] с очень краткими комментариями, поясняющими некоторые имена дарителей [56. С. 78–80]. При переиздании неверно было сделано уточнение сокращенной записи: «г. Добровой», прочитали как «госпожой Добровой» [56. С. 34], – все же «господин Дуброва доставил модель Мигуйского дацана». Экспонаты, доставленный Яковом Павловичем, и сегодня находятся в Иркутском областном краеведческом музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского – преемнике Музея ВСОРГО. Его сотрудники подготовили небольшую заметку о буддийской иконе «Бхавачакра», или «Колесо Сансары», в которой сообщают, что подарил экспонат коллекционер, член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, побывавший в Монголии, Я.П. Дуброва. К сожалению, музееведы не знают того факта, что Я.П. Дуброва был действительным членом ВСОРГО и приобретал экспонаты для музея по заданию и на средства отдела [57]. Участие Я.П. Дубровы в формировании этнографической коллекции Музея ВСОРГО – это еще один вклад ученого в изучение этнографии монгольских народов. Он переживал за «скудость собранного материала» по итогам экспедиции в Монголию, обусловленную тем, «что немало приходилось затрачивать времени на оседлывание и расседлывание лошадей, их вьючку, а затем занятие ночным караулом», все работы приходилось делить пополам с нанятым проводником, ясачным инородцем Степаном Сороковиковым, «лишнего человека постоянно держать не было средств» [38. Т. 15. С. 2, 9].

Заключение

Реконструированная биография миссионера-этнографа Якова Павловича Дубровы (?–1898) – это яркая страница истории не только Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, но и в целом РГО, а также отечественного монголоведения, в развитие которого неоценимый вклад внесли миссионеры и члены подразделений РГО на восточных окраинах России. Через призму биографии этнографа Я.П. Дубровы и изучение его трудов по этнографии монголов и бурят показана роль РГО в изучении монгольских народов, проживающих как в регионах России, так и на территории сопредельных государств.

Яков Павлович Дуброва в своих работах еще в последней четверти XIX в. поставил вопрос изучения особенностей развития трансграничного региона Россия–Монголия, актуализировал важность грамотной политики российского государства в этих вопросах, более внимательного отношения к этой территории проживания бурят-буддистов, в значительной степени ориентированных на Монголию в силу своего культурного кода. Затрагивал он и вопрос определения населения региона в выборе пути своего дальнейшего развития. Материалы, представленные в его работах, и сегодня являются подробными, достоверными источниками по истории и культуре монгольских народов, показывают разные аспекты интеграции бурят и калмыков в социокультурное пространство России. Ценность трудов Я.П. Дубровы объясняется хорошим зна-

нием бурятского языка и миссионерского поля работы, в рамках которого этнограф заслужил к себе доверительное отношение бурят и монголов. Систематизация и дополнение сведений, собранных во время миссионерского служения, стало возможным благодаря экспедициям Я.П. Дубровы, организованным Восточно-Сибирским отделом РГО. Отдел в Иркутске же инициировал публикацию его стаей и очерков, чем способствовал сохранению в исторической памяти подвига миссионера-этнографа.

Список источников

1. Дамешек Л.М. Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 82 с.
2. Даревская Е.М. Связи Иркутска с Монголией // Записки Иркутского областного краеведческого музея. 1961. Вып. 2. С. 259–276.
3. Единархова Н.Е. Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 138–155.
4. Зуляр Ю.А. О периодизации истории Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (к итогам 160-летней деятельности ВСОРГО) // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 73–85.
5. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.). Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. 438 с.
6. Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.) : учеб. пособие / науч. ред. В.В. Свинин. Иркутск : ИГУ. 2001. 144 с.
7. Полянская О.Н., Арсеньева Л.Г. Внештатные сотрудники Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Их вклад в развитие монгольских народов // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2015. № 4 (55). С. 113–118.
8. Маннапов М.М., Псянчин А.В. Этнография монгольских народов в Сибирском отделе Русского географического общества // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 2. С. 388–403.
9. Перечень награжденных знаками отличия Русского географического общества (1845–2012) // Русское географическое общество. М., 2012. URL: https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennyh_8.pdfдата (дата обращения: 25.05.2025).
10. Птицын В.В. Селенгинская Даурия : очерки Забайкальского края : в 2 ч. СПб. : Экон. типо-лит., 1896. [6], X, 307 с.
11. Ядринцев Н.М. Е.А. Покровский. Физическое воспитание детей у разных племен в связи с историей культуры. Рецензия. // Восточное обозрение. 1885. № 5. С. 9.
12. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сб. ст. М. : Геогр. отд-ние О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895. [6], XLII, 296 с.
13. Материалы для биобиблиографического словаря восточно-сибирских этнографов : предварительный список. Иркутск, 1926. 20 с.
14. ВСОРГО в лицах: биобиблиографический словарь. Итоговый выпуск (1851–2021 гг.) / под ред. Ю.А. Зуляра, Л.М. Корытного. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. 427 с
15. Сибирь. 1885. № 40.
16. Дуброва Я.П. Задачи сибирской этнографии (читано в общем собрании членов ВС Отдела ГО 10 декабря 1884 г.) // Сибирь. 1885. № 11. С. 4–5; 1885. № 12. С. 2–3.
17. Батмаев М.М. Калмыцкая повседневность XVII–XIX вв: постановка проблемы и история изучения // Oriental Studies. 2022. Vol. 15, is. 1. P. 8–18.
18. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года / предисл. М.М. Батмаева. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1998. 191 с.
19. Ермакова Т.В. Образ калмыцкого этноса в наблюдениях православных миссионеров XIX в. // Евразия – диалог культур : материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб. : РЭМ, 2023. С. 172–178.
20. Эрдниев У.Э. Калмыки : историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1985. 285 с.
21. Орлова К.В. История христианизации калмыков. Середина XVII – начало XX в. М. : Вост. лит., 2006. 207 с.
22. Лиштованный Е. И. Монголия. Исследования учеными ВСОРГО // Иркипедия.ru. URL: http://irkipedia.ru/content/mongoliya_issledovaniya_uchenymi_vsoirgo (дата обращения: 20.06.2025).
23. Иркутская духовная миссия в 1876 г. (продолжение отчета) // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1877. № 44. С. 565–569.
24. Романов Ин., священник-миссионер. Окинско-Мондинский миссионерский стан Тункинского отдела Иркутской миссии // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1909. № 7-8. С. 209–219.
25. Миссионеры для калмыков // Ставропольские епархиальные ведомости. 1889. № 15; 1892. № 1.
26. Бадмаев А.А. Феномен агрессии в истории и культуре бурят XVIII–XIX веков // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 217–223.
27. Бадмаев А.А. Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского госуниверситета. Сер. История, философия. 2015. Т. 14, № 7: Археология и этнография. С. 255–263.
28. Список воспитанников Полтавской духовной семинарии, составленный после испытаний, бывших в июне месяце 1872/73 учебного года // Полтавские епархиальные ведомости. 1973. № 15.
29. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии за 1874 г. Вениамина, епископа иркутского // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск : изд. Иркут. комитета православного миссионерского о-ва, 1885. Т. III: 1873–1877 гг. С. 166–229.
30. Иркутские епархиальные ведомости. 1874. № 47.
31. Отчет по училищу Молькинского миссионерского стана. Составлен учительницей Елизаветой Дубровой // Миссионер. 1876. № 30. С. 250–252.
32. Миссионер. 1876. № 19.
33. Дуброва Я.П. Записки миссионера Шимковского стана за 1879 год // Иркутские епархиальные ведомости. 1882. № 11. С. 141–150; № 12. С. 151–166; № 13. С. 166–174; № 14. С. 175–185; № 15. С. 187–195.
34. Миссионер. 1879. № 25.
35. Отчет о состоянии и деятельности Иркутской духовной миссии в 1883 году // Иркутские епархиальные ведомости. 1884. № 19.
36. Отчет о состоянии и деятельности иркутской духовной миссии в 1880 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавление. 1881. № 19. С. 205.
37. Клеменц Д.А. Н.М. Ядринцев // Литературное наследство Сибири. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. С. 338–343.
38. Дуброва Я.П. Поездка в Монголию в 1883 году // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1884. Т. 15, № 1-2. С. 1–92; 1885. Т. 15, № 5-6. С. 1–43; 1886. Т. 16, № 1-3. 214 с.
39. Сибирь. 1885. № 8.
40. Сибирь. 1885. № 20.
41. Протоколы Распорядительного комитета ВСОРГО // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1885. Т. 16. № 4-5.
42. Иркутские губернские ведомости. 1885. № 30. С. 3-4.

43. Сибирь. 1885. № 27. С. 4.
44. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. 1898. Т. 14; 1899. Т. 15; 1900. Т. 16.
45. Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру. Предисловие и примечание К.В. Харламповича // Чтения в Императорском обществе Истории и древностей российских при Московском университете в 1913 г. Москва, 1913. С. 1–218.
46. Мефодий, иеромонах. Князе-Михайловский миссионерский стан Ставропольской епархии. Казань, 1903. 63 с.
47. Дуброва Я.П. Женщина у монголо-бурят Иркутск, 1885. 107 с.
48. Дуброва Я.П. Распутье современного бурята // Восточное обозрение. 1884. № 38. С. 10–12; № 40. С. 9–11.
49. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. СПб. : Иван Носковский, 1876. 292 с.
50. Сибирский сборник. 1886. № 1.
51. Сибирь. 1886. № 7.
52. Объяснение Распорядительного комитета ВСОРГО на заключение Ревизионный комиссии по рассмотрению отчета за 1883 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1885. Т. 16, № 4-5.
53. Сибирь. 1885. № 22.
54. Каталог Музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / сост. И. Подгорбунским и Г. Потаниным. Иркутск : Тип. газеты «Восточное обозрение», 1888. 62 с.
55. Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам / сост. И. Подгорбунским и Г. Потаниным. Иркутск : тип. газеты «Восточное обозрение», 1888. 76 с.
56. Музееведческое наследие северной Азии : труды музееведов XIX – начала XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 80 с.
57. «Колесо Сансары» // Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского URL: https://iokm.ru/2023/01/18/колесо-сансары/ (дата обращения 16.05.2025).

References

1. Dameshek, L.M. (2013) *Muzey VSORGO: istoriya formirovaniya kollektsii i vystavochnaya deyatel'nost' (1851–1931 gg.)* [The Museum of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society: The History of the Collection Formation and Exhibition Activity (1851–1931)]. Irkutsk: ISU.
2. Darevskaya, E.M. (1961) Svyazi Irkutska s Mongoliey [Irkutsk's Ties with Mongolia]. *Zapiski Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 2. pp. 259–276.
3. Edinarkhova, N.E. (2000) Mongoliya i mongoly v izdaniyakh Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Mongolia and Mongols in the Publications of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society]. *Vestnik Yevrazii*. 3. pp. 138–155.
4. Zulyar, Yu.A. (2012) O periodizatsii istorii Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva (k itogam 160-letney deyatel'nosti VSORGO) [On the Periodization of the History of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society (To the Results of 160 Years of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society Activity)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(2). pp. 73–85.
5. Kuzmin, Yu.V. & Svinin, V.V. (2014) *Irkutskaya shkola mongolovedeniya (XVIII–XX vv.)* [The Irkutsk School of Mongol Studies (18th–20th Centuries)]. Irkutsk: BGUEhP.
6. Lishtovannyy, E.I. (2001) *Mongoliya v istorii Vostochnoy Sibiri (XVII–XX vv.)* [Mongolia in the History of Eastern Siberia (17th–20th Centuries)]. Irkutsk: ISU.
7. Polyanskaya, O.N. & Arsenieva, L.G. (2015) Vneshtatnye sotrudniki Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Ikh vklad v razvitie mongol'skikh narodov [External Staff of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Their Contribution to the Development of Mongolian Peoples]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologiy i upravleniya*. 4(55). pp. 113–118.
8. Mannapov, M.M. & Psyanchin, A.V. (2023) Etnografiya mongol'skikh narodov v Sibirskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva [Ethnography of Mongolian Peoples in the Siberian Department of the Russian Geographical Society]. *Oriental Studies*. 16(2). pp. 388–403.
9. The Russian Geographical Society. (2012) *Perechen' nagrazhdennykh znakami otlichiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (1845–2012)* [List of Recipients of the Russian Geographical Society's Awards (1845–2012)]. [Online] Available from: https://rgo.ru/upload/about/awards/spisok-nagrazhdennyh_8.pdf (Accessed: 25th May 2025).
10. Ptitsyn, V.V. (1896) *Selenginskaya Dauriya: ocherki Zabaykal'skogo kraya: v 2 ch.* [Selinginskaya Dauria: Essays on the Transbaikal Region: in 2 parts]. St. Petersburg: Ehkonomicheskaya tipo-litografiya.
11. Yadrintsev, N.M. (1885) E.A. Pokrovskiy. “Fizicheskoe vospitanie detey u raznykh plemen v svyazi s istoriey kul'tury.” Retsenziya [E.A. Pokrovsky. “Physical Education of Children Among Different Tribes in Connection with Cultural History.” Review]. *Vostochnoe obozrenie*. 5. p. 9.
12. Potanina, A.V. (1895) *Iz puteshestviy po Vostochnoy Sibiri, Mongolii, Tibetu i Kitayu* [From Travels in Eastern Siberia, Mongolia, Tibet and China]. Moscow: Geographical Department of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography.
13. Anon. (1926) *Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya vostochno-sibirskikh ehtnografov: predvaritel'nyy spisok* [Materials for a Biobibliographical Dictionary of East Siberian Ethnographers: Preliminary List]. Irkutsk: [s.n.].
14. Zulyar, Yu.A. & Korytnyy, L.M. (eds) (2021) *VSORGO v litsakh: biobibliograficheskiy slovar'. Itogovyy vypusk (1851–2021 gg.)* [The East Siberian Department of the Russian Geographical Society in Persons: Biobibliographical Dictionary. Final Issue (1851–2021)]. Irkutsk: SB RAS.
15. *Sibir'* (1885). 40.
16. Dubrova, Ya.P. (1885) Zadachi sibirskoy ehtnografii (chitano v obshchem sobranii chlenov VS Otdela GO 10 dekabrya 1884 g.) [Tasks of Siberian Ethnography (at the General Meeting of Members of the East Siberian Department of the Geographical Society on 10 December 1884)]. *Sibir'*. 11. pp. 4–5; 12. pp. 2–3.
17. Batmaev, M.M. (2022) Kalmytskaya povsednevnost' XVII–XIX vv: postanovka problemy i istoriya izucheniya [Kalmyk Everyday Life of the 17th–19th Centuries: Problem Statement and Historiography]. *Oriental Studies*. 15(1). pp. 8–18.
18. Dubrova, Ya.P. (1998) *Byt kalmykov Stavropol'skoy gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 goda* [The Life of Kalmyks in the Stavropol Province Before the Law of 15 March 1892]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.
19. Ermakova, T.V. (2023) Obraz kalmytskogo ehtnosa v nablyudeniyakh pravoslavnykh missionerov XIX v. [The Image of the Kalmyk Ethnos in the Observations of Orthodox Missionaries of the 19th Century]. *Yevraziya – dialog kul'tur* [Eurasia – Dialogue of Cultures]. Proc. of the Twenty-Second St. Petersburg Ethnographic Readings. St. Petersburg: REM. pp. 172–178.
20. Erdniev, U.Eh. (1985) *Kalmyki: istoriko-ehtnograficheskie ocherki* [Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. 3rd ed. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. Orlova, K.V. (2006) *Istoriya khristianizatsii kalmykov. Seredina XVII – nachalo XX v.* [The History of the Christianization of Kalmyks. Mid-17th – Early 20th Century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
22. Lishtovannyy, E.I. (n.d.) *Mongoliya. Issledovaniya uchenymi VSORGO* [Mongolia. Research by the East Siberian Department of the Russian Geographical Society Scientists]. [Online] Available from: http://irkipedia.ru/content/mongoliya_issledovaniya_ uchenymi_vsoirgo (Accessed: 20th June 2025).
23. Anon. (1877) Irkutskaya dukhovnaya missiya v 1876 g. (prodolzhenie otcheta) [The Irkutsk Spiritual Mission in 1876 (Continuation of the Report)]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Prilozheniya*. 44. pp. 565–569.

24. Romanov, I. (1909) Okinsko-Mondinskiy missionerskiy stan Tunkinskogo otdela Irkutskoy missii [Okinsko-Mondinsky Missionary Station of the Tunka Department of the Irkutsk Mission]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Prilozheniya*. 7-8. pp. 209–219.
25. Anon. (1889, 1892) Missionery dlya kalmykov [Missionaries for the Kalmyks]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 15(1).
26. Badmaev, A.A. (2016) Fenomen agressii v istorii i kul'ture buryat XVIII–XIX vekov [The Phenomenon of Aggression in the History and Culture of Buryats in the 18th–19th Centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 15(5). pp. 217–223.
27. Badmaev, A.A. (2015) Baranya lopatka v obryadovoy praktike buryat [The Shoulder Blade of a Sheep in the Ritual Practice of Buryats]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filosofiya*. 14(7). pp. 255–263.
28. Anon. (1973) Spisok vospitannikov Poltavskoy dukhovnoy seminarii, sostavlennyy posle ispytaniy, byvshikh v iyune mesyatse 1872/73 uchebnogo goda [List of Pupils of the Poltava Theological Seminary, Compiled After the Examinations Held in June of the 1872/73 Academic Year]. *Poltavskie eparkhial'nye vedomosti*. 15.
29. Veniamin, Bishop of Irkutsk. (1885) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Irkutskoy dukhovnoy missii za 1874 g. Veniamina, episkopa irkutskogo [Report on the Condition and Activity of the Irkutsk Spiritual Mission for 1874 by Veniamin, Bishop of Irkutsk]. In: *Trudy pravoslavnykh missiy Irkutskoy eparkhii* [Works of the Orthodox Missions of the Irkutsk Diocese]. Vol. 3. Irkutsk: Irkutsk Committee of the Orthodox Missionary Society. pp. 166–229.
30. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1874) 47.
31. Dubrova, E. (1876) Otchet po uchilishchu Mol'kinskogo missionerskogo stana. Sostavlen uchitel'nitsy Elizavetoy Dubrovoy [Report on the School of the Molkinsky Missionary Station. Compiled by Teacher Elizaveta Dubrova]. *Missioner*. 30. pp. 250–252.
32. *Missioner*. (1876) 19.
33. Dubrova, Ya.P. (1882) Zapiski missionera Shimkovskogo stana za 1879 god [Notes of a Missionary of the Shymkovsky Station for 1879]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 141–150; 12. pp. 151–166; 13. pp. 166–174; 14. pp. 175–185; 15. pp. 187–195.
34. *Missioner*. (1879) 25.
35. Anon. (1884) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Irkutskoy dukhovnoy missii v 1883 godu [Report on the Condition and Activity of the Irkutsk Spiritual Mission in 1883]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. 19.
36. Anon. (1881) Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti irkutskoy dukhovnoy missii v 1880 g. [Report on the Condition and Activity of the Irkutsk Spiritual Mission in 1880]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Prilozhenie*. 19. p. 205.
37. Klements, D.A. (1980) N.M. Yadrintsev. In: Yanovsky, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 338–343.
38. Dubrova, Ya.P. (1884, 1885, 1886) Poezdka v Mongoliyu v 1883 godu [A Trip to Mongolia in 1883]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 15(1-2). pp. 1–92; 15(5-6). pp. 1–43; 16(1-3).
39. *Sibir'*. (1885a) 8.
40. *Sibir'*. (1885b) 20.
41. The East Siberian Department of the Russian Geographical Society. (1885) Protokoly Rasporyaditel'nogo komiteta VSORGO [Minutes of the Executive Committee of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(4-5).
42. *Irkutskie gubernskie vedomosti*. (1885) 30. pp. 3–4.
43. *Sibir'*. (1885) 27. p. 4.
44. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i ehtnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. (1898) 14; (1899) 15; (1900) 16.
45. Veniamin, Archbishop of Irkutsk. (1913) Pis'ma Veniamina, arkhiepiskopa irkutskogo, k kazanskomu arkhiepiskopu Vladimiru. Predislovie i primechanie K.V. Kharlampovicha [Letters of Veniamin, Archbishop of Irkutsk, to the Kazan Archbishop Vladimir. Preface and Notes by K.V. Kharlampovich]. In: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve Istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete v 1913 g.* pp. 1–218.
46. Methodius, hieromonk. (1903) *Knyaze-Mikhailovskiy missionerskiy stan Stavropol'skoy eparkhii* [The Knyaze-Mikhailovsky Missionary Station of the Stavropol Diocese]. Kazan: [s.n.].
47. Dubrova, Ya.P. (1885) *Zhenshchina u mongolo-buryat* [Women among the Mongol-Buryats]. Irkutsk: [s.n.].
48. Dubrova, Ya.P. (1884) Rasput'e sovremennogo buryata [The Crossroads of the Modern Buryat]. *Vostochnoe obozrenie*. 38. pp. 10–12; 40. pp. 9–11.
49. Samokvasov, D.Ya. (1876) *Sbornik obychaynogo prava sibirskikh inorodtsev* [Collection of the Customary Law of Siberian Natives]. St. Petersburg: Ivan Noskovskiy.
50. *Sibirskiy sbornik*. (1886) 1.
51. *Sibir'*. (1886) 7.
52. The East Siberian Department of the Russian Geographical Society. (1885) Obyasnenie Rasporyaditel'nogo komiteta VSORGO na zaklyuchenie Revizionnyy komissii po rassmotreniyu otcheta za 1883 g. [Explanation of the Executive Committee of the VSORGO on the Conclusion of the Audit Commission on the Review of the Report for 1883]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16(4-5).
53. *Sibir'*. (1885) 22.
54. Podgorbunskiy, I. & Potanin, G. (eds) (1888a) *Katalog Muzeya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Catalog of the Museum of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
55. Podgorbunskiy, I. & Potanin, G. (eds) (1888b) *Katalog vystavki predmetov vneshney obstanovki zhizni lam* [Catalog of the Exhibition of Items of the External Setting of Lamas' Life]. Irkutsk: Vostochnoe obozrenie.
56. *Chernyak, E.I. (ed.) (2019) Muzeevedcheskoe nasledie severnoy Azii: trudy muzeevedov XIX – nachala XX veka* [Museum Studies Heritage of Northern Asia: Works of Museum Researchers of the 19th – Early 20th Century]. Tomsk: Tomsk State University.
57. Irkutsk Regional Museum of Local History. (n.d) *Koleso Sansary* [The Wheel of Samsara]. [Online] Available from: https://iokm.ru/2023/01/18/колесо-сансары/ (Accessed: 16th May 2025).

***Сведения об авторе*:**
Полянская Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: polgrab@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Oksana N. Polyanskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: polgrab@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 02.07.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/19988613/98/9

Государственные, научные и технические интересы жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью в XIX в.

Петр Петрович Румянцев

Томский государственный университет, Томск, Россия, petroom@mail.ru

Аннотация. Исследуется история установления и осуществления жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири как проводника правительственной политики в промышленной сфере. Изучение жандармской документации позволило установить механизмы осуществления данного надзора, выявить задачи, решавшиеся при реализации жандармского надзора, определить стороны процесса золотодобычи, на которые обращали внимание жандармы, их предложения по совершенствованию технической части. Делается вывод об эффективности жандармского надзора за развитием целой региональной отрасли промышленного производства.
Ключевые слова: Корпус жандармов, жандармские офицеры, жандармский надзор, Сибирь, золотопромышленность, XIX в., наука, техника

Благодарности: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Румянцев П.П. Государственные, научные и технические интересы жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 77–84. doi: 10.17223/19988613/98/9

Original article

State, scientific and technical interests of the gendarme supervision of the Siberian gold industry in the 19th century

Petr P. Rumyantsev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, petroom@mail.ru

Abstract. A study is being conducted on the history of the establishment and implementation of gendarme supervision of the private gold industry in Siberia, which acted as a guide to the policy of the Government of the Russian Empire in the industrial sector of the economy. This study involves solving the following tasks: to establish mechanisms for the implementation of gendarme supervision; to identify the tasks that were solved during the implementation of gendarme supervision of the private gold industry in Siberia; to identify the aspects of gold mining that gendarme officers paid attention to; to answer the question why gendarme supervision was established only for the gold industry, and not for other areas of industrial production. To achieve these objectives, the following scientific methods were used: analysis, synthesis, narrative, historical-comparative and historical-genetic methods. The main sources for writing a scientific article were the gendarmerie records, which are kept in central and regional archives, some of the documents were first introduced into scientific circulation, as well as orders and orders for the gendarmerie department. In the course of the study, the following conclusions were drawn. Gendarme supervision of gold mining in Siberia is a unique phenomenon in the sphere of government policy. The gendarmerie officers who supervised them considered themselves to be the agents of the Government's economic policy. In their reports, the gendarme officers emphasized the national importance of the gold industry. The gendarmes initiated the development of the gold industry, highlighting its positive and negative sides both for the Siberian region and its inhabitants, as well as for the whole country. The gendarmes attached great importance to the technical and scientific aspects of the development of the gold mining process. Gendarme supervision had a positive impact on the development of the gold industry in Siberia: gold mining increased, the technical side of this process improved, and the number of workers' worries decreased. For this reason, the Government decided to gradually eliminate gendarmerie surveillance and switch the activities of gendarmes to other tasks, primarily conducting political investigation. Gendarme supervision was not extended to other areas of industrial production due to the lack of such a need.
Keywords: Gendarme Corps, gendarme officers, gendarme supervision, Siberia, gold mining, 19th century, science, technology

Acknowledgements: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FSWM-2024-0008.

© П.П. Румянцев, 2025

For citation: Rumyantsev, P.P. (2025) State, scientific and technical interests of the gendarme supervision of the Siberian gold industry in the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 77–84. doi: 10.17223/19988613/98/9

Жандармский надзор за золотодобычей в Сибири являлся уникальным явлением по причине установления правительственного надзора за целой отраслью промышленного производства, доминирующей в экономике огромного региона. В отечественной историографии сравнительно недавно началось изучение истории жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью, публикуются исследования, посвященные причинам возникновения данного надзора, механизмам его осуществления, обстоятельствам его свертывания, сторонам золотодобычи, которым жандармы уделяли внимание [1–6]. В представленной статье будет предпринята попытка рассмотреть жандармский надзор за сибирской золотопромышленностью с точки зрения государственных интересов, выявить научную и техническую стороны надзора, определить задачи и интересы, на реализацию которых был направлен этот надзор.

Золотопромышленность в Сибири появилась в конце 20-х гг. XIX в. как частное производство на территории Томской губернии. Стремительное развитие золотопромышленности привело к резкому увеличению количества рабочих и территориальному расширению добычи золота. В 30-е гг. XIX в. на золотых приисках как в Западной, так и в Восточной Сибири трудились десятки тысяч рабочих, большинство которых были ссыльнопоселенцами и местными крестьянами. Тем самым за короткий промежуток времени золотодобыча превратилась в самую крупную промышленную отрасль всего сибирского региона, капиталистическую по форме организации.

Внимание правительства к развитию золотопромышленности в Сибири было обусловлено следующими факторами: важностью добычи золота для казны и экономики в целом, скоплением большого количества ссыльного элемента, отдаленностью и, следовательно, слабым надзором за этой сферой производства. Со второй половины 30-х гг. XIX в. начавшиеся крупные выступления приисковых рабочих также стали одной из причин обращения внимания правительства на развитие золотодобычи в регионе. В этой связи было принято решение о необходимости учреждения жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири для защиты государственных интересов в этой сфере производства и сохранения правопорядка на золотых приисках.

Привлечение жандармов для осуществления надзора за целой отраслью производства, предприятия которой находились в труднодоступной местности и были разбросаны на огромном пространстве, можно рассматривать в качестве своеобразного эксперимента, результаты реализации которого могли привести к распространению подобного надзора на другие промышленные отрасли производства. Причины привлечения жандармов в качестве исполнителей были следующими. Корпус жандармов появился в 1827 г. и стал выполнять исполнительные функции политической полиции – III отделения императорской канцелярии. Российская империя была поделена на жандармские округа, которых к середине XIX в. насчитывалось 8. Округ состоял из 6–12 губерний и областей. В каждую такую губернию или область назначался отдельный жандармский штаб-офицер (в чине от майора до полковника включительно), при нем состоял адъютант, а также ему подчинялась жандармская команда, расположенная в губернском административном центре. Именно губернские жандармские штаб-офицеры являлись главными проводниками жандармского надзора на местах, сообщали всю важную, на их взгляд, информацию как своему непосредственному окружному начальству, так и напрямую шефу жандармов. Жандармы не входили в структуру местной власти, не подчинялись ей, а, наоборот, внимательно следили за ее действиями и в случае выявления правонарушений с ее стороны должны были сообщать своему начальству. Материальное положение жандармских чинов находилось выше такого же положения военных в действующей армии, что являлось дополнительным стимулом как для поступления на жандармскую службу, так и для добросовестного исполнения своих служебных обязанностей. Жандармские офицеры обладали информацией, которая могла быть ценной для правительства.

В 1834 г. адъютант жандармского штаб-офицера в Оренбургской губернии капитан А.К. Мишо был отправлен в Томскую губернию (в то время должность адъютанта местного жандармского штаб-офицера была вакантной) с целью проведения ревизии расположенных там золотых промыслов. По итогам своей поездки жандармский капитан представил подробный отчет, в котором в кратком виде изложил обстоятельства открытия золотых россыпей в Сибири, перечислил состоятельных на тот момент золотопромышленников, расписал положение рабочих на приисках, способы добычи и количество полученного золота с момента его открытия. По мнению жандармского чина, золотодобыча приносила большие выгоды не только сибирскому региону, но и государству в целом, так как только в 1834 г. она должна была принести доход в казну более чем 300 тыс. руб. Самая же важная заслуга золотодобычи, опять же, по мнению капитана Мишо, заключалась в устройстве на работу огромного количества ссыльных, что дало бы им возможность улучшить свое материальное положение и тем самым сократить затраты государства на их содержание [7. Л. 289–290].

Дальнейшее развитие золотопромышленности, а также рост волнений приисковых рабочих заставили жандармов обратить более пристальное внимание на эту сферу деятельности. В ежегодном отчете за 1837 г. о состоянии 8-го (Сибирского) жандармского округа его начальник генерал-майор Н.Я. Фалькенберг обращал внимание, что на золотые прииски массово нанимались не только ссыльнопоселенцы, но и крестьяне-старожилы, прельстившиеся возможностью быстрого

заработка. Данное обстоятельство вело к резкому падению сельского хозяйства и в первую очередь хлебопашества, что могло привести к резкому росту цен на местный хлеб и его дефициту, проблеме, которую нужно было решать правительству. Для предотвращения этой опасности жандармский окружной генерал предлагал на какое-то время вовсе запретить разведку и добычу золота в Восточной Сибири, вменить промышленникам набирать рабочих в первую очередь из ссыльнопоселенцев, ведя за ними строгий надзор, а из числа крестьян разрешать уходить на золотые промыслы только бессемейным, не занимающимся земледелием [8. Л. 124–127]. Однако эти предложения так и остались на бумаге, что в итоге привело к пагубным последствиям. В следующем своем годовом отчете за 1838 г. генерал-майор Фалькенберг констатировал дальнейший упадок земледелия, особенно в Енисейской губернии, где рабочие, «воротившиеся с золотых промыслов, все заработанные деньги пропили и, привыкнув или разлюбив в течение зимы земледельческую жизнь, снова законтрактовали себя на золотые промысла, соблазняя к тому и других выгодной платой и разгульной жизнью». Как следствие, в сибирских губерниях наблюдался дефицит хлеба, что привело к необходимости местным властям и промышленникам закупать его в европейской части страны и вести за Урал, в результате чего произошли большие расходы [8. Л. 170–172].

Другое предложение жандармского генерала было услышано и реализовано властью. Для охранения государственных интересов в сфере золотопромышленности Фалькенберг предлагал учредить жандармский надзор в следующем виде: жандармским штаб-офицерам в Томской и Пермской губерниях следовало три месяца в году по своему усмотрению находиться первому в Барнауле, а второму в Екатеринбурге, являвшимися центрами управления горной промышленностью в Сибири и на Урале. В феврале 1838 г. данное предложение получило поддержку со стороны императора с условием, чтобы командируемые в указанные города жандармские чины доносили шефу жандармов о результатах своих поездок. В 1839 г. жандармский штаб-офицер в Пермской губернии подполковник Д.Ф. Косинский отправился в Екатеринбург, а штаб-офицер в Томской губернии майор М.С. Шишмарев совершил поездку на золотые промыслы в своей губернии [8. Л. 128; 9. Л. 4; 10. Л. 4–7].

Временный характер подобного жандармского надзора за золотыми промыслами не мог быть эффективной мерой и к тому же отвлекал лиц его исполнявших от основных служебных обязанностей в пределах своих губерний. Требовалось учреждение постоянного жандармского надзора, и здесь сошлись интересы как самого жандармского ведомства, так и региональной власти. Инициатором учреждения постоянного жандармского надзора за частной золотопромышленностью выступил генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков. В марте 1841 г. он обратился к шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу с предложением учредить специальную должность жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Томской губернии. Примечательным представляется тот факт, что в своем докладе императору Бенкендорф сообщил, что он не может однозначно ответить «насчет необходимости испрашиваемого Горчаковым назначения», но все-таки считал это предложение полезным по той причине, «что чрез сие усилится наблюдение за золотопромышленниками, положения которых еще положительного заключения сделать нельзя, ибо отзывы по сему предмету противоречат одни другим, а между тем золотопромышленность год от года распространяется» [11. Л. 4].

Объяснить такую неоднозначную позицию шефа жандармов можно тем, что он сам с 1835 г. являлся пайщиком одной золотопромышленной компании, которая разрабатывала месторождения золота в Томской губернии (подробнее см.: [12]), и, видимо, был не в восторге от мысли, что его подчиненные могут осуществлять надзор в том числе и за его промышленными предприятиями. Вместе с тем стоит отметить, что шеф жандармов прекрасно осознавал важность золотопромышленности для развития государства и даже стремился к популяризации этой отрасли производства через научную сферу. В октябре 1840 г. Бенкендорф обратился к редактору периодического издания «Горный журнал» (выпускается с 1825 г. и по настоящее время) с вопросом о возможности публикации статьи, озаглавленной «Сибирь и золото». Выбор данного издания был достаточно очевиден по той причине, что «Горный журнал» издавался Ученым комитетом Корпуса горных инженеров, на его страницах публиковалась разносторонняя информация по горнодобывающей промышленности, в том числе связанная с золотодобычей, а сам журнал был достаточно популярен в среде ученых и специалистов по горному делу.

В предлагаемой к публикации статье речь шла о самых разных сторонах золотодобычи: о трудностях поиска и добычи золота, больших затратах, проблемах доставки на прииски оборудования, продовольственных припасов, каких-либо товаров. Большая часть статьи рассказывала о тех преимуществах, которые давала золотопромышленность как лицам, которые были в ней задействованы, начиная от рабочих и до владельцев промыслов, так и сибирскому региону и стране в целом. Успехи и выгоды развития золотодобычи в данной статье связывались с «прозорливым правительством», которое сделало самое главное – отдало процесс золотодобычи в частные руки, что способствовало стремительному ее развитию. По мнению автора статьи, причина такого решения очевидна: «золотопромышленность нельзя ставить наряду с прочими, она доставляет золото – двигатель для всех других промышленностей». Благосклонное влияние правительства на развитие золотодобычи автор статьи видел еще и в том, что оно не стало обременять промышленников серией поборов, установив только 15%-ный сбор в казну с получаемых ими дохода. Автор статьи делал вывод, что сибирская золотопромышленность находится «на блестящем пути к достижению надежд правительства; обещает несравненно более, как оно предполагало» [13. Л. 1–10].

Таким образом, прочитав текст данной статьи, можно сделать вывод, что она носила ознакомительный характер: в общих чертах раскрывала перед читателями историю появления золотодобычи в Сибири, а также знакомила с различными сторонами этого процесса. Также бросается в глаза, по сути, заказной характер статьи, написанной с позиции государственных интересов и восхваляющей действия правительства по развитию золотопромышленности. Сложно однозначно ответить, в чем заключалась заинтересованность жандармского ведомства и лично шефа жандармов в публикации этой статьи. Можно лишь предположить, что это был первый шаг на пути организации жандармского надзора за частной золотодобычей в Сибири, когда отстаивалась идея о государственной пользе золотопромышленности и приносимых ею благах, следовательно, возникала необходимость к охранению этой сферы производства. Так или иначе, но предложенная статья была отклонена от публикации с указанием причины, что «предмет сей», т.е. частная золотопромышленность в Сибири, находился на тот момент на рассмотрении Государственного Совета, «а потому при всей занимательности статьи она не может быть напечатана в журнале» [13. Л. 14].

По вопросу учреждения постоянного жандармского надзора за сибирской золотопромышленностью шефом жандармов на имя императора был составлен специальный доклад. В мае 1841 г. была учреждена должность жандармского штаб-офицера на золотых приисках в Западной Сибири, а ровно через год появилась аналогичная должность в Восточной Сибири. Согласно утвержденной должностной инструкции жандармские чины должны были ежегодно находиться на золотых промыслах с 1 мая по 1 октября, наблюдать за повиновением рабочих местным властям, а также следить, чтобы у всех рабочих были официальные разрешения наниматься на приисковую работу. Кроме того, жандармам разрешалось принимать жалобы как от хозяев промыслов, так и от рабочих, если «оные по ближайшему усмотрению заслуживают внимания правительства», а также участвовать в рассмотрении жалоб от рабочих на предмет притеснения их при расчетах с владельцами промыслов. Все обнаруженные во время объездов промыслов злоупотребления и беспорядки жандармские офицеры должны были сообщать местной полиции, а об особо важных информировать генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири, а также составлять ежегодные отчеты о состоянии местной золотопромышленности [14. Л. 2–5].

Отношение жандармов к своим обязанностям можно проследить по следующему документу. На золотые промыслы в Восточной Сибири был назначен подполковник Я.Д. Казимирский, служивший в Корпусе жандармов с 1834 г. В одном из частных писем после своего назначения он выражал надежду, что с появлением данной должности следует ожидать налаживания отношений между различными категориями приискателей, которые до этого плохо ладили. «Теперь в средину их ставят штаб-офицера Корпуса жандармов, которому хотя не дано власти, но дано право все ведать и о сем доносить Высшему правительству» – писал Казимирский и выражал надежду, что данная должность приведет к сокращению количества злоупотреблений и выступлений рабочих на золотых приисках [15. Л. 19–19 об.]. Тем самым хорошо видно, что Казимирский позиционировал себя как агента правительства, стоящего на страже государственных интересов и готового активно исполнять свои служебные обязанности. Казимирский также отстаивал идею о необходимости увеличения ассигнования казенных средств на разъезды жандармского штаб-офицера, представляющего правительственные интересы, чтобы не быть зависимым от местных золотопромышленников в вопросе снабжения лошадьми, продовольствием и остальным, необходимым для разъездов [15. Л. 62 об.].

В своих рапортах и ежегодных отчетах о состоянии местной золотопромышленности наблюдавшие за ней жандармские штаб-офицеры постоянно указывали на важность этой отрасли производства для экономики страны и всего сибирского региона. Так, в отчете о развитии золотопромышленности в Восточной Сибири за 1849 г. Казимирский в следующем виде описывал выгоду от золотодобычи с момента ее возникновения в регионе: «Это огромное количество золота, поступившее в сундуки государственного казначейства, из которых по обращении в монету около 80 млн руб. сер. разлились в частные руки не только без отягощения казны, но с явной для нее выгодой, выражает ясно всю пользу, которую золотопромышленность в Восточной Сибири приносила и приносит как для государства, так и для рабочего класса народа, обогащая при том и частные лица. <…> Рассматривая эту промышленность не как одну частную выгоду нескольких лиц, но как важный источник государственного богатства, соединяющий выгоды многих сословий и особенности выгоды местного края…» [16. Л. 107 об., 110].

Руководство жандармского ведомства с большим вниманием относилось к сведениям о сибирской золотопромышленности, которые поступали от жандармских чинов, и в своей обратной реакции неоднократно подчеркивало государственную значимость этой сферы производства и важность установленного за ней жандармского надзора. В январе 1844 г. шеф жандармов граф Бенкендорф дал высокую оценку действиям Казимирского, которые полностью удовлетворяли ожиданиям и действиям правительства, приносили пользу казне и способствовали выгоде золотопромышленников [17. Л. 165]. Чуть ранее глава политической полиции отправил министру финансов Е.Ф. Канкрину отчет жандармского подполковника Огарева о состоянии частной золотопромышленности в Томской губернии, предложив на основе содержащейся в нем информации сделать выговор купцам Рязановым за допущенные на Воскресенском прииске беспорядки и объявить благодарность золотопромышленнику Асташеву и другим лицам, отличившимся заботой о положении своих работников и точным исполнением всех правил и законов, «чтобы сим способом дать им заметить, что правительство наблюдает за их действиями» [18. Л. 1 об.].

Особое внимание со стороны жандармского надзора обращалось на техническую сторону золотопромыш-

ленности. Такая забота объясняется тем, что жандармские офицеры осознавали, что совершенствование технической части будет способствовать увеличению добычи золота в целом, сокращению эксплуатации рабочих, что, следовательно, приведет к росту доходов казны и уменьшению количества волнений со стороны рабочих. Практически в каждом годовом отчете жандармских штаб-офицеров приводилась информация о состоянии технической части на золотых приисках, количестве устройств для добычи благородного металла.

В самом первом ежегодном отчете о состоянии золотопромышленности в Западной Сибири за 1842 г. его составитель, жандармский майор И.М. Огарев, привел информацию об изобретении управляющего Аполлоновским прииском золотопромышленной компании Поповых каинском мещанина Льва Бурлакова. Со слов жандармского чина, изобретение имело достаточно простую конструкцию, так что ею мог управлять простой плотник, стоимость ее составляла около 1 200 руб., что было дешевле других механических устройств, применяемых при добыче золота, а суточная промывка песка на ней в несколько раз превышала такие же показатели прочих машин [18. Л. 19].

Руководство жандармского ведомства по достоинству оценило изобретение Бурлакова и инициировало вопрос о государственном награждении последнего. Предложение это было поддержано томским губернатором (одновременно он являлся главным начальником Алтайских горных заводов) С.П. Татариновым, который обратился к главноуправляющему Корпуса горных инженеров с перечислением достоинств изобретения Бурлакова. Более того, Ученый комитет Корпуса горных инженеров признал, что «машина Бурлакова» по своим производственным качествам превосходит все известные к тому времени золотопромывальные машины, заслуживает особого внимания, в том числе возможна публикация чертежа в Горном журнале. Министр финансов Канкрин в феврале 1843 г. обратился со специальным докладом на имя монарха по вопросу о награждении Бурлакова серебряной медалью с надписью «За полезное» для ношения на Анненской ленте. В докладе были перечислены все достоинства изобретения, а также указано, что планируется его использование не только в частной золотопромышленности, но и на казенных золотых приисках Алтайского горного округа. Со стороны монарха последовало согласие, и в том же году мещанин Бурлаков получил свою награду [18. Л. 40–41 об., 49–59].

Из представленного примера видно, что не без помощи жандармов изобретение Бурлакова было по достоинству оценено не только самими приискателями, но и ученым сообществом, специалистами горного дела. В дальнейшем жандармы наблюдали за практическим применением данного изобретения, по-прежнему указывали на его достоинства, как, например, то, что изготовление машины потребует не более одного дерева, а также на легкость в применении, использование меньшего количества работников, чем для других промывающих машин, и возможность использования на золотых промыслах в Восточной Сибири [17. Л. 18; 19. Л. 10 об.].

Изучение делопроизводственной переписки показывает, что чины Корпуса жандармов внимательно наблюдали за техническим совершенствованием процесса золотодобычи. В конце 50-х гг. XIX в. минусинский купец Пакулев изобрел специальное устройство для промывки песков при использовании большого напора воды. Данный способ добычи золота стал именоваться «пакулевским». Однако его не везде можно было применить. В отчете о состоянии золотопромышленности за 1859 г. в Енисейской губернии жандармский подполковник Н.И. Борк указывал, что пакулевский способ применялся на 45 приисках, однако результат добычи золота не оправдал ожиданий, так как, со слов опытных золотопромышленников, нужны определенные условия для применения этого способа. По словам Борка, такую позицию поддержали два горных инженера, командированных Министерством финансов из Уральских заводов на частные золотые промысла Енисейской губернии для подробного изучения всех способов промывки золота [20. Л. 13 об.–14]. Приведение только такого отрицательного мнения можно рассматривать как скептическое отношение самого жандармского чина к пакулевскому способу добычи золота.

Гораздо больший резонанс в золотопромышленном мире наделало другое изобретение, получившее название «песковоз Лопатина», в судьбе которого жандармское ведомство приняло самое непосредственное участие. В 1859 г. золотопромышленник Александр Николаевич Лопатин на приисках в Енисейской губернии изобрел ленточный механизм для транспортировки золотосодержащих песков к промывающим машинам, а промытых песков – в отвал. Вокруг этого изобретения в периодической печати того времени развернулась нешуточная полемика: одни выражали свое восхищение песковозом, другие же прямо обвиняли Лопатина в том, что он заимствовал идею своего изобретения у французского инженера Ф. Лессепса, который использовал что-то подобное при строительстве Суэцкого канала. Инженер Лавровский заявлял, что еще в 1856 г. он применял принцип непрерывного движения лент на Наркизовском прииске золотопромышленной компании Зотовых [21. С. 7].

Отстаивая свое детище, Лопатин обращался в самые различные инстанции и к должностным лицам, в том числе и к жандармам, которые уже знали об этом изобретении. Упомянутый подполковник Борк в одном из своих отчетов приводил словесное описание песковоза, указывая на простоту механизма и возможность его использования от любой реки, и в целом давал высокую оценку, считая, «что нет сомнения, что он оставит за собой все старые и новые способы» при добыче благородного металла [20. Л. 14–15]. В своем рапорте на имя начальника 8-го (Сибирского) жандармского округа генерал-майора Я.Д. Казимирского подполковник Борк приводил доводы о уникальности изобретения Лопатина, что он не мог заимствовать идеи у Лессепса и еще кого-либо. В качестве доказательства Борк указывал на тот факт, что Лопатин обнародовал информацию о своем изобретении до получения привилегии на ее производство, а поэтому, делал

вывод жандармский чин, песковоз заслуживает покровительства со стороны правительства [22. Л. 1а–1а об.].

Необходимо отметить, что сам Лопатин был давно известен жандармам как деятельный, успешный приискатель, стремившийся к механизации процесса добычи золота. Еще в отчете за 1844 г. Казимирский в качестве успешного ведения дел приводил пример Викторовского прииска на реке Коломи Компании Базилевского под управлением отставного губернского секретаря Лопатина. Последний в течение трех лет «терпеливо выравнивал свое дело, приучая в то же время рабочих к безусловному повиновению и усердию», что дало положительный результат: за указанный год на прииске силами 581 рабочего при использовании 10 золотопромывательных бочек было промыто 3 540 310 пудов земли, добыто золота 30 пудов 33 фунта, в то время как в 1843 г. на нем же при двух золотопромывательных бочках и 12 бутарах было добыто 12 пудов 4 фунта золота [17. Л. 159; 19. Л. 64].

Уже в должности начальника жандармского округа в Сибири Казимирский обратился к восточносибирскому генерал-губернатору графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому с просьбой оказать покровительственную поддержку Лопатину и его изобретению, так как оно являлось оригинальным результатом его многолетних трудов и могло принести много пользы в золотопромышленном процессе. Муравьев-Амурский внял всем доводам, поступавшим от разных лиц в поддержку Лопатина, и обратился к директору Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов А.И. Бутковскому с просьбой ускорить дело о выдаче А.Н. Лопатину привилегии на его изобретение [22. Л. 26–28, 33]. В итоге в 1861 г. Лопатин данную привилегию получил.

Жандармские чины выдвигали предложения по совершенствованию процесса золотодобычи. Так, например, в одном из своих отчетов полковник Казимирский предлагал на правительственном уровне поддержать изобретение горного ревизора частных золотых промыслов Енисейского округа подполковника Клейменова, заключавшееся в создании специального снаряда, в котором с помощью размещенной в нем ртути удерживались мельчайшие частицы золота, смываемые мутной водой после промывки золотосодержащих песков [22. Л. 166–167]. Полковник Мосолов предлагал на каждой золотоносной системе иметь одного или двух механиков, в обязанность которых входило бы содержание в исправном состоянии всех золотопромышленных машин и механизмов, а также «руководство при постройке таковых на всех приисках» [22. Л. 490].

Других существенных совершенствований в процессе добычи золота в Сибири жандармами отмечено не было, а наоборот, в своих донесениях они констатировали невысокий уровень технической оснащенности золотопромышленных предприятий. В отчетах о состоянии частной золотопромышленности в Западной Сибири, составленных полковником Д.Г. Пономаревым, часто встречается следующая фраза: «Работы производились по примеру прежних лет теми же средствами, новых механический изобретений не было» [23. Л. 3 об.]. В отчете о состоянии частной золотопромышленности в Восточной Сибири за 1856 г. полковник В.А. Мосолов указывал, что на большинстве приисках при добыче золота используются механизмы и машины, созданные на заре золотопромышленности, «которые изобретены без пособия науки, как бы ощупью, наглядно», следовательно, делал он вывод, они не в состоянии приносить большую пользу и экономию в живой силе. Далее жандармский чин задавал следующий вопрос: «Но в той ли степени идет это усовершенствование, в какой можно было бы ожидать и от постепенно приобщающейся опытности золотопромышленных деятелей, и от мощи современной механики, играющей во всяком заводском и фабричном деле такую важную роль?» Однозначный ответ на этот вопрос, по мнению Мосолова, дать крайне сложно [16. Л. 489–491 об.].

Заинтересованность жандармских чинов в техническом совершенствовании процесса золотодобычи была связана с государственными интересами: наблюдался рост добычи золота, снижалась социальная напряженность в среде приискателей. Одним из следствий указанных явлений стала ликвидация в 1858 г. должности двух жандармских штаб-офицеров на золотых промыслах в Западной и Восточной Сибири по причине отсутствия в них к тому времени острой необходимости. Однако сам жандармский надзор за золотодобычей сохранялся: теперь он возлагался на жандармских штаб-офицеров в Томской, Енисейской и Иркутской губерниях (с 1867 г. – начальников жандармских управлений этих же губерний), которым выделялись средства для ежегодного объезда золотых приисков, расположенных в указанных губерниях, с целью обзора и составления ежегодных отчетов о состоянии местной золотопромышленности.

Осуществление надзора за золотыми промыслами для губернских жандармских штаб-офицеров было дополнительным и обременительным занятием по причине их загруженности другими служебными обязанностями. Ситуация осложнялась еще и тем фактором, что указанные должности замещались офицерами, переведенными из европейской части страны, которые могли ничего не знать про золотопромышленность, как и в целом про сибирский регион. Погружаться в нюансы приискового дела им было не с руки по той причине, что их могли перевести на новое место службы. Жандармский полковник В.О. Янковский, занимавший должность начальника Иркутского губернского жандармского управления в 1874–1880 гг., следующим образом описывал характер жандармского надзора за частной золотопромышленностью на подведомственной ему территории: «Недопущение появления злонамеренных лиц с целью распространять смуты между рабочими и устранение недоразумений между управлениями и рабочими, недопущение притеснений со стороны управлений или неповиновения и стачек рабочих, а равным образом ограничение распространения торговли спиртом и хищническим золотом». Далее жандармский чин делал вывод, что этими же обязанностями занимались чины местной полиции [24. Л. 22].

Из приведенного примера становится понятно, что в первую очередь жандармских чинов должна была

интересовать социальная сторона золотопромышленности, все, что связано с рабочими и их положением на приисках. По этой причине жандармские чины в 60–70-х гг. XIX в. фактически уже не обращали внимания на техническую сторону золотодобычи, которая была слабо отражена в их отчетной документации в отличие от прежних, «приисковых» жандармских офицеров, таких как Д.Г. Пономарев, Я.Д. Казимирский и В.А. Мосолов, годами занимавших эту должность и хорошо разбиравшихся во многих нюансах золотопромышленного дела (первые двое даже дослужились до чина генерал-майора, хотя своеобразным потолком на этой должности был чин полковника).

На рубеже 70–80-х гг. XIX в. правительство пришло к выводу о необходимости снятия с жандармов обязанности осуществления надзора за частной золотопромышленностью в Сибири, тем более что эта функция, как только что сообщалась, дублировалась местной полицией. Жандармерия превратилась в главный орган политического сыска правительства, для его реализации и следовало использовать жандармских чинов на местах. В 1884 г. согласно специальному приказу по Сибирскому жандармскому округу ассигнование средств для разъездов по золотым приискам было прекращено, «специальный надзор за частной золотой промышленностью со стороны начальников Иркутского, Енисейского и Томского губернских жандармский управления [стал] необязательным, а жандармские чины в районе частной золотопромышленности должны исполнять только общие обязанности жандармской службы» [25. Л. 63].

Подведем итоги. Жандармский надзор за золотопромышленностью в Сибири являлся уникальным явлением по причине его установки в качестве правительственной меры за отдельной отраслью промышленного производства. Для осуществления надзора была учреждена должность двух жандармских штаб-офицеров на золотых приисках в Западной и Восточной Сибири. С самого начала функционирования данного надзора осуществлявшие его жандармские чины считали себя проводниками правительственной политики в области экономики. Занимавшие эту должность лица погружались в нюансы золотопромышленного дела, хорошо в нем разбирались. Жандармы выходили за рамки своих полномочий, установленных специальной инструкцией, не ограничивались только поддержанием порядка в среде приискателей, борьбой с такими негативными явлениями, как хищничество золота, тайная продажа его и спиртных напитков. В своих донесениях о состоянии золотого промысла в Сибири жандармские чины акцентировали внимание на государственной важности золотопромышленности и выполняемых ими функций надзора за ней. Жандармы выступали с инициативой развития золотопромышленности, выделяли положительные и отрицательные стороны этой отрасли, имевшие значение как для сибирского региона и его жителей, так и для всей страны в целом. Большое значение жандармы придавали технической и научной сторонам развития процесса золотодобычи, считая их взаимосвязанными. В своих донесениях жандармские чины неоднократно поднимали вопрос о необходимости совершенствования технической стороны добычи золота. Жандармы поддерживали лиц, которые вносили усовершенствования в процесс золотодобычи, а также высоко оценивали сами изобретения, инициировали вопрос о правительственном поощрении изобретателей и новаторов, выступали за внедрение их изобретений в производство. В целом жандармский надзор положительным образом сказывался на развитии различных сторон золотопромышленности в Сибири: росла добыча золота, совершенствовалась техническая сторона этого процесса, снижалось количество волнений рабочих. В этих обстоятельствах правительством было принято решение о постепенном свертывании жандармского надзора и переключении деятельности жандармерии в Сибири на другие задачи, в первую очередь на осуществление политического сыска.

Список источников

1. Бибиков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 16–24. doi: 10.17223/19988613/41/3
2. Бибиков Г.Н. «Чтобы рабочие люди, на промыслах находящиеся, состояли в надлежащем повиновении местным властям». Инструкции жандармским штаб-офицерам на золотых промыслах Западной и Восточной Сибири. 1842 г. // Исторический архив. 2017. № 2. С. 166–171.
3. Rumyantsev P.P. The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power) // Bylye Gody. 2017. Vol. 44, is. 2. P. 487–494. doi: 10.13187/bg.2017.2.487
4. Румянцев П.П. Обстоятельства появления жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2018. Т. 26. С. 26–33. doi: 10.26516/2222-9124.2018.26.26
5. Румянцев П.П. Участие чинов жандармского ведомства в совершенствовании технической базы золотопромышленности в Сибири в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 86–94. doi: 10.18384/2310-676X-2018-3-86-94
6. Румянцев П.П. Прекращение жандармского надзора за частной золотопромышленностью в Сибири в 80-е гг. XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190110
7. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 3238.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 13. Д. 249л._Д.
9. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 13. Д. 39.
10. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 15. Д. 75.
11. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541.
12. Румянцев П.П. Золотопромышленная деятельность и золотопромышленное наследство А.Х. Бенкендорфа // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2021. № 1. С. 63–74.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 39. Д. 305.
14. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2017.
15. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542.
16. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 78. Д. 19.

17. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 593.
18. РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 169.
19. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 635.
20. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 90. Д. 89.
21. Иркутские губернские ведомости. 1860. Отд. 2. Часть неофициальная.
22. Государственный архив Иркутской области. Ф. 712. Оп. 1. Д. 1115.
23. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17770.
24. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 1125.
25. ИсАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Bibikov, G.N. & Baksht, D.A. (2016) The Establishment of Gendarmerie Supervision at the Gold Mines of Siberia in 1841–1842. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 16–24. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/41/3
2. Bibikov, G.N. (2017) "Chtoby rabochie lyudi, na promyslakh nakhodyashchiesya, sostoyali v nadlezhashchem povinovenii mestnym vlas-tyam." Instruktsii zhandarmskim shtab-ofitseram na zolotykh promyslakh Zapadnoy i Vostochnoy Sibiri. 1842 g. ["So that the workers at the mines remain in proper obedience to the local authorities." Instructions to Gendarmerie Staff Officers at the Gold Mines of Western and Eastern Siberia. 1842]. *Istoricheskiy arkhiv*. 2. pp. 166–171.
3. Rumyantsev, P.P. (2017) The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power). *Bylye Gody*. 44(2). pp. 487–494. doi: 10.13187/bg.2017.2.487
4. Rumyantsev, P.P. (2018) Obstoyatel'stva poyavleniya zhandarmskogo nadzora za chastnoy zolotopromyshlennost'yu v Vostochnoy Sibiri [The Circumstances of the Appearance of Gendarmerie Supervision over Private Gold Mining in Eastern Siberia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 26. pp. 26–33. doi: 10.26516/2222-9124.2018.26.26
5. Rumyantsev, P.P. (2018) Uchastie chinov zhandarmskogo vedomstva v sovershenstvovanii tekhnicheskoy bazy zolotopromyshlennosti v Sibiri v seredine XIX v. [The Participation of Gendarmerie Department Officials in Improving the Technical Base of the Gold Mining Industry in Siberia in the Mid-19th Century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 3. pp. 86–94. doi: 10.18384/2310-676X-2018-3-86-94
6. Rumyantsev, P.P. (2019) Prekrashchenie zhandarmskogo nadzora za chastnoy zolotopromyshlennost'yu v Sibiri v 80-e gg. XIX v. [The Cessation of Gendarmerie Supervision over Private Gold Mining in Siberia in the 1880s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26(1). pp. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190110
7. The Historical Archive of the Omsk Region (IsAOO). Fund 3. List 2. File 3238.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 13. File 249l._D.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 13. File 39.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 15. File 75.
11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 541.
12. Rumyantsev, P.P. (2021) Zolotopromyshlennaya deyatel'nost' i zolotopromyshlennoe nasledstvo A.Kh. Benkendorfa [Gold Mining Activity and the Gold Mining Heritage of A.Kh. Benckendorff]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 1. pp. 63–74.
13. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 39. File 305.
14. The Historical Archive of the Omsk Region (IsAOO). Fund 3. List 2. File 2017.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 542.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 78. File 19.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 593.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 64. File 169.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 635.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 90. File 89.
21. *Irkutskie gubernskie vedomosti.* (1860)
22. The State Archive of Irkutsk Region. Fund 712. List 1. File 1115.
23. The Historical Archive of the Omsk Region (IsAOO). Fund 3. List 12. File 17770.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 79. File 1125.
25. The Historical Archive of the Omsk Region (IsAOO). Fund 270. List 1. File 1.

***Сведения об авторе*:**
Румянцев Петр Петрович – доктор исторических наук, доцент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: petroom@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Rumyantsev Petr P. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: petroom@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 14.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья
УДК 94(100)
doi: 10.17223/19988613/98/10

Создание и реорганизация Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях (1945–1963 гг.)

Алексей Игоревич Готка

Томский государственный университет, Томск, Россия, gotka.aleksey@gmail.com

Аннотация. Рассматривается роль ООН в осмыслении и реализации деколонизации на примере Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях. Выделены этапы реорганизации Комитета и предложена периодизация процесса. Показано, каким образом колониальные державы ограничивали деятельность Комитета, а антиколониальные государства обосновывали расширение его полномочий. Подчеркивается, что участники Комитета видели его главную роль в легитимации различных подходов к деколонизации, а не в практическом содействии достижению самоуправления. Аналогичная закономерность прослеживается и в деятельности ООН в целом.
Ключевые слова: колониальный вопрос, реорганизация ООН, Четвертый комитет, несамоуправляющиеся территории, деколонизация

Для цитирования: Готка А.И. Создание и реорганизация Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях (1945–1963 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 85–93. doi: 10.17223/19988613/98/10

Original article

Formation and reorganization of the Committee on Information on Non-Self-Governing Territories (1945–1963)

Aleksey I. Gotka

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, gotka.aleksey@gmail.com

Abstract. This article examines the history of the establishment and reorganization of the Committee on Information from Non-Self-Governing Territories between 1945 and 1963. The study aims to identify the key stages of its transformation and analyses how this process was justified by both colonial and anti-colonial states. The topic remains understudied in both Russian and international historiography, yet it is highly relevant in the context of contemporary geopolitical shifts, particularly the rise of the Global South and the growing discourse on a multipolar world order.

The research relies primarily on UN documents, including yearbooks, meeting records, and resolutions. Supplementary sources include opinion pieces by Belgian and British authors.

The first section outlines the study's relevance, objectives, and a review of sources and literature.

The second section explores the Committee's formation, emphasizing that its creation in 1947 stemmed from ambiguous definitions of «non-self-governing territories» in the UN Charter. Afro-Asian states leveraged this ambiguity to establish a temporary oversight body targeting colonial powers, while the latter sought to restrict its mandate, arguing that such territories fell under imperial sovereignty.

The third section examines the expansion of the Committee's powers. Afro-Asian members justified this as streamlining the UN's work. After 1955, they pushed for accelerated self-governance transitions. Colonial powers countered through the «Belgian thesis», which posited that any population lacking full political rights qualified as «non-self-governing». To neutralize this, anti-colonial actors advanced the «saltwater thesis» asserting that only overseas territories (geographically separated by sea) met the criteria.

The final section discusses the Committee's dissolution. Following Resolution 15/14, a new body with broader authority was created to oversee decolonization. Afro-Asian states lobbied to disband the Committee, while colonial powers attempted to undermine the new organ's legitimacy. Their efforts failed, and the Committee was formally dissolved in 1963. The article emphasizes that the Committee was important primarily as an instrument for legitimizing colonial and anti-colonial policies.

© А.И. Готка, 2025

The implementation of specific measures was a secondary task. The example of the Committee is indicative and can be used to understand the role of the UN in the decolonization process as a whole.
Keywords: colonial issue, the reorganization of the UN, Fourth committee, non-self-government territory, decolonization

For citation: Gotka, A.I. (2025) Formation and reorganization of the Committee on Information on Non-Self-Governing Territories (1945–1963). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 85–93. doi: 10.17223/19988613/98/10

Постановка проблемы

С 26 по 27 августа 2024 г. по инициативе Специального комитета ООН по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам на Британские Виргинские острова была отправлена миссия с целью изучения деятельности британской администрации по достижению местным населением самоуправления. Комиссия, позитивно оценив деятельность в сфере экономики, социального обеспечения и образования, постановила продолжать усилия по реализации Резолюции 1514 (XV) [1. С. 25–28]. Спустя более 60 лет после принятия резолюции процесс деколонизации остается нерешенной проблемой и продолжает оказывать влияние на систему международных отношений. Он обретает новую актуальность в контексте экономического и политического усиления стран Глобального Юга и все чаще звучащего нарратива о построении многополярного мира.

Исследователи отмечают многоаспектность деколонизации и множественность форм ее проявления. Американский историк Раймонд Ф. Бетс рассматривал богатую историю развития понятия «деколонизация» и показал ее политические, экономические, социальные и культурные стороны [2. P. 25–35]. Такая многоаспектность приводит к утрате первоначальной политической сущности феномена. В связи с этим российский исследователь А.Л. Бовдунов заявил о необходимости комплексного переосмысления понятий, связанных с колониальным вопросом [3. С. 652–656]. Действительно, феномен, который перекроил политические карты, нарушив почти пять столетий единоличного доминирования Запада, не имеет четкого и строгого определения. Один из подходов – формулировка ООН, согласно которой под деколонизацией следует понимать достижение политического суверенитета населением территории, ранее находившейся под колониальной властью. «Финалом» в данном случае считается получение членства в ООН, свидетельствующее о признании со стороны международной общественности [4]. Однако недостаточность данного определения очевидна. Как быть с неоколониальными практиками и экономической зависимостью бывших колоний от европейских государств? Как воспринимать сохранившееся колониальное мышление, которое изучают авторы постколониальных исследований? Возможно ли применять термин «деколонизация» в отношении стран, которые не были замечены за колониальными практиками? Последний вопрос имеет практическую значимость, поскольку обвинения в колониализме звучат в адрес Российской Федерации, соседствуя с призывами к деколонизации нашего государства [5. С. 28–29].

Обращение к опыту ООН позволит проследить, как в стенах международной организации проходили дебаты, в ходе которых представители колониальных и антиколониальных стран высказывали собственное видение колониального вопроса и приходили к компромиссу по поводу механизмов его решения. Изучение этих дискуссий будет способствовать уточнению сущности деколонизации через подробное освещение механизмов ее реализации, развивавшихся в ходе дискуссий в ООН. Комитет по информации о несамоуправляющихся территориях (далее – Комитет по информации) выступает удачным примером, поскольку позволяет проследить, как афро-азиатские страны продвигали повестку деколонизации и использовали ее для усиления собственной позиции в органе, который первоначально даже не предусматривался Уставом ООН [6].

Существует значительный корпус исследовательской литературы, посвященной антиколониальной деятельности ООН, при этом доминирует представление о позитивной роли организации в содействии деколонизации, которое преимущественно связывается с принятием Резолюции 1514 (XV) [4]. Как отмечает американская исследовательница С. Саид, специалисты излишне концентрируются на объявленном «Годом Африки» 1960 г. и уделяют недостаточно внимания тому, как антиколониальные требования оформлялись и оспаривались в Организации Объединенных Наций, как оправдывалось продолжающееся правление европейских колониальных держав [7].

В исследовательской литературе Комитет по информации рассматривали американские исследователи. Например, Я. Эль-Аюти, изучал юридические аспекты оформления Комитета [8], Дж.Л. Пирсон анализировала усилия колониальных держав по защите своих империй на площадке ООН [9]. Частично деятельность Комитета затрагивал в своих работах советский исследователь Э.А. Поздняков, посвятивший труды изучению афро-азиатской группы [10]. Предпосылки возникновения дебатов о Комитете исследовал британский историк М. Мазовер в работе об идеологических основаниях ООН [11]. При этом существующие исследования не рассматривают процессы формирования и доминирования антиколониальных дискурсов в рамках международной организации. Хотя Комитет являлся лишь одним из инструментов деколонизации, его значение было существенным, поскольку он позволял влиять на внутренние дела империй не только в кризисные периоды, но и в моменты относительной стабильности.

Изучение деятельности Комитета способствует более глубокому пониманию роли ООН в реализации и осмыслении процессов деколонизации. Это, в свою очередь, позволяет лучше теоретизировать международные процессы послевоенного мира в контексте эволюции биполярной системы международных отно-

шений. Таким образом, цель данного исследования – выделить основные этапы реорганизации Комитета и рассмотреть, какие аргументы использовали антиколониальные страны для обоснования реформ и как колониальные страны противостояли этому. Исследование проводится на материалах Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях. Источниками исследования выступают документы делопроизводства Организации Объединенных Наций, опубликованные на официальном сайте ООН и на сайте электронной библиотеки ООН: ежегодники ООН, стенограммы дебатов Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях и резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. Также используются публицистические работы, написанные участниками рассматриваемых дискуссий.

Создание Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях (1946–1948)

Устав ООН на момент вступления в силу 24 октября 1945 г. включал две категории зависимых территорий: несамоуправляющиеся и подопечные [12]. Первая категория применялась для обозначения колоний западных держав, сам Устав не содержал формулировку «колония». Группа подопечных территорий включала: 1) подмандатные территории Лиги Наций; 2) территории, отторгнутые от государств стран «оси» по итогам Второй мировой войны; 3) территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление. Для государств, управлявших подопечными территориями, была четко установлена цель – привести население этих территорий к самоуправлению. Для контроля над ее исполнением был создан специальный орган – Совет по опеке [12].

В отношении несамоуправляющихся территорий предусматривалась обязанность оказывать содействие благополучию их населения и передавать информацию о территориях Генеральному секретарю. Конкретных рекомендаций или определения термина «благополучие» при этом не приводилось. На первой же сессии ГА ООН возникла проблема определения несамоуправляющихся территорий. В Уставе не были приведены четкие критерии, позволяющие определить, является ли какая-либо территория несамоуправляющейся. В феврале 1946 г. была принята Резолюция 9 (I), которая поручала Генсеку ООН включать в его годовой отчет информацию о положении несамоуправляющихся территорий [13]. В июле 1946 г. Генеральный секретарь Трюгве Ли запросил у ГА ООН перечень факторов для определения несамоуправляющихся территорий, список существующих несамоуправляющихся территорий, конкретные указания о виде и форме передаваемой информации [14].

Вопрос был передан в Четвертый комитет Генеральной Ассамблеи, где был создан специальный подкомитет из 19 стран для решения запроса. Управляющие державы (Австралия, Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Соединенное Королевство и США) перечислили 74 территории, которые считались несамоуправляющимися [15]. Однако западные державы не указали критерии, которыми руководствовались при составлении списка. Колониальные страны также настаивали, что им следует передавать лишь статистические данные, так как запросы дополнительной информации могли нарушить п. 7 ст. 2 Устава ООН, который ограничивал организацию от вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства [8. P. 82].

Представитель Китая подчеркнул, что для помощи Генеральному секретарю в подготовке и систематизации доклада требуется компетентный орган. С китайской точки зрения, таким органом естественным образом должен был стать Совет по опеке [8. P. 93]. Колониальные страны, опасаясь ассоциаций подопечных и несамоуправляющихся территорий, выразили несогласие, указав, что функции Совета по опеке четко прописаны в Уставе [8. P. 94].

Компромиссом стало предложение кубинского делегата о создании временного комитета, состоявшего из восьми представителей колониальных и восьми представителей неколониальных стран, избиравшихся голосованием на сессии Генассамблеи. Задача этого органа заключалась в систематизации информации от Генсека и подготовке соответствующего доклада для сессии ГА ООН [8. P. 97–98]. По итогам работы комитета в ноябре 1947 г. была принята резолюция 142 (II), содержавшая форму, предназначенную служить руководством для государств-членов ООН при подготовке информации для передачи. Форма включала пять пунктов: общая информация; социальная условия; положение в области просвещения; экономические условия; фотографии и другие материалы, могущие служить информацией [16].

Управляющие державы рассчитывали, что Комитет будет упразднен после того, как разработает регламент сбора информации. Антиколониальные державы рассматривали возможность продления его мандата. Уже в 1948 г. делегаты Индии и СССР заявили, что Комитет должен работать до полного исчезновения колониальных отношений, и предложили придать ему постоянный статус [8. P. 106]. Метрополии возразили, что это нарушит Устав ООН, где все постоянные органы уже определены. В результате было принято компромиссное решение о продлении работы Комитета на один год [17].

Дебаты возобновились в 1949 г. Антиколониальные страны требовали создать постоянный орган, колониальные державы отказывались продлевать мандат Комитета. Итогом стало принятие предложения США, которые выступили с компромиссным предложением – создать комитет с трехлетним мандатом, который ежегодно рассматривал бы определенные аспекты несамоуправляющихся территорий: состояние образования; экономическую политику; социальное развитие [18].

Выделение США из общей группы колониальных держав обозначило раскол среди управляющих стран на европейские (Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды) и тихоокеанские (США, Новая Зеландия, Австралия) колониальные державы. Последние более благожелательно относились к сотрудничеству с уме-

ренными антиколониалистами и допускали расширение полномочий Комитета.

Другим важным вопросом стала передача информации о политическом представительстве и соблюдение прав человека на несамоуправляющихся территориях. В 1947 г. антиколониальные державы подняли вопрос о поощрении членов Комитета, добровольно предоставляющих такую информацию [9. P. 533.]. Вопрос был сформулирован так, чтобы не затрагивать права колониальных держав напрямую. Хотя это и не расширяло полномочия Комитета, но обозначало желаемую политику для управляющих стран и закладывало базу для последующего расширения полномочий. Делегат Индии отметил, что предоставление политической информации является логичным решением, поскольку позволяет проследить эффективность мер в экономической, социальной и образовательной сферах [19]. Колониальные государства выступили против, вновь ссылаясь на недопустимость нарушения Устава ООН. Представитель Австралии отметил, что добровольное участие управляющих стран в работе Комитета следует поощрять невмешательством в их внутриполитические и конституциональные вопросы [9. P. 535].

На этом этапе дискуссии антиколониальные страны, за исключениями Индии и СССР, избегали использования риторики деколонизации. В ходе дебатов их представители критиковали не колониальную систему как таковую, а нечеткость формулировок Главы XI Устава ООН. Основной аргумент в пользу создания Комитета заключался в оптимизации работы организации – новый специальный орган должен был помогать Генсеку систематизировать полученную информацию, освобождая его для другой работы, а в дальнейшем мог бы предоставлять ГА ООН ценную информацию по улучшению положения несамоуправляющихся территорий. Колониальные державы же апеллировали к возможным издержкам: увеличению финансовой и кадровой нагрузки; появлению опасного прецедента пересмотра Устава.

Расширение полномочий Комитета по информации (1949–1960)

В 1947–1948 гг. метрополии в одностороннем порядке исключили из изначального списка 74 несамоуправляющихся территорий 16 субъектов и перестали передавать о них информацию в ежегодных отчетах. Колониальные державы ограничились комментариями лишь по отдельным случаям. Так, Великобритания заявила, что Мальта обладает полным внутренним самоуправлением, ограниченным лишь во внешнеполитической сфере, и поэтому не может считаться несамоуправляющейся территорией [20. P. 3]. Французское правительство утверждало, что все территории, вошедшие в 1946 г. во Французский Союз, не являются несамоуправляющимися, поскольку их население пользуется равными правами с гражданами метрополии [20. P. 4]. Со своей стороны, США подчеркивали, что вопрос статуса Панамского канала относится исключительно к сфере двусторонних отношений между Соединенными Штатами и Республикой Панама [21. P. 2]. Таким образом, управляющие державы стремились защитить наиболее важные для себя зависимые территории от нежелательного внешнего внимания. На заседании Комитета в 1949 г. делегат Индии отметил, что Генеральный секретарь должен быть проинформирован о любых конституционных изменениях между зависимыми территориями и правительством метрополии, одностороннее прекращение передачи информации крайне нежелательно [8. P. 169]. Индию поддержал Египет, предложив разработать критерии, которые позволили бы Четвертому комитету самостоятельно решать, следует ли какой-либо державе прекращать передачу информации [8. P. 175]. Советский Союз заявил о необходимости принятия резолюции, закрепляющей статус несамоуправляющихся территорий до момента, пока Генассамблея не постановит, что территория достигла самоуправления [8. P. 174]. Однако дискуссии долгое время не приносили результатов. Лишь в 1951 г. на шестой сессии ГА ООН антиколониальным державам удалось принять резолюцию, предоставившую Комитету полномочия по рассмотрению и изучению критериев для прекращения передачи информации [22].

В ходе работы в 1952 г. Комитет по информации выделил два варианта достижения самоуправления: интеграция с метрополией; достижение независимости с признанием в качестве субъекта международных отношений. Были также определены критерии достижения самоуправления: полная ответственность в международных отношениях; членство в ООН; самостоятельность в национальной обороне; свобода населения в выборе формы управления; законодательный, исполнительный и судебный суверенитет; автономия в экономической и культурной сферах; правовое равенство с населением метрополии в случае интеграции [23].

Упоминание политической независимости вызвало беспокойство колониальных стран, которые начали корректировать свою политику в отношении Комитета. Бельгия попыталась изменить ход реорганизации Комитета через расширенное толкование термина «несамоуправляющиеся территории». В ходе выступлений бельгийских политиков – министра иностранных дел Бельгии П. ван Зеланда, представителя Бельгии в ООН Дж. Нисота и представителя Бельгии в Совете по опеке П. Рейкманса – была сформулирована позиция, получившая название «бельгийский тезис». Бельгийцы утверждали, что колониализм ушел в прошлое, и население зависимых территорий более не подвергается эксплуатации [24. P. 7]. Они настаивали, что обязательства по Главе XI Устава должны распространяться на все территории, народы которых еще не достигли самоуправления и находятся в положении, аналогичном колониальному. В качестве примеров Бельгия указала на положение коренных американцев в США и латиноамериканских странах [24. P. 9–17]. Бельгийцы предлагали расширить полномочия Комитета, включив в его компетенцию вопросы меньшинств и угнетенного населения в неколониальных странах [24. P. 18–29].

Афро-азиатские страны отвергли попытки Бельгии расширить категорию несамоуправляющихся террито-

рий. Они выдвинули «тезис соленой воды», согласно которому статус «несамоуправляющийся» требовал географической обособленности, наилучшим примером которой являлось разделение морем или океаном [8. P. 77–78]. Этот подход позволял предоставлять независимость территориям, не нарушая целостности существующих государств. Благодаря численному превосходству афро-азиатских стран в ООН данный тезис стал доминирующим и был закреплен в Резолюции 1541 (XV) [25].

В 1952 г., когда трехлетний мандат Специального комитета подходил к концу, его полномочия были продлены еще на три года, а сам он получил официальное название «Комитет по информации о несамоуправляющихся территориях». Это символизировало переход от временного к постоянному статусу работы, поскольку стало очевидно, что антиколониальные державы смогут продлевать его мандат [26].

На фоне следующих международных кризисов произошла радикализация настроений антиколониальных стран. К ключевым событиям этого периода относятся Первая индокитайская война 1946–1954 гг., спор о принадлежности Западной Новой Гвинеи 1950–1954 гг., колониальная война в Алжире 1954–1962 гг., Суэцкий кризис 1956 г. Эти конфликты показали, что мирная деколонизация – не единственный возможный сценарий. В апреле 1955 г. произошло знаковое событие для формирования так называемого «Третьего мира» – изначально совокупности получивших независимость слаборазвитых африканских и азиатских стран, а с середины 1950-х гг. развивающегося международного объединения, которое противопоставляло себя как «западному», так и «восточному» блоку [27. P. 309]. В индонезийском городе Бандунге состоялась международная конференция, которая официально закрепила создание единого фронта народов Азии и Африки и способствовала формированию афро-азиатской группы в ООН [10]. Антиколониальные страны перешли к новому этапу борьбы, сделав предметом дебатов расширение полномочий Комитета [8. P. 149–157]. Давление на колониальные державы усилилось во всех органах ООН. В ответ некоторые метрополии, включая Бельгию и Францию, стали отказываться от участия в работе Комитета.

Представитель Соединенного Королевства в ООН сэр Алан Бернс в своей работе 1957 г. «В защиту колоний» критиковал чрезмерную, по его мнению, критику в адрес колониальных держав, связывая ее с нежеланием афро-азиатской группы понять сущность колониальной системы. В качестве примеров он приводил положение чернокожих в США, ситуацию с политическими правами граждан восточноевропейских держав, статус меньшинств в Индии [28. P. 13]. По мнению Бернса, все эти проблемы стоят острее, чем положение жителей европейских зависимых территорий [28. P. 18].

В 1955 г. трехлетний мандат Комитета был вновь продлен [29]. В 1957 г. для несамоуправляющихся территорий стали применяться зарубежные образовательные программы, и население получало доступ к пособиям и стипендиям на получение образования. Заинтересованные государства могли предлагать пособия через Генерального секретаря [30]. В 1958 г. представители несамоуправляющихся территорий получили возможность принимать участие в работе Экономической комиссии для Африки [31]. На восьмой сессии Комитета афро-азиатские государства выразили мнение, что интеграция несамоуправляющихся территорий с членами Европейского экономического сообщества в соответствии с Римским договором 1957 г. противоречит целям достижения самоуправления. Такое объединение, по их мнению, могло замедлить экономическое развитие и индустриализацию несамоуправляющихся территорий, поскольку открывало их рынки для притока промышленных товаров из Европы. В результате они рисковали превратиться лишь в поставщиков сырья и рынки сбыта для европейской продукции. Кроме того, новые промышленные отрасли на этих территориях оказались бы неконкурентоспособными по сравнению с предприятиями высокоразвитых стран ЕЭС [32. P. 2–3]. Афро-азиаты подчеркнули, что нуждаются в более полной информации о возможном влиянии ассоциации, однако европейские страны отказываются ее передавать [33]. В 1959 г. жители несамоуправляющихся территорий были приглашены к участию в работе Комиссии [34], управляющие державы должны были оповестить население зависимых территорий о работе ООН и о возможностях принимать в ней участие [35].

Хотя решения Комитета как специализированного органа ГА ООН не имели обязательной силы, а Франция и Бельгия игнорировали его резолюции, эти документы влияли на трансформацию восприятия колониального вопроса. Учащавшиеся обвинения и призывы демонстрировали изменение отношения международного сообщества к сохранению колониальной системы.

Таким образом, несмотря на попытки помешать расширению полномочий Комитета, раскол управляющих государств на европейские и тихоокеанские показал ослабление их позиций. Отказ США от солидарности с европейскими империями по колониальному вопросу, произошедший еще до усиления афро-азиатского блока, свидетельствовал о невозможности сохранения статус-кво. Отказ от «бельгийского тезиса» в пользу «тезиса соленой воды» показал, что афро-азиатские государства стремились прежде всего к усилению собственных позиций через ослабление Запада, а не к построению международного порядка на принципах самоуправления. Это стало сигналом для европейских стран о бесперспективности сотрудничества в рамках Комитета, что привело к отказу некоторых из них от участия. Принятые резолюции предвосхитили дальнейшую эскалацию антиколониальной борьбы в ООН, кульминацией которой стало принятие Резолюции 1514 (XV).

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Роспуск Комитета по информации (1960–1963)

В процессе подготовки Декларации о предоставлении независимости было сформировано четыре клю-

чевые позиции. Молодые африканские страны, такие как Гана, Гвинея, Нигерия и Чад, критиковали прежние имперские практики и настаивали на ускорении деколонизации. Более опытные афро-азиатские государства, например Индия, Индонезия, Иран, Филиппины и Эфиопия, рассматривали Декларацию как итог своей длительной борьбы и занимали более сдержанную позицию в вопросах сроков ее реализации. Они опасались, что колониальные державы откажутся от какого-либо сотрудничества и окончательно выйдут из Комитета. Управляющие державы указывали на комплекс трудностей, возникающих при предоставлении независимости, и подчеркивали необходимость индивидуального подхода к каждой территории. При этом они выражали готовность к переменам и согласие с действиями умеренных антиколониалистов. Страны советского блока заняли наиболее радикальную позицию, требуя безотлагательно запрета колониализма на уровне Устава ООН [8. P. 222–234]. В результате был принят умеренный проект афро-азиатского блока, известный как Резолюция 1514 (XV) «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам» [36]

В 1961 г. для контроля за осуществлением Декларации был создан Специальный комитет из 17 стран, назначаемых председателем Генеральной Ассамблеи. Комитет должен был разработать регламент своей работы и представить его на XVII сессии Генассамблеи. При этом Комитет по информации и Совет по опеке были обязаны оказывать новому органу всестороннюю помощь [37]. В 1962 г. состав Специального комитета был расширен до 24 членов и получил полномочия напрямую сообщать Совету Безопасности информацию о положении несамоуправляющихся территорий, если оно угрожало международному миру и безопасности [38]. Таким образом, полномочия Комитета 24-х уже превышали возможности Комитета по информации. Вопрос о его роспуске был поднят в 1962 г., когда заканчивался очередной трехлетний мандат.

На этот раз европейские колониальные державы настаивали на продолжении работы Комитета, поскольку его сбалансированный состав и более ограниченные полномочия гораздо больше устраивали управляющие державы. К списку «умеренных колониальных держав» присоединились Испания и Великобритания, хотя Франция так и не возобновила участие в работе Комитета, а Бельгия утратила последние зависимые территории в 1962 г. Управляющие страны ссылались на положительный опыт работы Комитета по информации. Великобритания отмечала предпочтительность трехлетнего регламента работы, при котором каждый год посвящался отдельному аспекту: экономическому, социальному или образовательному. Британский делегат также подчеркивал важность рассмотрения вопросов здравоохранения [39. P. 9]. Эту позицию можно расценивать как попытку замедлить темпы деколонизации и сохранить умеренный характер работы Комитета, исключив из его повестки политические вопросы. Такую позицию можно рассматривать как попытку замедлить темпы деколонизации и сохранить умеренный характер работы Комитета, имевший место в 1946–1960 гг., исключив из повестки политические вопросы. Колониальным державам требовалось сохранить Комитет по информации как орган, который бы мог оспорить легитимность Комитета 24-х, поскольку они оба рассматривали схожие вопросы, но последний обладал большими полномочиями, так как мог направлять выездные миссии в несамоуправляющиеся территории.

В итоге в 1962 г. благодаря компромиссу с умеренным афро-азиатским странами работа Комитета по информации была продолжена – официально для оказания помощи Комитету 24-х. Афро-азиатским странам удалось добиться утверждения бессрочного режима работы Комитета: теперь он должен был действовать до полного выполнения Декларации о предоставлении независимости. Однако уже в 1963 г. большинство афро-азиатских государств стали выступать за ликвидацию Комитета, аргументируя это необходимостью сокращения финансовых и кадровых затрат. Таким образом, дискуссия совершила полный круг, вернувшись к аргументам об оптимизации работы ООН. Комитет по информации был упразднен Резолюцией 1970 (XVIII) [40]. С аналогичной целью сокращения нагрузки были распущены специальные комитеты по Анголе, Родезии и Северной Африке, чьи полномочия перешли к Комитету 24-х.

Колониальные державы окончательно утратили лидерство в процессе деколонизации, а афро-азиатский блок закрепил свою руководящую роль и получил новый инструмент давления, направленный прежде всего против так называемой «Белой Антанты» – португальского правления в Африке и режимов апартеида в Южно-Африканской Республике и Родезии.

Заключение

С момента создания ООН существовала проблема определения статуса несамоуправляющихся территорий. В Уставе организации отсутствовали четкие критерии идентификации таких территорий, рекомендации по взаимодействию с ними, механизмы надзора за их развитием. Антиколониальные государства использовали этот правовой пробел для усиления давления на колониальные державы. Процесс разработки критериев и составления перечня несамоуправляющихся территорий, формально обоснованный необходимостью оптимизации работы ООН, привел к созданию уникального института, последовательно расширявшего свои полномочия.

История Комитета по информации наглядно демонстрирует инструментализацию деколонизации всеми участниками процесса. Первоначальное обоснование реорганизации через повышение эффективности работы ООН постепенно трансформировалось в морально-этическую дискуссию о праве народов на самоуправление. Антиколониальные государства, особенно Индия и Советский Союз, рассматривали усиление полномочий Комитета как инструмент укрепления собственных позиций в системе международных отношений. Колониальные державы изначально апеллировали к п. 7 ст. 2 Устава ООН (принцип невмешательства во внутренние дела) как к ключевому аргументу в деба-

тах по колониальному вопросу. Однако США, пытаясь использовать процесс деколонизации в своих интересах, отказались от этой стратегии, вступив в тактический альянс с умеренными антиколониальными силами. При американской поддержке временный комитет фактически приобрел постоянный статус благодаря механизму регулярного продления мандата и постепенному расширению полномочий.

Колониальные метрополии предпринимали попытки изменить вектор развития Комитета. Бельгийские дипломаты, в частности, инициировали дискуссию о расширительном толковании понятия «несамоуправляющаяся территория». В рамках так называемого «бельгийского тезиса» они проводили сравнительный анализ положения коренного населения в колониальных и неколониальных государствах, доказывая, что во многих случаях последнее находилось в менее благоприятных условиях. Однако эта инициатива была отвергнута, и в качестве основного критерия утвердился «тезис соленой воды», предполагавший географическую обособленность.

Афро-азиатский блок, напротив, использовал эскалацию колониальных конфликтов для радикализации риторики и последовательного расширения полномочий Комитета. Во второй половине 1950-х гг. различные антиколониальные коалиции в Генеральной Ассамблее инициировали обсуждение проектов Декларации о предоставлении независимости, что временно замедлило процесс институционального усиления Комитета. Однако в начале 1960-х гг. ситуация кардинально изменилась: афро-азиатские государства начали кампанию за роспуск Комитета по информации в пользу более влиятельного Комитета 24-х. Колониальные державы активизировали усилия по сохранению Комитета как инструмента легитимации постепенной деколонизации под управлением метрополий, которая бы позволила сохранить влияние метрополий. Ликвидация Комитета по информации в 1963 г. стала символическим актом окончательного перехода инициативы в процессе деколонизации к афро-азиатскому блоку.

Таким образом, первоначально страны Третьего мира не использовали деколонизацию как аргумент для расширения антиколониальной деятельности ООН, апеллируя вместо этого к оптимизации работы международной организации. Основная критика империй со стороны государств Африки и Азии сводилась к несоблюдению отдельных положений Устава ООН. Антиколониальный дискурс глубоко проник в работу ООН вместе с оформлением Движения неприсоединения и расширением деколонизации во второй половине 1950-х гг. Афро-азиатские государства стремились легитимизировать свои представления о народах, в отношении которых следовало продолжать работу Комитета, а значит – осуществлять деколонизацию. По сути, их основной задачей была стигматизация европейских империй при одновременном недопущении вмешательства ООН в собственные внутренние дела и проблемы меньшинств. После утверждения своей позиции в Резолюции 1514 (XV) афро-азиатские страны легко отказались от Комитета.

Это наглядно демонстрирует, что для национально-освободительных движений ООН была важна, прежде всего, как инструмент легитимации их деятельности. Для афро-азиатских стран значимость представляла не столько конкретная работа Комитета с несамоуправляющимися территориями, сколько возможность оказывать давление на колониальные державы и получать международное признание своей политики.

Список источников

1. Report of the United Nations visiting mission to the British Virgin Islands, 26–27 August 2024 // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4073165?ln=en&v=pdf
2. Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian societies, 1930s–1960s / ed. by E. Bogaerts, R. Raben. Leiden : KITLV press, 2012. 304 p.
3. Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неоколониализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645–658.
4. Глобальные вопросы повестки дня. Деколонизация // Организаций Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/decolonization
5. Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023. № 1. С. 13–46.
6. Turner O. Finishing the Job: the UN Special Committee on Decolonization and the politics of self-Governance // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34 (7). P. 1193–1208.
7. Saeed S. Decolonization Struggles at the United Nations. The Question of Algeria, 1955–1961 // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie. 2021. Vol. 62 (3). P. 421–455.
8. El-Ayouty Y. The United Nations and Decolonization: The Role of Afro-Asia. Leiden : Martinus Nijhoff, 1971. 305 p.
9. Pearson J.L. Defending Empire at the United Nations: The Politics of International Colonial Oversight in the Era of Decolonisation // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2017. Vol. 45 (254). P. 525–549.
10. Поздняков Э.А. Молодые государства Азии и Африки в ООН. М. : Наука, 1971. 148 с.
11. Mazower M.M. No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton : Princeton University Press, 2009. 248 p.
12. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text
13. A/RES/9 (I) // United Nations Digital library. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/9(I)
14. Non-self-governing territories transmission of information by Members under Article 73 (e) of the Charter: report of the Secretary-General: problems of transmission and organization / A/74 // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/777438?ln=ru&v=pdf
15. Представление информации согласно статье 73 (e) Устава // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/66(I)
16. Стандартная форма, предназначенная служить руководством для государств-членов Объединенных Наций при подготовке информации, подлежащей передаче согласно пункту (e) статьи 73 Устава // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/142(II)
17. Специальный комитет для изучения информации, передаваемой согласно статье 73e Устава // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/219(III)
18. Учреждение Специального комитета для изучения информации, передаваемой согласно статье 73e Устава // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/332(IV)

19. Report of the Special Committee on Information transmitted under Article 73e of the Charter (2–29 September 1948) // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/703172/?v=pdf
20. Information from non-self-governing territories: summary and analysis of information transmitted under article 73e of the charter Cessation of the transmission of information under article 73e of the charter: Report of the Secretary-General // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4012867?ln=en&v=pdf
21. Cessation of the transmission of information under Article 73e of the Charter: report of the Secretary-General // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/4016933?ln=en&v=pdf
22. Информация о несамоуправляющихся территориях: пересмотр Стандартной формы // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/551(VI)
23. Факторы, которые должны быть приняты во внимание при разрешении для каждой данной территории вопроса о том, достиг ли ее народ полной меры самоуправления // United Nations Digital library. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/648(VII)
24. The Sacred Mission of Civilization. New York : Belgian Government Information Center, 1952. 64 p.
25. Принципы, которыми государства-члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73e Устава // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1541(XV)
26. Вопрос о сохранении комитета по информации о несамоуправляющихся территориях // United Nations Digital library. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/646(VII)
27. Tomlinson B.R. What Was the Third World? // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38 (2). P. 307–321.
28. Burns A. In Defence of Colonies: British Colonial Territories in International Affairs. New York : The Macmillan Company, 1957. 338 p.
29. Возобновление полномочий Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/933(X)
30. Развитие образования в несамоуправляющихся территориях // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1050(XI)
31. Международное сотрудничество, касающееся несамоуправляющихся и подопечных территорий Африки // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1327(XIII)
32. Association of non-self-governing territories with the European Economic Community: report of the Secretariat // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/844863?ln=en&v=pdf
33. Влияние Европейского экономического объединения на развитие некоторых несамоуправляющихся территорий // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1330(XIII)
34. Участие несамоуправляющихся территорий в работе ООН и специализированных учреждений // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1466(XIV)
35. Общие вопросы, касающиеся передачи и рассмотрения информации // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1467(XIV)
36. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам // United Nations Digital library. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/1514(XV)
37. О ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1654(XVI)
38. Ход осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1810(XVII)
39. Committee on Information from Non-Self-Governing Territories, 14th session: summary record of the 275th meeting held at Headquarters, New York, on Tuesday, 7 May 1963 // United Nations Digital library. URL: https://digitallibrary.un.org/record/765336?v=pdf
40. Вопрос о продлении полномочий Комитета по информации о несамоуправляющихся территориях // United Nations Digital library. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1970(XVIII)

References

1. UNO. (2024) *Report of the United Nations visiting mission to the British Virgin Islands, 26–27 August 2024*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/4073165?ln=en&v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
2. Bogaerts, E. & Raben, R. (eds) (2012) *Beyond Empire and Nation: The Decolonization of African and Asian societies, 1930s–1960s*. Leiden: KITLV.
3. Bovdunov, A.L. (2022) Vyzov “dekolonizatsii” i neobkhodimost' kompleksnogo pereopredeleniya neokolonializma [The Challenge of "Decolonization" and the Need for a Comprehensive Redefinition of Neocolonialism]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 22(4). pp. 645–658.
4. UNO. (n.d.) *Global'nye voprosy povestki dnya. Dekolonizatsiya* [Global Agenda Issues. Decolonization]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/global-issues/decolonization (Accessed: 17th June 2024).
5. Degterev, D.A. (2023) K okonchaniyu “postkolonial'nogo momenta” antikolonial'noy bor'by: kontury issledovatel'skoy programmy [Towards the End of the "Postcolonial Moment" of Anti-Colonial Struggle: Outlines of a Research Program]. *Postkolonializm i sovremennost'*. 1. pp. 13–46.
6. Turner, O. (2013) Finishing the Job: the UN Special Committee on Decolonization and the politics of self-Governance. *Third World Quarterly*. 34(7). pp. 1193–1208.
7. Saeed, S. (2021) Decolonization Struggles at the United Nations. The Question of Algeria, 1955–1961. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie*. 62(3). pp. 421–455.
8. El-Ayouty, Y. (1971) *The United Nations and Decolonization: The Role of Afro-Asia*. Leiden: Martinus Nijhoff.
9. Pearson, J.L. (2017) Defending Empire at the United Nations: The Politics of International Colonial Oversight in the Era of Decolonisation. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 45(254). pp. 525–549.
10. Pozdnyakov, E.A. (1971) *Molodye gosudarstva Azii i Afriki v OON* [Young States of Asia and Africa in the UN]. Moscow: Nauka.
11. Mazower, M.M. (2009) *No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations*. Princeton: Princeton University Press.
12. UNO. (n.d.) *Ustav OON (polnyy tekst)* [UN Charter (Full Text)]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Accessed: 17th June 2024).
13. A/RES/9 (I). [Online] Available from: https://docs.un.org/ru/A/RES/9(I) (Accessed: 17th June 2024).
14. UNO. (n.d.) *Non-self-governing territories transmission of information by Members under Article 73 (e) of the Charter: report of the Secretary-General: problems of transmission and organization / A/74*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/777438?ln=ru&v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
15. UNO. (n.d.) *Predstavlenie informatsii soglasno state 73 (e) Ustava* [Transmission of Information Under Article 73 (e) of the Charter]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/66(I) (Accessed: 17th June 2024).
16. UNO. (n.d.) *Standartnaya forma, prednaznachennaya sluzhit' rukovodstvom dlya gosudarstv-chlenov Ob"edinennykh Natsiy pri podgotovke informatsii, podlezhashchey peredache soglasno punktu (e) stat'i 73 Ustava* [Standard Form for the Guidance of Members of the United Nations in the Preparation of Information to be Transmitted Under Article 73 (e) of the Charter]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/142(II) (Accessed: 17th June 2024).

17. UNO. (n.d.) *Spetsial'nyy komitet dlya izucheniya informatsii, peredavaemoy soglasno state 73e Ustava* [Special Committee to Study Information Transmitted Under Article 73e of the Charter]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/219(III) (Accessed: 17th June 2024).
18. UNO. (n.d.) *Uchrezhdenie Spetsial'nogo komiteta dlya izucheniya informatsii, peredavaemoy soglasno state 73e Ustava* [Establishment of a Special Committee to Study Information Transmitted Under Article 73e of the Charter]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/332(IV) (Accessed: 17th June 2024).
19. UNO. (n.d.) *Report of the Special Committee on Information transmitted under Article 73e of the Charter (2–29 September 1948)*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/703172/?v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
20. UNO. (n.d.) *Information from non-self-governing territories: summary and analysis of information transmitted under Article 73e of the Charter Cessation of the transmission of information under Article 73e of the Charter: Report of the Secretary-General*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/4012867?ln=en&v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
21. UNO. (n.d.) *Cessation of the transmission of information under Article 73e of the Charter: Report of the Secretary-General*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/4016933?ln=en&v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
22. UNO. (n.d.) *Informatsiya o nesamoupravlyayushchikhsya territoriyakh: peresmotr Standartnoy formy* [Information on Non-Self-Governing Territories: Revision of the Standard Form]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/551(VI) (Accessed: 17th June 2024).
23. UNO. (n.d.) *Faktory, kotorye dolzhny byt' prinyaty vo vnimanie pri razreshenii dlya kazhdoy dannoy territorii voprosa o tom, dostig li ee narod polnoy mery samoupravleniya* [Factors Which Should be Taken into Account in Deciding Whether a Territory has Attained a Full Measure of Self-Government]. [Online] Available from: https://docs.un.org/ru/A/RES/648(VII) (Accessed: 17th June 2024).
24. Belgian Government Information Center. *(1952) The Sacred Mission of Civilization*. New York: Belgian Government Information Center.
25. UNO. (n.d.) *Printsipy, kotorymi gosudarstva-chleny Organizatsii dolzhny rukovodstvovat'sya pri razreshenii voprosa o tom, obyazany li oni peredavat' informatsiyu, predusmotrennuyu stat'ey 73e Ustava* [Principles Which Should Guide Members in Determining Whether or Not an Obligation Exists to Transmit the Information Called for Under Article 73 e of the Charter]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1541(XV) (Accessed: 17th June 2024).
26. UNO. (n.d.) *Vopros o sokhranenii komiteta po informatsii o nesamoupravlyayushchikhsya territoriyakh* [Question of Continuing the Committee on Information from Non-Self-Governing Territories]. [Online] Available from: https://docs.un.org/ru/A/RES/646(VII) (Accessed: 17th June 2024).
27. Tomlinson, B.R. (2003) What Was the Third World? *Journal of Contemporary History*. 38(2). pp. 307–321.
28. Burns, A. (1957) *In Defence of Colonies: British Colonial Territories in International Affairs*. New York: The Macmillan Company.
29. UNO. (n.d.) *Vozobnovlenie polnomochiy Komiteta po informatsii o nesamoupravlyayushchikhsya territoriyakh* [Renewal of the Mandate of the Committee on Information from Non-Self-Governing Territories]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/933(X) (Accessed: 17th June 2024).
30. UNO. (n.d.) *Razvitie obrazovaniya v nesamoupravlyayushchikhsya territoriyakh* [Development of Education in Non-Self-Governing Territories]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1050(XI) (Accessed: 17th June 2024).
31. UNO. (n.d.) *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, kasayushcheesya nesamoupravlyayushchikhsya i podopechnykh territoriy Afriki* [International Cooperation Concerning Non-Self-Governing and Trust Territories in Africa]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1327(XIII) (Accessed: 17th June 2024).
32. UNO. (n.d.) *Association of non-self-governing territories with the European Economic Community: Report of the Secretariat*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/844863?ln=en&v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
33. UNO. (n.d.) *Vliyanie Evropeyskogo ekonomicheskogo ob"edineniya na razvitie nekotorykh nesamoupravlyayushchikhsya territoriy* [Effects of the European Economic Community on the Development of Certain Non-Self-Governing Territories]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1330(XIII) (Accessed: 17th June 2024).
34. UNO. (n.d.) *Uchastie nesamoupravlyayushchikhsya territoriy v rabote OON i spetsializirovannykh uchrezhdeniy* [Participation of Non-Self-Governing Territories in the Work of the United Nations and the Specialized Agencies]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1466(XIV) (Accessed: 17th June 2024).
35. UNO. (n.d.) *Obshchie voprosy, kasayushchiesya peredachi i rassmotreniya informatsii* [General Questions Concerning the Transmission and Consideration of Information]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1467(XIV) (Accessed: 17th June 2024).
36. UNO. (n.d.) *Deklaratsiya o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nym stranam i narodam* [Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples]. [Online] Available from: https://docs.un.org/ru/A/RES/1514(XV) (Accessed: 17th June 2024).
37. UNO. (n.d.) *O khode osushchestvleniya Deklaratsii o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nym stranam i narodam* [The Situation with Regard to the Implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1654(XVI) (Accessed: 17th June 2024).
38. UNO. (n.d.) *Khod osushchestvleniya Deklaratsii o predostavlenii nezavisimosti kolonial'nym stranam i narodam* [Implementation of the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1810(XVII) (Accessed: 17th June 2024).
39. UNO. (1963) *Committee on Information from Non-Self-Governing Territories, 14th session: summary record of the 275th meeting held at Headquarters, New York, on Tuesday, 7 May 1963*. [Online] Available from: https://digitallibrary.un.org/record/765336?v=pdf (Accessed: 17th June 2024).
40. UNO. (n.d.) *Vopros o prodlenii polnomochiy Komiteta po informatsii o nesamoupravlyayushchikhsya territoriyakh* [Question of Continuing the Committee on Information from Non-Self-Governing Territories]. [Online] Available from: https://undocs.org/ru/A/RES/1970(XVIII) (Accessed: 17th June 2024).

***Сведения об авторе*:**
Готка Алексей Игоревич – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политический наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: gotka.aleksey@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Gotka Alexey I. – Postgraduate Student at the Department of World Politics, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gotka.aleksey@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 28.04.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/19988613/98/11

Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 1: Восточная и Южная области / губернаторства

Павел Николаевич Дудин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия, dudin2pavel@gmail.com

Аннотация. Исследуется процесс реализации японцами национальной политики на континенте посредством создания в 1932 г. самой крупной в составе Маньчжоу-Го провинции под названием Хинган / Синъань. На колонизированных китайцами землях образуются Восточная, Южная и Северная области, ставшие в 1934 г. губернаторствами. Подтверждением автономного статуса служили сохранение старинных устоев и возможность самостоятельного внутреннего управления. В результате на первоначальном этапе осуществления военного вторжения на континент японцы смогли без военной силы заручиться поддержкой среди монгольских элит. Это первая часть статьи.

Ключевые слова: Хинган (Синъань), Маньчжоу-Го, Барга, Маньчжурия, институты публичной власти

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.», https://rscf.ru/project/22-68-00054/

Для цитирования: Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 1: Восточная и Южная области / губернаторства // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 94–102. doi: 10.17223/19988613/98/11

Original article

National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 1: Eastern and Southern regions / governorships

Pavel N. Dudin

Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, dudin2pavel@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to assess the degree of effectiveness of the national policy of the Japanese in the Mongolian lands they occupied, which became part of the state of Manchukuo formed by them in 1931, and to determine the place of the Khingan (Xingan) national autonomy in it. The source base was made up of periodicals and non-periodicals in Russian, published on the basis of Orientalist societies and the CER by our compatriots living in Manchuria, foreign media, periodicals and reference publications. The content of the study is based on the fact that the ethnic composition of the population of Manchuria, as well as the entire Outer China, was not monolithic, and therefore the national question in the region played a paramount role for any act. Using anti-Chinese sentiment, the Japanese, by granting the Mongols a high degree of autonomy, enlist their support and loyalty, which is necessary both for securing control over the territories under their control, and for moving further deep into the continent, and for ensuring the security of their sphere of influence from the USSR. Having retained the traditional Mongolian institutions of governance, a new administrative-territorial unit is being formed - the largest in the new empire, with complex intrastate administration, called Khingan or Xingan. The core of the new province was the territories of the western limits of Inner Mongolia actively colonized by the Chinese, on which the Eastern, Southern and Northern regions were formed. Unlike other provinces, there is no position of governor here: each of the territories is governed by its own administration, the coordination of which is provided by the Directorate / Main Directorate / Ministry of Mongolian Affairs, headed by an ethnic Mongol - the prince of a large Western Mongolian khoshun. The autonomy status was confirmed by the preservation of ancient foundations and the possibility of independent internal control, the right to have its own armed forces, carry out educational and religious policies, exemption from a significant part of taxes and fees, and other privileges. Each region, transformed into a governorship in 1934, was headed by an ethnic Mongol - a representative of the ancient tribal aristocracy and the number of descendants of Genghis Khan or his brothers. Regions/governorships were divided into

© П.Н. Дудин, 2025

khoshuns, whose borders remained unchanged. The author comes to the conclusion that at the initial stage of the military invasion of the continent, the Japanese side managed to achieve its goals and, without military force, gain support among the Mongolian population.
Keywords: Khingan (Xingan), Manchukuo, Barga, Manchuria, public authorities

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00054 "The Manchurian-Mongolian world of Inner Asia in the first half of the 20th century", https://rscf.ru/project/22-68-00054/

For citation: Dudin, P.N. (2025) National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 1: Eastern and Southern regions / governorships. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 94–102. doi: 10.17223/19988613/98/11

Для Японии так называемый «монгольский вопрос» играл очень важную роль и в целом вписывался в интересный и противоречивый тренд: в Корее императорская власть была ликвидирована, равно как и независимость, а в Маньчжурии – и то и другое восстановлено, причем с пусть и незначительным, но присутствием национальных кадров в системе управления новым государством [1. С. 41]. Поэтому Хинган как показательно национальное административно-территориальное образование представлял собой не только самую крупную провинцию, но и единственную, которой было разрешено иметь, помимо прочего, свои воинские соединения. Безусловно, сделано это было, исходя из стратегических соображений. О. Латтимор справедливо полагал, что, когда Япония взяла на себя ответственность за защиту Маньчжоу-Го и монгольского мира, она сделала это с полным пониманием тех проблем, с которыми ей придется столкнуться на международной арене. Во время своего визита в Маньчжоу-Го ученый в этом убедился воочию и подтвердил, что руководство империи не могло не учитывать потенциальных проблем или проявить непонимание ситуации при искажении информации, как это зачастую преподносилось западными экспертами [2. P. 8]. Командование Квантунской армии тем не менее пошло на создание своего рода «Хинганского проекта», который, как и Маньчжуо-Го, должен был послужить примером рационального выстраивания японской национальной политики на дружественных территориях, а заодно и сыграть роль буфера, как политического, так и военного.

Таким образом, целью настоящей статьи является попытка дать оценку степени эффективности национальной политики японцев на занятых ими монгольских землях, вошедших в 1931 г. в состав образованного ими государства Маньчжоу-Го, и определение места в ней национальной автономии Хинган (Синъань) в качестве модели для занимаемых ими в дальнейшем национальных регионов Китая и Восточной Азии.

В своем анализе этой политики мы будем исходить из того, что Хинган был сложной и многоуровневой административно-территориальной конструкцией, в связи с чем, учитывая неоднородность его территорий, для достижения указанной цели важно правильно определить и решить задачи. Поэтому изначально, в рамках первой части, мы осветим общий внутриполитический фон региона, который использовался японской стороной для укрепления своих позиций на континенте, а также покажем структуру «ядра» провинции – ее Восточной и Южной областей. Барга, ставшая Северной областью, в силу не только исторического, но и этнического, административно-территориального и культурного своеобразия, а также действий ее политической элиты и последствий этих действий потребовала отдельного научного внимания во второй части нашей работы, равно как и появившаяся на последнем этапе государствостроительства, вслед за присоединяем к Маньчжоу-Го провинции Жэхэ, Западная область с ее разнообразием монгольских племен, создавших собственные племенные хошуны.

Поскольку японским войскам удалось вытеснить китайские войска из провинции Хэбэй, японская пресса быстро сформировала пропаганду в отношении остальных национальных окраин Китая. Население китайских территорий к северу от Хуанхэ, по мнению японской стороны, значительно отличалось в обычаях и манерах от своих соотечественников, живущих к югу, и всегда стремилось избавиться от оков правительства Нанкина и влиться в сообщество под эгидой Японии и на основе японских принципов. В формировании нового режима в Северном Китае в полной мере использовался лозунг «Благо Северного Китая – народам Северного Китая!» Лидеров нового режима японская сторона стала искать, во-первых, в среде местных политических элит, а во-вторых, среди тех, у кого не было отношений с центральными властями.

Япония настаивала на том, что вся территория должна была быть демилитаризованной, а Китай должен предоставить средства, необходимые для выполнения этих самых альтруистических и впечатляющих гуманитарных планов. Ответ Министерства иностранных дел в Токио на резолюцию Лиги Наций, осуждающую агрессию Японии, гласил, что нынешняя военная операция является лишь искоренением антияпонской политики на Севере Китая, а сама Япония стремится к достижению вечного мира на Дальнем Востоке благодаря подлинному и гармоничному сотрудничеству между двумя соседними странами и не имеет территориальных претензий к Китаю [3. P. 10]. Позднее аспект отсутствия территориальных претензий стал доминирующим в риторике кабинета Ф. Коноэ.

Шаги японцев в регионе были осторожными, а правящие лица, даже в числе военных, учли все промахи предыдущих властителей края. И хотя традиционно китайская политика воспринималась по всему миру как расчетливая и просвещенная, на практике она вылилась в недальновидную эксплуатацию региона, что было на руку сменившим их здесь японцам. Ситуация усугублялась тем, что, даже находясь под властью им-

перии Цин, монголы никогда не были под властью собственно Китая. Маньчжуры относились к ним с уважением, как союзники, и это уважение ослабло лишь тогда, когда методы, используемые в маньчжурской дипломатии, сумели изменить ситуацию и предотвратили угрозу нападения монголов. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», маньчжурам удалось расколоть монголов на враждующие группировки, а их соперничество, как внутреннее, так и внешнее, использовать так искусно, что почти все надежды на объединение монголов исчезли. В конце XIX в. китайские власти приступили к активной колонизации региона, от которого в большей степени пострадали монголы Маньчжурии, поскольку ситуация усугублялась еще и строительством железных дорог на их родовых землях.

Монгольские земли Южного Чахара, простирающиеся на запад, в описываемый нами период были колонизированы китайцами на 70%, а земли новой провинции Суйюань – почти полностью. Фактически единственным местом, которое в той или иной мере избежало китайского засилья, по словам О. Латтимора, оказался Шилин-Гол, включающий 5 хошунов. Поэтому неудивительно, что именно он стал главной базой автономистов, источником идей сопротивления китайской экспансии, как ранее был местом, где могли укрыться и простые жители региона, и те, кто был вынужден оставить привычный образ жизни и вступить в ряды бандитов.

Япония была готова использовать ситуацию и направить любые средства на объединение монголов и приостановление потенциального потока мигрантов с юга, а автономная провинция могла бы решить эту задачу. Законы Маньчжоу-Го запрещали китайскую миграцию на ее территорию [4. P. 10]. По этой причине монголы здесь готовы были принять любые условия, которые бы избавили их от китайской угрозы, что и обеспечили японцы. Японцам же нужны были контроль над монгольской территорией [5. С. 73] и сторонники из числа местных элит.

Самопровозглашенной задачей Японии было объявлено построение земного рая для 30 млн жителей Маньчжоу-Го и для обеспечения благоприятных условий для монголов как крупнейшего национального меньшинства в государстве. Вместе с тем многие представители политической элиты высказывали опасения относительно того, что они являются лишь инструментом в достижении Японией своих более глобальных целей [6]. Чтобы разрешить национальный вопрос и переманить монгольское население на свою сторону, японцы из национальных окраин и формируют провинцию Хинган (Синъань, Синь-Ань) – крупнейшую в Маньчжоу-Го. Для управления делами монгольского населения сначала было создано Бюро, а затем Министерство по монгольским делам. Был поставлен интересный эксперимент с целью создать модель работы с национальными регионами, тем более что таковые размещались по окраинам нового государства и находились в пределах досягаемости. Именно поэтому Хингану придавалось такое значение. Наиболее авторитетные средства массовой информации утверждали, что это пятая провинция, «аннексированная Японией, которой будет предоставлена значительная автономия с ее монгольскими князьями и другими высокопоставленными лицами, сохраняющими свои позиции под контролем Маньчжоу-Го, завоевание которой было проведено без кровопролития» [7. P. 11]. На самом деле Хинганская провинция стала четвертой, поскольку уже в марте 1932 г. были определены ее границы, выстроены основные государственные институты и назначены должностные лица, тогда как Жэхэ присоединили лишь год спустя.

Стратегическое значение этого региона объяснялось его ролью буферной зоны между бывшей императорской, а ныне Советской Россией и остальной частью Маньчжурии. Поэтому одно из первых японских действий при получении поддержки монгольского населения – предоставление монголам на занятых маньчжурских территориях высокой степени автономии [8. P. 10] вкупе с отдельными военными полномочиями.

Японцы были заинтересованы в лояльности местного населения: административные, судебные и финансовые вопросы сохранили монгольские традиционные формы. Единственное изменение положения должностных лиц выразилось в увеличении их зарплат и обеспечении свободы от китайского вмешательства. Японцы, заняв эту местность, делали все, от них зависящее, чтобы сохранить дружеские отношения с местным населением. Поэтому регион не был включен в состав провинции Хэйлунцзян. Бразды правления с центром в Хайларе находились в руках монгольской аристократии, которой было оставлено право выбора должностных лиц, сбора налогов и другие льготы. Начали возрождаться монгольские военные соединения, стали доступны здравоохранение и образование. Японцы, в свою очередь, направили в Монголию большую группу ученых и армейских офицеров, а также организовали военную школу в Хайларе с целью подготовки монгольских офицеров [9. P. 13]. Тем временем большая сила японских и маньчжурских войск была сконцентрирована в этом городе [10. P. 11], поскольку сохранялась напряженность в отношениях с советской стороной, и Хинган и здесь мог сыграть свою роль.

Граница провинции очертила те территории, которые не успели подвергнуться существенной китайской колонизации прошлых лет. Как отмечал А.В. Кормазов, «такие же хошуны, как Ольт Маннай Хошу, Дурбет, С. и Ю. Горлосы, где 90% и более численности населения составляют китайцы-земледельцы, остались вне этого объединения» [11. С. 31].

Вот как процесс создания этой национальной провинции описывает юбилейное издание «Великая Маньчжурская Империя: к десятилетнему юбилею» в небольшой заметке под названием «Главное Управление по делам Монголии»: «Администрирование Монголии осуществляется с учетом национальных особенностей монгольского народа.

После образования Маньчжу-Го правительство создало из прежних отдельных монгольских уездов три вице-губернаторства, составивших одну Хинганскую провинцию.

В марте 1-го года Да-Тун (1932) было создано Управление по делам Монголии с подчинением его

Премьер-Министру. В августе того же года Управление по делам Монголии было переименовано в Центральное Управление по делам Монголии.

В мае 2-го года Да-Тун (1933), после установления порядка в Жэхэ, северная часть этой провинции была отделена от Жэхэ и причислена к Монголии.

В декабре 1-го года Кан-Дэ (1934) Центральное Управление по делам Монголии было реорганизовано в Министерство по делам Монголии, а ее территория была разделена на 4 вице-губернаторства: Восточное, Северное, Южное и Западное.

В январе 3-го года Кан-Дэ (1936) в связи с упразднением Особого Района Восточных провинций города Маньчжурия и Хайлар вошли в подчинение Министерству по делам Монголии.

С января 4-го года Кан-Дэ (1937 г.) старые уезды провинции Жэхэ с монгольским населением были реформированы в специальные монгольские уезды с подчинением их Министерству по дедам Монголии.

Таким образом, министерство по делам Монголии выполняло функции высшего административного учреждения по делам Монголии. Спустя пять лет по основании государства встал вопрос о необходимости усиления централизации административного аппарата. В связи с этим в июле 4-го года Кан-Дэ (1937) Министерство по делам Монголии было упразднено, вместо него было образовано Управление по делам Монголии с непосредственным подчинением Премьер-Министру, являющееся органом совещательным и связи. Административное же управление передано в соответствующие министерства.

Управление по делам Монголии своей главной задачей ставит поднятие жизненного стандарта монгольского народа, так как он в сравнении с другими народами, населяющими Маньчжу-Ди-Го, стоит на более низком культурном уровне. В связи с этим Управлением по делам Монголии производится работа: воспитательная, санитарная, экономическая и религиозная» [12. С. 78–79]. Безусловно, на практике все было сложнее и менее оптимистично.

9 марта 1932 г. было принято Положение об устройстве трех областей провинции Хинган, в результате создается новая провинция в составе Восточной, Южной и Северной областей [13]. В отличие от других провинций, эта не имела своего губернатора, а управлялась непосредственно из столицы созданным специально для этого Управлением по делам Монголии во главе с начальником (9 марта – 3 августа 1932 г.) и Главным управлением во главе с главным начальником (3 августа 1932 г. – 1 марта 1934 г.) при Государственном Юане, напоминавшем по своему характеру и политической судьбе Комиссию по делам Монголии и Тибета в Китайской Республике.

Во главе административного аппарата был поставлен последний князь Южного Горлоса Цзаймутэз Мубилай [14. С. 104; 15. С. 278]. Сразу же после инцидента 18 сентября 1931 г. князь предпринял попытку консолидировать монгольские элиты в так называемую «Монгольскую ассоциацию по установлению автономии», а в декабре 1931 г. был в числе организаторов так называемого «Чжэнцзятуньского Съезда князей Восточной Монголии», изъявивших лояльность формируемому режиму. Этот шаг расположил к нему японскую сторону, что обеспечило ему участие в феврале 1932 г. в работе Северо-Восточного Политического совета, объявившего о создании Маньчжоу-Го. После того как Цзаймутэз Мубилай возглавил новую провинцию Хинган, он в сопровождении губернатора Восточной области Элэчуна и губернатора Северной области Лин Шэна посетил Японию. 5 апреля 1932 г. были созданы областные органы власти [16], 27 июня были определены их полномочия и подконтрольные хошуны [17], 1 августа утверждены начальники хошунов [18].

В марте 1934 г., после провозглашения империи, Главное управление по делам Монголии было преобразовано в министерство (окончательно оно было оформлено Высочайшим указом в декабре этого же года). Цзаймутэз Мубилай стал министром и вошел в состав маньчжурского правительства, пребывая в этой должности до 7 мая 1937 г., после чего был назначен членом Государственного совета, но в марте 1941 г. он подал в отставку с государственной службы и стал вице-президентом Маньчжурской телекоммуникационной корпорации. В 1942 г. покинул и этот пост, уехал в свой родной хошун и скончался от болезни на родине 1 августа 1942 г. Поскольку князь не имел наследников мужского пола, а его единственный сын умер в возрасте 9 лет, на нем род южно-горлосских князей пресекся.

В цитируемом нами издании «Маньчжурия: экономическо-географическое описание» дается общий обзор административной системы Хингана по состоянию на переходный 1934 г., в связи с чем его уместно привести полностью: «Сравнивая структуру монгольского вице-губернаторства с провинцией, мы видим между ними большое сходство. Различие заключается в большей упрощенности организации (имеется, например, лишь 2 департамента) и в подчиненности вице-губернатора не премьеру, как это имеет место с губернатором провинции, а начальнику главного управления по монгольским делам, через которого и идут сношения вице-губернатора с высшим правительством. Мы уже имели случай сказать выше, что по отношению к Монголии проводится политика возрождения прежней знаменной организации. Отсюда необходимо помнить о сеймовом “дарге”, или председателе, хошунном князе или чжасаке, его помощниках – тусалакчи, захиракчи, мейрене и цзалане, в Чжеримском и Чжоудасском сейме – дамала и цроч. Во главе каждого сомона стоит цзангин; пятью сомонами начальствует цзалан, полковой командир. В свою очередь, цзангинам подчиняются хабаны (по 2), а каждому хабану – по 4 божка. Такова общая схема монгольской администрации. В некоторых районах наблюдаются, впрочем, и отклонения, так как единства и однообразия в общественной жизни этого кочевого народа, естественно, нет» [19. С. 338].

Официально созданное 1 декабря 1934 г. Министерство по делам Монголии [20] возглавлялось министром, который имел в качестве «непосредственного помощника» товарища министра. Полномочия министра оказались весьма существенными: «право изда-

вать законы, касающиеся провинции; накладывать veto на распоряжения губернаторов, если эти распоряжения расходятся с основными законами» [11. С. 31] и т.д.

Министерство состояло из канцелярии, курирующей кадровые вопросы, финансы и хозяйственные дела, а также обеспечивающей коммуникации и хранение печати; административного отдела, курирующего вопросы народного просвещения, религии, ведающего административными делами, полицией и внутренней безопасностью; и отдела поощрения торговли и промышленности, курирующего в основном вопросы добычи и обработки природных богатств.

До провозглашения империи провинция делилась на области во главе с начальниками, а области – на хошуны (знамена), которые также возглавляли начальники [21. С. 122–128]. Хошун (знамя) возглавлял начальник, которому подчинялись прочие административные структуры. В Управлении знамени утверждалось три отдела: общих дел, внутренних дел и полиции.

Области, находящиеся в составе провинции, с реформой 1934 г. были преобразованы в губернаторства (иногда назывались вице-губернаторствами) во главе с губернаторами (иногда назывались вице-губернаторами), при которых состояли советники и создавались управления (администрации). Советская научная литература утверждала, что это было сделано из соображений обеспечения подконтрольности монгольских территорий, чтобы воспрепятствовать их консолидации и «образованию единого антияпонского фронта монголов» [22. С. 126]. Губернатор налагал veto на постановления монгольского сейма, в случае если последний превышал свои полномочия, издавал приказы, обязательные к исполнению в пределах своего губернаторства, командовал вооруженными силами внутренней безопасности при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, имел право представления Главному управлению к назначению и освобождению от должности чинов 2-го класса и выше, осуществлял наблюдение за деятельностью сеймов, князей и иных должностных лиц и принимал необходимые меры по обеспечению их деятельности соответствию закону [19. С. 337], решал кадровые и дисциплинарные вопросы в отношении служащих, имеющих должности ниже 2-го класса. В каждом Управлении губернаторства учреждалось два департамента: общих дел с полномочиями в области кадров, финансов, «исследовательской работы, секретной переписки и т.д.», а также хранении казенных печатей губернаторства; административных (или гражданских) дел с полномочиями в области управления территориями, путями сообщения, медико-санитарных вопросов, промышленности, торговли, просвещения и внутренней безопасности [11. С. 32]. Во главе департаментов находились начальники, а в качестве сотрудников – инспекторы.

Экономическую основу существования провинции подкрепила нефтяная монополия государства [23. P. 8], часть доходов от которой поступала в бюджет Хингана. При этом, по оценкам международных экспертов, экономическая основа контролируемых японцами коллаборационистских режимов Северного Китая могла достигать в объеме финансовых ресурсов более 100 млн китайских долларов.

Для более четкого понимания ситуации в отношении управления новой провинцией следует рассмотреть порядок образования первых двух и четырех входивших в ее состав территорий, поскольку именно они наглядно иллюстрируют и сам процесс создания национальной территории в границах Маньчжоу-Го, и его восприятие местным населением.

Первой среди областей 6 марта 1932 г. была создана Восточная область (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) с населением 97 300 человек [11. P. 55], губернатором которой 29 марта был назначен даур по происхождению из Чжаланьтуни (ныне городской уезд городского округа Хулун-Буир) Элэчун (1879–?) [13]. С февраля 1901 г. он работал секретарем военного управления одного из уездов, с октября 1925 г. был советником Военного управления провинции Хэйлунцзян, а после японской оккупации перешел на службу в Маньчжоу-Го [24. С. 736]. Столицу области 1 мая 1932 г. предполагаюсь разместить в поселке Буси (ныне – Ньерцичжэн, Морин-Дава-Даурский автономный хошун Хулун-Буира), но из-за военной обстановки и неподготовленности временной столицей был определен сначала Цицикар – крупнейший политический и торговый центр региона [25], а 12 января 1933 г. – поселок Чжаланьтунь, куда 23 января переехала администрация.

В декабре 1932 г. к территории области были присоединены уезды Ялу (переименованный в Бутха-Ци) и Солон (ныне одноименные уезды городского уезда Чжаланьтунь) и хошун Морин-Дава-Ци (ныне Морин-Дава-Даурский автономный хошун). В результате площадь области составила 106 728 кв. км, а общая численность населения возросла до 136 225 человек, среди которых маньчжуры составляли 109 353 человека (80,2%), монголы – 20 712 (15,2%), подданные Японии (не включая корейцев) – 2 377 (1,75%), корейцы – 1 304 (0,96%). 10 мая 1933 г. состав земель области был пересмотрен и включал хошуны (1) Бутха-Ци (ныне Чжаланьтунь), или Бутэха, в составе левого и правого крыла и с размещением на его территории административного центра области (губернаторства) с населением 3 тыс. человек, (2) Арун-Ци, или Ажунь, (3) Морин-Дава-Ци, или Моли, (4) Баянь (ныне поселок Морин-Дава-Даурского автономного хошуна), (5) Сиджагар-Ци (ныне хошун Хорчин-Юицяньци аймака Хинган), или Сичжа, полученный от Южной области и переданный в 1941 г. Западной области, (6) Навэнь, занимавший северо-восточный угол в пределах на западе – восточного склона Большого Хингана, на севере – южного склона Ильхури Алиня, на востоке – правого берега р. Нонни до устья р. Ганьхэ и далее от истока до устья вдоль левого берега р. Ганьхэ [11. С. 52].

Согласно знаменному делению дауры были поделены желтое с красной каймой, желтое и белое знамена, а солоны – на красное, белое с красной каймой, красное с белой каймой, синее и синее знамя с красной каймой знамена и были освобождены от обязательной военной службы, тогда как военная охрана была возложена на харачинов.

В 1941 г. на посту губернатора Элэчуна сменил уроженец Чжеримского сейма Боян Манду (1894–1980),

выдающаяся фигура в политической жизни Внутренней Монголии XX в. Хорошо образованный, работавший редактором монгольской газеты в Мукдене, в 1925 г. он участвовал в учредительном собрании Народно-революционной партии Внутренней Монголии в Чжанцзякоу, занимал пост заместителя Бюро Центрального комитета партии и возглавлял партийное отделение в Чжеримском сейме. В 1929 г. Боян Манду участвовал в создании Ассоциации взаимопомощи Монголии и занимал должность ее вице-президента. В 1930 г. принимал участие в очередном монгольском съезде, созванном национальным правительством в Нанкине. С началом японского вторжения Боян Манду занял должность начальника Департамента по гражданским вопросам Южной области Хингана. В 1941–1943 гг. был губернатором Северного губернаторства, одновременно с апреля 1942 г. возглавляя и Южное губернаторство. В октябре 1943 г., после административной реформы, занял пост губернатора единой хинганской провинции и находился в этой должности до августа 1945 г., продолжив политическую деятельность: 18 августа 1945 г., после восстановления Народно-революционной партии Внутренней Монголии, Боян Манду был избран ее председателем [26]; после создания 3 апреля 1946 г. Народного правительства Монгольской Федерации [27. С. 200] он избирается заместителем Уланьфу в качестве председателя Исполнительного и Постоянного комитетов [28]; а после образования Автономного района Внутренняя Монголия становится председателем его Народно-Политического совета.

При губернаторе создавалось Управление области / губернаторства, которое состояло из следующих подразделений: Администрация; Департамент по общим вопросам, включающий отделы по общим вопросам, местных вопросов, и финансовый отдел; Департамент гражданских дел, включающий отделы развития, улучшения благосостояния, здравоохранения, развития промышленности, гражданского строительства; Департамент правоохранительной деятельности, включающий отделы полиции, секретной службы, инспекторских проверок, учета граждан.

1 октября 1943 г., с объединением областей в единую провинцию Хинган, Восточное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Восточной области провинциального управления Хингана в составе четырех хошунов: Бутха-Ци, Арун-Ци, Морин-Дава-Ци и Баянь.

Южная область (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) с населением 1 959 409 человек [11. С. 67] была создана 9 марта 1932 г. с расположением администрации в одном из поселков хошуна Дункэ-Чжунци (ныне хошун Хорчин-Цзоичжунци городского округа Тунляо), а с 1 июня того же года – в Шуанляо (ныне городской уезд городского округа Сыпин провинции Цзилинь (Гирин)). Особенностью этой территории было то, что она создавалась в примерных границах Чжеримского сейма, которые были в значительной степени колонизированы в период заката империи Цин и ранней республики.

В состав области / губернаторства, во-первых, входили аймак-хошун Чжалайт и Хорчинский аймак в составе 6 хошунов, пределы которого можно соотнести с современным административно-территориальным делением региона: (1) Хорчинский левого крыла передний хошун и (2) Хорчинский левого крыла тыльный хошун (хошун Дункэ-Хоуци, ныне – единый хошун Хорчин-Цзоихоуци городского округа Тунляо), (3) Хорчинский левого крыла средний хошун (ныне хошун Хорчин-Цзоичжунци), (4) Хорчинский правого крыла передний хошун (хошун Сиджагар-Ци, ныне хошун Хорчин-Юицяньци аймака Хинган), переданный позднее Восточной области, (5) Хорчинский правого крыла средний хошун (ныне хошун Хорчин-Юичжунци аймака Хинган) и (6) Хорчинский правого крыла тыльный хошун (на границе нынешних хошунов Хорчин-Юицяньци и Чжалайт-Ци аймака Хинган). Во-вторых, в состав области / губернаторства входил (7) аймак-хошун Чжалайт-Ци (ныне – хошун в составе аймака Хинган). В-третьих, 1 декабря 1934 г. в состав Южного губернаторства из состава Жэхэ были переданы (8) хошун Хурэ-Ци (ныне одноименный хошун городского округа Тунляо) и (9) уезд Тунляо (ныне район городского подчинения Хорчин городского округа Тунляо).

Старинная же территориальная организация, сохраненная в структуре Маньчжоу-Го, выглядела следующим образом. Хорчинскими хошунами левого крыла были Бинту-вана, Дархан-вана и Бо-вана, хошунами правого крыла – Чжасокту-вана, Тушету-вана и Тушету-гуна. Население хошуна Бинту-вана составляло 115 333 человек, хошуна Дархан-вана – 918 694, хошуна Бо-вана – 548 000 человек. Особенность последнего заключалась в том, что еще в 1906 г. в хошуне было организовано несколько школ, где преподавателями были японцы, и это стало следствием пристального внимания к нему со стороны японских исследовательских экспедиций [11. С. 56–57]. В отличие от прежней территориальной организации, новые хошуны не полностью воспроизводили состав своих земель: где-то наблюдалось увеличение, где-то уменьшение. Так, из хошуна Бинту-вана была выделена часть уезда Канпина, по линии к востоку от м. Санькошу (деревни Харачин, Наньдатунь и Ванелин) и уезда Факу к югу по линии от Наньдутуна и Шицзяцзы). Из хошуна Дархан-Вана были исключены уезды Лишу, Хуайдэ, Шуаншань, Ляоюань, Факу, Канпин, Чанту и Тунляо, а также часть наиболее заселенных районов из числа прилегающих к железнодорожной линии на участке Дахушань–Тунляо, оставшись в составе бывшей провинции Фэнтянь. Из хошуна Бо-вана были выведены населенные китайцами уезды Чанту и Ляоюань, а также район, расположенный к югу по линии Зодаохэцзы (уезда Канпин), Ляоянвопу, Гэцзялу и деревни Харачин [11. С. 57–59].

Население хошуна Чжасокту-вана составляло 147 715 человек, и его история была интересна многими событиями, произошедшими за последние 30 лет. Во-первых, в период колонизации весь район княжества был объявлен колонизационным районом, и здесь под началом генерала Чжо Цзохуа были организованы военные поселения, из-за чего значительная часть монгольского населения с боями была вынуждена отсту-

пить к западу или перекочевать в Уцзумучинский аймак Шилин-Гольского сейма [11. С. 59–60]. Во-вторых, эти земли были богаты природными ресурсами, в результате при Чжан Цзолине возникла идея о проведении железнодорожной линии на Солунь и далее через Баргу, что позволило бы ускорить освоение этих территорий. Данный факт вызвал живейший интерес со стороны Японии, предлагавшей сомкнуть их с ЮМЖД. Проект железнодорожной линии, пролегающей параллельно западному участку КВЖД, включал три направления: 1) Чанчунь–Таонань; 2) Тао-нань–Солунь; 3) Солунь–Маньчжурия (Солунь–Хайлар, Солунь–Ганчжур). С их помощью предполагалось обеспечить выход на ЮМЖД монгольскому животному сырью и богатствам Барги (уголь, лес, сода и т.д.) [29. С. 231], чего китайским властям нельзя было допустить. К октябрю 1930 г. Солуньская железная дорога протяженностью 60 км была доведена до монастыря Гэгэнмяо [11. С. 61–62]. К моменту провозглашения империи была выстроена западная ветка Хулудаоской магистрали и завершалось строительство Таосоской железной дороги (линия Таоань–Солунь), протянуть которую в дальнейшем предполагалось в Баргу к Ганьчжуру или Хайлару.

Из состава хошуна Чжасокту-вана, как и состава других хошунов, были выведены уезды Кайтун, Таонань и Таоань, а также «район, расположенный к югу от линии, начинающейся от м. Люху Тунюаньского уезда и проходящий по горам Аонюшань, Андайшань и кончающийся в м. Мынциньхада» [11. С. 65].

Население хошуна Тушету-вана составляла 63 200 человек. Его особенностью было большое количество (16) буддийских монастырей, где ежегодно совершались службы всех хошунов Чжеримского сейма. В.А. Кормазов пишет: «Из территории хошуна, по декрету правительства Маньчжу-Го от 10 мая 1933 г., выделены целиком уезд Чжанюй (без школьных земель) и уезд Туцюань» [11. С. 59].

Население хошуна Тушету-гуна составляло 72 029 человек, в нем также имелось 7 буддийских монастырей, а из его состава были выведены уезды Аньгуан и Чжэньдун [11. С. 65].

Из княжества Чжалайт в границах одноименного аймака при его включении в состав области / губернаторства был исключен уезд Далай, а также, «как отмечает «Правительственный вестник Маньчжу-Го» № 130 от 10 мая 1933 г. [30], районы, расположенные к востоку от линии, начинающейся у горы Шабаэртайшань в уезде Тайлай, проходящей горы Иншань и Даюйшу и кончающейся у «обо» около кумирни Ламамяо; затем к югу от линии, начинающейся у «обо» около кумирни Ламамяо в уезде Цзинсин и кончающейся у «обо» около кумирни Байцимяо (Балацзиэрмяо), и, наконец, район, расположенный к северо-востоку от линии, начинающейся у означенного выше «обо», проходящей прямо на северо-восток до реки Ханьдаханьхэ, а затем идущей вверх по течению ее притока Хуванэркухэ (Уэргэньхэ) и кончающейся у истока этого притока» [11. С. 65]. Население княжества составляло 95 044 человека, оно существенно изменилось из-за пришлых монголов из сейма Чжосоту в результате его колонизации.

1 сентября 1935 г. администрация губернаторства была переведена в поселок Ванъемяо (в пер. «Княжеский храм»), позже переименованный в Синань (ныне городской уезд Улан-Хото аймака Хинган), с именем которого связаны бурные события в истории послевоенной Внутренней Монголии.

1 октября 1943 г. с объединением областей в единую провинцию Хинган Южное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Южной области провинциального управления Хингана в составе 5 хошунов: Хорчинский левого крыла передний хошун, Хорчинский левого крыла центральный хошун, Хорчинский левого крыла хошун, Хурэ-Ци и Найман-Ци (ныне одноименный хошун городского округа Тунляо). Также в состав вошло 2 уезда: Тунляо и Кайлу, переданный из ведения Западного губернаторства (ныне одноименный уезд городского округа Тунляо).

Первым губернатором стал последний князь Хорчинского правой руки центрального хошуна (Тушэтувана) Еши Хайшун (?–1944), в 1890 г. ставший регентом, а после убийства отца в 1901 г. принявший хошун. Принимавший участие в событиях, связанных с именем князя Удая, Еши Хайшун все же перешел в итоге на сторону центрального правительства и с 1920 г. находился в тесном контакте с Чжан Цзолинем. С созданием Маньчжоу-Го и образованием Хингана в марте 1932 г. он был назначен губернатором Южной области. Из-за инцидента с перестрелкой в январе 1933 г. князь был фактически отстранен от управления областью, но не лишен должности, сохранив ее и в декабре 1934 г., после преобразования области в губернаторство, и покинув этот пост лишь в июле 1936 г.

Следующим губернатором стал Шоу Минъа (1885–1947), служивший в 1912 г. помощником южногорлосского тусалакчи, в 1916 г. назначенный советником при национальном правительстве Китайской Республики, а с 1922 г. по 1924 г. состоявший членом китайского парламента. Одновременно с этим он выполнял обязанности советника командира Отдела безопасности Трех Восточных провинций. В 1923 г. был назначен советником президента Китая и Фэнтяньского правительства, а с 1924 г. пребывал в различных должностях органов власти, отвечающих за национальную политику. С занятием японцами Маньчжурии и созданием провинции Хинган был назначен руководителем администрации Управления / Главного управления этой провинции. В 1934 г. переведен на должность руководителя департамента гражданских дел Министерства по делам Монголии, а в июле 1936 г. назначен губернатором Южного губернаторства, проработав в этой должности до апреля 1942 г., когда его сменил Боян Манду. После капитуляции Японии в 1945 г. Шоу Минъа при поддержке корейских партизан выступил против Коммунистической партии Китая и при участии Советской армии создал режим на Северо-Востоке Хингана. С образованием в апреле 1947 г. правительства Автономного района Внутренняя Монголия был назначен советником правительства, но в декабре 1947 г. обвинен в предательстве и казнен.

Подводя промежуточный итог реализации японской стороной своей национальной политики в Мань-

чжоу-Го и значения в связи с этим провинции Хинган, необходимо констатировать следующее. Во-первых, Япония всеми силами старалась избежать открытых военных столкновений с китайской стороной и перехода подконтрольных ей территорий на континенте под ее суверенитет, как это было с Кореей. Данная политика объяснялась с разных позиций. Наиболее существенным аргументом против прямого подчинения являлась вероятность наступления правовых последствий: смена правового статуса занятых территорий на статус оккупированных влекла однозначно негативную реакцию международного сообщества. Помимо этого, в слишком долгом и выматывающем процессе противостояния с другими державами и Лигой Наций было упущено время: японская армия была готова к войне в 1931 г., когда у России были слабые позиции во Владивостоке и вдоль Тихоокеанского побережья, но не готова в 1932–1933 гг.

Во-вторых, важность занятия монгольских территорий заключалась в том, что Япония планировала развернуть свою деятельность в Синьцзяне, который находился под советским влиянием. Таким образом, обе стороны участвовали в своеобразной «закулисной» войне, а Япония, используя Хинган для размещения своей армии, выстраивала план по удалению Советской России из Внешней Монголии, что обеспечило бы монгольское единство для возможного воссоздания Монгольской империи и включения в зону своего влияния территории Восточного Туркестана. И для этих целей японцы нашли благодатную почву в виде страшащегося китайской колонизации региона и его лидеров, рассчитывающих на поддержку против китайцев. Как справедливо заметил О. Латтимор, «…следствием этого было то, что, если монгол считал возможным иметь дело с японцами, он должен был поддержать монгольскую политическую структуру, в которой аристократия и церковь получали иностранную помощь. И наоборот, если он думал, что Япония более опасна, чем Советский Союз, он должен был быть готовым к защите от Японии Монгольского государства, которое должно было строиться на антифеодальных и антиклерикальных принципах» [31]. Однако монгольской политической элите не удалось окончательно просчитать все позитивные и негативные последствия такого сотрудничества.

Уже совсем скоро японцы перейдут от политики уговоров и договоров к политике угроз и санкций, апогеем и переломным моментом станет «Инцидент с Лин Шэном» – представителем баргинской родовой аристократии, сумевшим поставить интересы региона и своего народа выше собственной жизни, что заставило японцев и монголов пересмотреть свое отношение друг к другу и в итоге покончить с идеей мирного взаимного сосуществования.

Список источников

1. Дацышен В.Г. СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства // Евразия: государство и право. 2018. № 10. С. 38–52.
2. Mongolia. Country Now Prominent // Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954). 1934. Aug. 23.
3. No territorial designs // The Straits Times. 1937. Oct. 18.
4. Manchukuo. Western Frontier Incidents // Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954). 1935. Feb. 26.
5. Цыбенов Б.Д. Дауры на пути к национальной автономии. Очерки истории (1912–1958 гг.) // Евразия: государство и право. 2017. № 7. С. 65–76.
6. An Eye-witness in Mongolia I. – Benefactions of Japan // The Times. 1935. March 25.
7. Big offensive launched // The Straits Times. 1933. May 9.
8. Mongols get autonomy // The New York Times. 1934. Apr. 25.
9. Powell J. Mongolians declare independence. Inner Mongolia declares itself free from China // Chicago Daily Tribune. 1933. Oct. 14.
10. Passes to be returned? // The Straits Times. 1933. Oct. 24.
11. Кормазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.
12. Великая Маньчжурская Империя : к десятилетнему юбилею. Харбин : Изд. Гос. орг. Кио-ва-кай : Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. 416 с.
13. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 1. 1 апр. = 滿洲國《政府公報》第 1 號 1932 年 4 月 1 日.
14. Цзян Няньдун и др. История марионеточного государства Маньчжоу-Го. Цзилинь : Народное изд-во провинции Цзилинь, 1980. =姜念东 等 : 伪满洲国史 吉林人民出版社 1980 年.
15. Шэнь Янь. Великолепные руины построек марионеточного государства Маньчжоу-Го в Чанчуне. Цзилинь : Фотоизд-во провинции Цзилинь, 2002. = 沈燕 : 长春伪满遗址大观 吉林摄影出版社 2002 年.
16. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 2. 15 апр. = 滿洲國《政府公報》第 2 號 1932 年 4 月 15 日.
17. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 18. 27 июня 1932 г. = 滿洲國《政府公報》第 18 號 1932 年 6 月 27 日.
18. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1932. № 65. 12 нояб. =滿洲國《政府公報》第 65 號 1932 年 11 月 12 日.
19. Маньчжурия : экономическо-географическое описание. Харбин, 1934. Ч. 1. 385 с.
20. Положение об организации Управлении отдельных провинций Синь-Ань : Высочайший Указ № 164, 29 ноября 1 г. Кан-Дэ // Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1936. Вып. 1. С. 106–109.
21. Положение об организации знамен : Указ Верховного Правителя № 75, 1 июля, г. Да-Тун // Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1936. Вып. 1. С. 122–128.
22. Новейшая история Китая, 1928–1949 / отв. ред. М.И. Сладковский. М. : Наука, 1984. 438 с.
23. Japan's bluff // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1934. Nov. 7.
24. Биографический словарь Китайской Республики / гл. ред. Сюй Ючунь. Шицзячжуан : Народное изд-во провинции Хэбэй, 1991. = 徐友春主编, 民国人物大辞典，河北人民出版社，1991 年.
25. Болобан А. Цицикар : экономический очерк // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 74–121.
26. Новая газета Восточной Монголии. 1946. 13 марта. = 《东蒙新报》，1946 年 3 月 13 日).
27. Богословский В.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. 263 с.
28. Ван Эньцзюнь, Ван Шии. Вехи национально-освободительного движения во Внутренней Монголии : обзор совещания 3 апреля // Вестник Педагогического института народностей Внутренней Монголии (Общественные науки). 1989. № 4. С. 77–79 = 汪恩郡, 王士一 : 《内蒙古民族解放的里程碑——"四·三"会议评述》。发表于"内蒙古民族师院学报(社会科学汉文版)", 1989(4):77-79.
29. Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае : материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экон. бюро Китайской Восточной железной дороги; предисл. М.Я. Михайлова. Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1932. LVIII. 393, [3] с.

30. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1933. № 130. 10 мая = 滿洲國《政府公報》第 130 號 1933 年 5 月 10 日.
31. Lattimore O. Satellite Politics, the Mongolian Prototype // The Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9 (1). P. 36–43.

References

1. Datsyshen, V.G. (2018) SSSR i Man'chzhou-Go: problemy sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva [The USSR and Manchukuo: Problems of Soviet Recognition of a Quasi-State]. *Evraziya: gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 38–52.
2. *Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954)*. (1934) Mongolia. Country Now Prominent. 23rd August.
3. *The Straits Times*. (1937) No territorial designs. 18th October.
4. *Sydney Morning Herald (NSW: 1842–1954)*. (1935) Manchukuo. Western Frontier Incidents. 26th February.
5. Tsybenov, B.D. (2017) Daury na puti k natsional'noy avtonomii. Ocherki istorii (1912–1958 gg.) [Daurs on the Path to National Autonomy. Historical Essays (1912–1958)]. *Evraziya: gosudarstvo i pravo*. pp. 65–76.
6. *The Times*. (1935) An Eye-witness in Mongolia I. – Benefactions of Japan. 25th March.
7. *The Straits Times*. (1933) Big offensive launched. 9th May.
8. *The New York Times*. (1934) Mongols get autonomy. 25th April.
9. Powell, J. (1933) Mongolians declare independence. Inner Mongolia declares itself free from China. *Chicago Daily Tribune*. 14th October.
10. *The Straits Times*. (1933) Passes to be returned?" 24th October.
11. Kormazov, V.A. (1934) Khintangskaya provintsiya [Hingan Province]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1. pp. 31–74.
12. Anon. (1942) *Velikaya Man'chzhurskaya Imperiya: k desyatiletnemu yubileyu* [The Great Manchurian Empire: To the Tenth Anniversary]. Harbin: Izd. Gos. org. Kio-va-kai: Gl. byuro po delam ros. emigrantov v Man'chzhur. imperii.
13. *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932a) 1st April.
14. Jiang Niandong et al. (1980) *Istoriya marionetochnogo gosudarstva Man'chzhou-Go* [History of the Puppet State Manchukuo]. Jilin: Narodnoe izdatel'stvo provintsii Tsilin.
15. Shen Yan. (2002) *Velikolepnyye ruiny postroek marionetochnogo gosudarstva Man'chzhou-Go v Chanchune* [The Splendid Ruins of Manchukuo Puppet State Buildings in Changchun]. Jilin: Fotoizdatel'stvo provintsii Tsilin.
16. *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932b) 15th April.
17. *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932c) 27th June.
18. *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1932d) 12th November.
19. Anon. (1934) *Man'chzhuriya: ekonomichesko-geograficheskoye opisaniye* [Manchuria: An Economic-Geographical Description]. Vol. 1. Harbin: [s.n.].
20. Manchu-Di-Go. (1936a) Polozheniye ob organizatsii Upravlenii otdel'nykh provintsiy Sin'-An': Vysochayshiy Ukaz No. 164, 29 noyabrya 1 g. Kan-De [Regulations on the Organization of the Administration of the Xing'an Provinces: Imperial Decree No. 164, November 29, 1st Year of Kangde]. In: *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzhu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Decrees of Manchu-Di-Go in Russian]. Vol. 1. Harbin: Osava Zhung. pp. 106–109.
21. Manchu-Di-Go. (1936b) Polozheniye ob organizatsii znamen: Ukaz Verkhovnogo Pravitelya No. 75, 1 iyulya, g. Da-Tun [Regulations on the Organization of Banners: Decree of the Supreme Ruler No. 75, July 1, Year of Datong]. (1936). In: *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzhu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Decrees of Manchu-Di-Go in Russian]. Vol. 1. Harbin: Osava Zhung. pp. 122–128.
22. Sladkovskiy, M.I. (ed.) (1984) *Noveyshaya istoriya Kitaya, 1928–1949* [The Modern History of China, 1928–1949]. Moscow: Nauka.
23. *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. (1934) Japan's bluff. 7th November.
24. Xu Youchun. (1991) *Biograficheskiy slovar' Kitayskoy Respubliki* [Biographical Dictionary of the Republic of China]. Shijiazhuang: Narodnoe izdatel'stvo provintsii KHebei.
25. Boloban, A. (1909) Tsitsikar: ekonomicheskiy ocherk [Qiqihar: An Economic Essay]. *Vestnik Azii*. 1. pp. 74–121.
26. *Novaya gazeta Vostochnoy Mongolii*. (1946) 13th March.
27. Bogoslovskiy, V.A. (1984) *Natsional'nyy vopros v Kitaye (1911–1949)* [The National Question in China (1911–1949)]. Moscow: Nauka.
28. Wang Enjun & Wang Shiyi. (1989) Vekhi natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya vo Vnutrenney Mongolii: obzor soveshchaniya 3 aprelya [Milestones of the National Liberation Movement in Inner Mongolia: A Review of the April 3rd Conference]. *Vestnik Pedagogicheskogo instituta narodnostey Vnutrenney Mongolii (Obshchestvennyye nauki)*. 4. pp. 77–79.
29. Surin, V.I. (1932) *Zheleznyye dorogi v Man'chzhurii i Kitaye: materialy k transportnoy probleme v Kitaye i Man'chzhurii* [Railways in Manchuria and China: Materials on the Transport Problem in China and Manchuria]. Harbin: Tip. Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi.
30. *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhou-Go*. (1933) 10th May.
31. Lattimore, O. (1956) Satellite Politics, the Mongolian Prototype. *The Western Political Quarterly*. 9(1). pp. 36–43.

***Сведения об авторе*:**
Дудин Павел Николаевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Dudin Pavel N. – Doctor of Science (in Historical, Sc.D), Doctor Habilitatus in Political Science (Dr. Habil), Doctor of Science (in Law, Sc.D), Docent, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 18.11.2022; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 001.3
doi: 10.17223/19988613/98/12

Стратегии научно-технологического роста: опыт России и Великобритании

Елена Владимировна Хахалкина

Томский государственный университет, Томск, Россия, ekhakhalkina@mail.ru

Аннотация. Ставится цель соотнести российский и зарубежный (на примере Великобритании) опыт формулирования стратегий научно-технологического (и инновационного) развития, задачи, инструменты и трудности их реализации. На основе проведенного анализа делаются выводы о том, что РФ и Соединенное Королевство уделяют повышенное внимание достижению научно-технологического лидерства, причем все возрастающее влияние на их стратегии оказывают быстро меняющиеся международные реалии, включая общую конфликтность в мире и прогресс в области развития искусственного интеллекта.
Ключевые слова: наука, технологии, РФ, Великобритания, инновации, технологический суверенитет, «большие вызовы», таланты

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Хахалкина Е.В. Стратегии научно-технологического роста: опыт России и Великобритании // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 103–112. doi: 10.17223/19988613/98/12

Original article

Strategies for scientific and technological growth: the experience of Russia and Great Britain

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ekhakhalkina@mail.ru

Abstract. The article aims to compare Russian and foreign (using the UK as an example) experience in formulating strategies for scientific and technological (and innovative) development, tasks, tools and difficulties in their implementation. Scientific and technological competition in the world has taken unprecedented forms. Increased military confrontation in different regions of the world is pushing scientific progress, creating a demand in a number of countries for generating breakthrough solutions in the context of reformatting the world order. The article provides a comparative analysis of Russian and British strategies in the field of scientific and technological development. Both countries have noticeable positions on the world map of technologies, having been or are among the top five or ten countries-leaders in terms of investment in R & D, attracting foreign students, the level of ambitions in the field of technology and international leadership.

The first chapter of the article characterizes Russian strategic documents in the field of scientific and technological development (adopted after the start of the Special Military Operation 24/02/2022), in the second part of the text similar British strategies (adopted on the eve of and after the country's exit from the European Union, so called Brexit) analyzed by the author. Particular attention is paid to the problem of shortage of personnel and attracting talented youth, which is typical for both countries. The third section of the text presents a table compiled by the author based on a comparative analysis, identifying the common and specific features in the Russian and British cases, the connection between the tasks set by both countries in the scientific and technological sphere with the foreign policy context and changes in the industrial structure. The table provides a clear picture of the similarities and differences both in the presentation itself and in the prioritisation of the scientific, technological and innovation strategies of the two countries. It is concluded that both countries are paying increased attention to scientific and technological spheres, and that the rapidly changing international realities, including the general conflict in the world, are having an ever-increasing influence on the formulation of relevant strategies, and as a result, the task of achieving technological sovereignty is becoming a priority for Russia, and leadership in the field of artificial intelligence - for Britain.
Keywords: science, technologies, Russian Federation, Great Britain, innovations, technological sovereignty, "great challenges", talents

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia, project No FSWM-2024-0008.

© Е.В. Хахалкина, 2025

For citation: Khakhalkina, E.V. (2025) Strategies for scientific and technological growth: the experience of Russia and Great Britain. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 103–112. doi: 10.17223/19988613/98/12

Введение

Научно-технологическая конкуренция в мире приняла беспрецедентные формы. Усиление военной конфронтации в разных регионах мира подталкивает научный прогресс, создавая в ряде стран запрос на генерирование прорывных решений и лидерство в условиях переформатирования мирового порядка. В статье проводится сравнительный анализ российских и британских стратегий в области научно-технологического развития. Оба государства имеют высокие позиции на мировой карте технологий, в разные годы входили или входят в пятерку или десятку стран-лидеров по показателям вложений в НИОКР, привлечению иностранных студентов, уровню амбиций в сфере технологий и международного лидерства.

Основные положения российских документов стратегического характера в научно-технологической сфере

В мае 2023 г. было издано распоряжение правительства РФ об утверждении «Концепции технологического развития на период до 2030 года» [1]. Документ был разработан в рамках реализации перечня поручений Президента РФ для определения приоритетных стратегических направлений деятельности правительства после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции (СВО) и в условиях усиления санкционного давления на страну.

В Концепции подробно излагается сложившаяся в России ситуация в технологической сфере, включая существующие трудности. В тексте названы четыре масштабные угрозы, которые препятствуют развитию страны. Среди них недостаточная способность российской экономики адаптироваться к глобальным трендам, резкое ускорение процесса распространения качественно новых технологий, в том числе цифровых, радикально меняющиеся рынки и производственные системы, усложнение технологий. Определенную роль играет влияние на глобальную экономику климатических изменений, что приводит к ограничительным мерам на импорт и снижение потребления углеводородов и сырьевых товаров. Одной из серьезных угроз назван отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж, что ослабляет конкурентоспособность российской экономики. «Утечка умов» остается глобальной проблемой, с которой сталкивались и продолжают сталкиваться на разных фазах своей экономической активности не только Россия, но и другие страны. В документе зафиксировано, что «в потоке свободной трудовой миграции возрастает доля высококвалифицированных специалистов с высоким интеллектуальным потенциалом, которые становятся участниками уже не национального, а глобального рынка труда (в их числе молодые исследователи, инженерные кадры, ИТ-специалисты)» [1].

Несмотря на предпринимаемые меры, не только Россия, но и другие страны обеспокоены эмиграцией квалифицированных специалистов за рубеж. Преодоление этой и других проблем вряд ли осуществимо в краткосрочной перспективе. Требуется достаточный временной задел. Например, обозначенное в концепции отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста проблематично преодолеть за короткий промежуток времени. Это же относится к ставшим хроническими для российских реалий проблемам нехватки финансовых ресурсов, низкого престижа науки (и, соответственно, профессии ученых, преподавателей). Хотя в тексте предлагаются инструменты по преодолению «кадрового голода», развития «мягких навыков и компетенций», совершенствования образовательных программ и др., их реализация объективно требует не только достаточных ресурсов, но и времени. «Проект 5-100», нацеленный на вхождение российских университетов в мировое образовательное пространство, показал это в полной мере. За период реализации программы (2012–2020) ряд российских вузов вошел в международные рейтинги (QS, THE), но ни один из них так и не попал в топ-100 мировых рейтингов[1]. При этом названная программа сыграла и большую положительную роль: задала планку российским вузам, способствовала лучшему узнаванию России и российских ученых за пределами страны, пониманию своих конкурентных преимуществ и системных проблем.

Авторы Концепции считают, что в настоящее время можно говорить о наступлении третьего этапа технологического развития российской экономики, который требует качественных изменений в подходах к развитию страны. Жизненно важным становится достижение технологического суверенитета через критические и сквозные технологии собственных разработок к 2030 г. К критическим технологиям относится решение важнейших производственных задач по созданию системно значимых видов высокотехнологичной продукции. Например, это технологии в области микроэлектроники, станкостроения, биоинженерии, обработки материалов и др. Сквозные технологии – перспективные технологии межотраслевого значения, определяющие будущий облик экономики и отдельных отраслей в среднесрочной перспективе. К ним относятся технологии искусственного интеллекта (ИИ), новых материалов, квантовых вычислений и коммуникаций, накопления энергии, систем связи, космических систем.

28 февраля 2024 г. был издан Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [2]. Содержание этого документа в еще большей степени указывает на тесную связь научных задач страны и внешнеполитического контекста. Фактическая изоляция РФ от западного научного и образовательного пространства как реакция ряда стран на проведение СВО актуализировала для России значимость триады «наука–образование–промышлен-

ность». На разных площадках высокого уровня, посвященных обсуждению новой модели образовательной системы после запланированного на осень 2025 г. окончательного выхода из Болонской системы, отмечается необходимость более тесного взаимодействия университетов, предприятий и бизнес-сферы.

В Стратегии, рассчитанной до 2030 г., зафиксированы принципы, основные направления государственной политики в указанной области, меры по ее реализации и ожидаемые результаты. В п. 4 даются пояснения использованных в документе терминов, таких как «наукоемкие технологии», «квалифицированный заказчик», «важнейший инновационный проект государственного значения», «конкурентоспособность» и «независимость государства» и др. [2].

Ключевые положения Стратегии вслед за Концепцией 2023 г. предусматривают достижение национального и технологического суверенитета. В тексте ставится задача концентрации усилий на разработке широкой линейки наукоемких технологий в разных сферах жизни, включая высокотехнологичное здравоохранение, переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, технологий машинного обучения и искусственного интеллекта и др.

Авторы выделяют три значимых этапа в государственной политике в области научно-технологического развития в постсоветский период: 1991–2001 гг., 2002–2021 гг. и с 2022 года по настоящее время – этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления, сопровождающийся консолидацией общества и хозяйствующих субъектов для решения задач научно-технологического развития.

Следует заметить, что в документе справедливо отмечаются негативные тенденции, среди которых:

а) несогласованность приоритетов научно-технологического развития и инструментов его поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях;

б) низкая восприимчивость экономики к технологическим инновациям, слабое взаимодействие реального сектора экономики с сектором научных исследований и разработок, а также разомкнутость единого инновационного цикла проведения научных исследований, создания разработок и коммерциализации технологий;

в) концентрация научно-технологического и образовательного потенциала в ограниченном числе регионов страны;

г) следование глобальным технологическим трендам без комплексного учета текущих и будущих запросов российской экономики и общества, отвечающих национальным интересам Российской Федерации [2].

В стратегии признается, что эти явления создают риски отставания России от государств – мировых технологических лидеров и обесценивания внутренних инвестиций в науку и технологии, снижают конкурентоспособность страны, ставят под угрозу обеспечение ее независимости и национальной безопасности. В пункте «в» ст. 29, например, говорится о необходимости доступа исследователей и исследовательских коллективов к национальным и международным информационным ресурсам, результатам научных исследований, соответствующей инфраструктуре [2]. Современные же реалии пока не позволяют реализовать этот и другие пункты указанной статьи Стратегии. После начала СВО страны, не поддержавшие Россию, прекратили с ней почти все форматы научного взаимодействия: российским ученым было отказано в доступе к грантовым конкурсам и стажировкам; многие западные издательства перестали принимать к рассмотрению и / или публикации статьи отечественных исследователей, началась научная эмиграция [3. С. 141]. Хотя многие из уехавших россиян вернулись, за пределами страны остается, по разным оценкам, от 650 тыс. чел. [4] до 920 тыс. [5]. Количество эмигрировавших российских ученых оценивается в 2,5 тыс. чел [6].

Распад прежних форм международного сотрудничества, их заморозка или полное прекращение играют и отрицательную и положительную роль. С одной стороны, замедляются темпы освоения мирового научного знания российскими учеными, затрудняется контакт между специалистами (хотя заметим, что отчасти распад связей с европейскими странами и США компенсируется в некоторых случаях усилением взаимодействия с другими государствами). С другой стороны, при отсутствии западных технологий отечественные инновационные предприятия получили импульс для развития и поддержку от государства. Согласно одному из опросов, проведенному ВШЭ, «свыше четверти российских компаний (28%) смогли использовать новые возможности: почти каждой десятой фирме (9%) удалось нарастить долю на традиционных рынках, 7% фирм нашли ниши для новых продуктов, 6% вышли на новые для себя рынки, 4% привлекли квалифицированные кадры» [7].

В Третьем разделе Стратегии названы «большие вызовы для общества, государства и науки». В этой части документа просматривается преемственность со Стратегией научно-технологического развития от 1 декабря 2016 г., в которой впервые были сформулированы «большие вызовы». Некоторые из них повторяются в новом документе, что говорит о серьезности названных проблем, а также подчеркивает их глобальный характер. Это относится к таким, как трансформация миропорядка, исчерпание возможностей экономического роста России, демографический переход (снижение рождаемости при старении населения), возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду, потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России и др. Среди новых вызовов – качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, новые гибридные внешние угрозы национальной безопасности, необходимость эффективного освоения и использования пространства и укрепление позиций России в области экономического, научного и военного освоения космического и воздушного пространства.

Реакцией на «большие вызовы», как полагают авторы документа, должно стать своевременное создание наукоемких технологий и продукции, отвечающих в первую очередь национальным интересам РФ и не-

обходимых для существенного повышения качества жизни населения. Большую значимость приобретает создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования научно-технологического развития. В реальности, с учетом обозначенных в этом и других документах трудностей, вряд ли реалистично создание такой системы в короткие сроки.

Как видно, с внешне-формальной точки зрения стратегические документы РФ как будто намечают «желаемый образ завтра»: в них формулируются ключевые задачи, обосновывается необходимость их достижения, признаются негативные симптомы. При более глубоком же анализе заметны «хронические» трудности, которые эксперты выделяли ранее при оценке прежних стратегий в научно-технологической сфере: нехватка финансирования, рассогласованность задач в области обороны и технологий и социальной политике, рост бюрократии, слабая востребованность научной экспертизы при выработке внутри- и внешнеполитических решений. Среди других выделяют недостаточную эффективность существующих институтов и механизмов научно-технологической политики, дисбалансы в развитии регионов, разрыв между научными разработками и их внедрением в практическую деятельность [3. С. 133; 8. С. 76, 86]. К негативным явлениям следует отнести и обострение миграционных проблем на фоне СВО [9. С. 136], слабую встроенность намеченных планов в социально-экономическую систему страны [10].

С этими оценками экспертов можно согласиться, но следует иметь в виду, что в условиях сокращения горизонта планирования живут практически все государства мира. Жесткая технологическая конкуренция держав при беспрецедентной подвижности международных реалий делает любой подобный документ стратегического характера устаревшим уже в момент принятия. Скорее, такие стратегии призваны наметить некую идеальную модель развития страны, к которой можно стремиться, но которую в полном объеме достичь невозможно. Возрастающая же зависимость задач в научно-технологической сфере от внешнеполитического контекста объясняется и геополитическими особенностями. Большую роль для России как самого большого по площади государства мира традиционно играет защита протяженных границ, что объективно ориентирует подобного рода документы на формулирование ответов прежде всего на вызовы внешнеполитического характера. К этому следует добавить усиление конфронтации в мире, отмечавшееся уже на завершающем этапе пандемии и в настоящее время сопровождающее становление нового миропорядка.

7 мая 2024 г. был издан Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [11]. Этот документ развивает и дополняет некоторые из задач Стратегии НТР в формате «национальных целей». К ним относятся: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и безопасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

В документе установлены целевые показатели и задачи, направленные на «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержку семьи», прописаны требования к здоровьесбережению, показатели снижения уровня бедности, коэффициента Джини (индекс концентрации доходов), повышения опережающими темпами минимального размера оплаты труда и др.

Большое внимание уделено мерам по «реализации потенциала каждого человека, развитию его талантов, воспитанию патриотичной и социально ответственной личности». В приоритетах остается и «увеличение к 2030 г. численности иностранных студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования в российских образовательных организациях высшего образования и научных организациях, не менее чем до 500 тыс. человек». Подтверждается и ставка на молодежь, участвующую «в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75%» и другие меры.

6 февраля 2025 г. Президент РФ В.В. Путин накануне Дня Российской науки в режиме видеоконференции провел заседание Совета при Президенте по науке и образованию. На встрече обсуждались вопросы обеспечения приоритетных направлений научно-технологического развития инженерными кадрами. Было отмечено, что «ситуация в экономике, в глобальной конкуренции быстро меняется. С учетом острого, чувствительного для предприятий дефицита кадров нужно уже сейчас предпринимать нестандартные, а зачастую и экстраординарные шаги». Повышенное внимание у руководства страны вызывают подготовка инженерных кадров для нужд экономики и корректировка механизмов сотрудничества регионов, системы образования, отечественных компаний и предприятий [12].

Такой крен в сторону подготовки специалистов в области технических отраслей знания в ущерб гуманитариям ведет к дисбалансам развития внутри науки и ее ключевых направлений, «потере» человека как ключевого объекта изменений [13], недостаточному осмыслению происходящих процессов с точки зрения социогуманитарной сферы и мировоззренческих представлений.

Стратегии в научно-технологической и инновационной сфере в Великобритании до и после Брекзита

Вызовы внешнеполитического порядка, как и в случае с российским кейсом, напрямую влияют на политику Великобритании в научной сфере. В статье в качестве рубежного момента, оказавшего заметное воздействие на приоритеты, уровень расходов и инструменты британской научной политики выступает Брекзит, или

выход страны из Европейского союза. Британия покинула объединение 31 января 2020 г., но еще до официального выхода, в процессе «бракоразводной» сделки, наметила ряд изменений в научной сфере.

При выстраивании научной политики Лондон опирается на сложившийся за несколько столетий устойчивый образ страны как передовой научно-технологической державы с мощным образовательным комплексом, развитой инфраструктурой, высокими инвестициями в НИОКР, привлекательной инклюзивной средой, выстроенной вокруг английского как глобального языка общения.

Соединенное Королевство входит в десятку стран по уровню расходов на НИОКР. В 2022 г. Британия занимала 6-е место в мире по валовым расходам на НИОКР (84,22 млрд долл. по ППС). В пятерку стран входили США, Китай, Япония, Германия и Южная Корея [14]. В 2023 г. в рейтинге государств по вложениям в НИОКР в процентах от ВВП Великобритания находилась на 10-м месте (3,19%). На первом месте был Израиль (5,73%), далее располагались Южная Корея (5,22%), Соединенные Штаты (3,64%), Бельгия (3,49) и Швеция (3,42) [15].

В 2019 г., при правительстве Б. Джонсона, была опубликована «Стратегия инновационного развития Великобритании», в которой прогнозировалось, что следующее десятилетие будет периодом значительных перемен [16]. Целью было заявлено превращение королевства в глобальную научную сверхдержаву. В документе прямо признавалось, что в глобальной гонке инноваций страна сталкивается с быстро растущей конкуренцией (прежде всего со стороны Китая, Южной Кореи, Израиля и США) и «не может почивать на лаврах». Премьер-министр акцентировал, что Британия является главным соперником США и Китая во многих областях: «У нас есть 4 из 10 лучших университетов мира и технологический сектор стоимостью более одного триллиона долларов. Если объединить всего 8 наших университетских городов, то они станут домом для большего количества стартапов-единорогов стоимостью в миллиард долларов, чем вся Франция и Германия, вместе взятые» [16].

В Стратегии было запланировано увеличение ежегодных государственных инвестиций в НИОКР до «рекордных» 22 млрд ф.ст., упрощение работы инновационных компаний, создание онлайн-центров финансирования инноваций, инвестирование 200 млн ф.ст. в рамках «Программы инвестиций» в медико-биологические науки, запуск новой программы «Инновационные миссии» для решения некоторых наиболее важных проблем и др.

В документе выделялись следующие фундаментальные проблемы в научно-технологической сфере, характерные не только для Британии, но и для других стран:

– снижение инвестиций бизнеса в НИОКР по сравнению с зарубежными странами;

– низкие темпы внедрения технологий компаниями при недостаточном использовании знаний;

– риски «утечки мозгов», учитывая, что Великобритания является чистым экспортером талантов;

– дефицит навыков в некоторых ключевых областях экономики с перспективой его увеличения в ближайшие годы;

– отдача предпочтения существующим предприятиям, а не новым инновационным компаниям;

– обусловленность роста потреблением, а не инвестициями;

– необходимость защиты данных, исследований и интеллектуальной собственности для поддержания конкурентоспособности [16].

В Стратегии особое внимание обращалось на замедление темпов инноваций; одним из ключевых маркеров этого процесса было названо снижение темпов роста расходов на НИОКР – как государственных, так и частных. В Великобритании инвестиции в НИОКР неуклонно снижались в период с 1990 по 2004 г с 1,7 до 1,5% ВВП, а затем постепенно вернулись к 1,7% в 2018 г., что было ниже среднего показателя ОЭСР в 2,2% за этот период. Другие отмеченные трудности связаны с тем, как внедрять инновации. Например, стоимость каждого нового лекарства удваивается каждые девять лет с 1950 г., что требует больше вложений в производство инноваций, чем раньше [16]. В этих условиях большое значение приобрела борьба за таланты. Премьер-министр поручил Министерству внутренних дел и Министерству по делам бизнеса, энергетики и промышленной стратегии совместно с научным сообществом разработать новый ускоренный порядок выдачи виз для самых талантливых и квалифицированных специалистов [17].

Заметим, что традиционно при составлении подобных стратегий развития Великобритания максимально полно ссылается на свой внушительный репутационный капитал, который уравновешивает выявляемые проблемы и становится основой для усиления своих позиций. В выступлении в августе 2019 г. премьер-министр Б. Джонсон озвучил такие преимущества страны в научно-технологической сфере, как величайшее инновационное наследие в мире, место расположения ключевых секторов с высокой занятостью и высокими инвестициями в НИОКР, лучшие в Европе рынки венчурного капитала с самым большим объемом инвестиций в технологические компании, статус одного из ведущих мировых финансовых центров, родина 100 «единорогов» – инновационных компаний стоимостью 1 млрд долл. и более. Как важнейший символический капитал позиционируется университетская система страны: четыре британских университета входят в десятку лучших в мире, а 18 – в сотню лучших; богатое разнообразие источников финансирования для НИОКР, включая множество исследовательских благотворительных организаций. При менее чем 1% населения мира на долю Великобритании приходится 4% исследователей, 7% мировых академических публикаций и 14% самых цитируемых мировых академических публикаций [17].

Одним из негативных проявлений предстоящего на тот момент Брекзита была неопределенность по поводу участия страны в программе «Горизонт Европа» [18]. Это крупнейшая программа финансирования ЕС в области исследований и инноваций. Сумма финанси-

рования на период 2021–2027 гг. составляет 93,5 млрд евро. Программа нацелена на решение проблем изменения климата, достижения Целей устойчивого развития ООН и повышение конкурентоспособности и роста ЕС; в рамках ее реализации предусматривается создание новых рабочих мест, стимулирование экономического роста, повышение конкурентоспособности промышленности на европейском исследовательском пространстве [18].

Программа была значимым источником финансирования для британских исследователей. Камнем преткновения в переговорах между Лондоном и Брюсселем стало урегулирование Североирландского протокола в условиях достижения договоренностей о выходе страны из Европейского союза. Выпадение страны из программы затруднило бы для британских университетов набор лучших квалифицированных кадров в области науки, технологий, инженерии и медицины (STEM) из стран Евросоюза и инвестиций для развития технологий и их внедрение в экономику. Участие исследователей из Британии в крупных научных проектах стран ЕС оказалось под ударом, особенно в условиях, когда от степени международной мобильности зависит скорость разработки новых прорывных технологий.

31 января 2020 г. Великобритания вышла из состава Евросоюза. Брекзит привел к ограничению доступа на территорию страны квалифицированных специалистов из ЕС, хотя усилия правительства по либерализации иммиграционной системы были направлены на смягчение этой проблемы, что лишь частично компенсировало прекращение свободного перемещения на территории союза. Выход из ЕС затруднил инвестирование в секторах экономики, где занято много работников STEM. После референдума о членстве страны в Евросоюзе 23 июня 2016 г. бизнес-инвестиции в эти сектора стагнировали, а затем значительно упали во время пандемии и выхода из единого рынка [19].

В 2021 г. обновленные цели в области государственной научно-технологической политики нашли отражение в документе «Назад к восстановлению: наш план роста» (Build Back Better: our plan for growth) [20]. В Предисловии премьер-министр Б. Джонсон сделал отсылку к недавней пандемии и усилиям исследователей, правительства и промышленности для изобретения вакцины. В 2021 г. страна первой в мире приступила к реализации программы массовой вакцинации от COVID-19. Глава правительства также обратил внимание на региональные дисбалансы в распределении «мозгов и талантов», которые преимущественно сосредоточены в Лондоне и на Юго-Востоке [20]. Действительно, одна из проблем для Великобритании состоит в том, что научно-технологические кластеры расположены главным образом в крупных городах, таких как Лондон, Кембридж и Оксфорд. Это приводит к региональному неравенству, когда менее развитые регионы остаются без доступа к новейшим технологиям и инфраструктуре. Б. Джонсон обещал выровнять сложившиеся диспропорции, чтобы «карта всего нашего Соединенного Королевства была усеяна конкурентоспособными городами и оживленными поселками, которые являются центрами жизни – местами, которые люди с гордостью называют домом, с доступом к услугам и рабочим местам, необходимым для процветания» [20].

Во вступительном слове к документу канцлера казначейства Р. Сунака был сделан акцент на связанности инновационных задач с реализацией внешнеполитической доктрины «Глобальная Британия» и сотрудничеству с партнерами через такие площадки, как «Группа Семи», Конференции ООН по изменению климата и др. [20]. Важное внимание было уделено привлечению талантов и стимулированию инвестиций; признавалась роль иностранных работников в научно-технологическом развитии: инновационные предприятия создают рабочие места в стране и активно нанимают мигрантов или основаны мигрантами. В тексте были приведены данные о том, что «около 42% британских финтехработников являются иностранцами и, хотя только 14% резидентов Великобритании родились за границей, 49% самых быстрорастущих предприятий страны и девять из 14 британских «единорогов» (стартапов с оценкой в 1 млрд долл.) имеют по крайней мере одного иностранного соучредителя.

Соответственно, ставились задачи по облегчению визового режима для «привлечения и удержания лучших и самых ярких со всего мира» [20]. Правительство, руководствуясь призывом Б. Джонсона, разработало балльную систему (взяв за основу балльно-рейтинговую систему Австралии) для создания единой глобальной системы иммиграции. Разработанная схема позиционировалась как более справедливый механизм, ориентированный на привлечение квалифицированных специалистов, основателей бизнеса и тех, кто обладает признанным или высокопотенциальным талантом в своей области [20].

Другие меры предусматривали расширение критериев отбора в визовой программе Global Talent, чтобы победители мировых конкурсов и премий, стипендий и других элитных программ автоматически получали британские визы. В рамках действующей визовой системы Innovator предполагалось упростить получение визы для тех, у кого есть навыки и опыт основания инновационных предприятий в Великобритании. К весне 2022 г. был запущен единый маршрут «Глобальной деловой мобильности» для зарубежных компаний, стремящихся к регистрации в Британии или размещению своего персонала в стране. В дополнение к этим мерам предполагалось модернизировать иммиграционную систему, оптимизировав процессы спонсорства и расширив Глобальную программу предпринимательства [20].

В феврале 2023 г. в Великобритании был создан новый Департамент науки, инноваций и технологий (DSIT), в задачи которого входило превращение страны в «самую инновационную экономику в мире» и «научно-технологическую сверхдержаву». В марте 2023 г. под эгидой созданной структуры была опубликована «Рамочная программа по науке и технологиям» [21]. В документе были определены пять ключевых технологий и выделено 250 млн ф. ст. на три из них: искусственный интеллект, квантовые технологии и инженерную биологию.

Осенью 2023 г. произошло этапное событие. Великобритания вернулась после полугодового периода

переговоров и на основе нового соглашения с ЕС в программы «Горизонт Европа» и «Коперник» [22]. Научное сообщество Соединенного Королевства приветствовало эти изменения [23]. С 1 января 2024 г. Соединенное Королевство начало вновить взносы в две указанные программы в размере 2,6 млрд ф.ст. в год, британские исследователи вновь стали участвовать в программе «Горизонт Европа» на тех же условиях, что и исследователи из государств-членов ЕС [24].

В феврале 2024 г. правительство Р. Сунака представило документ «Структура науки и технологий Великобритании» [25]. В тексте подтверждались определенные ранее 5 критически важных технологий: ИИ, инженерная биология, будущее телекоммуникаций, полупроводники, квантовые технологии. В документе также оговаривалось, что Национальный совет по науке и технологиям Великобритании будет ежегодно пересматривать этот список исходя из быстро меняющихся научно-технологических процессов [25]. Для развития указанных направлений планировалось сосредоточение усилий в улучшении навыков населения в дисциплинах STEM, рост инвестиций в инновационные компании и др. Конкретные результаты к 2030 г. предполагают укрепление статуса Великобритании как научной державы на мировой арене, формирование чувства общих целей у населения в области науки и технологий, акцент на информирование жителей об «историях успеха» британских исследователей. В тексте, например, приводятся данные о том, что только 57% жителей страны считают, что наука может создавать больше возможностей для трудоустройства; этот показатель, согласно документу, должен быть не менее 80% [25].

В июле 2024 г. в результате всеобщих парламентских выборов консервативное правительство Р. Сунака ушло в отставку; к власти пришли лейбористы. В январе 2025 г. Департамент науки, инноваций и технологий представил «План действий по возможностям искусственного интеллекта» [26]. Это рекомендации для правительства по ускоренному развитию ИИ, который позиционируется как залог национального обновления, роста и повышения уровня жизни. На сегодняшний день Британия является третьим по величине рынком ИИ после США и Китая и продолжает продвигать свой международный имидж как одного из ведущих инновационных государств мира [27. С. 73]. В документе подчеркивается, что, в отличие от подходов консерваторов, лейбористы «бросят все силы» на поддержку компьютерных наук. Ожидается, что развитие ИИ принесет Великобритании в среднем до 47 млрд ф.ст. в год в течение десятилетия. Три крупные технологические компании – Vantage Data Centres, Nscale и Kyndryl – обязались инвестировать 14 млрд ф.ст. в развитие инфраструктуры, необходимой Великобритании для использования потенциала отрасли и создания 13 250 рабочих мест по всей стране [28].

Ключевые изменения в Плане включают создание новых зон роста ИИ для ускорения предложений по планированию и развитию дополнительной инфраструктуры, принятие мер по превращению Британии в сверхдержаву чистой энергии и др. Все это потребует перестройки системы образования: предполагается увеличить численность выпускников в области компьютерных технологий. Согласно приводимым в документе данным, в 2022 г. 46 тыс. студентов Великобритании окончили программы в сфере ИИ. Хотя это самый высокий показатель в Европе (на втором месте Германия – 32 тыс. чел.), страна отстает от Финляндии и некоторых других государств на душу населения, и спрос на квалифицированные кадры в этой отрасли остается высоким.

К трудностям в реализации британских Стратегий кроме названных выше можно отнести визовые ограничения и бюрократические барьеры, высокую стоимость жизни и широкий комплекс проблем в социально-экономической сфере, таких как нехватка жилья, рост нелегальной иммиграции, перегруженность социальной и материальной инфраструктуры, проблемы в работе Службы национального здравоохранения и др. Согласно Глобальному инновационному индексу Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2023 г. Великобритания переместилась с 4-го на 5-е место. По данным ВОИС, наиболее существенная слабость страны – это валовое накопление основного капитала (ВНОК, Gross Fixed Capital Formation), по которому страна занимает 107-е место из 133 включенных в рейтинг стран [29]. Этот показатель часто ассоциируется с расходами на физические активы, такие как машины, здания и инфраструктура. Однако он также включает инвестиции в нематериальные активы, в частности продукты интеллектуальной собственности (ПИС), разведка полезных ископаемых, программное обеспечение и базы данных. В Великобритании общий ВНОК оставался неизменным в течение почти трех десятилетий. В последние же годы наблюдалось снижение доли ПИС в ВНОК в пользу физического капитала [29].

Таким образом, перед Британией, несмотря на впечатляющий символический капитал в области науки и образования, стоит задача удержания уже имеющихся лидерских позиций и укрепления показателей в проблемных, требующих внимания сферах.

Сравнительный анализ российского и британского документов в области научно-технологического развития

В таблице, составленной автором на основе анализа стратегий двух стран, представлены сходства и различия в изложении научно-технологических целей и приоритетов.

Общее и особенное в российских и британских стратегиях научно-технологического и инновационного развития

Общее для стратегий двух стран	Российская специфика	Британская специфика
Тон задает внешнеполитический контекст	Более явно выражено влияние фактора проведения СВО на ключевую задачу – достижение технологического суверенитета	Более явно выражено воздействие факторов пандемии (разработка вакцины и продолжения исследований) и выхода страны из состава ЕС (обретение большей самостоятельности для сотрудничества)

Окончание таблицы

Общее для стратегий двух стран	Российская специфика	Британская специфика
Признание высокой конкуренции в мире в научно-технологической и инновационной сферах	Ключевые страны-конкуренты не названы	Названы конкуренты (Китай, США, Южная Корея, Израиль и др.)
Постановка амбициозных задач, признание наличия трудностей	Общий, несколько размытый характер ключевых формулировок и инструментов по достижению целей	Более объемные по количеству страниц документы, больше конкретики; более частое обновление (в том числе и по причине смены кабинетов)
Борьба за таланты, понимание рисков «утечки мозгов»	Более выраженный акцент на интернационализацию образования, привлечение иностранных обучающихся	Упор на привлечение талантов со всего мира, в том числе через внешнеполитическую стратегию «Глобальная Британия»
Упор на STEM-дисциплины и ослабление внимания к гуманитарным наукам	Сформулированы задачи по качественному переосмыслению места науки в стратегическом планировании	Изложены предложения о мерах по расширению научно-исследовательского инструментария для выполнения стратегий
Повторяемость угроз в стратегиях	Преемственность стратегий, акцент на «большие вызовы» с незначительным изменением их формулировок	Акцент на создание новых рабочих мест, прежде всего в инновационной сфере
В качестве рубежного назван 2030 год	В некоторых документах горизонт планирования продлен до 2036 г.	
Акцент во вступительных частях на сложившийся символический капитал государств	Недостаточное использование символического капитала, отсутствие ссылок на конкретные достижения в прошлом, современные имена	Ярко выраженное использование символического капитала, включая «мягкую силу», сложившуюся репутацию страны как научной державы; частые ссылки в документах на текущее взаимодействие с Нобелевскими лауреатами для реализации стратегий
	Перечисление «критических» и «сквозных» технологий без выделения какой-то одной ключевой сферы или ниши	Большое внимание на современном этапе ИИ, лидерским амбициям Великобритании в этой сфере
	Некоторые из задач упомянуты пунктирно – не являются задачами первого порядка	Большое внимание к климатической повестке, много отсылок к пандемии COVID-19 и ее последствиям

Заключение

Влияние внешнеполитического контекста является определяющим для России и Британии. Оба государства чутко реагируют не только на изменения в мировых технологических процессах, но и на трансформации в международно-политической среде. Стратегические документы двух стран, как видно из проведенного анализа, нацелены на максимальное сосредоточение и использование всех имеющихся у них ресурсов. В этих условиях решающее значение приобретают человеческий фактор, удержание у себя и привлечение новых талантов, разумное расходование средств. При повсеместном сокращении горизонтов планирования от государств и отдельного человека потребуются усилия по быстрой перестройке и адаптации к текущим технологическим реалиям. К сожалению, именно место человека в «желаемом образе завтра», как и в целом социогуманитарная составляющая современных технологических процессов, мало, если не сказать что почти не отражена в рассмотренных нормативных документах.

Другой важный момент состоит в том, что происходящие изменения в промышленном укладе ряда стран, включая активное использование нейросетей и ИИ, еще не до конца осмыслены как экспертами, так и политиками. Любая стратегия запаздывает, и ее реализация как в двух рассмотренных случаях, так и в мире в целом во многом ориентирована на прежние механизмы («увеличить вложения», «стать первыми» и т.д.). Возможно, выиграет и возглавит гонку в научно-технологической сфере государство с нестандартным подходом, ориентированным в первую очередь на человека и общество, с качественно новым пониманием использования доступных ресурсов и научных знаний.

Примечание

[1] Подробнее об этом см.: Вузы из проекта «5-100» так и не вошли в топ-100 международных рейтингов // РБК. 2021. 18 февр. URL: https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdff9a7947765cbb58e5

Список источников

1. Об утверждении «Концепции технологического развития на период до 2030 года» : распоряжение правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // Правительство России. М., 2023. URL: http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (дата обращения: 22.02.2025).
2. О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 145 // Гарант : информационно-правовой портал. URL: https://base.garant.ru/408618353/ (дата обращения: 02.02.2025).
3. Дежина И.Г. Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 2. С. 132–149.
4. Krawatzek F., Sasse G. The Political Diversity of the New Migration from Russia Since February 2022 // Centre for East European and International Studies. Berlin. 2024. URL: https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/the-political-diversity-of-the-new-migration-from-russia-since-february-2022 (accessed: 10.02.2025).
5. Saradzyan S. Polls Show Record Low Number of Russians Willing to Permanently Move Abroad // Harvard University. Cambridge, MA, 2024. URL: https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/polls-show-record-low-number-russians-willing-permanently-move-abroad (accessed: 02.02.2025).
6. Vereykina E. Brain drain hammering Russia, more than 2,500 scientists have already left. “This is a disaster,” experts say // Radio Canada International. 2024. URL: https://www.thebarentsobserver.com/news/brain-drain-hammering-russia-more-than-2500-scientists-have-already-left-this-is-a-disaster-experts-say/102122 (accessed: 22.02.2025).

7. Санкции создали новые возможности для российских компаний // Высшая школа экономики. М., 2025. URL: https://www.hse.ru/news/825679686.html (дата обращения: 01.03.2025).
8. Комков Н.И. Анализ и оценка перспектив реализации стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 73–87.
9. Мошкин И.В., Бабанов А.Б. Мобилизационный путь развития экономики в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 1. С. 134–139.
10. Никонова А.А. Системный анализ научно-технологического развития России // Экономическая наука современной России. 2019. № 1 (84). С. 117–119.
11. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу 2036 г. : Указ Президента России от 07.05.2024 // Президент России. М., 2024. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 02.02.2025).
12. Заседание совета по науке и образованию // Президент России. М., 2025. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/76222 (дата обращения: 30.01.2025).
13. Хахалкина Е.В. «Быть человеком в меняющемся мире»: роль гуманитарных наук в условиях Четвертой промышленной революции на примере РФ // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 87–95. doi: 10.17223/19988613/92/11
14. Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2022 // Statista. 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/ (accessed: 02.02.2025).
15. Global R&D Expenditure by Country // Reportlinker. 2023. URL: https://www.reportlinker.com/dataset/7151bdaba576b858f2c92144ed32fef43692467e (accessed: 02.02.2025).
16. UK Innovation Strategy: leading the future by creating it // Gov.uk. London, 2023. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it-accessible-webpage (accessed: 14.03.2025).
17. PM sets out vision to cement UK as a science superpower // Gov.uk. London, 2019. URL: https://www.gov.uk/government/news/pm-sets-out-vision-to-cement-uk-as-a-science-superpower (accessed: 02.02.2025).
18. Horizon Europe // European Comission. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (accessed: 02.02.2025).
19. Meyers Z., Springford J. UK Science and technology after Brexit: how to fix it // Centre for European Reform. 2022. URL: https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2022/uk-science-and-technology-after-brexit (accessed: 02.02.2025).
20. Build Back Better. Our Plan for Growth. March 2021. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6048fd05d3bf7f1d16e263fd/PfG_Final_Web_Accessible_Version.pdf (accessed: 02.02.2025).
21. Science and Technology Framework – taking a systems approach to UK science and technology. 2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6405955ed3bf7f25f5948f99/uk-science-technology-framework.pdf (accessed: 02.02.2025).
22. Великобритания присоединилась к программе Horizon Europe // ТАСС. М., 2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18674487 (дата обращения: 02.02.2025).
23. Кхань Н. Почему Великобритания возвращается в Horizon Europe // Vietnam.vn. Ханой, 2023. URL: https://www.vietnam.vn/ru/ly-do-vuong-quoc-anh-tro-lai-chuong-trinh-horizon-europe?gismobile=true&x-host=www.vietnam.vn%2Fth (дата обращения: 15.02.2025).
24. One-year anniversary of UK association to Horizon Europe / Delegation of the European Union to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/united-kingdom/one-year-anniversary-uk-association-horizon-europe_en#:~:text=Since%201%20January%202024%2C%20UK,access%20to%20Horizon%20Europe%20funding (accessed: 02.02.2025).
25. Policy Paper. The UK Science and Technology Framework // Gov.uk. London, 2024. URL: https://www.gov.uk/government/publications/uk-science-and-technology-framework/the-uk-science-and-technology-framework (accessed: 01.03.2025).
26. Independent report. AI Opportunities Action Plan. Published 13 January 2025 // Gov.uk. London, 2025. URL: https://www.gov.uk/government/publications/ai-opportunities-action-plan/ai-opportunities-action-plan (accessed: 02.02.2025).
27. Харитонова Е.М. Научная дипломатия во внешней политике Великобритании: теоретические и институционально-организационные аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10, № 2. С. 61–91.
28. Prime Minister sets out blueprint to turbocharge AI // Gov.uk. London, 2025. URL: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-sets-out-blueprint-to-turbocharge-ai (accessed: 01.03.2025).
29. Ospina J.V., Breslin M. The UK's innovation dilemma: overlooking the power of intangible investment // National Centre for Universities & Business. London, 2024. URL: https://www.ncub.co.uk/insight/the-uks-innovation-dilemma-overlooking-the-power-of-intangible-investment/ (accessed: 17.02.2025).

References

1. The Russian Federation. (2023) *Ob utverzhdenii "Kontseptsii tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda": rasporyazhenie pravitel'stva RF ot 20.05.2023 № 1315-r* [On the Approval of the "Concept of Technological Development for the Period Until 2030": Order of the Government of the Russian Federation dated 20.05.2023 No. 1315-r]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (Accessed: 22nd February 2025).
2. The Russian Federation. (2024) *O strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2024 № 145* [On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 28.12.2024 No. 145]. [Online] Available from: https://base.garant.ru/408618353/ (Accessed: 2nd February 2025).
3. Dezhina, I.G. (2023) Nauchnaya politika v Rossii v 2018–2022 gg.: protivorechivye signaly [Science Policy in Russia in 2018–2022: Contradictory Signals]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 29(2). pp. 132–149.
4. Krawatzek, F. & Sasse, G. (2024) *The Political Diversity of the New Migration from Russia Since February 2022*. Centre for East European and International Studies. Berlin. [Online] Available from: https://www.zois-berlin.de/en/publications/zois-report/the-political-diversity-of-the-new-migration-from-russia-since-february-2022 (Accessed: 10th February 2025).
5. Saradzyan, S. (2024) *Polls Show Record Low Number of Russians Willing to Permanently Move Abroad*. Harvard University. Cambridge, MA. [Online] Available from: https://daviscenter.fas.harvard.edu/insights/polls-show-record-low-number-russians-willing-permanently-move-abroad (Accessed: 2nd February 2025).
6. Vereykina, E. (2024) *Brain drain hammering Russia, more than 2,500 scientists have already left. "This is a disaster," experts say*. [Online] Available from: https://www.thebarentsobserver.com/news/brain-drain-hammering-russia-more-than-2500-scientists-have-already-left-this-is-a-disaster-experts-say/102122 (Accessed: 22nd February 2025).
7. Anon. (2025) *Sanktsii sozdali novye vozmozhnosti dlya rossiyskikh kompaniy* [Sanctions Have Created New Opportunities for Russian Companies]. [Online] Available from: https://www.hse.ru/news/ 825679686.html (Accessed: 1st March 2025).
8. Komkov, N.I. (2019) Analiz i otsenka perspektiv realizatsii strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [Analysis and Assessment of the Prospects for Implementing Russia's Scientific and Technological Development Strategy]. *Problemy prognozirovaniya*. 5. pp. 73–87.
9. Moshkin, I.V. & Babanov, A.B. (2023) Mobilizatsionnyy put' razvitiya ekonomiki v Rossii [The Mobilization Path of Economic Development in Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 1. pp. 134–139.
10. Nikonova, A.A. (2019) Sistemnyy analiz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii [System Analysis of Russia's Scientific and Technological Development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. 1(84). pp. 117–119.

11. The Russian Federation. (2024) *O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu 2036 g.: Ukaz Prezidenta Rossii ot 07.05.2024* [On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period Until 2030 and for the 2036 Perspective: Decree of the President of Russia dated 07.05.2024]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (Accessed: 2nd February 2025).
12. The Russian Federation. (2025) *Zasedanie soveta po nauke i obrazovaniyu* [Meeting of the Council for Science and Education]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/76222 (Accessed: 30th January 2025).
13. Khakhalkina, E.V. (2024) "To Be Human in a Changing World": The Role of Humanities in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution on the Example of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 87–95. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/92/11
14. Statista. (2025) *Leading countries by gross research and development (R&D) expenditure worldwide in 2022*. [Online] Available from: https://www.statista.com/statistics/732247/worldwide-research-and-development-gross-expenditure-top-countries/ (Accessed: 2nd February 2025).
15. Reportlinker. (2023) *Global R&D Expenditure by Country*. [Online] Available from: https://www.reportlinker.com/dataset/7151bdaba576b858f2c92144ed32fef43692467e (Accessed: 2nd February 2025).
16. The United Kingdom. (2023) *UK Innovation Strategy: leading the future by creating it*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/publications/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it-accessible-webpage (Accessed: 14th March 2025).
17. The United Kingdom. (2019) *PM sets out vision to cement UK as a science superpower*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/news/pm-sets-out-vision-to-cement-uk-as-a-science-superpower (Accessed: 2nd February 2025).
18. European Commission. (n.d.) *Horizon Europe*. [Online] Available from: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (Accessed: 2nd February 2025).
19. Meyers, Z. & Springford, J. (2022) *UK Science and technology after Brexit: how to fix it*. [Online] Available from: https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2022/uk-science-and-technology-after-brexit (Accessed: 2nd February 2025).
20. The United Kingdom. (2021) *Build Back Better. Our Plan for Growth*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6048fd05d3bf7f1d16e263fd/ PfG_Final_Web_Accessible_Version.pdf (Accessed: 2nd February 2025).
21. The United Kingdom. (2023) *Science and Technology Framework – taking a systems approach to UK science and technology*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6405955ed3bf7f25f5948f99/uk-science-technology-framework.pdf (Accessed: 2nd February 2025).
22. TASS. (2023) *Velikobritaniya prisoyedinilas' k programme Horizon Europe* [The United Kingdom Has Joined the Horizon Europe Programme]. [Online] Available from: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18674487 (Accessed: 2nd February 2025).
23. Khan, N. (2023) *Pochemu Velikobritaniya vozvrashchaetsya v Horizon Europe* [Why the United Kingdom is Returning to Horizon Europe]. [Online] Available from: https://www.vietnam.vn/ru/ly-do-vuong-quoc-anh-tro-lai-chuong-trinh-horizon-europe?gismobile=true&x-host=www.vietnam.vn%2Fth (Accessed: 15th February 2025).
24. Delegation of the European Union to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. (2025) *One-year anniversary of UK association to Horizon Europe*. [Online] Available from: https://www.eeas.europa.eu/delegations/united-kingdom/one-year-anniversary-uk-association-horizon-europe_en#:~:text=Since%201% 20January%202024%2C%20UK,access%20to%20Horizon%20Europe%20funding (Accessed: 2nd February 2025).
25. The United Kingdom. (2024) *Policy Paper. The UK Science and Technology Framework*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/publications/uk-science-and-technology-framework/the-uk-science-and-technology-framework (Accessed: 1st March 2025).
26. The United Kingdom. (2025) *Independent report. AI Opportunities Action Plan*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/publications/ai-opportunities-action-plan/ai-opportunities-action-plan (Accessed: 2nd February 2025).
27. Kharitonova, E.M. (2018) Nauchnaya diplomatiya vo vneshney politike Velikobritanii: teoreticheskie i institutsional'no-organizatsionnye aspekty [Science Diplomacy in UK Foreign Policy: Theoretical, Institutional, and Organizational Aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 10(2). pp. 61–91.
28. The United Kingdom. (2025) *Prime Minister sets out blueprint to turbocharge AI*. [Online] Available from: https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-sets-out-blueprint-to-turbocharge-ai (Accessed: 1st March 2025).
29. Ospina, J.V. & Breslin, M. (2024) *The UK's innovation dilemma: overlooking the power of intangible investment*. National Centre for Universities & Business. London. [Online] Available from: https://www.ncub.co.uk/insight/the-uks-innovation-dilemma-overlooking-the-power-of-intangible-investment/ (Accessed: 17th February 2025).

Сведения об авторе:

Хахалкина Елена Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, профессор факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**

Khakhalkina Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Leading Scientific Researcher, Problem Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia, Professor at the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 03.10.2024; accepted for publication 15.11.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/98/13

Критика концепции «Крестьянских войн в России» в западной историографии

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия, VYMaul@mail.ru

Аннотация. Рассматривается полемика между советскими и западными историками вокруг концепции «Крестьянских войн в России». Показано, что концепция начала складываться в 1930-е гг., а окончательно сформировалась в 50–70-е гг. XX вв. Взгляды советских историков сразу вызвали поток критических публикаций в западной историографии. Не принимая марксистскую теорию классовой борьбы, западные историки не согласились с тем, что крупнейшие народные восстания в России XVII–XVIII вв. были крестьянскими войнами. При этом западные ученые критиковали концепцию «Крестьянских войн в России» не с теоретических, а с фактологических позиций. Делается вывод, что изучаемая критика оказалась безрезультатной, так как невозможно развенчать марксистскую концепцию, занимая иные (немарксистские) методологические позиции. Современная практика употребления понятия «крестьянская война» не имеет никакого отношения к концепции «Крестьянских войн в России».
Ключевые слова: крестьянские войны в России, марксизм, советская историография, западная историография, научная полемика, современные подходы

Для цитирования: Мауль В.Я. Критика концепции «Крестьянских войн в России» в западной историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 113–120. doi: 10.17223/19988613/98/13

Original article

Criticism of the concept of “Peasant Wars in Russia” in Western historiography

Viktor Ya. Maul

Industrial University of Tyumen, Nizhnevartovsk, Russian Federation, VYMaul@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the features and analyze the views of Western historians on the concept of "Peasant Wars in Russia", formulated by Soviet historical science in the period from the 1930s to the 1970s on the basis of the Marxist methodology of history. For the first time, such a goal becomes the subject of special scientific research. The article examines the controversy between Soviet and Western historians around the concept of "Peasant Wars in Russia." It is shown that the concept began to take shape in the 1930s. It was finally formed in the 50-70s of the XX century. The views of Soviet historians immediately caused a flood of critical publications in Western historiography. The research's source base consists of monographs and articles by American, French, German, British, Canadian, and Italian historians published abroad or translated into Russian. Without accepting the Marxist theory of class struggle, Western historians did not agree that the largest popular uprisings in Russia in the 17th and 18th centuries were peasant wars. At the same time, Western scientists criticized the concept of "Peasant Wars in Russia" not from theoretical, but from factual positions. It is concluded that the criticism under study proved to be ineffective, since it is impossible to debunk the Marxist concept by taking other (non-Marxist) methodological positions. The modern practice of using the term "peasant war" has nothing to do with the concept of "Peasant Wars in Russia".
Keywords: peasant wars in Russia, Marxism, Soviet historiography, Western historiography, scientific polemics, modern approaches

For citation: Maul, V.Ya. (2025) Criticism of the concept of “Peasant Wars in Russia” in Western historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 113–120. doi: 10.17223/19988613/98/13

© В.Я. Мауль, 2025

Как не раз отмечалось в историографии, одной из важных задач изучения народных движений в дореволюционной России является разработка их типологии. Сторонники ее создания считают, что она могла бы стать инструментальным средством для приведения в единую систему координат множества разнообразных способов социальной борьбы – от индивидуальных побегов простолюдинов и поджогов барских усадеб до массовых вооруженных выступлений сотен и тысяч участников. На таком познавательном фундаменте можно было бы, например, проводить комплексные сравнительно-исторические обобщения типологически родственных протестных выступлений, вспыхивавших в разные времена или даже в разных странах. Однако периодические попытки историков разработать сколько-нибудь приемлемую и универсальную классификацию, как правило, заканчивались, неудачей, не получая широкой поддержки со стороны ученого сообщества. Достаточно вспомнить судьбу тщательно выверенной, но оставшейся невостребованной в науке типологии, предложенной О.Г. Усенко еще в середине 1990-х гг. [1. С. 5–9].

В то же время сам О.Г. Усенко едва ли был прав, утверждая, что «советская историография не оставила нам в наследство разработанной и общепризнанной типологии социального протеста» [1. С. 6]. Напротив, заслуга именно отечественных историков – создание, теоретическое обоснование и эмпирическая проверка таковой классификации, которая в советской историографии приобрела неоспоримое значение. Имеется в виду, что законченным выражением марксистского понимания истории народной борьбы стала концепция «Крестьянских войн в России» в отличие от других форм народного протеста. Если на раннем этапе становления, в 1930-е гг., по выражению С.А. Пионтковского, появлявшиеся тогда работы, «являясь развитием взглядов Энгельса», свидетельствовали лишь о том, что понемногу «марксистская историография изживает свои прежние ошибки и усваивает учение классиков марксизма о крестьянских войнах» [2. С. 114], то в 1950–1970-е гг. концепция приняла стройный канонический вид. В сложившемся варианте она вошла в школьные и вузовские учебники по истории СССР, определенным образом сформировав исторические взгляды нескольких поколений советских граждан, в первую очередь профессиональных историков. Прочность впитанных тогда представлений заметна в том, что и по сегодняшний день, несмотря на отказ от установок марксистской методологии, понятие крестьянских войн не исчезло из арсенала исторической науки.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей и анализе взглядов западных историков на концепцию «Крестьянских войн в России», на основе марксистской методологии истории сформулированную советской исторической наукой в период с 1930-х по 1970-е гг. Подобная цель впервые становится предметом специального научного исследования.

В трудах советских историков было отмечено, что разработкой и обоснованием новой типологии советская историческая наука противопоставила себя «как дореволюционной русской дворянско-буржуазной, так и современной буржуазной историографии, для которой <…> общей чертой является резко отрицательный взгляд на крестьянские войны как на “бунт бессмысленный и беспощадный”» [3. С. 3]. В результате проделанной работы советские историки пришли к пониманию, что крестьянские войны – это разновидность гражданских войн, раскалывающих общество на два противоположных лагеря. Они отличались от многочисленных локальных протестов рядом существенных признаков. Во время крестьянских войн «восстанием охвачена значительная территория, переходящая под контроль восставших, имеющих большую повстанческую армию, когда у восставших есть в известной мере единый центр и единое военно-политическое руководство, вносящие определенные элементы организованности в стихийное в целом народное движение. В ходе крестьянских войн происходит борьба за власть в общегосударственном масштабе, за ниспровержение феодально-крепостнического строя, за “землю и волю”, т.е. объективно за новый в исторической перспективе общественный строй» [4. С. 79]. Поэтому, по словам В.В. Мавродина, крестьянским войнам в России «не свойственны ни переговоры восставших с феодалами по поводу форм и содержания уступок, ни компромиссы» [5. С. 308].

Считая «крестьянские войны» высшей формой классовой борьбы при феодализме, советские историки отмечали, что они были характерны только для позднего этапа его развития (XVII–XVIII вв.), когда противоречия феодальной формации между крестьянами и феодалами предельно обострились [6. С. 5]. Именно крестьянство признавалось движущей силой крестьянских войн, застрельщиками которых выступали казаки (донские, яицкие и иные). К крестьянско-казачьим массам примыкало трудящееся население других угнетенных классов России. В качестве негативных факторов отмечались стихийность выступлений и локальность повстанческих действий, недостаточная организованность, так называемые «царистские иллюзии», т.е. идеологическая незрелость участников, в силу которой во время «крестьянских войн» против царя на троне они боролись «во главе со своим “хорошим”, “мужицким” царем» [5. С. 308].

В ходе и результате дискуссий в итоговый реестр «крестьянских войн» были отнесены четыре восстания: под предводительством И.И. Болотникова (1606–1607), С.Т. Разина (1667–1671), К.А. Булавина (1707–1709) и Е.И. Пугачева (1773–1775), хотя относительно их хронологических рамок имелись определенные разногласия. При наличии специфических черт они признавались типологически тождественными «крестьянским войнам» на Западе и Востоке, что, помимо прочего, доказывало всемирно-исторический характер развития человечества, неотъемлемой частью которого представала Россия.

Знакомство с вопросом доказывает, что с точки зрения марксистской методологии концепция «Крестьянских войн в России» выглядит едва ли не безупречным теоретическим построением, не единожды проверенным конкретно-историческими исследованиями. Искать в ней уязвимые места можно, лишь встав

на принципиально иные методологические позиции. Но тогда критика концепции «Крестьянских войн» превращается в спор не о народных движениях в России, а по поводу достоинств или недостатков разных методологий. Разрешить названное противоречие западная историография не сумела, лишь априорно допустив превосходство немарксистского взгляда на историю русского бунтарства. Так, французский историк Андре Берелович, чьим взглядам «в последние годы отдает предпочтение значительная часть историков за пределами России» [7. С. 4], прямо писал о необходимости избавиться от «теорий, разработанных ушедшими историографиями», каковой, по его мнению, «является теория “крестьянской войны”», наиболее «распространенная в русскоязычных работах и, в свою очередь, в западноязычных, которые, как правило, стремятся ее опровергнуть» [8. P. 38].

В условиях непримиримого противоборства двух общественно-политических систем социализма и капитализма даже научные дискуссии приобретали тогда отчетливо выраженный политизированный характер, воспринимались, как бои «на историческом фронте». Неслучайно среди их заграничных участников многие принадлежали к эмигрантской среде в каком-либо из поколений. Что касается советских историков, они не скрывали, что с момента возникновения концепция «Крестьянских войн в России» была прямо направлена против так называемых «дворянско-буржуазных фальсификаций» истории народных масс, в том числе против трактовок и интерпретаций западной историографии. Неудивительно, что характер и результаты изучения темы советскими учеными стали объектом ревизии со стороны зарубежных русистов. Не приняв (а отчасти и не поняв) теоретическую составляющую советской историографии, они развернули полемику о концепции «Крестьянских войн в России» не с методологических, а с фактологических позиций, что сразу подчеркнуло их уязвимость. Тем более что с историческими фактами они не всегда были в ладах. Справедливости ради признаюсь, что не все из них заняли недружественную позицию. В частности, американский историк Пол Эврич (автор фундаментальной монографии о русских бунтах с 1600 по 1800 г.) осторожно признавал, что «называть эти восстания либо казацкими мятежами, либо крестьянскими разбоями <…> было бы неверно». «Восстание Разина, по сути, было крупнейшей жакерией в Европе в XVII в. точно так же, как восстание Пугачева – крупнейшее в XVIII в. до Французской революции. Так что название “|крестьянские войны”, каким бы неточным оно ни было, на самом деле вполне передает суть восстаний. Кроме того, многие их участники <…> были, по сути, крестьянами, лишь недавно оторванными от земли и сохранившими свои сельские привычки» [9. P. 6, 5]. Более решителен французский историк Роже Порталь в оценке пугачевского выступления: «Следует заметить, – писал он, – что на всех событиях 1773–1774 гг. чувствуется крестьянское влияние. Пугачевщину справедливо называют крестьянской войной» [10. С. 195].

И все же большинство иностранных историков встретили советскую концепцию в штыки. По оценкам К. Шарфа, они критически отнеслись к тому, «что советская историография, вслед за Энгельсом и Лениным, догматически идентифицировала все крупные восстания низших слоев в России раннего Нового времени как “крестьянские войны”, отражающие рост классовой борьбы в феодальном обществе» [11. С. 102–103]. Критические публикации стали появляться еще в 1950-е гг., когда новая концепция только начала заявлять о себе сколько-нибудь конкретно, и периодически появлялись в последующие десятилетия, не исключая 2000-х гг., когда о советской историографии осталось лишь «воспоминание».

На неприемлемость и недостаточную аргументированность концепции «Крестьянских войн в России» одним из первых на Западе указал американский историк Лео Яреш. Он подчеркнул, что советская историческая наука лишь четыре движения рассматривает в качестве крестьянских войн. Причем согласился, что «термин “война” вполне применим к ним, поскольку это была вооруженная борьба за власть в российском государстве». Однако вопрос о том, «были ли они на самом деле крестьянскими войнами, – казался Л. Ярешу гораздо сложнее, – и механический перенос постулатов Энгельса на совершенно иные условия России XVII–XVIII вв. только мешает решению этого вопроса. Дело в том, что социальный состав участников вооруженных восстаний Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева был далеко не однороден, и крепостное крестьянство было лишь одной из их составляющих. Более того, вопрос о том, являлось ли крестьянство основным и решающим компонентом в рядах бунтовщиков» виделся Л. Ярешу по меньшей мере дискуссионным [12. P. 243]. Но тут же он сам категорично разрубал гордиев узел предполагаемых сомнений заявлением, что «главными и наиболее влиятельными элементами в этих восстаниях» всегда были казаки, и именно «казачьи, а не крестьянские отряды имели решающее значение в чисто военном отношении» [12. P. 243]. Дескать, и цели восставших были далеко не крестьянскими, а казачьими, и даже «уничтожение крепостного права никогда прямо не провозглашалось лидерами различных повстанческих соединений» [12. P. 245]. Все это позволило Л. Ярешу резюмировать, что названные протестные движения «были скорее “казачьими войнами” или, возможно, “казачье-крестьянскими войнами”», но никак не «крестьянскими войнами», каковой термин «недопустим применительно к России» [12. P. 258].

Заметим, что тезис ученого о казачьем характере названных восстаний в дальнейшем получил более глубокое обоснование, став одной из доминантных типологий в западной историографии, реагируя на которую канадско-британский историк Филипп Лонгуорт вдумчиво заметил: «Преобладание казаков в руководстве не следует объяснять просто тем фактом, что они инициировали восстание. Как казаки они обладали некоторым военным опытом, позволявшим им быть лидерами в крестьянской войне, в то время как склонность крестьян идеализировать казаков в качестве героев-освободителей и даже как своих защитников становилась для тех дополнительным преимуществом» [13. P. 194].

Отрицая прогрессивное значение крестьянских войн в России, Л. Яреш считал сомнительным положение «о том, что рост крестьянской борьбы был той силой, которая определяла развитие феодализма» [12. P. 255]. И задавался ироничным вопросом: «Кто готов поверить, что победа Разина или Пугачева привела бы к установлению капиталистической экономики и буржуазной демократии? Не гораздо ли вероятнее, – заключал он, – что пугачевские “генералы” и “полковники” в случае победы просто захватили бы поместья побежденного русского дворянства?» [12. P. 258]. Не без оснований считая взгляды советских историков полными нестыковок, Л. Яреш полагал, что вскоре им «придется искать более сложные средства для “диалектического” примирения» своих противоречивых позиций [12. P. 259]. В этом отношении американский историк нисколько не ошибся, ибо в последующие десятилетия советская историческая наука существенно продвинулась вперед в изучении «Крестьянских войн в России».

К выяснению проблемы, но на примере разинского восстания, обратился другой американский историк Майкл Ходарковский. Отметив, что с середины 1930-х гг. «в советской историографии события 1670–1671 гг. неизменно назывались крестьянской войной», он по итогам проведенного исследования убедил себя, что «понятие “крестьянская война” в большей степени вводит в заблуждение», нежели проясняет познавательную ситуацию с изучением народных движений. Это понятие, считает М. Ходарковский, должно было бы означать, «что в восстании доминировали крестьяне как однородная группа, в то время как на самом деле социальное происхождение повстанцев было весьма пестрым. Он (термин «крестьянская война». – *В.М.*) также предполагает, что движение носило классовый характер, игнорируя при этом его этнический состав и широкую антиэлитарную основу. Кроме того, предполагается, что крестьяне обладали гораздо бóльшим чувством корпоративной солидарности, чем это было возможно в Московии XVII в. На самом деле такая общая идентичность сформировалась у русских крестьян лишь в XIX столетии» [14. P. 19]. В действительности, по мнению М. Ходарковского, движение изначально носило казачий характер, и «казаки оставались его ядром» даже тогда, когда масштабы восстания возросли, оно охватило Среднее Поволжье и к нему присоединилось нерусское население региона, включая «некоторых представителей местной знати». Совершенно не случайно, считает М. Ходарковский, что вообще «все крупные восстания, сотрясавшие российское общество на протяжении XVII и XVIII вв., были начаты казаками» [14. P. 18]. Еще один неоспоримый довод против признания Разинщины «крестьянской войной» М. Ходарковский видел в ее сравнении с «крестьянскими восстаниями в Германии XVI в. или Швейцарии XVII в., где крестьяне были организованы до такой степени, чтобы выдвигать конкретные требования». В то время как у разинцев соответствующие лозунги, «которые могли бы свидетельствовать о существенном влиянии крестьянства на характер разинского восстания» отсутствовали [14. P. 18]. По названным причинам историк полагает, что характеристика событий 1670–1671 гг. «как “народного восстания”, по-видимому, более точно отражает природу этого выступления» [14. P. 19].

Несмотря на высокий критический накал зарубежных публикаций, обычно речь все же не шла об огульном отрицании как такового научного вклада отечественных ученых. Например, упоминавшийся А. Берелович в публикации 2005 г. высказался в их адрес достаточно комплиментарно: «Факты, приводимые в подтверждение их тезиса, не вызывают и тени сомнения. Какой бы искусственной ни была изложенная выше теория, она не помешала советским историкам написать ценные работы. Существует, – пишет А. Берелович, – множество свидетельств тихой, бескровной борьбы, постоянно ведущейся между землевладельцами и земледельцами. Местные крестьянские восстания <…> повторялись с удивительной регулярностью <…>, не переставая беспокоить власти. Наконец, от похода Болотникова (1606–1607) до Пугачева, через Разинское и Булавинское восстания, мы видим восходящую кривую этих широкомасштабных конфликтов, названных советскими историками “крестьянскими войнами”». Тем не менее французский исследователь также предпочел поставить под сомнение «сам факт того, что это были “крестьянские войны”» [8. P. 49]. В поисках доказательств на материалах пугачевского движения он призывает «обратиться к количественному подходу, который является самым простым» для того, чтобы «оценить удельный вес крестьян в войсках Пугачева». После беглой инвентаризации социального состава пугачевцев [8. P. 38–46] А. Берелович убедился в численном преобладании крестьянства и, во-первых, вынужден был сделать важную оговорку, что это были по преимуществу «заводские крестьяне», то есть доиндустриальный пролетариат, а во-вторых, подчеркнул их ведомую роль в восстании и отсутствие крестьянского представительства в повстанческих органах управления: «Из двадцати одного человека, включая Пугачева, членов его Военной коллегии <…> только один был владельческим крепостным, Илья Арапов» [8. P. 50]. Для подкрепления своих суждений А. Берелович дополнительно обращается к «качественному подходу», основанному на оценке тактики боевых действий повстанцев: «Пугачев, по сути, вел кавалерийскую войну, где непредсказуемые и победоносные набеги чередовались со столь же внезапными поражениями. Иначе говоря, он сражался по-казачьи» [8. P. 50]. Выделяя заглавную роль казаков в Пугачевщине, А. Берелович с сарказмом вопрошает: «Если Пугачевское восстание было крестьянской войной, почему же оно было последним? С 1774 по 1861 г. и далее вплоть до 1917 г. в России происходили лишь локальные выступления, <…> хотя причины восстания 1773–1774 гг. никуда не исчезли». Все дело в том, поучает он оппонентов, что им не хватало «одного решающего фактора: независимых казачьих войск больше не существовало». Это, в его глазах, с очевидностью означает, что «так называемые крестьянские войны на самом деле были казачьими войнами – не только потому, что их начали казаки или потому что они составляли костяк

войск, но и потому, что они были логическим продолжением казачьего образа жизни, основанного на грабежах» [8. P. 51]. Какие уж там крестьянские войны, когда А. Берелович не видит никаких принципиальных отличий казаков «от других сообществ грабителей, более или менее современных им: ускоков из Сеня на Адриатике, которые пользовались хроническим состоянием войны между Габсбургами и османами, или флибустьеров с острова Тортуга, которые использовали кратковременное равновесие сил в Вест-Индии между англичанами, испанцами и французами» [8. P. 43]. Попутно замечу, что подобные уничижительные «разбойничьи» аналогии (в духе Э. Хобсбаума) в целом характерны для западных русистов. Например, Ф. Лонгуорт, называя казаков «военной кастой», также сравнивает их «с секлерами, гайдуками и ускоками в славянских регионах, расположенных дальше к западу» [13. P. 194]. Возвращаясь же к рассуждениям А. Береловича, приведу тот максимум, на который готов согласиться французский историк: «Можно говорить о сотрудничестве, даже о братстве по оружию между людьми, чьей профессией была война, но уж точно не о своеобразном интернационале народов в борьбе против царизма» [8. P. 51].

Нетривиальный взгляд на проблему сравнительно недавно предложил итальянский историк Марко Наталици. Он признает советскую концепцию «Крестьянских войн в России» сыгравшей свою положительную роль, но уже устаревшей познавательной схемой. «Схема классовой борьбы в советской историографии, в течение нескольких десятилетий дававшая ключ к пониманию смысла восстания, была признана неадекватной для изучения явления во всей его сложности. Утвердившаяся в 1920-х гг. и доминировавшая полвека, эта схема сводится к двум фундаментальным понятиям: социальному определению пугачевщины как величайшей из “крестьянских войн”, когда-либо происходивших в России, и ее прогрессивной роли, поскольку в ходе бунта в российских народных массах возникли первые зародыши революционного сознания» [7. С. 4]. При этом М. Наталици не идеализирует и доминирующие в зарубежной науке модели и подходы. Имея в виду главным образом восстание под предводительством Пугачева, он полагает, что накопленный опыт ставит «перед историками два вопроса, представляющих большой интерес. Первый касается устойчивости некоторых категорий, недавно использовавшихся в западноевропейской историографии для интерпретации движения, таких как “фронтирный бунт” или “казачье восстание”, а второй предполагает пересмотр “политического” характера Пугачевщины и ее “программы”» [15. P. 68]. Нащупывая перспективные пути к смыслополаганию русского бунтарства, М. Наталици считает неслучайным, что новейшие исследования «позволяют осознать невозможность выделения единой казачьей идеологии и единого руководства, а сталкивают нас со сложностью процессов восстания, показывая уровень и артикуляцию участия в нем нерусских этнических групп, расселенных между средним течением Волги, Камы и Урала» [15. P. 69]. Значению последних, не умаляя ведущей роли казаков и башкир в пугачевском бунте, М. Наталици уделяет повышенное внимание. Он пишет, что «жесткое отождествление души восстания с этими двумя группами (особенно с казаками) привело к интерпретации, в которой в итоге оказалось мало что в пользу этнических и религиозных соображений». Именно их, на взгляд М. Наталици, не хватает историкам для «правильной оценки “политического” характера восстания, того многообразного клубка представлений отдельных групп или этносов о своем месте в государственном устройстве России, в рамках которого возникает и утверждается специфическая форма “ви́дения”, лежащая в основе Пугачевщины» [15. P. 69]. Впрочем, анализ построений итальянского историка несколько отдаляет нас от главной сюжетной линии повествования.

Пытаясь оценить доказательную мощь критиков концепции «Крестьянских войн в России», необходимо подчеркнуть, что основная их слабость заключалась в невозможности подтвердить или опровергнуть марксистские догмы с немарксистских позиций, отчасти подтверждая правоту М. Наталици по поводу пугачевского бунта, что «распространенные в западной историографии схемы и периодизации <…> слишком поверхностно отрицают какой-либо “крестьянский” характер Пугачевщины» [15. P. 69]. Здесь будет уместным напомнить откровения англо-испанской исследовательницы Изабель Мадариаги о том, что «восстанию Пугачева отводится уж слишком “прогрессивная” роль согласно марксистской схеме, с чем немарксист никогда не согласится» [16. С. 435]. Думается, эти признания можно распространить за пределы одного лишь пугачевского бунта, чтобы понять заданность трактовок иностранных ученых. Логический тупик образуется, например, когда зарубежные историки настаивают на доминирующей роли не крестьян, а казаков в так называемых крестьянских войнах, на что их советские контрагенты справедливо указывали на крестьянские корни казачества: «…казаки были в основном выходцами из крепостных крестьян, бежавших <…> на окраины в поисках лучшей доли» [4. С. 80]. И с таким очевидным резоном тоже ведь сложно не считаться, как это и делали отдельные дальновидные представители западной историографии. Например, по характерному признанию П. Эврича, действительно «многие казаки-повстанцы сами были беглыми крепостными» [9. P. 5].

В противовес теоретическому детищу советских ученых их иностранные оппоненты, подобно немецкому историку Гансу-Генриху Нольте, нередко утверждают, что «крупные восстания в России XVII–XVIII вв. называются крестьянскими волнениями – и даже, более того, крестьянскими войнами – по недоразумению», поскольку это были никакие не крестьянские войны, а «восстания простонародья внутренних российских окраин» [17. С. 36]. Причем Г.-Г. Нольте отнюдь не одинок и не был пионером подобных типологических построений. Акцентирование периферийного значения крупнейших народных бунтов в России вообще распространено на Западе. «Фронтирной жакерией» красиво назвал Пугачевщину большой знаток темы американский историк Джон Т. Александер [18.

P. 617]. Его соотечественник и коллега Марк Раефф рассуждал в полном согласии с ним: «На наш взгляд, пугачевское восстание было ”фронтирным” и казачьим явлением, а его руководители так и не осознали возможностей, которые им предоставили бунт крепостных и открытое выступление против Москвы» [19. С. 71]. Не соглашаясь с правомочностью таких оценок, советские историки возражали: «Дело не в том, что крестьянские войны были борьбой “колоний” <…> с “метрополией”. Причину этого явления следует искать в укреплении власти феодалов в центре, ибо крестьянская война начиналась не там, где народным массам жилось хуже всего, а там, где они могли встретить наименьшее сопротивление со стороны государства» [5. С. 318].

Серьезной проверкой концептуальной прочности «Крестьянских войн» мог бы стать неоднократно звучавший упрек в недостаточном учете всей пестроты национального состава повстанцев и целеполагания их действий, а также якобы сокрытие значительных противоречий между ними. Впрочем, американский историк Алан Боджер признает, что «большое разнообразие в степени и способах участия коренных народов в восстании затрудняет выработку единой интерпретации их роли» [20. P. 566]. По этому поводу он заметил, что лишь в годы «оттепели» и ненадолго советскими учеными «реальная сложность проблемы начала признаваться, если не полностью высвобождаться из прокрустова ложа идеологии» [20. P. 568]. Призывая к «дальнейшему уточнению понятий “социальный” и “национальный”», А. Боджер не соглашается с утверждением, «что все “национальное” в конечном счете имеет социально-экономическую природу» [20. P. 580]. Анализируя этническую составляющую пугачевского движения, исследователь выразил надежду, что реальный прогресс «в раскрытии этих областей неизбежно приведет к переоценке восстания в целом, особенно его и без того сомнительного определения как “крестьянской войны”» [20. P. 581]. Между тем советские историки ничего не скрывали и не игнорировали, просто, в отличие от западных ученых, предпочитали уделять внимание не тому, что разъединяло национальные группы восставших, а тому, что их сближало – общим корням ненависти трудящихся всех народов к эксплуататорам. По каковой причине, отмечали они, в многонациональной России в ходе «крестьянских войн» происходило слияние «классовой борьбы русских крестьян, посадских людей, холопов, работных людей, казаков с классовой и освободительной борьбой трудового люда нерусских народностей» [5. С. 310].

Бесчисленное множество соответствующих примеров говорит за то, что выполнить задачу теоретического развенчания концепции «Крестьянских войн в России» немарксистская историческая наука не смогла, несмотря на усилия немалой когорты энтузиастов и сотни публикаций. И все же их успех очевиден, своей критикой они во многом определили трансформацию российской историографии конца XX – начала XXI в., практически исключившей из своего арсенала марксистское наследие, теорию ОЭФ и вместе с ними концепцию «Крестьянских войн в России». Неслучайно, по словам Д.В. Сеня, «многие историки сегодня отказались от понятия “крестьянская война”, хотя после 1991 г. некоторые из них признавали / признают за ним определенный эвристический потенциал» [21. С. 228]. А потому, как отметил Н.А. Мининков, часть нынешних бунтоведов (но не все) находит «в России XVII–XVIII вв. только две крестьянские войны, к которым относят восстания под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. При этом оба восстания рассматриваются в качестве крестьянских войн лишь на определенном этапе своего развития, когда они распространились на территории, заселенные крепостными крестьянами» [22. С. 32].

Подобные гносеологические пертурбации побудили английского историка Морин Перри обратить внимание на наметившуюся тенденцию смысловой подмены концепта, применяемого в наше время «в различных контекстах» – не только по отношению к XVII–XVIII вв., но и «для описания крестьянского движения в революциях 1905–1907 и 1917 гг., а также крестьянских восстаний против советского государства в 1918–1922 гг.». Словно забыв о вкладе советских историков, она утверждает, будто причина сему в том, что ученым «часто не удавалось дать четкого определения этому понятию», хотя все же «споры вокруг его использования подняли много интересных вопросов, касающихся роли крестьянства в народных восстаниях и революциях как в самой России, так и в сравнительном ракурсе» [23. С. 41].

Подтверждая наблюдательность английской исследовательницы, многие историки наших дней, подобно Н.А. Мининкову, действительно предлагают не спешить с отказом от положения о крестьянской войне, так как оно будто бы вполне годится «для выражения социальной сущности массовых выступлений крестьян в Гражданской войне 1918–1921 гг., в том числе движения крестьян Южной Украины во главе с Нестором Махно и восстания тамбовских крестьян 1921 г. под предводительством эсера Александра Антонова» [24. С. 18]. Заметим, что «Антоновщину» «крестьянской войной» называют многие современные исследователи [25. С. 21; 26. С. 330]. Притом совершенно очевидно, что к Тамбовскому восстанию и другим крестьянским протестам новейшего периода, вспыхнувшим в других исторических условиях, при других обстоятельствах и по иным причинам, никоим образом нельзя применить марксистскую концепцию «Крестьянских войн в России». Нарушение же такого познавательного табу, по сути, подменяет стройную концепцию советской историографии вопросом о преобладании крестьян в вооруженных формированиях, действовавших против власти. Как поступил, например, Ф. Лонгуорт и иже с ним по отношению к пугачевцам: «Подавляющее большинство из них были крестьянами. Отсюда и характеристика движения как “крестьянской войны”» [13. P. 184]. Это означает, что в подходе ученых вопрос о концепции лукаво подменен вопросом о термине «крестьянская война». Иными словами, выхолащивая классовую сущность «Крестьянских войн в России», авторы исходят не из концептуального их понимания

советскими историками, а из упрощенного терминологического прочтения и количественного подсчета. Как мы видели, именно так на протяжении 1950–2000-х гг. рассуждали западные критики концепции «Крестьянских войн в России». Именно в таком расширительном значении данный термин давно и регулярно звучит со страниц современных научных работ наших и не наших историков (А. Грациози, Д.П. Иванов, Р. Конквест, В.В. Самошкин, Д.А. Сафонов и др.). Подобное словоупотребление не несет в себе никакой системообразующей нагрузки, банально констатируя данность: крестьяне воюют против власти, значит это крестьянская война. Но к фундаментально выстроенной марксистской концепции «Крестьянских войн в России» такая поверхностная терминологическая практика не имеет ровно никакого отношения. Соглашусь с историком А.В. Бауэром, сетовавшим о сегодняшнем «чрезмерном упрощении понятия "крестьянская война", под которой стали пониматься любые крупные крестьянские выступления, прежде всего "Антоновщина" и Западно-Сибирское крестьянское восстание» [27. С. 21]. К сожалению, простая на первый взгляд мысль о несинонимичности понятий концепции «Крестьянских войн в России» и термина «крестьянские войны» осознавалась и осознается далеко не всеми историками прошлого и настоящего.

Таким образом, насколько удалось показать, аргументированное опровержение теоретически взвешенных и эвристически обоснованных построений советских историков по поводу «Крестьянских войн в России» оказалось для западной историографии непосильной задачей. Иначе не могло и быть. Отрицание одной методологии в пользу другой всякий раз ограничивает познавательные возможности исторической науки. Давно известно, что каждая из методологий задает свой неповторимый угол зрения на прошлое, и только их совокупное множество в идеале способно обеспечить адекватное изучение истории народных движений в дореволюционной России. Но если взорвать научные бастионы советских историков-марксистов представителям западной историографии не удалось, то к числу ее несомненных заслуг нужно отнести выявление новых нестандартных решений, познавательных ракурсов, схем и моделей вкупе с неожиданными альтернативными путями постижения русского бунта без оглядки на марксистскую концепцию «Крестьянских войн в России». Однако их обзор – специальная задача для отдельного исследования.

Список источников

1. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь : ТвГУ, 1994. Ч. 1. 74 с.
2. Пионтковский С.А. Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6 (34). С. 80–119.
3. Предисловие // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 3–5.
4. Буганов В.И. Советская историография крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева // Вестник Академии наук СССР. 1974. № 9. С. 75–85.
5. Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 292–327.
6. Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. (к теории проблемы) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 5–25.
7. Наталици М. Восстание Пугачева в историографии Центральной и Западной Европы первой четверти XXI века // Российская история. 2023. № 6. С. 3–12.
8. Berelowitch A. Une jacquerie moderne: la révolte de Pougatchëv (17 septembre 1773 – 15 septembre 1774) // Revue Russe. 2005. № 27. P. 37–59.
9. Avrich P. Russian Rebels 1600-1800. New York : Schocken Books, 1972. 309 p.
10. Порталь Р. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории. Уфа : Гилем, 2004. 287 с.
11. Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром. К постановке проблемы // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 99–112.
12. Yaresh L. The "Peasant Wars" in Soviet Historiography // American Slavic and East European Review. 1957. Vol. 16, № 3. P. 241–259.
13. Longworth Ph. Peasant Leadership and the Pugachev Revolt // The Journal of Peasant Studies. 1975. № 2. P. 183–205.
14. Khodarkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd. 42 (1). S. 1–19.
15. Natalizi M. Emel'jan Ivanovič Pugačëv: una rilettura // Storica. 2010. № 47. P. 61–102.
16. Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 976 с.
17. Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31–38.
18. Alexander J.T. Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV (3). P. 602–617.
19. Раев М. Восстание Пугачева // Башкирия в XVI–XIX вв.: зарубежные исследования. СПб. : Свое издательство, 2014. С. 42–78.
20. Bodger A. Nationalities in History Soviet Historiography and the Pugačëvščina // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1991. Bd. 39 (4). P. 561–581.
21. Сень Д.В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «Тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 223–254.
22. Мининков Н.А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 26–35.
23. Perrie M. The Concept of a "Peasant War" in Soviet and Western Historiography of the "Troubles" in Early 17th-Century and Early 20th-Century Russia // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 36–43.
24. Мининков Н.А. Слова и смыслы. Народные движения в понятиях общества и историков // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 8–26.
25. Безгин В.Б. Крестьянское движение в годы гражданской войны на территории Центрального Черноземья: состояние и проблемы современной историографии // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 19–23.
26. Иванов Д.П. Мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920–1921 гг. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. : сб. ст. и материалов. М. : АИРО-XXI, 2013. С. 330–349.
27. Бауэр А.В. Термин «крестьянская война»: вчера, сегодня… завтра? // Европа в средние века и новое время: общество, власть, культура. Ижевск : Изд-во Ижевск. ин-та компьютерных исслед, 2019. С. 17–23.

References

1. Usenko, O.G. (1994) *Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv*. [Psychology of Social Protest in Russia in the 17th–18th Centuries]. Vol. 1. Tver: Tverskoy gosudarstvennyy universitet.
2. Piontkovskiy, S.A. (1933) Istoriografiya krest'yanskikh voyn v Rossii [Historiography of Peasant Wars in Russia]. *Istorik-marksist*. 6(34). pp. 80–119.
3. Smirnov, I.I. et al. (1966) Predislovie [Preface]. In: Smirnov, I.I., Mankov, A.G., Podyapolskaya, E.P. & Mavrodin, V.V. *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 3–5.
4. Bugarov, V.I. (1974) Sovetskaya istoriografiya krest'yanskoy voyny pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva [Soviet Historiography of the Peasant War Led by E.I. Pugachev]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 9. pp. 75–85.
5. Mavrodin, V.V. (1966) Sovetskaya istoricheskaya nauka o krest'yanskikh voynakh v Rossii [Soviet Historical Science on Peasant Wars in Russia]. In: Smirnov, I.I., Mankov, A.G., Podyapolskaya, E.P. & Mavrodin, V.V. *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 292–327.
6. Cherepnin, L.V. (1974) *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant Wars in Russia in the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow: Nauka. pp. 5–25.
7. Natalizi, M. (2023) Vosstanie Pugacheva v istoriografii Tsentral'noy i Zapadnoy Yevropy pervoy chetverti XXI veka [The Pugachev Rebellion in the Historiography of Central and Western Europe in the First Quarter of the 21st Century]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 3–12.
8. Berelowitch, A. (2005) Une jacquerie moderne: la révolte de Pougatchëv (17 septembre 1773 – 15 septembre 1774). *Revue Russe*. 27. pp. 37–59.
9. Avrich, P. (1972) *Russian Rebels 1600–1800*. New York: Schocken Books.
10. Portal, R. (2004) *Ural v XVIII veke: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii* [The Urals in the 18th Century: Essays on Socio-Economic History]. Ufa: Gilem.
11. Scharf, K. (2003) Pugachev: imperator mezhdu periferiey i tsentrom. K postanovke problemy [Pugachev: Emperor Between Periphery and Center. Towards Defining the Problem]. *Ab Imperio*. 1. pp. 99–112.
12. Yaresh, L. (1957) The "Peasant Wars" in Soviet Historiography. *American Slavic and East European Review*. 16(3). pp. 241–259.
13. Longworth, Ph. (1975) Peasant Leadership and the Pugachev Revolt. *The Journal of Peasant Studies*. 2. pp. 183–205.
14. Khodarkovsky, M. (1994) The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 42(1). pp. 1–19.
15. Natalizi, M. (2010) Emel'jan Ivanovič Pugačëv: una rilettura. *Storica*. 47. pp. 61–102.
16. Madariaga, I. de (2002) *Rossiya v epokhu Yekateriny Velikoy* [Russia in the Age of Catherine the Great]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Nolte, G.-G. (1994) Russkie “krest'yanskie voyny” kak vosstaniya okrain [Russian "Peasant Wars" as Rebellions of the Peripheries]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 31–38.
18. Alexander, J.T. (1970) Recent Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article. *Canadian Slavic Studies*. IV(3). pp. 602–617.
19. Raeff, M. (2014) Vosstanie Pugacheva [The Pugachev Rebellion]. In: *Bashkiriya v XVI–XIX vv.: zarubezhnye issledovaniya* [Bashkiria in the 16th–19th Centuries: Foreign Studies]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo. pp. 42–78.
20. Bodger, A. (1991) Nationalities in History Soviet Historiography and the Pugačëvščina. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 39(4). pp. 561–581.
21. Sen, D.V. (2021) Narodnoe dvizhenie pod predvoditel'stvom S.T. Razina v istoriografii serediny 1990-kh – 2000-kh gg. (Novyy etap izucheniya ili “Tema zakryta”?) [The Popular Movement Led by S.T. Razin in the Historiography of the Mid-1990s–2000s (A New Stage of Study or 'Topic Closed'?)]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 3. pp. 223–254.
22. Mininkov, N.A. (2019) Traditsii i perspektivy izucheniya massovykh narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vekov [Traditions and Prospects of Studying Mass Popular Movements in Russia in the 17th–18th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(2). pp. 26–35.
23. Perrie, M. (2019) The Concept of a "Peasant War" in Soviet and Western Historiography of the "Troubles" in Early 17th-Century and Early 20th-Century Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 24(2). pp. 36–43.
24. Mininkov, N.A. (2021) Slova i smysly. Narodnye dvizheniya v ponyatiyakh obshchestva i istorikov [Words and Meanings. Popular Movements in the Concepts of Society and Historians]. *Novoe proshloe*. 2. pp. 8–26.
25. Bezgin, V.B. (2018) Krest'yanskoe dvizhenie v gody grazhdanskoy voyny na territorii Tsentral'nogo Chernozem'ya: sostoyanie i problemy sovremennoy istoriografii [Peasant Movement During the Civil War in the Central Black Earth Region: State and Problems of Modern Historiography]. *Manuskript*. 9(95). pp. 19–23.
26. Ivanov, D.P. (2013) Motivy uchastiya krest'yan v Tambovskom vosstanii 1920–1921 gg. [Motives for Peasant Participation in the Tambov Rebellion of 1920–1921]. In: *Krest'yanskiy front 1918–1922 gg.* [The Peasant Front 1918–1922]. Moscow: AIRO-XXI. pp. 330–349.
27. Bauer, A.V. (2019) Termin “krest'yanskaya voyna”: vchera, segodnya… zavtra? [The Term "Peasant War": Yesterday, Today… Tomorrow?]. In: *Yevropa v srednie veka i novoe vremya: obshchestvo, vlast', kul'tura* [Europe in the Middle Ages and Modern Times: Society, Power, Culture]. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Studies. pp. 17–23.

***Сведения об авторе*:**
Мауль Виктор Яковлевич – доктор исторических наук, профессор Тюменского индустриального университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: VYMaul@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Maul Viktor Ya. – Doctor of History, Professor of Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 03.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 930.2 + 908
doi: 10.17223/19988613/98/14

Ведущие исследовательские подходы и языки описания колонизационных процессов в зарубежной историографии Сибири

Елена Александровна Михайлицина

Томский государственный университет, Томск, Россия, mihailicina@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка выявить ключевые направления исследований, характерные для современного западного сибиреведения, на основе материалов зарубежного научного журнала «Сибирика». Определив наиболее значимые проблемно-тематические поля в зарубежных сибирских исследованиях (сибирская колонизация, сибирская ссылка, адаптация коренных северных народов), автор рассматривает применяемые зарубежными исследователями теории и концепции, языки описания, методологию исследований при освещении вопросов сибирской колонизации, чтобы сделать выводы об их универсальности и перспективности для современной науки, в том числе отечественной.
Ключевые слова: зарубежная историография Сибири, сибирская колонизация, коренные народы Севера, новая социальная история

Для цитирования: Михайлицина Е.А. Ведущие исследовательские подходы и языки описания колонизационных процессов в зарубежной историографии Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 121–126. doi: 10.17223/19988613/98/14

Original article

Leading approaches and frameworks in studying colonization processes in foreign historiography of Siberia

Elena A. Mikhaylitsina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mihailicina@mail.ru

Abstract. This article synthesizes leading approaches in Siberian studies with a specific ethnographic focus on the indigenous people. The author highlights the growing utility and universality of modern research programs applied to Siberian studies, which incorporate approaches such as new social history, cultural history, and historical structural anthropology. These methodologies are crucial for reconstructing the broad social, economic, legal, and cultural contexts of Siberian colonization and the adaptation processes of local historical communities, shifting the analytical focus from formal historical sources to the everyday lives of historical actors. The study is based on Sibirica Journal – a remarkable source of research papers provided by a wide category of scientists and experts interested in Siberian studies.

Among the materials centered around Siberian colonization and Siberian exile there are the works of D. Collins, A. Gentes, G. Bourlakov, whose studies have been conducted consistently with new social history, gender history and etc. These modern methods and approaches helped them to come up with some new ideas and conclusions about the consequences of colonization and exile for further historical development of Russia. The author also selected some articles (written by A. Leete, B. G. Purzycki, D. Koester and L. Niglas) demonstrating the changes that indigenous Siberian people experienced under the influence of colonization process. These articles contain valuable ethnographic material collected during the fieldwork and show numerous examples of the adaptation techniques borrowed by the local historical communities.

In general, this research demonstrates how modern interdisciplinary approaches, by focusing on individual narratives and community resilience, contribute significantly to understanding the complex interplay of colonization, cultural adaptation, and the enduring human connection to heritage in Siberia.
Keywords: foreign historiography of Siberia, Siberian colonization, northern indigenous peoples, new social history

For citation: Mikhaylitsina, E.A. (2025) Leading approaches and frameworks in studying colonization processes in foreign historiography of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 121–126. doi: 10.17223/19988613/98/14

© Е.А. Михайлицина, 2025

Современное сибиреведение, как и современная историография в целом, характеризуется применением большого количества разнообразных научных подходов, методологий, языков описания, а также многообразием проблематики. Отсюда возникает необходимость изучения большого массива теорий, подходов, концепций, проблемных ракурсов современных сибирских исследований, чтобы определить общие теоретико-методологические основания исследуемых проблем. Наибольшую вариативность в применении современных научных программ можно проследить в зарубежном междисциплинарном научном журнале «Сибирика» (Sibirica Journal), который объединяет множество разрабатывающих сибирскую проблематику ученых.

Одним из вопросов, породивших разнообразные теории и концепции в сибирских исследованиях как в России, так и за рубежом, является история и характер присоединения Сибири к Российской империи. Исследования сибирской колонизации ведутся в русле колониального дискурса, внутренней колонизации; долгое время господствовали идеи географического детерминизма и теория фронтира, пытавшиеся объяснить восточную экспансию Российской империи. В настоящее время в отечественной историографии продолжается дискуссия о терминах, применяемых для обозначения колонизационных процессов, тогда как западная сосредоточила свое внимание на последствиях и значении колонизации для коренного населения Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Поскольку центральным аспектом изучения в «Сибирике» является колониальный дискурс, авторы и редакторы журнала подробно обсуждают место Сибири в понимании империализма и колониализма в целом. Они полагают, что каким бы ни был периферийный статус Сибири, каждый, кто изучает российскую историю, знает, что этот регион был ядром имперского развития России. Роль империй и колониализма в развитии и будущем современной социальной, политической и экономической жизни людей во всем мире вызывает неослабевающий исследовательский интерес, и, поскольку Сибирь играла ключевую роль в некоторых из величайших империй в истории – Российской и Монгольской, а также других, изучение ее истории поможет понять не только прошлое человечества, но и настоящее и даже будущее [1. P. 9].

Авторов журнала «Сибирика» интересуют империи как особые социальные системы власти и ценностей, существующие в конкретные исторические моменты. Их исследования сосредоточены на сходствах и различиях в восприятии империй разными народами. При этом, хотя авторы соглашаются, что Российская империя отличалась от империй Великобритании и Франции, особенно в том, что касается приоритета территориальной безопасности центральной части России над накоплением капитала или других материальных благ, тем не менее эти различия между империей с прилегающими землями и империей с заморскими колониями не отменяют некоторых «поразительных» сходств. Империи XIX и XX вв., по их мнению, удивительно похожи в отношении представлений о колонизированных территориях, а также социальной и управленческой политикой в отношении небольших (часто называемых «коренными») групп на периферии.

Неменьший интерес вызывают исследования сибирской колонизации, касающиеся вопросов сибирской ссылки и адаптации коренных народов в ходе и после колонизации. В зарубежном научном журнале «Сибирика» подобные работы были представлены Д. Коллинзом, Э. Гентесом, В. Мотом, Э.К. Смит и др. В статье Д. Коллинза «Половое неравенство в пограничных сообществах: Сибирь и Новая Франция к 1760», ссылающегося, в свою очередь, на труды Г. Миллера, Н.Н. Оглоблина, А.П. Окладникова, Г.М. Потанина, Н.М. Ядринцева и др., можно проследить тенденцию развенчать представления о несомненной пользе цивилизационного развития (по западному типу) для коренных народов, которое якобы происходило в русле естественного и даже исторически предопределенного расширения границ Российской империи на восток. Подобно другим западным сибиреведам (А. Вуд, Дж. Форсит), Д. Коллинз стремится заклеймить, пристыдить «белого» человека в его необузданном стремлении к наживе, разграблению колонизируемых земель, не считаясь с многочисленными жертвами среди автохтонного населения, нанося непоправимый ущерб его национальной идентичности, национальному языку, культуре и традиционному образу жизни. Рассматривая вопрос неравенства в соотношении мужчин и женщин как типичную для колонизационного процесса черту на примере Канады и Сибири, Д. Коллинз яростно критикует методы царского правительства России в его попытках заселить территорию Сибири русскими и сделать их оседлыми, «семейными» жителями региона, нередко за счет похищения детей и женщин аборигенов: «Акцент на постоянном соотношении мужчин и женщин 1:1 в советских публикациях, таких как “Русские старожилы Сибири”, следует рассматривать как пропаганду, а не как историческую правду. Создатели мифов коммунистического режима были полны решимости, что бы ни указывали документальные источники, навязывать успокоительную “правду” о том, что продвижение в Сибирь было мирным крестьянским семейным делом, а не колониальным процессом, типичным для других европейских империй. Правда же заключалась в том, что обеспечение женщинами российских военнослужащих продолжалось в Восточной Сибири до середины XIX в. за счет коренного населения и рассматривалось как одна из их повинностей» [2. P. 180]. Тенденциозность такого взгляда очевидна, потому что наряду с пленением, покупкой женщин у коренных жителей в Сибири чаще практиковались договорные браки с крещением жен с дипломатическими и хозяйственными видами. Д. Коллинз кальку отношения белых мужчин к индейским скво в Канаде переносит на Сибирь, не учитывая разницу в типе колонизации. Русские в Сибири были заинтересованы в сохранении местного населения как новых подданных империи, белые в Америке уничтожали индейцев, формирую другой тип хозяйствования.

Как отмечалось выше, с изучения вопросов сибирской колонизации зарубежные историки постепенно переместили фокус на проблемы коренного населения,

исследуя антропологию материальной и духовной культуры и процессы адаптации локально-исторических сообществ. Это проблемно-историческое поле как никакое другое в западном сибиреведении отличается многообразием исследовательских парадигм и языков описания: здесь исследования в русле новой социальной и новой культурной истории и исторической структурной антропологии, а также гендерной истории, микроистории, интеллектуальной истории и др.

Примером такого рода работ являются публикации Эндрю Гентеса, который тоже изучал сибирскую колонизацию и систему ссылки, но уже с позиций новой социальной истории и зародившихся в их русле исторической пенологии и гендерной истории. Социальная история, как известно, отличается от политической истории, которая доминировала на протяжении большей части XIX и начала XX в. «Социальное» в социальной истории означает иметь дело со структурами обществ и социальными изменениями, социальными движениями, группами и классами, условиями труда и образом жизни, семьей, домохозяйством, местными сообществами, урбанизацией, мобильностью, этническими группами и т.д., т.е. социальная история бросила вызов господствующим историческим нарративам, построенным вокруг истории политики и государства или истории идей, подчеркнув вместо этого социальные изменения как основное измерение, вокруг которого строятся исторический синтез и диагностика современного мира [3. P. 307].

В своих статьях «К вопросу демографии детей в царской системе сибирской ссылки», «Распутницы и хранительницы очага в условиях фронтира: женщины и сибирская ссылка с конца XVI в. до начала XIX в.», «Совершенно бесполезные: ссылка инвалидов в царскую Сибирь», впоследствии ставшими частью диссертации, а затем и книги «Ссылка в Сибирь, 1590–1822», Э. Гентес выводит на «историческую сцену» тех акторов сибирской колонизации, которые ранее оставались в тени, «на задворках истории», – женщин, детей, инвалидов, анализирует их роль в этом процессе и приходит к выводу, что бесчеловечные условия сибирской ссылки, возможно, способствовали радикализации женщин и детей ссыльных и стали факторами, во многом обусловившими дальнейшие революционные события в России. «Беспризорность детей ссыльных была не просто симптомом патерналистской автократии, которая фактически оставила их сиротами, – пишет Гентес, – но также, что более существенно, отражала более широкий феномен “отцовского пренебрежения”. Учитывая, что 1917 год и его последствия были связаны с восстанием молодежи и женщин против отцовского авторитета в его различных формах, вполне возможно, что жестокое обращение с детьми в ссылке было важным фактором, который советские историки упустили, когда устанавливали связи между сибирской ссылкой и революцией» [4. P. 21]. Это, конечно же? явное преувеличение, так как число детей среди ссыльных было невелико.

Другим, не менее интересным исследованием, проведенным в русле гендерной истории на том же предметно-тематическом поле сибирской ссылки, является работа Гвин Бурлаков «Пол и империя: тюремное заключение женщин в Сибири XVIII в.». Автор (в основном на примере трех женщин-послушниц Введенского девичьего монастыря – княжны Прасковьи Юсуповой, баронессы Степаниды Соловьевой и Анны Алексеевны Павловой) рассматривает то, как светские власти обращались с постриженными в монахини женщинами (как с представительницами элит, так и с обычными заключенными), а также то, как их тюремщики реагировали на приписываемые им личные характеристики, статус, обязанности и другие обстоятельства. Статья посвящена религиозному авторитету женщин-монахинь в роли тюремщиц, которые обладали светской властью над постриженными в монахини как из известных, так и из обычных семей, содержавшихся в стенах Далматовского и Введенского монастырей в XVIII в. Власть, предоставленная настоятельнице и принятая ею и другими монахинями, выходила за пределы духовной сферы. Как представительницы религии, они имплицитно функционировали как моральные образцы, а также как надзиратели, которые явно действовали в качестве агентов империи, под контроль которой подпадала как российская элита, так и нерусские. Монастыри XVIII в. на сибирской границе усложняют представительство, роль и функции женских монастырских общин, показывая, что эти женщины также были наделены полномочиями для управления имперскими пространствами и их подданными.

Основываясь на работе Джудит Ваулз «Сексуальность и тело в русской культуре», Г. Бурлаков предполагает, что женщины в русском обществе не считались ни «морально чище» мужчин, ни экономически зависимыми от мужчин. По ее мнению, некоторые современные исследователи ошибочно характеризуют женщин в России XVIII в. как жертв или «пешек патриархата, ограниченных ролью, влиянием и правовым статусом, которые мужчины соизволили дать им» [5. P. 8]. Тем не менее, несмотря на то что некоторые путешественники-иностранцы в России в XVIII в. смотрели на русских дворянок, как на соответствующих предписанным моделям европейской женственности, которые воплощали нравственную чистоту и скромность и объясняли зависимость женщин от мужчин их «естественной» физической слабостью и душевной хрупкостью, эти же путешественники обнаружили, что представительницы российской элиты довольно далеки от этого образа. Французский путешественник Шарль Франсуа-Филибер Массон и британки сестры Вильмонт и Джейн (Рондо) Вигор описывали русских аристократок и богатых молодых женщин в провинции как властных, грубоватых женщин, что не соответствовало их собственным идеалам женственности. Демонстрируя противоречивые чувства отвращения и восхищения, они в целом находили русских женщин, их грубый язык, равнодушие к мужчинам и участие в общественной жизни неестественными и довольно неприятными. Гендерная иерархия также была нестабильной среди жен военных губернаторов и видных военнослужащих. Женщины использовали свою власть и авторитет в отсутствие и даже в присутствии своих влиятельных мужей.

Исследовательница также отмечает, что в восприятии европейских путешественников того времени «гендерные характеристики в России даже в конце XVIII в. были плохо адаптированы к европейским моделям, что еще раз демонстрирует экзотическое, “восточное” отличие России от “западной” Европы». Это и другие наблюдения также позволили автору глубже проникнуть в суть такого вида тюремного наказания женщин, как постриг в монахини [5. P. 9].

Другим интересным исследованием, проведенным в русле гендерной истории и истории повседневности, является статья Биргитты Ингемансон «Владивосток Элинор Л. Прэй: портрет, 1894–1930». Элинор Лорд Прэй (1868–1954) – американка из Новой Англии, жившая во Владивостоке с середины 1894 по 1930 г. и писавшая почти ежедневно письма своим родным и друзьям из разных частей света. Элинор тщательно и достоверно описывала свою повседневную жизнь, сцены из городской жизни, исторические события, свидетельницей которых она стала. Коллекция, содержащая более двух тысяч объемных писем, иллюстрированных сотнями фотографий из альбомов миссис Прэй, представляет собой уникальный источник сведений о старом Владивостоке, его жителях и традициях и вносит огромный вклад в изучение истории ранней городской буржуазии, которую составляли русские, скандинавские, немецкие и американские торговцы, консулы и служащие.

Во время военно-политических конфликтов 1918–1922 гг. Элинор была добровольцем Красного Креста и Молодежной Христианской Ассоциации, действовавшей во Владивостоке в то время. После отречения царя от престола в марте 1917 г. последовавшие за этим пять лет почти постоянных правительственных изменений во Владивостоке в конечном итоге привели Элинор, хоть и временно, к принятию советской победы. К этому времени она была свидетелем того, как ранее советское городское правительство было вытеснено Чешским легионом (июнь 1918 г.), как прибыли американские экспедиционные силы (август 1918 г.), наблюдала восстание генерала Гайды (ноябрь 1919 г.), мятеж войск генерала Розанова (январь 1920 г.), смену местного руководства – Хорват, Дербер, Дитрихс, Меркулов. Ее официальные письма в американский Красный Крест полны описаний тягот военного времени и отражают человеческую цену продолжавшейся борьбы [6. P. 83].

Что касается вопроса адаптации коренных народов Сибири и Дальнего Востока в ходе сибирской колонизации, в том же журнале «Сибирика» представлено множество статей, посвященных проблемам национальной идентичности и самоидентичности индигенных народов, религиозного и политического самоопределения, проблемам сохранения национальных языков, культуры и традиционных промыслов и даже вопросу сохранения или изменения черт национального характера под влиянием русской колонизации (работы Дж. Шевалье, Дж. Зикера, Ш.Хадженс, А.Д. Кинга, Ж. Фергюсон. С. Хууско, К. Метцо, Э. Пирс, А. Леэте и др.) Одной из наиболее примечательных работ в этом ряду является статья эстонского этнолога Арта Леэте «Тишина в лесах: финно-угорские народы Русского Севера и Западной Сибири в этнографической литературе с XVIII по начало XX в.», посвященная исследованию этнографических, философских и политических предпосылок к формированию образа северных народов как «безмолвных». В ранних этнографических работах эти народы описывались как люди агрессивные, однако с конца XVIII в. этот образ был пересмотрен, и в научной литературе был введен другой взгляд на характер коренных народов как «безмолвный, тихий». Такое поведение оценивалось как архаичное качество финно-угорского темперамента или же как результат колониального столкновения. Несмотря на очевидное противоречие, автор пишет, что «иногда самоеды и обские угры рассматривались как воинственные, агрессивные, поскольку были испорчены цивилизацией». Ученые и путешественники XVIII и XIX вв. затронули проблему российского влияния на личностные черты коренных народов Западной Сибири в целом и «модель безмолвного поведения» в частности. По словам автора, это был один из самых популярных мотивов в описании динамики культурных изменений на Русском Севере. Ученые и путешественники считали, что коренные племена деградировали и могут утратить последние следы своей подлинной культуры. Этнографические отчеты содержат описания дегенерации народов Западной Сибири, проявлявшейся во всех сферах жизни: исчезновение народных традиций и исконных моральных устоев, замена самодельных орудий труда и одежды промышленными изделиями, а также распространение потребления алкоголя. Потеря естественного для них спокойствия, миролюбия под влиянием более цивилизованных народов (в основном русских) воспринималась как один из показателей общего ухудшения жизни «благородного дикаря». Трансформация образа северных народов – от агрессивных дикарей в предыдущих описаниях до непритязательных и угнетенных ненцев и обских угров в XVIII–XIX вв. – тесно связана с усилением политической интеграции коренных народов в Российскую империю. А. Леэте согласен с другими этнографами (Миллер, Кастрен, Хартвиг), что коренные северные народы не смогли своевременно адаптироваться к меняющимся экономическим и социальным условиям XIX в., и это привело к их маргинализации и социальному «безмолвию» [7. P. 13].

С точки зрения исследовательских подходов и языков описания в данном проблемно-тематическом поле преобладают работы, созданные в русле культурной и исторической структурной антропологии, в которых западные сибиреведы стремятся продемонстрировать широкий круг разнообразных источников, результаты полевых исследований, используют метод «насыщенного описания».

В журнале «Сибирика» примером подобного рода можно назвать статью Бенджамина Гранта Пуржицкого «Духовные наставники, ритуальные пирамиды и адаптивная религиозная система в Тыве», в которой автор рассуждает о современной роли ритуальной пирамиды камней в адаптации тувинцев к последствиям колонизации. По мнению автора, тувинские концепции

духовных наставников, приписываемые им области знания и места их поклонения демонстрируют признаки адаптивной функции коренных народов. Опираясь на данные современных когнитивных и эволюционных экологических исследований религии, Б.Г. Пуржицкий анализирует интервью, собранные в Республике Тыва летом 2009 г., и выстраивает интерпретацию того, почему традиция ритуальной пирамиды камней (оваа) развивалась и сохраняется до сих пор в Центральной Азии. Он утверждает, что поскольку большинство пирамид камней, которые проходят люди, находится на территориях других кланов, не являющихся их родственниками, практика пирамиды камней эволюционировала, чтобы предоставить места для выражения солидарности с другими представителями их народа, способствуя расширению сотрудничества и социальным связям, что отличается от традиционной функции подобных ритуальных мест [8. P. 21].

В другой работе «Охота в Ительмене: съемка практик прошлого на исчезающем языке», авторы – антрополог Дэвид Костер и этнолог Лийво Ниглас – проводят исследование в русле «антропологии спасения», как они сами обозначают, ставя цель не только запечатлеть охотничьи практики коренных ительменов, но и записать на видеопленку исчезающий ительменский язык. Авторы не стремились отыскать аутентичные традиции охоты «древнего доколониального прошлого», а хотели лишь задокументировать охотничьи традиции и рассказы о них такими, какими они существуют в воспоминаниях и языке современных ительменов. Героями фильма «Ительменские истории», ставшего результатом полевых исследований, проведенных в 2008 г. на Камчатке, являются коренные ительмены – Георгий и Павел, чья жизнь репрезентует многие типичные черты судеб коренных ительменов в советский и постсоветский периоды. Георгий вырос в традиционной, в основном одноязычной деревне, но получил советское образование на русском языке, пожил и поохотился в разных местах Камчатского края, затем переехал в более крупное советское поселение, постепенно утратив связь с традициями. Павел – представитель молодого поколения ительменов, для которого родной язык стал лишь отзвуком прошлого. Однако у него возникло сильное желание вернуться в родные места (Сопочное) и восстановить прежние традиции охоты. Фильм, таким образом, представляет собой видеоотчет о путешествии героев по местам традиционного проживания ительменов – Морошечное, Россошино, Сопочное, Верхнее Хайрюзово, Ковран, многие из которых теперь заброшены, – вызвав в памяти рассказчиков множество воспоминаний и историй об охотничьих стоянках. Признавая традиционную для метода «антропологии спасения» критику «музеификации» традиционной культуры – статичного запечатления культуры в моменте, отсутствие динамизма и спонтанности языка и культуры, – авторы, однако, полагают, что «музеификация» выполняет важную функцию: «Музеи существуют, потому что помогают установить связь с прошлым, с которым люди хотят поддерживать связь». То есть, несмотря на значительные изменения культуры, образа жизни, языка, всего комплекса социальных отношений и религиозных практик, которые ительменская культура претерпела за столетия со времен прихода русских, все еще сохраняется чувство единения ительменов со своим прошлым, своими предками, жившими на Камчатке задолго до колонизации, во многом благодаря историческим свидетельствам своего происхождения, этнографическим отчетам, подтверждающим активную социальную и культурную жизнь их предков. В то же время, хотя осталось очень мало носителей ительменского языка, работа по его документированию и возрождению, которая все еще продолжается, может быть описана как монументальная [9. P. 77].

Рассмотрение значительного количества научных работ, посвященных сибирским исследованиям, созданных в рамках наиболее сильных современных научно-исследовательских программ, породивших, в свою очередь, разнообразные теории и концепции, с успехом применяемые в западном сибиреведении, позволяет сделать вполне однозначный вывод об их универсальности, перспективности и плодотворности для науки, в том числе отечественной. Исследования сибирской колонизации, системы ссылки, процессов адаптации сибирских локально-исторических сообществ в ходе колонизации, проведенные с позиций новой социальной и новой культурной истории, исторической структурной антропологии и других подходов, реконструируют широкий социальный, экономический, правовой, культурный контекст, выявляя многообразные взаимосвязи изучаемых явлений, а также пересматривают устоявшиеся представления о некоторых явлениях в истории Сибири, переводя фокус с изучения «формальных» исторических источников на повседневную жизнедеятельность их исторических акторов. Вместе с тем заметна тенденция переносить характеристики колонизации Америки на Сибирь, считая их универсальными.

Список источников

1. King A.D. The Siberian Studies Manifesto // Sibirica. 2006. № 5 (1). P. 5–15. doi: 10.3167/136173606780265298
2. Collins D. Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760 // Sibirica. 2004. № 4 (1). P. 162–185. doi: 10.1080/13617360500150194
3. Conrad Ch. Social History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. by J.D. Wright. 2nd ed. Elsevier, 2015. P. 307–312. doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.62127-X
4. Gentes A.A. Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System // Sibirica. 2006. № 5 (1). P. 1–23. doi: 10.3167/136173606780265270
5. Bourlakov G. Gender and empire: the imprisonment of women in eighteenth-century Siberia // Sibirica. 2020. № 19 (1). P. 5–40. doi: 10.3167/sib.2020.190103
6. Ingemanson B.M. Eleanor L. Pray's Vladivostok: a Portrait, 1894–1930 // Sibirica. 2008. № 7 (1). P. 73–88. doi: 10.3167/sib.2008.070105
7. Leete A. Silence in the Woods: Finno-Ugric Peoples of the Russian North and Western Siberia in the Ethnographic Literature from the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth Century // Sibirica. 2019. № 18 (2). P. 1–26. doi: 10.3167/sib.2019.180202

8. Purzycki B.G. Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva // Sibirica. 2010. № 9 (2). P. 21–47. doi: 10.3167/sib.2010.090202
9. Koester D., Niglas L. Hunting in Itelmen: Filming a Past Practice in a Disappearing Language // Sibirica. 2011. № 10 (3). P. 55–81. doi: 10.3167/sib.2011.100303

References

1. King, A.D. (2006) The Siberian Studies Manifesto. *Sibirica*. 5(1). pp. 5–15. doi: 10.3167/136173606780265298
2. Collins, D. (2004) Sexual imbalance in frontier communities: Siberia and New France to 1760. *Sibirica*. 4(1). pp. 162–185. doi: 10.1080/13617360500150194
3. Conrad, Ch. (2015) Social History. In: Wright, J.D. (ed.) *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Elsevier. pp. 307–312. doi: 10.1016/B978-0-08-097086-8.62127-X
4. Gentes, A.A. (2006) Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System. *Sibirica*. 5(1). pp. 1–23. doi: 10.3167/136173606780265270
5. Bourlakov, G. (2020) Gender and empire: the imprisonment of women in eighteenth-century Siberia. *Sibirica*. 19(1). pp. 5–40. doi: 10.3167/sib.2020.190103
6. Ingemanson, B.M. & Eleanor, L. (2008) Pray's Vladivostok: a Portrait, 1894–1930. *Sibirica*. 7(1). pp. 73–88. doi: 10.3167/sib.2008.070105
7. Leete, A. (2019) Silence in the Woods: Finno-Ugric Peoples of the Russian North and Western Siberia in the Ethnographic Literature from the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth Century. *Sibirica*. 18(2). pp. 1–26. doi: 10.3167/sib.2019.180202
8. Purzycki, B.G. (2010) Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva. *Sibirica*. 9(2). pp. 21–47. doi: 10.3167/sib.2010.090202
9. Koester, D. & Niglas, L. (2011) Hunting in Itelmen: Filming a Past Practice in a Disappearing Language. *Sibirica*. 10(3). pp. 55–81. doi: 10.3167/sib.2011.100303

***Сведения об авторе*:**
Михайлицина Елена Александровна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mihailicina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mikhaylitsina Elena A. – Senior Teacher at the Department of International Business Communication, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 12.08.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 323.28-058.56:325.11:651.531.16(47 + 57)(093)
doi: 10.17223/19988613/98/15

Личные дела спецпереселенцев как исторический источник

Валерий Николаевич Уйманов

Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск, Россия, ujmanov@tomskmuseum.ru

Аннотация. Рассматриваются учетные материалы правоохранительных органов на спецконтингенты, в частности личные дела и учетные карточки на спецпереселенцев, в архивах МВД России. Их изучение даст возможность определить потоки переселений и депортаций, национальный и количественный состав переселенцев, места их проживания до и после переселения, внести ясность в иные вопросы. Анализ информации дел спецпереселенцев позволяет сделать вывод о достаточно высокой степени ее достоверности и объективности.
Ключевые слова: репрессии, спецпереселенцы, личные дела спецпереселенцев, характер обвинения, Западная Сибирь

Для цитирования: Уйманов В.Н. Личные дела спецпереселенцев как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 127–132. doi: 10.17223/19988613/98/15

Original article

Identification record of “special settlers” as a historical source

Valeriy N. Ujmanov

Tomsk Regional Local Lore Museum named M.B. Shatilov, Tomsk, Russian Federation, ujmanov@tomskmuseum.ru

Abstract. The theme of resettlement and deportation of peoples of the USSR is still not explored enough although there are a lot of documents and scientific publications. However, this repression was the most massive. For ages, Siberia had been the place for deportation of unwanted people for the existing government. It had continued in the soviet period of the country. In the 1920s political exile was the most popular method of dealing with opponents of the Bolsheviks. In Tomsk region (in modern borders) in 1930-1931, 363,238 people or 83,457 families had been resettled. In the first half of the 1930s minor deportations happened. It was done during the pasportisation campaign or eviction of the Roma families from the Moscow region. On the eve of Great Patriotic War, tens of thousands of people were deported from western regions of Ukraine, Belarus, Baltic states and Poland. During the war and after the deportation continued. As of 1 July 1953, there were 79,926 emigrants from different countries living in the region.

Tomsk regional museum of local culture implements the project "Siberian special resettlement". This project is dedicated to exiled Soviet citizens and foreigners in the Tomsk region. 21,303 biographies of 61,997 people are published. 15,668 men, 5,535 women, 40,774 children and other family members are named. This search will allow us to carry out researches considering national and social signs, places of exile, follow-up relocation, nature of the charge, family structure, etc. The files are full of different information considering categories of resettles.

This work provides reliable information about the flow of "special settlers" and deportees, their placement before moving and after, the reasons for resettlement, their nationality (already known more than 60 representatives of different nations living in the USSR and abroad), the age structure - all this will clearly determine the number of "special settlers" throughout the country. It is important to remember that there were a lot of representatives of the scientific and artistic intelligentsia leaders of political parties. The lives of those people were very important for society.

Personal and official correspondence in the form of requests (letters and statements) to authorities and administrations, national leaders, which reveal the living conditions and situation of this period, is of particular interest. In addition, there are other documents that characterize the defendant in the case. This work helps to understand that the cases of "special settlers" consist of objective and reliable information, while the cases of repressed people are falsified.

Keywords: repression, special settlers, personal files of special settlers, nature of the charges, Western Siberia

For citation: Ujmanov, V.N. (2025) Identification record of «special settlers» as a historical source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 127–132. doi: 10.17223/19988613/98/15

© В.Н. Уйманов, 2025

В Советском государстве доступ к архивным материалам, связанным с массовыми репрессиями, был ограничен, и общество не знало, что происходило в стране на протяжении десятилетий, когда миллионы соотечественников были объявлены «врагами народа» либо их «пособниками», а формулировка «десять лет без права переписки» означала на деле смерть человека.

Доклад на XX съезде КПСС Н. Хрущева, осудившего культ И. Сталина, вызвал шок во многих странах мира, но о репрессиях если и говорили, то осторожно, «с оглядкой». Этой темы избегали, в обществе сохранялось чувство страха, поразившего население страны в прежние годы. Лишь немногочисленные произведения и фильмы затрагивали эту трагическую страницу отечественной истории, научных исследований данной проблемы не велось, и даже на юридических и исторических факультетах вузов эти события обходили стороной.

«Шлюзы» приоткрылись в годы перестройки, когда в журнале «Известия ЦК КПСС» начали публиковать материалы об отдельных политических процессах, преимущественно довоенного периода, и реабилитации их участников. И только после выхода Указа Президиума Верховного совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий 30–40-х – начала 50-х годов» в ходе кампании по реабилитации появилась возможность доступа к архивам партийно-советских и правоохранительных органов, материалам, связанным с необоснованными репрессиями по отношению к собственному народу.

Начавшийся очередной этап реабилитации жертв репрессий поднял на государственном уровне вопрос увековечения памяти репрессированных, одной из форм которого стало издание Книг Памяти. Инициаторами этой работы вступили сотрудники Управления КГБ СССР по Томской области, выпустившие в 1991 г. первый том книги «Боль людская». Впервые, тогда еще в СССР, были официально опубликованы многотысячный список жертв массовых репрессий и документы, раскрывавшие механизм фальсификации следственных дел. Инициатива томичей была поддержана, и приказом по Агентству федеральной безопасности России № 13 от 4 ноября 1991 г. все территориальные органы госбезопасности обязывались приступить к работе по изданию Книг Памяти в своих субъектах.

В научной среде к появлению таких Книг отнеслись скептически, возможно, по причине неверия, что это не очередная «кампания», а системный процесс. Разгорелись споры, можно ли считать их историческим источником, так как отсутствовали первоисточники представленной информации, не были соблюдены формальные характеристики источника. Однако последующие события привели к признанию Книг Памяти в качестве нового вида исторического источника. К настоящему времени в стране издано более 1 000 Книг Памяти (по местам репрессирования, местам рождения, вероисповеданию, по признакам национальной, социальной или профессиональной принадлежности и др.), в электронную базу данных внесены более 3 млн имен репрессированных.

Книги разнятся по формату, содержанию, тиражам, составу авторских коллективов, но все выполняют главную задачу – восстанавливают, какой бы страшной она ни была, историческую правду. Сотни тысяч россиян смогли узнать о судьбах родных и близких им людей, а кто-то – и места их упокоения.

Основой для опубликования списков репрессированных стали архивно-следственные дела, хранившиеся в архивах органов госбезопасности. Но о гораздо большем числе пострадавших от репрессий информация содержится в архивах управлений МВД, например в делах спецпереселенцев.

Замечу, что Сибирь веками была местом ссылки неугодных режиму лиц. В советский период эта практика была продолжена, менялись только цели и задачи. Если в 1920-е гг. преобладала ссылка преимущественно оппонентов большевиков – представителей различных партий и движений, и уголовная, то на рубеже 1930-х гг., в период коллективизации и раскулачивания, возобладали задачи экономического освоения региона. Так, только в 1930–1931 гг. в Западной Сибири было расселено 363 238 спецпереселенцев, или 82 457 семей, 284 146 чел., 78,22% из которых были направлены на сельскохозяйственное расселение в Нарым и северные районы края [1. С. 219]. Для первой половины 1930-х гг. были характерны и более мелкие депортации – в ходе паспортизации населения или, например, выселение более 1 000 цыганских семей из Подмосковья.

Накануне Великой Отечественной войны в Западную Сибирь были депортированы десятки тысяч граждан из Польши, Прибалтики, западных районов Украины и Белоруссии, – только «осадников» и беженцев 37 840 чел., а еще 48 364 чел. в результате «чисток» в приграничных районах СССР прибыли в мае–июне 1941 г. [2. С. 272, 277–279]. В годы войны и в последующие годы в регион продолжали ссылать десятки тысяч человек. Так, в Томской области на 1 июля 1953 г. были расселены 79 926 спецпереселенцев (22 688 мужчин, 35 688 женщин и 21 916 детей) разных национальностей [3. С. 324].

Одно это предполагает наличие особенностей оформления и содержания дел спецпоселенцев. Данные дела менее информативны, чем следственные дела, но их проработка позволит решить целый ряд вопросов, остающихся «белыми пятнами». Во-первых, получить представление о потоках спецпереселенцев и их расселении на территории субъектов, в том числе исходя из их национальной и конфессиональной принадлежности, социального положения, характера обвинения; во-вторых, внести какую-либо ясность в вопрос их численности, ведь значительная часть спецпереселенцев стала таковыми за совершение тяжелых уголовных преступлений, что не позволяет относить их к числу жертв необоснованных репрессий; в-третьих, более тщательно рассмотреть вопрос их реабилитации и восстановления социальной справедливости путем опубликования их имен.

Оформление дел разных категорий спецпереселенцев различно по форме, содержанию и информативности. Наибольшую сложность при обработке представ-

ляют дела периода коллективизации и раскулачивания. Чаще всего они представляют собой бессистемный набор различных справок и документов, исполненных (часто на обороте каких-то документов прежних лет, а то и по газетному тексту) с большим количеством орфографических ошибок (затруднено прочтение установочных данных, мест рождений и т.д.), отсутствием анкетных данных (требуются значительные временные затраты на поиски, например, состава семей или судеб их членов).

В делах более поздних потоков переселения уже просматривается системность в наборе документов: достаточно часто имеются фотография, анкета с подробными сведениями о человеке и членах его семьи, близких родственниках, указываются места проживания (до высылки и в ссылке), время высылки, различного рода подписки, уведомления, выписки из решений «троек» и иных репрессивных органов о назначенном наказании (часто с указанием причины) и др.

Минимальный набор документов характерен для дел на членов семей изменников Родины (ЧСИР). Обычно в деле имеются выписка из Постановления ОСО НКВД СССР, заключение какого-либо репрессивного органа, констатировавшего факт «измены Родины» главой семьи и характеризующего состав семьи «изменника» с выводом о необходимости их высылки в отдаленные районы страны. В отдельных случаях семью или отдельных ее членов не высылали, но такую избирательность понять сложно, скорее всего, играл роль «человеческий фактор» – позиция тех, кто вел дело и готовил документы. Учитывались сведения о наличии (отсутствии) в семье ЧСИРа кого-либо, проходившего службу в Красной Армии или награжденного орденами и медалями СССР, проживании ЧСИРов совместно с изменником. Окончательное решение о необходимости (отказе) высылки оформлялось мотивированным заключением органа НКВД.

Также в дела вшиты справки о составе семьи, об этапировании, «Открытый лист» с кратким описанием сути события и данными на высылаемых, обязательство о невыезде с места поселения, формализованный бланк «Удостоверение (взамен паспорта)» и справка об освобождении.

Дополнительную информацию можно получить из материалов служебной переписки – о местах расселения (реже о местах работы и занимаемых должностях, что важно для подтверждения трудового стажа; обращения с такими просьбами встречаются до настоящего времени), перемещениях в ссылке, освобождении из ссылки, рождении (смерти) членов семьи в период ссылки. В ряде дел на спецпереселенцев можно встретить какие-либо сводные данные о контингентах ссылаемых (высылаемых). Так, в деле на А.В. Степанова есть постановление, утвержденное начальником СПО УНКВД ЗСК Жабревым, о высылке в Нарымский округ 22 человек (с указанием Ф.И.О.), осужденных «за содействие к-р. зиновьевской группе», прибывших в г. Новосибирск спецконвоем из г. Ленинграда. В этом же деле есть информация из Нарымского окротдела УНКВД по ЗСК, что данные лица к месту ссылки на конкретную дату еще не прибыли [4].

Среди материалов (в ряде дел) несомненный интерес вызывают Меморандумы по следственному делу, в которых кроме установочных данных на фигуранта с указанием социального происхождения, места работы и должности, семейного положения и других сведений дается краткая характеристика его «враждебной деятельности». Например, у Ф.М. Осипова, обвиняемого по ст. 58-10, 11, 7, 9 УК РСФСР, вывод был сформулирован следующим образом: «Является членом к/р диверсионно-вредительской организации, состоящей из бывших офицеров, жандармов, полицейских и проч. к/р элементов, действовавшей в Севзаптранслесе г. Ст.[арая] Русса и на транспорте. Систематически вел а/с [антисоветскую] агитацию и принимал активное участие в совершении вредительских действий» [5].

Обвиняемому по ст. 58-10-11 УК РСФСР И.И. Кокорину инкриминировали, что «он входил в к-р. эсэровскую Викжелевскую ячейку ст. Бабаево Мурманской ж.д., ставившей своей целью активную борьбу с Совластью, путем устройства вредительских актов на дороге, создание искусственных трудностей в работе транспорта, развала труддисциплины и призыва рабочих к забастовкам, противодействия проведению коллективизации и развала колхозов, организации в последних к-р. ячеек и дискредитации местных партийных и профессиональных органов» [6].

Такого набора обвинений в годы «Большого террора» было бы достаточно для вынесения приговора к высшей мере наказания – расстрелу, но в 1933 г. Ф.М. Осипов и И.И. Кокорин «тройкой» ПП ОГПУ по ЛВО были осуждены к высылке в Западную Сибирь сроком на 5 лет. Однако такие документы дают возможность сделать определенный вывод о системе и механизме действий репрессивной машины в зависимости от политических «веяний» и решений большевистского руководства страны.

В ряде дел встречаются письма и обращения поселенцев в органы власти и правоохранительные структуры с просьбами различного характера, что позволяет получить дополнительные сведении об обстановке тех лет, самом спецпереселенце и членах его семьи, о реакции органов власти на подобные обращения (не всегда их просто подшивали к делу). Подтверждением этому может служить заявление от окончившего Ленинградскую консерваторию бывшего певца «(серьезного плана) Ленинградской Государственной Эстрады» Константинова Н.Л., направленное на имя И.В. Сталина (орфография сохранена. – *В.У.*):

«Первому Депутату Верховного Совета СССР
Великому Гуманисту человечества
Иосифу Виссарионовичу Сталину
от простого человека и гражданина
Константинова Николая Леонтьевича,
прожив. Томская обл. г. Колпашево
(указан адрес. – *В.У.*)

Заявление

10 февраля с/г., все как один, явимся на избирательные участки и отдадим свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. То же самое сделаю и я. Но идя на выборы депутатов в Верховный Совет, я хотел бы быть совершенно чистым и снять

с себя тяжелое и позорное клеймо – “ссыльный”. Здесь в Колпашево этого сделать никто не может, ибо я являюсь поднадзорным. Срок моей ссылки был определен заочно решением ОСО при НКВД в пять лет и оканчивается он 1/VII 46 г. … В виду начавшейся войны дело мое в Ленинграде не разбирали, а срочно этапировали в Златоустовскую тюрьму НКВД, где велось следствие по моему делу…

Пока шла ожесточенная война с фашистской Германией, мной никто не интересовался, несмотря на мои обращения и заявления. Только тов. Берия – по моему заявлению – распоряжением в РО НКВД с. Александрово перевел меня в Колпашево для работы в театре драмы – по специальности…

Пока я жил в Ленинграде я очень мало читал о Нарыме, как месте ссылки политических, но здесь я перечитал о ссылке наших лучших борцов за революцию тов. тов. Свердлова, Куйбышева и Вас – я понял, что в ссылке люди закаляют свой дух и волю для борьбы за свободу и независимость угнетенных народов. Мне же советскому человеку, отдавшему всего себя делу культурной революции – эта ссылка очень тяжела…

Советская власть – моя власть. Коммунистическая партия – моя партия (хотя я и беспартийный). Советский народ и советское государство – мои.

Окончилась война полным разгромом фашистов. Народы торжествуют победу над врагами. А я остаюсь в неизменном состоянии – ссыльного и терпеливо жду ее окончания. Вот почему я и обращаюсь к Вам Великому Гуманисту и Первому Депутату о досрочном снятии с меня клейма “ссыльного”, дабы я равноправным гражданином отдал свой голос в день 10 февраля за свою Верховную Советскую власть».

Заявление было зарегистрировано в Секретариате ЦК ВКП(б) и направлено в НКВД СССР, откуда было перенаправлено в Томскую область для подготовки заключения о возможности досрочного освобождения Константинова Н.Л. из ссылки [7].

В другом случае обращение спецпереселенца, поступившее на имя депутата Верховного Совета РСФСР, члена-корреспондента Академии медицинских наук Д.Д. Яблокова, было направлено Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику [8. Л. 5–9].

О принятых решениях заявители информировались в обязательном порядке, о чем имеются отметки в материалах дел.

Следует заметить, что работа с делами спецпереселенцев требует внимательности и терпения, так как подчас сложно разбирать написание фамилий, имен, отчеств, мест рождения и высылки, мест работы. Причина кроется в тех исполнителях, кто вел дела и заполнял анкеты, их грамотности и добросовестности. Не всегда можно выявить точное место проживания в ссылке (обычно упоминается район, сельсовет). Места работы и должности указывали лишь некоторые коменданты при оформлении разного рода подписок и уведомлений, либо выявить эту информацию можно через официальные обращения ссыльных (письма в органы власти и правоохранительные структуры, заявления), в редких случаях необходимую информацию можно встретить в служебной переписке. Тем не менее районы расселения определяются четко.

Иногда сложно отследить путь попадания людей в ссылку. Обычно это касается тех, кто был арестован накануне Великой Отечественной войны. Часть из них отправлялась непосредственно в ссылку, а других сначала эвакуировали в тыловые районы страны, преимущественно в лагеря или тюрьмы отдельных городов, чаще всего Урало-Сибирского региона, где они дожидались решения своей судьбы, а только потом направляли к месту поселения. В этих случаях сложно определить дату прибытия к месту ссылки, так как решения по ним чаще всего выносились ОСО НКВД СССР только через несколько месяцев, иногда почти через год, когда человек уже находился на месте поселения. В послевоенный период такой механизм был применен и при выселении отдельных категорий населения из районов Закавказья.

Что касается членов семей сосланных, то в делах не всегда имеются точные данные, особенно по детям. Обычно в анкетах указываются имена и даты рождения, но встречаются дела, где можно встретить записи «следуют двое детей», «с тремя детьми» и т.д., либо в постановлении указывается, что на иждивении находится столько-то детей, но в материалах дела их судьба никак не отражена. Иногда установить имена детей удается по иным документам из дела.

В ряде случаев невозможно установить дату смерти спецпереселенца или члена (членов) его семьи. Если в одних делах есть формализованные бланки ЗАГСа о смерти и ее причинах либо справки какого-либо иного официального органа с указанием даты смерти, то в других факт смерти подтверждался протоколами допросов свидетелей с формулировками, что проживали или работали вместе, а такой-то (имярек) потом умер, обычно указывается время года – зимой, весной и т.д.

Сложно работать с делами на членов семей изменников Родины, настолько эта категория дел оказалась разнообразной. Значительная часть дел касается тех, чьи мужья или члены семей сотрудничали с фашистами, служили в немецкой армии и созданных немцами органах власти: в полиции, старостами и т.п. В ряде дел хранятся материалы, в том числе исполненные собственноручно сосланными, подтверждающие их участие в репрессиях против мирного населения на оккупированной территории. Часть дел касается семей парашютистов-диверсантов, завербованных фашистами, задержанных или убитых при задержании (в местах десантирования, боестолкновениях и других случаях). В одном из таких случаев диверсантом оказался мужчина еврейской национальности, что с учетом позиции фашистов по отношению к евреям было случаем необычным, но, видимо, на это и делался расчет. Ряд дел касался ухода за границу военнослужащих еще до начала Великой Отечественной войны. Ценность этих дел – в достаточно большом объеме информации, в частности характеризующей обстановку тех лет.

Несмотря на сложности, дела на спецпереселенцев позволяют получить обширнейший материал по событиям тех лет. Подтверждением ценности таких дел как исторического источника могут служить первые ре-

зультаты реализуемого Томским областным краеведческим музеем им. М.Б. Шатилова проекта «Сибирские спецы», посвященного сосланным и депортированным на территорию современной Томской области гражданам СССР и иностранцам. За полтора года работы (с учетом ограничений по пандемии) на сайте музея «Следственная тюрьма НКВД» опубликованы 21 303 биограммы на 61 997 представителей 60 наций и народностей.

Названы имена 15 668 мужчин, 5 535 женщин, 40 774 детей и иных родственников (родители, братья, сестры, золовки, девери и т.д.), ставших «невольными сибиряками» в угоду реализации государственных интересов партийно-советского руководства СССР. Среди высланных более 10 человек родились еще в первой половине XIX в., т.е. им было не менее 85 лет.

Немаловажным фактором организации исследований в данном направлении является возможность определения объективных данных о количественном составе спецпереселенцев. Так, в процессе работы с личными делами были выявлены факты двойного и даже тройного учета переселенцев: при новой высылке в другой регион дело переселенца не сдавалось в архив, а по прибытии на место переселения заводилось новое. Кроме того, выявлено уже более 570 случаев репрессирования спецпереселенцев на территории области в годы «Большого террора» по ст. 58 УК РСФСР, а заводившиеся на них следственные дела хранятся в архиве Управления ФСБ. Однако при формировании списков жертв репрессий и создании автоматизированных баз данных в других регионах страны это не учитывается.

Одновременно создается автоматизированная база данных, что позволит проводить исследования по национальному составу, образованию, партийности ссылаемых, местам высылки и поселения, периодам репрессий, по органам, принимавшим решения о высылке, срокам наказания, характеру обвинения, составу семьи, судьбам (осуждение, освобождение, смерть), реабилитации – всего 20 позиций.

Особый интерес вызывают формулировки «Характера обвинения» (выявлено более 60) – кулаки и члены их семей, выселенцы различных национальностей (немцы, калмыки, латыши, литовцы, эстонцы, турки, ассирийцы и др.) и члены их семей, руководители и активисты антисоветских организаций и политических партий, политические деятели и члены правительств отдельных государств, известные ученые и деятели культуры, националисты и их пособники, сектанты, ЧСИРы (семьи полицейских, старост и других лиц, сотрудничавших с фашистами в период оккупации, но были среди них и учителя, работавшие в школах, медработники, оказывавшие хоть какую-то помощь мирным жителям, и те, кто выходил на работу с одной целью – прокормить семью и т.п.). У целого ряда спецпереселенцев формулировки обвинения – «немецкий агент», «каратель», «власовец», «член банды террористов», «полицай», «изменническое поведение» или «изменнические намерения» и др. Судя по материалам дел, эти люди должны были понести более суровое наказание и отбывать его где-нибудь в отдаленных исправительно-трудовых лагерях, но направлялись в ссылку. Однако отсутствие в делах сведений, раскрывающих суть обвинения, позволяет только домысливать – скорее всего, их вина не была доказана, но дело-то было органами заведено и должно было быть реализовано. Возможно, отдельные фигуранты в субъектах, где были арестованы и осуждены, реабилитированы.

Анализ работы с делами на спецпереселенцев позволяет сделать вывод, что в отличие от дел на лиц, репрессированных по политическим мотивам (осужденным по ст. 58 УК РСФСР), излагаемые в делах сведения содержат более объективную и достоверную информацию, так как обычно просто констатировали складывавшуюся ситуацию; фальсификации, как это было в следственных делах, не требовалось.

Таким образом, опыт работы с делами на спецпереселенцев показывает, что вне поля зрения исследователей темы массовых репрессий все еще остается непроработанным огромный пласт документов, работа с которыми позволит решить названные выше задачи и ответить на иные вопросы, ясность по которым еще не внесена, уйти от бытующих предположений и домыслов, получить объективную информацию, позволяющую полнее и глубже осознать страшный опыт недалекого прошлого, чтобы выработать механизм недопущения подобного в будущем.

Список источников

1. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск : ЭКОР, 1994. 310 с.
2. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 440 с. (История сталинизма).
3. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было… (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 336 с.
4. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3847.
5. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3737.
6. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 3734.
7. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 1633.
8. Информационный центр УВД РФ по Томской области. Фонд. 5 – архивные дела спецпоселенцев. Д. 5160.

References

1. Krasilnikov, S.A., Kuznetsova, V.L., Ostashko, T.N. et al. (1994) *Spetsperselentsy v Zapadnoy Sibiri. 1933–1938 gg.* [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938]. Novosibirsk: EhKOR.
2. Papkov, S.A. (2012) *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN.
3. Uymanov, V.N. (1995) *Repressii. Kak eto bylo… (Zapadnaya Sibir' v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov)* [Repressions. How It Was… (Western Siberia in the Late 1920s – Early 1950s)]. Tomsk: Tomsk State University.

4. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3847.
5. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3737.
6. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 3734.
7. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 1633.
8. Information Center of the Internal Affairs Directorate of the Russian Federation for the Tomsk Region. Fund. 5. Archival Files of Special Settlers. File 5160.

***Сведения об авторе*:**
Уйманов Валерий Николаевич – доктор исторических наук, заместитель директора Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (Томск, Россия). E-mail: ujmanov@tomskmuseum.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Uymanov Valery N. – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M.B. Shatilov (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ujmanov@tomskmuseum.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 17.10.2022; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 93(57); 930
doi: 10.17223/19988613/98/16

Роль воспоминаний горожан в реконструкции истории города Ноябрьска

Ольга Руслановна Фадеева

Томский государственный университет, Томск, Россия, tomichkitomsk@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются воспоминания жителей города Ноябрьска как уникальный источник информации о развитии нефтегазодобывающей промышленности, градостроительства, инфраструктуры, социальных и культурных аспектов города с 1970-х гг. На основе интервью с десятью респондентами, представляющими различные сферы общественной деятельности, проведен анализ индивидуальных восприятий и взглядов на ключевые события и процессы в истории города. Исследование выявляет значимость устных свидетельств для восстановления целостной картины прошлого и углубленного понимания социально-экономического развития Ноябрьска в контексте нефтегазовой промышленности.
Ключевые слова: Ноябрьск, нефтегазодобывающая промышленность, исторические воспоминания

Для цитирования: Фадеева О.Р. Роль воспоминаний горожан в реконструкции истории города Ноябрьска // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 133–140. doi: 10.17223/19988613/98/16

Original article

The role of residents' memories in reconstructing the history of the city of Noyabrsk

Olga R. Fadeeva

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tomichkitomsk@mail.ru

Abstract. This article explores the historical memories of residents of Noyabrsk as a distinctive source of insight into the city’s development, particularly concerning the oil and gas industry's influence on urban growth, infrastructure, and socio-cultural life since the 1970s. Noyabrsk, founded in 1975 as part of the Soviet Union's extensive northern development program, emerged due to the discovery of substantial oil and gas reserves in the region, leading to a need for a central hub for resource extraction and processing. As one of the key industrial hubs in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug, Noyabrsk experienced rapid growth, driven by the influx of skilled workers from across the Soviet Union, who contributed significantly to the establishment of local infrastructure and industrial facilities.

To understand the lived experience and perspectives on Noyabrsk’s evolution, the study relies on interviews with residents from varied social and professional backgrounds, including former oil industry workers, local officials, and cultural contributors. Through these oral histories, the study reveals the challenges and triumphs encountered during the city's formative years, including adaptation to harsh northern climates, the development of innovative construction techniques suited to extreme conditions, and the establishment of essential public service.

The findings underscore the role of oral testimonies in capturing the socio-economic and cultural dimensions of Noyabrsk’s history that archival documents alone may not convey. These narratives provide a unique perspective on the collective memory of the city, preserving details of key events and personal recollections that add emotional depth and contextual richness to the historical record. Themes of community resilience, youth involvement in municipal initiatives, and efforts to create a cohesive social and cultural environment emerge strongly within these accounts. The preservation and study of such memories support a more nuanced understanding of Noyabrsk's development trajectory, illustrating how the oil and gas industry reshaped the city’s urban landscape and societal structure.

Furthermore, this research is intended to contribute to a broader archival effort, where recorded memories and personal testimonies will become part of Noyabrsk’s oral history archive, ensuring that the lived experience of its pioneers and residents is accessible to future generations.
Keywords: Noyabrsk, oil and gas industry, historical memories, urban planning, social history

For citation: Fadeeva, O.R. (2025) The role of residents' memories in reconstructing the history of the city of Noyabrsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 133–140. doi: 10.17223/19988613/98/16

Город Ноябрьск, расположенный в Ямало-Ненецком автономном округе, был основан в 1975 г. в рамках масштабной программы освоения северных территорий Советского Союза. Основание города стало прямым следствием открытия значительных месторождений нефти и газа, что обусловило необходимость создания

© О.Р. Фадеева, 2025

нового центра для их добычи и переработки. Стремительное развитие Ноябрьска было обеспечено значительным притоком квалифицированных специалистов и рабочих из различных регионов страны, что позволило городу стать важным промышленным узлом в контексте реализации государственной программы освоения Севера. Формирование городской инфраструктуры осуществлялось с учетом экстремальных климатических условий региона, что требовало применения передовых строительных технологий и инженерных решений.

Наряду с Ноябрьском значительную роль в освоении северных территорий Ямало-Ненецкого автономного округа сыграли города Муравленко, Губкинский, Тарко-Сале и Салехард. Муравленко и Губкинский стали ключевыми центрами нефтедобычи и газопереработки, Тарко-Сале выполнял функции важного транспортного узла. Салехард, административный центр ЯНАО, расположенный на Полярном круге, выступал как культурный и политический центр региона. Эти города, как и Ноябрьск, развивались в рамках программы освоения Севера, поддерживая рост нефтегазовой промышленности и инфраструктуры.

Изучение истории северных городов представляет собой сложный и многогранный процесс, поскольку значительная часть информации основывается на устных свидетельствах, которые дополняют данные из архивов и других источников. Воспоминания позволяют передать уникальные детали, добавляя эмоциональную глубину к архивным записям и фактам. Устная история является важным элементом воссоздания исторической картины. Она фиксирует уникальные свидетельства очевидцев – граждан, внесших существенный вклад в развитие территорий. Архивы устной истории приобретают особую значимость для исследования процессов становления и развития северных городов Ямало-Ненецкого автономного округа. История этих территорий переплетается с процессами освоения нефтяных и газовых месторождений, что делает ее неотъемлемой частью общей истории освоения Ямала

Современные научные исследования преимущественно сосредоточены на анализе актуальных проблем, связанных с Ямало-Ненецким автономным округом, их число значительно превышает количество работ, посвященных историческим аспектам становления города Ноябрьска. Особое внимание в исследовании уделено вопросам основания города, развития нефтегазовой промышленности, урбанистических преобразований, молодежной и социальной политики. Научная деятельность в этих направлениях началась еще в 1970-х гг., когда отдельные исследователи обратились к изучению процессов становления нефтегазодобывающей отрасли, урбанистических трансформаций и исторического формирования города. Как современные исследования, так и работы, проведенные в более ранний период, вносят важный вклад в понимание специфики становления и развития Ноябрьска в условиях индустриализации и урбанизации, обусловленных освоением ресурсного потенциала Севера.

Среди исследований, посвященных истории Ноябрьска, выделяются работы, анализирующие воспоминания первопроходцев, которые служат важным источником для реконструкции ранних этапов освоения города. В исследовании Ю.Н. Юсуповой «Воспоминания первопроходцев как источник по истории освоения города Ноябрьска: возможности обработки и оцифровки информации» исследуются возможности оцифровки этих данных для их сохранения и последующего анализа [1]. Работа О.А. Панюты «Ноябрьск – история основания» акцентирует внимание на ключевых этапах становления города в контексте освоения северных территорий [2]. С.А. Новикова в своей статье «Отчетно-учетная документация студенческих строительных отрядов 1983–1987 годов как исторический источник» анализирует вклад студенческих строительных отрядов в строительство Ноябрьска в 1980-х гг., основываясь на архивных документах [3]. Исследования, касающиеся нефтегазовой промышленности, отражены в работе Е.Л. Юнусовой «Архив кадровой документации ООО “Газпром добыча Ноябрьск”: от традиционного к электронному», где рассматриваются вопросы модернизации архивов и перехода к электронным системам управления документацией [4]. Важное место в историографии занимают исследования, посвященные урбанистике. Например, А.С. Великасова в статье «Концепция пространственного развития и формирования комфортной среды Ноябрьска» анализирует развитие города в контексте создания комфортной городской среды, подчеркивая значение пространственного планирования в условиях северного климата [5]. Д.В. Крышалович и Е.В. Грачева в публикации «Ноябрьск – “Строительная звезда” Ямала» исследуют уникальные урбанистические особенности Ноябрьска, его роль как важного инфраструктурного центра ЯНАО [6].

Современные исследования наиболее часто сосредоточены на молодежной и социальной политике города. А.В. Козлов в работе «Реализация молодежной политики на уровне муниципального образования Ямало-Ненецкого автономного округа МО города Ноябрьска» анализирует механизмы реализации молодежной политики в Ноябрьске, включая способы вовлечения молодежи в общественную жизнь и решение городских проблем [7]. Н.Г. Полева рассматривает способы вовлечения молодежи в возрасте 14–35 лет в решение вопросов благоустройства города, подчеркивая их активную роль в улучшении городской среды [8]. Социальные проблемы нашли отражение в исследовании С.Д. Родионова и В.П. Богданова «Проблемы бедности в северном городе в зеркале общественного мнения», где проводится анализ бедности в Ноябрьске на основе общественного мнения, что позволяет глубже понять социально-экономические вызовы, стоящие перед городом.

Экономические аспекты развития города освещены в ряде исследований А.А. Недяк и Е.Г. Черных, в которых анализируется инвестиционная привлекательность объектов коммерческой недвижимости, делается акцент на перспективах развития рынка. Важной темой является и развитие кадрового потенциала нефтегазовой отрасли города, что отражено в статье А.Р. Кононовой, где подчеркивается значение подготовки квалифицированных специалистов для устойчивого экономиче-

ского роста региона. Помимо экономических вопросов, значимым направлением исследований остается изучение исторических процессов, в том числе через личные воспоминания.

Исторические воспоминания представляют собой важный источник информации для изучения прошлого, поскольку они отражают личный опыт, переживания и взгляды жителей определенного времени и места, способствуя восстановлению целостной исторической картины. Воспоминания жителей Ноябрьска, особенно тех, кто был свидетелем его формирования в начале освоения, предоставляют исследователю уникальные сведения, недоступные в официальных исторических источниках. Особый интерес представляют воспоминания «первопоселенцев», поскольку они фиксируют не только последовательность событий, но и атмосферу того времени, личное восприятие происходящего. Воспоминания позволяют получить объективное представление о событиях, акцентируя внимание на конкретных фактах жизни города. Такой подход дает возможность реконструировать историю нефтегазодобывающей промышленности, градостроительных процессов, развития инфраструктуры, транспортной системы, социальных и культурных аспектов через призму восприятия непосредственных участников и свидетелей событий.

В рамках исследования проведены интервью с респондентами, представляющими различные сферы общественной деятельности, включая политиков, работников нефтегазовой отрасли, специалистов социальной сферы, молодежных активистов и представителей других направлений. Цель исследования – сбор и анализ разноплановых мнений и взглядов, связанных с процессами развития города Ноябрьска.

Исследование проводилось поэтапно. На первом этапе были отобраны респонденты, представляющие разные профессиональные области. Затем каждому из них был направлен гайд для интервью, что позволило респондентам предварительно подготовиться и дополнить свои ответы личными воспоминаниями. Интервью записывались на видео, переведены в текстовый формат, систематизированы и использованы для подготовки научной публикации. Видеозаписи и текстовые материалы проходят этапы описания и архивирования, после чего будут переданы музейному центру города Ноябрьска и дополнят фондовую коллекцию «мультимедиа».

В рамках исследования задавались следующие вопросы: Каковы были ваши первые впечатления о городе Ноябрьске? Как вы оказались в Ноябрьске и чем занимались по приезде? Какие трудности возникали в первые годы жизни и работы в городе? Какую роль играли молодые специалисты в развитии города и предприятий? Как изменялся Ноябрьск на протяжении первых лет вашего пребывания? Чем вы особенно гордитесь в вашей работе и общественной деятельности в городе? Какую связь вы чувствуете с Ноябрьском спустя годы? Какие пожелания вы бы оставили нынешним жителям города? В исследовании ставилась цель дать характеристику воспоминаниям жителей города Ноябрьска, отражающим их опыт и восприятие процесса становления и развития города. В рамках исследования были выделены точные факты, содержащиеся в воспоминаниях респондентов, что позволило более объективно осветить ключевые исторические события и социально-экономические процессы, происходившие в Ноябрьске на ранних этапах его формирования.

Изучение истории нефтегазодобывающей промышленности представляет собой один из центральных аспектов при исследовании этапов развития города Ноябрьска, поскольку его основание и последующее становление как ключевого экономического центра напрямую связано с наличием и активной разработкой значительных запасов нефти в данном регионе. Формирование мощного нефтедобывающего комплекса на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, и в частности города Ноябрьска, берет начало с бурения первой разведочной скважины на Холмогорском месторождении. Именно это событие стало отправной точкой для развития не только отдельного населенного пункта, но и крупной промышленной зоны, охватывающей значительную часть северного региона.

Первая разведочная скважина на Холмогорском месторождении была пробурена в октябре 1973 г. бригадой Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции под руководством мастера В. Соловьева. Успешное испытание скважины в тот же год стало важнейшим событием, открывшим возможности для активной разработки нефти на данной территории. Этот шаг продемонстрировал потенциальные перспективы нефтедобычи на Ямале, что обусловило необходимость создания специализированных служб и организаций для освоения обнаруженных ресурсов.

В феврале 1975 г. приказом по нефтегазодобывающему управлению «Сургутнефть» была учреждена специальная служба, ответственная за разработку Холмогорского месторождения. Создание этой службы свидетельствовало о стратегическом подходе к освоению нефтяных ресурсов, что требовало высокой степени организационной подготовки и технической оснащенности. Внедрение специализированной службы способствовало упорядоченной разработке месторождения, обеспечив соблюдение технических и технологических требований в сложных климатических условиях Крайнего Севера.

В апреле 1981 г. с целью ускоренного ввода в эксплуатацию крупных месторождений, таких как Муравленковское, Вынгапуровское, Сутормінское, Тарасовское и прилегающие к ним нефтяные участки, в составе «Главтюменьнефтегаза» было основано производственное объединение «Ноябрьскнефтегаз». Для более эффективного управления данным производственным комплексом был создан специальный аппарат управления, расположенный в поселке городского типа Ноябрьск. Образование «Ноябрьскнефтегаза» стало значимым этапом в индустриализации региона, обеспечив координацию и системный подход к добыче и переработке нефти в рамках масштабных производственных проектов. Производственное объединения сыграло ключевую роль в экономическом развитии города Ноябрьска, способствовало его превращению из небольшого поселка в важнейший промышленный центр рос-

сийского Севера. Интеграция Ноябрьска в структуру «Главтюменьнефтегаза» обеспечила приток финансовых и людских ресурсов, что придало устойчивый характер развитию города, выступающего в качестве промышленного узла на территории Ямало-Ненецкого автономного округа [9. С. 10].

Поселок Муравленковский, административно включенный в состав Ноябрьска, был важной частью территориального устройства города в период его становления. По словам А.П. Починка, первого секретаря Ноябрьского горкома комсомола первого состава 1982 г. и вице-президента Фонда имени В.И. Муравленко, «в то время поселок Муравленко административно входил в состав Ноябрьска, а сегодня нефтяные города успешно конкурируют с другими Ямальскими городами по красоте и благоустройству» [10]. Это высказывание подчеркивает значительные изменения, которые претерпели такие населенные пункты за последние десятилетия. Примером подобных трансформаций выступает не только Муравленковский, но и другие поселения в регионе, включая Губкинский, где наблюдался активный процесс модернизации и благоустройства. О развитии Губкинского сообщает П.Н. Альбитов, мастер Холмогорского месторождения, подчеркивая преображение северных поселений в конкурентоспособные города [11].

В начале 1980-х гг. на территорию Ноябрьска начало прибывать значительное число молодых специалистов, в основном выпускников нефтяных факультетов, которые приезжали для прохождения практики и трудоустройства. Этот приток молодежи способствовал формированию квалифицированного кадрового состава на ключевых предприятиях региона. Одним из первых молодых специалистов, принявших участие в становлении предприятия «Ноябрьскнефтегаз», был А.В. Дегтярев, который в дальнейшем возглавил Ноябрьский горком ВЛКСМ в качестве первого секретаря.

А.В. Дегтярев с ностальгией вспоминал тот момент, когда в 1982 г. они, молодые специалисты, принципиально хотели поехать в самое молодое объединение – «Главтюменьнефтегаз» (на тот момент это был «Ноябрьскнефтегаз». «Не было аэропорта, ехали по неофициальной железной дороге. Два раза, я помню, были неплановые остановки. Это значит, что один раз то ли кто-то выпал из поезда, то ли кого-то выбросили из поезда, и мы останавливались, чтобы подобрать этого человека. Второй раз мы остановились, и, наверное, так сказать, паровозное радио передало нам сообщение, что машинист увидел где-то куропаток, взял ружье и пошел стрелять в них. Потом, на всякий случай, мы как-то остановились, поезд долго стоял, а в тот момент в далекой Москве на Красной площади проходили похороны Л.И. Брежнева. Обсуждали “полярки” – надбавки к зарплате за работу и проживание в условиях Крайнего Севера. Вот такие были основные темы наших разговоров» [12]. Воспоминания подчеркивают специфические условия, в которых развивалась нефтегазовая промышленность и формировалось ее сообщество, оказывая значительное влияние на жизнь города.

В период работы в «Ноябрьскнефтегаз» А.В. Дегтярев выделил несколько особенностей. Первая была связана с работниками на производстве. В начале 1982 г. на производственном объединении работало больше тысячи молодых специалистов, и каждый десятый работник был уникальным. Так, к примеру, начальнику нефтегазодобывающего управления А. Теренечику было 33 года, а генеральному директору В.А. Городилову – 42 года, что делало его одним из самых молодых руководителей в отрасли в то время. Эти показатели иллюстрируют не только молодость и энергичность кадрового состава, но и высокий уровень ответственности, возложенной на этих специалистов.

Вторая особенность связана с вкладом нефтяников в жизнь города. Молодые специалисты «Ноябрьскнефтегаза» принимали активное участие в развитии Ноябрьска, создавая памятные места и развивая экономику города в 1980-е гг. Была создана первая бизнес-школа, которая продолжает функционировать, а в 1985 г. комсомольцы и молодежь города придумали построить «Вечный огонь». А.В. Дегтярев вспоминает: «Я помню, букву мы заказывали в мастерских у нас на промзоне. Начальник штаба центральной союзноударной комсомольской стройки А. Щерба выбивал какой-то внеплановый гранит. Мы все это сделали просто на честном слове, на энтузиазме». Деятельность молодых специалистов в «Ноябрьскнефтегаз» способствовала не только техническому развитию и кадровому наполнению предприятия, но и укреплению социальной структуры Ноябрьска, превращая город из рабочего поселка в значимый социальный и культурный центр Ямала.

Многие молодые специалисты, прибывавшие в Ноябрьск в начале 1980-х гг. для исследования территории будущего города и перспективных месторождений нефти и газа, постепенно принимали решение остаться в этом новом и активно развивающемся регионе. В числе таких специалистов оказался и О.Ю. Рупинский, начинавший свою карьеру в нефтегазовой отрасли с должности оператора в сейсморазведочной партии. Постепенно благодаря своему упорству, профессионализму и стремлению к развитию он прошел путь до руководителя, став техническим руководителем одной из сейсморазведочных партий.

О.Ю. Рупинский, обладая обширным опытом работы в полевых условиях и хорошо понимая специфику региона, высказывал принципиальную позицию по вопросам трудоустройства сотрудников в нефтегазодобывающей отрасли. Он считал, что для устойчивого и качественного развития компании, занятой в освоении месторождений, необходим стабильный кадровый состав. По его мнению, работников, особенно занятых на полевых работах в условиях Крайнего Севера, необходимо принимать на постоянные должности, а не на сезонной основе. В этом подходе заключался его прагматичный взгляд на кадровую политику: сезонные сотрудники, хоть и выполняли важные задачи, не могли полностью влиться в коллектив, обрести стабильные условия для жизни и работы и полноценно развиваться в профессиональном плане. Он подчеркивал, что постоянные должности создают необходимые условия для формирования устойчивой кадровой базы, где каждый работник чувствует свою сопричастность к долгосрочным проектам компании. Стабильные

условия трудоустройства способствовали укреплению связи сотрудников с компанией, позволяли более глубоко передавать накопленный профессиональный опыт, что особенно важно для отрасли, работающей в условиях сурового северного климата. Профессиональная преемственность, которой способствовал этот подход, обеспечивала надежность и качество работы и позволяла эффективно адаптироваться к специфическим требованиям нефтегазодобычи на Севере.

Изучение воспоминаний А.М. Анисимова, секретаря Пуровского райкома партии, становится важным фактором для полноценного освещения градостроительства и инфраструктуры Ноябрьска. В его рассказах представлены ценные подробности о том, как город впервые появился на географической карте. В 1978 г., с утверждением решения облисполкома, поселок был зарегистрирован на озере Ханто. С этого момента Ноябрьск получил свой индекс, почтовый адрес, и вопрос о его присутствии на карте был окончательно решен.

Воспоминания предоставляют уникальный взгляд на план и ход строительства Ноябрьска, раскрывая детали организации и инфраструктурных решений, принятых в процессе формирования городской среды. В ходе обсуждений возникал вопрос о выборе места для строительства железной дороги. С учетом «решения о развитии народного хозяйства СССР на 1976–1980-е гг.», было принято решение строить из Сургута в Уренгой. Этот проект был представлен в 1976 г. Ноябрьская станция вошла в план строительства из-за необходимости развития Холмогорского месторождения и начала освоения Вынгапуровского.

Местоположение поселка стало предметом выбора Сургутского горкома партии. Однако выбранное место оказалось неудачным – озеро, непригодное для отдыха, с плохими берегами и болотистой местностью. Возник вопрос о том, где людям будет удобно отдыхать. А.М. Анисимов предложил альтернативу, высказав идею о строительстве города на берегах озера Ханто, что вызвало дискуссию.

Еще одним аспектом дискуссии стало название поселка. Сначала высказывалось предложение назвать населенный пункт «Пограничный», так как территория граничила с Ханто-Мансийским автономным округом. Потом «Октябрьский»: готовились к празднику – 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Однако А.М. Анисимов говорил: «Вы знаете, сколько “Октябрьских”? Название должно быть памятным. 7 ноября 1977 г. будем отмечать 60-летие. У меня предложение: назвать Ноябрьск» [13].

При возведении Ноябрьска возникла основная трудность, связанная с тем, что первоначальная часть населенного пункта находилась в пределах Пуровского района, рядом с железнодорожной станцией, тогда как сам город располагался в Сургутском районе. Для решения этого вопроса подключали представителей нефтегазодобывающей промышленности, так как постановление и схема генплана населенного пункта были утверждены в 1978 г. Тогда был предложен проект «компактного города»: промышленную зону сделать отдельно через железную дорогу, между железной дорогой и городом устроить «зеленую зону», построить аэропорт, деревянные дома, которые в дальнейшем менялись на капитальные.

По воспоминаниям В.В. Трапезникова, главного технолога Холмогорского управления буровых работ, стало известно, что пятиэтажные дома начали строить уже в 1981 г. В своем рассказе он называл Ноябрьск «поселком волков и песчаных бурь», подчеркивая памятные моменты во время работы. Первое воспоминание было связано с майской демонстрацией 1982 г., которая была организована председателем поселкового совета Ю.Л. Герасимовым и парткомами. «Было жалко смотреть на девчонок, которые шли в колонне «Укртюменьжилстроя» в валенках и юбочках, а мы стояли на трибуне в шубах и шапках» [14]. Второй момент – это зима 1982–1983 гг., когда пришлось спасать пятиэтажные дома и весь поселок от замораживания. Квартиры раздавали только с одним условием: необходимо было в каждый подъезд ставить тепловые пушки, чтобы спасти отопление. И третий момент, запомнившийся В.В. Трапезникову, – это создание газеты «Ноябрьскнефтегаза» «Северная вахта». По рекомендации парткома объединения «Ноябрьскнефтегаз» редактором был назначен А.И. Кастров.

Основополагающую роль в развитии Ноябрьска сыграли работники нефтегазодобывающей промышленности и их семьи, которые первыми начали осваивать город в сложных природно-климатических условиях. Трудности, с которыми столкнулись переселенцы, включали ограниченные жилищные ресурсы и отсутствие развитой инфраструктуры. Как отмечает ветеран города Л.И. Смирнова, сотрудники нефтегазодобывающей отрасли размещались в общежитиях и компактных семиметровых комнатах в деревянных домах, что отражает специфику начального этапа обустройства новых территорий и адаптации населения [15]. Н.Н. Алексеенко, почетный работник в сфере молодежной политики, рассказывала о жилищных условиях: «Мы с мужем приехали в 1985 г. с маленьким годовалым ребенком на руках, и первое впечатление у меня было немножко шокирующее, потому что жили мы в балке, вокруг были деревянные домики, похожие на бараки, и никаких особо комфортных условий не было» [16].

В процессе формирования Ноябрьска, когда жилищные условия значительно уступали современным стандартам комфорта, жители прилагали усилия для организации досуга и развития культурной жизни поселка, несмотря на ведомственный характер существующих учреждений культуры [17]. Такая энергичная инициатива местного населения сыграла важнейшую роль в поддержании социальной активности и способствовала укреплению коллективной идентичности, столь необходимой в условиях интенсивного освоения нового города. Особое значение придавалось различным мероприятиям, объединяющим местное сообщество и формирующим пространство для поддержания социальных связей.

Свидетельства заведующей библиотекой «Ноябрьскнефтегаза» и председателя Ноябрьского землячества З.С. Орловой и заведующей домом быта Н.В. Кривулиной подчеркивают значимость общественных праздников, таких как 1 и 9 мая, 7 ноября, проводы русской

зимы и День работника нефтяной и газовой промышленности. Эти мероприятия не только были яркими событиями в жизни поселка, но и служили символами общих ценностей и традиций, оказывая значительное влияние на формирование чувства единства среди населения. Такие праздники способствовали не только сохранению культурных традиций, но и адаптации жителей к специфическим условиям жизни в удаленном северном регионе [18].

Регулярные события являлись основой для создания сплоченного сообщества, которое, несмотря на трудности и оторванность от крупных культурных центров, сумело сохранить и передать последующим поколениям важнейшие элементы культурного наследия. В итоге праздники и общественные мероприятия способствовали формированию уникальной социальной структуры, в которой культурные традиции сочетались с новыми формами общественной активности, что стало одним из важнейших факторов, определяющих устойчивость и самобытность Ноябрьска как нового населенного пункта на северной территории страны.

Рассматривая вклад отдельных личностей в культурное развитие Ноябрьска, особое внимание следует уделить деятельности Н.И. Антроповой, переехавшей в город в 1982 г. и внесшей значительный вклад в формирование его культурного пространства. Решив посвятить свои усилия развитию искусства на Севере, Н.И. Антропова основала ансамбль классического танца «Подснежник», который стал основой для создания первой хореографической школы на Ямале. Этот ансамбль не только приобщил жителей Ноябрьска к классическому танцу, но и способствовал известности города, распространив его культурное влияние от Средиземного моря до Тихого океана.

В своих воспоминаниях Н.И. Антропова отмечает, насколько непросто было решиться на переезд в Ноябрьск: «Кто знает, как решилась ехать в Ноябрьск. Многие москвичи просто не представляли себе, как можно, имея квартиру в “Белокаменной”, помышлять жить и работать в другом месте. Тем более на Крайнем Севере». Эти слова отражали ее сомнения и преодоление стереотипов, связанных с жизнью в отдаленном северном городе. Выбор Ноябрьска для реализации своего творческого потенциала подчеркивал ее приверженность делу и стремление внести вклад в развитие культурной жизни региона, который в тот период остро нуждался в инициативах, направленных на создание общественно значимых культурных институтов.

Создание ансамбля «Подснежник» и хореографической школы стало важной вехой в становлении культурной идентичности Ноябрьска. Эти учреждения не только способствовали популяризации классического танца среди молодежи и взрослых, но и сыграли роль в формировании чувства гордости и сплочённости у жителей города. Благодаря таким культурным инициативам Ноябрьск стал восприниматься как город, где искусство и творчество могут процветать, несмотря на суровые климатические условия и удаленность от крупных культурных центров.

Роль Н.И. Антроповой и ансамбля «Подснежник» в культурной жизни города стала неотъемлемой частью его исторического наследия. Эти инициативы не только обогатили культурную структуру Ноябрьска, но и способствовали укреплению социальной устойчивости местного сообщества. На примере ее деятельности можно увидеть, как культурные проекты помогали жителям адаптироваться к условиям Крайнего Севера и формировали чувство принадлежности к своей малой родине.

В завершение анализа воспоминаний о культурной жизни Ноябрьска стоит отметить уникальный взгляд И.В. Минибаевой, заведующей отделением отдела городской истории музейного центра, на роль города в жизни региона. Несмотря на то, что Ноябрьск расположен на северной территории с суровым климатом и специфическими природными условиями, он заслуженно получил название «южные ворота Ямала». Этот эпитет подчеркивает его важное географическое и культурное положение. Ноябрьск является не только одним из наиболее теплых населенных пунктов на Ямале, но и первой точкой, с которой начинается знакомство с регионом для многих приезжающих.

Эта особенность придает Ноябрьску статус своеобразного связующего звена между центральной частью России и глубинным севером Ямала, что, в свою очередь, способствует формированию его культурной идентичности и общественной значимости. Город, выступающий своеобразным форпостом на пути в автономный округ, символизирует начало освоения Ямала, что накладывает особую ответственность на его жителей, которые стремились сохранять и развивать культурные традиции даже в условиях удаленности и ограниченности ресурсов [19].

Таким образом, благодаря своим климатическим и географическим особенностям Ноябрьск не только стал ключевым центром культурной и общественной жизни региона, но и сформировал образ города, открывающего доступ к богатствам и возможностям Ямала. Воспоминания и исторические свидетельства подчеркивают значимость Ноябрьска как важного культурного и социального узла, где северные традиции переплетаются с новыми формами общественного взаимодействия и досуга, отражая уникальную идентичность местного сообщества. Воспоминания жителей Ноябрьска позволяют изучать события и процессы глазами их непосредственных участников. Старожилы предоставили возможность устно реконструировать уникальные аспекты истории города, включая развитие нефтегазодобывающей промышленности, градостроительства, инфраструктуры и социокультурной сферы. Их свидетельства содержат значимые детали, такие как организация и реализация строительных работ, выбор расположения железной дороги и происхождение названия поселка. Интервью с респондентами, представляющими различные сферы общественной деятельности, способствовали формированию многогранного взгляда на процесс развития города.

Следует отметить, что данные источники, хотя и ограничены по объему, представляют собой ценный

материал, охватывающий различные аспекты жизни города, доступные исключительно через воспоминания непосредственных участников событий.

Воспоминания, представленные в данной статье, являются первыми материалами, положенными в основу архива устной истории города Ноябрьска. В дальнейшем планируется пополнять этот архив новыми свидетельствами, что позволит расширить и углубить понимание исторического и социокультурного развития города. Такая работа создаст условия для более полного исследования различных аспектов жизни Ноябрьска через призму личного опыта его жителей, сохраняя живую память о ключевых этапах формирования и развития города для будущих поколений.

Список источников

1. Юсупова Ю.Н. Воспоминания первопроходцев как источник по истории освоения города Ноябрьска: возможности обработки и оцифровки информации // Множественность интерпретаций: цифровая перезагрузка : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 16 февраля 2018 г. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2018. С. 206–212.
2. Панюта О.А. Ноябрьск – история основания // Новая наука как результат инновационного развития общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 22 апреля 2017 г. Сургут : Агентство междунар. исслед., 2017. С. 91–93.
3. Новикова С.А. Отчетно-учетная документация студенческих строительных отрядов 1983–1987 годов как исторический источник // Молодой ученый. 2021. № 38. С. 124–128.
4. Юнусова Е.Л. Архив кадровой документации ООО «Газпром добыча Ноябрьск»: от традиционного к электронному // Молодой ученый. 2021. № 52. С. 372–374.
5. Великасова А.С. Концепция пространственного развития и формирования комфортной среды Ноябрьска // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2018. № 2. С. 14–20.
6. Крышалович Д.В., Грачева Е.В. Ноябрьск – «Строительная звезда» Ямала // Строительный вестник Тюменской области. 2015. № 71. С. 30–33.
7. Козлов А.В. Реализация молодежной политики на уровне муниципального образования ямало-ненецкого автономного округа МО г. Ноябрьска // Языки и культура народов Арктики как полиэтнического региона в условиях глобализации : материалы I Междунар. науч.-практ. конф., 25 октября 2018 г. Ханты-Мансийск : Югор. гос. ун-т, 2018. С. 204–209.
8. Полева Н.Г. Способы вовлечения в решение вопросов благоустройства молодежи в возрасте 14–35 лет (на примере Муниципального образования города Ноябрьска) // Лучшая студенческая статья : материалы XLII Междунар. науч.-исслед. конкурса, 15 марта 2022 г. Пенза : Наука и Просвещение, 2022. С. 187–192.
9. Ледовской Д.А. 30 лет Ноябрьскнефтегаз. Тюмень : Топ, 2023. 121 с.
10. Воспоминания первого секретаря Ноябрьского горкома комсомола первого состава, вице-президента Фонда им. В.И. Муравленко А.П. Починка о становлении г. Ноябрьска // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
11. Воспоминания мастера Холмогорского месторождения П.Н. Албитова о кадрах «Ноябрьскнефтегаза» // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
12. Воспоминания 1-го секретаря Ноябрьского горкома ВЛКСМ А.В. Дегтярева о первых молодых специалистов «Ноябрьскнефтегаза» // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
13. Воспоминания 1-го секретаря Пуровского райкома партии А.М. Анисимова о выборе места и названия поселка // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
14. Воспоминания Главного технолога Холмогорского управления буровых работ В.В. Трапезникова о памятных моментах в Ноябрьске // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
15. Воспоминания ветерана г. Ноябрьска Л.И. Смирновой о приезде в поселок Ноябрьск // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
16. Воспоминания почетного работника в сфере молодежной политики Н.Н. Олексеенко о своих первых впечатлениях по приезде в Ноябрьск // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
17. Воспоминания заведующей домом быта Н.В. Кривулиной социальном обеспечении в Ноябрьске // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
18. Воспоминания председателя Ноябрьского землячества З.С. Орловой о своей жизни в Ноябрьске // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).
19. Воспоминания заведующей отделением отдела городской истории И.В. Минибаевой // Музейный центр г. Ноябрьска (документ в процессе описи).

References

1. Yusupova, Yu.N. (2018) Vospominaniya pervoprokhodtsev kak istochnik po istorii osvoeniya goroda Noyabr'ska: vozmozhnosti obrabotki i otsifrovki informatsii [Memoirs of the Pioneers as a Source on the History of the Development of the City of Noyabrsk: Possibilities for Processing and Digitizing Information]. *Mnozhestvennost' interpretatsiy: tsifrovaya perezagruzka* [Plurality of Interpretations: Digital Reboot]. Proc. of the Sixth International Conference. February 16, 2018. Tyumen: Tyumen State University. pp. 206–212.
2. Panyuta, O.A. (2017) Noyabr'sk – istoriya osnovaniya [Noyabrsk – The History of Its Foundation]. *Novaya nauka kak rezul'tat innovatsionnogo razvitiya obshchestva* [New Science as a Result of Innovative Development of Society]. Proc. of the International Conference. April 22, 2017. Surgut: Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy. pp. 91–93.
3. Novikova, S.A. (2021) Otchetno-uchetnaya dokumentatsiya studencheskikh stroitel'nykh otryadov 1983–1987 godov kak istoricheskiy istochnik [Reporting and Accounting Documentation of Student Construction Teams from 1983–1987 as a Historical Source]. *Molodoy uchenyy*. 38. pp. 124–128.
4. Yunusova, E.L. (2021) Arkhiv kadrovoy dokumentatsii OOO “Gazprom dobycha Noyabr'sk”: ot traditsionnogo k elektronnomu [The Archive of Personnel Documentation of LLC "Gazprom Dobycha Noyabrsk": From Traditional to Electronic]. *Molodoy uchenyy*. 52. pp. 372–374.
5. Velikasova, A.S. (2018) Kontseptsiya prostranstvennogo razvitiya i formirovaniya komfortnoy sredy Noyabr'ska [The Concept of Spatial Development and Formation of a Comfortable Environment in Noyabrsk]. *Arkhitektura, gradostroitel'stvo i dizayn*. 2. pp. 14–20.
6. Kryshalovich, D.V. & Gracheva, E.V. (2015) Noyabr'sk – “Stroitel'naya Zvezda” Yamala [Noyabrsk – the "Construction Star" of Yamal]. *Stroitel'nyy vestnik Tyumenskoy oblasti*. 71. pp. 30–33.
7. Kozlov, A.V. (2018) Realizatsiya molodezhnoy politiki na urovne munitsipal'nogo obrazovaniya yamalo-nenetskogo avtonomnogo okruga MO g. Noyabr'ska [Implementation of Youth Policy at the Level of the Municipal Formation of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the City of Noyabrsk]. *Yazyki i kul'tura narodov Arktiki kak polietnicheskogo regiona v usloviyakh globalizatsii* [Languages and Culture of the Arctic Peoples as a Polyethnic Region in the Context of Globalization]. Proc. of the First International Conference. October 25, 2018. Khanty-Mansiysk: Yugra State University. pp. 204–209.

8. Poleva, N.G. (2022) Sposoby vovlecheniya v reshenie voprosov blagoustroystva molodezhi v vozraste 14–35 let (na primere Munitsipal'nogo obrazovaniya goroda Noyabr'ska) [Methods of Involving Youth Aged 14–35 in Solving Improvement Issues (on the Example of the Municipal Formation of the City of Noyabrsk)]. *Luchshaya studencheskaya stat'ya* [Best Student Article]. Proc. of the XLII International Research Competition. March 15, 2022. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 187–192.
9. Ledovskoy, D.A. (2023) *30 let Noyabr'skneftegaz* [30 Years of Noyabrskneftegaz]. Tyumen: Top.
10. Pochinok, A.P. (n.d.) *Vospominaniya pervogo sekretarya Noyabr'skogo gorkoma komsomola pervogo sostava, vitse-prezidenta Fonda im. V.I. Muravlenko A.P. Pochinok o stanovlenii g. Noyabr'ska* [Memoirs of the First Secretary of the First Composition of the Noyabrsk City Komsomol Committee, Vice-President of the V.I. Muravlenko Fund, A.P. Pochinok, on the Formation of the City of Noyabrsk]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
11. Albitov, P.N. (n.d.) *Vospominaniya mastera Kholmogorskogo mestorozhdeniya P.N. Albitova o kadrakh "Noyabr'skneftegaza"* [Memoirs of Foreman of the Kholmogorskoye Field P.N. Albitov about the Personnel of "Noyabrskneftegaz"]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
12. Degtyarev, A.V. (n.d.) *Vospominaniya 1-go sekretarya Noyabr'skogo gorkoma VLKSM A.V. Degtyareva o pervykh molodykh spetsialistov "Noyabr'skneftegaza"* [Memoirs of the 1st Secretary of the Noyabrsk City Committee of the Komsomol A.V. Degtyarev about the First Young Specialists of "Noyabrskneftegaz"]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
13. Anisimov, A.M. (n.d.) *Vospominaniya 1-go sekretarya Purovskogo raykom partii A.M. Anisimova o vybore mesta i nazvaniya poselka* [Memoirs of the 1st Secretary of the Purovsky District Party Committee A.M. Anisimov about the Choice of the Location and Name of the Settlement]. (n.d.). Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
14. Trapeznikov, V.V. (n.d.) *Vospominaniya Glavnogo tekhnologa Kholmogorskogo upravleniya burovykh rabot V.V. Trapeznikova o pamyatnykh momentakh v Noyabr'ske* [Memoirs of the Chief Technologist of the Kholmogorsk Drilling Operations Management V.V. Trapeznikov about Memorable Moments in Noyabrsk Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
15. Smirnova, L.I. (n.d.) *Vospominaniya veterana g. Noyabr'ska L.I. Smirnovoy o priezde v poselok Noyabr'sk* [Memoirs of Veteran of Noyabrsk L.I. Smirnova about Arriving in the Noyabrsk Settlement]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
16. Olekseenko, N.N. (n.d.) *Vospominaniya pochetnogo rabotnika v sfere molodezhnoy politiki N.N. Olekseenko o svoikh pervykh vpechatleniyakh po priezde v Noyabr'sk* [Memoirs of Honorary Worker in the Sphere of Youth Policy N.N. Olekseenko about Her First Impressions upon Arrival in Noyabrsk]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
17. Krivulina, N.V. (n.d.) *Vospominaniya zaveduyushchey domom byta N.V. Krivulinoy sotsial'nom obespechenii v Noyabr'ske* [Memoirs of Head of the Household Services Center N.V. Krivulina about Social Security in Noyabrsk]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
18. Orlova, Z.S. (n.d.) *Vospominaniya predsedatelya Noyabr'skogo zemlyachestva Z.S. Orlovoy o svoyey zhizni v Noyabr'ske* [Memoirs of the Chairman of the Noyabrsk Fellow Countrymen Association Z.S. Orlova about Her Life in Noyabrsk]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).
19. Minibaeva, I.V. (n.d.) *Vospominaniya zaveduyushchey otdeleniem otdela gorodskoy istorii I.V. Minibaevoy* [Memoirs of Head of the Department of City History I.V. Minibaeva]. Museum Center of Noyabrsk (document in the process of description).

***Сведения об авторе*:**
Фадеева Ольга Руслановна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Tomichkitomsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fadeeva Olga R. – PhD Student the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Tomichkitomsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2024; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 09.11.2024; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 796.926
doi: 10.17223/19988613/98/17

Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории

Екатерина Александровна Филонова[1], Константин Владимирович Юматов[2]

[1, 2] Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
[1] filonova.ea@yandex.ru
[2] yumatov@list.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению газеты Таштагольского района Кемеровской области «Красная Шория» как источника по развитию туризма в период с 1970 по 1999 г. Показана эволюция прессы как исторического источника от советской эпохи до конца XX в., рассмотрена специфика отражения туристской сферы в локальной прессе. Особое внимание уделено отражению в газетных материалах основных исторических сюжетов развития туризма в Горной Шории, связанных с формированием горнолыжной школы в Таштаголе и Шерегеше и развитием Шерегеша как горнолыжного туристского комплекса. Особое внимание уделено анализу прессы как площадки для коммуникации между обществом, туристской сферой и властью.
Ключевые слова: периодическая печать, исторический источник, туризм, «Красная Шория», Горная Шория, Кемеровская область, Шерегеш

Для цитирования: Филонова Е.А., Юматов К.В. Газета «Красная Шория» как источник по истории развития туризма в Горной Шории // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 141–148. doi: 10.17223/19988613/98/17

Original article

The Krasnaya Shoria newspaper as a source on the history of tourism development in Gornaya Shoria

Ekaterina A. Filonova[1], Konstantin V. Yumatov[2]

[1, 2] Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
[1] filonova.ea@yandex.ru
[2] yumatov@list.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the newspaper of the Tashtagolsky district of the Kemerovo region "Krasnaya Shoriya" as a source for the development of tourism in the period from 1970 to 1999. The purpose is to study the specifics of the Tashtagolsky district newspaper "Krasnaya Shoriya" and identify the most important moments in the history of tourism development in Gornaya Shoriya. The methodological base of the research includes: comparative historical method, content analysis, semiotic analysis. The scientific novelty of the work lies in the introduction of a new source into scientific circulation, the newspaper Krasnaya Shoriya. The article shows the evolution of the press as a historical source from the Soviet era to the end of the 20th century, examines the specifics of the reflection of the tourism sector in the local press. When analyzing the content of the newspaper, we determined the number of publications within the chronological framework we studied on the given topics and identified the most important moments in the history of tourism development in Gornaya Shoria. The dynamics of coverage of ski and tourist topics in the texts of the publication is established. Special attention is paid to the analysis of the press as a platform for communication between society, the tourism sector and the government. Special attention is paid to the reflection in newspaper materials of the main historical plots of tourism development in Gornaya Shoria related to the formation of ski schools in Tashtagol and Sheregesh. The development of Sheregesh as a ski tourism complex, the formation of which became possible due to the holding of the VII Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR on Green Mountain in 1981. The role of Shorii-Tour for the development of tourism, as well as the development of infrastructure. The periodicity of the publication, the social portrait of readers, the internal structure and format of the newspaper are revealed. Based on the materials of the newspaper Krasnaya Shoriya, the chronology of the formation and functioning of the ski school in Tashtagol and Sheregesh has been restored. The analysis of the newspaper's publications allows us to identify three key stages of development: the formation of sports infrastructure in 1971-1980; the formation of the all-Union ski center in 1981-1990; the commercialization of tourist activities in 1991-1999.
Keywords: periodicals, historical source, tourism, Krasnaya Shoriya, Gornaya Shoriya, Kemerovo region, Sheregesh

© Е.А. Филонова, К.В. Юматов, 2025

For citation: Filonova, E.A., Yumatov, K.V. (2025) The Krasnaya Shoria newspaper as a source on the history of tourism development in Gornaya Shoria. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 141–148. doi: 10.17223/19988613/98/17

Среди большого разнообразия источников по человеческой истории XVII–XXI вв. периодическая печать занимает одно из главных мест. Периодическая печать представляет собой многогранный исторический источник, отражающий политические, экономические, социальные, идеологические процессы, которые происходят в обществе и государстве.

Важным для понимания характера, роли и закономерностей развития периодической печати является вопрос ее классификации. Исследователи признают периодическую печать особым ценным историческим источником, но единого подхода к ее систематизации до сих пор не выработано. В.М. Рынков отмечает, что периодическая печать, несмотря на общепризнанность, не получила деления на разновидности [1]. Однако исследователи А.М. Панфилова, С.С. Дмитриева, М.Ф. Румянцева подчеркивают, что периодическая печать как исторический источник схожа со средствами массовой информации, в связи с чем они выделяют следующие ее разновидности: газеты, журналы, повременные издания научных сообществ и общественных организаций (труды, записки, бюллетени) [2. С. 7]. При этом исследователи отмечают жанровое разнообразие материалов, публикуемых в периодических изданиях: статьи, очерки, обозрения, фельетоны, корреспонденции, рецензии и др. Особый интерес для изучения представляет работа М.Н. Черноморского: он вводит термин «состав материалов газет», в котором выделяет не только традиционные журналистские жанры, но и документальные материалы [3. С. 32], т.е. официальные документы, возникшие вне редакции печатных изданий, но воспроизводимые на их страницах для всеобщего сведения. Л.Н. Пушкарев, анализируя природу периодики, обращает внимание на ее противоречивость: с одной стороны, это разнородный комплекс материалов; с другой – материалы объединены общими качествами, присущими периодической печати как таковой [4. С. 226]. Соответственно, материалы данного комплекса анализируются общими источниковедческими методами.

Изучение периодической печати невозможно без детального исследования исторической эпохи, в которой она создавалась и функционировала. Методологическую основу данной работы составляет принцип историзма, на основе которого был проведен анализ периодической печати, а именно газеты «Красная Шория», во взаимосвязи с общественно-политическими процессами 1970–1990-х гг. В связи с неоднозначной оценкой в общественном мнении периодов застоя, перестройки в истории СССР и постсоветского этапа российской истории, в научном изучении крайне важен принцип объективности.

В исследовании использован сравнительно-исторический метод, который позволил изучить специфику Таштагольской районной газеты «Красная Шория» в сравнении с принятой структурой локальной советской прессы, выявить периодичность издания, социальный портрет читателей, внутреннюю структуру и формат газеты. Для анализа содержательной стороны газеты был использован контент-анализ, применение которого позволило определить количество публикаций в течение исследуемых нами хронологических рамок на заданные темы и выявить наиболее важные моменты в истории развития туризма Горной Шории. В рамках дискурс-анализа был проведен семиотический анализ, используя который была рассмотрена смысловая нагрузка публикаций в том или ином историческом контексте, выявлены объекты, на которые направлен текст, а также формат передачи (интервью, «сухая» информация, текст с фотографиями).

Применение данных методов как к отдельным публикациям и номерам, так и к годовым и полигодичным тиражам позволяет провести комплексный анализ исторического источника. При анализе также стоит учитывать цели отдельных публикаций и общую цель существования и реализации информационной политики государства в локальной прессе. Хронологические рамки охватывают период с 1970 по 1999 г., т.е. исследуется специфика периодической печати в советский период, период перестройки и в постсоветское время.

В советское время периодическая печать была однородно партийно-советской, каждому территориальному образованию полагался обязательный регламентированный набор периодических изданий: одна ежедневная краевая или областная газета, одна молодежная комсомольская областная газета [5. С. 220]. Газетная периодика была средством идеологического воздействия. За годы советской власти сложилась система периодической партийно-государственной печати с сетью центральных, республиканских, краевых, областных и локальных газет и журналов. В советской идеологии преобладало мнение, что советская печать – самая объективная и правдивая.

Анализ текстов советской периодической печати ставит перед исследователями вопрос о ее достоверности. Дискуссия по этому вопросу отражена на страницах учебных изданий постсоветского периода [6–8] и в научных работах обобщающего характера [9]. Исследователи как в отечественной, так и в зарубежной историографии сходятся во мнении, что советская пресса зависела от партийной идеологии и политики. Еще в 1981 г. в учебнике по источниковедению истории СССР в разделе о периодической печати говорилось: «В силу того, что, кроме фактов, в периодике дается их оценка, печать используется как средство воспитания, идеологического воздействия, социальной ориентации» [10. С. 447]. При этом важно отметить, что советская пресса стремилась представить себя выразителем общественного мнения. Однако частым приемом советской прессы было умолчание, отбрасывание лишней информации. Отличались и провинциальные газеты, которые по большей части дублировали материалы центральной прессы. Советская периодическая печать никогда не служила зеркалом, отображающим

действительность. Она старалась показать жизнь такой, какой она должна была быть согласно официально принятой схеме развития. Агитационно-пропагандистская роль, государственная цензура и строгий отбор информации были элементами деятельности советской периодической печати. Таким образом, советская пресса отвечала интересам советской бюрократии, но не интересам общества в целом. В таких условиях пресса может выражать интересы издателей газеты и партийно-государственных органов, их курирующих, но не общественное мнение.

В период перестройки (1987–1991) все советские периодические издания (газеты, журналы) являлись печатными органами какой-либо из государственных структур власти. Однако в эти годы пресса стала играть более значимую роль в обществе, что связано в первую очередь с политикой «гласности» и ослаблением идеологического диктата КПСС. Это привело к расцвету исторической публицистики и трансформации информационного поля, создаваемого прессой [11. С. 14]. Советская пресса периода перестройки отражала борьбу внутри партийной элиты, показывала раскол общества по идеологическому принципу и освещала растущее экономическое неравенство социальных групп. Печать этого периода не только отражала, но и формировала реальность, принимая во внимание различные точки зрения. Печать была инструментом, который конструировал и влиял на общественное мнение читателя, манипулировал социумом. Уникальность периодической печати перестроечного периода состояла в том, что она уже не была в полной мере официальной, партийной, но в то же время еще не стала коммерческой, находилась в переходном состоянии между советской и постсоветской моделью печати.

В 1991 г. в связи со сменой политического режима и экономического курса периодическая печать, как и все средства массовой информации, претерпела изменения. Стали развиваться рыночные отношения, была провозглашена политика гласности, что стало отправной точкой к развитию периодической печати. Российская периодическая печать приобрела статус «независимой», политика гласности привела к ослаблению цензуры и позволила обсуждать ранее запретные темы, проводить критику и открыто говорить о проблемах, что привело к росту доверия аудитории. Газеты получили возможность самостоятельно формировать политику редакции. В то же время сократилось государственное финансирование газет, что привело к зависимости прессы от рекламы и спонсоров и заметно влияло на тематику публикаций. Еще одним изменением стало появление «желтой прессы», ориентированной на громкие сенсации, порой не подтвержденные никакими фактами.

Несмотря на политику свободы слова, к концу 1990-х гг. многие газеты оказались под контролем крупных бизнес-структур или так называемых олигархических групп [12. С. 18], а также под контролем государства. Таким образом, периодическая печать, столкнувшаяся с коммерциализацией и олигополией медиарынка, с одной стороны, получила независимость и свободу, а с другой стороны, оставалась инструментом социально-политического и экономического влияния либо перешла на развлекательный формат.

Рассматривая туристскую прессу, отметим, что в СССР она представляла собой небольшой, но уникальный сегмент, находившийся на стыке идеологии и идеологического воспитания и популяризации внутреннего туризма. Как отмечает Ю.В. Ростовская, советская власть противопоставляла «буржуазный» туризм, связанный с праздным отдыхом, «пролетарскому» туризму, способствовавшему социалистическому строительству [13. С. 30]. Особенность советской туристской прессы состояла в том, что в ней преобладали практико-ориентированные издания, связанные с экскурсионной деятельностью, например журнал «Вокруг света» или печатное издание «Турист», – они публиковали географические очерки и идеологически выверенные репортажи, фокусировались на внутреннем туризме, маршрутах, технике походов, играли роль неких путеводителей для советских граждан.

Стоит отметить, что советская центральная и региональная пресса регулярно обращалась к туристской теме. Например, материалы газеты «Комсомольская правда» отражали проблемы туристской сферы, некоторые ее публикации имели ярко выраженную критическую направленность. Основываясь на письмах читателей, недовольных качеством туристских услуг, журналисты обращали внимание на имеющиеся проблемы в организации туризма на региональном уровне. Примечательны и публикации, посвященные анализу экономической эффективности внутреннего туризма. Отметим в связи с этим дискуссию 1967 г., когда в публикациях «Комсомольской правды» был поставлен вопрос о возможности и целесообразности разделения собственности Центрального совета по туризму и Центрального комитета ВЛКСМ при долевом строительстве туристских объектов [13. С. 31].

В научных трудах уже отмечалась определенная ценность региональной печати для изучения истории туризма в Кузбассе, так как она позволяет выявить локальную специфику и этапы развития кузбасского туризма. О.А. Горяева в своей работе «История развития внутреннего туризма в Кемеровской области в 1940–1980-е гг.» [14] в качестве источников рассматривала газеты «Кузбасс», «Кузбасский комсомолец», а также спецвыпуск 1967 г. газеты «Турист» Кемеровского областного совета по туризму и экскурсиям. По ее мнению, в прессе преимущественно описывались красоты природы, способы активного отдыха и впечатления участников походов, что не представляет интереса для научного исследования. Исключение составляли публикации в центральной прессе о проблемах развития регионального туризма, вызванные, как правило, жалобами туристов на плохое обслуживание. В исследовании А.А. Пятовского [15] рассматриваются публикации областных газет «Кузбасс», «Кузнецкий край» и «Спортивная жизнь Кузбасса», которые позволили выявить истоки инициатив по созданию туристской базы в Шерегеше, Поднебесных Зубьях и т.д. Таким образом, к сожалению, периодическая печать как источник по истории развития туризма в Кузбассе была слабо востребована. Особенно это касается

локальной районной прессы. Мы видим, что газета «Красная Шория» фактически не использовалась для исследований. Считаем необходимым ввести в научный оборот данный источник и обозначить его источниковедческую значимость.

История газеты «Красная Шория» ведется с 1932 г., когда начала выходить газета Алтайского прииска «Рабочий» в г. Спасске. С 1937 г. это орган Спасского парткомитета Горно-Шорского района Новосибирской области [16]. В 1939 г. газета была переименована в «Красную Шорию». В 1939–1963 гг., после разукрупнения Горно-Шорского района, она стала газетой Таштагольского района, с 1963 г. – газетой г. Таштагола. В настоящее время учредителями газеты являются администрация Таштагольского муниципального района и муниципальное автономное учреждение «Редакция газеты “Красная Шория”».

Рассмотрим ключевые сюжеты истории развития туризма, нашедшие отражение в публикациях газеты «Красная Шория». Туризм в СССР был тесно связан со спортом. «Красная Шория» освещала физкультурно-спортивную работу в рубрике «Спорт», которая стандартно находилась на четвертой странице газеты вместе с рубрикой про культуру и зарубежными новостями. В настоящее время уже понятно, что развитие туризма на территории Таштагольского района Кемеровской области было возможно благодаря горнолыжному спорту. Первые упоминания о горнолыжной школе появляются в газете в 1971 г. в виде небольшой публикации с объявлением о наборе детей в горнолыжную школу [17]. С этого момента можно говорить о начале становления горнолыжной школы в г. Таштаголе.

В 1971–1972 гг. наибольшее число статей в рубрике «Спорт» содержало информацию о лыжном спорте, лыжных соревнованиях или о хоккее. В количественном отношении в 1971 г. было опубликовано девять статей о результатах лыжников на соревнованиях, две статьи о хоккейных соревнованиях и только две – о горнолыжной школе Таштагола. Уже в 1972 г. число публикаций о лыжном и горнолыжном спорте практически сравнялось: семь статей было посвящено лыжникам и их результатам или информации о соревнованиях, проводимых по данному виду спорта, шесть статей – о горнолыжном спорте [18–20], две статьи – о хоккее. В 1973 г. о горнолыжной школе было уже восемь статей. Постепенно количество статей увеличивается, – в 1981 г. о горнолыжниках упоминалось в 16 статьях газеты «Красная Шория». Таким образом, в первые годы газета публикует значительно меньше статей о горнолыжном спорте или горнолыжной школе по сравнению с другими зимними видами спорта, но начиная с 1972 г. количество статей увеличивается, что говорит о росте значения горнолыжного спорта.

Увеличение количества упоминаний горнолыжной школы можно связать с тем, что в 1972 г. в Таштаголе на склоне горы Буланже была построена трасса для горнолыжной дисциплины и установлена канатная дорога длиной в 1 км [21. С. 46–47]. Открытие трассы произошло 6 февраля 1972 г., на первую лыжню приехала сборная Центрального совета студенческого добровольного спортивного общества, в составе которой были чемпионы Советского Союза и мастера спорта. Впервые на горе Буланже прошли соревнования, которые посетили спортсмены, тренеры и болельщики из других регионов страны [23]. После этого спортивные соревнования такого рода проходили каждый сезон, об этом свидетельствуют записи в колонке «Спорт» газеты «Красная Шория». В период с 1972 по 1979 г. Таштагол становится центром притяжения спортсменов из всех уголков СССР [24, 25].

Областные и всесоюзные соревнования создавали базу для появления туристской инфраструктуры и туристских услуг. Как отмечается в прессе, в рамках соревнований сильнейшие горнолыжники страны, представители Украины, Белоруссии, Армении и других союзных республик в свободное от тренировок и соревнований время посещали кинотеатр «Руда», клуб «Горняк», библиотеки Таштагола [25]. Для интервью в газету приглашались спортсмены и тренеры других республик и регионов [26], чемпионы СССР [27]. Данные интервью дают возможность выявить основные горнолыжные центры страны, сравнить ситуацию и определить место Таштагола на горнолыжной карте СССР.

Одной из главных причин формирования горнолыжного комплекса рядом с поселком Шерегеш становится решение о проведении на горе Зеленой (шорское название горы Каритшал) VII зимней Спартакиады народов РСФСР в 1981 г. Впервые значение создания горнолыжного комплекса отмечается именно в газете «Красная Шория» еще в 1978 г.: «В Шерегеше на горе Зеленой готовится трасса для горнолыжников, новый период начинается в горняцком поселке Шерегеш» [28]. Создание инфраструктуры на склоне горы Зеленой проходило в короткие сроки. В хронике событий постоянно сообщается о ходе работ, открытии первых трасс и проведении на них соревнований, публикуются статьи о подготовке инфраструктуры для проведения Спартакиады [29, 30]. Подготовка освещалась и центральной прессой. Газета «Советский спорт» писала: «В рабочем поселке Шерегеш вблизи Таштагола, на склонах горы Зеленая построен новый горнолыжный спортивный комплекс, включающий трассы слалома-гиганта протяженностью 1 300 метров и скоростного спуска – 2 600 метров, База оборудована канатно-бугельными подъемниками, судейскими и стартовыми помещениями, оснащенными фотофинишем» [30].

VII зимняя Спартакиада народов РСФСР в 1981 г. всесторонне освещалась прессой, это были тематические полосы, репортажи и фоторепортажи, общекомандный зачет «Табло Спартакиады».

После окончания зимней спартакиады гора Зеленая и гора Буланже продолжают принимать областные и всесоюзные соревнования, об этом свидетельствуют репортажи из газет: 1984 г. – Зимняя спартакиада школьников в Шерегеше [31], 1988 г. – сборная СССР проводит сборы по фристайлу на горе Зеленой [32], 1989 г. – в Шерегеше на горе Зеленой и в Таштаголе на горе Буланже проходят финальные старты IX зимней Спартакиады народов РСФСР, перенесенные из Саяногорска из-за отсутствия снега [33, 34].

Таким образом, темы публикаций газеты отражают и формируют имидж и специфику района. Таштаголь-

ский район становится известен своими горнолыжными школами не только для своего населения, но и Кузбасса в целом. При этом можно сделать вывод, что растет значимость и релевантность темы развития горнолыжного спорта для общества, для аудитории, которую составляет население Таштагольского района и на которую направленна газета.

Стоит отметить, что рубрика «Спорт» традиционно печаталась на 4-й странице газеты «Красная Шория», но в некоторых случаях, подчеркивая значимость явлений и событий, статьи выходили на первой полосе. Например, в 1982 г. под заголовком «Флаг поднят» на первой полосе была опубликована статья о старте чемпионата народов РСФСР по горнолыжному спорту в Таштаголе [35. С. 1]. В 1986 г. в публикации «Атака на скорость» [36. С. 1] на первой полосе пишут о тренировке спортсменов Детско-юношеской школы олимпийского резерва по горнолыжному спорту перед областными соревнованиями. В этом же году на первой полосе – репортаж с фотографией об открытии первенства РСФСР по горнолыжному спорту в поселке Шерегеш [37. С. 1]. В 1989 г. – пять репортажей о IX Зимней спартакиаде народов РСФСР в формате интервью, «Дневник Спартакиады» с фотосопровождением. Репортажи на первой полосе газеты «Красная Шория» свидетельствовали о релевантности горнолыжной школы для аудитории газеты, так как появление спортивной новости на первой полосе, где в основном публиковались сведения о партийных событиях, трудовых достижениях и т.п., отмечало тот факт, что это важная информация, которой придавалось большое значение.

Период перестройки стал большим испытанием для горнорудной промышленности Таштагольского района, как и для экономики всей страны. Кризисные явления в традиционных добывающих отраслях заставляли искать альтернативные нестандартные решения. Постепенное развитие горнолыжного комплекса и интерес жителей области к Горной Шории привели к тому, что в 1990 г. по решению сессии горсовета в Шерегеше была образована ассоциация (впоследствии акционерное общество) «Шория-Тур», которая должна была заниматься развитием туризма в Таштагольском районе в целом и в Шерегеше в частности. Именно благодаря этой организации Шерегеш стал ассоциироваться не только со спортивными мероприятиями, но и с туризмом и отдыхом.

В интервью корреспонденту газеты «Красная Шория» ее первый директор Валерий Мальцев рассказывал о планах компании: «Вообще вижу нашу Горную Шорию приближенной к уровню швейцарских курортных городов. Создать нужную базу просто необходимо, и мы видим два таких направления: это развитие горнолыжного спорта и создание двух горнолыжно-туристических центров, которые бы работали круглый год…» Также В. Мальцев рассказывает, что в Шерегеше была прорублена новая трасса, возводится новый подъемник, были приобретены автобусы и ратрак, открыт прокат спортинвентаря, где доступны 75 пар горных лыж производства Италии и Франции. В планах строительство жилого чехословацкого комплекса на 100 мест в Шерегеше и переоборудование «Медвежонка» – уже построена русская баня, начато строительство сауны с бассейном [38].

В 1996 г. на страницах газеты появился заголовок «Первый турпоезд прибыл в “Медвежонок”», на борту туристического поезда прибыли 190 человек из Кемеровской области, это результат работы «Шории-Тур» и строительства железнодорожной станции «Турист» возле «Медвежонка» [39. С. 1, 5]. Позже о туристическом поезде узнают и жители других регионов. В частности, в «Медвежонке» будут принимать туристов из Новосибирской области [40. С. 4].

Совместно с туризмом продолжал развиваться и горнолыжный спорт. В 1996 г. Шерегеш принимал первенство по горнолыжному спорту среди юниоров и открытый Чемпионат России по горнолыжному спорту [41]. «Шория-тур» принимала участие в подготовке к проведению соревнований, подготавливая места размещения и питания. Наталья Айларова, менеджер «Шории-Тур», в интервью корреспонденту газеты об открытии зимнего сезона 1996–1997 г. говорила, что к сезону подготовлена турбаза «Медвежонок» на 125 номеров, были улучшены условия в модульных домиках спортивного комплекса «Мустаг», открыт новый оздоровительный комплекс, включающий три сауны, бассейн, косметический кабинет, бильярдную комнату. На трассе горы Зеленая открыто небольшое кафе, пункт проката инвентаря и новая трасса с вечерним освещением [42]. В сезоне 1997–1998 г. количество туристов составило около 6 000 человек, что на 18% больше чем в сезоне 1996–1997 г. [38]. Туристский поток рос с каждым годом. 1 декабря 1999 г. газета писала: «О том, что популярность такого отдыха растет, свидетельствует тот факт, что уже сегодня проданы все путевки, начиная с 31 декабря и до середины января. На этот раз встречать новый 2000 год вместе “Шорией-Тур” будут туристы из Кемерова, Новокузнецка, Новосибирска, Томска, Иркутска, Красноярска, Москвы» [43]. Таким образом, на страницах газеты «Красная Шория» нашел свое отражение процесс формирования туристской инфраструктуры «Медвежонка» и горы Зеленой, комплекса туристских услуг ТСАО «Шория-тур».

Благодаря газете «Красная Шория» мы можем восстановить хронологию формирования и проблемы функционирования горнолыжной школы в Таштаголе и Шерегеше. Отметим, что газета стала инструментом давления на руководство района и руководство Таштагольского рудника, помогая тренерам горнолыжной школы и энтузиастам горнолыжного спорта добиваться финансирования и поддержки. Они использовали газету как площадку для открытых писем, такие публикации в совокупности со статьями о победах горнолыжников оказывали моральное и политическое давление, так как в советское время игнорировать подобные проблемы было сложно. На протяжении всего периода с 1970 по 1999 г. горнолыжная школа и туризм в Горной Шории сталкивались с трудностями, главной из которых было недостаточное финансирование [44, 45]. Основным источником поступления денег и инвентаря являлся Таштагольский рудник,

однако его ресурсов не хватало для полноценного обеспечения школы. Мы встречаем статьи с обращениями и просьбами к администрации района в финансовой помощи для различных целей: установки подъемника, покупки оборудования, аренды помещения. Большой проблемой было отсутствие ратраков [46], которое влияло на качество трасс, безопасность тренировочного процесса, а значит, и на качество подготовки спортсменов в горнолыжной школе и возможность проведения соревнований всесоюзного и всероссийского уровней. Отмечалась и проблема неэффективной работы горспорткомитета, из-за которой ограничивалось участие таштагольских спортсменов в соревнованиях, что замедляло развитие потенциала спортсменов [47. С. 7].

Таким образом, газета «Красная Шория» – единственный устойчивый источник, который на протяжении многих лет непрерывно дает фактуру, отражает реальность, при этом активно формируя ее, выступая площадкой для коммуникации между обществом, туристской сферой и властью. Как специализированные советские издания «Турист», «Вокруг света» фиксировали становления туризма в СССР, так и «Красная Шория» становится архивом спортивно-туристических преобразований в Горной Шории. Отметим, что регулярное освещение соревнований, проходивших в Таштаголе и Шерегеше, информация об итогах соревнования местных спортсменов за пределами регионов, интервью делают горнолыжный спорт более привлекательным и значимым для местных жителей и туристов.

Список источников

1. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.
2. Панфилова А.М. Советская периодическая печать как исторический источник : учеб.-метод. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 64 с.
3. Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период : учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1976. 296 с.
4. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. : Наука, 1975. 281 с.
5. Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Исторические этапы развития региональной и локальной прессы России и ее современные особенности // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 219–222.
6. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М. : РГГУ, 2004. С. 621–633.
7. Кабанов В.В. Источниковедение советского общества : курс лекций. М. : РГГУ, 1997. 385 с.
8. Голиков А.Г. Методика работы с историческими источниками : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академия, 2014. 224 с.
9. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории / отв. ред. А.К. Соколов. М : ИРИ РАН, 1994. 397 с.
10. Дергачева Л.Д. Периодическая печать // Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. школа, 1981. С. 446–464.
11. СМИ и политика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Л.Л. Реснянской. М. : Аспект Пресс, 2007. 256 с.
12. Алексеев К.А. Новейшая история российской журналистики (1990–2010 гг.) : учеб. пособие. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. 400 с.
13. Ростовская Ю.В. Туристическая пресса в СССР: характер становления и развития // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 1. С. 24–41.
14. Горяева О.А. История развития внутреннего туризма в Кемеровской области в 1940–1980-е гг. : дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 191 с.
15. Пятовский А.А. История становления и развития туристской отрасли Кемеровской области (1943–2010-е гг.) : дис. … канд ист. наук. Кемерово, 2019. 302 с.
16. Газета «Красная Шория» // Администрация Таштагольского района. URL: https://web.archive.org/web/20211021144530/http://atr42.ru/index/pechat/0-61 (дата обращения: 15.04.2025).
17. Богачук А. Горнолыжному – дорога // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1971. 8 марта // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 34. Л. 58.
18. Мельников В. Гостеприимство горнолыжного Таштагола // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 10 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 37. Л. 36
19. День за днем // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 21 янв. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 37. Л. 27.
20. Монастырев Т. В Таштаголе – большой спорт // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 28 нояб. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 37. Л. 28.
21. Копытов А.И. Гора с горой… Кемерово : Сибирский бизнес, 2003. 104 с.
22. Гурин А. Первая лыжня // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 29 янв. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 37. Л. 26.
23. Попов А. Праздник на Буланже // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1975. 9 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 22. Л. 19.
24. Попов А. Трасса дружбы // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1973. 22 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 20. Л. 30.
25. Попов А. У нас в гостях спортсмены-горнолыжники // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 5 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 37. Л. 286.
26. Захарченко В. Гостеприимный Таштагол // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1972. 16 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 37. Л. 296.
27. Сечкин С. Трасса в Шерегеше // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1978. 30 сент. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 24. Л. 74.
28. Анатольев П. На трассе в Шерегеше // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1979. 1 нояб. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 1. Д. 52. Л. 48.
29. С прицелом на Спартакиаду // Кузбасс. 1980. 15 февр. № 39.
30. Клюев В. В рабочем поселке Шерегеш // Советский спорт. 1981. 25 февр. № 48. С. 2.
31. Лебедев В.И. Славная традиция // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1984. 21 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 29. Л. 272.
32. Духанина А. Горные лыжи и акробатика // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1988. 5 нояб. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 3 Л. 52.
33. Здравствуй, Спартакиада! // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1989. 22 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 34. Л. 280.

34. Сечкин С. IX Зимняя спартакиада народов РСФСР – 89 // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1989. 25 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 34. Л. 274.
35. Флаг поднят // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1982. 9 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 27. Л. 33.
36. Александров С. Атака на скорость // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1986. 13 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 31. Л. 13.
37. Попов А. Трассы ждут чемпионов // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1986. 25 янв. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 31. Л. 315.
38. Мальцев В. «Шория-тур» расширяет горизонты // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1998. 25 сент. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 43. Л. 235.
39. Духанина А. Первый турпоезд прибыл в «Медвежонок» // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1996. 10 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41 Л. 29–31.
40. Айларова Н. «Шория-тур»: здоровье, деньги, отдых // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1996. 18 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 273.
41. Болдин В. Приветствуем горнолыжников России на земле Шории // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1996. 9 марта // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 53.
42. Кравченко А. Фирма «Шория-тур» открывает зимний сезон // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1996. 7 нояб. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 41. Л. 253.
43. На «Новый год–2000» мест нет // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1999. 1 дек. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф 30. Оп. 3. Д. 44. Л. 283.
44. Попов В. Горнолыжникам нужна помощь // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1973. 24 июля // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 20.
45. Николаев В. Сколько школе быть? // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1990. 7 апр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 35. Л. 230.
46. Сечкин С. IX Зимняя спартакиада народов РСФСР-89 // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1989. 25 февр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 34. Л. 274.
47. Николаевский В. Послесловие к чемпионату // Красная Шория : таштагольская районная газета. 1999. 9. апр. // БУ «Муниципальный архив Таштагольского муниципального района». Ф. 30. Оп. 3. Д. 44. Л. 87.

References

1. Rynkov, V.M. (2010) Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical Press: Its Place in the System of Historical Sources]. *Otechestvennye arkhivy*. 3. pp. 44–50.
2. Panfilova, A.M. (1974) *Sovetskaya periodicheskaya pechat' kak istoricheskiy istochnik* [Soviet Periodical Press as a Historical Source]. Moscow: Moscow State University.
3. Chernomorskiy, M.N. (1976) *Istochnikovedenie istorii SSSR. Sovetskiy period* [Source Studies of USSR History. The Soviet Period]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Pushkarev, L.N. (1975) *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii* [Classification of Russian Written Sources on National History]. Moscow: Nauka.
5. Devdariani, N.V. & Rubtsova, E.V. (2020) Istoricheskie etapy razvitiya regional'noy i lokal'noy pressy Rossii i ee sovremennye osobennosti [Historical Stages of Development of Regional and Local Press in Russia and Its Modern Features]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 9(1(30)). pp. 219–222.
6. Danilevskiy, I.N., Kabanov, V.V., Medushevskaya, O.M. & Rumyantseva, M.F. (2004) *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossiyskoy istorii* [Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian History]. Moscow: RGGU. pp. 621–633.
7. Kabanov, V.V. (1997) *Istochnikovedenie sovetskogo obshchestva* [Source Studies of Soviet Society]. Moscow: RGGU.
8. Golikov, A.G. (2014) *Metodika raboty s istoricheskimi istochnikami* [Methodology of Working with Historical Sources]. Moscow: Akademiya.
9. Sokolov, A.K. (ed.) (1994) *Professionalizm istorika i ideologicheskaya kon"yunktura: problemy istochnikovedeniya sovetskoy istorii* [The Professionalism of the Historian and Ideological Conjuncture: Problems of Source Studies of Soviet History]. Moscow: RAS.
10. Dergacheva, L.D. (1981) Periodicheskaya pechat' [Periodical Press]. In: Kovalchenko, I.D. (ed.) *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Studies of USSR History]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 446–464.
11. Resnyanskaya, L.L. (ed.) (2007) *SMI i politika* [Mass Media and Politics]. Moscow: Aspekt Press.
12. Alekseev, K.A. (2021) *Noveyshaya istoriya rossiyskoy zhurnalistiki (1990–2010 gg.)* [The Recent History of Russian Journalism (1990–2010)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
13. Rostovskaya, Yu.V. (2018) Turisticheskaya pressa v SSSR: kharakter stanovleniya i razvitiya [Tourist Press in the USSR: The Nature of Its Formation and Development]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 7(1). pp. 24–41.
14. Goryaeva, O.A. (2006) *Istoriya razvitiya vnutrennego turizma v Kemerovskoy oblasti v 1940–1980-e gg.* [History of the Development of Domestic Tourism in the Kemerovo Region in the 1940s–1980s]. History Cand. Diss. Kemerovo.
15. Pyatovskiy, A.A. (2019) *Istoriya stanovleniya i razvitiya turistskoy otrasli Kemerovskoy oblasti (1943–2010-e gg.)* [History of the Formation and Development of the Tourist Industry in the Kemerovo Region (1943–2010s)]. History Cand. Diss. Kemerovo.
16. *Newspaper "Krasnaya Shoriya."* [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20211021144530/http://atr42.ru/index/ pechat/0-61 (Accessed: 15th April 2025).
17. Bogachuk, A. (1971) Gornolyzhnomu – doroga [A Road for the Ski Resort]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 8th March. Fund 30. List 1. File 34. p. 58.
18. Melnikov, V. (1972) Gostepriimstvo gornolyzhnogo Tashtagola [The Hospitality of Skiing Tashtagol]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 10th February. Fund 30. List 1. File 37. p. 36.
19. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. (1972) Den' za dnem [Day by Day]. 21st January. Fund 30. List 1. File 37. p. 27.
20. Monastyrev, T. (1972) V Tashtagole – bol'shoy sport [Big Sports in Tashtagol]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 28th November. Fund 30. List 1. File 37. p. 28.
21. Kopytov, A.I. (2003) *Gora s goroy…* [Mountain to Mountain…]. Kemerovo: Sibirskiy biznes.
22. Gurin, A. (1972) Pervaya lyzhnya [The First Ski Track]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 29th January. Fund 30. List 3. File 37. p. 26.
23. Popov, A. (1975) Prazdnik na Bulanzhe [Holiday on Bulanzha]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 9th December. Fund 30. List 3. File 22. p. 19.
24. Popov, A. (1973) Trassa druzhby [The Friendship Track]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 22nd December. Fund 30. List 3. File 20. p. 30.
25. Popov, A. (1972) U nas v gostyakh sportsmeny-gornolyzhniki [Skiers Are Our Guests]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 5th December. Fund 30. List 3. File 37. p. 286.

26. Zakharchenko, V. (1972) Gostepriimnyy Tashtagol [Hospitable Tashtagol]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 16th December. Fund 30. List 1. File 37. p. 296.
27. Sechkin, S. (1978) Trassa v Sheregeshe [The Track in Sheregesh]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 30th September. Fund 30. List 3. File 24. p. 74.
28. Anatoliev, P. (1979) Na trasse v Sheregeshe [On the Track in Sheregesh]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 1st November. Fund 30. List 1. File 52. p. 48.
29. *Kuzbass*. (1980) S pritselom na Spartakiadu [With an Eye on the Spartakiad]. 15th February.
30. Klyuev, V. (1981) V rabochem poselke Sheregesh [In the Workers' Settlement of Sheregesh]. *Sovetskiy sport*. 25th February. p. 2.
31. Lebedev, V.I. (1984) Slavnaya traditsiya [A Glorious Tradition]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 21st February. Fund 30. List 3. File 29. p. 272.
32. Dukhanina, A. (1988) Gornye lyzhi i akrobatika [Alpine Skiing and Acrobatics]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 5th November. Fund 30. List 3. File 3. p. 52.
33. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. (1989) Zdravstvuy, Spartakiada! [Hello, Spartakiad!]. 22nd February. Fund 30. List 3. File 34. p. 280.
34. Sechkin, S. (1989) IX Zimnyaya spartakiada narodov RSFSR – 89 [The IX Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR – 89]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 25th February. Fund 30. List 3. File 34. p. 274.
35. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. (1982) Flag podnyat [The Flag is Raised]. 9th February. Fund 30. List 3. File 27. p. 33.
36. Aleksandrov, S. (1986) Ataka na skorost' [Attack on Speed]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 13th December. Fund 30. List 3. File 31. p. 13.
37. Popov, A. (1986) Trassy zhdyut chempionov [The Tracks Await Champions]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 25th January. Fund 30. List 3. File 31. p. 315.
38. Maltsev, V. (1998) "Shoriya-tur" rasshiryaet gorizonty ["Shoriya-Tur" Expands Horizons]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 25th September. Fund 30. List 3. File 43. p. 235.
39. Dukhanina, A. (1996) Pervyy turpoezd pribyl v "Medvezhonok" [The First Tourist Train Arrived at "Medvezhonok"]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 10th February. Fund 30. List 3. File 41. pp. 29–31.
40. Aylarova, N. (1996) "Shoriya-tur": zdorov'e, den'gi, otdykh ["Shoriya-Tur": Health, Money, Rest]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 18th December. Fund 30. List 3. File 41. p. 273.
41. Boldin, V. (1996) Privetstvuem gornolyzhnikov Rossii na zemle Shorii [We Welcome Russian Skiers to the Land of Shoria]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 9th March. Fund 30. List 3. File 41. p. 53.
42. Kravchenko, A. (1996) Firma "Shoriya-tur" otkryvaet zimniy sezon [The Firm "Shoriya-Tur" Opens the Winter Season]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 7th November. Fund 30. List 3. File 41. p. 253.
43. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. (1999) Na "Novyy god–2000" mest net [No Places Available for "New Year–2000"]. 1st December. Fund 30. List 3. File 44. p. 283.
44. Popov, V. (1973) Gornolyzhnikam nuzhna pomoshch' [Skiers Need Help]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 24th July. Fund 30. List 3. File 20.
45. Nikolaev, V. (1990) Skol'ko shkole byt'? [How Long Should the School Exist?]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 7th April. Fund 30. List 3. File 35. p. 230.
46. Sechkin, S. (1989) IX Zimnyaya spartakiada narodov RSFSR-89 [The IX Winter Spartakiad of the Peoples of the RSFSR-89]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 25th February. Fund 30. List 3. File 34. p. 274.
47. Nikolaevskiy, V. (1999) Posleslovie k chempionatu [Afterword to the Championship]. *Krasnaya Shoriya: tashtagol'skaya rayonnaya gazeta*. 9th April. Fund 30. List 3. File 44. p. 87.

***Сведения об авторах*:**
Филонова Екатерина Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: filonova.ea@ yandex.ru
Юматов Константин Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: yumatov@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Filonova Ekaterina A. – Postgraduate Student at the Department of General History and International Relations at the Institute of History and International Relations of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: filonova.ea@ yandex.ru
Yumatov Konstantin V. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of General History and International Relations at the Institute of History and International Relations of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yumatov@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 05.08.2025; accepted for publication 15.11.2025

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья
УДК 314.72, 316.334.56
doi: 10.17223/19988613/98/18

«Образ города» как фактор формирования миграционных мотиваций (на примере читинских мигрантов в Иркутске)

Кирилл Андреевич Иванов[1], Дмитрий Олегович Тимошкин[2], Федор Анатольевич Сметанин[3]

[1, 2] ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук», Иркутск, Россия
[2] Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия
[3] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] ivanov-ka@word.isu.ru
[2] dmtrtim@gmail.com
[3] f-smetanin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются образы города-донора и принимающего города в нарративах людей, переезжающих из Читы в Иркутск. Опираясь на 16 полуструктурированных автобиографических интервью с людьми, мы проанализировали образы принимающего города и города-донора и то, как сравнение этих образов стимулирует переезд. В первую очередь эмоциональные факторы выталкивают из города молодых людей, представителей среднего класса в Иркутск, который с экономической и инфраструктурной точки зрения может не сильно отличаться от Читы в их представлениях, обладая при этом более высокой «культурой».
Ключевые слова: внутренняя миграция, «западный дрейф», образ города, локальная культура

Благодарности: Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 121021800157-8.

Для цитирования: Иванов К.А., Тимошкин Д.О., Сметанин Ф.А. «Образ города» как фактор формирования миграционных мотиваций (на примере читинских мигрантов в Иркутске) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 149–157. doi: 10.17223/19988613/98/18

Original article

“The Image of the City” as a Factor in the Formation of Migration Motivations (using the Example of Chita Migrants in Irkutsk)

Kirill A. Ivanov[1], Dmitry O. Timoshkin[2], Fedor A. Smetanin[3]

[2] Irkutsk A.E. Favorsky Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russian Federation
[2] Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
[3] Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] ivanov-ka@word.isu.ru
[2] dmtrtim@gmail.com
[3] f-smetanin@mail.ru

Abstract. The article examines the images of host and donor cities in the narratives of people moving from Chita to Irkutsk. We propose that the construction and opposition of representations of the host city and the donor city can be an important part of the mechanism reproducing the ‘Western drift.’ The image of the donor city allows future migrants to identify the reasons that make it impossible for them to stay in Chita, while the image of the receiving city aids in making significant decisions about potential migration destinations. Based on 16 semi-structured autobiographical interviews with individuals who moved from Chita to Irkutsk, we analyzed how respondents compared the images of the cities, identifying and classifying the key arguments in favor of leaving and choosing a destination. Our main finding was that in the respondents' narratives, rational arguments (economy, ecology, infrastructure) were often intertwined with emotional arguments (subjective feelings of danger, boredom, greyness, and exclusion from the local cultural context). Notably, emotional arguments frequently dominated the narratives of younger respondents. Our hypothesis suggests that local culture and the ‘Western drift’ in Siberia are interdependent processes. Rural migration to Chita contributes to the maintenance of a specific non-urban culture characterized by a high level of tolerance for violence, a lack of demand

© К.А. Иванов, Д.О. Тимошкин, Ф.А. Сметанин, 2025

for developed entertainment infrastructure and various everyday goods, and the popularity of criminal subculture. This situation provokes young people, particularly the middle class ones, out of the city to Irkutsk, which may not differ significantly from Chita in terms of economic and infrastructural perceptions, yet offers a higher level of 'culture.' We believe that this study contributes to the discussion on 'Western drift' by providing a deeper understanding of how it operates at the level of two nearly equivalent regions. While the Western drift typically considers migration flows from Siberia and the Far East to the major cities of the European part of Russia, we have highlighted some features of this process at a smaller scale.
Keywords: internal migration, "Western drift", image of the city, migration motivations, local culture

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the state assignment topic No. 121021800157-8.

For citation: Ivanov, K.A., Timoshkin, D.O., Smetanin, F.A. (2025) "The Image of the City" as a Factor in the Formation of Migration Motivations (using the Example of Chita Migrants in Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 149–157. doi: 10.17223/19988613/98/18

Введение

Одним из ключевых трендов, характеризующих внутреннюю миграцию на востоке России, остается «западный дрейф» – перемещение населения с востока страны на запад, с севера на юг, из небольших сибирских и дальневосточных городов и поселков в более крупные населенные пункты [1]. «Западный дрейф» приводит к существенным демографическим потерям в регионах Сибири и Дальнего Востока, причем к потерям наиболее активной и состоятельной части населения [2]. Большинство российских внутренних мигрантов – именно им посвящена основная часть исследований по теме [3–5] – стремятся попасть в крупнейшие города европейской части России, такие как Москва и Санкт-Петербург.

Наша работа касается менее изученного аспекта «западного дрейфа» – перемещений между регионами, традиционно рассматриваемыми как доноры. Миграция в соседний крупный город в принципе составляет весьма существенную часть процесса. Например, мы знаем, что многие жители Тувы или Иркутской области, покинув регионы исхода, не уезжают дальше Красноярска, красноярцы, в свою очередь, нередко перебираются в Новосибирск [6]. При этом мы довольно мало знаем о мотивах, побуждающих людей выбирать соседние города, а не отправляться дальше на запад страны.

Объектом нашего исследования стали читинцы, переезжающие в Иркутск. Города мы рассматривали как типичные доноры, способствующие воспроизводству «западного дрейфа». Так, Забайкальский край теряет каждый год от 4 до 5 тысяч человек [7], большинство из которых уезжают из регионального центра [8]. При этом множество покидающих Забайкалье читинцев перебираются в Иркутск. Предметом исследования стали миграционные мотивации, подталкивающие читинцев к переезду, в особенности – роль, которую в их формировании сыграл образ принимающего города. Также нас интересовало то, как читинцы представляют себе свой город, какие плюсы и минусы они в нем замечают, и чем принимающий город отличается от Читы в их представлениях.

Образ города и региона как фактор формирования миграционных мотиваций – довольно распространенная тема как в отечественных [9, 10], так и в зарубежных [11, 12] работах. Исследования показывают, что образ территории влияет на выбор места жительства вне зависимости от типа и размера поселения-донора и принимающего поселения [13, 14]. Ключевыми при этом становятся представления о социально-экономическом состоянии принимающей территории – уровне зарплат, развитости инфраструктуры, ценах, качестве социального обслуживания. Важна и культурная составляющая [15, 16]. Именно на культуре делают акцент создатели городских брендов, пытающиеся повысить его привлекательность, особенно для высококвалифицированной миграции [17].

Мы полагаем, что образ принимающего города играет значительную роль и в формировании «западного дрейфа» наряду с карьерными перспективами [18, 19], семейными обстоятельствами [20, 21] и другими факторами [22]. Мы знаем, что одними из главных мотивов, подталкивающих жителей Читы к переезду, становятся проблемы с поиском достойной работы в Забайкалье, низкий уровень жизни [23], однако у нас крайне мало данных о причинах выбора конкретного направления.

Почему именно Иркутск кажется многим читинцам потенциальным решением проблем, выталкивающих их из города-донора? Откуда они получают информацию о принимающем регионе? Какие черты образа оказываются наиболее привлекательными и вносят вклад в принятие решения о переезде? Оправдываются ли ожидания по приезде в Иркутск?

Ответы на эти и другие вопросы позволяют лучше понять процесс формирования «западного дрейфа» на микроуровне. В частности, установить, как влияют на него стереотипы жителей сибирских и дальневосточных регионов о соседних крупных городах и их населении, расширив наши представления о том, почему «западный дрейф», собственно, является «западным».

Теоретическая рамка исследования объединила несколько концептов. «Образ города» К. Линча, писавшего о влиянии субъективных, эмоциональных представлений горожан о среде обитания на их поведение; «Ментальные симуляции» – понятие, использованное Г. Кляйном для описания процесса принятия значимых решений в стрессовой ситуации, когда люди строят образ ближайшего будущего на основе прошлого опыта, чтобы наиболее эффективно действовать в ее контексте; концепт «социального конструирования эмоций» Дж.Р. Аверилла, демонстрирующий значимость эмоций в процессе принятия ключевых решений [24]. Мы предполагали, что, принимая решение

о переезде, люди формируют и противопоставляют друг другу два образа – принимающего города и города-донора. Это противопоставление ложится в основу «ментальной симуляции» [25], представлений о жизни в новом городе, его способности дать потенциальному мигранту то, чего он был лишен в родном городе.

Мы опирались на качественные методы. Причиной такого выбора был, во-первых, пилотный характер исследования: в исследованиях миграционных мотиваций людей, перемещающихся из одного региона РФ в другой, практически не рассматривается образ принимающего города. Другой причиной стала сложность феномена. Образ города субъективен, эмоционален, включает в себя звуки, запахи, субъективные ощущения опасности / безопасности, комфорта / дискомфорта, что затрудняет его формализацию как исследовательского предмета.

Исследование построено на 16 полуструктурированных интервью. Часть интервью (7 шт.) проводилась с читинцами, которые только планируют переезд, рассматривая в качестве вероятного варианта Иркутск. Другая часть (9 шт.) проведена с людьми, уже перебравшимися в Иркутск и прожившими там от 3 месяцев до 16 лет. Возраст респондентов варьировал от 19 до 56 лет, однако большинство было не старше 35. Поскольку одной из ключевых проблем, связанных с «западным дрейфом», считается отток на запад молодых и образованных людей, наиболее перспективных для рынка труда, мы решили сконцентрироваться именно на них. Большинство наших респондентов имели высшее образование. Их заработок несколько превышает средний доход в восточносибирских регионах. Все они занимаются интеллектуальным трудом, работая юристами, руководителями, финансистами, предпринимателями. Трое респондентов являются студентами иркутских вузов.

Статья разделена на две части. В первой мы рассматриваем образ города-донора как фактор формирования миграционных мотиваций, во второй – образ принимающего города и аргументы в пользу выбора Иркутска в качестве миграционного направления.

Скука и культурная дистанция: образ города-донора и миграционные мотивации читинцев

Одним из главных достоинств Читы у респондентов становится ее привычность. Респонденты хорошо ориентируются как в пространственной, так и в социальной структуре города: «*Ну, плюсы – это, в принципе, доступность. Куда-то доехать очень быстро. То есть это, в принципе, маленький город, он удобен именно в транспортном смысле. Это знакомства, встречи с друзьями. Можно любой вопрос в маленьком городе решить буквально за полчаса. Ну, какие-то такие базовые, то есть и медицинские вопросы, и юридические… и в целом любые, что с государственными службами связаны*».

Основой комфортной жизни в Чите становится интегрированность в локальные горизонтальные сети. Люди, родившиеся и выросшие здесь, могут благодаря им раз и навсегда существенно повысить уровень жизненного комфорта. Из-за постоянной миграции, вымывающей множество специалистов, оставшиеся могут не опасаться конкуренции. Однажды войдя в тот или иной профессиональный круг, можно благодаря его стабильности, поддерживаемой горизонтальными связями, без особых сложностей остаться в нем на всю жизнь. Дефицит квалифицированных специалистов приводит к тому, что оставшиеся могут рассчитывать на более высокие зарплаты, нежели в соседних регионах.

Однако те же факторы могут способствовать отъезду, ограничивая круг профессиональной коммуникации. Для некоторых остаться в Чите значит находиться в изоляции, постепенно теряя квалификацию: «*невозможно коммуницировать среди тех, кто связан с какой-то профессиональной деятельностью*», в городе «*недостаточное количество профессионалов*», поскольку «*все, кто хоть немножечко представляет какой-то интерес для окружающего мира, они стараются всегда перебраться отсюда*».

Аргументы, которыми респонденты обосновывают переезд, можно для удобства разделить на рациональные и эмоциональные. К рациональным мы отнесли экологию, экономику, социальную проблематику, к эмоциональным – субъективное восприятие «атмосферы», «культуры» города. Эти аргументы постоянно смешиваются и дополняют друг друга, причем нередко именно эмоциональная часть превалирует над рациональной.

«Рациональным» аргументом становится плохая экология. По словам респондентов, высокая стоимость электроэнергии и изношенность коммунальных сетей приводит к тому, что многие читинцы, в том числе и живущие в большом частном секторе, отапливаются углем или дровами. К этому прибавляются выбросы угольной ТЭЦ, что плохо влияет на качество воздуха. В экологической аргументации также смешивается рациональные и эмоциональные составляющие, грязный воздух называют одной из причин неблагоприятного эмоционального фона, связанного с городом. Дым не только делает воздух плохим, но и зимой окрашивает городские ландшафты в темно-серый цвет, что плохо сказывается на настроении горожан:

«*Очень тяжело дышать на улице, такое есть. То есть у нас же все-таки печное отопление, в основном там вот эти… все котлы, тоже работающие от угля и прочего, поэтому задымленность, она, конечно, присутствует. Например, там в каких-то отдельных местах, районах города, в принципе, очень тяжело дышать. Вот, допустим, у меня очень много учениц жалуются даже на то, что у них прям сажа на окнах, на подоконниках, если окна открывают на проветривание*».

К экономическим аргументам можно отнести высокую стоимость коммунальных услуг, особенно электроэнергии, что «съедает» весомую часть региональных надбавок к зарплатам. Сюда же относится и небольшой ассортимент товаров, прежде всего одежды и электроники. В Чите довольно сложно найти профессиональное оборудование. Дефицит последних моделей гаджетов и модной одежды можно отнести одновременно к эмоциональным и рациональным аргументам,

они особенно актуальны для молодых и образованных респондентов:

«*Очень долго до нас идут всевозможные новинки <…> это те же модные тренды, грубо говоря <…> В плане магазинов, в плане одежды <…> причем мужской одежды. В Чите, скажем, таких магазинов очень мало, после ковида стало еще меньше*».

К «смешанным» аргументам можно отнести также весьма узкий выбор развлечений. Скука становится важным аргументом в пользу того, чтобы покинуть город. Чита предлагает крайне мало качественных заведений – ресторанов и кафе, кинотеатров, публичных мест, где можно приятно провести время. Респонденты сетовали, что выбор точек общепита, где вкусно кормят и качественно обслуживают, ограничен 5–7 местами. То же самое касается мест для прогулок. При этом большая часть заведений и публичных пространств расположена в пределах очень небольшого центрального района: «*В основном нет какого-то такого места, куда можно было пойти погулять, мы, в принципе, все пути изведали <…> если мы выходим погулять, то это центральные улицы города, на которых мы уже миллион раз были*». Этот дефицит отчасти компенсируется за счет благоустроенных природных территорий – Ивано-Арахлейских озер, спортивной базы «Высокогорье», что, с точки зрения респондентов, недостаточно для организации качественного досуга.

В городе три торгово-развлекательных центра – «Фортуна», «Макси» и «Новосити» – они небольшие, с идентичным набором товаров и услуг, причем «*не самого лучшего качества*». Одним из главных развлечений респонденты называют кино, однако и здесь город не предлагает большого разнообразия. Кинотеатры маленькие, выбор фильмов обычно сильно ограничен. В городе всего 2 квиза, один стендап-клуб. Читу объезжают стороной известные артисты, в редких крупных культурных мероприятиях участвуют знаменитости «не первого эшелона», что усиливает у горожан субъективное ощущение исключенности из общероссийского культурного контекста: «*Артисты приезжают на какие-нибудь фестивали в основном. Ну, музыканты в смысле. Да и то, всякие второсортные приезжают. Приезжал тут спектакль с участием Максима Аверина*».

За пределами городского центра уровень благоустроенности территорий резко падает, это становится заметно даже в прилегающих к нему районах: «*Такое не очень обустроенное благоустройство, чуть свернешь от центра, и, допустим, даже набережные рек – Ингоды, Читинки, какие-то страшненькие <…> очень неровные, асфальт все время бугристый <…> Это все платочное, заплаточное. Смотреть страшно, с коляской не погуляешь, постоянно запинаешься*». Проблемой становятся грязь и мусор, которые снижают положительный эмоциональный эффект даже от благоустроенных городских пространств. Вкупе с полуразрушенной коммунальной инфраструктурой, которая также плохо влияет как на облик города, так и на качество жизни, это становится еще одним аргументом в пользу миграции: «*Инфраструктура не устраивает меня. С кажем, когда ливни, то по улицам реки бегут. То есть никакой ливневой канализации не было и нет, никто не собирается ее делать. И люди, кто оказался в этот момент на улице, они по колено в этой воде и грязи бредут*».

Частью «образа города» становится не только его внешний облик, но и социальная среда, которая молодыми образованными людьми оценивается как чуждая и даже враждебная. Значительной частью символического ландшафта города до сих пор являются криминальные субкультуры, что не может не сказываться на базовом уровне толерантности к бытовому насилию, восприятию видимых различий. Сами респонденты нередко отделяли себя и свой ближний круг от «читинского» культурного контекста, в котором они ощущали себя чужаками.

Субъективное ощущение исключенности из локальной культурной среды, ощущение, что она воспринимает тебя как чужеродный элемент, снижало чувство базовой безопасности. В рассказах респондентов субъективное ощущение опасности возрастало по мере удаления от вернакулярного центра. Особенно низким ощущение безопасности было в периферийных районах – КСК, ГРЭС, Песчанка, Антипиха, Черновские, Сосновый бор.

О проблеме неблагоприятной социальной среды упоминали и люди более старшего возраста, однако они называли несколько другие признаки: неопрятный вид прохожих, их «отсталость», «бедную речь», «агрессивный настрой», отсутствие представлений о личных границах. Некоторые респонденты связывали это с внутренней миграцией, которая вымывает из города всех, кто «*что-то из себя представляет*», заменяя их сельскими мигрантами из районов Забайкальского края.

Частью эмоционального аргумента в пользу отъезда становится и то, что со временем этот неблагоприятный социально-культурный контекст начинает доминировать над человеком, заставляя его отказаться от амбиций, профессионального и личностного роста, по сути, превращая его в часть самого себя. Для некоторых молодых респондентов наблюдение за такими жизненными траекториями становилось одной из главных мотиваций для отъезда.

В целом образ города-донора становится важным фактором процесса формирования миграционных мотиваций. Наши респонденты, воспроизводя образ в интервью, делали акцент на его эмоциональной составляющей в большей степени, нежели на экономических и инфраструктурных. Субъективное ощущение скуки, удаленности от культурных центров, опасности и бесперспективности становится едва ли не ключевым фактором, выталкивающим людей, которых условно можно отнести к «среднему классу», за пределы города. Судя по нашему материалу, экономические мотивы также важны, но не первостепенны. Крайне важными представляются и замечания респондентов относительно субъективного ощущения исключенности из локального социально-культурного ландшафта, что приводит в том числе к потере ощущения безопасности.

Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что локальная культура, эмоциональный фон, который она

в немалой степени создает, и «западный дрейф», постоянно воспроизводят друг друга. Высокая толерантность к насилию, нехарактерное поведение в публичных местах, распространенность криминальных субкультур, с одной стороны, как считают некоторые респонденты, поддерживаются в городах-донорах сельскими мигрантами, которые в большом количестве приезжают в город. С другой стороны, молодые и образованные люди, которые могли бы поддерживать альтернативную социально-культурную среду, уезжают, так как чувствуют себя здесь лишними.

Город оказывается способен вырастить квалифицированных специалистов, которые могут конкурировать на федеральном рынке труда, однако оказывается неспособен предоставить им подходящие условия, в том числе приемлемый уровень качества жизни: безопасности, потребления, культуры. Люди, столь нужные для нормального функционирования местной экономики, очень быстро «перерастают» родной город, чья социально-культурная среда фактически выталкивает их.

Та же Чита, только лучше: образ Иркутска в нарративах внутренних мигрантов

Образ принимающего города респонденты формировали исходя как из собственного опыта, так и из информации, полученной опосредованно. Одни побывали в Иркутске, еще обучаясь в школе, во время соревнований или экскурсий. Другие учились в иркутских вузах, приезжали в город на отдых или в командировки. У иных же еще до посещения Иркутска сформировались представления о присутствующих здесь «точках притяжения», таких как качественное образование или более доступная и качественная медицина.

Сравнивая образы Иркутска и Читы в нарративах респондентов, мы обратили внимание не только на различия, но и на сходства, например во внешнем облике городов. И в Иркутске, и в Чите бросается в глаза неблагоустроенность центральной части, где и расположены основные логистические узлы – вокзал и аэропорт: «*Когда я впервые приехала в Иркутск и поехала поступать в университет, мы проезжали мимо этой Шанхайки (открытого рынка), я думала – господи, в какой город я приехала, что за грязь-то? Какой кошмар, как можно… Я понимала, что мы находимся в центре города… Остановка какая-то нерегулируемая. Автобус мог остановится на перекрестке дорог, вокруг машины ездят, тут люди ходят, потом я позже вышла из автобуса на рынок и почувствовала, что там воняет, еще особенно по утрам, я все время думала, что это за центр, почему он такой грязный… Это же первое впечатление…*»

Можно предположить, что из-за сходства внешнего облика положительный образ Иркутска с большей вероятностью возникает у тех, кто провел здесь довольно продолжительное время. У людей, побывавших в городе проездом, нередко возникает впечатление об Иркутске как о «*той же Чите, только больше*». Схожи города и в экономическом плане. Зарплаты в Иркутске и Чите в сферах, в которых заняты наши респонденты, одинаковы, иногда иркутские даже проигрывают читинским. Несильно отличаются и цены на еду, товары повседневного спроса и аренду, по крайней мере в представлениях наших собеседников.

К рациональным аргументам в пользу выбора Иркутска можно отнести более высокое качество медицинского обслуживания, разнообразие предоставляемых в городе услуг, наличие большого количества производств, обеспечивающих спрос на квалифицированных специалистов. Более качественные и доступные услуги, уровень персонала и качество оборудования становятся значимой частью образа Иркутска, привлекающей в город людей из регионов, расположенных к востоку. К рациональным аргументам можно отнести и развитость Иркутска как логистического центра:

«*Потому что здесь и дешевле улететь, чем из Читы, и поучиться, и привезти что-то новое. И сама себестоимость будет дешевле, потому что, наверное, и топливо, и бензин – вот это все. Вот все, что садится в себестоимость транспорта и коммуналки, оно дает людям больше развития. В город можно больше привезти, потому что это дешевле стоит*».

Однако чаще респонденты либо смешивают рациональные аргументы с эмоциональными оценками, либо последние доминируют над первыми. Трудно формализуемые «хорошее настроение», «отдых» и даже «задор» звучат не реже, чем зарплаты и инфраструктура:

«*Некоторые разы приезжал туда, потому что вылеты были оттуда. <…> то есть я приезжал специально часто за день, за два, чтобы можно было еще погулять, посмотреть, отдохнуть, так сказать. И уже с хорошим настроением, с задором ехать далее*».

Значимыми факторами, обеспечивающими благоприятное эмоциональное восприятие Иркутска, которое иногда доминирует над экономическими аргументами, становятся «культура» и «развитость». Благодаря им, проигрывая в некоторых случаях в уровне дохода и даже социальном статусе после переезда, читинцы получают взамен больше возможностей потратить заработанное.

Респонденты, считающие Иркутск привлекательным для жизни местом, упоминают об огромной разнице в «развитии» между двумя региональными столицами. Эти представления довольно трудно формализуемы, сочетая эмоциональные и рациональные аргументы. Так, признаками «развитости» называют близость к Иркутску Байкала, который привлекает туристов, концентрацию в городе нескольких значимых транспортных маршрутов, соединяющих город с Монголией, Китаем, Центральной Азией, европейской частью страны, разнообразие и доступность товаров повседневного спроса, качественной одежды, парфюмерии, гаджетов и даже стройматериалов.

Часто упоминаемым признаком «развитости» Иркутска респонденты называют качество и разнообразие «третьих мест» [26], прежде всего заведений общепита. В Иркутске таких значительно больше, чем в Чите. Уровень местного обслуживания очень способствует формированию положительного эмоционального восприятия города в целом: «*Я, когда был в командировке, помню, зашел в кафе. Обычное такое*

кафе, первое попавшееся. Там девочка такая приятная. Подходит, все рассказывает мне. На самом деле настолько приятно, что персонал такой. <…> после меня она подходит за соседний столик, а там сидели американцы. И она с ними начинает говорить на английском. Я такой, блин, вот это серьезно! Вот это серьезно!»

Также этому способствует разнообразие публичных мест, пригодных для отдыха. В этом контексте упоминаются некоторые районы иркутского центра, прежде всего «130 квартал»[1], район Нижней набережной, другие рекреационные зоны городского центра. Живя в Чите, люди практически лишены возможности прогулок по берегам местных рек, поскольку набережные на них отсутствуют или заброшены. Состояние набережных можно выделить в отдельный эмоциональный аргумент в пользу Иркутска: «*Вот сама река, она облик города очень сильно красит. <…> И как ухаживают за ней службы городские <…> Да, в Чите такого нет*».

Некоторые респонденты отмечают, что благоприятный эмоциональный облик города формируется и благодаря лучшему состоянию исторической застройки, обилию и ухоженности зеленых зон. Упоминаются «Иерусалимская гора», Бульвар Постышева, Лисихинский парк, острова Юность и Конный. Байкал также становится важной точкой притяжения, его довольно часто упоминают как аргумент в пользу переезда.

Значимой частью образа Иркутска становятся представления о развитой культуре. Респонденты упоминают, что сюда чаще приезжают с гастролями известные артисты. Их визиты могут становиться точкой притяжения и источником впечатлений о городе. Периодически читинцы посещают Иркутск именно ради концертов музыкантов или спектаклей известных актеров. Учреждения культуры становятся важным фактором интеграции: переехав в Иркутск, читинские мигранты начинают активно посещать концерты и театры, городские музеи. Куда лучше в Иркутске с кинотеатрами. Большое количество ТРЦ, среди которых выделяют «Сильвермолл», «Яркомолл», «Модный квартал» и «Новый», оборудованы большими кинозонами с 8–15 залами, отличающимися как по репертуару показываемых фильмов, так и по степени комфорта.

Упоминается и значительная разница в восприятии социально-культурной среды в двух городах. В Иркутске, по словам респондентов, больше «благополучных» людей с высоким доходом. Кто-то оценивает это по внешнему облику, кто-то – по манере поведения людей, живущих в Иркутске: «*Мне кажется, в Иркутске больше людей с более высоким доходом. Сразу, мне кажется, в глаза бросаются <…> Судя по внешнему виду, конечно <…> Ну, скажем так, молодежь, да, золотая какая-то, может быть, молодые бизнесмены <…> Хорошо одетые, постоянно улыбаются <…> они сразу, мне кажется, в глаза бросаются*». Иркутск воспринимается как перспективный и притягательный для молодых людей. Признаками того респонденты считают большое количество молодых лиц в публичных местах, их внешний облик – разнообразную, качественную одежду, их манеру общения:

«*Но даже на улицах у меня возникло ощущение, что Иркутск более интеллигентный <…> Потому что в Чите очень сильно, в то время, по крайней мере, давно, отношение между людьми было такое немножко панибратское. На улице, скажем, к тебе часто обращались на “ты” без всяких предисловий, а здесь, нет, здесь обращались на “вы”, и это была сильная разница*».

Экономика, которую нередко называют основным мотивом, побуждающим людей на переезд, в нарративах внутренних мигрантов оказывается второстепенным – если не третьестепенным – аргументом. Главным, чем Иркутск отличается от Читы, респонденты называют именно разницу в сложно формализуемой эмоциональной составляющей образа принимающего города. Именно субъективное представление об Иркутске как городе, более «развитом» и «культурном», побуждает читинцев задумываться о выборе Иркутска как цели для переезда.

Можно сказать, что ориентированность на субъективные, эмоциональные факторы при выборе миграционного направления вполне себя оправдывает. Большинство наших респондентов полагали, что Иркутск вполне соответствует их ожиданиям, они считают его вполне комфортным и не намереваются переезжать куда-то еще. Конечно, люди упоминают сложности, связанные со сменой обстановки, отчуждением от привычного круга общения, снижением дохода, непривычной, неудобной организацией движения в городе, непривычным климатом. Однако любые упоминаемые недостатки, ставшие видимыми только после переезда, не перевешивают приобретения от переезда: разнообразный досуг, более подходящая культурная и социальная среда, уровень потребления. Исключением стали наиболее молодые респонденты, обучающиеся в иркутских вузах. Они намереваются, окончив обучение, двинуться дальше на запад. В то же время они не отрицают возможности вернуться в Иркутск на ПМЖ, так как город закрывает большинство их культурных и экономических потребностей.

Заключение

Наше исследование показывает, что Иркутск часто становится миграционным направлением для читинцев в силу следующих причин. Город оказывается ближайшим к Чите местом концентрации точек притяжения «среднего класса», которых последняя лишена: крупных культурных событий и учреждений, развитых центров массового потребления, качественных «третьих мест». Относительная близость и дешевая логистика способствуют постоянной маятниковой миграции, деловым и туристическим поездкам, которые способствуют воспроизводству образа Иркутска как культурного, логистического, потребительского центра и постоянным сравнениям его с образом Читы.

Сравнение образов снова и снова оказывается не в пользу Читы, что становится существенным фактором миграционных мотиваций. Параметры, которыми снабжают его будущие и состоявшиеся мигранты, оказываются ключевыми для молодых квалифицированных специалистов при принятии решения о переезде,

а также о выборе направления. Ощущение безопасности, общий культурный и социальный контексты Иркутска, разнообразие товаров и услуг оказываются именно тем, чего не хватает наиболее перспективным для рынка труда респондентам из Читы. Экономика, экология, инфраструктура также важны, однако и они смешиваются с аргументами эмоциональными (субъективное ощущение безопасности, возможности развлечь себя, ощущение включенности в локальный культурный контекст).

Можно предположить, что локальная культура и западный дрейф в Сибири постоянно воспроизводят друг друга. Сельская миграция в Читу способствует поддержанию там специфической не-городской культуры, характеризующейся высоким уровнем толерантности к насилию, отсутствием спроса на развитую инфраструктуру развлечений и разнообразных товаров повседневного спроса, популярностью криминальной субкультуры. Она выталкивает из города молодых людей, представителей среднего класса в Иркутск, который с экономической и инфраструктурной точки зрения может не сильно отличаться от Читы, обладая при этом более высокой «культурой».

Примечание

[1] Специально созданная зона исторической застройки в центре Иркутска. Исторические здания в основном коммерциолизированы, в зоне располагается множество заведений общепита и досуга. Является популярным местом городского отдыха [27].

Список источников

1. Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). С. 94–104.
2. Шворина К.В. Миграционная подвижность населения Забайкальского Края как показатель развития территории // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 4. С. 310–318.
3. Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодежи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 103–109.
4. Найден С.Н. Качество жизни как фактор миграционных мотиваций населения Камчатского края // Региональные проблемы. 2015. Т. 18, № 3. С. 35–44.
5. Скрипник Е.О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42–57.
6. Брязгина Д.Е., Сметанин Ф.А., Волошин А.А., Самарин А.С. Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 137–149.
7. Миграция населения в 2001–2023 годах // Забайкалкрайстат URL: https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения(2).pdf
8. Миграция населения Забайкальского края в январе–октябре 2023 года // Забайкалкрайстат. URL: https://75.rosstat.gov.ru/news/document/227115
9. Кулибанова В.В., Приходько А.Н., Тэор Т.Р. Факторы повышения конкурентной привлекательности мегаполиса для молодежной миграции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 4. С. 200–211.
10. Щекотуров А.В. Имидж Калининградской области в нарративах мигрантов // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 43–54.
11. Reiner C., Meyer S., Sardadvar S. Urban attraction policies for international academic talent: Munich and Vienna in comparison // Cities. 2017. Vol. 61. P. 27–35.
12. Wilczak J. “Clean, safe and orderly”: Migrants, race and city image in global Guangzhou // Asian and Pacific Migration Journal. 2018. Vol. 27 (1). P. 55–79.
13. Datta A. ‘Where Is the Global City?’ Visual Narratives of London among East European Migrants // Urban Studies. 2012. Vol. 49 (8). P. 1725–1740.
14. Cassel S.H. Trying to be attractive: Image building and identity formation in small industrial municipalities in Sweden // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. P. 102–114.
15. Buch T., Hamann S., Niebuhr A., Rossen A. What Makes Cities Attractive? The Determinants of Urban Labour Migration in Germany // Urban Studies. 2013. Vol. 51 (9). P. 1960–1978.
16. Wikhall M. Culture as regional attraction – migration decisions of highly educated in a Swedish context // 42nd Congress of the European Regional Science Association: “From Industry to Advanced Services – Perspectives of European Metropolitan Regions”, August 27th – 31st, 2002, Dortmund, Germany, European Regional Science Association. P. 1–20.
17. Belabas W., Eshuis J., Scholten P. Re-imagining the city: branding migration-related diversity // European Planning Studies. 2020. Vol. 28. P. 1315–1332.
18. Melguizo C., Royuela V. What drives migration moves to urban areas in Spain? Evidence from the Great Recession // Regional Studies. 2020. Vol. 54 (12). P. 1680–1593.
19. Rajendran D., Ng E.S., Sears G., Ayub N. Determinants of Migrant Career Success: a Study of Recent Skilled Migrants in Australia // International Migration. 2020. Vol. 58 (2). P. 30–51.
20. Herrero-Arias R., Hollekim R., Haukanes H. Self-legitimation and sense-making of Southern European parents' migration to Norway: The role of family aspirations // Population, Space and Place. 2020. Vol. 26 (8). P. 1–12.
21. Francisco-Menchavez V. All in the family: Transnational families and stepwise migration strategies // Geographical Research. 2020. Vol. 58 (4). P. 377–387.
22. Benson M., O’Reilly K. Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration // Sociological Review. 2009. Vol. 57 (4). P. 608–625.
23. Шворина К.В., Фалейчик Л.М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федерального округов // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 2. С. 485–501.
24. Averill J.R. The Social construction of Emotion: with Special Reference to Love // The Social Construction of the Person / ed. by K.J. Gergen, K.E. Davis. New York : Springer-Velag, 1985. P. 89–109.
25. Клайн Г. Источник силы. Как люди принимают решения / пер. с англ. Д. Кралечкин. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 480 с.
26. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широканова. М. : Новое литературное обозрение.ю 2014. 456 с.
27. 130 квартал Иркутска — уникальный для России проект // BaikalGo : сайт-путеводитель по Байкальскому региону. URL: https://baikalgo.ru/where/130-kvartal/ (дата обращения: 20.11.2024).

References

1. Mkrtchyan, N.V. (2004) Zapadnyy dreif vnutrirossiyskoy migratsii [The Western Drift of Internal Russian Migration]. *Otechestvennye zapiski*. 4(19). pp. 94–104.
2. Shvorina, K.V. (2018) Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya Zabaykal'skogo Kraya kak pokazatel' razvitiya territorii [Migratory Mobility of the Population of the Trans-Baikal Territory as an Indicator of Regional Development]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*. 4(14). pp. 310–318.

3. Goltsova, E.V. (2017) Migratsionnoe povedenie molodezhi Irkutskoy oblasti [Migration Behavior of Youth in the Irkutsk Region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 103–109.
4. Nayden, S.N. (2015) Kachestvo zhizni kak faktor migratsionnykh motivatsiy naseleniya Kamchatskogo kraya [Quality of Life as a Factor in the Migration Motivations of the Population of the Kamchatka Krai]. *Regional'nye problemy*. 18(3). pp. 35–44.
5. Skripnik, E.O. (2010) Migratsionnye namereniya gorodskogo naseleniya Khabarovskogo kraya [Migration Intentions of the Urban Population of the Khabarovsk Krai]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 4. pp. 42–57.
6. Bryazgina, D.E., Smetanin, F.A., Voloshin, A.A. & Samarin, A.S. (2024) Intraregional and Interregional Migration of the Population of Siberia: A Comparative Analysis of the Irkutsk, Tomsk Regions and Krasnoyarsk Krai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 500. pp. 137–149. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/500/15
7. *Zabaykalkraystat*. (n.d.) Migratsiya naseleniya v 2001–2023 godakh [Population Migration in 2001–2023]. [Online] Available from: https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5_Миграция%20населения(2).pdf (Accessed: 17th June 2024).
8. *Zabaykalkraystat*. (n.d.) Migratsiya naseleniya Zabaykal'skogo kraya v yanvare–oktyabre 2023 goda [Population Migration of the Trans-Baikal Krai in January–October 2023]. [Online] Available from: https://75.rosstat.gov.ru/news/document/227115 (Accessed: 17th June 2024).
9. Kulibanova, V.V., Prikhodko, A.N. & Theor, T.R. (2018) Faktory povysheniya konkurentnoy privlekatel'nosti megapolisa dlya molodezhnoy migratsii [Factors for Increasing the Competitive Attractiveness of a Metropolis for Youth Migration]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 11(4). pp. 200–211.
10. Shchekoturov, A.V. (2022) Imidzh Kaliningradskoy oblasti v narrativakh migrantov [The Image of the Kaliningrad Region in Migrants' Narratives]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 43–54.
11. Reiner, C., Meyer, S. & Sardadvar, S. (2017) Urban attraction policies for international academic talent: Munich and Vienna in comparison. *Cities*. 61. pp. 27–35.
12. Wilczak, J. (2018) "Clean, safe and orderly": Migrants, race and city image in global Guangzhou. *Asian and Pacific Migration Journal*. 27(1). pp. 55–79.
13. Datta, A. (2012) 'Where Is the Global City?' Visual Narratives of London among East European Migrants. *Urban Studies*. 49(8). pp. 1725–1740.
14. Cassel, S.H. (2008) Trying to be attractive: Image building and identity formation in small industrial municipalities in Sweden. *Place Branding and Public Diplomacy*. 4. pp. 102–114.
15. Buch, T., Hamann, S., Niebuhr, A. & Rossen, A. (2013) What Makes Cities Attractive? The Determinants of Urban Labour Migration in Germany. *Urban Studies*. 51(9). pp. 1960–1978.
16. Wikhall, M. (2002) Culture as regional attraction – migration decisions of highly educated in a Swedish context. *42nd Congress of the European Regional Science Association: "From Industry to Advanced Services – Perspectives of European Metropolitan Regions." August 27th – 31st, 2002, Dortmund, Germany, European Regional Science Association*. pp. 1–20.
17. Belabas, W., Eshuis, J. & Scholten, P. (2020) Re-imagining the city: branding migration-related diversity. *European Planning Studies*. 28. pp. 1315–1332.
18. Melguizo, C. & Royuela, V. (2020) What drives migration moves to urban areas in Spain? Evidence from the Great Recession. *Regional Studies*. 54(12). pp. 1680–1593.
19. Rajendran, D., Ng, E.S., Sears, G. & Ayub, N. (2020) Determinants of Migrant Career Success: a Study of Recent Skilled Migrants in Australia. *International Migration*. 58(2). pp. 30–51.
20. Herrero-Arias, R., Hollekim, R. & Haukanes, H. (2020) Self-legitimation and sense-making of Southern European parents' migration to Norway: The role of family aspirations. *Population, Space and Place*. 26(8). pp. 1–12.
21. Francisco-Menchavez, V. (2020) All in the family: Transnational families and stepwise migration strategies. *Geographical Research*. 58(4). pp. 377–387.
22. Benson, M. & O'Reilly, K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *Sociological Review*. 57(4). pp. 608–625.
23. Shvorina, K.V. & Faleychik, L.M. (2018) Osnovnye trendy migratsionnoy mobil'nosti naseleniya regionov Sibirskogo i Dal'nevostochnogo Federal'nykh okrugov [Main Trends in the Migratory Mobility of the Population in the Regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts]. *Ekonomika regiona*. 14(2). pp. 485–501.
24. Averill, J.R. (1985) The Social construction of Emotion: with Special Reference to Love. In: Gergen, K.J. & Davis, K.E. (eds) *The Social Construction of the Person*. New York: Springer-Verlag. pp. 89–109.
25. Klein, G. (2020) *Istochnik sily. Kak lyudi prinimayut resheniya* [Sources of Power: How People Make Decisions]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Delo; RANKhiGS.
26. Oldenburg, R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofeyni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Translated from English by A. Shirokanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. *BaikalGo.* (n.d.) 130 kvartal Irkutska — unikal'nyy dlya Rossii proekt [The 130th Quarter of Irkutsk — a Unique Project for Russia]. [Online] Available from: https://baikalgo.ru/where/130-kvartal/ (Accessed: 20th November 2024).

***Сведения об авторах*:**
Иванов Кирилл Андреевич – младший научный сотрудник лаборатории устойчивого развития Байкальского региона ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук» (Иркутск, Россия). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru
Тимошкин Дмитрий Олегович – ведущий научный сотрудник лаборатории устойчивого развития Байкальского региона ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук» (Иркутск, Россия); профессор кафедры информационных технологий в креативных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: dmtrtim@gmail.com
Сметанин Федор Анатольевич – старший преподаватель кафедры культурологии и музеологии Института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: f-smetanin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Ivanov Kirill A. – Junior Research Fellow at the Laboratory of Sustainable Development of the Baikal Region A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ivanov-ka@word.isu.ru

Timoshkin Dmitry O. – Leading Research Fellow at the Laboratory of Sustainable Development of the Baikal Region A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russian Federation); Professor at the Department of Information Technologies in Creative Industries of the Humanitarian Institute, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dmtrtim@gmail.com
Smetanin Fedor – Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies and Museology of the Institute of Arts and Culture of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: f-smetanin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 30.12.2024; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 394.011
doi: 10.17223/19988613/98/19

Отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве: общие тренды и местная специфика (по материалам глубинных интервью)

Азат Корбангалиевич Идиатуллов

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия, AzKoIdiat@yandex.ru

Аннотация. Анализируются отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве. Эмпирическую базу исследования составили материалы глубинного опроса, проведенного методом полуформализованного интервью в 2022 г. Материалы интервью показывают, что между опрошенными отсутствуют ярко выраженные конфликты на религиозной почве. С другой стороны, сделан вывод, что сближение мусульман и православных христиан в рамках межконфессионального диалога даже в поликультурном регионе имеет очевидные пределы, носит в ряде случаев ситуативный характер, что связано со спецификой учений и традиций обеих религий.
Ключевые слова: православные христиане, мусульмане, Тюменская область, Москва, конфликты, отношение

Благодарности: Результаты получены при поддержке гранта Президента РФ, проект МД-2585-2021-2 «Взаимодействие христиан и мусульман России в условиях социокультурных угроз современного мира: от коммуникации организаций до синкретизма религиозного сознания».

Для цитирования: Идиатуллов А.К. Отношения православных и мусульман в Тюменской области и Москве: общие тренды и местная специфика (по материалам глубинных интервью) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 158–167. doi: 10.17223/19988613/98/19

Original article

Relations between Orthodox and Muslims in the Tyumen region and Moscow: general trends and local specifics (based on in-depth interviews)

Azat K. Idiatullov

Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation, AzKoIdiat@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the relationship between Orthodox and Muslims in the multicultural regions of Russia - the Tyumen region and Moscow. The empirical basis of the study was the materials of an in-depth survey (face-to-face), conducted by the method of a semi-formalized interview in 2022. The number of interviewed respondents was 30 people. The choice of the Tyumen region and Moscow as the territorial framework of the study was determined by the ethnic and confessional specifics of these regions, which differ from each other both in the proportion of Muslims and Orthodox, and in national composition. An analysis of the interviews shows that there are no pronounced conflicts related to religious reasons between the interviewed Orthodox and Muslims. Some respondents, especially the Muslim clergy, emphasized the similarity and even commonality of the moral component of the creeds of both religions, while others, mostly Orthodox clergy, specified the boundaries of the dialogue, the groundlessness of theological discussions, the normality of the daily isolation of religious groups. Muslim religious leaders look at the possibility of a theological dialogue a little more broadly and pin certain hopes on it, while there is no such unity among Orthodox priests and rather the view that such a dialogue is not timely and even dangerous prevails. In the extreme case, the interaction of Orthodox Christians and Muslims leads to a change in confessional affiliation. According to the respondents, Muslims and Orthodox Christians could cooperate in solving such common problems as the moral education of youth, charity (most often examples were given of the situation during the pandemic, as well as assistance to the mobilized - members of the NWO in Ukraine), popularization of family traditional values, interfaith dialogue, fight against terrorism and extremism. Among the factors destabilizing relations, the respondents, as a rule, indicated interethnic conflicts, the manipulation of religious feelings, radical representatives of both faiths, and immigration of Muslims from other regions. In addition, the study showed that the rapprochement of Muslims and Orthodox Christians within the framework of interfaith dialogue even in a multicultural region, has obvious limits, is in some cases situational in nature, which is associated with the specifics of the teachings and traditions of both religions.
Keywords: Orthodox Christians, Muslims, Tyumen region, Moscow, conflicts, attitude

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of President of the Russian Federation, project MD-2585-2021-2 “Interaction between Christians and Muslims in Russia in the context of sociocultural threats in the modern world: from communication of organizations to the syncretism of religious consciousness.”

© А.К. Идиатуллов, 2025

For citation: Idiatullov, A.K. (2025) Relations between Orthodox and Muslims in the Tyumen region and Moscow: general trends and local specifics (based on in-depth interviews). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 158–167. doi: 10.17223/19988613/98/19

Введение

Взаимодействие православных христиан и мусульман – одно из главных направлений социально-гуманитарных исследований отечественной науки. Ряд ученых отмечают, что в современных российских условиях возможно сближение верующих мусульман и христиан по принципу противостояния секулярным и условным западным ценностям [1; 2. С. 91]. Этой же точки зрения придерживаются и другие авторы, считающие, что христианство и ислам являются базисом для цивилизационного синтеза, в рамках которого множество разных локальных культур объединились «вокруг фундаментальных духовных ценностей» [3. С. 224; 4. С. 67; 5. С. 111]. Обозначенное ими противостояние между традиционными, в том числе исламскими и христианскими, и неолиберальными ценностями получило в зарубежной литературе название постсекулярных конфликтов [6]. Более сдержанно оценивают перспективы данных отношений авторы, изучавшие восприятие ислама в клерикальных кругах РПЦ. Подчеркивая интерес священноначалия к исламской проблематике [7. С. 89], исследователи тем не менее отмечают, что высшие иерархи РПЦ зачастую сознательно не обсуждают в публичном пространстве различия двух религий, фокусируясь больше на морально-нравственных сторонах мусульманско-православных взаимоотношений. Православные священники и в целом РПЦ, считая своим приоритетом межконфессиональный мир и активно борясь с радикалами в собственных рядах, чаще ограничиваются «политкорректными» указаниями на «общие корни» и общие цели в борьбе за нравственность и духовность [8. С. 234]. Иногда, напротив, встречается более оптимистичная точка зрения, согласно которой взаимодействие ислама и христианства в некоторых субъектах Российской Федерации, например в Татарстане, можно рассматривать не только в контексте диалога, толерантности, но и в рамках взаимного культурного взаимообогащения, симбиоза [9].

Очевидно, что данные выводы и наблюдения, в целом справедливые, не учитывают того обстоятельства, что ислам и православное христианство полицентричны, хотя и в разной степени. Течения, общины и прочие ветви внутри данных социокультурных систем всегда будут своеобразным камнем преткновения на пути объективного диалога [10]. Например, З. Абдулагатов считает, что отношение к отдельным проблемам может как объединить, так и дистанцировать людей даже в пределах одного вероучения, не говоря уже о христианах и мусульманах [11. С. 152]. Кроме того, внешнее, а подчас и декларативное, единство двух религий зачастую осложнено сетевым характером коммуникаций, которые реализуются не только между разными течениями внутри конфессий (в том числе радикальными), но и на разных уровнях (межличностном и институциональном), мотивируются разными причинами (сходство и различие культуры и мировоззрения, консенсус и соперничество), осуществляются с помощью разных практик (формальных и неформальных). Все это, по мнению, исследователей, создает изменчивую и потенциально нестабильную ситуацию в ряде регионов России [12]. В этой связи подчеркнем условный характер «толерантных отношений» в контексте межконфессиональных коммуникаций: сегодняшняя в целом позитивная установка в отношениях между православием и исламом в России не означает, что она останется таковой в ближайшей или тем более в отдаленной перспективе или была такой в недавнем прошлом. Поэтому оценка взаимодействия между православием и исламом не может быть сведена лишь к диагностике состояния отношений в параметрах толерантности или интолерантности. Важно изучить возможные перспективы и наиболее важные ретроспективы этих отношений в динамике, учитывать их содержательную и ситуативную стороны: направления и сферы сотрудничества и факторы, которые могут привести к конфликтам.

Исследователи также справедливо подчеркивают, что сами религии в России еще находятся в известном смысле на стадии становления, не в полной мере оправившись от антирелигиозной политики времен СССР, что априори добавляет к процессу межконфессионального взаимодействия элемент стихийности и неоднозначности [13. С. 112]. Действительно, мусульманам и православным в России еще только предстоит определить свое отношение к некоторым вопросам [14. С. 56], в том числе к самому факту межрелигиозного взаимодействия.

Интересно, что ряд ученых видят перспективы диалога между конфессиями только в контексте политической значимости, выдвигая в качестве инициатора, организатора и активного участника коммуникации власть, государство [15]. Думается, что такой подход оправдан лишь отчасти, уместен в рамках коммуникации религиозных институтов и не учитывает положительный опыт межконфессионального взаимодействия в отдельных регионах России, например в Поволжье, на Северном Кавказе, в Сибири [16; 17; 18. С. 66–67]. Местные культуры неоднократно демонстрировали поразительную терпимость к религиозным воззрениям друг друга независимо от уровня и характера политического влияния. Более того, в смешанных по национальному и конфессиональному признаку населенных пунктах наблюдается взаимная адаптация представителей христианства и ислама друг к другу. Подобные сюжеты вокруг христианско-мусульманского взаимодействия дают основание полагать, что существуют региональные и узколокальные варианты коммуникаций как на уровне общин, так и на уровне межличностных отношений, что чрезвычайно важно учитывать в такой разнообразной стране, как Россия. Действительно, отношения, воспринимаемые как межконфессиональные, могут быть на самом деле обусловлены этническим фактором. Например, православные

респонденты Тюменской области могут оценивать не столько свое отношение к исламу вообще, сколько к «сибирскому» его варианту, а московские респонденты, весьма вероятно, учтут в своих ответах фактор миграции.

Таким образом, наше исследование, посвященное отношениям православных и мусульман, следует считать важным и актуальным в первую очередь в связи с его региональным характером. Выбор Тюменской области и Москвы в качестве территориальных рамок исследования определялся этнической и конфессиональной спецификой данных регионов. Так, в Тюменской области фиксируется крайне низкий удельный вес (29%) исповедующих православие и принадлежащих РПЦ и заметная доля (4%) исповедующих ислам (при этом не считающих себя ни шиитами, ни суннитами) [19]. Доля татар – самого многочисленного «мусульманского» этноса в регионе – 7,4%. Для сравнения: для России в целом удельный вес прихожан РПЦ оказался намного больше – 41% [19]. Еще больше прихожан РПЦ зафиксировано в Москве (53%) [19]. Таким образом, низкая доля прихожан РПЦ при заметной доле этнических мусульман – характерная черта этноконфессионального состава Тюменской области. Несколько отличаются анализируемые регионы и по этническому составу. Доля русских Москве значительно больше, чем в Тюменской области – 84,8% (в Тюменской области – 71,6%). Второй по численности этнос представлен в сибирском регионе по большей части сибирскими татарами, в то время как в Москве, очевидно, преобладают группы поволжских татар. Наконец, для Москвы характерна крайне низкая доля татар (1,6%) и мусульман (1% не отнесших себя ни к суннитам, ни к шиитам) [19]. Можно предположить, что этноконфессиональная специфика регионов найдет свое отражение в позиции респондентов по вопросам межрелигиозного взаимодействия. С другой стороны, все регионы в силу их поликультурности, а также отсутствия жесткой детерминированности между религией и этносом, по всей вероятности, не будут лишены и некоторых общих тенденций в рамках православно-мусульманских коммуникаций, выяснение которых также является предметом нашего исследования.

Методы исследования

Анализ исследований показал, что отношения православных и мусульман в пределах поликультурных регионов представляют собой, по всей видимости, комплексную познавательную конструкцию, включающую:

1) общую установку к коммуникациям между православным христианством и исламом, которая зачастую опирается в случае православных респондентов на догматические основы православного христианства и официальную позицию РПЦ к межконфессиональному диалогу, а в случае мусульманских респондентов – на коранические «заповеди» о людях Писания или Книги (т.е. иудеях и христианах);

2) оценку отношений между исламом и православием, сложившихся в конкретном регионе на уровне религиозных и нерелигиозных институтов (епархий, духовных управлений, неформальных мусульманских организаций, региональной власти, образовательных организаций) и межличностных отношений (между священниками и имамами, священниками и практикующими мусульманами, между рядовыми, в том числе номинальными, мусульманами и православными);

3) оценку перспектив сотрудничества между православными христианами и мусульманами на уровне региона;

4) оценку факторов, способствующих возможной напряженности между двумя религиями;

5) оценку межконфессиональных браков как возможного фактора дестабилизации отношений между православием и исламом.

Поэтому в число задач исследования входили:

1) выявление состояния межконфессиональных отношений в регионах в контексте понятий конфликтности, сотрудничества на межличностном, межгрупповом и институциональном уровнях;

2) определение основных направлений, тем и проблем, которые объединяют или могут объединить в ближайшей и отдаленной перспективе православных и мусульман изученных регионов;

3) выявление основных инициаторов межрелигиозного диалога в регионах;

4) определение основных факторов, способствующих, в том числе в ближайшей и отдаленной перспективе, возможным конфликтам на религиозной почве;

5) выявление отношения респондентов к межконфессиональным бракам как на уровне догматики и официальной позиции религиозных институтов, так и на уровне межличностного общения и личного опыта.

Для того, чтобы выявить характер отношений друг к другу, сложившихся среди православных и мусульман, в 2022 г. автором статьи был проведен глубинный опрос (face-to-face) методом полуформализованного интервью респондентов Москвы и Тюменской области. Численность опрошенных составила 30 человек (по 15 человек в каждом регионе). В каждом регионе опрашивались эксперты в области религии и межконфессиональных отношений, представители православного и мусульманского духовенства и рядовые верующие обеих религий (в том числе не практикующие). Отбор респондентов производился с помощью метода снежного кома. Религиозная и этническая принадлежность определялась исходя из самоидентификации интервьюируемых. Формирование выборки начиналось с выбора ведущих экспертов (этнологов, религиоведов), которые являются заметными специалистами в области исследования религиозной ситуации в регионе, затем с их помощью формировалась выборка представителей духовенства, которые, в свою очередь, называли фамилии и координаты рядовых верующих.

Обсуждение результатов

Характеризуя в целом отношения православных христиан и мусульман, большинство респондентов (представители духовенства, рядовые верующие и эксперты) всех изученных регионов либо говорили о пол-

ном отсутствии конфликтов между ними как на религиозной, так и на бытовой почве, либо подчеркивали их эпизодический характер.

«Я, например, *не наблюдаю никакой фобии, никакой такой напряженности*, вот, в отношениях среди своих прихожан <…> Часто бывают и другие истории. Когда наши прихожане – молодые люди, в том числе женщины, тоже попадают на такси, часто спешат на наше воскресное богослужение. И вот тогда они попадают часто в такси, где сейчас в Москве часто работают ребята из восточных стран, Средней Азии, и они все мусульмане. И тогда *они начинают такое миссионерство*. И они *выходят из рамок* и начинают убеждать, что вот только ислам – истинная вера. *Проявляются какие-то такие диспуты*. Наше прихожане *вполне доброжелательны*…» (62 года, русский, православный священник, Москва).

С другой стороны, заметно, что в изученных регионах наблюдается некоторое дистанцирование православных христиан от мусульман. Очевидно, что для мусульман, в частности для исламских религиозных деятелей, хотя бы на уровне декларирования и внешней позиции меконфессиональный диалог имеет гораздо большее значение:

«Ну, насколько, я вижу, насколько я знаю, *неплохо общаются*, как и везде. Мы же многоконфессиональная страна, поэтому *проблем никаких нету абсолютно*. Если говорить в общем, я тебе говорю, в частности, про нашу деятельность, то мы как Духовное управление мусульман, мы на любые наши праздники, будь то Курбан-байрам, Ураза-байрам, Мавлид, вот еще какие-то другие, *поверьте, приглашаем всегда раввина, протестантского священника, католического, православного, то есть все три ветви основные христианской конфессии приглашаем и иудеев*. Ну если бы были другие, других бы тоже, наверное, приглашали, а так, какие есть, таких и приглашаем. И сами… Вот недавно я был, и до этого, бывало, приглашали меня на юбилеи, мероприятия разные протестанты, к примеру, вот. У них в церквях я постоянно читаю Коран, могу даже скинуть видео, если есть какая-то в этом потребность. Буквально недавно я был, на днях, тридцатилетие церкви там отмечали» (47 лет, татарин, имам, Тюмень).

Тем не менее имеет место и недопонимание между представителями данных конфессиональных групп. В анализируемых интервью зафиксировано несколько таких случаев. Однако не всегда они детерминированы конфессиональными различиями, а связаны, например, с процессами национального возрождения, межнациональными отношениями, общей нестабильной социально-экономической и политической ситуацией в стране в 90-е гг. XX в., а также с позицией отдельных представителей верующих и духовенства, не получивших широкой поддержки и сочувствия. Нередко такие конфликты вызваны протестами жителей против строительства или восстановления мечетей:

«Ну вот события прошлого, этого года. Мусульмане у нас просят: “Возродим мечеть. Старую, дореволюционную”. Значит, *местные власти против*. *И православные жители окрестности возражают*, против этого. Хотя я считаю, что вообще вернуть здание мечети важно. Во-первых, это памятник архитектуры регионального значения, вернее, объект регионального значения. Плюс – он связан с нашими историческими личностями уже всероссийского масштаба, такими как Хамит Ярми – известный лингвист. Значит, он начинал здесь, из семьи потомственных служителей культа. Потом это здание сооружено за счет средств, которые выделял наш известный просветитель, предприниматель, купец. То есть все говорит “за”, но настроение *православных прихожан, живущих вокруг этого здания мечети, плохое, отвратительное*. И когда проходило несколько обсуждений, собрания, представители мусульман говорили: “Вот к нам такое предвзятое отношения, им можно, а нам нельзя”. *Ну что, существует такое, да*» (67 лет, русский, эксперт, Тюмень).

Отдельные ситуации, описанные экспертами, очевидно, совсем не имеют религиозной подоплеки, но в силу тесной связи этнического и национального самосознания у отдельных народов, например у сибирских татар, могут быть восприняты как межконфессиональные:

«Ну, на бытовом уровне у каждого народа есть представители такие, что, прямо скажем, *тут уже недостаток культуры просто*. Могу сказать, что, наверное, *в последнее десятилетие этого меньше стало*, а вот в 60–70-х годах <…> не разрешали даже в автобусах разговаривать, если две старушки начали говорить на [сибирско-татарском] языке, то *русские могли их остановить*, сейчас такого, конечно же, нет, это еще в 80-х годах было <…> *лет 10 назад они сталкивались* с тем, что не совсем принято было говорить на своем языке в общественных местах, *прямо одергивали*. И в автобусах, и в школе такие примеры, конечно же, случаи были» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

Еще один вопрос, по которому у мусульман и православных, в основном религиозных деятелей, нет согласия, – это необходимость богословского диалога. Мусульманские религиозные деятели смотрят на него в основном чуть шире и возлагают на него определенные надежды, в то время как среди православных священников такого единства нет и, скорее, преобладает точка зрения, что такой диалог несвоевременен. В оценках такого диалога отдельными представителями православного духовенства заметны высокомерные коннотации:

«*Мне не кажется это сколько-нибудь перспективным*. Мне кажется, для любого такого богословского диалога должна быть какая-то цель. Или эта цель действительно апологетическая, т.е. доказательство, условно говоря, преимущество одной конфессии над другой, или эта цель, так скажем, экуменическая, т.е. сближение тех или иных конфессий, но не просто сближение, т.е. преодоление каких-то барьеров и тому подобное, понятное дело, мусульмане и христиане общаются и друг с другом, и не режут друг друга. Но никакого, так сказать, *экуменического общения между православными и мусульманами быть не может* <…> Кроме того, у христианской традиции, как западной, так и в последнее время православной, традиции именно научного богословия достаточно проработаны, т.е. существует и наука библеистика, которая изучает Библию

с научной точки зрения, историю церкви очень глубоко. Но, насколько я понимаю, если вышло уже 27 критических изданий по Новому Завету, то ни одного критического издания Корана мне неизвестно. Неизвестно потому, что их нет, не существует. Коран не следует науке, может быть, я ошибаюсь, но кажется, что нет. *Богословский уровень ислама находится все-таки на ином уровне, чем христианское богословие. Так сказать, на средневековом уровне объяснять, чья вера лучше – это все-таки неактуально сейчас*» (43 года, русский, православный священник, Москва).

«Само пространство богословского диалога, оно возможно тогда, когда ожидается некоторый результат диалога, понимаете? <…> А вот, допустим, цель православно-мусульманского диалога, богословского именно, я не говорю о светских мероприятиях, понимаете, а именно богословского дела… она мне кажется *довольно-таки странной* <…> Христиане и мусульмане живут уже бок о бок 1,5 тысячи лет, и времени, чтобы проверить свое мнение, было достаточно, понимаете? То есть сами по себе такие богословские собеседования, *я не вижу в них никакого такого смысла*» (50 лет, русский, православный священник, Тобольск).

Большинство проинтервьюированных православных священников также выражали несогласие с точкой зрения отдельных священнослужителей, иногда самого высокого уровня, в том, что православию в России ближе российский ислам, чем западные церкви (католичество и протестантизм), но допускали, что у подобного мнения могут быть свои основания: общность истории, сходный менталитет, близкое понимание важности традиционных ценностей:

«Ну конечно, я думаю, что здесь речь идет *не о том, что там ислам и православие ближе как конфессия*. А о том, что *некое консервативное сознание верующих, оно является какой-то некой общностью, именно консервативное сознание* <…> Потому что *православие – оно как раз-таки более консервативно* по своей структуре. Именно по исторической структуре. *Консервативен и ислам. Очень консервативная религия*. В этом смысле консервативное сознание, но близко, но по религиозным каким-то вещам, конечно, нет. Конечно, западное христианство – католицизм в том числе. Очень близкие православию в том числе» (62 года, русский, православный священник, Москва).

«Я как религиовед с этим не согласен, но если бы я был бóльшим историком, чем религиоведом, я бы находил в этих утверждениях больше справедливости. С точки зрения религиоведения мне христианство в любых изводах ближе, чем любая другая религия, не признающая веру Святой Троицы и божественности Иисуса Христа. С другой стороны, я отлично понимаю, что есть другие критерии сравнения тех или иных явлений, тех или иных общностей, но и с точки зрения общего исторического пути, *возможно, между христианством и исламом есть какая-то общность. Например, Россия действительно представляет собой пространство такого абсолютно уникального сосуществования христианства и ислама*, наблюдаю с огромным удовольствием» (43 года, православный священник, Москва).

Направления сотрудничества между православными христианами и мусульманами являются важной характеристикой, от нее во многом зависят широта коммуникаций между ними и качество восприятия друг друга. Опрошенные респонденты в качестве таких «общих тем» и проблем назвали нравственное и религиозное воспитание молодежи, поддержку российских военнослужащих на Украине, межконфессиональный диалог, противостояние политическим спекуляциям, борьбу с терроризмом и экстремизмом. Еще раз подчеркнем, что мусульмане, особенно представители духовенства, зачастую упоминали о большем числе направлений сотрудничества, чем православные священники:

«*Сотрудничать можно во всех направлениях. Мы сотрудничаем во всех*, начиная там, не знаю там от *гуманитарных проектов*. Сегодня *по специальной военной операции на Украине, по образовательной теме*. Я считаю, что, конечно же, самый большой вопрос – это по *работе с молодежью*, и проблема в том, что ведь у нас в муфтиятах тоже нет молодежных направлений, ну нету их. Мы хотим там организовать работу <…> *Должна быть системная прям работа, везде по стране охват должен быть*, вот это очень важно, такая работа. Потом вообще-то *вопросы основы преемственности истории* очень важны, тем более здесь тоже *не должно быть противопоставления ни общей истории*, ни вот нас как народов разных. Вот тоже в эти игры играть, там вот тоже нежелательно, это, конечно, такие дешевые дивиденды многие у нас любят, политики там играть на этом. По мне, это непозволительная роскошь, у нас нельзя такого сделать <…> Я чувствую, что вот *есть востребованность в простом разъяснении христианско-мусульманских взаимоотношений*, вот в чем они заключаются <…> А вот с точки зрения академического подхода, научного подхода, согласно источникам, *написать любую такую декларацию по взаимоотношению христиан с мусульманами, например в России, я думаю, это давно нагревшая тема*» (46 лет, татарин, имам, Москва).

«Ну, скажем так, когда известные *террористические акты были, 2004 года, все консолидировано выступили против, значит, и представители… у нас три исламских структуры, то есть духовных управления… ну, одна – епархия Русской православной церкви… то есть, они консолидировано.* Ну так же, как сейчас, *когда операция на Украине, и совместно окормляют приезжающих к нам не только из Тюменской области мобилизованных, но и из Пермского края.* То есть они специально туда выезжают, совершают специальные обряды, в том числе бракосочетания мобилизованных с девушками, которые приезжают. То есть здесь есть, скажем так, понимание: *общероссийские ценности, общероссийская цивилизация и особенности, встроенные в эту общероссийскую цивилизацию. Вот эти православная и исламская культуры*» (67 лет, русский, эксперт, Тюмень).

Из представителей православного духовенства лишь один высказался за полноценное, разностороннее сотрудничество:

«<…>*Это нам нужно, очень всем*, и, соответственно, сферы, конечно, *прежде всего гуманитарная взаи-*

мопомощь, ну возьмем сейчас, грубо говоря, гуманитарную катастрофу на Украине, и в этом направлении сейчас много там трудятся христиане православные, собираются мусульмане отдельно, вот, к сожалению, например, можно это было бы делать совместно для укрепления нашего сотрудничества <…> *Мы на защите интересов и безопасности России*, нас очень легко, это как раз одна из тех функций, которая должна и может объединять христиан и мусульман, но скажу, что для большинства граждан, это, конечно *гуманитарная-культурная сфера, гуманитарная-культурная сфера медицинского обслуживания, культурного взаимодействия*, здесь широкое, широкое поле, ну просто, по моим наблюдениям, оно совсем не пахано, можно и главное нужно трудиться, реализовывать проекты…» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

Чаще всего проинтервьюированные представители духовенства и верующие встречаются с друг с другом на мероприятиях светского характера, организованных местной епархией, органами региональной власти, образовательными учреждениями, исламскими религиозными организациями. При этом сами контакты не носят регулярного характера и ограничены достаточно узким кругом лиц религиозных деятелей:

«*Единственное пространство*, в котором они встречаются оно, так сказать, священнослужителей, это пространство каких-то *общественно значимых мероприятий*. То есть какие-то там, допустим, ну конференции там совместные бывают, общего характера, допустим *духовно-нравственного, гражданского, патриотического, какие-то дни памяти там, допустим 9-е мая или еще какой-нибудь такой день, то есть это чисто гражданские мероприятия*, на которых реально, так сказать, чаще всего представители мусульманского духовенства и православного где-то соприкасаются, встречаются» (50 лет, русский, православный священник, Тобольск).

«Мне кажется они (контакты. – *А.И.*) *очень ограничены*. Вот, то *они ограничиваются просто специфическими мероприятиями или конференциями*, так совместными круглыми столами, заседаниями в общественной палате, время от времени проводятся какие-то спортивные мероприятия, вот, но опять же, на мой взгляд, это очень ограничено, и круг людей, которые этим занимаются, и чаще всего это именно те, которые поставлены на это. Вот поэтому о каком-то широком взаимодействии *в Москве в отличие, может быть, от Татарстана или Башкортостана, или где-то таких регионов*, где совместное проживание мусульман веками наблюдалось, то в *Москве это как раз такая новая реальность*» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

С другой стороны, представление ряда исследователей о том, что инициатива диалога между РПЦ и мусульманами принадлежит исключительно региональной или государственной власти, или имеет исключительно политическую или символическую подоплеку, подтверждается материалами данного исследования далеко не всегда. Православные и мусульмане нередко сами приглашают друг друга на мероприятия, а также оказывают поддержку в бытовых вопросах. Свидетельства взаимной поддержки встречаются в ответах не только духовенства, но и экспертов и рядовых верующих, хотя и реже, чем, например, в Поволжье [20]. В ряде случаев подобная поддержка выходит за рамки бытовой и переходит в область сакрального:

«И вот *у одной женщины брата забирают на мобилизацию*, у него дети есть там, и она ко мне обращается, говорит, как я могу получить вот молитвы какие-то от муллы, как вы можете мне помочь вот найти адрес муллы, вы не можете мне помочь с тем, что вот молиться, как записать, может, вы сами можете мне помочь, вот, я говорю, я знаю муллу, который у нас в Тобольске есть, я могу, говорю, вот обратиться к нему, чтобы он, может быть, какую-то молитву написал для вашего брата. Я говорю, а вы себя, как, *вы разве не православная*? *Она говорит: “Я православная”. Но мы, говорит, там тоже получили там какие-то там ну молитвы, в каком виде они получили – не знаю, но мы хотим и чтоб нам мусульмане тоже помогли, вот именно ислам, мы хотим, как эта молитва у вас звучит.* И, обращаясь ко мне, она не то что ко мне как к ученому обращается, а просто вместе росли в одной деревне, а что вы, может, посоветуете, какие традиции есть, как я могу к мулле обращаться. И я вот я ей советы дала. Она приехала к мулле, мулла ей каким-то образом помог, и молитву ей прочитал, и советы там дал. Она мне писала, что вот я там немножко подзабыла, он ей помог. Ну и я, в свою очередь, тоже, получается, что, как сказать, связующим звеном была, ну и от себя тоже помогла» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

В крайнем варианте подобное взаимодействие православных христиан и мусульман приводит к смене конфессиональной принадлежности. В каждом конкретном случае причины «перехода» могут быть самыми разными. Но в большинстве своем религию своих родителей и предков меняют на новую представители номинальных христиан и мусульман, которые до перехода мало были вовлечены в свою религиозную жизнь. Кроме того, зачастую такие переходы происходят уже в зрелом возрасте, причем номинальные христиане, переходящие или, вернее, принимающие ислам, – в основном мужчины. Нередко подобные переходы вызывают негативные эмоции у родственников и знакомых неофитов:

«Но, знаете, как, у нас два. *Вот эти русские, один вообще украинец*. Три. Четвертый вот сам ушел (из христианства. – *А.И.*). Я его просто поднаправил. Это люди, они вообще, во-первых, они *непростые люди*. Один – начальник, второй – начальник караула. Это не просто люди, они просто так не примут (ислам. – *А.И.*). *Это информация, это люди, у которых вся жизнь – это мыслительный процесс,* потому что это руководитель, понимаете. Отнеслись, *да, кто-то настороженно, кто-то обзывался*. Да, мы больше за милосердие, за понимание, за терпение. Иногда человек, как называют его в современном мире, неофит. Это когда с другой этнической культуры принял в ислам. Неофит показывал, когда он еще лучше стал, после того как принял ислам. Люди же, *родственники все это видят, что он изменился*, что он не употребляет запретных напитков, что он не употребляет слова,

которые он раньше употреблял, что у него поведение изменилось. Человеку можно все что угодно наговорить, но когда ты видишь его поведение, изменения в нем, что он лучше стал. Потом говоришь, да, для тебя это хорошо, на самом деле лучше. *Кто-то принимает, кто-то не принимает,* но это подкупает же, когда человек к телу относится правильно, когда он реагирует на критику правильно, когда он, как минимум он не навредит, а еще столько пользы принесет» (41 год, татарин, имам, Тобольск).

«Знаете, мне вот один мусульманин рассказывал: "*Брат, ты знаешь, сколько здесь бывших христиан сидят, приняли мусульманство*". Мне тоже они говорили. Спрашиваю, как вы их принимаете. "Тоже беседуем, все такое. Но *большей частью христиане не знают о своей вере ничего*". Если Вы мне этот вопрос зададите, я скажу, почему так происходит. Скажу Вам честно, со стороны христиан, во всяком случае бывают, *христианин свою веру не изучил. Очень часто бывает так, что христиане ничего не знают о своей вере.* Потом принимают мусульманство, как бы такие случае бывали. Я отговаривал, слава Богу, и смог отговорить. *Просто хотел какой-то имидж*. Допустим: борода, усы сбривать, спорт – вот такие вот. Я считаю, что ради этого так принимать веру не стоит. Человек должен изучить веру, если человек решил, его уже никак не остановишь. Сами знаете, да? Если человек что-то решил, он все равно это сделает. Поэтому просто каждый человек индивидуален, но *такие случаи бывают*» (35 лет, русский, православный священник, Москва).

«И человек узнает, изучает, принимает решение. *Вот у меня такие друзья есть, которые стали мусульманами*. Вот один есть <…> вот, конкретный человек. Женился на татарке, <…>, у них родились два сына общих. Ну вот… Разве это нелюбовь к исламу? Человек он там, бизнесмен, практикующий мусульманин, жена у него там такая…» (47 лет, татарин, имам, Тюмень).

Среди угроз для отношений респонденты называли межэтнические конфликты, манипулирование религиозными чувствами различными политическими силами, в то числе зарубежными, иммиграцию мусульман из других регионов:

«<…> А определенного круга людей, *которые нацелены на радикализацию* и на *использование этих присутствующих моментов в разных религиях, чтобы превращать это в инструмент, да, соответствующего такого разжигания, потому* что все эти, как мы знаем и Майданы, и революции оранжевые и так далее – все это звенья одной цепи, они не спонтанные проявления, скажем, такой демократии или волеизъявления народа там, это соответствующие проплаченные акции, которые *определенные, известные силы таким образом дестабилизируют обстановку в мире,* и такой управляемый хаос – он гораздо более важен и нужен экономическим элитам, чтобы решать свои проблемы, вот, я думаю, это одна из главных причин» (42 года, русский, иеромонах, Москва).

«Возможно, это проблема (христианско-мусульманского взаимодействия. – *А.И.*) возникнет *в лице наших братьев мигрантов*, потому что разные ментальности. Мы здесь уже как бы при рождении понимаем, что это многонациональное государство, ну и в остальном как бы православная страна, она всегда такой была, ну вторая по численности как бы религия – это ислам, и татары как бы вторые, сами знаете, по численности, это понятно. *А вот за последние 30 лет система образования и идеологии она в странах вообще бывшего Советского Союза совершенно была другой, и она более такая националистическая, потому что для того, чтобы удержать власть, чтобы говорить о том, что мы вот такие правильные, что вот у нас все должно быть нормально, нужно было вот легенды, мифы там свои, герои свои, истории, это уже не та история, которая была в рамках Советского Союза*. И воспитанные на этих дрожжах молодые люди сегодня приехали сюда, их очень много <…> *Если татары там, кавказцы, если мы были както адаптированы в эту действительность нашу, то нам нужно проводить очень большую работу со странами СНГ,* а она пока не ведется, к сожалению, потому что та сторона тоже не готова, вот как она не готова и даже *по своим мигрантам обучать их русскому языку, хотя это же им же надо, чтоб их ребята здесь могли бы нормально изъясняться*» (46 лет, татарин, имам, Москва).

Важным индикатором качества межконфессиональных отношений является отношение к смешанным по религиозному признаку бракам. Большинство респондентов видит в межконфессиональных браках проблему, испытание, в первую очередь для супругов, их детей, родственников, которые неизбежно возникают при обсуждении таких вопросов, как совершение обрядов религиозной инициации (крещение, имянаречение), таинства брака (венчание, никах), похорон и поминок. Ряд интервьюируемых, относясь к межконфессиональным бракам положительно, не отрицают возможных конфликтных ситуаций в таких семьях в будущем:

«*Очень положительно отношусь* при одном условии: если, допустим, возьмем, я как христианин буду говорить со стороны христианства, если мусульманин или мусульманка дает обещание перед браком, что он не будет препятствовать мужу или жене верить своему Богу. Если мусульманин говорит, что вот я люблю эту девушку, хочу женится, но после того, как мы расписываемся, я запрещу ей ходить в храм, я запрещу детей крестить, тогда мы не благословляем такой брак <…> *Я отношусь положительно, если соблюдены все вот эти правила, каноны. Если этого нет, то, конечно, это будет ад и кошмар*» (35 лет, русский, православный священник, Москва).

В Тюменской области ситуация с отношением к бракам более сложная и противоречивая и во многом определяется не столько конфессиональной принадлежностью, сколько разницей восприятия традиции сельскими и городскими жителями, особенно сибирскими татарами:

«Здесь *как-то очень по-разному*, есть *люди, которые… вот им достаточно все равно,* вот человек вышел замуж или женился, но есть прям те, кто только за татар, я не знаю, как это в процентном соотношении,

но если даже как бы выйдет там дочь за русского, там *какой-то конфронтации не будет*, потому что местные все равно знают, что русские и татары всегда вместе жили, они не будут на 100% довольны, но где-то покажут, где-то не покажут своего отношения неодобрительного, вот есть прям те, которые строго, вот так вот есть татары, которые ни языка не знают, ни обычаев, вообще полностью и вообще пофигу молодежи этой, понятно дело, так индифферентно все. *Те, кто там из деревень, даже из пришлых из деревень в города, те строго, хотят только на своих, татарах жениться*» (45 лет, татарин, верующий мусульманин, Тюмень).

«Да, сейчас стали больше принимать (межконфессиональные браки. – *А.И.*) *В деревнях все-таки таких, если они там остаются, там вообще нету* (межконфессиональных браков. – *А.И.*), *наши деревни в основном мононациональные, а вот если уезжают оттуда, они могут жениться, но они в итоге остаются в городе, но тоже их не так уж и много, таких случаев*» (51 год, татарка, эксперт, Тобольск).

Достаточно терпимо настроены к таким бракам в Тюменской области и представители мусульманского духовенства:

«Ну мы, христиане и мусульмане. *Вторую мировую войну, переженились, это тоже нормально, коммунизм повлиял очень сильно*. Сейчас это исправить? А какой смысл – это исправлять? Мы просто плывем по течению. *Слава Богу, что у нас церкви, есть мечети.* Есть халяль. Есть Коран <…> *Даже если мусульманин полюбил христианку. Проблем никаких, у меня были знакомые, я им даже сам читал никах. Я вообще проблем в этом не вижу, понимаете*. Но, конечно, это, как сказать, если бы это было лет 50 назад. Я бы сказал, что он потеряет язык. Потому что ребенок с матерью. То сейчас у нас татары с русскими. У них с татарским проблема, с исламом проблема, со всем проблема. Если он хочет, пожалуйста. Мы же не можем ему запретить, кто ему запретит. Если он захотел жениться, он женится. В исламе же это прописано, прописано» (41 год, татарин, имам, Тобольск).

Иными словами, внешняя толерантная установка по отношению к представителям иной религии тем не менее не исключает ситуаций (межконфессиональных браков), в рамках которых оценка другой конфессии становится более сложной. Подобный ситуационный характер религиозного фактора межконфессиональных отношений чрезвычайно важно учитывать при проектировании рисков возникновения межрелигиозной неприязни.

Заключение

Таким образом, исследование показало отсутствие ярко выраженных конфликтов на религиозной почве между опрошенными представителями православия и мусульманства в Москве и Тюменской области. Выявленные нами случаи недопонимания и конфликтов между православными и мусульманами почти всегда лишены очевидной религиозной причины, и их нельзя назвать в строгом смысле межконфессиональными. Иногда они возникали на почве строительства или восстановления мечетей, ношения хиджаба в школе, непринятия отдельных элементов обряда. Нередко, особенно в Тюменской области, эти конфликты исключительно межнациональные (запрет на разговор на сибирско-татарском языке в общественном транспорте), однако в силу тесной связи этнического и конфессионального самосознания татар могут быть восприняты как межконфессиональные, что важно учитывать региональными органами власти в конфессиональной политике.

Некоторыми респондентами, особенно мусульманским духовенством, подчеркивались сходство и даже общность нравственной составляющей вероучений обеих религий, другими, по большей части православными священнослужителями, оговаривались границы диалога, необоснованность богословских дискуссий, нормальность повседневной обособленности религиозных групп. Мусульманские религиозные деятели смотрят на возможность богословского диалога чуть шире и возлагают на него определенные надежды, в то время как среди православных священников такого единства нет и, скорее, преобладает точка зрения, что такой диалог несвоевременен и даже опасен. Большинство проинтервьюированных православных священников также выражали несогласие с точкой зрения отдельных священнослужителей в том, что православию в России ближе российский ислам, чем западные церкви (католичество и протестантизм), но допускали, что у подобного мнения могут быть свои основания: общность истории, сходный менталитет, близкое понимание важности традиционных ценностей. И если в Тюменской области, как уже было сказано выше, причины напряженностей лежат (а точнее – лежали) по большей части в плоскости отношений между русскими и сибирскими татарами как крупнейшей мусульманской группой региона, то в Москве они вызваны в первую очередь проблемами интеграции мигрантов из Средней Азии и отчасти с Северного Кавказа.

Кроме того, исследование выявило, что инициатива по межконфессиональному взаимодействию исходит не только от властных структур, но и от самих верующих. Представители мусульманского духовенства и православные священники встречаются в том числе на мероприятиях, организованных местной епархией и исламскими религиозными организациями. Мусульмане и православные, как практикующие, так и номинальные, поздравляют друг друга с праздниками, причем возрастает удельный вес дистанционных поздравлений такого рода, в первую очередь в социальных сетях. В крайнем варианте взаимодействие православных христиан и мусульман приводит к смене конфессиональной принадлежности. В каждом конкретном случае причины перехода могут быть различными. Но в большинстве своем религию своих родителей и предков меняют на новую представители номинальных христиан и мусульман, которые до перехода мало были вовлечены в религиозную жизнь. Кроме того, зачастую такие переходы происходят уже в зрелом возрасте, причем номинальные христиане, принимающие ислам, – в основном мужчины.

Достаточно терпеливо настроены опрошенные и к межконфессиональным бракам. Воспринимая их

в целом как проблему и даже отрицательное явление, религиозные деятели и тем более рядовые верующие не были склонны ограничиваться одной лишь их критикой. По мнению опрошенных, мусульмане и православные христиане могли бы сотрудничать при решении таких общих проблем, как нравственное воспитание молодежи, благотворительность (чаще всего приводились примеры с ситуацией во время пандемии, а также помощь мобилизованным – участникам Специальной военной операции на Украине), популяризация семейных традиционных ценностей, межконфессиональный диалог, борьба с терроризмом и экстремизмом. Среди дестабилизирующих отношения факторов респонденты, как правило, обозначали межэтнические конфликты, манипулирование религиозными чувствами, радикальных представителей обеих конфессий, иммиграцию мусульман из других регионов. С другой стороны, сближение мусульман и православных христиан в рамках межконфессионального диалога, а также вокруг фундаментальных духовных ценностей даже в поликультурном регионе имеет очевидные пределы, носит в ряде случаев ситуативный характер, что связано со спецификой учений и традиций обеих религий.

Список источников

1. Халиль М.А. Религиозная ситуация в России. Социологический анализ христианско-мусульманского взаимодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2009. № 2. С. 94–108.
2. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 1. С. 79–92.
3. Шарипов А.Р. Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации // Регионология. 2011. № 2 (75). С. 216–224.
4. Мишучков А.А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65–71.
5. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Межконфессиональные различия в Европе и новые идеологические противостояния // Современная Европа. 2018. № 3. С. 102–114.
6. Штёкль К. Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 222–240.
7. Кочергин В. Рецепция ислама в Русской православной церкви в 1990–2010-х гг. // Схід. 2014. № 3 (129). С. 86–91.
8. Фирсов С.Л. Восприятие и оценка священноначалием Русской православной церкви роли ислама в современной России. К постановке вопроса // Asiatica: труды по философии и культурам Востока. 2020. Т. 14, № 2. С. 220–235.
9. Коршунова О.Н., Набиев Р.А. Изучение историко-психологических аспектов религиозного фактора межцивилизационного взаимодействия (опыт организации религиозного образования в Татарстане) // Казанский педагогический журнал. 2012. № 3 (93). С. 171–178.
10. Хохлов А.Х. Из истории диалога Русской православной церкви с шиитским духовенством Ирана: векторы сотрудничества и специфика взаимодействия // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 37–49.
11. Абдулагатов З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы – разные взгляды // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 143–153.
12. Воденко К.В., Лубский А.В., Войтенко В.П. Межрелигиозные взаимодействия в региональных сообществах на юге России как предмет научно-исследовательских практик // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 211–217.
13. Бабатова А.Ш., Ферзалиев Д.С., Асадова З.Н. Христианство и ислам: диалог религиозных культур // Исламоведение. 2012. № 4. С. 109–114.
14. Котин И. Ислам в России и перспективы мусульманско-христианского диалога // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. С. 28–55.
15. Баширов Л.А. Исламо-православный диалог как фактор гармонизации межрелигиозных отношений в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. Т. 29, № 2. С. 231–244.
16. Садиков Р.Р. Процессы межконфессионального взаимодействия в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: история и современные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 9–22.
17. Данилко Е.С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурных взаимодействий // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 54–65.
18. Жигунова М.А. Религиозный фактор в современном идентификационном пространстве Сибири // Религиозная ситуация в российских регионах : тез. докладов и сообщений Восьмой всерос. науч.-практ. конф. Омск : Омск. акад. МВД РФ, 2022. С. 64–68.
19. Арена : атлас религий и национальностей России // Среда : исследовательская служба. 2012. URL: https://sreda.org/arena (дата обращения: 09.01.2023).
20. Идиатуллов А.К. Взаимодействие татар Ульяновской области с иноконфессиональным окружением // Исламоведение. 2014. № 3 (21). С. 45–51.

References

1. Khalil, M.A. (2009) Religioznaya situatsiya v Rossii. Sotsiologicheskiy analiz khristiansko-musul'manskogo vzaimodeystviya [The Religious Situation in Russia. A Sociological Analysis of Christian-Muslim Interaction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*. 2. pp. 94–108.
2. Buttaeva, A. (2012) Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana [Islam in the Polyconfessional Space of Modern Dagestan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 15(1). pp. 79–92.
3. Sharipov, A.R. (2011) Konfessional'nyy i natsional'nyy faktory v protsesse globalizatsii [Confessional and National Factors in the Process of Globalization]. *Regionologiya*. 2(75). pp. 216–224.
4. Mishuchkov, A.A. (2015) Traditsionnye tsennosti v globaliziruyushchemsya mire [Traditional Values in a Globalizing World]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(178). pp. 65–71.
5. Lunkin, R.N. & Filatov, S.B. (2018) Mezhkonfessional'nye razlichiya v Yevrope i novye ideologicheskie protivostoyaniya [Interconfessional Differences in Europe and New Ideological Confrontations]. *Sovremennaya Yevropa*. 3. pp. 102–114.
6. Stoekl, C. (2016) Postsekulyarnye konflikty i global'naya bor'ba za traditsionnye tsennosti [Postsecular Conflicts and the Global Struggle for Traditional Values]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 222–240.
7. Kochergin, V. (2014) Retseptsiya islama v Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1990–2010-kh gg. [The Reception of Islam in the Russian Orthodox Church in the 1990s–2010s]. *Skhid*. 3(129). pp. 86–91.
8. Firsov, S.L. (2020) Vospriyatie i otsenka svyashchennonachal'stvom Russkoy pravoslavnoy tserkvi roli islama v sovremennoy Rossii. K postanovke voprosa [The Perception and Evaluation of the Role of Islam in Modern Russia by the Hierarchy of the Russian Orthodox Church. Towards Posing the Question]. *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*. 14(2). pp. 220–235.

9. Korshunova, O.N. & Nabiev, R.A. (2012) Izuchenie istoriko-psikhologicheskikh aspektov religioznogo faktora mezhdutsivilizatsionnogo vzaimodeystviya (opyt organizatsii religioznogo obrazovaniya v Tatarstane) [Studying the Historical-Psychological Aspects of the Religious Factor in Intercivilizational Interaction (The Experience of Organizing Religious Education in Tatarstan)]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 3(93). pp. 171–178.
10. Khokhlov, A.Kh. (2018) Iz istorii dialoga Russkoy pravoslavnoy tserkvi s shiitskim dukhovenstvom Irana: vektory sotrudnichestva i spetsifika vzaimodeystviya [From the History of the Dialogue Between the Russian Orthodox Church and the Shia Clergy of Iran: Vectors of Cooperation and Specifics of Interaction]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 71. pp. 37–49.
11. Abdulagatov, Z. (2004) Rossiyskie pravoslavnye i musul'mane: obshchie problemy – raznye vzglyady [Russian Orthodox Christians and Muslims: Common Problems – Different Views]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 143–153.
12. Vodenko, K.V., Lubskiy, A.V. & Voytenko, V.P. (2018) Mezhreligioznye vzaimodeystviya v regional'nykh soobshchestvakh na yuge Rossii kak predmet nauchno-issledovatel'skikh praktik [Interreligious Interactions in Regional Communities in the South of Russia as a Subject of Research Practices]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 4. pp. 211–217.
13. Babatova, A.Sh., Ferzaliev, D.S. & Asadova, Z.N. (2012) Khristianstvo i islam: dialog religioznykh kul'tur [Christianity and Islam: Dialogue of Religious Cultures]. *Islamovedenie*. 4. pp. 109–114.
14. Kotin, I. (2012) Islam v Rossii i perspektivy musul'mansko-khristianskogo dialoga [Islam in Russia and Prospects for Muslim-Christian Dialogue]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 8. pp. 28–55.
15. Bashirov, L.A. (2011) Islamo-pravoslavnyy dialog kak faktor garmonizatsii mezhreligioznykh otnosheniy v Rossii [Islamic-Orthodox Dialogue as a Factor for Harmonizing Interreligious Relations in Russia]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 29(2). pp. 231–244.
16. Sadikov, R.R. (2010) Protsessy mezhkonfessional'nogo vzaimodeystviya v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya [Processes of Interconfessional Interaction in Ethnically Mixed Villages of the Ural-Volga Region: History and Modern Development Trends]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 9–22.
17. Danilko, E.S. (2010) Tatary v etnicheski smeshannykh poseleniyakh Uralo-Povolzh'ya: osobennosti mezhkul'turnykh vzaimodeystviy [Tatars in Ethnically Mixed Settlements of the Ural-Volga Region: Features of Intercultural Interactions]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 54–65.
18. Zhigunova, M.A. (2022) Religioznyy faktor v sovremennom identifikatsionnom prostranstve Sibiri [The Religious Factor in the Modern Identification Space of Siberia]. *Religioznaya situatsiya v rossiyskikh regionakh [*The Religious Situation in Russian Regions*]*. Abstracts of Reports and Presentations of the Eighth All-Russian Conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 64–68.
19. Sreda.org. (2012) *Arena: atlas religiy i natsional'nostey Rossii* [Arena: Atlas of Religions and Nationalities of Russia]. [Online] Available from: https://sreda.org/arena (Accessed: 9th January 2023).
20. Idiatullov, A.K. (2014) Vzaimodeystvie tatar Ul'yanovskoy oblasti s inokonfessional'nym okruzheniem [Interaction of Tatars in the Ulyanovsk Region with a Confessionally Different Environment]. *Islamovedenie*. 3(21). pp. 45–51.

***Сведения об авторе*:**
Идиатуллов Азат Корбангалиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры географии и экологии естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Idiatullov Azat K. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Geography and Ecology, Faculty of Natural Geography, Ulyanovsk State University of Education (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 12.01.2023; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 295.4(7)
doi: 10.17223/19988613/98/20

Зороастризм как фактор формирования зороастрийской этноконфессиональной общности

Вероника Дмитриевна Шуберт

Томский государственный университет, Томск, Россия, haritonova@lib.tsu.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в определении североамериканских зороастрийцев как этноконфессиональной общности (ЭКО) в США и Канаде на основе различных определений ЭКО, а также обращения к истории иранских племен. Показаны основные аспекты реформ Зороастра, такие как дуализм Авесты и оформление идеи об этическом аспекте противостояния. Сделан вывод, что в результате консолидации иранских племен было образовано государство, достроившее иранский этнос, а реформы Зороастра подкрепили этническое единство конфессиональным. В результате представляется возможным говорить об ЭКО зороастрийцев, которая имеет влияние и в наши дни.
Ключевые слова: зороастризм, зороастрийское общество Онтарио, Канада, религиозная община, этноконфессиональная общность, парсы

Для цитирования: Шуберт В.Д. Зороастризм как фактор формирования зороастрийской этноконфессиональной общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 168–172. doi: 10.17223/19988613/98/20

Original article

Zoroastrianism as a factor in the formation of the Zoroastrian ethno-confessional community

Veronika D. Schubert

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, haritonova@lib.tsu.ru

Abstract. The purpose of the article is to define North American Zoroastrians as an ethno-confessional community in the USA and Canada based on various definitions in Soviet and Russian science, as well as to address the history of Iranian tribes during the reforms of the Prophet Zoroaster.

Zoroastrianism, as the teaching of the Prophet Zoroaster, originally spread throughout Western Iran. In the sixth century BC, Zoroastrianism became the official religion of the Achaemenid empire and was recognized in Iran. It became the state religion in Persia and held this position until the destruction of the Sassanid Empire by the Arab conquerors in the 7th century AD. Small groups of Zoroastrians migrated from Iran to India, where they became known as the Parsis. The Parsis who migrated to India from Iran after the Islamic conquest are defined by researchers as an ethno-confessional community. They settled in Gujarat, later spread to other parts of India and Pakistan, and then stayed in Mumbai.

The article shows the main aspects of Zoroaster's reforms, such as the Avesta dualism, the emphasis on the confrontation between Ahura Mazda and Angro Mainya, and the formulation of the idea of the ethical aspect of this confrontation as the main element of Iranian religious dualism. In the Gathas, Zoroaster appealed to people to help the noble heavenly forces in their irreconcilable struggle, becoming better for this purpose and focusing his efforts on overcoming the world of evil.

Modern followers of the religion define Zoroastrianism as a faith full of joy. Zoroastrianism accepts and enjoys the benefits of this physical world and the world of the future. The unity and wholeness that religion preaches show that the spiritual and material worlds are closely connected, as both are part of a universal process of harmony that has been marred by evil.

The conclusion is that, as a result of the consolidation of ancient Iranian tribes, a state has been formed which complements the Iranian ethnic group and emphasizes uniformity and cultural and religious differences between the tribes. This process and the reforms of Zoroaster reinforced ethnic unity with religious unity. As a result, it seems possible to talk about the ethno-confessional community of the Zoroastrians, which still has an impact today. Using the example of identifying the association of North American Zoroastrians as ethno-confessional community in the USA and Canada, the completion of the process of the formation of ethno-confessional community Zoroastrians is traced, and the number of communities distributed around the world shows that the associations of Zoroastrians are not assimilating, but rather adapting to modern conditions.
Keywords: Zoroastrianism, Zoroastrian society of Ontario, Canada, religious community, ethno-confessional community, Parsis

© В.Д. Шуберт, 2025

For citation: Schubert, V.D. (2025) Zoroastrianism as a factor in the formation of the Zoroastrian ethno-confessional community. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 168–172. doi: 10.17223/19988613/98/20

Зороастрийцы-парсы, переселившиеся в Индию из Ирана после исламского завоевания, определяются исследователями как этноконфессиональная общность (ЭКО). Они поселились в западном штате Гуджарат, позже распространились в других частях Индии и Пакистана, а затем осели в Мумбаи [1. P. 20]. Например, С.П. Петренко, проанализировав мнения ряда авторов (А.Н. Ипатова, П.И. Пучкова, Л.И. Шерстовой и др.) о количестве разновидностей ЭКО, предлагает свою собственную, «двойную» типологию, суть которой заключается в том, что к каждой из двух составляющих ЭКО применяется типология соответственно этнических и конфессиональных общностей. По своей этнической стороне ЭКО парсов относится к миди-ЭКО, а по конфессиональной составляющей – к ЭКО, конфессиональная сторона которых представляет собой национальную религию [2. С. 21].

Понятие «этноконфессиональная общность» было введено в научный оборот в 1969 г. отечественными этнологами С.И. Бруком, Н.Н. Чебоксаровым и Я.В. Чесновым для обозначения конкретных территориальных образований, «которые по своему характеру занимают переходное положение между собственно этническими образованиями и другими историческими группами населения», выделяясь среди этнически родственных групп своей религиозной принадлежностью [3. С. 98].

В 1970–1980-е гг. в отечественной науке утвердилось определение ЭКО, данное А.Н. Ипатовым, согласно которому ЭКО – это особый тип социальной общности с религиозно оформленным жизненным укладом и этническим самосознанием, выступающим как религиозное [4. С. 9]. При этом вновь обращалось внимание на недопустимость отождествления этнических и конфессиональных общностей и подчеркивалось, что если выделение этнических групп (этносов) происходит по нескольким признакам, то конфессиональных общностей – лишь по одному: приверженности к определенной религии [5].

Л.И. Шерстова, уточняя вопрос образования ЭКО, указывала на важность не только конфессиональной, но и этнической основы сложения общности. При этом различия в эволюции ЭКО определяет разница, лежащая в основе их возникновения. Для этого было предложено следующее понимание понятий «этнографическая группа» и «этническая группа»: этнографическая группа – достаточно гомогенное новообразование, часть уже сформировавшегося этноса, в силу различных причин, в том числе и воздействия религии, приобретшее культурно-специфические черты, а этническая группа – гетерогенное в истоке новообразование, полиэтничное, в результате действия различных факторов, в том числе и религии, достигающее устойчивой целостности, отличающееся от исходных этносов культурной спецификой и имеющее тенденцию, направленную на сложение нового, консолидированного этноса [6. С. 40]. Этническая группа – это та основа, из которой при благоприятных условиях может сформироваться самостоятельный этнос, это своего рода «материал» для будущего этноса [7. С. 13].

Зороастризм как учение пророка Зороастра первоначально распространялся на территории Западного Ирана. В VI в. до н.э. зороастризм стал официальной религией державы Ахеменидов, таким образом получив признание на территории Ирана и постепенно завоевывая различные области. Впоследствии он получил статус государственной религии в Персии и занимал такое положение вплоть до разрушения империи Сасанидов арабскими завоевателями в VII в н.э. С этого времени зороастрийцы по причине массовой исламизации Ирана подвергаются преследованиям. Небольшие группы зороастрийцев мигрировали из Ирана в Индию, где стали известны как парсы. Оставшиеся в Иране зороастрийцы жили в основном в провинциях Йезд и Керман.

О жизни и деятельности пророка сохранилось мало сведений. Согласно некоторым текстам Авесты, Заратуштра, сын Поурушапсы, из рода Спитама, родился на северо-восточных границах современной территории Ирана и жил при дворе царя Виштаспы, который, по одной версии, был отцом царя Дария, по другой – представителем более раннего поколения персидской династии Ахеменидов. Известно также, что пророк принадлежал к касте жрецов-магов, имел трех жен, трех сыновей и трех дочерей. В возрасте примерно 40 лет он обратил в свою веру царя Виштаспу, что рассорило этого царя с соседними правителями. Все остальные сведения о жизни Зороастра овеяны легендами. Считается, в частности, что его сыновья были родоначальниками трех основных каст иранцев: жрецов, воинов и земледельцев. Легенды также утверждают, что силы зла преследовали Зороастра с детства, что чудесным познанием истины он обязан беседе с *Ахура-Маздой* на небе, куда был вознесен встретившим его на берегу реки после омовения *Воху Маной* (божеством Благой мысли). После этой беседы, согласно легендам, пророк объявил о своей преданности великому *Ахура-Мазде* и непримиримой борьбе с его антагонистом *Ангро-Майнью*.

Многие древние представления и культы индоиранцев были систематизированы и переосмыслены *Зороастром*, став основой их новой религии. Главный источник изучения древнеиранской религии – священная книга иранцев *Авеста*. В результате многочисленных исследований выяснилось, что *Авеста* состоит из отдельных частей неодинаковой древности. Древнейшие ее части – *Гаты* – включены в основную книгу *Авесты – Ясну* (книгу гимнов и молитв) и восходят еще к древнейшей эпохе. *Зороастр* известен именно по *Гатам* – семнадцати великим гимнам, которые он сочинил. Эти гимны – не собрание поучений, а вдохновенные изречения, многие из которых обращены к богу. Они имеют древнюю поэтическую форму, отличающуюся богатством и сложностью стиля. *Гаты* написаны на древнеперсидском языке (языке *Авесты*).

Позднейшие части священной книги написаны уже на пехлевийском (среднеперсидском) языке, каким говорили в эпоху *Сасанидов* (III–VII вв. н.э.), и имеют название *Младшей Авесты*: это *Вендидад* (ритуальный кодекс иранских жрецов), *Яшт* (молитвы), *Висперед* (молитвы, обращенные к вышестоящим – «начальникам») и др. Самая поздняя часть *Авесты – Бундахишн* – легендарная история основателя религии *Заратуштры* и пророчество о конце мира. По данным исследователей, в *Авесте* содержится 21 сочинение, но не все из них сохранились [8. С. 11].

Современные зороастрийцы отмечают, что один из способов попытаться понять взаимосвязь между *Гатами* и религией – сравнить ее с отношениями между конституцией и страной. Точно так же, как конституция устанавливает рамки и принципы, по которым должна управляться страна, так и *Гаты* определяют основные системы верований, на которых основан зороастризм. Подобно конституции, *Гаты* имеют широкую основу – они говорят, что нужно делать, а не как это делать. В продолжение этой аналогии со временем законодательная власть страны разрабатывает правовую систему законов и правил для управления собой, и ни один из этих законов непосредственно не упоминается в конституции, но каждый закон должен соответствовать критерию конституционности, прежде чем он может быть применен на практике. Законы принимаются и отменяются в зависимости от социальных условий, преобладающих в данный конкретный период времени. Точно так же со временем *мобеды* разработали религиозные ритуалы и практики. Они вошли в повседневную жизнь и деятельность зороастрийцев и в конечном итоге стали частью традиции. Некоторые из этих ритуалов были изменены с течением времени, чтобы соответствовать новым условиям, но важно помнить, что все они проходят проверку на соответствие гатической доктрине [9. P. 56].

Основная идея *Авесты* – дуализм светлого и темного начал в мире, которые олицетворяются в образах духов добра и зла. То и другое олицетворяется в образах духов света и добра – *агуры*, и духов тьмы и зла – *дэвы*. Во главе светлых духов стоит *Агура-Мазда* (*Ахура-Мазда*, в греческой передаче – *Ормузд*). Ему противостоит глава духов тьмы – *Анграмайнью* (у греков *Ариман*). Его имя не упоминается в *Гатах*, оно заменено словами *дарван*, *даруж* (лжец) и впервые появляется только в гимнах *Висперед*. Оба великих духа признаются равноправными творцами всего существующего. *Ахура-Мазда* создал все светлое, чистое, разумное, полезное для людей, а *Анграмайнью*, напротив, – все злое, нечистое и вредное. Самое уникальное и важное послание, которое обозначил в *Гатах Зороастр*, касалось дихотомии между *Аша* и *Друдж*. Практически в каждом стихе он просит *Ахура-Мазду* о помощи, чтобы способствовать распространению добра в этом мире [9. P. 56].

Также пророк отметил этический аспект противостояния: он провозгласил, что главное в борьбе *Ахура-Мазды* и *Ангро-Майньи* – не их склонность к Свету или Мраку, а их принадлежность к Добру или Злу. *Зороастр* сделал *Ахура-Мазду* единственным богом, создателем Вселенной и всех живых существ, духов, людей и животных, которым этот бог предоставил свободный выбор между добром и злом, правдой и ложью [8. С. 7]. Таким образом, пророк заявил о возможности борьбы с социальным злом, в которой каждый дух и человек должен сделать свой выбор. В этой вселенской борьбе добра и зла на стороне добра выступают шесть *Амэша-Спэнта* («бессмертные святые»), абстрактные сущности, ипостаси бога, провозглашенные *Зороастром*. Это – *Воху Мана* (Благая мысль), *Арта* (Правда), *Хшатра Варья* (Лучшая власть), *Спэнта Арамати* (Святой мир), *Харватат* (Здоровье) и *Амэрэтат* (Бессмертие). Эти шесть сущностей считались соответственно покровителями скота, огня, металла, земли, воды и растений. На стороне зла, в свою очередь, выступают шесть дэвов. Все люди, согласно учению пророка, добровольно делают выбор между лагерем добра и лагерем зла. По мнению исследователей, именно эта идея о семи божествах (шесть *Амэша-Спэнта* и *Ахура-Мазда*) стала центральной во всех нововведениях пророка. В его трактовке дуализма *Ахура-Мазда* создал шесть божеств-помощников, которые, в свою очередь, вызывали к жизни остальных добрых божеств [8. С. 7].

В трактовке *Зороастра* этика стала главным элементом иранского религиозного дуализма. В *Гатах* он обратился к людям с призывом помочь благородным небесным силам в их непримиримой борьбе, став с этой целью чище, лучше, сосредоточив свои старания на том, чтобы одолеть мир зла и покончить со всякой нечистью [10]. В гимнах *Авесты* людей призывали быть доброжелательными, умеренными в помыслах и страстях, готовыми жить в мире и дружбе. Восхвалялись честность и верность, осуждались воровство, злословие, преступление. При этом основной идеей этической доктрины зороастризма, как отмечает Л.С. Васильев, был тезис о том, что истина и добро, равно как и страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы [11. С. 223–224]. *Аша* – мировой порядок – основана на логическом наборе правил, основанных на свободе мысли, воли, правах человека и выборе. В параграфе 30.2 Гат Зороастр напоминает, что человек волен выбирать путь, который он желает, используя *Воху Мана* наряду с благими мыслями, благими словами и благими делами, которые, в свою очередь, приведут его к праведности [12. P. 16–17].

Помимо этого, *Зороастр* уделил внимание совершенствованию религиозных обрядов. Так, например, вместо трех ежедневных молитв он предложил пять, включая молитву в полночь, когда силы зла особенно активны. Обряд молитвы был несложен, но требовал внимания и сосредоточенности. Следовало совершить омовение, развязать плетеный пояс *кушти*, который носили на себе все иранцы с момента инициации, и сделать им три витка в честь триады зороастрийской этики (*Благая мысль*, *Благое слово*, *Благое дело*). При этом взгляд молящегося должен был устремляться на огонь. А сама молитва сводилась к восхвалению *Ахура-Мазды* и проклятиям в адрес *Ангро-Майнью*.

Современные последователи Зороастра, например мобед М. Фирузгари, член Управляющего комитета Тегеранского Анджомана, говорят о том, что ритуалы усиливают *Гаты*, а вместе они усиливают чувственный опыт, и благодаря этим переживаниям расширяется глубина понимания и оценки [13. P. 24]. А ритуал *кушти* важен еще по той причине, что он делает зороастрийцев уникальными. Принципы «творения добра», как отмечают последователи религии, присущи не только зороастризму, они содержатся во всех других основных религиях. Но *судре* и *кушти* – это униформа зороастрийцев, она является символом идентичности и определяет принадлежность к уникальной группе [9].

Именно во время ежедневного исполнения надевания *судре* и завязывания *кушти*, произнося молитвы, зороастрийцы в наши дни, подобно Зороастру, просят *Ахура-Мазду* дать им способность творить добро, чтобы продвигать его добрые творения: «Совершая молитву *Ашем Воху*, мы обязуемся творить добро, потому что это правильно. Мы используем собственные слова Пророка, чтобы попросить *Ахура-Мазду* защитить нас от влияния зла, поэтому абсолютно необходимо, чтобы мы молились перед огнем. Мы признаем, что чистота духа неразрывно связана с чистотой тела и нашего физического окружения. Мы должны быть хранителями нашей окружающей среды и стараться гарантировать, что мы не наносим загрязнения или вреда физическим элементам, растениям и животным» [9. P. 58]. Понимая цель и значение молитв и ежедневно выполняя ритуалы, зороастрийцы, согласно их убеждениям, постигают истину – *Ашу* – и в конечном счете достигают *Фрашокерети* – Вечного мира.

Зороастр в своих реформах также актуализировал проблему жизни и смерти, которая выражалась в похоронном обряде иранцев, ритуальных очищениях, вере в загробную жизнь и развитии эсхатологических представлений религии.

Современные последователи религии определяют зороастризм как веру, полную радости. Зороастризм принимает блага как этого физического мира, так и мира будущего, и наслаждается ими. Единство и цельность, которые проповедуются религией, показывают, что духовный и материальный миры тесно связаны, поскольку оба являются частью универсального процесса гармонии, который был омрачен привнесенным злом.

Когда доброе дело восторжествует, совершенный и обновленный мир достигнет своего триумфа. Чтобы обеспечить этот триумф, требуются как труд, так и вера, которую зороастрийское духовенство на протяжении тысячелетий сохраняло главным образом в устных традициях и эзотерических церемониях [14].

Зороастрийцы отмечают, что единство, необходимое для выживания религии, наступит, когда сообщество примет один общий набор принципов, которые *Зороастр* дал человечеству. Дело не в обращении новых людей в веру, не в межконфессиональных браках и совершении *Навджота* (обращения в религию) их потомства, не в спорах о способе избавления от умершего, не в множестве бессмысленных споров, в которые вовлечено сообщество. «Что обеспечит выживание, так это единство в практике нашей религии, согласующееся с истинным знанием религиозных принципов, доступных нам, и соответствие этим принципам без навязывания или веры в непродуманные теории о нашей великой религии» – отмечает М.Н. Риветна, активный член библиотечного комитета Зороастрийской ассоциации Хьюстона и сотрудник комитета FIRES – информационного, исследовательского и образовательного подразделения FEZANA [15. P. 32]. Таким образом, будущее зороастризма основывается на единстве его приверженцев, которое требует глубокого знания основополагающих принципов религии, а не искаженных верований.

Массовая миграция зороастрийцев из Индии и Ирана началась в 1970-х гг. и первоначально была экономической миграцией в поисках лучшей жизни, которая позже превратилась в бегство от религиозных преследований после возвращения аятолл. Очень скоро этот «ручеек мигрантов превратился в бурный поток», и Северная Америка стала новым домом для значительной части зороастрийцев всего мира.

Таким образом, сами члены общин Северной Америки отмечают, что эволюционные изменения в их религии в настоящее время происходят медленно и незаметно, в то время как разрушительные изменения являются внезапными, резкими и потенциально серьезными. Миграция, особенно вынужденная, отнесена ими к последним и естественным образом вызвала ускорение темпов изменений в обычаях и традициях, поскольку от этого зависело выживание сообщества в целом [16. P. 34]. Также в Северной Америке по мере адаптации происходит смена культурных норм: «Традиции, обычаи, ритуалы и культуры – это не цепи, которые приковывают нас к прошлому, а, напротив, богатый гобелен, который окутывает и обогащает нашу жизнь. Каждая нить этого гобелена – это индивидуальная история жизни, которая меняется очень неуловимо. Каждый ряд – это новое поколение, и вместе они создают ткань нашего общего опыта, нашей развивающейся культуры, обычаев и традиций» [16. P. 34].

Консолидация древних иранских племен привела к образованию государства, которое достроило иранский этнос и подчеркнуло единообразие и культурно-религиозные племенные различия. В результате этого произошла и религиозная унификация, и в результате реформ Зороастра этническое единство было подкреплено конфессиональным. Результаты этих процессов позволяют говорить об этноконфессиональной общности зороастрийцев, которая имеет влияние и в наши дни.

На примере выделения объединения североамериканских зороастрийцев как этноконфессиональной общности в США и Канаде прослеживается завершение процесса сложения ЭКО зороастрийцев. И при этом фактором сохранения ЭКО зороастрийцев выступает самая устойчивая обрядность их семейных обрядов – похоронно-поминальная обрядность. Число же распределенных по всему миру общин показывает, что объединения зороастрийцев не ассимилируются, а, наоборот, адаптируются в современных условиях, показывая возможность проявить себя в будущем.

Список источников

1. Dastur E.S. Religious lives of parsi/irani zarathushtis (pizs) in India and abroad // FEZANA Journal. 2011. Vol. 25, № 4. P. 20–22.
2. Петренко С.П. Конфессиональная и этническая общности: философско-культурологический анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2007. 23 с.
3. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В. Проблемы этнического развития Зарубежной Азии // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 89–108.
4. Ипатов А.Н. Этноконфессиональная общность как социальное явление : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 1980. 22 с.
5. Пучков П.А. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // Советская этнография. 1973. № 5. С. 3–18.
6. Шерстова Л.И. Этноконфессиональная общность: к проблеме эволюции субэтносов // Расы и народы. М. : Наука, 1991. Вып. 21. С. 35–40.
7. Шерстова Л.И. Этноконфессиональные процессы в тюркоязычной среде Томской губернии начала XX в. // Этнорелигиозные процессы в трансграничном пространстве Западной Сибири, Казахстана и Монголии в контексте государственной политики в XX – начале XXI века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 1–35.
8. Стеблин-Каменский И.М. Предисловие // Авеста. Избранные гимны ; Из Видевдата. М. : Дружба народов, 1993. С. 3–12.
9. Manekshaw S.J.H. The Gathas and our daily prayers // FEZANA Journal. 2003. Vol. 16, № 2. P. 55–58.
10. Харитонова В.Д. Смерть в контексте дуализма в зороастрийской религиозной традиции // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 7–8 фев. 2012 г. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2012. Ч. I: История идей и история общества. Отечественная история. С. 483–485.
11. Васильев Л.С. История религий Востока. М. : КДУ, 2006. 702 с.
12. Shroff H. Zoroastrian family values and culture in the diaspora // FEZANA Journal. 2015. Vol. 29, № 2. P. 16–17.
13. Firouzgary M. The zarathushti symbiosis: gathas and rituals: op-ed article // FEZANA Journal. 2014. Vol. 27, № 4. P. 24.
14. Cama Sh. Sacred Armour: Ritual Garments of the Parsi Zoroastrians // Parzor Foundation. New Delhi, [s.d.]. URL: https://www.unescoparzor.com/articles-a-c/ritual-garment-parsi (access date: 22.06.2023).
15. Rivetna M.N. A house divided... // FEZANA Journal. 2019. Vol. 33, № 4. P. 27–32.
16. Tamboly A. North America, the next chapter in the zoroastrian history // FEZANA Journal. 2017. Vol. 31, № 1. P. 34–35.

References

1. Dastur, E.S. (2011) Religious lives of parsi/irani zarathushtis (pizs) in India and abroad. *FEZANA Journal*. 25(4). pp. 20–22.
2. Petrenko, S.P. (2007) *Konfessional'naya i etnicheskaya obshchnosti: filosofsko-kul'turologicheskiy analiz* [Confessional and Ethnic Communities: A Philosophical and Cultural Analysis]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
3. Bruk, S.I., Cheboksarov, N.N. & Chesnov, Ya.V. (1969) Problemy etnicheskogo razvitiya Zarubezhnoy Azii [Problems of Ethnic Development in Foreign Asia]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 89–108.
4. Ipatov, A.N. (1980) *Etnokonfessional'naya obshchnost' kak sotsial'noe yavlenie* [Ethno-Confessional Community as a Social Phenomenon]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
5. Puchkov, P.A. (1973) O sootnoshenii konfessional'noy i etnicheskoy obshchnostey [On the Correlation of Confessional and Ethnic Communities]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 3–18.
6. Sherstova, L.I. (1991) Etnokonfessional'naya obshchnost': k probleme evolyutsii subetnosov [Ethno-Confessional Community: On the Problem of Sub-Ethnos Evolution]. *Rasy i narody*. 21. pp. 35–40.
7. Sherstova, L.I. (2019) Etnokonfessional'nye protsessy v tyurkoyazychnoy srede Tomskoy gubernii nachala XX v. [Ethno-Confessional Processes in the Turkic-Speaking Environment of the Tomsk Governorate in the Early 20th Century]. In: *Etnoreligioznye protsessy v transgranichnom prostranstve Zapadnoy Sibiri, Kazakhstana i Mongolii v kontekste gosudarstvennoy politiki v XX – nachale XXI veka* [Ethno-Religious Processes in the Transboundary Space of Western Siberia, Kazakhstan and Mongolia in the Context of State Policy in the 20th – Early 21st Century]. Barnaul: Altai State University. pp. 1–35.
8. Steblin-Kamenskiy, I.M. (1993) Predislovie [Preface]. In: *Avesta. Izbrannye gimny; Iz Videvdata* [Avesta. Selected Hymns; From the Videvdad]. Moscow: Druzhba narodov. pp. 3–12.
9. Manekshaw, S.J.H. (2003) The Gathas and our daily prayers. *FEZANA Journal*. 16(2). pp. 55–58.
10. Kharitonova, V.D. (2012) Smert' v kontekste dualizma v zoroastriyskoy religioznoy traditsii [Death in the Context of Dualism in the Zoroastrian Religious Tradition]. In: *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects]. Proc. of the All-Russian Conference. Nizhnevartovsk, February 7–8, 2012. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 483–485.
11. Vasiliev, L.S. (2006) *Istoriya religiy Vostoka* [History of Eastern Religions]. Moscow: KDU.
12. Shroff, H. (2015) Zoroastrian family values and culture in the diaspora. *FEZANA Journal*. 29(2). pp. 16–17.
13. Firouzgary, M. (2014) The zarathushti symbiosis: gathas and rituals: op-ed article. *FEZANA Journal*. 27(4). p. 24.
14. Cama, Sh. (n.d.) *Sacred Armour: Ritual Garments of the Parsi Zoroastrians*. Parzor Foundation. New Delhi. [Online] Available from: https://www.unescoparzor.com/ articles-a-c/ritual-garment-parsi (Accessed: 22nd June 2023).
15. Rivetna, M.N. (2019) A house divided... *FEZANA Journal*. 33(4). pp. 27–32.
16. Tamboly, A. (2017) North America, the next chapter in the zoroastrian history. *FEZANA Journal*. 31(1). pp. 34–35.

***Сведения об авторе*:**
Шуберт Вероника Дмитриевна – заведующая отделом обслуживания Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Schubert Veronika D. – Head of Service department, Research library, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 11.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья
УДК 93:378(571.16)
doi: 10.17223/19988613/98/21

АСУ народным хозяйством Томской области: позднесоветская вузовская технократия в поисках выхода за рамки системных ограничений

Антон Геннадьевич Костерев

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, antonkosterev@rambler.ru

Аннотация. Раскрывается социально-культурный контекст проблемы автоматизации управления экономикой в послевоенном СССР. Обозначаются две его ведущие составляющие – образ кибернетики и доктрина научно-технической революции. На примере АСУ народным хозяйством Томской области подобные проекты трактуются как проявление специфического советского технократизма, границы и содержание которого во многом были обусловлены двумя указанными доминантами. Команда проектировщиков томской АСУ рассматривается в качестве представителей отдельной подгруппы – вузовской технократии, особенности которой иллюстрируются рядом научно-биографических примеров.
Ключевые слова: автоматизированные системы управления, кибернетика, научно-техническая революция, технократизм, Томск

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2024-0014.

Для цитирования: Костерев А.Г. АСУ народным хозяйством Томской области: позднесоветская вузовская технократия в поисках выхода за рамки системных ограничений // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 173–183. doi: 10.17223/19988613/98/21

Original article

Automated control system of the economy of Tomsk region: late Soviet university technocracy in search of a way out of the systemic limitations

Anton G. Kosterev

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, antonkosterev@rambler.ru

Abstract. The example of the project to create an automated management system for the economy of Tomsk Oblast is used to examine two key plots of the post-war official intellectual history of the USSR that determined the late Soviet version of technocracy: the transformation of the image of cybernetics and the formation of the doctrine of the scientific and technological revolution. The goal was to identify specific socio-, cultural-historical circumstances that determined the technocratic essence of such projects, as well as the features of the Tomsk university technocracy that pushed it to find ways to overcome the organizational barriers of the Soviet system. The corpus of sources used is represented primarily by official party and government documents and publications and memoirs of the participants in the ACS project for Tomsk Oblast and their colleagues. The main attention is paid to the genesis of Soviet technocracy, based on the development of engineering education in the USSR and the growth of its importance in the first post-war decades. All this was superimposed on narratives about cybernetics and the scientific and technological revolution, which became the basis for the growth of technocratic sentiments and corresponding socio-professional attitudes. The ways and forms of technocratization of Tomsk cybernetics as a derivative of the local scientific school of radiophysics are linked to the participation of local ACS designers in the development of military radar systems and the directorial experience of their leader F.I. Peregudov in automating the management of a large defense enterprise. The formation of a specific cybernetic discourse in the USSR in the 1950s and 1960s is recorded, the leading form of practical application of which was the automation of production and management processes. The promotion of the ACS theme was a relevant way of integrating the technical intelligentsia into the distributing hierarchies of the Soviet administrative market. This was one of the main forms of manifestation and implementation of the Soviet version of technocracy. At the same time, by the beginning

© А.Г. Костерев, 2025

of the 1970s, cybernetics found itself inscribed in a much broader context of the scientific and technological revolution, which contributed to the final formulation of cybernetics as a universal means of solving management problems in the Soviet system. As a result, conclusions are made that the architects of the ACS were unable to go beyond the systemic limitations imposed by the Soviet project, proposing an exit option comparable to it in scale. The reasons for this were the secondary nature of the Soviet technocracy in relation to the partyocracy, the dogmatic nature of its thinking and the limitations of social imagination by the parameters of the adopted development model.
Keywords: automated control systems, cybernetics, scientific and technological revolution, technocracy, Tomsk

Acknowledgements: The work is funded within the framework of the basic part of the state task “Science” FEWM-2024-0014.

For citation: Kosterev, A.G. (2025) Automated control system of the economy of Tomsk region: late Soviet university technocracy in search of a way out of the systemic limitations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 173–183. doi: 10.17223/19988613/98/21

В начале 1970-х гг. группа томских вузовских ученых, имея лидером выдающегося организатора науки Ф.И. Перегудова и заручившись содействием первого секретаря Томского обкома Е.К. Лигачёва, инициировала проект создания автоматизированной системы управления народным хозяйством Томской области – один из первых проектов АСУ территориальными хозяйственными комплексами в стране и один из немногих, реально работавших. Это был уникальный пример попытки решения задачи государственного масштаба непосредственно на периферии, осуществленной не только и не столько руководящей волей из центра, но ставшей возможной, прежде всего, благодаря эффективной аккумуляции ограниченного набора местных ресурсов (научный потенциал Томска, личные и деловые качества лидеров томской науки, особенности их взаимоотношений с властями).

С другой стороны, это же – весьма иллюстративный пример реального функционирования советской техноструктуры, ибо проект АСУ Томской области (так же как и другие, гораздо более широко известные проекты систем автоматизированного управления советской экономикой – ЕГСВЦ А.И. Китова, ОГАС В.М. Глушкова, СОФЭ Н.П. Федоренко) был не чем иным, как технократическим ответом на пресловутые «вызовы времени». Рассмотрение этого сюжета может приблизить к пониманию причин неспособности советской технократии превозмочь системные ограничения породивших ее обстоятельств, – вскрытие через это особенностей советского технологического модерна позволит по-новому взглянуть на проблему обреченности самого советского культурно-идеологического мегапроекта в целом.

Новизна поднимаемой проблемы кроется уже в самой ее формулировке: периферийная технократия, представленная лидерами вузовской науки, как фактор управления развитием на стыке эпох (технологических укладов). История возникновения проекта АСУ Томской области и организации работ по ее разработке до сих пор, как это ни странно, все еще является исследовательской лакуной, без заполнения которой представляется невозможным в должной мере уяснить отечественную специфику (в данном случае – региональную) исторического транзита.

Фокус на технократизме как факторе возникновения проекта АСУ хозяйством Томской области требует ряда предварительных оговорок и пояснений с целью операционализации самой категории «технократизм / технократия» относительно позднесоветских реалий. Здесь сразу же стоит разграничить советский технократизм и постсоветскую социальную инженерию, отмежевавшись от маркирующего ее ныне в публичном пространстве одноименного штампа. Контекстуальная обусловленность специфики объекта исследования предусматривает классический ракурс, свободный от размывающих первоначальные смыслы современных наслоений.

Из всего множества уже успевших устояться вариаций трактовок данного термина наиболее подходящим представляется подход, рассматривающий технократизм в качестве ключевого элемента механизма сопряжения и обратной связи между государственным управлением и научно-технической деятельностью [1]. Применительно к нашим пространственно-хронологическим координатам сам этот механизм приводился в действие посредством главного кадрового ресурса советского технологического модерна – научно-технической интеллигенции. Именно эту социальную группу (в лице ее вузовского сегмента) в контексте ее взаимоотношений с советской партгосноменклатурой и вовлеченности в процессы управления и предлагается расположить в центре исследования, призванного выявить технократическую сущность проекта АСУ Томской области и определить степень ее влияния на решение о его реализации.

В перспективе полученные на эти вопросы ответы позволят по-новому сориентироваться в более широком проблемном поле соотношения дефиниций «технократия» и «технократизм» внутри советской политической и социально-экономической действительности. Нет нужды подробно останавливаться на том, что в любом случае одно будет производным от другого, однако до сих пор все еще дискуссионно емким остается вопрос о том, что именно из этого было (и было ли вообще) первичным, а что вторичным в советской модели управления.

Далее, отправляясь от принятого понимания технократизма, следует уточнить, что под технократией будет иметься в виду не только и не столько форма власти, сколько особая социоментальная группа, характеризующаяся агрегированным показателем качества социальной рефлексии при принятии профессиональных решений. В рамках такой репрезентации позднесоветская вузовская технократия будет раскрываться через системную совокупность своих целей (самоощущение, мировоззрение и позиционирование) и средств (содер-

жание управленческих решений и механика процессов их принятия с той или иной долей ее участия).

Концентрируясь на представителях вузовского научно-педагогического сообщества как репрезентативной части советской технократии, признаем при этом ее внутреннюю неоднородность, что делает целесообразным придерживаться расширительного ее толкования. В ряды обозначенной группы входили не только собственно «технократы» (члены научной корпорации и инженерного корпуса, интегрированные во власть), но и «технобюрократы» (профессиональные чиновники разного уровня, получившие, как правило, инженерное образование и имевшие то или иное отношение к социально значимым технологиям, – Л.И. Брежнев имел квалификацию инженера-металлурга). Различение этих двух составляющих советской технократии и одновременно уяснение ее двуединой сущности будет отражать социально-функциональную роль советского извода технократизма: являвшаяся его основным носителем прослойка научно-технической интеллигенции использовалась правящей партией для формирования утилитарно значимой и подконтрольной ей технобюрократии, в свою очередь, интенционально стремившейся получить и расширить доступ к политической власти. Эта внутренняя сегментация видится тем более продуктивной, что она хорошо накладывается на предмет исследования, на примере АСУ Томской области высвечивая под нужным углом интересующие нас характерные типажи вузовских технократов из группы Ф.И. Перегудова и их «патрона» Е.К. Лигачёва – номенклатурного технобюрократа (инженера-авиастроителя по образованию).

Формулировка решаемой проблемы диктует необходимость обращения еще и к такой субгруппе, как региональная технократия. Будучи частью местных элит, она выступала при этом самостоятельным социальным актором, главной особенностью которого было наличие относительно четко структурированных представлений о своей роли (миссии) в обществе и соответствующих определенным образом выраженных корпоративных интересов. Основной отличительной чертой и, соответственно, доводом в пользу выделения ее в особую подгруппу советской технократии являлось более тесное переплетение до степени смешения внутри нее собственно технократов с технобюрократами: наличие высшего технического или естественнонаучного образования на периферии достаточно долго могло служить пропуском в управленческую деятельность (начиная от хозяйственной и вплоть до занятия государственных или даже партийных должностей).

Тем самым инкорпорированная во власть в качестве технобюрократии периферийная технократия стала одним из факторов позднесоветского внутриэлитного разлома, а затем и противостояния между центральной (ведомственной) и местной бюрократией. В нашем случае эта специфика региональной технократии иллюстрируется фигурами Е.К. Лигачёва и Ф.И. Перегудова на примере как минимум двух связанных между собой, как видится, сюжетов: поддержки новоиспеченным первым секретарем обкома директора радиотехнического завода в его конфликте с ведомственным руководством во времена раннего застоя [2] и последовавшего спустя два десятка лет уже на волне перестройки привлечения только что избранным секретарем ЦК КПСС вслед за собою в столицу ректора ТИАСУРа в кресло заместителя министра [3].

На местах технократизация происходила как раз в период 1950–1970-х гг., совпадая с этапом становления кибернетики и осуществляясь в результате завершавшихся процессов регионализации научно-образовательного потенциала путем расширения периферийной сети инженерных вузов, политехнических и научно-исследовательских институтов, что приводило к устойчивому наращиванию слоя инженерно-технических работников. Эти тенденции достаточно быстро закладывали кадровое ядро советской техноструктуры (по Дж. К. Гэлбрейту), формируя у его представителей не менее устойчиво растущий запрос на занятие руководящих должностей, что задавало необходимый минимум условий для генезиса технократии. Социальная механика это процесса заключалась в том, что «политехнизация» правящего номенклатурного сословия (увеличение в нем удельного веса носителей высшего политехнического образования) постепенно оборачивалась качественными изменениями его ценностно-целевых ориентаций в сторону все большей деидеологизации и прагматичного рационализма, неизбежно проецируемых на сферу управления. Неслучайно, что опытно-экспериментальным полем для внедрения информационных технологий и АСУ традиционно служила региональная экономика продвинутой периферии (Прибалтика, Украина, Урал и Западная Сибирь).

Отсюда будут видны социальные рамки объекта исследования – технократии «развитого социализма», включавшей в себя и часть верхушки партноменклатуры, и администраторов от академической, отраслевой и вузовской науки, и пресловутых «крепких хозяйственников», выдвинувшихся из рядов директорского корпуса. Совокупно их можно рассматривать в качестве техноструктуры по отношению к советскому социально-экономическому организму как условной корпорации. Задействование этого понятия позволит привлечь гэлбрейтовский конвергирующий индустриализм к раскрытию корпоративного по своей сути устройства СССР [4].

Все вместе же эти исходные посылы и станут отправной точкой в попытках воссоздания того, как советские носители технократических установок вступали во взаимодействие с уже сложившейся в СССР системой управления, в результате которого возникали такие артефакты технологического модерна, как АСУ экономикой регионального масштаба. Приоритетом при этом будет вскрытие тех социально-исторических обстоятельств, что сделали это взаимодействие возможным.

Отталкиваться в освещении этих обстоятельств можно от внутренней градации совокупности значимых контекстуальных переменных, предустанавливавших технократическую модальность периферийных кибернетических практик. В зависимости от глубины своего влияния на объект их можно структурировать, располо-

жив на двух ярусах – условно первого и второго порядков. К первому будут относиться социально значимые аспекты профессиональной специализации в области кибернетики, ко второму – общекультурные детерминанты, задававшиеся соответствующими параметрами научно-технического, педагогического и социально-политического дискурсов, определявшихся, в свою очередь, метанарративом «научно-технического прогресса» и «научно-технической революции». В данной модели оба этих яруса будут связаны пронизывающими их осями ситуационных и бытийственных измерений, отражающих как физическую и социальную локализацию объекта, так и существенные в этом отношении факты личных научных биографий.

Говоря о феномене советской кибернетики как об особом факте и факторе общественного сознания, оказывавшем если и не определяющее, то уж точно значительное влияние на формирование умонастроений профильной интеллигенции в рассматриваемый период, видится напрасным лишний раз подробно касаться вопроса о превратностях судьбы советской кибернетики, как уже до этого отмечалось, во многом мифологизированной уже в постсоветский период. Ставший с перестроечных времен общим местом тезис о кибернетике как о репрессированной на пару с генетикой науке за последовавшие годы уже был пересмотрен, уступив место гораздо более взвешенным оценкам. Приводимые же его тогдашними и оставшимися сегодня сторонниками доводы со ссылками на философско-публицистические инвективы и словарные статьи первой половины 1950-х гг., клеймившие кибернетику как лже- и псевдонауку, явно недостаточны для того, чтобы всерьез судить о целенаправленной кампании по разгрому именно этого направления (особенно если учесть, что и отдельного кибернетического направления как такового тогда еще не существовало). Единственное, что здесь имеет значение для дальнейших теоретических построений, – кибернетика разоблачалась как разновидность характерной для империалистической стадии капитализма технократической теории.

Скорее всего, ознакомление с кибернетическими идеями сопровождалось своеобразной превентивно-профилактической прививкой в духе прочих «оздоровительных» мероприятий, проводившихся в советской науке позднесталинской поры. Можно также предположить, что она определялась логикой инерции борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом». Другое дело, что надо признать и необходимость поправки на время, дабы понять, как все это ощущалось реальными и потенциальными симпатизантами нового веяния в атмосфере «мрачного семилетья» 1945–1953 гг. и сразу после него.

Частично ответить на этот вопрос может уже сама история становления томской кибернетики. Ее начало непосредственно связано с культовой для Томска и одиозной для Москвы персоной В.Н. Кессениха [5], с ведома и при поддержке которого в стенах местного университета уже в 1955 г. сложился кибернетический кружок, куда вошли и те, кто уже до этого занимался данной темой. Уже сам этот факт прямо свидетельствует о том, что поднаторевший в тактике и технике активного участия и организации идеологических кампаний разного уровня и формата (до войны на периферии и после нее в центре) и потому всегда чутко улавливавший сигналы власти декан радиофизического факультета не видел в этом увлечении сколько-нибудь серьезной опасности ни для себя, ни для своих подопечных, тем паче что накануне, только что вернувшись из столицы в 1953 г., он вновь принялся крушить «физический идеализм», разоблачая его в теории относительности [6]. Его ученикам, конечно же, приходилось, по выражению Ф.П. Тарасенко, «врать», не называя свои упражнения кибернетикой, но, как видится, продиктовано это было не страхом за собственную судьбу, а стремлением обозначить приоритет сферы своих научных интересов [7. С. 21].

Во многом ламентации о советской кибернетике, начавшиеся на излете СССР, явились производным эффектом от специфики именно советского восприятия этой области знания и результатом краха возлагавшихся на нее надежд, о чем речь пойдет ниже.

Точно так же нет смысла отдельно останавливаться на уже достаточно полно освещенных историях проектов ЕГСВЦ А.И. Китова, ОГАС В.М. Глушкова и СОФЭ Н.П. Федоренко. Отметим лишь, что сюжет АСУ Томской области разворачивался на фоне безуспешных усилий представителей научного центра по совершенствованию плановой системы управления советской экономикой путем ее математического моделирования и автоматизации. Все вместе это следует расценивать как попытки советской техноструктуры организовать прорыв из тупика экстенсивной модели индустриализма в постиндустриальное измерение.

Кибернетика в данном разрезе была не просто новой отраслью науки, – она была одним из значимых символов эпохи оттепели, рисуясь в образе некоей метанауки, способной объединить различные области знания (равно как и знание фундаментальное и прикладное) методами прогнозируемого информационного управления. Надо заметить, что границы ее при этом определялись весьма нечетко. Популяризация кибернетики, будучи обусловленной привлечением ее для решения сначала военных, а затем и экономических задач, поставленных пробуксовыванием совнархозной реформы, началась с середины 1950-х гг., когда развитие этого направления стали увязывать с перспективами использования ЭВМ для автоматизации управления народным хозяйством, и уже к началу 1960-х данный образ был растиражирован как непосредственно в самих научных и властных, так и в более широких интеллигентских кругах.

Апофеозом же реабилитации кибернетики стали ее мобилизация под коммунистические знамена [8] и провозглашение одним из основных средств начавшегося построения коммунизма [9. С. 71]. Системный вокабуляр этого вящего знания завтрашнего дня обещал дать в руки советскому социально-экономическому планированию высокоэффективные научные инструменты подлинно марксистского управления общественным развитием. Очевидно, кибернетика рассматривалась внешним по отношению к самому советскому проекту средством его реализации (методология «волшебной

палочки»). Закономерный парадокс при этом состоял в том, что этим «чудо-орудием» победы коммунизма должна была стать именно советская кибернетика, порожденная ничем иным как передовым советским строем, оставляя без ответа вопрос совместимости кибернетического духа освобождающей децентрализации и обратной связи с традиционными управленческими иерархиями советской системы, отказываться от которых и не думали ее капитаны.

Активное вовлечение в оборот официальной риторики еще совсем недавно откровенно маргинального направления объективно делало его важнейшей частью властного дискурса, столь же объективно при этом пробуждая властные функции науки и закладывая тем самым основы уже собственно особого рода кибернетического дискурса как ведущей формы воплощения советского технократизма (в своем самом широком смысле кибернетика была синонимична реформе управления, созданию альтернативной ее системы). Молодые томские радиофизики, буквально вчера изощрявшиеся в оправдании своих еретических опытов на философских диспутах под началом опытного схоласта В.Н. Кессениха, назавтра уже оказались на переднем крае самой актуальной науки.

Здесь стоит напомнить, что их увлечение кибернетикой с самого начала было обращено в практическую плоскость разработок по стратегически важной радиолокационной тематике, что уже тогда роднило их со своим будущим лидером Ф.И. Перегудовым, еще не занимавшимся кибернетикой, но в те же самые годы организовывавшим «военизированные» полигонные испытания сложных радиотехнических систем такого же назначения [10. С. 83]. Участие в этих проектах, вне всяких сомнений, стало самой настоящей точкой сборки для создателей АСУ Томской области, которая, в свою очередь, в каком-то смысле выступила закономерным продолжением того, чем они занимались на заре своей научной карьеры.

Разумеется, все это само по себе не могло не оказать огромного влияния на самовосприятие соратников Ф.И. Перегудова, – тогдашние кибернетики представали носителями сокровенного знания, открывавшего дверь в будущее, а значит, выступали в массовом восприятии не просто сопричастными к тайнам грядущего, но непосредственными его творцами.

Свою особую роль в плане технократизации томской кибернетики сыграло и то, что подавляющее большинство ее здешних пионеров являлось не сконцентрированными на проблемах вычислений математиками, а именно радиофизиками, с самого начала вынужденно совмещавшими самостоятельную разработку и конструирование дефицитных вычислительных устройств с освоением прикладных аспектов теории информации и управления. Судя по всему, именно это обстоятельство и определило их понимание полидисциплинарности кибернетики относительно не только ее истоков, но и сфер практического приложения, что придавало ей в их глазах парадигмальный статус, по умолчанию предусматривавший принципиальную применимость к решению социально-экономических задач в той же степени, что и технических.

Отсюда родом и определявшая их отличительная черта, отражавшая саму суть социально-философского феномена советской кибернетики, – объединение собственно кибернетики и вычислительной техники мыслью об использовании возможностей ЭВМ для управления общественными процессами. Видится вполне вероятным, что на формирование подобного рода взглядов оказали свою долю влияния и особенности философской школы Томского университета, заложенные ее основателем П.В. Копниным, занимавшимся не только отстаиванием принципа партийности в советской физической науке в творческом дуэте с корифеем сибирской физики твердого тела В.Д. Кузнецовым [11. С. 142], но и вопросами гносеологии науки и в ее пределах не чуравшимся кибернетической проблематики [12], в чем с ним, кстати сказать, пересекался единственный философ из «группы Перегудова» В.Н. Сагатовский.

Все это объясняет и последовавшее совместное погружение двух Феликсов – Перегудова и Тарасенко-старшего – в проблематику системного анализа, который должен был занять место центрального теоретического ядра новоявленной кибернетической парадигмы: соединение холистичности и телеологизма теории систем с притязавшей на открытие универсальных законов управления процессами целенаправленного и самоконтролируемого поведения кибернетикой становилось методологией и идеологией технократизма. Она в конечном счете сводилась к идее детерминированности и потому принципиально возможной управляемости развитием сложных систем.

Вышло так, что ведущей формой реализации потенциала кибернетики в СССР стала автоматизация процессов производства и управления, преследовавшая заветную цель повысить их эффективность, – автоматизация расценивалась как политически стерильная панацея для управления усложнившейся экономикой. Однако очередной парадокс крылся в том, что любые проблемы управления для коммунистов-ленинцев – это политические проблемы: уже успевший явочным порядком сложиться способ адаптации к этой сложности в виде административного рынка «экономики согласований» [13] препятствовал той самой, как мыслилось, более эффективной автоматизации.

Между тем это не помешало появлению по всей стране на крупных предприятиях и в учреждениях множества АСУ и приданных им вычислительных центров (массовым явлением они стали по результатам «золотой» пятилетки 1966–1970 гг.). Единой общегосударственной их сети, как известно, в силу все той же самой ведомственности так и не было создано, что только способствовало оригинальности появлявшихся на местах образцов вроде того, что еще до реализации проекта АСУ Томской области разработал и осуществил на вверенном ему предприятии Ф.И. Перегудов [14]. Отталкиваясь от своего пионерного в Томске опыта управления конструкторским бюро на принципах системотехники и сетевого планирования (советской адаптации американской системы PERT – метода планирования на основе оптимальной логической схемы процесса, перенятого им в числе первых от классика отечественного системного анализа С.П. Никанорова [15]),

он перешел к автоматизации управления радиотехническим заводом почти одновременно с запуском первых в стране АСУП Львовского телевизионного и Кунцевского механического заводов [16].

В развитие этого тезиса можно привести следующее соображение. Представления Ф.И. Перегудова о кибернетике как о функции, производной от феномена управления, явно шли в русле воззрений А.С. Бира. Можно предположить, что томский кибернетик был знаком с переводом первой крупной работы своего британского коллеги [17], но при этом навряд ли был наслышан о его эксперименте по созданию сетевой системы управления экономикой альендевского Чили, замалчивавшемся в СССР. В любом случае выглядит весьма примечательным, что низовая кибернетическая инициатива директора провинциального советского завода, сразу же вызвавшая трения с управляющим центром, столь же явно перекликалась с откровенно антибюрократической миссией бировского Cybersyn, вдохновленного идеями обратной связи и устранения избыточных посредников. Приведенная параллель – симптоматика технократизма, имманентного технической кибернетике безотносительно того, где, на каких уровнях и в каких масштабах она исповедуется и практикуется.

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать складывание в 1950–1960-х гг. в СССР специфического кибернетического дискурса как неотъемлемой части большого мифа о науке той эпохи, в равной мере характерного для стран как первого, так и второго мира. В данном дискурсивном поле кибернетика романтизировалась в качестве чудодейственного средства, революционизирующего развитие всех сфер общественных отношений. Конкретно советская ее ипостась конструировалась вокруг автоматизации как инструмента координации сигналов управляющего контура «экономики согласований». В этом качестве она была сродни симпатической магии, и таковое ее восприятие позволяет трактовать себя примером рецидива магического мышления – одним из первых в поздней современности.

Принципиальное значение при этом имеет то, что для советской организационной культуры в целом и инжиниринга в частности кибернетика явилась очередным некритически воспринятым продуктом систематически изобличавшейся, но при этом тайком жадно впитывавшейся западной мысли. После ритуального поругания инверсивно поднятая на щит в СССР в прочтении неопозитивистского структурализма как универсальная наука управления, на своей родине кибернетика, толковавшаяся с бóльшим креном в сторону вычислений, достаточно быстро вышла из широкого употребления и позабылась, сначала уступив место вполне конкретной науке об автоматических и автоматизированных системах управления (control systems), а затем будучи окончательно вытесненной информатикой и computer science.

Подстегиваемое властью массовое увлечение кибернетикой в попытках построить киберкоммунизм несло в себе все квалифицирующие признаки советской кампанейщины. Со своей стороны не преминули воспользоваться широко открытым окном возможностей и представители научно-инженерного сообщества, ставшие активно эксплуатировать столь востребованную тему, со временем породив на этом субкультуру КБ и НИИ как часть советской контркультуры. Член «группы Перегудова» Б.А. Гладких спустя годы вспоминал: «Вокруг АСУ было много шумихи и околонаучного авантюризма» [18], – техническая интеллигенция пыталась тем самым встроиться в иерархии административного рынка, задействовав кибернетику проводником технократизма.

Советская кибернетика как явление стала своеобразным ответом советской системы на собственные структурные ограничения, препятствовавшие ее дальнейшему развитию, в то время как сам этот ответ наталкивался на ограничители уже системного характера: политические сменялись техническими, что, в свой черед, индуцировало технократические изыскания в «метафизике» управления по примеру программно-целевого планирования и прочих опытов.

Наряду с этим советская кибернетика была прочно вписана в гораздо более широкий контекст «научно-технической революции», плотно окутывавший перспективы развития страны, намечавшиеся в то время.

Концепт «научно-технической революции» стал одним из идейных продуктов перцепции ценностей модерна и «переваривания» советско-российской культурной матрицей первых ощутимых результатов его технико-технологических практик. Соответственно, его содержание было опосредовано системными параметрами советского технологического модерна как социально-культурного феномена. Надо помнить о том, что догоняющий характер отечественного модернизационного опыта обусловливал ситуацию импортирования актуальных (но не авангардных) организационно-технических форм, уже успевших продемонстрировать свою практическую эффективность, при том что собственных оригинальных управленческих технологий так и не появилось вплоть до советского этапа, сделавшего возможным не только их появление, но и, что самое главное, применение – от программно-целевого и балансового методов до АСУ. Взаимодействие этих форм с местной средой определяло траекторию дальнейшей социокультурной эволюции. Советский модернизационный рывок своим результатом имел высокоразвитое индустриальное общество модерного типа, принципиально отличавшееся от своего западного аналога характером социально-экономических и политических отношений, но сопоставимое с ним в плане категорий восприятия и способов прочтения и интерпретации порожденных индустриализмом культурных реалий [19].

Теоретическая конструкция «научно-технической революции» активно разрабатывалась в СССР в противовес различным «буржуазным» теориям технократизма, комментировавшим, в частности, процессы перехода к постиндустриальной фазе общественного развития (работы тех же Дж.К. Гэлбрейта и Д. Белла имели ограниченный характер хождения в Советском Союзе, а сам технократизм вообще регулярно третировался как одно из направлений «буржуазной философии»). Суть ее сводилась к попытке увязать соци-

альный прогресс с достижениями науки и техники. В этом отношении она досталась в наследство от классиков марксизма, рассматривавших прогресс машинной техники одной из главных движущих сил социальных изменений. Между тем парадокс заключался в том, что сама по себе она стала порождением специфичной формы уже собственно советской версии технократизма [20], отражавшей универсальность действия закономерностей индустриализма.

Активно разрабатываться эта концепция начала с конца 1960-х гг., но ее ментальные предпосылки сложились уже на рубеже 1950–1960-х гг., когда успехи в наукоемких отраслях советской техники (в том числе бурное развитие радиоэлектроники как прикладной области радиофизики и «второе пришествие» кибернетики на фоне актуализации проблем автоматизированного управления в советском экономическом дискурсе) сформировали почву для осознания необходимости концептуализации этих тенденций и их результатов. Поначалу, делая все больший акцент на резко возросшей в движении страны вперед роли науки и техники, партийно-государственное руководство по идеологическим соображениям старалось избегать слова «революция», поэтому муссировалась тема «научно-технического прогресса», но уже тогда это запустит технократическую по духу риторику о научном управлении обществом.

Провозглашенная тогда же Н.С. Хрущёвым политика мирного сосуществования отнюдь не означала примирения буржуазной и социалистической идеологий, но, напротив, переводила их противостояние в новую плоскость – социально-экономического соревнования, исход которого во многом должен был определиться решающим словом научного, технического и технологического первенства. В развитие этого тезиса чуть позже стартовало «развернутое строительство коммунизма», обоснованное в рамках очередной партийной программы, включившей в себя пассажи уже о «научно-технической революции» [9. С. 27–28] (превалировал в ней все же пока еще мотив «научно-технического прогресса»).

Последовавший вскоре фактический отказ от него привел к выработке концепции «развитого», или «зрелого», социализма, на платформе которой и произошло оформление (в предельно размытых чертах, что далеко не случайно было свойственно и представлениям о кибернетике и ее возможностях) доктрины НТР, участившее артикуляцию этой понятийной конструкции. Обеспечить ее практическую реализацию была призвана разработанная в 1972 г. официальная «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий» [21].

Показательно, что этому предшествовало прекращение по решению свыше деятельности Советской ассоциации научного прогнозирования – профессионального объединения, созданного в целях координирования усилий по выработке средств управления научно-техническим и социально-экономическим развитием и просуществовавшего всего три года (1968–1971) [22. С. 98–119]. Это была исторически первая попытка со стороны советской технократии организовать инновационный менеджмент, зиждившаяся на сугубо технократической же вере в управляемость развития. Но подобного рода технократическая самодеятельность в силу своей бесконтрольности вызывала серьезные опасения в верхах и потому была быстро пресечена, из чего следует важнейшая, пожалуй, отличительная черта советского технократизма – технократия здесь неизменно была вторичной по отношению к партократии.

Теория НТР предназначалась для внутреннего потребления, наделяя советский строй свойством непротиворечивости социального и технического развития, неизбежно приведущим к коммунизму. Основная цель ее заключалась в выработке научных оснований управления развитием (еще одна чисто технократическая стилевая черта), которые бы позволили на этапе «развитого социализма» наиболее полно соединить его экономико-структурные преимущества с технико-технологическими достижениями современности. При этом кибернетика и «автоматизация развивающихся систем» обозначались не иначе как одной из пяти составляющих теоретического ядра НТР наряду с физикой, химией, биологией и космологией [23. С. 46]. И даже более того – автоматизация производства и управления им сама по себе рассматривалась то в виде критерия сущности НТР как таковой и, соответственно, точки отсчета ее начала [24. С. 9], то в качестве ее генерального направления [25. С. 14]. Точно так же, как в принятой партийной программе, она выступала и средством создания материально-технической базы коммунизма, и одновременно, стирая грани между физическим и умственным трудом, мерой его приближения [9. С. 75]. Само возникновение проекта АСУ Томской области в начале 1970-х гг. было вполне в духе директив очередного съезда по пятилетке 1971–1975 гг., обязывавших «развернуть работы по созданию и внедрению автоматизированных систем планирования и управления отраслями, территориальными организациями, объединениями, предприятиями…» [26. С. 415–416].

Именно плановая модель социально-экономического развития и была естественной зоной ответственности советских технократов. Особое же место здесь именно региональной технократии, в рассматриваемом нами случае инициировавшей автоматизацию управления местным хозяйственным комплексом, крылось в том, что в схемах территориального планирования собственно территория вместе со всем на ней находящимся играла роль единственной объективной экономической реальности. Этот аспект прекрасно демонстрируется уже приводившимся ранее эпизодом столкновения директорствовавшего Ф.И. Перегудова с Министерством оборонной промышленности по поводу завышенных плановых показателей.

Так или иначе, в уже оформившемся метанарративе НТР кибернетика рисовалась двигателем научно-технического прогресса и краеугольным камнем складывавшегося под его воздействием нового жизненного уклада. Столь присущая советской традиции фетишизация техники (изначально она мыслилась не результатом развития, но его непреложным условием и ведущим средством – достаточно вспомнить образ трактора как символ социалистического преобразования

коллективизирующейся деревни) нашла здесь свое отражение в том, что важнейшим проявлением НТР считалась ее технико-технологическая сторона (т.е. то, что поддавалось непосредственному ощущению). Это и объясняет все те надежды, что были связаны с кибернетикой: она была призвана решить извечную советскую проблему управления его технизацией в виде автоматизации, хотя бы отчасти сняв, наконец-таки, со строителя коммунизма тяжкое бремя ответственности за конечный результат управляемых им процессов. Таким образом, метанарратив НТР сделал кибернетизацию управления через его автоматизацию одним из немногих возможных путей реализации советских технократических установок периода 1960–1970-х гг.

Поначалу (до осознания перехода к инерционной стадии развития, задним числом окрещенной «застоем») данные измышления находили свой немалый и вполне искренний отклик, главным образом среди научно-технической интеллигенции и инженерно-технических работников – тех, кто осознавал научно-техническую составляющую общественного прогресса своей социально-профессиональной миссией. Успехи «золотого двадцатилетия» советской науки 1950–1960-х гг., конвертировавшиеся в символы позднеиндустриального технико-технологического лидерства (атомная энергия и ракетостроение), и без того оказали огромное влияние на гражданское позиционирование инженерно-технической интеллигенции, профессорско-преподавательского состава технических (хотя, конечно же, и не только) вузов, профильного студенчества [27]. Поэтому нарративные конструкты НТР оказались весьма комплиментарными ставшим не так давно полноправными культурными героями оттепели инженерам и физико-техникам, способствуя развертыванию внутри их профессионального дискурса социальной аутопоэтики «прогрессорства» [28–31] и неся в довесок еще и компенсаторную функцию облегчения переживания ситуации неизбывного раскола (социоментального разрыва между Должным и Сущим), конституирующего отечественную культурную матрицу [32] и терзавшего советскую научную интеллигенцию не меньше, чем творческую (проекцией чего стала оттепельная дискуссия «физиков и лириков» в тщетных попытках отделить ленинизм от сталинизма).

Вкупе же с завораживающими разговорами о перспективах грядущей социальной реальности, несколько очеловечивавшими официальные партийно-государственные директивы, объективно уже имевший место научно-технологический прорыв рождал в данной среде особое субъективное восприятие текущего социального времени, выражавшееся пафосом прорыва в будущее. В интересующем нас случае этот технофутуристический пафос третьего поколения томских радиофизиков и радиотехников, осваивавших кибернетику и системотехнику (достаточно вспомнить инициативность и организационный азарт Ф.И. Перегудова), сменил собо1 характерный для первых двух поколений пафос первооткрывателей, строителей и борцов за чистоту новой советской науки (практически эталонным образцом здесь опять-таки будет фигура В.Н. Кессениха – неутомимого бойца идеологического участка научного фронта и непримиримого обличителя «физического идеализма»).

Именно он не только стимулировал их научное творчество, но и до поры давал силы преодолевать либо не замечать системные ограничения, накладываемые самой природой советского строя. По воспоминаниям известного томского радиотехника В.П. Денисова, руководивший разработкой радиолокационной системы по заказу Главного ракетно-артиллерийского управления Ф.И. Перегудов «доставал» дефицитные радиодетали под прибаутку: «Бывало, радиодетали из-под земли мы доставали. Теперь космическая эра, достанем и из-под Венеры» [2]. Надлежит помнить и о том, что для некоторых из них занятие научно-техническим творчеством было еще и отдушиной в далеко не всегда благоприятной общественно-политической атмосфере, а уж специализация в направлениях, имевших военно-стратегическое значение, практически всегда почти полностью гарантировала минимизацию идеологического контроля [33].

Все это, разумеется, вовсе не означало, что научное и инженерное сообщества получат какой-либо реальный канал влияния на принятие политических или хотя бы экономических решений, но порой рождало у их представителей иллюзию о принципиальной возможности этого в относительно недалеком будущем, наступление которого они сами способны приблизить каждой очередной победой науки и техники (примером чему был здоровый научный авантюризм все тех же Ф.И. Перегудова и братьев Тарасенко, воплотившийся в смелый эксперимент по автоматизации управления региональным хозяйственным комплексом). Эти надежды и ожидания, в свою очередь, подпитывали уже имевшиеся технократические настроения, поддерживая их, но (как это ни парадоксально) не в качестве реального фактора управления, а, скорее, в виде одного из множества элементов субкультурной активности позднего СССР.

В дальнейшем же ритуальное повторение аффирмаций об НТП и НТР привело к своего рода уже повторной фетишизации науки и техники в глазах как политического руководства, так и самих носителей научного и инженерного знания, зачастую приобретавшей черты карго-культа (хрестоматийным примером чего стала имитация научной деятельности сотрудниками бесчисленных позднесоветских НИИ). Это, что характерно, тесно соседствовало и неплохо уживалось с очевидной антиинновационностью советской социально-экономической системы. При этом причудливый псевдокульт НТП / НТР (за явным приоритетом технической составляющей, что находило свои многочисленные проявления в неиссякающем потоке изобретений и рационализаторских предложений на фоне все более стагнировавшей экономики) ввиду отсутствия системной научно-технической политики [34] исповедовался в условиях фактического разделения науки и техники в рамках принятой модели управления ими [35].

Иначе говоря, советские технократы, будучи по своему идейному складу прогрессистами и потому являясь в данном отношении поздними детьми XIX в.,

верили в некую прогрессивность самих по себе реалий действительно прорывного XX столетия. Подобный хроноцентризм определялся, прежде всего, уникальностью сочетания узкоспециализированного инженерного или даже естественнонаучного образования (пусть и полученного большинством членов «группы Перегудова» в Томском университете, сохранявшем черты классической модели) с советским марксизмом, что выступал ядром учебно-воспитательного процесса, включая в себя тезис о техническом прогрессе как одном из факторов наступления коммунизма.

Продуктом этого синтеза была догматичность мышления, парадоксальным образом переплетавшаяся с его же системностью, а, как известно, истина рождается как ересь и умирает как догма. Из этого, в свою очередь, произрастали и политическая лояльность, хоть зачастую и на грани индифферентности (лидеры команды разработчиков АСУ хозяйством Томской области Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко были искренними коммунистами), и склонность к техническим методам решения нетехнических по своей природе проблем. Алгоритмическая рациональность переносилась в сферу социального, но невозможно было алгоритмизировать процессы административно-бюрократического торга при принятии управленческих решений в «экономике согласований» (впрочем, такая задача и не ставилась). Инжиниринг технократии, не дотягиваясь до уровня проектирования, не мог заменить его собою, а навыки проектного управления оказались утрачены тогдашней партократией. Убежденность в неоспоримости преимуществ текущей версии советского социализма обусловливала стремление устранить «отдельные недостатки» ее управляющего контура, доработав его при помощи средств, предоставленных НТР. В нашем случае – автоматизировав контур управления ее экономикой на региональном уровне.

В конечном итоге отложенным эффектом миража НТР для коллективного сознания советской технократии стала мемориальная аберрация: одной из важнейших (если не самой важной) причин закономерного краха советского проекта, не вынесшего собственной системной сложности, воспринималось научно-техническое отставание СССР, но при этом причины самого этого отставания виделись ситуативными и где-то даже случайными, что уже в постсоветский период продуцировало соответствующие реминисценции в контексте складывавшихся среди тяжело переживавшей расставание с прошлым инженерной интеллигенции профессиональных мифологий [36].

Подытоживая, приходится признать, что ни кибернетика, ни пересуды обо всей революционности изменений, несомых научно-техническим прогрессом, не сделали советскую технократию визионером нового социального проекта. Во-первых, в силу примарности политической компоненты всех без исключения дискурсивных практик. Во-вторых, ее социальное воображение задавалось форматом «настоящего продолженного», что определяло логику совершенствования текущей модели, не позволяя при этом предложить вариант выхода за рамки ее системных ограничений, сопоставимый по масштабу с проектом, положенным в основание самой советской системы. Синтезируя Ж. Дюрана и У. Диснея, можно сказать, что высоко развитая в СССР инженерия не могла компенсировать острый дефицит имажинерии как носительницы технологий активного представления будущего, хотя автоматизацию управления вполне допустимо рассматривать в качестве антропологического траекта.

Драматизм сложившейся ситуации придавал властно-гражданский консенсус относительно того, что негативные явления, через которые давал о себе знать структурный кризис развития, накрывавший страну в ту пору, были вызваны в первую очередь кризисом управления. Но базовое противоречие советского индустриализма (усложнившаяся социальная структура не подкреплялась адекватными ей структурами управления) вооруженными АСУ кибер-технократами так и не было преодолено: социальный организм как система с положительной обратной связью не выходит из кризиса через администрирование самой этой системы (вспомогательным инструментом чего, по сути, и выступали АСУ). Автоматизация различных сегментов управляющего контура, не будучи встроенной в надстоящее целеполагание, становилась самоцелью, неумолимо попадая под действие принципа Гудхарта, гласящего, что «когда мера становится целью, она всегда перестает быть хорошей мерой».

Советский метанарратив НТР с имплементированным в него образом кибернетики занял свое место в ряду безуспешных попыток сформулировать внятную концепцию послесталинской модернизации, от этого, надо отметить, не меньше отражая технократическое восприятие проблем перехода от четвертого к пятому технологическому укладу.

В этих условиях и происходило профессиональное созревание разработчиков АСУ Томской области, технократизм которых был проявлением их социально-политической ответственности. Одними из первых в стране они приобщались к неизведанному, выказывая научную и гражданскую смелость, что по аналогии с шестидесятниками с известной долей условности позволяет считать их «пятидесятниками» от науки.

Список источников

1. Зубков С.А. Взаимосвязь политики, науки и техники в условиях техногенной цивилизации (социально-философские аспекты) : автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2006. 40 с.
2. Денисов В.П., Райзман М.М., Серафинович Л.П. Его жизнь была подобна метеору. Воспоминания о Феликсе Ивановиче Перегудове // Томский политехник. 2000. Вып. 6. С. 20–29.
3. Тарасенко В.П., Ямпольский В.З. И это – далеко не все о Ф.И. Перегудове // Давайте вспомним... : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып. 2. С. 196–202.
4. Ореховский П.А. Советские корпорации: «прокляты и забыты»? (границы современного авторитетного экономического дискурса) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 3. С. 7–31.

5. Костерев А.Г., Ким М.Ю., Расколец В.В. Владимир Николаевич Кессених: советский физик между центром и периферией // Вопросы истории естествознания и техники. 2023. Т. 44, № 2. С. 307–340.
6. Аринштейн Э.А. Из редакционной почты // Природа. 1990. № 9. С. 105–106.
7. Расколец В.В., Степнов А.О. Прикладная математика, кибернетика и информатика в Томском государственном университете: от студенческого кружка до учебного института (1955–2021 гг.). Томск : Том. гос. ун-т, 2022. 256 с.
8. Кибернетику на службу коммунизму / под ред. А.И. Берга. М. ; Л. : Госэнергоиздат, 1961. Т.1. 312 с.
9. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М. : Госполитиздат, 1961. 144 с.
10. Из прошлого – в будущее: воспоминания и размышления выпускников и ветеранов университета к 40-летию Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники / гл. ред. А.В. Кобзев. Томск : ТУСУР, 2002. 237 с.
11. Костерев А.Г. «Отец сибирской физики». Академик В.Д. Кузнецов. Томск : ТУСУР, 2016. 175 с.
12. Копнин П.В. Понятие мышления и кибернетика // Вопросы философии. 1961. № 2. С. 102–112.
13. Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Технологос. 2014. № 1. С. 35–41.
14. Кориков А.М. От радиолокации метеорных следов до системной организации науки, высшего образования и производства: к 90-летию Феликса Ивановича Перегудова // Доклады ТУСУР. 2021. Т. 24, № 1. С. 99–105.
15. Никаноров С.П. Система PERT. Ее история, обоснование, применение и оценка. М. : НИИТЭИР ГКРЭ, 1963. 68 с.
16. К юбилею В.М. Глушкова, С.П. Никанорова, В.Н. Четверикова. Идеологи отечественных разработок в области автоматизированных систем управления // Прикладная информатика. 2009. № 1. С. 120–133.
17. Бир Ст. Кибернетика и управление производством. М. : Наука, 1963. 276 с.
18. Гладких Б.А. По волне моей памяти // Вестник Томского государственного университета. 2002. № 275. С. 249–258.
19. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1. С. 18–24.
20. Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 58. С. 41–48.
21. Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий : проект / АН СССР, Госстрой СССР, Гос. ком. Совета Министров СССР по науке и технике. М., 1972. 29 с.
22. Социология и власть, 1950–1990 : документы и материалы. М. : Academia, 2001. Сб. 2: 1969–1972 : документы / сост. В.Ю. Афиани и др. 200 с.
23. Научно-техническая революция и строительство коммунизма / ред. кол.: В. Г. Лебедев и др. М. : Мысль, 1976. 344 с.
24. Кузьмин Б.В. Научно-техническая революция и преимущества социализма : научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН, 1982. 64 с.
25. Научно-техническая революция и ее социальные аспекты // Коммунист. 1982. № 12. С. 13–25.
26. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. : утв. 09.04.1971 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. М. : Политиздат, 1972. Т. 8: 1970 г. – февраль 1972 г. С. 356–418.
27. Аллахвердян А.Г. Становление атмосферы «культа науки» в послевоенном СССР и социальная потребность в науковедческих исследованиях // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова : годичная науч. конф. М. : Ленанд, 2013. С. 246–247. Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. История физико-математических наук. С. 246–247.
28. Кукулин И. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. С. 169–201.
29. Липовецкий М. Траектории ИТР-дискурса // Неприкосновенный запас. 2010. № 74. С. 213–230.
30. Липовецкий М. Поэтика дискурса ИТР: в 1960-е и сегодня // Ab Imperio. 2013. № 1. С. 109–131.
31. Липовецкий М. Еще раз о комплексе прогрессора // Неприкосновенный запас. 2015. № 1 (99). С. 173–190.
32. Яковенко И.Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России) : автореф. дис. … канд. культурологии. М., 1999. 23 с.
33. Уткин А.А. Томск // Проза.ру. URL: https://proza.ru/2014/01/17/2415
34. Водичев Е.Г. Территориальные проекции советской научно-технической политики: возможности и пределы мобилизационной парадигмы в послевоенные годы // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 341–345.
35. Попов Г.Г. Кризис инновационного развития советской экономики периода «застоя» в понимании руководства СССР и ученых-современников того периода // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 136–146.
36. Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. 2017. № 2. С. 63–79.

References

1. Zubkov, S.A. (2006) *Vzaimosvyaz' politiki, nauki i tekhniki v usloviyakh tekhnogennoy tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [The Interconnection of Politics, Science and Technology in the Conditions of a Technogenic Civilization (Socio-Philosophical Aspects)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
2. Denisov, V.P., Rayzman, M.M. & Serafinovich, L.P. (2000) Ego zhizn' byla podobna meteoru. Vospominaniya o Felikse Ivanoviche Peregudove [His Life Was Like a Meteor. Memories of Felix Ivanovich Peregudov]. *Tomskiy politekhnik*. 6. pp. 20–29.
3. Tarasenko, V.P. & Yampolskiy, V.Z. (1997) I eto – daleko ne vse o F.I. Peregudove [And This Is Far from All About F.I. Peregudov]. In: *Davayte vspomnim...* [Let's Remember...]. Vol. 2.Tomsk: Tomsk State University. pp. 196–202.
4. Orekhovskiy, P.A. (2022) Sovetskie korporatsii: “proklyaty i zabyny”? (granitsy sovremennogo avtoritetnogo ekonomicheskogo diskursa) [Soviet Corporations: "Cursed and Forgotten"? (The Boundaries of Modern Authoritative Economic Discourse)]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 3. pp. 7–31.
5. Kosterev, A.G., Kim, M.Yu. & Raskolets, V.V. (2023) Vladimir Nikolaevich Kessenikh: sovetskiy fizik mezhdu tsentrom i periferiey [Vladimir Nikolaevich Kessenikh: A Soviet Physicist Between Center and Periphery]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 44(2). pp. 307–340.
6. Arinshteyn, E.A. (1990) Iz redaktsionnoy pochty [From the Editorial Mail]. *Priroda*. 9. pp. 105–106.
7. Raskolets, V.V. & Stepnov, A.O. (2022) *Prikladnaya matematika, kibernetika i informatika v Tomskom gosudarstvennom universitete: ot studencheskogo kruzhka do uchebnogo instituta (1955–2021 gg.)* [Applied Mathematics, Cybernetics and Informatics at Tomsk State University: From a Student Circle to an Educational Institute (1955–2021)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Berg, A.I. (ed.) (1961) *Kibernetiku na sluzhbu kommunizmu* [Cybernetics for the Service of Communism]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
9. USSR. (1961) *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat.
10. Kobzev, A.V. (ed.) (2002) *Iz proshlogo – v budushchee: vospominaniya i razmyshleniya vypusknikov i veteranov universiteta k 40-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki* [From the Past to the Future: Memoirs and Reflections of Graduates and Veterans of the University for the 40th Anniversary of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: TUSUR.
11. Kosterev, A.G. (2016) “*Otets sibirskoy fiziki.” Akademik V.D. Kuznetsov* ["The Father of Siberian Physics". Academician V.D. Kuznetsov]. Tomsk: TUSUR.

12. Kopnin, P.V. (1961) Ponyatie myshleniya i kibernetika [The Concept of Thinking and Cybernetics]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 102–112.
13. Belonogov, Yu.G. (2014) Evolyutsiya sovetskoy modeli ekonomiki 1950–1960-kh godov v otechestvennoy istoriografii [The Evolution of the Soviet Economic Model of the 1950s–1960s in Russian Historiography]. *Tekhnologos*. 1. pp. 35–41.
14. Korikov, A.M. (2021) Ot radiolokatsii meteornykh sledov do sistemnov organizatsii nauki, vysshego obrazovaniya i proizvodstva: k 90-letiyu Feliksa Ivanovicha Peregudova [From Radar Detection of Meteor Trails to Systemic Organization of Science, Higher Education and Production: To the 90th Anniversary of Felix Ivanovich Peregudov]. *Doklady TUSUR*. 24(1). pp. 99–105.
15. Nikanorov, S.P. (1963) *Sistema PERT. Ee istoriya, obosnovanie, primenenie i otsenka* [The PERT System. Its History, Justification, Application and Evaluation]. Moscow: NIITЭIR GKRE.
16. Anon. (2009) K yubileyu V.M. Glushkova, S.P. Nikanorova, V.N. Chetverikova. Ideologi otechestvennykh razrabotok v oblasti avtomatiziro-vannykh sistem upravleniya [To the Anniversary of V.M. Glushkov, S.P. Nikanorov, V.N. Chetverikov. Ideologists of Domestic Developments in the Field of Automated Control Systems]. *Prikladnaya informatika*. 1. pp. 120–133.
17. Beer, St. (1963) *Kibernetika i upravlenie proizvodstvom* [Cybernetics and Production Management]. Translated from English. Moscow: Nauka.
18. Gladkikh, B.A. (2002) Po volne moyey pamyati [On the Wave of My Memory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 275. pp. 249–258.
19. Derlugyan, G. (2010) Modern i modernizatory [Modern and Modernizers]. *Ekspert*. 1. pp. 18–24.
20. Kosterev, A.G. (2019) Fenomen sovetskogo tekhnokratizma: k postanovke problemy (politiko-ideologicheskoe i sotsial'no-kul'turnoe izmereniya) [The Phenomenon of Soviet Technocracy: Towards Posing the Problem (Political-Ideological and Socio-Cultural Dimensions)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 58. pp. 41–48.
21. Academy of Sciences of the USSR; State Construction Committee of the USSR; State Committee of the Council of Ministers of the USSR for Science and Technology. (1972) *Kompleksnaya programma nauchno-tekhnicheskogo progressa i ego sotsial'no-ekonomicheskikh posledstviy: proekt* [Comprehensive Program of Scientific and Technological Progress and Its Socio-Economic Consequences: Project]. Moscow: [s.n.].
22. Afiani, V.Yu. et al. (2001) *Sotsiologiya i vlast', 1950–1990: dokumenty i materialy* [Sociology and Power, 1950–1990: Documents and Materials]. Vol. 2. Moscow: Academia.
23. Lebedev, V.G. et al. (1976) *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i stroitel'stvo kommunizma* [Scientific and Technological Revolution and the Building of Communism]. Moscow: Mysl'.
24. Kuzmin, B.V. (1982) *Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i preimushchestva sotsializma* [Scientific and Technological Revolution and the Advantages of Socialism]. Moscow: INION.
25. Anon. (1982) Nauchno-tekhnicheskaya revolyutsiya i ee sotsial'nye aspekty [Scientific and Technological Revolution and Its Social Aspects]. *Kommunist*. 12. pp. 13–25.
26. USSR. (1972) Direktivy XXIV s"ezda KPSS po pyatiletnemu planu razvitiya narodnogo khozyaystva SSSR na 1971–1975 gg.: utv. 09.04.1971 [Directives of the 24th CPSU Congress on the Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR for 1971–1975: Approved 09.04.1971]. In: *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 8. Moscow: Politizdat. pp. 356–418.
27. Allahverdyan, A.G. (2013) Stanovlenie atmosfery “kul'ta nauki” v poslevoennom SSSR i sotsial'naya potrebnost' v naukovedcheskikh issledovaniyakh [The Formation of the Atmosphere of the "Cult of Science" in the Post-War USSR and the Social Need for Science Studies Research]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova [*S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology*]*. Annual Conference. Vol. 1: Moscow: Lenand. pp. 246–247.
28. Kukulin, I. (2007) Al'ternativnoe sotsial'noe proektirovanie v sovetskom obshchestve 1960–1970-kh godov, ili Pochemu v sovremennoy Rossii ne prizhilis' levye politicheskie praktiki [Alternative Social Design in Soviet Society of the 1960s–1970s, or Why Left-Wing Political Practices Did Not Take Root in Modern Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 88. pp. 169–201.
29. Lipovetskiy, M. (2010) Traektorii ITR-diskursa [Trajectories of the Engineering and Technical Staff Discourse]. *Neprikosnovennyy zapas*. 74. pp. 213–230.
30. Lipovetskiy, M. (2013) Poetika diskursa ITR: v 1960-e i segodnya [Poetics of the Engineering and Technical Staff Discourse: In the 1960s and Today]. *Ab Imperio*. 1. pp. 109–131.
31. Lipovetskiy, M. (2015) Eshche raz o komplekse progressora [Once More on the Progressor Complex]. *Neprikosnovennyy zapas*. 1(99). pp. 173–190.
32. Yakovenko, I.G. (1999) *Dolzhnoe i sushchee kak kategorii kul'turno-istoricheskogo protsessa (na materiale Rossii)* [The Ought and the Actual as Categories of the Cultural-Historical Process (Based on Russian Material)]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Moscow.
33. Utkin, A.A. (2014) *Tomsk*. [Online] Available from: https://proza.ru/2014/01/17/2415 (Accessed: 17th June 2024).
34. Vodichev, E.G. (2019) Territorial'nye proektsii sovetskoy nauchno-tekhnicheskoy politiki: vozmozhnosti i predely mobilizatsionnoy paradigmy v poslevoennye gody [Territorial Projections of Soviet Scientific and Technical Policy: Possibilities and Limits of the Mobilization Paradigm in the Post-War Years]. *Istoricheskie vyzovy i ekonomicheskoe razvitie Rossii* [*Historical Challenges and Economic Development of Russia*]. Proc. of the All-Russian Conference with International Participation. Yekaterinburg. pp. 341–345.
35. Popov, G.G. (2019) Krizis innovatsionnogo razvitiya sovetskoy ekonomiki perioda “zastoya” v ponimanii rukovodstva SSSR i uchenykh-sovremennikov togo perioda [The Crisis of Innovative Development of the Soviet Economy of the "Stagnation" Period in the Understanding of the USSR Leadership and Contemporary Scientists]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2(5). pp. 136–146.
36. Abramov, R.N. (2017) Sovetskie tekhnokraticheskie mifologii kak forma “teorii upushchennogo shansa”: na primere istorii kibernetiki v SSSR [Soviet Technocratic Mythologies as a Form of the "Missed Chance Theory": On the Example of the History of Cybernetics in the USSR]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*. 2. pp. 63–79.

***Сведения об авторе*:**
Костерев Антон Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kosterev Anton G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social Work at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 14.08.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94:33
doi: 10.17223/19988613/98/22

Цифровизация как фактор энергетической безопасности России (рубеж XX–XXI вв.)

Игорь Сергеевич Соловенко[1], Анатолий Алексеевич Рожков[2], Кирилл Александрович Пинжин[3], Андрей Павлович Жолбин[4]

[1, 3, 4] Томский политехнический университет, Томск, Россия
[2] Российское энергетическое агентство Минэнерго России, Москва, Россия
[1] solovenko71@mail.ru
[2] aarozhkov@mail.ru
[3] pinzhin98@mail.ru
[4] pszholbin@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются динамика и содержание цифровизации топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв. Представлены результаты и значение данного процесса для энергетической безопасности страны. Делается вывод, что в течение 20 лет предприятия топливно-энергетического комплекса прошли путь от отдельных объектов цифровизации (1992–2005) к началу комплексной цифровой трансформации (2006–2010), т.е. внедрению цифровых технологий в бизнес-процессы.
Ключевые слова: Россия, топливно-энергетический комплекс, цифровизация, энергетическая безопасность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987, https://rscf.ru/project/23-28-00987/

Для цитирования: Соловенко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П. Цифровизация как фактор энергетической безопасности России (рубеж XX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 184–193. doi: 10.17223/19988613/98/22

Original article

Digitalization as a factor in Russia's energy security (turn of the 20th – 21st centuries)

Igor S. Solovenko[1], Anatoliy A. Rozhkov[2], Kirill A. Pinzhin[3], Andrey P. Zholbin[4]

[1, 3, 4] Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[2] Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, Moscow, Russian Federation
[1] solovenko71@mail.ru
[2] aarozhkov@mail.ru
[3] pinzhin98@mail.ru
[4] pszholbin@gmail.com

Abstract. The turn of the 20th and 21st centuries became a serious test for both the economy and energy security of Russia. The article examines the basic segment of national energy security – the fuel and energy complex (FEC), which included the gas, oil, coal and energy industries. Among the wide range of new technologies used at that time to ensure the energy security of our country, digital ones stood out. This determined the purpose of the study – to identify the dynamics, content and results of the digitalization process in the economic and technological transformation of a strategically important segment of the Russian economy – the fuel and energy complex. The authors show the causes and factors of digitalization, both internal and external. They determine the participants in this process, where the key role was played by federal authorities and administration, as well as companies and enterprises of the fuel and energy complex industries. The leading forms of digitalization are highlighted – automation, informatization and computerization, among which the positions of the last two were strengthened. The dynamics and features of the introduction of digital products, the inconsistency of their implementation at the intersectoral level are revealed. Attention is drawn to the fact that since 2006, there has been a noticeable intensification of digitalization processes, primarily in the oil industry. This was due to the introduction of artificial intelligence and digital twins into production processes.
The article presents important results and the significance of this process for the country's energy security: the electricity deficit was eliminated, the energy intensity of the economy decreased, energy production and export increased, etc. Attention is also drawn to the problems that hindered the digital transformation of the fuel and energy complex: a significant time gap between the development of a domestic product and its implementation, dependence on the import of digital

© И.С. Соловенко, А.А. Рожков, К.А. Пинжин, А.П. Жолбин, 2025

products and services, insufficiently high rates of implementation, a high level of wear and tear of machinery and equipment, etc. Intensive development was limited by a shortage of institutions capable of combining all digitalized business processes, generating best practices, expanding the level of digital skills, etc.
The final conclusion is that digitalization was part of the innovative course of the economic policy of the Government of the Russian Federation. Over the course of 20 years, fuel and energy companies have gone from being separate objects of automation, informatization, and computerization (1992–2005) to the beginning of a comprehensive digital transformation (2006–2010), that is, the introduction of digital technologies into industry business processes. In general, Russia's energy security has increased significantly, but in terms of its digital support, the technical and technological dependence on foreign products has increased.
Keywords: Russia, fuel and energy complex, digitalization, energy security

Acknowledgements: The study was conducted thanks to the grant from the Russian Science Foundation, No. 23-28-00987, https://rscf.ru/project/23-28-00987/

For citation: Solovenko, I.S., Rozhkov, A.A., Pinzhin, K.A., Zholbin, A.P. (2025) Digitalization as a factor in Russia's energy security (turn of the 20th – 21st centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 184–193. doi: 10.17223/19988613/98/22

Развитие научно-технического прогресса, с одной стороны, с другой – усиление всевозможных рисков, влияющих на энергетическую безопасность стран, всегда ставили перед человечеством задачу поиска оптимальных методов использования как ресурсной базы, так и полученной энергии. Серьезным образом данная проблема обострилась в конце XX в., когда динамичный рост мировой экономики требовал новых, экологически чистых возобновляемых источников энергии, а эра традиционного углеводородного сырья, по утверждению многих экспертов, приблизилась к завершению. Несмотря на экономический спад в России, вопрос укрепления национальной энергетической безопасности был тогда не менее актуальным, чем в других странах. От решения этого вопроса напрямую зависели повышение конкурентоспособности экономики, укрепление позиций на мировых энергетических рынках, а также устранение дефицита электроэнергии в отдельных регионах [1. С. 97, 106]. Задача повышения уровня энергетической безопасности нашей страны в рассматриваемое время решалась широко и комплексно. Например, путем усиления конкуренции между хозяйствующими субъектами, частичного «освобождения» цен на энергоносители, внедрения новой техники и технологий в процесс производства и распределения энергии и т.д. Вместе с тем очевидным фактом являлась необходимость интенсификации научно-технических процессов в экономике, которые позволяли не только решать вопросы повышения эффективности производства и распределения энергетической продукции, но и купировать угрозы производственной, информационной и другой опасности. К этому подталкивала глобализация мировой экономики, неотъемлемой частью которой динамично становилась и Россия.

Среди широкого перечня новых технологий, использовавшихся в обеспечении энергобезопасности нашей страны на рубеже XX–XXI вв., своей инновационностью и практической значимостью выделялись цифровые. Они внедрялись в таких формах, как автоматизация, информатизация и компьютеризация. При этом фундаментальный вклад в производство и потребление первичных энергетических ресурсов для устойчивой генерации тепловой и электрической энергии всегда вносили отрасли топливно-энергетического комплекса – газовая, нефтяная, угольная и энергетическая. Это объясняет исследовательский интерес к цифровизации отраслей ТЭК, актуальность которого связана и с дефицитом внимания к ней со стороны ученых-историков.

Вопрос использования цифровых технологий в топливно-энергетическом комплексе России в рассматриваемое время только становится предметом исторического анализа. В целом всю научную литературу по заявленной теме можно систематизировать в две группы: работы историков, хронологические рамки которых почти не выходят ближе границ 1980-х гг.; труды по истории цифровизации (в том числе топливно-энергетического комплекса), подготовленные специалистами, не имеющими исторического образования [2]. Таким образом, противоречивый характер литературной базы добавляет теоретической и практической значимости заявленной теме. Главная причина обозначенного противоречия – отсутствие междисциплинарного подхода к ее изучению. Поэтому в числе авторов статьи не только историк, но и экономист, а также специалисты в области информационных и компьютерных технологий.

Цель исследования – выявить динамику, содержание и результаты процесса цифровизации в экономической и технологической трансформации стратегически важного сегмента экономики России – топливно-энергетического комплекса. Однако в исследовании затрагиваются и другие важные аспекты влияния цифровизации на энергетическую безопасность России, с которыми была тесно связана цифровизация отраслей ТЭК.

Хронологические рамки исследования обусловливаются, прежде всего, научно-техническими и технологическими особенностями развития глобальной экономики и энергетики на рубеже XX–XXI вв. Это время активной фазы третьей научно-технической революции, а также реализации пятого технологического уклада в мировом промышленном производстве. Мы разделяем мнение Ю.А. Плакиткина, что период 1990–2010 гг. – это отдельная технологическая ступень [3. С. 14], напрямую связанная с цифровизацией. Ее анализ позволяет расширить картину успешного выхода отраслей ТЭК из кризиса 1990-х гг., а также выявить особенности организации инновационного типа экономики нашей страны в начале 2000-х гг. Политиче-

ские факторы воздействия на определение нами хронологических рамок также прослеживаются, но они не являются основополагающими, как это следует из многих научных работ [4, 5]. Не столь отдаленная хронология событий добавляет актуальности и значимости представленному исследованию, так как позволяет извлечь ценные уроки истории для современного этапа развития как цифровой трансформации, так и топливно-энергетического комплекса Российской Федерации.

Многие недостатки литературной базы были компенсированы использованием широкого спектра исторических источников: нормативно-правовых, делопроизводственной документации, периодики, источников личного происхождения. Основной вклад в формирование содержания темы внесли документы федеральных и региональных (наиболее значимых для ТЭК) архивохранилищ. Это государственные архивы Российской Федерации, Тюменской, Томской, Кемеровской и Иркутской областей, Российский государственный архив экономики, Российский государственный архив социально-политической истории. Использование исторических источников сыграло ключевую роль в выявлении конкретных примеров цифровизации и определении ее основных участников.

Важно выделить характерные особенности развития отечественного топливно-энергетического комплекса как в советское, так и в постсоветское время, которые серьезным образом отразились на динамике, тенденциях, особенностях и результатах цифровизации. Во-первых, несмотря на определенное отставание от Запада, наша страна выделялась значительным цифровым потенциалом, созданным в советский период [6], в том числе в отраслях ТЭК. Положительным образом это отразилось на внедрении новых технологий в постсоветское время, особенно в области автоматизации. Вместе с тем 1990-е гг. – это этап в развитии мирового бизнеса, требовавший комплексной цифровизации всех производственно-управленческих процессов. К этому в целом были не готовы предприятия ТЭК России в начале рассматриваемого времени, что инициировало активное заимствование зарубежного опыта. Во-вторых, рыночные реформы обусловили децентрализацию экономики и многообразие форм собственности. Это предопределило разные темпы цифровизации, так как в крупных компаниях имелось больше средств на реализацию важных инновационных решений. В-третьих, открытый тип экономики России усиливал использование передовых технологий иностранного происхождения. Однако это объективно ослабляло отечественный научно-технический и производственно-технологический потенциал. В-четвертых, государство акцентировало внимание на нефтегазовой отрасли, так как она являлась самой доходной и считалась наиболее перспективной в сравнении с другими отраслями. Между тем более протекционистская политика по отношению к нефтегазовой отрасли заметно ослабила инвестиционные возможности угольной и энергетической промышленности. Таким образом, указанные особенности предопределили не только противоречивый характер развития в рассматриваемый период топливно-энергетического комплекса, но и ход его цифровизации. Несмотря на все сложности политического и экономического характера, особенно в 1990-е гг., она никогда не останавливалась, ее значимость только возрастала, усиливался экономический эффект, при этом любая безопасность на производстве уже не обходилась без цифровых решений.

Вопрос энергетической безопасности страны в первую очередь решался на уровне Президента и Правительства РФ. Они формировали институциональную среду включения субъектов хозяйственной деятельности в глобальные процессы, где цифровые технологии являлись важным фактором повышения конкурентоспособности. На это Правительство РФ ориентировал и международный опыт [7. С. 54], который тогда был важным примером. Поэтому федеральные органы власти и управления обновляли стратегию развития отрасли, принимали межотраслевые программы, оказывали финансовую поддержку приоритетным разработкам и предприятиям, создавали выгодные условия международного сотрудничества, выстраивали государственно-частное партнерство, поддерживали базовые научно-исследовательские институты (НИИ), формировали инновационно-технологическую инфраструктуру и т.д. [8. Л. 20, 23]. Правительство РФ держало на контроле новые тенденции в мировой экономике и научно-техническом прогрессе, поддерживало жизненно важные направления в области фундаментальных исследований, например искусственный интеллект [9. Л. 16 об.]. Поэтому, несмотря на объективные трудности, отдельные отечественные разработки в сфере искусственного интеллекта использовались в народном хозяйстве уже в конце 1990-х гг. [10. С. 52]. Конечно, степень эффективности многих решений, форм поддержки (особенно в 1990-е гг.) и результатов оставляла желать лучшего. Между тем работа в этом направлении всегда велась, и она приносила свои плоды, хотя многие из них не сразу были очевидны.

Планомерная и систематическая работа Президента и Правительства РФ по созданию оптимальных условий продвижения цифровых технологий в экономике страны изобиловала немалым количеством просчетов и недофинансированием [11]. Возможности более полноценного использования последних достижений в области цифровых технологий сдерживали такие явления и процессы, как переходное состояние российской экономики, «значительный спад в изобретательском и рационализаторском движении» [12. Л. 5], ограничительные меры со стороны международных экономических организаций и т.д. Серьезной проблемой в производственной деятельности предприятий ТЭК России являлись низкое качество информации о состоянии объектов энергетики, недостаточный уровень автоматизации процессов принятия решений по управлению объектами и др. [13. С. 21, 85]. Поэтому им приходилось заниматься внедрением цифровых технологий посредством использования всевозможных ресурсов и новых подходов. При этом значительную роль в сохранении конкурентных преимуществ в начале 1990-х гг. сыграл советский потенциал – техника, оборудование, станки, технологии и др. Особенно здесь выделялись

средства автоматизации процессов добычи, транспортировки, производственной безопасности и т.д.

Однако этот потенциал быстро иссякал, поэтому предприятия топливно-энергетического комплекса стали ориентироваться на такие новые экономические и научно-технические тренды, как глобализация, модернизация, инновации, цифровизация и др. Отстать от лидеров этих трендов означало экономически «погибнуть». Соответственно, для предприятий топливно-энергетического комплекса России цифровизация являлась объективной необходимостью, ширина и глубина ее использования постоянно наращивалась. На первый план в ориентирах выходил внешний фактор, который позволял быстро решать актуальные задачи как цифровизации в частности, так и модернизации в целом. Причем возможности использования иностранных технологий (в меньшей степени техники) субъектами хозяйственной деятельности были почти одинаковыми вне зависимости от отраслевой принадлежности. Между тем быстрое и качественное обновление технико-технологического потенциала происходило в первую очередь в крупных, экспортно ориентированных компаниях. Как правило, это были предприятия газовой промышленности (компания «Газпром») [14. Л. 5, 25], а из сфер деятельности – управленческая. В начале 1990-х гг. в этом вопросе немного отставали компании нефтяной отрасли. Однако во многом благодаря масштабным инвестициям они быстрее наращивали свой научно-исследовательский и опытно-конструкторский потенциал, расширяли сферу международного сотрудничества [15. Л. 1]. Лучше других это получалось у компании «Лукойл». В сложном финансово-экономическом положении оказались шахты и разрезы. Это было связано с невыгодной конъюнктурой цен на внутреннем и внешнем энергетическом рынках, а также с начавшейся в 1994 г. реструктуризацией угольной отрасли, которая сопровождалась снижением господдержки.

В этой ситуации важнейшей задачей предприятий ТЭК становится необходимость оперативного привлечения цифровых продуктов с целью повышения эффективности производственной деятельности. В решении данной задачи положительную роль сыграли мировые научно-технические достижения в области средств информации и коммуникаций: распространение Интернета, спутниковая связь и навигация, геоинформационные системы, мобильная телефония, Суперкомпьютеры, новые микропроцессоры т.д. Все эти продукты становились доступнее и эффективнее. В распоряжении менеджеров и инженеров оказалась масштабная информация о состоянии мировой энергетики и новейших энергетических технологиях. Использование ими знаний и современных технологий, в том числе на глобальном уровне, становилось все заметнее. Уже в 1995 г., например, российские производители энергоресурсов стали осуществлять торговлю в электронной форме [16. С. 64], что позволило эффективнее осваивать мировые рынки, снизить издержки производства и получить дополнительную прибыль. Таким образом, более значимую роль в процессе цифровизации тогда приобретают информатизация и компьютеризация. Это привело к значительному импорту компьютеров, в основном компании IBM (США). Вместе с тем в общей массе информационных и программных продуктов имелось немало российских [17. Л. 29, 54]. Главной проблемой являлась компьютерная грамотность инженерно-технического персонала, а в дальнейшем и всех работников. Несмотря на ее актуальность в течение всего периода, она динамично решалась, прежде всего благодаря курсам повышения квалификации. Наиболее серьезной материально-технической и технологической базой, а также высокой квалификацией в области информационных знаний обладали сотрудники нефтегазовых НИИ. Они внесли решающий вклад в сокращение сроков проектной деятельности, повышение уровня автоматизации и безопасности производства, снижение себестоимости и рост производительности труда на предприятиях нефтегазовой промышленности. Их опыт заимствовался в других отраслях топливно-энергетического комплекса.

В результате активного наращивания мировых достижений в области информатизации и компьютеризации на отечественных предприятиях ТЭК появляются такие важные продукты, как компьютерные технологии с использованием спутниковой навигации для создания карт и оценки месторождений полезных ископаемых (геоинформационные системы), системы дистанционной передачи управляющего воздействия (сигнала) от оператора к технологическому оборудованию, различные системы наблюдения за функционированием объектов ТЭК и др. В то же время иностранные средства автоматизации на российском рынке оказались не столь конкурентоспособными из-за недостаточной технологической совместимости и дороговизны. Тем не менее в 1990-х гг. на крупных отечественных предприятиях ТЭК создавалась полностью автоматизированная система управления и контроля [18. Л. 68–69]. Все эти достижения позволили топливно-энергетическому комплексу стать тогда основным «двигателем» экономики нашей страны, купировать экономический спад, а также занять лидирующие позиции в производстве инновационной продукции на макроуровне [19. Л. 40; 20. С. 928]. Происходит переход от «офисной» цифровизации к производственной.

Глобализация и формирование единого информационного пространства обусловили серьезную проблему – беспечение кибербезопасности предприятий и компаний, в том числе от действий террористов. Особенно уязвимыми для киберпреступников были предприятия энергетической промышленности. Поэтому здесь на основе цифровых технологий внедрялись инновационные решения, позволявшие купировать системные угрозы, – это новые интеллектуальные цифровые системы защиты передачи и обмена данными (программно-аппаратные комплексы), различные системы цифрового регулирования функционирования объектов генерации и др. [21. С. 29]. Успешная деятельность в этом направлении способствовала выходу энергетиков на более высокий уровень технико-технологического развития. Импортозамещение постепенно нарастало и способствовало укреплению технологического суверенитета. Например, была создана отече-

ственная система мониторинга переходных режимов, позволявшая наблюдать и анализировать все процессы на электроэнергетических объектах, в том числе нештатного характера [22. С. 190]. Однако таких примеров было не так много, и они, как правило, относились к стратегически важным системам.

В начале 2000-х гг. на фоне роста экономики и благосостояния общества расширяются возможности научно-технической политики Правительства РФ. В целом она имела два важных направления. Первое – внедрение инноваций в промышленность, к которым относились и цифровые технологии. Появляются новые формы инновационной активности, например корпоративные научно-производственные комплексы, технопарки и др. Второе направление – это построение информационного общества в России. Оно характеризуется распространением компьютерной грамотности, подготовкой квалифицированных кадров в области информатизации, автоматизации, роботизации и компьютеризации и т.д. Реформа общего и профессионального образования нацеливала молодежь на приобретение знаний в области информационных технологий. Научная тематика, связанная с цифровизацией, в том числе в отраслях топливно-энергетического комплекса [23. Л. 186; 24], приобретает высокую степень востребованности. Процесс создания информационного общества интенсифицировался в 2008 г., что связано с повсеместным распространением широкополосного Интернета [25]. Благодаря новым информационным технологиям решались многие задачи в создании единой системы государственного мониторинга, планирования и принятия решений по повышению эффективности этой деятельности. Одним из таких примеров является принятый в 2009 г. федеральный закон об энергоэффективности.

Достижения глобального рынка цифровых продуктов генерировали и частные российские компании, специализировавшиеся на поставках сложной техники и оборудования для предприятий ТЭК. По некоторым параметрам их продукция была даже более востребованной, чем профильных НИИ, например в вопросе быстрого устранения дефицита измерительных приборов, компьютерной диагностики, а также поставки средств автоматизации. Некоторые из отечественных частных компаний имели высокий уровень международной конкурентоспособности (КОМПАКС, «ВИСТ Групп» и др.). Вместе с тем они в основном ориентировались на потребности нефтегазовой отрасли, а из форм цифровизации – на автоматизацию. Поэтому внешний фактор оставался весьма актуальным, особенно в таких сферах, как информатизация и компьютеризация. Тем более научно-техническое и технологическое превосходство развитых стран в мире усиливалось. В начале 2000-х гг. они раньше других стали внедрять «интеллектуальные» («умные») системы. Эти инновации были основаны на комплексе цифровых решений, которые заметно повышали оперативность производственно-управленческой деятельности и минимизировали риски, связанные с «человеческим фактором». «Интеллектуальные» системы стали основой цифровой трансформации во всех отраслях мировой экономики, в том числе и в топливно-энергетическом комплексе. К тому времени использование достижений искусственного интеллекта в отечественном ТЭК было представлено уровнем отдельных небольших инфраструктурных объектов [21. С. 30]. Поэтому перед топливно-энергетическим комплексом России стояла задача как можно быстрее сократить технико-технологическое отставание от стран Запада в вопросе создания перспективных «интеллектуальных» систем. Быстрое решение данной задачи было возможно только благодаря активному сотрудничеству с зарубежными энергетическими компаниями. Серьезный шаг в этом направлении был предпринят в 2006 г., когда российские компании ТЭК стали переходить от использования в производстве иностранных капиталовложений и цифровых продуктов к реализации совместных международных проектов на основе искусственного интеллекта. В основе таких проектов лежали актуальные цифровые технологии, такие как высокоскоростная связь, протоколы с защитой передачи данных, специальные программные продукты и др. [26. С. 20].

Пионером в области «интеллектуализации» производственно-управленческой деятельности стала нефтяная промышленность, которая находилась в ситуации экономического роста и жесткой конкуренции. В 2006 г. «Газпром нефть» и британская транснациональная корпорация Shell в рамках совместной компании «Салым Петролеум Девелопмент» дали старт первой «интеллектуальной» скважине в нашей стране [27. С. 14]. Главным ее преимуществом была принципиальная возможность быстро и гибко подстраиваться под конкретные условия разработки нефтяного месторождения. Также на базе обратной связи в режиме реального времени обеспечивалась необходимая корректировка технологической деятельности. Интеллектуализация процессов бурения обеспечивала увеличение его скорости, минимизацию отклонений от заданных параметров, повышение надежности элементов конструкции, сокращение затрат [28. С. 67, 70]. Как следствие – динамично наращивалось сотрудничество российских предприятий ТЭК с известными иностранными сервисными компаниями [29. Л. 35]. Таким образом, в топливно-энергетическом комплексе России с 2006 г. начинается переход от «использования цифры» к «управлению цифрой», что, по мнению авторитетных экспертов [30. С. 30; 31], является отличительной чертой цифровой трансформации.

В последующие годы в отраслях отечественного ТЭК создавались новые «интеллектуальные» объекты, системы и техника. Например, в угольной промышленности появились системы диспетчеризации горных работ, «умные» посты управления в лаве, роботизированные проходческие комбайны, интегрированные с Ростехнадзором цифровые системы контроля шахт и др. [32. С. 22, 24]. Своими успехами здесь выделялись такие известные угольные компании, как СУЭК и «СДС-уголь». В энергетической отрасли к таким достижениям относились цифровые электроподстанции, системы дистанционного управления электросетевым и генерирующим оборудованием и др. [21]. В 2009 г. российскими учеными была создана информационная

модель топливно-энергетического комплекса, которая позволяла в интегрированной форме анализировать уровень энергетической безопасности региона на всех уровнях [33]. Ее внедрение стало крупным достижением в области укрепления энергетической безопасности России.

Возрастало не только количество интеллектуальных систем, но и их качество. Расширялись возможности использования новых технологий, увеличивалась их оперативность. Принятие управленческих и инженерных решений стало основываться на результатах моделирования конкретных ситуаций и процессов. Таким образом, появляются «цифровые двойники» – виртуальные модели реальных физических объектов, основанные на искусственном интеллекте. Их отличительными чертами были объективность, мобильность, возможность сбора информации, а также ее использования в режиме реального времени и др. [27. С. 13].

Использование цифровых технологий значительно продвинуло решение вопроса промышленной безопасности, особенно на угледобывающих шахтах. Внедрялись инновационные технологии в области подземной угледобычи: специальные видеокамеры; цифровые высокоскоростные системы коммуникации для организации подземной мобильной связи, позиционирования персонала и техники, аварийного оповещения персонала; датчики контроля безопасности износа оборудования, загазованности и других важных параметров и т.п. В результате уровень промышленной безопасности на отечественных шахтах вырос в разы [34. С. 190–191]. Положительные изменения в охране труда, в основе которых было использование цифровых технологий, произошли и в других отраслях ТЭК России.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. заставил менеджмент топливно-энергетических компаний еще больше задуматься об интенсивных методах хозяйствования, оптимизации расходов и укреплении конкурентных преимуществ. Масштаб использования цифровых решений достиг еще большей результативности за счет внедрения таких инновационных продуктов и технологий, как централизованная диспетчеризация основных технологических процессов, дистанционно управляемое роботизированное оборудование (буровое, добычное, горнотранспортное), видеомониторинг работоспособности технологического оборудования, цифровой контроль промышленной и экологической безопасности на объектах ТЭК и др. [26. С. 20; 35. С. 30]. Цифровизация бизнес-процессов отраслей ТЭК способствовала на данном этапе повышению их эффективности и явилась, по сути, первым шагом на пути их дальнейшей цифровой трансформации [36. С. 4]. Большая часть новых достижений относилась к нефтегазовой отрасли. Она заметно усилила свои конкурентные преимущества на международных рынках энергоресурсов, ее достижения способствовали укреплению политико-экономического влияния нашей страны в мире. Угольщики и энергетики так и не добились полного паритета в этой сфере технико-технологической деятельности даже в конце анализируемого времени. Вместе с тем произошли качественные изменения в сфере использования средств автоматизации, которые значительно повысили эффективность процессов системного энергообеспечения. Появилась децентрализованная распределенная энергетическая система, коренным образом улучшившая энергобезопасность благодаря диверсификации основных процессов (генерации, потребления и др.) [37].

В конце первого десятилетия XXI в. цифровая трансформация компаний и предприятий ТЭК России, прежде всего, была связана с автоматизацией и роботизацией экономической деятельности, ростом производительности труда, совершенствованием систем управления «интеллектуальными» объектами. Повсеместно распространяются революционные для того времени технологии, которые создали новые возможности формирования, хранения и использования объективной информации, – цифровые двойники, продвинутая аналитика, искусственный интеллект, блокчейн и др. [5, 38]. Внедрение их в производственно-управленческую деятельность стало первым шагом на пути к новой научно-технологической ступени – «Индустрии 4.0», т.е. Четвёртой промышленной революцией. Результаты цифровизации отраслей ТЭК по многим параметрам превосходили общероссийские. Данные достижения создали благоприятные условия для внедрения других инноваций, существенно интенсифицировали технологические прорывы в смежных отраслях российской экономики – химической, металлургической, станкостроения, радиоэлектронной, сектора информационных и коммуникационных услуг [39. С. 13].

Ярким достижением стало появление цифрового нефтяного месторождения (промысла) [27]. Здесь почти все процессы были автоматизированы, информационные технологии применялись в режиме реального времени, программное обеспечение позволяло моделировать любую производственную ситуацию (в том числе нештатного характера), заметно повысилась производительность труда, снижались издержки производства. Это позволило начать разрабатывать месторождения, которые ранее считались нерентабельными. Таким образом, можно утверждать, что лидером в переходе к цифровой трансформации предприятий ТЭК России стала нефтяная промышленность.

В целом экономическая и научно-технологическая политика Президента и Правительства РФ в совокупности с энергичными действиями предприятий ТЭК оказалась вполне успешной. На это указывают следующие результаты, имевшие место в конце рассматриваемого времени: не осталось регионов, испытывавших дефицит электроэнергии; с 2000 по 2010 г. почти в два раза снизилась энергоемкость российской экономики [40. С. 2178]; заметно возросла добыча энергоресурсов, а вместе с ней и их экспорт [41. С. 8, 11]; повысилась степень контроля производственно-экономических процессов со стороны федеральных органов власти и управления; заметно снизилось количество несчастных случаев на производстве; контролировались цены на электроэнергию; на энергетическом рынке создавались новые услуги; достижения топливно-энергетического комплекса стали важным фактором развития смежных отраслей и др. [42]. Важным явлением в экономической деятельности стала органи-

зация новых бизнес-моделей системообразующих нефтегазовых, угольных и энергетических компаний, которые позволили модернизировать организационно-управленческие и производственно-технологические процессы, повысить эффективность добычи энергоресурсов, диагностировать сложное оборудование, прогнозировать выработку электроэнергии и многое другое. При этом Российская Федерация довольно сдержано относилась к альтернативным источникам энергии, которые «обещала» цифровизация. И эта позиция оказалась вполне оправданной.

Внедрение цифровых технологий существенно улучшило финансово-экономические результаты производственной деятельности. Например, к 2012 г. благодаря «интеллектуальным» объектам управления добыча в компании «Салым Петролеум Девелопмент» превзошла запланированные показатели более чем на 2% [43]. Компания «Роснефть» благодаря «умной» скважине в течение двух лет (2009–2011) дополнительно добыла более полумиллиона тонн нефти. Данные достижения указывают на серьезные результаты начавшейся цифровой трансформации ТЭК России, что не соответствует весьма критическим взглядам некоторых исследователей, затрагивавших данную тематику [44. С. 138].

Вместе с тем в конце анализируемого периода имелось много проблем, сдерживавших цифровую трансформацию топливно-энергетического комплекса России. Это значительный временной разрыв между разработкой отечественного продукта и его реализацией, зависимость от импорта цифровой продукции и сервисных услуг, непропорциональный и несистемный характер их распространения, недостаточно высокие темпы внедрения, высокий уровень износа техники и оборудования, невысокий уровень инновационной среды в экономике, слабая привлекательность научно-технической сферы для молодежи и др. [45. Л. 11–12; 46. С. 144; 47. С. 64]. Интенсивное развитие отечественного ТЭК ограничивалось дефицитом институтов, способных объединить все оцифрованные бизнес-процессы, сгенерировать лучший опыт, расширить уровень цифровых навыков и т.д.

Таким образом, цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса динамично развивалась в различных формах и направлениях, являясь неотъемлемой частью инновационного курса экономической политики Правительства РФ. Наиболее интенсивно данный процесс протекал в сферах информатизации и компьютеризации, которые в основном ориентировались на программное обеспечение иностранных производителей. Если в 1990-е – начале 2000-х гг. преобладали экстенсивные методы внедрения цифровых решений, то в конце рассматриваемого периода – интенсивные. В течение 20 лет предприятия топливно-энергетического комплекса прошли путь от отдельных объектов автоматизации, информатизации и компьютеризации (1992–2005) к началу комплексной цифровой трансформации (2006–2010), т.е. внедрению цифровых технологий в отраслевые бизнес-процессы. Основным драйвером цифровой трансформации и перехода к Четвёртой промышленной революции стало использование инновационных технологий, базировавшихся на искусственном интеллекте и цифровых двойниках. Наиболее заметно это было на предприятиях нефтяной промышленности, которые и стали лидерами цифровой трансформации среди предприятий других отраслей. В целом результаты цифровизации на предприятиях ТЭК положительно отразились на топливно-энергетическом балансе страны, а также конкурентных преимуществах отечественных компаний на глобальном рынке углеводородного сырья. Заметно возросла энергетическая безопасность России, однако в части ее цифрового обеспечения усиливала свое влияние технико-технологическая зависимость от зарубежных программно-аппаратных комплексов и оборудования.

Историческим уроком является важность сохранения активного международного сотрудничества, без которого немыслимы конкурентоспособные темпы научно-технологического развития страны.

Список источников

1. Благодатских В.Г., Богатырев Л.Л., Бушуев В.В. и др. Влияние энергетического фактора на экономическую безопасность регионов Российской Федерации / отв. ред. А.И. Татаркин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 288 с.
2. Соловенко И.С., Рожков А.А. Цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.): степень изученности проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 153–161.
3. Плакиткин Ю.А. Технологические ступени XXI в. и их влияние на развитие мировой энергетики // Энергетика. 2010. № 4. С. 13–25.
4. Заболотская К.А. Состояние и развитие угольной промышленности Кузбасса в контексте обеспечения энергетической и геополитической безопасности СССР и России // Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XXI вв. : сб. науч. тр., посвященный 15-летию общеобразовательного факультета / под ред. К.В. Фадеева. Томск : Графика, 2008. С. 60–64.
5. Хитрых Д. О цифровой трансформации энергетической отрасли // Энергетическая политика. 2021. № 10 (164). С. 76–89.
6. Малашевич Б.М. 50 лет отечественной микроэлектронике : краткие основы и история развития. М. : Техносфера, 2013. 800 с.
7. Дмитриев С.С. Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М. : ИМЭМО РАН, 2014. 162 с.
8. Переписка с Государственной Думой, министерствами и ведомствами Российской Федерации, Российской академией наук и научно-исследовательскими институтами о развитии международного научно-технического сотрудничества и о государственной поддержке проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в научных и инженерных центрах Российской Федерации. Т. 1: 1993–1994 гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 10068.
9. Приоритетные направления фундаментальных исследований, 1996 г. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 5567.
10. Нариньяни А.С. Национальная идея и российский путь в информационные технологии XXI века // Проблемы информатизации. 2001. № 2. С. 50–52.
11. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3 (дата обращения: 13.08.2023).
12. О мерах по развитию изобретательства и рационализаторской деятельности в Томской области : постановление Администрации Томской области, 1998 г., апрель // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1628. Оп. 1. Д. 579.

13. Баитов А.В., Великороссов В.В., Карякин А.М. Энергетическая безопасность России в условиях рыночных отношений в электроэнергетике. М. : Книжный Мир, 2012. 224 с.
14. Решение заседания Научно-технического совета РАО «Газпром» секции «Информатизация и технологическая связь», 1996 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 977. Оп. 1. Д. 975.
15. Справка о выполнении программы научно-технического перевооружения Восточной нефтяной компании, 1998 г., 8 июня // ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318.
16. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация : анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомНьюс Груп, 2019. 368 с.
17. Развитие автоматизированного картопостроения и оснащение камеральных групп ПЭВМ, ДАООТ «Тюменнефтегеофизика», 1994 г. // Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р2338. Оп. 1. Д. 18.
18. Развитие средств и систем связи и автоматизированных технологических процессов в нефтегазодобывающем производстве : справка (1992 г.) // РГАЭ. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 12.
19. О первоочередных мерах по развитию и господдержке инновационной деятельности в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 26.12.1995 № 1288 // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3650.
20. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В., Филатова М.Н. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической политики СССР и Российской Федерации (1945–2013 гг.) / под общ. ред. М.Н. Филатовой. М. : НИПКЦ Восход–А, 2013 . 984 с.
21. Ерохин П.М., Куликов Ю.А. Цифровая платформа электроэнергетики России // Электроэнергетика глазами молодежи : материалы юбилейной X Междунар. науч.-техн. конф. / отв. ред. К.В. Суслов Иркутск : Иркут. нац. исслед. техн. ун-т, 2019. Т. 1. С. 26–31.
22. Колосок И.Н., Коркина Е.С. Информационное обеспечение задачи создания цифрового двойника ЭЭС и ее объектов. Повышение эффективности производства и использования энергии в условиях Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Иркутск, 20–24 апреля 2021 г.) : в 2 т. / под общ. ред. В.В. Федчишина. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2021. Т. 1. С. 187–191.
23. Протоколы заседаний научно-технического совета (НТС) ДАООТ «Тюменнефтегеофизика» за 1995–1999 гг. // ГАТюмО. Ф. 2338. Оп. 1. Д. 33.
24. Черняев А.Н. Создание автоматизированной системы оперативного управления режимами работы электростанции : дис. ... канд. техн. наук : 05.13.06. М., 2011. 142 с.
25. История развития цифровой экономики России // Государственный университет управления (Москва). URL: https://guu.ru/история-развития-цифровой-экономики/ (дата обращения: 11.09.2024).
26. Черкасов М. Умные технологии в нефтегазовой отрасли // Control Engineering Россия. 2015. № 3 (57). С. 20–22.
27. Дмитриевский А.Н., Мартынов В.Г., Абукова Л.А., Еремин Н.А. Цифровизация и интеллектуализация нефтегазовых месторождений // Автоматизация и IT в нефтегазовой области. 2016. № 2 (24). С. 13–19.
28. Воробьев А.Е., Воробьев К.А., Тчаро Х. Цифровизация нефтяной промышленности. М. : Спутник+, 2018. 327 с.
29. Протоколы № 1–7 заседания Научно-технического совета общества и его секций (экономики; геологии, геофизики и разработки месторождений, бурения скважин; проектирования обустройства месторождений), документы к ним («ТюменНИИгипрогаз»), 2007 г. // ГАТюмО. Ф. Р2373. Оп. 1. Д. 213.
30. Сулоева С.Б., Мартынатов В.С. Особенности цифровой трансформации предприятий нефтегазового комплекса // Организатор производства. 2019. Т. 27, № 2. С. 27–36.
31. Maksimtsev I.A., Kostin K.B., Berezovskaya A.A. Modern Trends in Global Energy and Assessment of the Ever-Increasing Role of Digitalization // Energies. 2022/ Vol. 15. Art. 8767. doi: 10.3390/en15228767
32. Семешов А.П. Система автоматизированного управления механизированной крепью САУК 138М // ТЭК и ресурсы Кузбасса. 2005. № 1. С. 22–25.
33. Ратманова И.Д., Коровкин С.Д., Железняк Н.В. Информационная модель топливно-энергетического комплекса как основа анализа энергетической безопасности региона // Информационные технологии. 2009. № 9. С. 9–15.
34. Панихидников С.А., Новосёлов С.В. Инновации в обеспечении безопасности жизнедеятельности на угольных шахтах России. СПб. : СПБГУТ, 2017. 212 с.
35. Богидаев С.А., Афанасьев С.А. Инновации в нефтегазовом комплексе // Технико-экономические проблемы развития регионов : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (Иркутск, 24–25 ноября 2014 г.). Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2014. Вып. 13. С. 28–31.
36. Текслер А.Л. Цифровизация энергетики: от автоматизации процессов к цифровой трансформации отрасли // Цифровая энергетика. 2018. Вып. 5. С. 3–6.
37. Alekseev A.N., Lobova S.V., Bogoviz A.V., Ragulina Yu.V. Digitalization of the Russian Energy Sector: State-of-the-art and Potential for Future Research // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. Vol. 9 (5). P. 274–280. doi: 10.32479/ijeep.7673
38. Харас Б.З. Цифровизация и проблемы импортонезависимости ТЭК // Научные труды ВЭО России. 2018. Т. 210. С. 105–114.
39. Вопросы технической политики отраслей ТЭК Российской Федерации / под ред. О.В. Жданеева. М. : Наука, 2020. 304 с.
40. Макаров А.А. Перспективы топливно-энергетического комплекса России в новых экономических реалиях // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 1 (9). С. 2176–2182.
41. Лапаева М.Г., Лапаева О.Ф. Основные этапы формирования и развития топливно-энергетического комплекса в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 8. С. 4–12.
42. Trunova L.G. Digital transformation of the electric power industry // AIP Conference Proceedings. 2022. Vol. 2434. Art. 060010. doi: 10.1063/5.0097181
43. Герасимова И. Интеллектуальная добыча // Neftegaz.RU. 2019. № 3. URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/pervaya-strochka/346594-intellektualnaya-dobycha/ (дата обращения: 03.07.2023).
44. Баринова В.А., Девятова А.А., Ломов Д.Ю. Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 4. С. 126–145.
45. Энергетический бюллетень (февраль 2014 г.) // ГА РФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 205.
46. Остроухова Н.Г. Обзор проблем отечественного топливно-энергетического комплекса // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1, № 4 (4). С. 138–148.
47. Воропай Н.И., Сендеров С.М., Славин Г.Б., Чельцов М.Б. Угрозы энергетической безопасности и их последствия // Энергетическая безопасность России : материалы Всерос. науч. семинара, 12 апреля 2006 г., Санкт-Петербург. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2006. С. 61–68.

References

1. Blagodatskikh, V.G., Bogatyrev, L.L., Bushuev, V.V. et al. (1998) *Vliyanie energeticheskogo faktora na ekonomicheskuyu bezopasnost' regionov Rossiyskoy Federatsii* [The Influence of the Energy Factor on the Economic Security of the Regions of the Russian Federation]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Solovenko, I.S. & Rozhkov, A.A. (2023) Digitalization of Enterprises of the Russian Fuel and Energy Complex (Turn of the 20th–21st Centuries): The Degree of Study of the Problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 153–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/15

3. Plakidkin, Yu.A. (2010) Tekhnologicheskie stupeni XXI v. i ikh vliyanie na razvitie mirovoy energetiki [Technological Stages of the 21st Century and Their Impact on the Development of World Energy]. *Energetika*. 4. pp. 13–25.
4. Zabolotskaya, K.A. (2008) Sostoyanie i razvitie ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa v kontekste obespecheniya energeticheskoy i geopoliticheskoy bezopasnosti SSSR i Rossii [The State and Development of the Coal Industry of Kuzbass in the Context of Ensuring the Energy and Geopolitical Security of the USSR and Russia]. In: Fadeev, K.V. (ed.) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe osvoenie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* [Economic and Cultural Development of the Urals and Siberia in the 19th–21st Centuries]. Tomsk: Grafika. pp. 60–64.
5. Khitrykh, D. (2021) O tsifrovoy transformatsii energeticheskoy otrasli [On the Digital Transformation of the Energy Sector]. *Energeticheskaya politika*. 10(164). pp. 76–89.
6. Malashevich, B.M. (2013) *50 let otechestvennoy mikroelektronike: kratkie osnovy i istoriya razvitiya* [50 Years of Domestic Microelectronics: Basic Principles and History of Development]. Moscow: Tekhnosfera.
7. Dmitriev, S.S. (2014) *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo* [Energy Strategy of B. Obama: Reliance on Innovation and Technological Leadership]. Moscow: IMEMO RAN.
8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Perepiska s Gosudarstvennoy Dumoy, ministerstvami i vedomstvami Rossiyskoy Federatsii, Rossiyskoy akademiei nauk i nauchno-issledovatel'skimi institutami o razvitii mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva i o gosudarstvennoy podderzhke provedeniya nauchno-issledovatel'skikh i opytno-konstruktorskikh rabot v nauchnykh i inzhenernykh tsentrakh Rossiyskoy Federatsii* [Correspondence with the State Duma, Ministries and Departments of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences and Research Institutes on the Development of International Scientific and Technical Cooperation and on State Support for Research and Development in Scientific and Engineering Centers of the Russian Federation]. Vol. 1. Fund 10200. List 4. File 10068.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Prioritetnye napravleniya fundamental'nykh issledovaniy, 1996 g.* [Priority Directions of Fundamental Research, 1996]. Fund 10200. List 5. File 5567.
10. Narinyani, A.S. (2001) Natsional'naya ideya i rossiyskiy put' v informatsionnye tekhnologii XXI veka [The National Idea and the Russian Path into the Information Technologies of the 21st Century]. *Problemy informatizatsii*. 2. pp. 50–52.
11. The Russian Federation. (2016) *O Strategii nauchno-tekhnicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016 № 642* [On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 No. 642]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3 (Accessed: 13th August 2023).
12. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). *O merakh po razvitiyu izobretatel'stva i ratsionalizatorskoy deyatel'nosti v Tomskoy oblasti: postanovlenie Administratsii Tomskoy oblasti, 1998 g., aprel'* [On Measures for the Development of Invention and Rationalization Activities in the Tomsk Region: Resolution of the Administration of the Tomsk Region, April 1998]. Fund R-1628. List 1. File 579.
13. Baitov, A.V., Velikorossov, V.V. & Karyakin, A.M. (2012) *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh rynochnykh otnosheniy v elektroenergetike* [Energy Security of Russia in the Conditions of Market Relations in the Electric Power Industry]. Moscow: Knizhnyy mir.
14. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). *Reshenie zasedaniya Nauchno-tekhnicheskogo soveta RAO "Gazprom" sektsii "Informatizatsiya i tekhnologicheskaya svyaz'", 1996 g.* [Decision of the Meeting of the Scientific and Technical Council of RAO "Gazprom", Section "Informatization and Technological Communications", 1996]. Fund 977. List 1. File 975.
15. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). *Spravka o vypolnenii programmy nauchno-tekhnicheskogo perevooruzheniya Vostochnoy neftyanoy kompanii, 1998 g., 8 iyunya* [Report on the Fulfillment of the Scientific and Technical Re-equipment Program of the Eastern Oil Company, June 8, 1998]. Fund R-2023. List 1. File 318.
16. Prokhorov, A. & Konik, L. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya: analiz, trendy, mirovoy opyt* [Digital Transformation: Analysis, Trends, World Experience]. 2nd ed. Moscow: KomN'yus Grupp.
17. The State Archive of the Tyumen Region (GATyumO). *Razvitie avtomatizirovannogo kartopostroeniya i osnashchenie kameral'nykh grupp PEVM, DAOOT "Tyumenneftegeofizika", 1994 g.* [Development of Automated Mapping and Equipping of Office Groups with PCs, JSC "Tyumenneftegeofizika", 1994]. Fund R2338. List 1. File 18.
18. The Russian State Archive of the Economy (RGAE). (1992) *Razvitie sredstv i sistem svyazi i avtomatizirovannykh tekhnologicheskikh protsessov v neftegazodobyvayushchem proizvodstve: spravka* [Development of Communications Means and Systems and Automated Technological Processes in Oil and Gas Production: Report]. Fund 1077. List 1. File 12.
19. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *O pervoocherednykh merakh po razvitiyu i gospodderzhke innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.12.1995 № 1288* [On Priority Measures for the Development and State Support of Innovation Activity in the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 26.12.1995 No. 1288]. Fund 10200. List 5. File 3650.
20. Bodrova, E.V., Gusarova, M.N., Kalinov, V.V. & Filatova, M.N. (2013) *Neftegazovyy kompleks v kontekste realizatsii gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki SSSR i Rossiyskoy Federatsii (1945–2013 gg.)* [The Oil and Gas Complex in the Context of the Implementation of State Scientific and Technical Policy of the USSR and the Russian Federation (1945–2013)]. Moscow: NIPKTs Voskhod–A.
21. Erokhin, P.M. & Kulikov, Yu.A. (2019) Tsifrovaya platforma elektroenergetiki Rossii [Digital Platform of the Russian Electric Power Industry]. In: Suslov, K.V. (ed.) *Elektroenergetika glazami molodezhi [*Electric Power Industry Through the Eyes of Youth*]*. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. pp. 26–31.
22. Kolosok, I.N. & Korkina, E.S. (2021) Informatsionnoe obespechenie zadachi sozdaniya tsifrovogo dvoinika EES i ee ob"ektov [Information Support for the Task of Creating a Digital Twin of the Electric Power System and Its Objects]. *Povyshenie effektivnosti proizvodstva i ispol'zovaniya energii v usloviyakh Sibiri* [Improving the Efficiency of Energy Production and Use in Siberian Conditions]. Proc. of the All-Russian Conference with International Participation. Irkutsk, April 20–24, 2021. Vol. 1. Irkutsk: IRNITU. pp. 187–191.
23. The State Archive of the Tyumen Region (GATyumO). *Protokoly zasedaniy nauchno-tekhnicheskogo soveta (NTS) DAOOT "Tyumenneftegeofizika" za 1995–1999 gg.* [Minutes of Meetings of the Scientific and Technical Council (STC) of JSC "Tyumenneftegeofizika" for 1995–1999]. Fund 2338. List 1. File 33.
24. Chernyaev, A.N. (2011) *Sozdanie avtomatizirovannoy sistemy operativnogo upravleniya rezhimami raboty elektrostantsii* [Creation of an Automated System for Operational Control of Power Plant Operating Modes]. Engineering Cand. Diss. Moscow.
25. The State University of Management (Moscow). (n.d.) *Istoriya razvitiya tsifrovoy ekonomiki Rossii* [History of the Development of the Digital Economy in Russia]. [Online] Available from: https://guu.ru/история-развития-цифровой-экономики/ (Accessed: 11th September 2024).
26. Cherkasov, M. (2015) Umnye tekhnologii v neftegazovoy otrasli [Smart Technologies in the Oil and Gas Industry]. *Control Engineering Rossiya*. 3(57). pp. 20–22.
27. Dmitrievskiy, A.N., Martynov, V.G., Abukova, L.A. & Eremin, N.A. (2016) Tsifrovizatsiya i intellektualizatsiya neftegazovykh mestorozhdeniy [Digitalization and Intellectualization of Oil and Gas Fields]. *Avtomatizatsiya i IT v neftegazovoy oblasti*. 2(24). pp. 13–19.
28. Vorobiev, A.E., Vorobiev, K.A. & Tcharo, Kh. (2018) *Tsifrovizatsiya neftyanoy promyshlennosti* [Digitalization of the Oil Industry]. Moscow: Sputnik+.
29. The State Archive of the Tyumen Region (GATyumO). (2007) *Protokoly № 1–7 zasedaniya Nauchno-tekhnicheskogo soveta obshchestva i ego sektsiy (ekonomiki; geologii, geofiziki i razrabotki mestorozhdeniy, bureniya skvazhin; proektirovaniya obustroystva mestorozhdeniy), dokumenty k nim ("TyumenNIIgiprogaz")* [Minutes No. 1–7 of the Meeting of the Scientific and Technical Council of the Society and its Sections (Economics; Geology, Geophysics and Field Development, Well Drilling; Field Development Design), Documents to them ("TyumenNIIgiprogaz")]. Fund R2373. List 1. File 213.

30. Suloeva, S.B. & Martynatov, V.S. (2019) Osobennosti tsifrovoy transformatsii predpriyatiy neftegazovogo kompleksa [Features of the Digital Transformation of Oil and Gas Complex Enterprises]. *Organizator proizvodstva*. 27(2). pp. 27–36.
31. Maksimtsev, I.A., Kostin, K.B. & Berezovskaya, A.A. (2022) Modern Trends in Global Energy and Assessment of the Ever-Increasing Role of Digitalization. *Energies*. 15. Art. 8767. doi: 10.3390/en15228767
32. Semeshov, A.P. (2005) Sistema avtomatizirovannogo upravleniya mekhanizirovannoy krepl'yu SAUK 138M [The Automated Control System for Mechanized Roof Support SAUK 138M]. *TEK i resursy Kuzbassa*. 1. pp. 22–25.
33. Ratmanova, I.D., Korovkin, S.D. & Zheleznyak, N.V. (2009) Informatsionnaya model' toplivno-energeticheskogo kompleksa kak osnova analiza energeticheskoy bezopasnosti regiona [Information Model of the Fuel and Energy Complex as a Basis for Analyzing the Energy Security of a Region]. *Informatsionnye tekhnologii*. 9. pp. 9–15.
34. Panikhidnikov, S.A. & Novosyolov, S.V. (2017) *Innovatsii v obespechenii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti na ugol'nykh shakhtakh Rossii* [Innovations in Ensuring Life Safety at Coal Mines in Russia]. St. Petersburg: SPBGUT.
35. Bogidaev, S.A. & Afanasiev, S.A. (2014) Innovatsii v neftegazovom komplekse [Innovations in the Oil and Gas Complex]. *Tekhniko-ekonomicheskie problemy razvitiya regionov* [Technical and Economic Problems of Regional Development]. Proc. of Conference with International Participation. Irkutsk, November 24–25, 2014). Vol. 13. Irkutsk: IrSTU. pp. 28–31.
36. Teksler, A.L. (2018) Tsifrovizatsiya energetiki: ot avtomatizatsii protsessov k tsifrovoy transformatsii otrasli [Digitalization of the Energy Sector: From Process Automation to Industry Digital Transformation]. *Tsifrovaya energetika*. 5. pp. 3–6.
37. Alekseev, A.N., Lobova, S.V., Bogoviz, A.V. & Ragulina, Yu.V. (2019) Digitalization of the Russian Energy Sector: State-of-the-art and Potential for Future Research. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 9(5). pp. 274–280. doi: 10.32479/ijeep.7673
38. Kharas, B.Z. (2018) Tsifrovizatsiya i problemy importonezavisimosti TEK [Digitalization and the Problems of Import Independence of the Fuel and Energy Complex]. *Nauchnye trudy VEO Rossii*. 210. pp. 105–114.
39. Zhdaneev, O.V. (ed.) (2020) *Voprosy tekhnicheskoy politiki otrasley TEK Rossiyskoy Federatsii* [Issues of Technical Policy of the Fuel and Energy Complex Industries of the Russian Federation]. Moscow: Nauka.
40. Makarov, A.A. (2010) Perspektivy toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii v novykh ekonomicheskikh realiyakh [Prospects of the Russian Fuel and Energy Complex in New Economic Realities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 12(1(9)). pp. 2176–2182.
41. Lapaeva, M.G. & Lapaeva, O.F. (2004) Osnovnye etapy formirovaniya i razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa v Rossii [Main Stages of Formation and Development of the Fuel and Energy Complex in Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 4–12.
42. Trunova, L.G. (2022) Digital transformation of the electric power industry. *AIP Conference Proceedings*. 2434. Art. 060010. doi: 10.1063/5.0097181
43. Gerasimova, I. (2019) *Intellektual'naya dobycha* [Intelligent Production]. [Online] Available from: https://magazine.neftegaz.ru/articles/pervaya-strochka/346594-intellektualnaya-dobycha/ (Accessed: 3rd July 2023).
44. Barinova, V.A., Devyatova, A.A. & Lomov, D.Yu. (2021) Rol' tsifrovizatsii v global'nom energeticheskom perekhode i v rossiyskoy energetike [The Role of Digitalization in the Global Energy Transition and in Russian Energy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 16(4). pp. 126–145.
45. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Energeticheskiy byulleten' (fevral' 2014 g.)* [Energy Bulletin (February 2014)]. Fund 10342. List 3. File 205.
46. Ostroukhova, N.G. (2015) Obzor problem otechestvennogo toplivno-energeticheskogo kompleksa [Review of Problems of the Domestic Fuel and Energy Complex]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 1(4(4)). pp. 138–148.
47. Voropay, N.I., Senderov, S.M., Slavin, G.B. & Cheltsov, M.B. (2006) Ugrozy energeticheskoy bezopasnosti i ikh posledstviya [Threats to Energy Security and Their Consequences]. *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii* [Energy Security of Russia]. Proc. of the All-Russian Seminar. St. Petersburg, April 12, 2006. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University. pp. 61–68.

***Сведения об авторах*:**
Соловенко Игорь Сергеевич – доктор исторических. наук, доцент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru
Рожков Анатолий Алексеевич – доктор экономических наук, профессор, начальник отдела аналитических исследований и краткосрочного прогнозирования развития угольной промышленности Российского энергетического агентства Минэнерго России (Москва, Россия). E-mail: aarozhkov@mail.ru
Пинжин Кирилл Александрович – студент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pinzhin98@mail.ru
Жолбин Андрей Павлович – студент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pszholbin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Solovenko Igor S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru
Rozhkov Anatoly A. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Analytical Research and Short-term Forecasting of the Coal Industry Development of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru
Pinzhin Kirill A. – Student at the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pinzhin98@mail.ru
Zholbin Andrey P. – Student at the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pszholbin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 28.05.2025; accepted for publication 15.11.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/19988613/98/23

История российского либерализма в оптике «Муромцевских чтений» (2019–2024 гг.)

Ольга Анатольевна Харусь

Томский государственный университет, Томск, Россия, olga.kharus@mail.ru

Аннотация. На основе анализа материалов состоявшихся в 2019–2024 гг. «Муромцевских чтений» определены актуальные тенденции в исследовании истории российского либерализма, проблемам которого посвящена эта ежегодная международная конференция. Обозначены основные характеристики и особенности проблемного поля данной творческой площадки. Определена роль «Муромцевских чтений» в приращении научного знания о либерализме как сложносоставном социокультурном явлении, а также в формировании эффективной «сети общения» историков, философов, социологов, правоведов, экономистов, способствующей выходу на качественно новый уровень в осмыслении истоков, природы, особенностей, сущности отечественного либерализма.
Ключевые слова: либерализм, Россия, история, историография

Для цитирования: Харусь О.А. История российского либерализма в оптике «Муромцевских чтений» (2019–2024 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 194–200. doi: 10.17223/19988613/98/23

Original article

The history of Russian liberalism through the lens of the “Muromtsev Readings” (2019–2024)

Olga A. Kharus

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olga.kharus@mail.ru

Abstract. The author of the article aims to reconstruct the scientific discourse presented during the "Muromtsev Readings" from 2019 to 2024, and to identify current trends in the study of the history of Russian liberalism. Its issues represent the main theme of this annual international conference. The choice of chronological period for the research is determined by the existence of published reviews of the first ten "Muromtsev Readings", which took place from 2009 to 2018. The foundation for the research is based on the collection of materials from the XI-XVI conferences. Its analysis and systematization allowed to identify key characteristics and features of the problems of this creative platform. Each conference was supposed to focus on a specific central issue that provided basis for defining the themes of the readings in their titles. However, this did not imply a refusal to discuss other aspects of the history of Russian liberalism. Thanks to this circumstance, the materials of the "Muromtsev Readings" contribute to holistic vision of liberalism as a complex sociocultural phenomenon. The largest number of presentations at the conference is dedicated to the theory of Russian liberalism, which is explained by its specificity as a particular type of intellectual liberalism. An important characteristic of the problematic field of the "Muromtsev Readings" is the wide temporal range, allowing for a historical reconstruction of the genesis, formation, and evolution of liberalism from the mid XVIII century to the early XXI century. However, the main focus is on the period from the late XIX to the early XX century, as this stage in the history of Russian liberalism was marked by a vast range of specific events and a significant contribution to the theory of liberalism made by the Russian intellectuals. The wide scope of the "Muromtsev Readings" problematic field has allowed to attract the representatives from various sectors of social and humanitarian knowledge. The 'communication networks' of historians, philosophers, sociologists, legal scholars, and economists formed within this platform contribute to elaborate interdisciplinary and transdisciplinary approaches, allowing for a broader understanding of the origins, nature, characteristics, and essence of national liberalism as a social thought and movement. As a result, essential assumptions are created to launch a large-scale project to prepare a multi-volume collective paper on the history of Russian liberalism.
Keywords: liberalism, Russia, history, historiography

© О.А. Харусь, 2025

For citation: Kharus, O.A. (2025) The history of Russian liberalism through the lens of the “Muromtsev Readings” (2019–2024). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 194–200. doi: 10.17223/19988613/98/23

В 2009 г. на базе Орловского государственного университета состоялась первая международная научная конференция, посвященная изучению либерального наследия начала XX в. Получив наименование «Муромцевских чтений» в честь известного русского правоведа, публициста, председателя I Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева, эта конференция положила начало традиции ежегодного проведения научного форума специалистов различных отраслей социально-гуманитарного знания для обсуждения результатов и перспектив исследования истории отечественного либерализма на разных этапах и во всех его проявлениях. За прошедшие годы «Муромцевские чтения», учрежденные в память об основоположнике научной школы изучения либерализма в Орле докторе исторических наук, профессоре Евгении Иосифовиче Чапкевиче, приобрели статус уникальной и весьма авторитетной в среде научной общественности площадки, позволяющей выстраивать плодотворные «сети общения» историков, философов, социологов, правоведов, экономистов для приращения научного знания и углубления осмысления либерализма в России как сложносоставного и динамично развивающегося социокультурного явления.

Промежуточные итоги «Муромцевских чтений» дважды (в 2014 и 2019 гг.) становились предметом обстоятельного обзора в статьях одного из их инициаторов и организаторов – заведующего кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Владимировича Аронова [1, 2]. В этих статьях были обозначены концептуальные и организационные основы чтений, отмечены такие характерные особенности состоявшихся конференций, как междисциплинарность, широта проблемного поля, совмещение региональной, частно-исторической тематики с масштабностью исследований. К 2018 г. по итогам работы конференций было опубликовано 292 научных статьи (10 сборников научных статей и два выпуска «Трудов», в которые вошли статьи, представленные на I–X «Муромцевских чтениях» [3. С. 9].

Традиции проведения ежегодных «Муромцевских чтений» были продолжены в 2019–2024 гг. Глубокий и чрезвычайно емкий анализ основных подходов, заявленных на каждой из состоявшихся в эти годы конференций, оценка результатов обсуждения и дискуссий по ключевым проблемам, а также перспективные направления дальнейшей работы представлены в предисловиях к сборникам материалов, автором которых неизменно являлся *Валентин Валентинович Шелохаев* – крупнейший специалист по истории отечественного либерализма, вдохновитель идеи проведения чтений и их постоянный участник. Замысел же данной публикации состоит в обобщающем ретроспективном обзоре материалов «Муромцевских чтений» за 2019–2024 гг. для реконструкции основных контуров научного дискурса, представленного в рамках этого научного форума в последние шесть лет, обозначения актуальных векторов и тенденций в исследовании истории российского либерализма, а также определения вклада участников чтений в историографию этого многогранного социокультурного феномена.

Одна из особенностей «Муромцевских чтений», определившаяся к 2019 г. и проявившаяся при организации научных конференций в последующем, была связана с формированием проблемного поля для работы участников. В соответствии со сложившимися за 10 лет традициями очередная конференция предполагала фокус на определенной центральной проблеме, которая выносилась на первый план и давала основание для обозначения тематики чтений в их наименовании. (Пожалуй, единственным исключением в этом отношении стали Муромцевский чтения 2022 г., проблематика которых была заявлена чрезвычайно широко – «Российский либерализм в исторической перспективе» – и не позволяла однозначно выделить некое системообразующее ядро для организации обсуждения [4]). В 2019 г. была анонсирована в информационном письме и проведена конференция «Российский либерализм и Государственная дума России: 1906–1917 гг.», предполагавшая концентрацию внимания на теоретическом и методологическом осмыслении либеральной модели конституционализма, определении отношения российских либералов к парламентским методам реализации модели общественного переустройства России, анализе содержания и направленности либеральных законопроектов, а также практик трансляции их с думской трибуны и в периодической печати [5]. В качестве центральной темы «Муромцевских чтений» 2020 г. была определена история генезиса, формирования и эволюции либеральной мысли в России во всем многообразии ее проявлений, начиная с середины XVIII в. до первой трети XX в. [6]. XIII «Муромцевская» научная конференция была посвящена подведению историографических итогов изучения российского либерализма и определению перспективных направлений дальнейшего исследования его истории [7]. Либеральный сегмент в системе российских политических партий был определен в качестве основного предмета обсуждения участников «Муромцевских чтений» в 2023 г. [8]. Апробация и преломление идеологии и программных установок либералов в различных сферах их общественно-политической и законотворческой деятельности находились в фокусе внимания специалистов на конференции 2024 г. [9].

Важно отметить, что выделение той или иной проблематики в качестве центральной и определявшей основной рефрен докладов не предполагало отказа от обсуждения иных аспектов истории российского либерализма. Вне зависимости от наименования конференции в информационных письмах потенциальным участникам чтений организаторы Д.В. Аронов и В.В. Вострикова анонсировали такие ставшие традиционными для этой площадки направления работы, как история ли-

бералных партий и движений, российский либерализм в персоналиях, возникновение и генезис либеральной идеологии в России, либеральная концепция гражданского общества, российская модель конституционализма, парламентская деятельность либеральных фракций, основные этапы историографии и теоретико-методологические подходы к изучению российского либерализма. Таким образом, выдерживался ориентир на обсуждение проблем отечественного либерализма во всем многообразии его проявлений и ипостасей на разных этапах исторического развития. Именно благодаря этому обстоятельству в материалах «Муромцевских чтений» представлен полноценный научный дискурс, позволяющий составить целостное системное представление о либерализме как многогранном сложносоставном социокультурном явлении, формирующемся и развивающемся в контексте трансформирующейся исторической среды.

Схематично и с известной долей условности общие контуры проблемного поля «Муромцевских чтений», состоявшихся в 2019–2024 гг., можно обозначить в табличном формате (табл. 1).

Таблица 1

Проблематика «Муромцевских чтений» в 2019-2024 гг.*

Год	Количество докладов по основным проблемам истории российского либерализма					
	Наименование конференции / центральная проблема	Методология, историография, источники	Либерализм как общественно-политическая мысль (идеология, концепции, проекты, ценностные установки)	Организационные основы, организационные формы либерального движения	Общественно-политические и парламентские практики	Персоналии
2019	Российский либерализм и Государственная дума. 1906–1917 гг.	3	8	1	14	6
2020	Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX в.	4	15	1	8	0
2021	Прошлое и будущее либерализма в России — итоги и перспективы изучения	8	12		4	4
2022	Российский либерализм в исторической перспективе	6	13	1	7	5
2023	Российский либерализм в системе политических партий России в начале XX в.	7	7	2	4	4
2024	Общественно-политические и экономические аспекты развития России в политико-правовой практике российского либерализма конца XIX – начала XX в.	3	5	2	3	1
Всего		31	60	7	40	20

* Составлено по: [4–9].

Следует отметить, что в таблице зафиксированы не все опубликованные в сборниках материалы. Объясняется это несколькими обстоятельствами.

Во-первых, при анализе проблематики «Муромцевских чтений» не были учтены статьи, которые не вписываются в традиционные рамки исследовательского пространства и свидетельствуют о появлении новых ракурсов в изучении отечественного либерализма. Так, в 2019 г. Д.В. Щукин вынес на обсуждение профессионального научного сообщества предложение обратить внимание на изучение повседневных практик жизненного пространства представителей либерализма и посвятил свой доклад выяснению вопроса о взаимосвязи политических и пищевых (вкусовых) предпочтений либералов [10]. В некоторых случаях не представляется возможным соотнести с традициями российского научного дискурса в изучении проблем либерализма содержание статей зарубежных коллег [11, 12]. Однако сам по себе факт постановки новых вопросов, безусловно, является весьма значимым для определения возможных перспектив расширения проблемного поля истории либерализма.

Во-вторых, ряд статей невозможно однозначно отнести к одной из выделенных рубрик ввиду множества одновременно затрагиваемых аспектов интересующей авторов комплексной проблемы. В качестве одного из примеров такого рода можно привести доклад «Парламентская оппозиция в учении и политической практике конституционных демократов: актуализированный анализ», с которым на конференции в 2019 г. выступил А.Н. Медушевский [5. С. 68–88]. В этом докладе представлено множество взаимосвязанных сюжетов (в частности: кризис классической модели парламентаризма и его симптомы в постсоветской России; понятийный аппарат, используемый в политической мысли и историографии для изучения политической оппозиции; вклад российских либералов конца XIX – начала XX в. в разработку вопросов парламентаризма; отношение либеральной оппозиции к институтам парламентаризма, стратегия конституционных демократов в Государственной думе), что позволило автору убедительно обосновать целесообразность использования интеллектуального наследия и политического опыта конституционных демократов начала XX в. для продвижения России в направлении парламентаризма. Более того, следует признать, что и в целом выделение в качестве самостоятельных проблемных блоков статей, посвященных идеологии, ценностной системе, взглядам

и концепциям либералов, с одной стороны, и статей, анализирующих их общественно-политические практики, является весьма условным и относительным. В материалах «Муромцевских чтений» отчетливо проявилась тенденция к комплексным, «синтетическим» исследованиям. Во многих статьях анализ либерализма как общественной мысли сопровождается сюжетами и комментариями, демонстрирующими предпринимавшиеся теоретиками усилия по проецированию своих представлений о желательном социальном устройстве на решение конкретных актуальных проблем общественно-политической повестки, фиксируется «выход» либералов за пределы сугубо научного (философского, социологического, правоведческого) дискурса в сферу практической деятельности. Вместе с тем в докладах, освещавших парламентские практики, проявления социальной активности либералов в различных организациях, учреждениях, институтах Российской империи, их участие в разноуровневых общественно-политических процессах, в той или иной степени уделяется внимание мировоззренческим, ценностным установкам, доктринальным основам либерализма, которые зачастую определяли как конкретные поведенческие сценарии в общественно-политическом пространстве страны, так и в целом жизненные стратегии отдельных представителей либерализма. Безусловно, этот исследовательский вектор, связанный с тенденцией к «соединению» либеральной теории с либеральной практикой, является весьма плодотворным и перспективным [9. С. 156].

Известная степень условности имеет место и при выделении в рубрику «Персоналии» материалов, посвященных видным представителям либерализма. В данном случае зафиксированы те доклады, в которых представлены биографии, судьбы либералов, освещаются основные вехи и этапы их жизненного пути. Между тем характерной особенностью включенных в сборники статьей является весьма плотное «население» их яркими личностями. Фактически в большинстве докладов, которые в табл. 1 отнесены к теоретическому блоку проблем, предпринимается детальный анализ мировоззрения, взглядов, концепций, проектов конкретных представителей либерального направления общественной мысли. В ряде случае такой анализ сопровождается авторскими комментариями по поводу жизненных обстоятельств теоретиков и идеологов отечественного либерализма.

В целом же именно теории либерализма традиционно посвящается наибольшее число выступлений на конференции. Отчасти, возможно, это связано с недостаточным вниманием к соответствующим проблемам в рамках советского периода историографии. Вместе с тем повышенный интерес исследователей к российскому либерализму как интеллектуальному феномену может быть объяснен и его спецификой как «особого типа интеллектуального либерализма, возникшего и формировавшегося прежде всего на теоретическом уровне в неадекватной среде» [13. С. 36].). Отмечаемая специалистами ярко выраженная идеологоцентричность протопартийных и партийных организаций либералов смещает фокус исследовательского интереса с изучения организационных основ и форм либерализма к изучению доктринальных основ, ценностных ориентиров и концептуальных моделей переустройства Отечества, разрабатывавшихся представителями этого направления общественной мысли.

Нельзя не отметить и значительное внимание, неизменно уделяемое участниками «Муромцевских чтений» проблемам методологии, историографии, источниковой базы исследований. Это обстоятельство представляется вполне закономерным и объясняется общей логикой развития научного знания, которая предполагает систематическую оценку достигнутых результатов, рефлексию по поводу ключевых тенденций, постановку новых проблем и поиск новых исследовательских ракурсов.

Важным обстоятельством, характеризующим проблемное поле «Муромцевских чтений» и делающим его весьма притягательным для многих исследователей, является широкий временной диапазон, позволяющий осуществлять историческую реконструкцию генезиса, формирования, эволюции либерализма как динамично развивающегося социокультурного явления. Для обозначения хронологических рамок исследований, представленных в материалах конференции, целесообразно ориентироваться на периодизацию истории российского либерализма, основанную на синхронизации с принципиальными изменениями исторической среды, оказавшими существенное влияние на его становление (1-й этап: реформы Екатерины II – реформы 1860–1770-х гг. XIX в.; 2-й этап: Великие реформы XIX в. – Октябрьская революция 1917 г.; 3-й этап: Гражданская война и эмиграция; 4-й этап: «перестроечный» и постсоветский (конец 1980-х гг.– настоящее время) (табл. 2).

Таблица 2

Хронологические рамки исследований, представленных в материалах «Муромцевских чтений» 2019–2024 гг.*

Год проведения конференции	Вторая половина XVIII в. – середина XIX в.	Вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.	1918 г. – 1930-е гг.	Конец XX – начало XXI в.
2019	1	29	1	0
2020	3	19	1	2
2021	5	17	3	2
2022	4	18	4	1
2023	1	16	1	0
2024	0	12	2	0
Всего	14	111	12	5

* Составлено по: [4–9].

Ряд материалов не имеет четких хронологических границ, представляя собой результаты «сквозных», масштабных исследований, связанных с изучением теории и методологии, концепций, практик или иных

аспектов либерализма в протяженной временной перспективе (напр.: [14–17]). Возрастающий интерес специалистов к изучению либерализма в формате долгого времени можно обозначить как весьма перспективную тенденцию, позволяющую выйти на качественно новый уровень осмысления его проблем.

Обращает на себя внимание отмеченная В.В. Шелохаевым еще в 2008 г. [18. С. 9] и сохраняющаяся по настоящее время неодинаковая «плотность» изучения выделенных периодов в истории российского либерализма. По-прежнему основное внимание уделяется второму этапу, что, по-видимому, в значительной мере объясняется как большей насыщенностью событийного ряда в истории либерализма этого периода, так и мощными интеллектуальными усилиями российской интеллигенции, позволившими именно в начале XX в. значительно обогатить новыми творческими идеями «общую семью либерализма» [13. С. 36]. Весьма скромно представлен в материалах «Муромцевских чтений» современный этап в истории российского либерализма. Изучение, обсуждение и даже сама постановка проблем современного либерализма существенно осложняются их идеологизацией и политизацией, связанной, в частности, с отсутствием необходимой временно́й дистанции между историком и объектом его исследовательского интереса. По-видимому, необходимые предпосылки для научного анализа и осмысления современного этапа в истории отечественного либерализма еще не созрели, и для их формирования потребуется некоторое время.

В 2019–2024 гг. получила продолжение и традиция «Муромцевских чтений», связанная с обсуждением проблем истории российского либерализма не только в общенациональном формате, но и в региональном измерении (табл. 3).

Таблица 3

Территориальные рамки исследований, представленных в материалах «Муромцевских чтений» в 2019–2024 гг.*

Год проведения конференции	Регионы
2019	Новгородская губерния, Сибирь (Красноярск, Омск, Томск, Тобольск, Верхнеудинск)
2020	Вильно
2021	Тверская губерния, Костромская губерния
2022	Витебская губерния, Владимирская губерния, Сибирь (Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Барнаул)
2023	Вологодская губерния, Беларусь (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская губернии)
2024	Беларусь (Витебская, Минская, Могилевская губернии), Вологодская губерния, Сибирь (Акмолинская область, Енисейская губерния, Забайкальская область, Иркутская, Тобольская, Томская губернии)

* Составлено по: [4–9].

В целом широта проблемного поля «Муромцевских чтений», проявившаяся в постановке и обсуждении самых разнообразных вопросов и аспектов истории российского либерализма в различных хронологических рамках и территориальных границах, позволила не только привлечь к участию в них значительное число ведущих специалистов, но и создать устойчивую сеть научных коммуникаций между ними. Постоянными участниками конференции на протяжении многих лет являются доктора философских наук В.К. Кантор, А.А. Кара-Мурза, А.Н. Медушевский, доктора исторических наук В.В. Журавлев, К. А. Соловьев, В.В. Шелохаев и др.

Участие в работе «Муромцевских чтений» представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания способствует продуцированию интердисциплинарных и трансдисциплинарных подходов, позволяет выходить за пределы научной специализации в понимании истоков, природы, особенностей, сущности отечественного либерализма как общественной мысли и общественного движения. Многообразие предлагаемых для обсуждения на конференции исследовательских ракурсов, проблем, сюжетов придает необходимую полифоничность в осмыслении столь многогранного социокультурного явления, как либерализм. Созданные на этой творческой площадке возможности профессионального общения открывают новые горизонты для приращения научного знания. Признавая весомый вклад участников «Муромцевских чтений» в изучение российского либерализма, В.В. Шелохаев в своем заключительном слове на состоявшейся в 2024 г. конференции [9. С. 156] отметил не только выход на качественно новый уровень всестороннего осмысления места и роли российского варианта либерализма в «общей мировой системе либерализма», но и значимость того импульса, который создан на этой площадке для запуска работы по подготовке многотомного обобщающего коллективного труда по истории российского либерализма. Очевидно, что продолжение традиции ежегодного проведения «Муромцевских чтений» может существенно способствовать реализации столь масштабного исследовательского проекта.

Список источников

1. Аронов Д.В. Муромцевские чтения в Орле – вчера, сегодня, завтра. Приглашение к дискуссии // Современное общество и право. 2014. № 1 (14). С. 3–5.
2. Аронов Д.В. «Жизнь, отданная борьбе за право»: научная конференция «Муромцевские чтения», 2009–2018 гг. // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 165–168.
3. Шелохаев В.В. Предисловие // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения : сб. материалов Междунар. науч. конф., 28–29 сентября 2018 г. Орел : Александр Воробьев : Орлик, 2018. С. 7–11.
4. Российский либерализм в исторической перспективе : XIV Муромцевские чтения : сб. материалов Междунар. науч. конф., 7–8 октября 2022 г. Орел : Орлик, 2022. 281 с.
5. Российский либерализм и Государственная дума. 1906–1917 гг. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 11–12 октября 2019 г. Орел : Орлик, 2019. Ч. I. 408 с.

6. Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 9–10 октября 2020 г. Орел : Орлик, 2020. 344 с.
7. Прошлое и будущее либерализма в России – итоги и перспективы изучения : (Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра) : сб. материалов Междунар. науч. конф., 1–2 октября 2021 г. Орел : Орлик, 2021. 314 с.
8. Российский либерализм в системе политических партий России в начале XX в. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 6–7 октября 2023 г. Орел : Орлик, 2023. 269 с.
9. Общественно-политические и экономические аспекты развития России в политико-правовой практике российского либерализма конца XIX – начала XX в. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 11–12 октября 2024 г. Орел : Орлик, 2025. 160 с.
10. Щукин Д.В. Вкусовые предпочтения (кухня) в жизненном пространстве русского либерализма и государственной думы России начала XX в. // Российский либерализм и Государственная дума. 1906–1917 гг. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 11–12 октября 2019 г. Орел : Орлик, 2019. Ч. I. С. 389–397.
11. Газински Б. Либеральное отношение под автократическим давлением. Калининградская область в широкой исторической перспективе: военный бастион или место сотрудничества балтийского региона? // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 9–10 октября 2020 г. Орел : Орлик, 2020. С. 328–340.
12. Фиоччи Маласпина Э. Из Пьемонта в Россию: Джакомо Джованетти и Михаил Семенович Воронцов о регулировании водных ресурсов. (1842–1847) // Прошлое и будущее либерализма в России – итоги и перспективы изучения : (Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра) : сб. материалов Междунар. науч. конф., 1–2 октября 2021 г. Орел : Орлик, 2021. С. 286–313.
13. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–41.
14. Аронов Д.В. Парламентаризм как позитивное выражение сущностных характеристик ядра либеральной идеологии // Российский либерализм и Государственная дума. 1906–1917 гг. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 11–12 октября 2019 г. Орел : Орлик, 2019. Ч. I. С. 16–25.
15. Медушевский А.Н. Идея всемирной конституции: от истоков к современным проектам осуществления // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 9–10 октября 2020 г. Орел : Орлик, 2020. С. 13–36.
16. Шнейдер К.И. Аксиология раннего русского либерализма в официальном политическом дискурсе современной России // Общественно-политическая мысль российского либерализма середины XVIII – начала XX вв. : сб. материалов Междунар. науч. конф., 9–10 октября 2020 г. Орел : Орлик, 2020. С. 287–303.
17. Медушевский А.Н. Соединенные Штаты Европы: либеральная концепция в эпоху глобализации // // Прошлое и будущее либерализма в России – итоги и перспективы изучения : (Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра) : сб. материалов Междунар. науч. конф., 1–2 октября 2021 г. Орел : Орлик, 2021. С. 8–33.
18. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры : всерос. науч.-практ. конф. : сб. докладов и материалов конф. М. : Рос. гуманитарный науч. фонд, 2008. С. 6–16.

References

1. Aronov, D.V. (2014) Muromtsevskie chteniya v Orle – vchera, segodnya, zavtra. Priglashenie k diskussii [Muromtsev Readings in Orel – Yesterday, Today, Tomorrow. An Invitation to a Discussion]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*. 1(14). pp. 3–5.
2. Aronov, D.V. (2019) “Zhizn', otdannaya bor'be za parvo”: nauchnaya konferentsiya “Muromtsevskie chteniya”, 2009–2018 gg. ["A Life Devoted to the Struggle for Law": The Conference "Muromtsev Readings", 2009–2018]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(18). pp. 165–168.
3. Shelokhaev, V.V. (2018) Predislovie [Preface]. *Rossiyskiy liberalizm: itogi i perspektivy izucheniya* [Russian Liberalism: Results and Prospects of Study]. Proc. of the International Conference. September 28–29, 2018. Orel: Aleksandr Vorob'ev: Orlik. pp. 7–11.
4. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2022) *Rossiyskiy liberalizm v istoricheskoy perspective* [Russian Liberalism in Historical Perspective]. The 14th Muromtsev Readings. October 7–8, 2022. Orel: Orlik.
5. *Aronov, D.V. (ed.) (2019) Rossiyskiy liberalizm i Gosudarstvennaya duma. 1906–1917 gg.* [Russian Liberalism and the State Duma. 1906–1917]. Proc. of the International Conference. October 11–12, 2019. Vol. 1. Orel: Orlik.
6. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2020) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' rossiyskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv.* [Socio-Political Thought of Russian Liberalism from the Mid-18th to the Early 20th Centuries]. Proc. of the International Conference. October 9–10, 2020. Orel: Orlik.
7. Aronov, D.V. (ed.) (2021) *Proshloe i budushchee liberalizma v Rossii – itogi i perspektivy izucheniya: (Muromtsevskie chteniya vchera, segodnya, zavtra)* [The Past and Future of Liberalism in Russia – Results and Prospects of Study: (Muromtsev Readings Yesterday, Today, Tomorrow]. Proc. of the International Conference. October 1–2, 2021. Orel: Orlik.
8. Aronov, D.V. (ed.) (2023) *Rossiyskiy liberalizm v sisteme politicheskikh partiy Rossii v nachale XX v.* [Russian Liberalism in the System of Political Parties in Russia in the Early 20th Century]. Proc. of the International Conference. October 6–7, 2023. Orel: Orlik.
9. Aronov, D.V. (ed.) (2025) *Obshchestvenno-politicheskie i ekonomicheskie aspekty razvitiya Rossii v politiko-pravovoy praktike rossiyskogo liberalizma kontsa XIX – nachala XX v.* [Socio-Political and Economic Aspects of Russia's Development in the Political and Legal Practice of Russian Liberalism in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Proc. of the International Conference. October 11–12, 2024. Orel: Orlik.
10. Shchukin, D.V. (2019) Vkusovye predpochteniya (kukhnya) v zhiznennom prostranstve russkogo liberalizma i gosudarstvennoy dumy Rossii nachala XX v. [Taste Preferences (Cuisine) in the Living Space of Russian Liberalism and the State Duma of Early 20th Century Russia]. In: Aronov, D.V. (ed.) *Rossiyskiy liberalizm i Gosudarstvennaya duma. 1906–1917 gg.* [Russian Liberalism and the State Duma. 1906–1917]. Proc. of the International Conference. October 11–12, 2019. Vol. 1. Orel: Orlik. pp. 389–397.
11. Gazinski, B. (2020) Liberal'noe otnoshenie pod avtokraticheskim davleniem. Kaliningradskaya oblast' v shirokoy istoricheskoy perspektive: voennyy bastion ili mesto sotrudnichestva pribaltiyskogo regiona? [Liberal Attitude Under Autocratic Pressure. Kaliningrad Region in a Broad Historical Perspective: A Military Bastion or a Place of Cooperation in the Baltic Region?]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' rossiyskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv.* [Socio-Political Thought of Russian Liberalism from the Mid-18th to the Early 20th Centuries]. Proc. of the International Conference. October 9–10, 2020. Orel: Orlik. pp. 328–340.
12. Fiocchi Malaspina, E. (2021) Iz P'emonta v Rossiyu: Dzhakomo Dzhovanetti i Mikhail Semenovich Vorontsov o regulirovanii vodnykh resursov. (1842–1847) [From Piedmont to Russia: Giacomo Giovannetti and Mikhail Semenovich Vorontsov on Water Resource Regulation. (1842–1847)]. In: Aronov, D.V. (ed.) *Proshloe i budushchee liberalizma v Rossii – itogi i perspektivy izucheniya: (Muromtsevskie chteniya vchera, segodnya, zavtra)* [The Past and Future of Liberalism in Russia – Results and Prospects of Study: (Muromtsev Readings Yesterday, Today, Tomorrow]. Proc. of the International Conference. October 1–2, 2021. Orel: Orlik. pp. 286–313.
13. Shelokhaev, V.V. (1998) Russkiy liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema [Russian Liberalism as a Historiographical and Historiosophical Problem]. *Voprosy istorii*. 4. pp. 26–41.
14. Aronov, D.V. (2019) Parlamentarizm kak pozitivnoe vyrazhenie sushchnostnykh kharakteristik yadra liberal'noy ideologii [Parliamentarism as a Positive Expression of the Essential Characteristics of the Core of Liberal Ideology]. In *Aronov, D.V. (ed.) Rossiyskiy liberalizm i Gosudarstvennaya duma. 1906–1917 gg.* [Russian Liberalism and the State Duma. 1906–1917]. Proc. of the International Conference. October 11–12, 2019. Vol. 1. Orel: Orlik. pp. 16–25.

15. Medushevskiy, A.N. (2020) Ideya vsemirnoy konstitutsii: ot istokov k sovremennym proektam osushchestvleniya [The Idea of a World Constitution: From Origins to Modern Implementation Projects]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' rossiyskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv.* [Socio-Political Thought of Russian Liberalism from the Mid-18th to the Early 20th Centuries]. Proc. of the International Conference. October 9–10, 2020. Orel: Orlik. pp. 13–36.
16. Shneyder, K.I. (2020) Aksiologiya rannego russkogo liberalizma v ofitsial'nom politicheskom diskurse sovremennoy Rossii [The Axiology of Early Russian Liberalism in the Official Political Discourse of Modern Russia]. In Shelokhaev, V.V. (ed.) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' rossiyskogo liberalizma serediny XVIII – nachala XX vv.* [Socio-Political Thought of Russian Liberalism from the Mid-18th to the Early 20th Centuries]. Proc. of the International Conference. October 9–10, 2020. Orel: Orlik. pp. 287–303.
17. Medushevskiy, A.N. (2021) Soedinennye Shtaty Yevropy: liberal'naya kontseptsiya v epokhu globalizatsii [The United States of Europe: A Liberal Concept in the Era of Globalization]. In: Aronov, D.V. (ed.) *Proshloe i budushchee liberalizma v Rossii – itogi i perspektivy izucheniya: (Muromtsevskie chteniya vchera, segodnya, zavtra)* [The Past and Future of Liberalism in Russia – Results and Prospects of Study: (Muromtsev Readings Yesterday, Today, Tomorrow]. Proc. of the International Conference. October 1–2, 2021. Orel: Orlik. pp. 8–33.
18. Shelokhaev, V.V. (2008) Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature [Debatable Problems of the History of Russian Liberalism in Recent Russian Literature]. *Rossiyskiy liberalizm v regional'nom izmerenii: idei, struktury, taktiki, lidery* [Russian Liberalism in Regional Dimension: Ideas, Structures, Tactics, Leaders]. Proc. of the All-Russian Conference. Moscow: Rossiyskiy gumanitarnyy nauchnyy fond. pp. 6–16.

***Сведения об авторе*:**
Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olga.kharus@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Kharus Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga.kharus@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 22.08.2025; accepted for publication 15.11.2025

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/19988613/98/24

Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» (2025)

Егор Андреевич Федосов

Томский государственный университет, Томск, Россия, E.A.Fedosov@yandex.ru

Аннотация. Подводятся итоги проведения в Томском государственном университете ежегодной научной конференции «Славянский мир в условиях современных вызовов», состоявшейся в октябре 2025 г. Рассказывается об общей концепции заседаний, составе участников, тематических направлениях докладов. Показано разнообразие предметных областей, источникового материала и исследовательских оптик, которые объединяются для совместного обсуждения под эгидой мероприятия.
Ключевые слова: конференция, гуманитарные науки, славянские исследования, международные отношения, Томский государственный университет

Для цитирования: Федосов Е.А. Научная конференция «Славянский мир в условиях современных вызовов» (2025) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 201–203. doi: 10.17223/19988613/98/24

Original article

Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges” (2025)

Egor A. Fedosov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, E.A.Fedosov@yandex.ru

Abstract. The paper informs about the 9th All-Russian scientific conference with international participation «The Slavic World: Responding to New Challenges», which took place in Tomsk State University during October 9-10, 2025. The event has a traditional disposition and is organized by Faculty of Historical and Political Studies joint with International Historical Journal «Rusin». The conference’s main aim is to serve as the panel for discussion past and present of Slavic peoples in the context of global matters and processes. Also, its constant concepts are interdisciplinarity, broad thematic patterns and flexibility of format (face-to-face or online). This year, three sessions finally included 38 reports, and totally some about 50 participants joined the event as speakers, discussants and attendees. They were the representatives of 24 educational and scientific institutions of Tomsk, Seversk, Novosibirsk, Sankt-Petersburg, Moscow, Tyumen, Kazan, Volgograd, Makhachkala, Belgorod, Arkhangelsk, Astana (Kazakhstan) and Kishinev (Moldova). Sessions were continuing for two days. The topics of speeches of the first session chronologically matched to the pre-Revolutionary period of Russian history. The second one chronologically covered the problematic of contemporary history till nowadays. In parallel there was the special section for young researches. All the reports form several key directions of Slavic studies: geopolitical transformations of past and present; media, ideological and self-identity practices; literary and historiographical traditions; scientific actors; socio-economic cases; personalities. The content of conference was featured by specificity, informativity, originality of source base or research optics. At the end of sessions participants made some reflections about the conference and noticed strengths, weaknesses, opportunities and threats of further organization. The scientific results of the conference will be published as the series of articles in journals «Rusin», «Tomsk State University Journal» and «Tomsk State University Journal of History».
Keywords: conference, humanities, Slavic studies, interethnic relations, Tomsk State University

For citation: Fedosov, E.A. (2025) Scientific conference “The Slavic World: Responding to New Challenges” (2025). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 201–203. doi: 10.17223/19988613/98/24

9–10 октября 2025 г. Томский государственный университет принимал IX Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», организованную факультетом исторических и политических наук совместно с редакцией международного исторического журнала «Русин». Данное мероприятие ежегодно служит площадкой, на которой представители различных городов, вузов и научных организаций обсуждают прошлое и настоящее славянских народов и сообществ: их государственность, культуру, письменные традиции, развивающиеся на фоне глобальных процессов. Междисциплинарность и широкие тематические рамки из года в год объединяют научные интересы

© Е.А. Федосов, 2025

историков, филологов, культурологов, философов, международников и др. Конференция уже традиционно предполагает гибкий формат работы, предусматривающий как очное, так и дистанционное участие, что позволяет эффективно обеспечивать исследовательскую коммуникацию, несмотря на расстояния.

Следует особо отметить, что в рамках мероприятия существует постоянный костяк участников, а некоторые выступления отражали результаты очередных этапов продолжающихся исследований, тематика которых уже затрагивалась на заседаниях прошлых лет. Вместе с тем к работе присоединяются и все новые исследователи, заметно расширяя географию и аудиторию конференции. В частности, в нынешнем году она пользовалась особым вниманием со стороны молодых авторов из различных городов, что позволило сформировать отдельную молодежную секцию, работавшую в дистанционном формате. В целом в рамках заседаний было заслушано 38 докладов, а всего в качестве докладчиков, участников дискуссий и слушателей в конференции поучаствовали около 50 человек. Они являлись представителями 13 регионов России и ближнего зарубежья, будучи работниками 24 образовательных и научных организаций. Всего в составе участников конференции насчитывается 15 докторов, 19 кандидатов наук, а также исследователи без степеней из числа студентов, магистрантов и аспирантов.

В рамках открытия конференции с приветственным словом к присутствующим обратились ее давние идейные вдохновители и постоянные организаторы профессор В.П. Зиновьев (Томск, Россия) и доцент, главред журнала «Русин» С.Г. Суляк (Кишинев, Молдова). Они рассказали об истории возникновения, опыте проведения и целевых установках конференции, отметили ее роль в продвижении изучения славянской и, в частности, русинской тематики в отечественной науке, а также пожелали участникам продуктивной работы. Открытие заседания продолжилось пленарным докладом В.П. Зиновьева об истории противостояния славянских и германских народов.

В целом в очно-дистанционной части конференции программа была выстроена по тематико-хронологическому принципу, и в первый день были преимущественно заслушаны доклады, относящиеся к дооктябрьскому периоду истории. На второй день участники конференции в основном освещали сюжеты, охватывающие новейшее время вплоть до современности. Несмотря на многообразие предметных областей, методологических принципов и временны́х рамок исследований, представленных докладчиками, все они могут быть сведены к ряду ключевых направлений, которые на сегодня определяют научный интерес к славянской проблематике.

Заметный пласт докладов был посвящен вопросам, связанным с политической историей славянских народов и их географических соседей. Так, старший научный сотрудник А.С. Ряжев (ИРИ РАН) рассказал о характере русско-австрийских отношений в XVIII в. сквозь призму этно-религиозного фактора. Реакции населения Польши на переход ее территорий в состав Российской империи посвятил выступление доцент А.А. Вологдин (ВАВТ). Политика имперских властей на среднеазиатском направлении оказалась в центре внимания научного сотрудника И.Р. Прохорова (Национальный архив Республики Казахстан). Взаимоотношения различных антибольшевистских сил во время Гражданской войны отражены в докладе доцента А.А. Чемакина (СПбГУ) о пребывании петлюровской делегации в занятом белогвардейцами Крыму. Перипетии предвоенной дипломатии, сложившиеся вокруг заключения польско-германского договора 1934 г., раскрыл С.В. Морозов (БелГУ).

Исследования сразу нескольких докладчиков были нацелены на определение роли периодики в идеолого-пропагандистских практиках, применявшихся в рамках славянского мира. Это выступления профессора А.И. Иванова (СПбГУ) – о церковной прессе позднеимперского периода; доцента Д.И. Стогова (СПбГЭТУ «ЛЭТИ») – об освещении русинской проблематики в русских правых газетах начала XX в.; старшего преподавателя Е.А. Федосова (ТГУ) – о закономерностях визуализации врага в послевоенной печати УССР. Такая форма политической репрезентации, как участие чехословацких легионеров в празднествах, организованных белыми правительствами в годы Гражданской войны, стала предметом доклада заведующего кафедрой на ФИПН ТГУ Д.Н. Шевелева.

К еще одному широко представленному на конференции тематическому направлению можно отнести доклады, связанные с изучением самоидентификационных процессов у славянских народов. Так, институализация идентичности на примере украинцев в предреволюционной Сибири была в центре внимания профессора И.В. Нам (ТГУ). Профессор С.А. Панкратов (ВолГУ) и доцент Л.С. Панкратова (СПбГУ) обратились к проблеме трансформации современных межцивилизационных отношений Белоруссии, России и Украины. В этом году смежное с данной проблематикой направление образует и группа докладов, которые посвящены ценностным ориентирам, формирующимся на уровне национально-государственных стратегий образования и науки. На историческом опыте Российской империи подобные практики рассматривали доцент Н.И. Наумова, старший преподаватель А.О. Степнов и профессор С.А. Некрылов (все – ТГУ); применительно к современности – доцент А.М. Погорельская и профессор Е.В. Хахалкина (обе – ТГУ).

Существенный блок тематической повестки конференции сформировали доклады источниковедческого характера, в том числе основанные на опыте анализа библиотечных собраний, а также лингвистических и археологических данных. В рамках подобной оптики об историко-культурном значении льна у славян рассказала профессор Л.П. Дронова (ТГУ). Доценты Д.В. Долгушин и М.В. Прокофьев (оба – НГУ) представили результаты рассмотрения дневников русской дворянки XIX в. О.И. Орловой-Давыдовой. Польское восстания 1863 г. сквозь призму архивов сибирского старообрядчества стало предметом исследований ведущего научного сотрудника В.А. Есиповой и старшего научного сотрудника Е.В. Ивановской, представляющих Научную библиотеку ТГУ. Таким специфическим типам источников, как дореволюционные фамильные летописцы

и неатрибутированные месяцесловы, были посвящены выступления заведующего отделом И.А. Полякова и заведующего сектором М.А. Смирновой (оба – РНБ), а также старшего научного сотрудника Е.В. Комлевой (ИИ СО РАН / РНБ).

Часть озвученных докладов носила историографический и вместе с тем биографический характер, поскольку была призвана раскрыть развитие взглядов отдельных авторов на настоящее и прошлое славянских народов и государств. Сюда можно отнести выступления главного редактора журнала «Русин» доцента С.Г. Суляка, посвященное дореволюционному русскому этнографу А.Ф. Риттиху, профессора Л.А. Гаман (Северский филиал НИЯУ МИФИ) – об исторических сочинениях философа-эмигранта Г.П. Федотова, профессора Д.В. Карнаухова (НГПУ / НГТУ) и доцента В.А. Спесивцевой (НГПУ) – об исследованиях современного польского историка А.Ф. Грабского. Фактор личности в истории и культуре славянского мира лежал также в основе доклада профессора О.Т. Лойко (ТПУ) о представителях династии Кантемиров, доцента Д.А. Эфендиевой (ДГУ) – о болгарском интернационалисте-просветителе Б.П. Николове, доцента С.В. Герасимовой – о жанровых особенностях творчества поэта А.М. Голова (РГУ им. А.Н. Косыгина).

Отдельные выступления также обращались к истории различных общественных движений или специфике социально-экономического устройства. Например, доцент А.Л. Афанасьев (ТУСУР) рассказал о деятельности союза христиан-трезвенников в дореволюционной России. Объектом научного интереса доцента Д.М. Нечипорука (ТюмГУ) стали карпато-русинская диаспора в США 1920-х гг. и ее лидер М. Юхаш. Доцент Е.А. Полиновская охарактеризовала югославскую модель социализма.

Тематическим разнообразием отличалась и секция молодых исследователей. Книжным традициям славянских государств раннего Нового времени посвящались доклады К.М. Медведева (ЦГАКФФД СПб) и Ю.А. Чупрыны (СПбГУ). Состояние школ в Царстве Польском и полемика в волынской прессе в предреволюционные годы оказалась в центре внимания Н.С. Федулина (САФУ) и Е.О. Ковалевой (СПбГУ). Тему периодической печати продолжило выступление И.Д. Филонова (ТГУ), посвященное сравнению материалов журналов «Перец» и «Крокодил», публиковавшихся на фоне перестройки. Иная проблематика, а именно особенности болгарских переводов поэзии М.Ю. Лермонтова, затронута в докладе Я.О. Милосердовой. Миграционное и социально-экономическое положение украинцев с XIX в. и до современности было в центре научных поисков М.С. Кирюшина (К(П)ФУ) и Д.А. Садова (ВШЭ).

Выступления докладчиков и оживленные обсуждения представленных ими тем оказались не единственным поводом для дискуссий на конференции. В конце завершающего заседания также состоялся обмен мнениями о проведенном мероприятии, были обозначены потенциальные перспективы его дальнейшей организации. К числу наиболее дискуссионных вопросов следует отнести достижение оптимального баланса очных и дистанционных участников, соблюдение регламента, обеспечение возможностей публикации научных результатов конференции. В частности, последовали предложения в будущем увеличить количество секций, сделать больше пленарных докладов, авторами которых могли бы стать ведущие ученые, активнее привлекать студенческую аудиторию в качестве слушателей, а также шире освещать конференцию на университетских медиаресурсах. Подводя же черту под прошедшим мероприятием, отметим, что представленные на нем исследования будут обнародованы в виде серии публикаций в журналах «Русин», «Вестник Томского государственного университета. История» и «Вестник Томского государственного университета».

***Сведения об авторе*:**
Федосов Егор Андреевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Fedosov Egor A. – Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Department of Russian History of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: e.a.fedosov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 15.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/19988613/98/25

Историзм как базовый принцип российской этнологии. Рецензия на монографию Н.А. Томилова «Этническая история народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX в.» Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024 г. 282 с.

Людмила Ивановна Шерстова

Томский государственный университет, Томск, Россия, Sherstova58@mail.ru

Аннотация. Ставится проблема осмысления развития отечественной этнологии, представленная в монографии Н.А. Томилова. Делается вывод, что успешное решение проблем, связанных с этногенезом и этнической историей народов Сибири, в рамках отечественной этнологии стало возможным при опоре исследователей на принцип историзма. В результате была предложена теоретическая концепция изучения этнической истории, которая является значимым вкладом российских ученых в мировую этнологию.
Ключевые слова: этногенез, этническая история, народы Сибири, принцип историзма, российская этнология, этническая идентичность, источники и методы этноисторических исследований

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Для цитирования: Шерстова Л.И. Историзм как базовый принцип российской этнологии. Рецензия на монографию Н.А. Томилова «Этническая история народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX в.» Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024 г. 282 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 204–207. doi: 10.17223/19988613/98/25

Book review

Historicism as the basic principle for the Russian Ethnology. N.A. Tomilov “Siberian peoples ethnic history in works of second half of the XX Century”. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2024. 282 p.

Liudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Sherstova58@mail.ru

Abstract. Any science development requires constant interpretation of its achievements, and breakthroughs. The development needs to analyze its problems, understand the reasons of dead-end directions emergence and think over the influence of concepts formulated within the framework of other scientific traditions.

A distinctive feature of Russian ethnology is that since the 1920s it has become an integral part of historical science. Consequently, the principle of historicism was proclaimed as the main theoretical principle in scientific research. It determined the approaches to many fundamental issues, in particular, those related to the understanding of ethnogenesis and ethnic history.

A successful solution to the problems of ethnogenesis and ethnic history would be impossible without the creation of a solid and objective scientific theory. The monograph by N.A. Tomilov examines the process of theoretical understanding of such important concepts as ethnogenesis and ethnic history by Soviet ethnologists.

The author's conclusions are very important, since he himself has been developing the concept of ethnohistorical processes for many years. It is worth to note that the question of the origin of any people is the cornerstone of its ethnic self-consciousness, its ethnic identity.

The monograph analyzes the discussion among Russian ethnologists in the 1970s about whether ethnogenesis and ethnic history could be considered as mutually independent areas of ethnology, or whether they should be combined and considered as a single process.

The author shows that the ethnic history was gradually understood as a single process that included both the initial stage of the formation of a specific people – ethnogenesis, and its development, up to the present day, i.e. its ethnic history.

© Л.И. Шерстова, 2025

Among others, thanks to the works of N.A. Tomilov, the understanding that “ethnic history is both the formation of ethnic communities (ethnogenesis) and the further ethnic development of already formed peoples and ethnic groups (ethnodynamics) and their ethnic disintegration (ethnotransformation) has been strengthened in Russian ethnology.” Thus, the principle of historicism in the study of ethnic groups was fully realized, and the history of the peoples of Siberia received a scientific understanding.

Keywords: ethnogenesis, ethnic history, Siberian peoples, historism principle, Russian Ethnology, ethnic identity, ethnological research sources and methods

Acknowledgements: The study was conducted under the support of the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

For citation: Sherstova, L.I. (2025) Historicism as the basic principle for the Russian Ethnology. N.A. Tomilov “Siberian peoples ethnic history in works of second half of the XX Century”. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2024. 282 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 204–207. doi: 10.17223/19988613/98/25

Развитие любой науки нуждается в постоянном осмыслении ее достижений, прорывов в решении актуальных задач, а также в анализе ее проблем, понимании возможности возникновения тупиковых направлений и влияния концепций, сформулированных в рамках иных научных традиций. Особенностью отечественной этнологии было то, что с конца 1920-х гг. она стала составной частью исторической науки, и, соответственно, основным теоретическим принципом в научных исследованиях был провозглашен принцип историзма, который обусловил решение многих фундаментальных вопросов, в частности связанных с пониманием этногенеза и этнической истории. В монографии Н.А. Томилова дан глубокий и всесторонний анализ работ отечественных этнологов по проблемам этногенеза и этнической истории томских и барабинских татар (Н.А. Томилов, Ф.Т. Валеев, М.А. Корусенко, А.Г. Селезнев, Н.В. Кулешова), хантов (Е.В. Перевалова), хантов и манси (З.П. Соколова), селькупов (Г.И. Пелих), алтайцев (Л.П. Потапов, Л.И. Шерстова), нивхов (Ч.М. Таксами), ненцев (Л.В. Хомич), русских сибиряков (В.А. Александров, М.Л. Бережнова), нганасан (Г.М. Афанасьева), тувинцев-тоджинцев (С. И Вайнштейн), северных самодийцев (В.И. Васильев), чукчей и коряков (И.С. Вдовин), якутов (А.И. Гоголев, И.С. Гурвич), нганасан (Б.О. Долгих), шорцев (Л.П. Потапов, В.М. Кемеев), хакасов (Л.П. Потапов, В.Я. Бутанаев) и т.д.

Однако успешное решение проблем этногенеза и этнической истории было бы невозможно без создания прочной и объективной научной теории. В монографии Н.А. Томилова рассматривается процесс теоретического осмысления советскими этнологами таких важнейших понятий, как этногенез и этническая история. Выводы автора очень важны, так как он сам на протяжении многих лет разрабатывал концепцию этноисторических процессов. Важно отметить, что вопрос о происхождении любого народа является краеугольным камнем его этнического самосознания, этнической идентичности. Эта проблема была поставлена уже на заре письменной истории человечества (Библия – Ветхий Завет, греческие и китайские мифы и т.д.), отражена в устных преданиях бесписьменных народов. В «Повести Временных лет» ставится вопрос: «Откуда есть, пошла Русская земля…», – который понимается и как «откуда есть, пошли русские люди…» При этом в обыденном, да подчас и в научном сознании, считается, что чем древнее народ, тем он якобы играет более значимую роль в истории и имеет больше прав, что приводит к возникновению этнических мифов и придает порой агрессивный характер национальным движениям, провоцируя межэтнические конфликты.

Принцип историзма позволил понять, что этническая карта планеты меняется так же, как природная, климатическая, ландшафтная, лингвистическая, политическая, что современные народы содержат в себе субстраты более ранних, что формирование любого народа начинается с гетерогенного образования, которое в результате действия этнических процессов постепенно приобретает культурную гомогенность, т.е. формируется в новый народ. Достаточно сравнить этнические карты Западной Европы начала I и конца II тысячелетия, чтобы наглядно увидеть, как более ранние этносы – галлы, бритты, готы, авары, белги, лигуры, лангобарды – в ходе этнических процессов становились этническими субстратами современных этносов – итальянцев, англичан, французов, испанцев и т.д.

Чтобы результативно решать вопрос об этногенезе конкретного народа, истоки которого уходят в далекое прошлое, необходим междисциплинарный подход. Поэтому неслучайно в данной монографии специальный раздел посвящен глубокому анализу источников по вопросам этногенеза и этнической истории. Н.А. Томилов показывает, как междисциплинарный подход формировался в сибирской этнологии – через осознание тесной связи этнографии, археологии, лингвистики, физической антропологии, через формирование смешанных археолого-этнографических научных коллективов, примером которых была первая, основанная в 1968 г. в Томском государственном университете, Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири, через организацию и проведение археолого-этнографических конференций.

Так, в 1969 г. в Томске состоялась первая профильная конференции «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», на которой делались доклады как ученых из столичных академических центров, так и сибирских исследователей. Впоследствии эта тематика продолжила развитие в рамках Международных Западно-Сибирских археолого-этнографических конференций (последняя их которых – XIX – состоялась в мае 2024 г.) и проходивших с 1979 г. периодических кон-

ференций «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Западной Сибири и сопредельных территорий» в Омске, а также ряда конференций по обозначенной тематике в Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге и т.д. Важным элементом подготовки кадров в 1970–1980-е гг. были региональные студенческие археолого- этнографические конференции в Томске, Омске, Барнауле. Как правило, итогом работы археолого-этнографических конференций разного уровня, посвященных проблемам этногенеза народов Сибири, были публикации их материалов, что позволяло быть в курсе всех дискуссионных проблем по проблемам этногенеза народов Сибири широкому кругу исследователей.

При этом, как замечает Н.А. Томилов, будучи участником большинства из них, постоянно шел очень оживленный обмен мнениями как по проблемам этногенеза конкретных народов, так и по выработке теоретической основы подобных исследований. В центре дискуссий был вопрос о том, является этногенез самостоятельным направлением в этнологии либо его следует понимать как начальную фазу этнической истории. Одна точка зрения состояла в том, что этногенез охватывает весь период существования конкретного народа (А.М. Решетов, А.С. Брук, С.А. Токарев, Л.Н. Гумилев). Огромный вклад в понимание этногенеза как начальной стадии этнической истории внесли труды Ю.В. Бромлея, Р.Ф. Итса, Н.Н. Чебоксарова, М.В. Крюкова, Г.Е. Маркова, А.С. Герда, Н.А. Томилова, Д.Г. Савинова, Л.И. Шерстовой и др. [1. С. 105–113]. Именно последняя позиция была поддержана большей частью российских этнологов и впоследствии закрепилась в научных исследованиях. Хотя вряд ли стоит полностью отвергать и первую точку зрения, так как она предполагает более широкое понимание этногенеза как глобального процесса, процесса смены, исчезновения старых и появления новых этносов, следствие которого – периодическое изменение этнической карты планеты.

Таким образом, актуализировалась проблема понимания этнической истории. Н.А. Томилов тонко подметил, что вплоть до 1960-х гг. термин «этническая история», использовавшийся еще в 1930-е гг., фактически перестал встречаться в работах отечественных авторов. Вместо него укрепилось понятие «история народов». Это не было случайностью и объясняется коллизией в развитии российской этнологии, так как в начале 1930-х гг. под влиянием политических и идеологических причин ученые вынуждены были отказаться от использования термина «этнос», а сам он был объявлен «буржуазным». Представляется, что объяснение отказа от его применения кроется в общественно-политической ситуации того времени. Дело в том, что первым автором, разработавшим теорию этноса, был С.А. Широкогоров, профессор Дальневосточного университета, впоследствии покинувший страну. В 1923 г. в Шанхае вышел его труд «Этнос и его характеристики», который и положит начало теоретического осмысления этого феномена. В условиях политической ситуации 1930-х гг. труды эмигранта не могли стать частью отечественной науки. Имя С.А. Широкогорова и его труд фактически были вычеркнуты из этнологической науки. Поэтому в работах советских историков и этнографов 1930 – начала 1960-х гг. использовались такие термины, как «народ», а применительно к сибирским народам часто – род и племя.

Буквальное следование формационной теории, предполагавшей отнесение каждого конкретного народа Советского Союза к одной из общественно-экономических формаций, привело к формированию искаженного понимания уровня развития сибирских народов. Фиксируемые в русских документах XVI–XVII вв. Кондинское, Кодское, Обдорское, Пелымское княжества хантов и манси, Сибирское ханство татар, княжества енисейских киргизов свидетельствовали о существовании у большей части народов Сибири институтов государственности, что никак не соотносилось с первобытностью. Потомки тюркских и монгольских «кочевых империй» – алтайцы, буряты, якуты, тувинцы, хакасы и другие сохраняли традиции государственности на начало русского продвижения в Сибирь, что во многом облегчало диалог московской власти с ними. Однако господство единственной научной концепции, объяснявшей развитие человечества, в которой за образец был взят исторический процесс европейских народов, что и было отражено в формационной теории, предполагало одновременное существование более развитых и менее развитых народов и культур, что помимо научного догматизма вступало в противоречие и с основным принципом о равенстве народов СССР и искажало историческую реальность, формируя представление о народах Сибири как о «живых свидетельствах первобытности».

Однако полевая работа советских этнографов неизбежно приводила их к понимаю уникальности каждого народа и его культуры, что требовало и появления такого термина, который бы это отражал. Поэтому в 1964 г. произошло важное научное событие – термин «этнос» был «реабилитирован», и продолжилась работа по его теоретическому наполнению, что и было сделано в трудах Ю.В. Бромлея, М.В. Крюкова, Р.Ф. Итса, Н.Н. Чебоксарова. Более того, Ю.В. Бромлей фактически заново разработал теорию этноса, что, безусловно, является важным вкладом российской этнологии в мировую науку. Поэтому именно с 1960-х гг., как отмечает Н.А. Томилов, в советской этнографии закрепляется понятие «этническая история».

В монографии Н.А. Томилова показана еще одна дискуссия российских этнологов относительно того, следует ли считать этногенез и этническую историю самостоятельными направлениями в этнологии либо совместить их и рассматривать как единый процесс. Автор монографии показывает, как постепенно в трудах Л.В. Хомич, В.И. Васильева формируется представление об этнической истории как о едином процессе, включавшем в себя как начальный этап формирования конкретного народа – этногенез, так и его развитие, вплоть до современности, т.е. его этническую историю [1. С. 106–108]. Во многом и благодаря трудам Н.А. Томилова в российской этнологии укрепилось понимание того, что «этническая история – это и складывание этнических общностей (этногенез), и дальнейшее эт-

ническое развитие уже сформировавшихся народов и этнических групп (этнодинамика), и их этнораспад (этнотрансформация)» [1. С. 189]. Таким образом, принцип историзма в изучении этносов оказался полностью реализован, а история народов Сибири получила научное объяснение.

Понимание этнической истории как единого процесса поставило вопрос о том, когда же заканчивается этногенез. Из работ С.А. Широкогорова, Ю.В. Бромлея, М.В. Крюкова, Р.Ш. Джарылгасиновой, Л.И. Шерстовой следовало, что таким маркером выступает этническое сознание, которое внешне определяется этнонимом. В доиндустриальных обществах оно может подкрепляться особой конфессиональной принадлежностью, которая приобретает форму национальной религии (иудаизм, зороастризм, синтоизм, бурханизм и т.д.), направленной на дальнейшее сплочение членов данной общности и противопоставление другим, порой родственным, коллективам. Этноконфессиональное самосознание при определенной рационализации сознания может принять политическую форму, и тогда возникает национальное государство [2, 3].

Понимание активной роли этнического самосознания в процессе дальнейшего развития этноса (его этническая история) с начала 1990-х гг. стало подкрепляться разработками западных ученых о ведущей роли этнической идентичности (этничности) в выделении этнических групп. В результате произошла методологическая подмена, когда этнос отождествили только с одним из его признаков – этническим самосознанием, а термин «этнос» как обозначение объективно существующего культурного многообразия человечества был вынесен за скобки современной этнологии. Безусловно, западная наука внесла значимый вклад в понимание такого явления сознания, как этническая идентичность. Однако она абсолютизировала ее оторванность от ее носителей, так же как и гипертрофировала ее ситуативность, спонтанность, изменчивость, что в конечном итоге привело к появлению обилия разного рода идентичностей и их постоянной смене (например, около сотни гендерных идентичностей), а в конечном итоге к разбалансировке социальных связей в обществе. В какой-то степени происхождение такого рода идентичностей объясняли концепцией конструктивизма. Однако конструктивизм не может быть теорией, так как по своей сути он является одним из способов манипулирования сознанием и важным элементом политических технологий, поскольку предполагает внесение искусственно созданной этнической идентичности и ее насаждения различными способами в обществе, что, безусловно, ведет к кризису последнего.

Читая монографию Н.А. Томилова, снова погружаешься в ту удивительную атмосферу научного поиска, столь присущего отечественной этнологии 1970 – первой половины 1980-х гг., вспоминаешь жаркие дискуссии археологов и этнографов, которые не сдерживала монополия формационной теории. Вспоминаешь своих учителей, которые не были снисходительны к твоей неопытности в науке, что порождало стремление еще больше узнать и понять. Работая в Томском, а затем в Омском университете, Николай Аркадьевич Томилов подготовил немало профессиональных этнологов, его преданность науке, своему делу вызывает безмерное уважение.

Список источников

1. Томилов Н.А. Этническая история народов Сибири в трудах российских ученых второй половины XX в. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 282 с.
2. Шерстова Л.И. Алтай-кижи в конце XIX – начале XX в.: история формирования этноконфессиональной общности : автореф. дис … канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
3. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 285 с.

References

1. Tomilov, N.A. (2024) *Etnicheskaya istoriya narodov Sibiri v trudakh rossiyskikh uchenykh vtoroy poloviny XX v.* [Ethnic History of the Peoples of Siberia in the Works of Russian Scientists of the Second Half of the 20th Century]. Novosibirsk: RAS.
2. Sherstova, L.I. (1985) *Altay-kizhi v kontse XIX – nachale XX v.: istoriya formirovaniya etnokonfessional'noy obshchnosti* [The Altai-Kizhi in the Late 19th – Early 20th Century: History of the Formation of an Ethno-Confessional Community]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
3. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The Origins of Ethnos and Religion]. Tomsk: Tomsk State University.

***Сведения об авторе*:**
Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Sherstova58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Sherstova Lyudmila I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Sherstova58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 17.04.2025; accepted for publication 15.11.2025

Рецензия
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/98/26

Рецензия: Нефёдов С.А. История Российской империи: факторный анализ. Ереван: Fortis Press, 2024. 610 с.

Сергей Иванович Толстов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, shpakras@mail.ru

Аннотация. Дается рецензия на монографию, в которой автор задается целью «шаг за шагом проследить основные моменты истории России с тем, чтобы найти объяснение происходивших событий в рамках современных социологических теорий». Книга – востребованная реакция на потребность понимания нашей имперской истории. Сделано это убедительно, в максимальном приближении прошлого к тому, как оно было на самом деле. В этой связи рецензент полагает, что данное фундаментальное исследование необходимо учесть при разработке цивилизационной теории развития нашего государства.
Ключевые слова: Российская империя, факторный анализ, монография, государство-цивилизация

Для цитирования: Толстов С.И. Рецензия: Нефёдов С.А. История Российской империи: факторный анализ. Ереван: Fortis Press, 2024. 610 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 208–213. doi: 10.17223/19988613/98/26

Book review

Nefedov S.A. Review: The History of Russian Empire: factor analysis. Yerevan: Fortis Press, 2024. 610 p.

Sergey I. Tolstov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, shpakras@mail.ru

Abstract. The review examines the monograph by the modern historian Sergei A. Nefedov, in which he sets an ambitious goal to "trace the main points of the history of the Russian Empire step by step in order to find an explanation of the events that took place within the framework of modern sociological theories." The researcher conscientiously took advantage of the achievements of the thinkers of his predecessors, regardless of "nationality". Being an expert on Russian history, he identified the factors that determined the history of the Russian Empire and which had not been used by historians in combination until now, namely demographic, technological and geographical. This three-factor model was verified by specific historical material in accordance with chronology.

In the context of demographic and structural cycles, such phenomena as turning into serfs, colonization of the outskirts, absolutism and other functionally necessary conditions are perceived as natural. The Russian intelligentsia appeared as a Russian evolutionary and revolutionary phenomenon. The cross–cutting idea of the book is the idea of the people as a historical actor. The concept of the people is identified with the peasantry. The author associates himself with the concept of the peasant nature of the revolutionary events of the early 20th century. However, the peasantry as an independent driving force is not sufficiently analyzed.

Imperial Russia has already been thoroughly studied in historiography at the level of special topics, and an understanding of how it really was is easily formed. It is the lot of desperate historians to "stitch together" a complete picture of the past from the entire volume of research material, not a patchwork or tendentious one. S.A. Nefedov did it convincingly. Although the book does not contain arguments about the civilizational view of the history of Russia, but explaining the historical process by objective laws, it makes a significant contextual contribution to its civilizational understanding. The past is shown as a historical experience, therefore, research must necessarily be taken into account when developing a theory about Russia as a state-civilization.
Keywords: Russian Empire, factor analysis, monograph, state-civilization

For citation: Tolstov, S.I. (2025) Nefedov S.A. Review: The History of Russian Empire: factor analysis. Yerevan: Fortis Press, 2024. 610 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 208–213. doi: 10.17223/19988613/98/26

© С.И. Толстов, 2025

Современная Россия уже осознанно и на политическом уровне категорически самоопределилась в том, что у нее нет иной исторической перспективы существования и развития, кроме как в виде самобытного государства-цивилизации. В постсоветский период исподволь воспроизвелась логика цивилизационной особости России, которая в свое время констатировалась дореволюционными мыслителями Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым и которая своеобразно воплощалась практикой построения социализма и коммунизма в СССР. Состояние государства-крепости оказалось необходимым и естественным в контексте глобального исторического развития. В рамках рассмотрения истории России в контексте мировых цивилизаций до 2022 г. вполне убедительной представлялась концепция перманентного догоняющего Запад исторического развития России. Хорошо проработанная теория периодических модернизаций в отношении прошлого России казалась исчерпывающей в смысле объяснения прошлого страны. Однако данный теоретический подход сегодня с очевидностью обнаруживает свою концептуальную ограниченность с точки зрения понимания дальнейшего развития современной России. На поверку оказалось, что догонять РФ сейчас некого, и, как следствие, определение самостоятельной перспективы становится актуальной научной повесткой обществоведов. Роль историков в этом деле безальтернативно является первостепенной, ибо сначала надо по-настоящему объяснить, как так исторически получилось. Ну, непродуктивен – если не контрпродуктивен – линейный взгляд марксистского или либерального толка на историю России. Между тем историческая наука в части обобщающих исследований застряла именно в таком историографическом сценарии.

История как область знания, как научная дисциплина, да и просто как творческий нарратив является инструментом управления людьми, обществом, государством. Научно-историческое знание должно обладать определенными потребительскими свойствами, соответствующими запросам текущего времени, выявлять причинно-следственные связи, на основе которых формируется образ будущего, и пути-способы его достижения. Отечественная историография, начиная с Нестора, худо-бедно в этой связи была и остается функциональной. Не всегда, быть может, прошлое становилось историческим опытом, страхующим от знатных ошибок государственного управления, вследствие чего наступала общественная рефлексия, адресующая историкам запрос на объяснение происхождения жизненных проблем. Как правило, историки справлялись с этой задачей, только толку от этого было мало, так как про историков, «умных задним числом», в горячности текущих дел забывали, и в конечном итоге их объясняющие модели не пригождались. Со времен Ф.И. Тютчева до сих пор в массе своей принято почитать безнадежным делом попытки умом Россию понимать. Может, оно и резонно – оставаться в романтической загадочности, размышляя о прошлом и настоящем России, вместо того чтобы «городить огород» из искренних глупостей и ангажированных заблуждений, если не наваждений, но только это не должно касаться по-настоящему профессиональных историков. Все-таки профессия обязывает не только объяснять исторический процесс, но и подавать его для «“вершащих судьбы” страны» в виде уроков, которые нужно выучить, чтобы, согласно афоризму классика отечественной историографии В.О. Ключевского, в очередной раз не подвергнуть страну наказанию.

В связи с заявленной фундаментальной проблемной ситуацией нельзя оставить без внимания исследовательскую попытку маститого современного историка Сергея Александровича Нефёдова, который уже в первых строках своей книги «История Российской империи: факторный анализ» солидаризируется с историками «многих поколений», начиная с Геродота и Фукидида, в том, что должный императив исторического научного знания – «…обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий» [1. С. 9], и задается целью «шаг за шагом проследить основные моменты истории Российской империи с тем, чтобы найти объяснение происходивших событий в рамках современных социологических теорий» [1. С. 10]. Сразу же заметим: книга настолько богата впечатляющими наблюдениями, что сформулированная еще в одном варианте конечная цель – «выяснить, достаточно ли этих факторов (демографический, технологический и географический. – *С.Т.*) для объяснения основных моментов развития России, и ответить на вопрос: можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю?» [1. С. 11] – нечаянно кажется второстепенной или же излишне скромной. Пересказать и основательно проанализировать в краткой рецензии увидевшее свет в 2024 г. фундаментальное исследование вряд ли возможно, да и ненужно, ибо издание для заинтересованного читателя доступно. Представляется достаточным ограничиться собственными эмоционально-смысловыми предпочтениями, которые побуждают рекомендовать труд историка к учету в разработке теории истории России как государства-цивилизации. Кстати, теория, без которой, как известно, нам смерть, до сих пор не разработана. Теоретическая версия, что России свойственно периодически оказываться в состоянии догоняющих модернизаций, как уже отмечено, «хромает» с точки зрения определения перспективы развития современной России. На очередном переломном этапе нашей истории (*но ведь так оно и есть*!) этот исторический труд вносит очень весомый вклад в чрезвычайно важное, хоть и весьма непростое, дело: потребность среди профессионального сообщества историков в объяснении истории Имперской России сквозь призму цивилизационного подхода нарастает по экспоненте, и настоятельно требуется максимально адекватное удовлетворение этой потребности.

Исследователь, по существу, отнимает у многих историков полюбившуюся в последние десятилетия игрушку – плач по России, которую мы якобы потеряли. Делается это посредством использования такой исторической оптики, которая не умножает мифы, но приближает воспроизведение и понимание истории родной страны к исторической действительности. Претензия автора на убедительное объяснение общего

хода исторического процесса России привлекательна, поскольку она отважна и амбициозна. С.А. Нефёдов сознательно идет на отступление от безопасной в научно-репутационном отношении позиции – считаться «конкретным» специалистом-историком. Риск зайти на «чужую поляну», которая давно монополизирована зарубежной и сообщающейся с нею нашей либеральной историографией, – благородное дело.

Сама по себе заявка на убедительное и полезное в управленческом отношении объяснение истории посредством факторного анализа требует концептуального осмысления при наличии адекватного методологического инструментария. К примеру, катастрофический финал императорской России может быть продуктивно объяснен только на прочной теоретической основе, которая соответствовала бы сложности задачи такого объяснения. Каким же все-таки был движущий механизм исторического процесса императорской России, который «заклинил» в 1917 г.? Как видит и описывает его С.А. Нефёдов? Надо сказать, исследователь не стал оригинальничать – сочинять что-то свое, а внимательно и добросовестно воспользовался достижениями мыслителей-предшественников независимо от «национальной принадлежности». Будучи знатоком отечественной истории, а об этом свидетельствует прилагаемый к книге список литературы и опубликованных источников, он эмпирически-интуитивно определился с теми факторами, что, с его точки зрения, детерминировали трехсотлетний исторический процесс России. Рассматривая их совокупность, иерархию и взаимодействие на разных этапах этого процесса (а этапы эти аналитически выявляются достаточно отчетливо), он верифицировал обширный исторический материал на предмет выявления закономерностей исторического развития страны.

Закономерными автору представляются революции 1917 года. «Однако, – пишет он, – несостоятельность марксисткой трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще» [1. С. 417]. В связи с данной принципиальной методологической проблемой будет уместным пространно сослаться на умозаключение авторитетного советского и российского историка-методолога Б.Г. Могильницкого. Он утверждал, что «изучение исторической деятельности будет плодотворным лишь при условии его органичной связи с выявлением закономерностей общественного развития. Иначе история представляла бы хаотичное нагромождение более или менее случайных фактов, соединенных в историческом повествовании в некоторую систему на основании тех или иных субъективных соображений. Только признание закономерного характера общественного развития и выяснение конкретных исторических закономерностей, в рамках которых осуществляется деятельность людей и которые складываются в ходе этой деятельности, составляют необходимое условие действительно научного изучения истории» [2. С. 33].

Итак, под историческими закономерностями следует понимать вероятностную предопределенность социально-экономического и политического поведения людей под воздействием определенных существенных факторов, которые автор называет еще движущими силами истории [1. С. 11]. Современная историософская теория уже располагает существенным набором ключевых критериев объяснения событий прошлого, но нужно и важно уметь правильно пользоваться имеющимся объяснительным инструментарием. С.А. Нефёдов как раз и выясняет возможности объяснения особости российской истории на сегодняшнем уровне теоретико-методологического знания, прибегая к использованию вполне типических, на первый взгляд банальных, но не применявшихся доселе в отечественной историографии в такой совокупности следующих факторов: демографического, технологического и географического.

Целесообразно предельно кратко пересказать, под каким углом зрения рассматривались данные факторы и механизм их воздействия на ход исторического процесса императорской России. Историография демографической теории развития человечества подразумевает особое внимание к основному постулату основателя теории Томаса Роберта Мальтуса: жесткая зависимость численности населения от средств существования. Данное положение было воспринято Давидом Рикардо, который включил его в свою теорию заработной платы, отметив при этом, что численность населения циклична, т.е. было введено понятие «демографические циклы». Немецкий экономист и историк Вильгельм Абель подтвердил на данных из истории стран и народов Европы, что эта теория работает.

Мальтузианско-рикардианская теория получила распространение среди представителей школы «Анналов». В 70–80-е гг. XX в. теория демографических циклов в своем развитии получила общее обозначение «неомальтузианство». Но качественно данную теорию обогатил Д. Голдстоун, который предложил рассматривать динамику населения структурно, а именно через такие категории, как «народ», «государство», «элита». Внутри этой взаимосвязанной и эволюционирующей структуры в истории происходит перераспределение ресурсов, что и обусловливает социальный климат в обществе, чреватый в том числе и социальными потрясениями или же структурными кризисами. Такой подход к рассмотрению действия демографического фактора позволяет обозначать данную теорию как «демографически-структурную». На современном этапе она развивается международной «клиодинамической группой», в состав которой входит и сам С.А. Нефёдов. Ученые этой группы выявили внутри демографических циклов несколько фаз: роста, сжатия и экосоциального кризиса. Сергей Александрович убежден, что демографический фактор репрезентативен в своем влиянии на ход исторического процесса только в увязке с другими движущими силами истории той или иной страны.

Препарируя ход исторического процесса методами демографически-структурной теории, необходимо учитывать развитие технических инноваций, главным образом – военно-технических. При осуществлении факторного анализа истории императорской России автор предлагает самым тщательным образом учитывать наработки И.М. Дьяконова и других историков в области

теории военно-технологического детерминизма. В тексте монографии верифицируются применительно к российской истории имперского периода идеи М. Робертса, суть которых заключается в том, что в ходе военной революции происходит перераспределение ресурсов в структуре «государство–элита–народ», что может вызывать и, как правило, вызывало социальную напряженность и трансформацию самой данной структуры. Конечно же, самые глобальные общественные трансформации – это аграрная и промышленная революции.

Географический фактор, по мнению автора работы, является постоянным и априори формообразующим, в изучаемый период он не поддается воздействию других факторов и малодинамичен. Географические условия задают некие базовые параметры, в рамках которых и осуществляется социодинамика, определяемая взаимодействием вышеозначенных факторов общественного развития.

Региональная несинхронность и неравномерность, порождаемая техническими революциями в Западной Европе, обусловливала догоняющую модернизацию в странах Восточной Европы, включая Россию. Происходила она посредством разнообразных диффузий, но не путем прямолинейной вестернизации. Это касается и России, которая исторически как бы застрахована от завоеваний, и вместо вестернизации здесь имеет место некий синтез новаций и традиций, мощно влияющий на социокультурный облик триединой структуры «государство–элита–народ». Теории диффузионных и культурных кругов вполне метрологически приемлемы как для понимания глобального исторического процесса, так и для объяснения той или иной региональной и национально-государственной специфики. Они, синтезируясь с демографически-структурной теорией, восполняют ее объяснительные «пробелы».

С.А. Нефёдов не изобрел данную теорию, но важно другое: он ею воспользовался, проверил ее трактовочный потенциал. Именно данная трехфакторная модель верифицировалась громадным конкретно-историческим материалом со строгим соблюдением хронологической подачи. В этой связи автору удалось соблюсти меру в социологизации богатого эмпирического материала, и, как следствие, научный труд под названием «История Российской империи: факторный анализ» вполне можно рассматривать как учебник для пытливых умов. Конечно же, в большей степени это социально-экономическая история, описывающая и объясняющая цивилизационную трёхсотлетнюю траекторию Российской империи. Кстати, при чтении книги ни разу не сработал стереотип мыслить империю со времени Петра I. Период восстановления экономики, крестьянского «золотого века», начавшийся после Смуты, вполне вписывается в предлагаемую логику имперского развития нашего государства. В контексте тех признаков классических демографически-структурных циклов, которые обнаружил автор, логичными и исторически естественными – вне набивших оскомину негативных коннотаций – воспринимаются такие явления, как закрепощение, колонизация окраин, абсолютизм и другие функционально необходимые исторические состояния. Парадоксальность их в российской истории подчас состояла в том, что, к примеру, от крепостного права было сложнее отказаться, чем его трансформировать, но в рамках преодоления технологического отставания государство вынуждено было прибегнуть к радикальному шагу. Благодаря интерпретации истории Российской империи сквозь призму трехфакторного анализа многие явления убедительно предстали как *российские* феномены эволюционно-революционного процесса, например место и роль в нем российской интеллигенции.

Сквозная идея всей книги – это представление о крестьянстве как основном акторе исторического процесса. Кульминацией этой идеи, результирующим обобщением роли крестьянства в российском историческом процессе видится приятие и развитие исследователем концепции крестьянской природы революционных событий начала XX в. Характер и пределы диффузий в России обусловливались позицией крестьянства. Понятие «народ» невольно ассоциируется, если даже не отождествляется, с крестьянством. Между тем крестьянство как таковое презентуется автором недостаточно. На страницах книги это гигантское историческое явление выглядит как относительно пассивный объект воздействия детерминирующих факторов. А ведь крестьянство за счет своего особого механизма хозяйствования и, как следствие, особой социальности само по себе способно редуцировать исторический процесс. Подчеркивание характерологической роли именно крестьянства в революциях, завершивших имперский период российской истории, представляется как-то не преемственным что ли, не вытекающим из общей железной логики книги. В итоге складывается впечатление, что и в данном исследовании русский крестьянин остается «великим незнакомцем»[1].

Опираясь на множество фундаментальных теоретических трудов разных эпох, автор монографии сумел избежать как теоретико-методологического эклектизма, так и соблазна предписать задним числом историческому процессу логику долженствования в соответствии с предъявленной историко-философской теорией. Последняя для него, как и полагается в *настоящем* историческом исследовании, составляет лишь теоретическую гипотезу, постоянно и непредвзято проверяемую на достоверность тщательным описанием исторических фактов и результатов эмпирических исследований. Методология монографии – это не «голое» следование определенным теоретическим установкам, но выбор адекватных методов и способов выявления исторических смыслов. Что и требует науковедение и, соответственно, взгляд на историю как научную дисциплину. Смело можно утверждать, труд С.А. Нефёдова – это историософская заявка на осмысление объективных закономерностей *особой* истории Российской империи. Да-да, тех самых объективных закономерностей, анализ которых позволял бы решать очень непростую задачу *концептуализации* этой истории, не впадая при этом в вульгарный прогрессизм.

Приходится констатировать, что в историческом сообществе существует неудовлетворенная потребность в обобщающем научном труде, объясняющем нашу историю с цивилизационных позиций. Нельзя сказать, что таковых трудов в постсоветской исторической науке

нет. Однако отечественная историография пока только лишь приближается к такому состоянию, каким она могла похвастать в свое время – когда этот жанр по-своему исчерпали С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский. На уровне монографий с учетом богатой советской историографии практически все специальные аспекты, в частности истории Российской империи, эмпирически изучены, и элементы вербальной мозаики того, как оно было на самом деле, уже поврозь наличествуют. С.А. Нефёдов принадлежит к числу тех, чье сознание уже естественным образом не может не гармонизировать каким-то способом богатейшее историографическое наследие. Всякое историософское исследование обобщающего свойства подразумевает не нагромождение фактов и событий, а поиск внутреннего единства этих фактов и при этом постижения их специфики. Такое состояние описывал корифей отечественной науки Михаил Николаевич Тихомиров: «…Историческая правда никогда не лежит готовенькой для употребления. В расфасованном и упакованном виде она не выдается. До правды нужно доработаться. До-ра-бо-тать-ся» (цит. по: [4. С. 19]). Эмпирический материал в силу громадности элементной базы должен цельно зазвучать, что возможно только при том условии, если он будет базироваться на адекватной методологии.

Обращает на себя внимание следующая особенность рецензируемого научного труда. К сегодняшнему дню императорская Россия досконально изучена на уровне специальных, порою узких тем, действительно в части отдельной проблематики по относительно коротким историческим периодам можно сформировать конкретное понимание того, как оно было на самом деле. Однако в массе своей эти достойные к дальнейшему интегрированию в научный оборот эмпирические исследования выпадают в осадок. «Сшить» из всего объема исследовательского материала не лоскутную или же не тенденциозную, а цельную, теоретически стройную картину прошлого – удел отчаянных опытнейших историков, к каковым, безусловно, автор книги относится. Способность его филигранно обращаться с историографическим материалом облегчают читателю, будь то специалист-историк или же любитель, продуктивное восприятие как на эмоциональном, так и на смысловом плане. Вместе с тем так уж получается, что масштабные тексты оказываются с издательскими погрешностями, которые при переизданиях, как правило, выправляются. Не лишена таких нечаянных издержек и рецензируемая книга. Заметим, формальности ради, как пример, на страницах 32–34 дублируется текст.

Книга С.А. Нефёдова при всем том, что текст практически не содержит рассуждений о столь актуальном ныне цивилизационном взгляде на историю России, вносит колоссальный контекстный вклад в понимание исторической России как государства-цивилизации, ибо объясняет логику исторического процесса объективными закономерностями. Она лишена излишней социологизации. Никаких сомнений не возникает в том, что в истории значимые социально-экономические и политические изменения происходят благодаря одушевленным силам. Не редукция божественного промысла или же бездушных производительных сил, а человек – субъект, творец истории. По прочтении книги возникает устойчивое ощущение, что Российская империя – не такая уж фатально расколотая надвое в социокультурном отношении, то есть не категорически толпо-элитарная. Формула «государство–элита–народ» как некая равнодействующая множества факторно-обусловленных индивидуальных устремлений и сознательных действий является своеобразным демиургом имперского российского прошлого, да и настоящего. Опять же, оговоримся, – это субъективное восприятие содержания книги и некоторое домысливание. Ибо, как и в случае с крестьянством как социокультурным феноменом, относительно цивилизационного подхода складывается ощущение некоторой недосказанности. Ну это так, к слову, ибо прочтение книги имеет пролонгированный эффект. Наверное, многое в современной комбинации «государство–элита–народ» еще предстоит «умом понять», вербализировать, прежде чем наше будущее станет предсказуемо устойчивым и вера в него не будет мистической. То есть нам нужно ретроспективное понимание истории, чтобы перспектива не казалась туманной. Из чего и как преемственно оно должно образовываться, применительно к имперскому периоду Н.А. Нефёдов описал и объяснил, просто и доступно презентовал как исторический опыт, тем самым удовлетворив пока еще только в который раз в нашей истории формирующуюся общественную потребность. Как бы высокопарно ни звучало, это должно дать плоды в виде теории о России как государстве-цивилизации, а иначе нам в очередной раз реагировать на исторический вызов вслепую. В общем все, до чего до-ра-бо-тал-ся Сергей Александрович Нефёдов, обязательно к учету при осмыслении истории России.

Примечание

[1] Сборник хрестоматийных текстов под названием “*Peasants and Peasant Societies. Selected Readings*” был впервые издан на английском языке в 1971 г., и к 1992 г. он был переиздан семь раз, все время увеличиваясь в объеме. Перевод на русский язык этой книги ее составители (и авторы) Т. Шанин и В.П. Данилов решили назвать «Великий незнакомец» (см.: [3]), чтобы подчеркнуть недооценку крестьянского фактора советскими историками России как следствие идеологического давления. Кажется, проблема продолжает оставаться актуальной, хотя рецензируемый труд С.А. Нефёдова – явный признак того, что господству идеологии прогресса (как в советской, так и в антисоветской ее вариациях) приходит конец.

Список источников

1. Нефёдов С.А. История Российской империи : факторный анализ. Ереван : Fortis Press, 2024. 610 с.
2. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1989. 175 с.
3. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона; пер. с англ.: С.А. Белов и др. М. : Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
4. Поляков Ю.А. Корифеи отечественной исторической науки : воспоминания. М. : Ун-т академического образования, 1997. 78 с.

References

1. Nefedov, S.A. (2024) *Istoriya Rossiyskoy imperii: faktornyy analiz* [History of the Russian Empire: Factor Analysis]. Yerevan: Fortis Press.
2. Mogilnitskiy, B.G. (1989) *Vvedenie v metodologiyu istorii* [Introduction to the Methodology of History]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Gordon, A.V. (ed.) (1992) *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World: A Reader]. Translated from English by S.A. Belov et al. Moscow: Progress – Progress-Akademiya.
4. Polyakov, Yu.A. (1997) *Korifei otechestvennoy istoricheskoy nauki: vospominaniya* [The Luminaries of National Historical Science: Memoirs]. Moscow: Universitet akademicheskogo obrazovaniya.

***Сведения об авторе*:**
Толстов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: shpakras@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Tolstov Sergey I. – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpakras@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 14.10.2025; accepted for publication 15.11.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 98

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 16.12.2025 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 27,0. Усл. печ. л. 25,1. Тираж 50 экз. Заказ № 6600. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.12.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru